

Кубань- Україна

Выпуск 3
Краснодар 2008

«Кобзарь с мальчиком-поводырем». Фрагмент памятника Екатерине II в Краснодаре.
Автор академик М.О. Микешин.

Краснодарська крайова громадська організація «Співдружність Кубань – Україна»
Наукового товариства ім. Шевченка

КУБАНЬ – УКРАЇНА

питання історико-культурної взаємодії

КУБАНЬ – УКРАИНА

вопросы историко-культурного взаимодействия

ВИПУСК 3 ВЫПУСК

Краснодар
ООО «Картика»
2008

УДК 947.1/9(471.62)
ББК 63.3(235.71)
К 88

К 88 Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. Выпуск 3. Посвящается 70-летию В. Г. Захарченко. / Сост. А. М. Авраменко. - Краснодар: ООО «Картика», 2008. 350 с., ил.

Сборник содержит материалы конференций «Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия», проведённой 21 октября 2007 г., и «Шевченковские чтения – 2008. Историко-культурные связи Кубани и Украины: к 70-летию В. Г. Захарченко», проведённой 15–16 марта 2008 г. в Краснодаре. Предназначен для историков, филологов, географов, краеведов, студентов, учителей и всех, кто интересуется историей и культурой Украины и её взаимосвязями с Кубанью.

Збірник містить матеріали конференцій «Кубань – Україна: питання історико-культурної взаємодії», що відбулася 21 жовтня 2007 р., і «Шевченківські читання – 2008. Історико-культурні зв'язки Кубані та України: до 70-річчя В. Г. Захарченка», що відбулася 24–25 березня 2008 р. у Краснодарі. Призначено для істориків, філологів, географів, краєзнавців, студентів, вчителів та усіх, хто зацікавлений у вивченні історії та культури України, її стосунків з Кубанським краєм.

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук А. М. Авраменко (ответственный редактор), кандидат исторических наук В. В. Грибовский (*Днепропетровск*), доктор исторических наук М. Ф. Дмитриенко (*Киев*), кандидат биологических наук С. И. Осецкий, И. М. Скибицкая (ответственный секретарь), кандидат филологических наук В. К. Чумаченко.

Составитель сборника – А. М. Авраменко

Научные редакторы: А. М. Авраменко, В. К. Чумаченко.

Рецензенты:

доктор исторических наук А. К. Швыдько (*Днепропетровск*)
доктор филологических наук Г. П. Немец (*Краснодар*)

Печатается по решению Правления общества «Содружество "Кубань–Украина"», та Краснодарського осередку Наукового товариства імені Шевченка.

ISBN 978-5-9901033-8-2

© Коллектив авторов, 2008.

© Краснодарская краевая общественная организация «Содружество "Кубань–Украина"», 2008.

СОДЕРЖАНИЕ**ЗМІСТ**

<i>Авраменко А. М.</i> Третья збірка «Кубань – Україна» і деякі проблеми кубанської україністики	6–15
<i>Авраменко А. М.</i> Третий сборник «Кубань – Украина» и некоторые проблемы кубанской украинистики	15–25

**КУЛЬТУРНОЕ И ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ.
КУЛЬТУРНА ТА ПРИРОДНА СПАДЩИНА**

<i>Дудко В.І. (Київ)</i> Шість листів до Тараса Шевченка: проблеми відтворення тексту, датування та коментування	26–42
<i>Пукіш В.С. (Анапа).</i> Деякі зауваги щодо «кавказько-турецької» теми в творчості Олександра Духновича	42–46
<i>Чумаченко В.К.</i> Воспоминания Ф. А. Щербини (к проблеме этнокультурной идентичности автора)	46–61
<i>Білий Д.Д. (Донецьк).</i> Осмислення історії України та козацтва у творчості Василя Мови (Лиманського)	61–65
<i>Муртузова З.Д.</i> Вклад выпускников харьковского и новороссийского университетов в развитие экскурсионного дела на Кубани в досоветский период	65–70
<i>Чухлій С.О. (Харків)</i> Невідомий професор М. В. Ключков: огляд архівних документів	70–74
<i>Слуцкий А.И., Кирьянова О.В.</i> Судьба библиотеки Киево-Межигорского монастыря на Кубани: историографический аспект	74–86
<i>Бондарь В.В.</i> Украинское барокко в архитектуре Кубани конца XVIII – первой половины XIX в. (постановка проблемы)	87–92
<i>Гангур Н.А.</i> Традиционное жилище черноморских казаков (строительный материал и технологии, планировка и интерьер)	93–110
<i>Шапалова А.В.</i> Костюм черноморских казачек конца XVIII – середины XIX в. (по архивным источникам)	111–121
<i>Чурсина В.И.</i> Динамические процессы в семейной обрядности черноморских казаков и их потомков	122–131
<i>Миронов В.Л.</i> Возвращение коллекции и архива В. И. Бабича на Кубань	131–143
<i>Кольчева Л.Н. (Одесса).</i> Хаджибей и Одесса в истории украинского казачества	143–151
<i>Нагиевский В.В. (г. Тихорецк)</i> Связь символов украинского казачества и символов в гербах и на флагах муниципальных образований Краснодарского края	151–159
<i>Грушевский Д.В.</i> Шевченкиана в коллекции кубанского укранныведа В. К. Чумаченко	163–167
<i>Осецький С.І.</i> Порівняльний асортимент гарноквітучих рослин Північно-Західного Кавказу і Східних Карпат	167–183

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА XVIII – НАЧАЛА XX В. ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ КОЗАЦТВА XVIII – ПОЧАТКУ XX СТ.

<i>Полтораки В.М. (Одеса). Міжнародне право та міжнародні відносини в Приазов'ї як фактори запорозько-донських взаємин 1734–1775 рр.</i>	184–193
<i>Грибовський В.В. (Дніпропетровськ). Тенденції трансформації постстарних структур запорозького козацтва в останні десятиліття існування Запорозької Січі.</i>	194–213
<i>Сапоженников І.В. (м. Іллічівськ Одеської обл.) Внесок Олександра Рябініна-Скляревського у вивчення історії українського козацтва</i>	214–224
<i>Фролов Б.Е. Спорные вопросы переселения черноморских казаков на Кубань (опыт анализа одной главы «Истории Кубанского казачьего войска» Ф. А. Щербины)</i>	224–228
<i>Самовтор С.В. Переселение казаков из украинских губерний на Кубань в документах Полного собрания законов Российской империи</i>	229–248
<i>Тернавский Н.А. (ст. Елизаветинская). Станица Елизаветинская: имя на карте и в истории</i>	248–252
<i>Скибицкая И.М., Самовтор С.В. Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века: Исторические документы. Краснодар: ООО «Диапазон-В», 2006. 520 с. (Рецензия)</i>	252–256

УКРАЙНЦЫ КУБАНИ В 1920-Е – НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ И ГОЛОДОМОР 1932–1933 ГГ.

УКРАЇНЦІ КУБАНИ В 1920-І – НА ПОЧАТКУ 30-х РОКІВ І ГОЛОДОМОР 1932–1933 РР.

<i>Климчук Ф.Д. (Минск). Расселение этнических украинцев на юге и юго-западе России (по материалам переписи 1926 г.)</i>	257–285
<i>Хлынина Т.П. (Майкоп). Русские, великороссы и украинцы...: методика подсчёта и численность украинского населения в Адыгее в 1920-е гг. ..</i>	286–291
<i>Иванцов И.Г. Мероприятия Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) по украинизации кубанских районов 1922–1932 гг. (на материалах районных контрольных комиссий)</i>	292–311
<i>Кульчицкий С.В. (Київ). Голодомор 1932–1933 рр. на Кубані</i>	312–324
<i>Ракачёв В.Н. Голод 1932–1933 гг. на Кубани и его демографические последствия</i>	325–344
Список сокращений	345
Список иллюстраций	346
Сведения об авторах	347–348

Составители сборника выражают благодарность за финансовую поддержку:
генеральному директору ООО «Центр-Юг-Жилпромстрой»
В. Н. Тищенко,
председателю Краснодарской региональной общественной организации украинская диаспора «Содружество» А. А. Слободяну
Учредителю ККОО «Содружество Кубань-Украина» заслуженному тренеру России В. Н. Красноштанову.

К 70-летию Виктора Гавриловича Захарченко.

В марте 2008 года Герой труда Кубани, профессор Виктор Захарченко отметил свое 70-летие гастролями по России и всей Украине. От Киева до Львова на концертах Кубанского казачьего хора звучали русские и украинские народные песни, казачьи-походные, исторические и шуточные. Известные, которые весь зал подпевал, и неизвестные, записанные в какой-нибудь кубанской станице и получившие новую жизнь. Старинные и современные.

Восхищенная творчеством кубанцев украинская пресса отмечала, «танцевальная группа на каждый танец выходила в новых нарядах. Юбки девушек вздымались колоколом. Парубки кружились волчком над сценой, летали на руках и на носочках, делали сальто и шпагат. А когда в воздухе соприкасались шашки – летели во все стороны искры». А какие голоса в кубанском хоре! Выходит вся тоненькая с косичкой, прямо светится, а как запоет... Голос могучий. споет соло и скромно затеряется в общем хоре. А в мужских голосах такая убедительная сила да удаль... «Засвистали козаченьки!» и весь зал в восторге. В эти моменты и приходят на ум строки Великого Кобзаря: «Наша дума, наша пісня / Не вмре, не загине... / От де, люде, наша слава, / Слава України! / Без золота, без каменю. / Без хитрої мови, А голосна та правдива, / Як Господа слово».

Болью в сердце отзывается у потомственного черноморского казака, для которого русское и украинское неразделимо – отрыв Украины от России. Трещина прошла прямо по его сердцу. Может быть, поэтому самое им выстраданное – песни на стихи Тараса Шевченко и Леси Украинки, – песни, которые вызывают слезы у русских и поднимают ни ноги многотысячные аудитории в Украине. На встрече в Краснодаре с Виктором Гавриловичем наших украинских коллег поразила одна фраза: «...если на моем концерте не плачут, значит, концерт не удался!». Но зрители не только плачут, они стоя приветствуют Кубанский казачий хор!

Всё в мире закономерно, поэтому и должен был родиться на богатой прекрасными народными песнями и танцами, обрядами и традициями кубанской земли человек, который собрал все эти сокровища по казачьим станицам и возвратил их зрителям в первозданном виде. Виктор Гаврилович Захарченко возвысил казачью песню до мирового звучания!

Многая лета!

И. М. Скибицкая

ТРЕТЯ ЗБІРКА «КУБАНЬ – УКРАЇНА» І ДЕЯКІ ПРОБЛЕМИ КУБАНСЬКОЇ УКРАЇНІСТИКИ

Третій випуск збірки «Кубань – Україна» містить матеріали двох конференцій, що були проведені в Краснодарі 21 жовтня 2007 р. і 15–16 березня 2008 р., а також ряд статей, присланих авторами з міст України, які з різних причин не змогли бути присутніми на конференціях особисто. Не можна не визнати, що це стало можливим тільки завдяки енергії і неабияким організаторським здібностям І. М. Скибіцької. Вона згуртувала ентузіастів, не маючи ніякої державної підтримки, діючи всупереч шипінню недоброзичливців, для котрих будь-яка спроба обговорювати проблеми української історії і культури означає «націоналістичний шабаш».

Наша мета – не політичні гасла. Ми намагаємося робити те, чого не роблять державні діячі – намагаємося зберегти наукові і культурні зв'язки Кубані з Україною. Російські чиновники люблять поговорити про те, як гноблять росіян в Україні: закривають російські школи, витісняють російську мову з телебачення і т. д. Але в Україні скрізь є російські школи, а в бібліотеках, книгарнях і кіосках переважає російськомовна література. В той же час на території Росії немає жодної державної української школи, є тільки одна Бібліотека української літератури в Москві, яку нещодавно розгромили за вказівкою московських урядовців, по-варварськи знищивши газетний фонд. Це відбулося 19 листопада 2007 року: було знищено понад 900 комплектів українських газет (більше 200 назв) українською та російською мовами за 1988–2005 роки. До того ж були звільнені кваліфіковані фахівці. Лише протести української громадськості, зокрема з-за кордону, змусили чиновників заявити, що бібліотека буде збережена, але її директором призначили Н. Г. Шаріну, яка не розуміє української мови і публічно демонструє презирство до всього українського.

Цікаву думку щодо проблеми української мови в Росії та російської в Україні, висловив у газеті «Завтра» Олександр Нагорний: «Осібно стоїть питання про статус російської мови як другої державної мови України. Враховуючи з первинної російськомовності майже 30 млн. населення Сходу та Півдня України, відповідні вимоги Києва про надання українській мові статусу державної на території РФ видаються абсолютно абсурдними. Тим не менше, на такий крок можна й треба погодитися з метою дотримання транспарентності та симетричності законодавства – лише передавши вирішення та реалізацію даного питання на регіональний і муніципальний рівні» [1]. Але сподіватися, що російська регіональна та муніципальна влада візьме на себе таку ініціативу було би наївно.

Постійно ми чуємо, що росіяни, українці і білоруси – три братські народи. Але в сучасній Росії влада чинить тиск на діячів української культури. Про це може прочитати на сайті «КОБЗА – Українці Росії» (www.kobza.com.ua) будь-який охочий. Вороги Росії й України, які готові на будь-яку провокацію, аби не допустити нормалізації відносин між нашими країнами і народами, більше всього бояться зближення між нами. Тому витратимуться гроші на книги і статті, які

пишуть на замовлення, провокаційні телепередачі, мітинги і навіть на кримінальщину. Якщо в Росії не хочуть бачити проблем українців Росії, то результати мають бути вельми сумними для самої Росії. Так, у четвер, 28 лютого 2008 року біля посольства Російської Федерації у Києві відбулося пікетування під гаслом «Почуйте голос України!». Представники громадськості вивели протест проти вбивств активістів української громади Росії, зажадали відновлення сотень українських шкіл, які були ліквідовані в 1933 році, збереження Бібліотеки української літератури в Москві і т. д.

Про те, що українська мова в Росії витиснена на узбіччя, говорять і дані Російської книжкової палати:

Випуск книг і брошур в Росії на мовах народів світу в 2007 р. [2]

	Кількість назв книг і брошур	Загальний наклад, тис. примірників
Всього	108 791	665 682,7
Зокрема:		
російська	106 225	658 122,9
татарська	173	524,2
башкирська	159	564,6
якутська (саха)	115	428,5
чуваська	57	135,0
українська	34	151,3

Випуск перекладної літератури в Росії в 2007 р. [3]

	Кількість назв книг і брошур	Загальний наклад, тис. примірників
Всього	12 007	81 575,6
Зокрема:		
з аварської	5	63,3
з башкирської	10	15,7
з білоруської	1	1,0
з угорської	13	43,1
з івриту	11	45,5
з української	8	21,0

Якщо навіть в перекладі з аварської мови, з івриту, з угорської мови друкують більше книг, ніж у перекладі з української (всього 21 тис. примірників), то це означає, що українську літературу, як і білоруську, просто не бажають бачити книговидавці. А як же заяви про братерство і дружбу народів?

Українські політики також люблять гарні фрази, наприклад про те, що треба допомагати українській діаспорі, яка зазнає в Росії неймовірних труднощів. Але справа не посувається далі гарних фраз. Україна не робить для українців діаспори НІЧОГО. Відомий патріот України, професор Краснодарського університету культури та мистецтв В. К. Чумаченко ще в 2005 р дав песимістичне інтерв'ю

газеті «Вісник Товариства українців Кубані» під заголовком: «Прощай, Україно, ми буди останніми...» На жаль, він має рацію: навіть на Кубані процеси асиміляції зайшли надто далеко. З 1930-х років на Кубані немає жодної української школи, в бібліотеках були знищені всі книги українською мовою, ні в магазинах, ні в кіосках немає в продажу українських книг, часописів і газет. Українською поки що ще звучать пісні, але, здається, скоро і їх треба буде перекладати молодому поколінню.

Якраз зараз, коли населення України скорочується, а українська діаспора в Росії та інших країнах асимілюється і поступово зникає, треба вдатись до термінових заходів зі збереження українського етносу в усьому світі. Зовсім недавно президент України Віктор Ющенко на відкритті ІХ Конгресу СКУ заявив: «Українці за кордоном та українці в Україні – єдиний національний організм». Але насправді українці діаспори визнаються в Україні за іноземців і не мають шансів отримати хоч би паспорт закордонного українця, щоб бути частиною «єдиного національного організму». Політика такої самоізоляції шкодить тільки Україні. На жаль, цього зараз не розуміють в Україні ті, від кого залежить прийняття рішень.

Замість цього чиновники живуть химерами – видумують заходи, що або не виконуються, або не фінансуються. На сайті <http://zakon.rada.gov.ua> можна ознайомитися з розпорядженням Кабінету Міністрів України від 23 квітня 2008 р. № 668-р – це план першочергових заходів на 2008–2009 рр. стосовно зв'язків з українцями, що проживають поза межами України. Тут згадуються заходи, які торкаються українських громадських організацій у Краснодарському краї: організаційно-методична підготовка відкриття кафедри українознавчих дисциплін на базі Кубанського державного університету і, разом із Краснодарською крайовою громадською організацією «Співдружність Кубань – Україна», реалізація таких проєктів як вивчення українського етносу на Кубані, створення української бібліотеки в Краснодарі, а також підготовка монографії «Українці на Кубані: аналіз етнотомографічної історії», «Українці в 1932–1933 рр.: досвід виживання у тоталітарному суспільстві», «Кубанські українці в пошуках ідентичності: історія та сучасність». Цілком імовірно, що всі ці проєкти були б реалізовані, якби українські організації, що знаходяться на території РФ, одержували реальну підтримку.

Політики з тупою байдужістю руйнують те, що нас пов'язує з Україною, тому наше завдання – робити все, щоб наукові, культурні та інші відносини з Україною продовжувалися і зміцнювалися. Саме для цього створено «Співдружність Кубань-Україна». А якщо хтось думає, що підтримка зв'язків з Україною захоочує український сепаратизм, то таким діячам треба терміново звернутися до психіатра, бо українці, що є громадянами Росії, ніякою сепаратистською діяльністю не займаються. Загроза єдності Росії таїться не в українському чиннику, а в кавказькому, ісламському. Нарешті, Росію ведуть до вимирання і розпаду самі російські чиновники. Москва жиріє від величезних грошей і давно вже стала не серцем, а черевом Росії. Розрив у рівні розвитку між регіонами зростає і це створює тенденцію до розпаду держави. Московські діяки скуповують власність у провінції, зокрема в Краснодарському краї, поводяться, як

в колонії. У відповідь населення, що зuboжило, в регіонах ненавидить «нових росіян», особливо москвичів, хоча свої хижакі нічим не краді.

Російські урядовці лицемірно заявляють про те, що стурбовані становищем російської культури на теренах України. Насправді їх не турбує навіть загибель російської культури в самій Росії. Культурне здичавіння чиновників ми спостерігаємо щодня. Вони розуміють тільки мову грошей. Невтомний борець за збереження давньоруської спадщини мистецтвознавець-реставратор С. В. Ямщиков нещодавно сказав, що Псков менше постраждав у роки фашистської окупації, ніж за останні п'ять років. Коли «нові росіяни» хочуть захонити винятне місце в центрі міста, там горить чергова церква або інша пам'ятка старовини, після чого з'ясовується, що земля звільнена, і перешкоди для будівництва більше немає. У Краснодарі ми також бачимо, як іде знищення історичного центру міста, а поруч з нами завершується ударне будівництво «Палацу правосуддя» саме в тому місці, де закон забороняє що-небудь будувати. Якщо порушником закону є сам Крайовий суд, то про яке дотримання закону взагалі можна говорити в такій країні? Багато людей, що зневірилися, хочуть жити в цивілізованому суспільстві, і саме тому емігрували з Росії і України. Але ми живемо тут, в Росії, і намагаємося на своїй маленькій ділянці зберігати культурні традиції, займатися наукою, сприяти розвитку наукових зв'язків з Україною. Заради цього ми збираємося на конференції, видаємо книги, шукаємо однодумців.

Найбільш представницькою і продуктивною стала ІV конференція «Кубань - Україна», проведена 15-16 березня 2008 року в Малому залі Кубанського козачого хору. Цього разу конференція відбулася як «Шевченківські читання - 2008: історико-культурні зв'язки Кубані і України» і була приурочена до 70-річчя народного артиста Росії і України, генерального директора і художнього керівника Кубанського козачого хору В. Г. Захарченка. В цілому на ній були присутні близько 100 осіб, зокрема викладачів вищих навчальних закладів Краснодара і Донецька, наукових співробітників архіву і музеїв, бібліотечних працівників, учителів, краєзнавців, діячів мистецтва, студентів Кубанського державного університету і Краснодарського державного університету культури і мистецтва, представників козацтва, журналістів з Одеси (але не з Краснодару!), кінооператор з Кисва, представник Абхазького телебачення (але чомусь не Краснодарського!) і навіть деякі учні старших класів школи мистецтва імені В. Г. Захарченка. Географія учасників також була набагато різноманітніша, ніж на колишніх конференціях: Краснодар, Київ, Одеса, Донецьк, Харків, Миколаїв, Анапа, Апшеронськ, Кропоткін, Кореновськ, Сухум, станиця Саратовська, Павлівська, Тбіліська і Калузька, селища Мезмай, Первомайський (м. Гарячий Ключ).

З вітанням до учасників конференції звернувся директор Причорноморської академії мовних технологій і комунікації етносів України, голова Одеської регіональної організації журналістів Ю. А. Работін. Він розповів про проведення щорічного загальнонаціонального конкурсу журналістів України «Українська мова - мова єднання козацької держави». За ним вельми емоційно виступила представниця Одеси Л. Н. Кольчева - автор проекту Національного заповідника козацької слави. Вона звернула увагу учасників конференції на те, що в

Краснодарі недавно був відтворений пам'ятник Катерині II за підтримкою кубанського козацтва, місцевої громадськості та адміністрації краю, але в Одесі відтворення пам'ятника Катерині II викликало запеклий опір місцевих козацьких організацій, які влаштували пікетування і подали до суду, вимагаючи демонтувати пам'ятник на тій підставі, що ця імператриця знищила Запорозьку Січ і заподіяла багато шкоди Україні. Вже ці факти говорять про те, що науковці повинні багато працювати над освітою людей, позбавляючи їх від історичних міфів.

На жаль, науковий пошук утрудняють не тільки фінансові труднощі, але і непорядні методи, що часом уживають окремі члени наукової громадськості. Перед початком роботи другого дня конференції – 16 березня 2008 року, професор М. І. Бондар виступив з дивною заявою про те, що конференція відразу почалася неправильно, а деякі доповідачі допускали популістські, «явно проплачені», вислови. Хоча при цьому нікого конкретно не назвав і не вказав, кому і скільки заплатили. До цього можна додати, що гроші на оренду залу і на харчування учасників конференції виділив Кубанський козацький хор, коштом якого, до речі, утримується і Науково-дослідний центр традиційної культури Кубанського козачого хору, який очолює М. І. Бондар. Нічого іншого «проплаченого» виявити не вдалося. Будучи також останнім за порядком денним доповідачем, М. І. Бондар, не зважаючи на регламент, тривало переконував слухачів, що чорноморські козаки, що стали частиною Кубанського козацького війська, вже в середині XIX століття не вважали себе українцями, що сформувалася нова етнічна спільність у складі російського народу – кубанські козаки, а зараз кубанська «балачка» перетворилася на діалект не української, а російської мови! Ймовірно, шановний професор не намагався заглянути в словники: в російській мові немає слова «балачка» – це українське слово. Зрозуміло, що українська мова для кубанців не може бути чужою: на цій мові і зараз співають пісні в кубанських станицях, на ній виконуються пісні Кубанським козацьким хором. А В. Г. Захарченко готує нову концертну програму, цілком побудовану на віршах великого Кобзаря. Дивно, але директор Науково-дослідного центру традиційної культури Кубанського козачого хору професор М. І. Бондар намагався довести учасникам конференції, що це не українська мова, а кубанський діалект **російської мови**. Відповімо йому словами кубанських пісень:

Засвістали козаченьки в похід з півночі
Заплакала Марусенька свої ясні очі
Не плач, не плач, Марусенько, не плач, не журися
За свого миленького Богові помолися.

Їхав козак за Кубань, приубрався як тій пан
Кінь жвавий, сам бравий, хоч куди козак.
Мушкетюга у чохлі, а шаблюка при боці
Ратище довгес, чому не козак!

Цікаво, може ці пісні, записані на Кубані, теж на діалекті російської мови? Тоді чому кожне слово тут зрозуміле українцям, які із захопленням приймають кожен таку кубанську пісню у виконанні Кубанського козачого хору під час гастролей в Україні? Нагадаємо шановному професорові, що в репертуарі

народних пісень Кубанського козачого хору, який фінансує роботу згаданого Науково-дослідного центру традиційної культури, є і пісня «Ще не вмерла Україна»... Цікаво, про це ще не повідомив М. І. Бондар «компетентні органи»? Адаже у нього досвід є. Так, в жанрі політичного доносу (мабуть, невиншадковим був і підзаголовок – «замість рецензії») він надрукував відгук на малотиражну вузькоспеціальну наукову збірку, що була видана його колегою по кафедрі етнологом І. В. Кузисновим. Надрукувавши цю рецензію у часописі «Голос минулого» [4], М. І. Бондар повторив її ж в газеті, що виходить масовим накладом!

Можна не погоджуватися з науковими доказами опонента, але публікувати рецензію у вигляді доносу, щонайменше, неетично. Подібні методи, до яких вдавався в пушкінські часи Ф. Булгарін, дали привід сучасникам вважати його агентом III Відділення. Узявши на себе місію голови «охоронного напрямку» в місцевій етнології, професор не міг змиритися з тим, що пролунали ідеї, які суперечили його переконанням. Відчувши конкурента, або із заздрості, М. І. Бондар може піти на вельми несподівані вчинки. Так, коли В. І. Чурсіна готувалася до захисту докторської дисертації, один з офіційних опонентів, ростовський історик А. В. Венков, позитивно відзивався про дисертацію, але напередодні захисту з ним розмовляв по телефону М. І. Бондар, після чого А. В. Венков раптово відмовився опонувати без будь-яких коментарів. Це змусило перенести захист на півтора місяця, щоб знайти іншого опонента. Але захист все-таки відбувся успішно, всупереч інтригам. Поза сумнівом, порядна людина вступила би публічно з викладом своєї точки зору в пресі або під час диспуту.

М. І. Бондар насаджує в Краснодарському краю теорію, згідно якої на початку ХХ ст. у Кубанській області склався єдиний субетнос «кубанське козацтво», що відірвався від українського народу. Ця теорія розкритикована у київському часописі «Пам'ятки України» професором Н. А. Супрун-Яремко, але найдетальніше – в спеціальній статті київської дослідниці Л. Москаленко [5]. Поза сумнівом, що етнічна самосвідомість аж геть не рівнозначна розмовній мові. Ясно і те, що поступово відбувається асиміляція українців на Кубані. Але етапи змін в етнічній ідентичності, а також еволюції розмовної мови ще належить вивчати.

Український лінгвіст і літературознавець М. Садиленко (1882-1973) писав, що «кубанський говір з цілковитою підставою можна вважати найбільш чистою і найбільш збереженою частиною української мови» [6]. Інший лінгвіст І. Шаля (1891-1937) також відзначав, що словниковий матеріал зберігся на Кубані «ледве чи не краще, ніж на Україні. У мові кубанців трапляється чимало архаїзмів, що на Україні уже забуті» [7]. Але ці статті були надруковані в 1927-1929 рр., а у наш час такий висновок вже навряд чи буде правомірний: асиміляція кубанців у радянську і сучасну добу привела до незворотних наслідків, і здається, що українську мову в Краснодарському краї федеральна і місцева російська влада готова реабілітувати лише посмертно. У сучасному Краснодарі на вулицях не чути української мови.

Підозрюючи в організаторах конференції «сепаратистів», що влаштували «націоналістичний шабаш» (такі чутки почали розповсюджувати відразу після конференції співробітники М. І. Бондаря), професор сам вчинив як сепаратист: він

відмовився взяти участь у нашій спільній збірці «Кубань – Україна» і вирішив надрукувати свою окрему збірку статей, що само по собі не заборонено. Ми, до речі, не бачимо нічого поганого в тому, що в одній книзі вийшли б статті авторів, що дотримуються протилежних поглядів – читачеві було б цікаво порівняти їх аргументи. Але Микола Іванович вважає, що є лише дві точки зору – його власна і «неправильна». А тому за вказівкою шефа В. М. Бурася почав обдзвонювати доповідачів і поширювати інформацію про те, що треба здавати всі тексти М. І. Бондареві, оскільки саме він видаватиме матеріали конференції. Більш того, деякі співробітники М. І. Бондаря (зокрема, ті, що не брали участь в її роботі) почали поширювати чутки про уявний провал конференції. Бог їм суддя! На всі ці підступи ми можемо відповісти тільки виданням 3-го випуску збірки «Кубань – Україна: питання історико-культурної взаємодії», а висновки і оцінки хай зробить Читач. Сподіватимемося, що опубліковані матеріали викличуть інтерес і допоможуть справі взаєморозуміння і зближення між нашими країнами і народами.

Цікаво, що у виданій збірці М. І. Бондаря [8] з 17 публікацій 9 присвячено В. Г. Захарченку, але немає жодної про Т. Г. Шевченка або про історико-культурні зв'язки з Україною. Тоді навіть М. І. Бондар запозичив у нас назву збірки – «Кубань – Україна», додавши до нього підзаголовок: «Шевченківські читання – 2008. Історико-культурні зв'язки Кубані і України»? Це виглядає комічно, подібно оповіданню О. Генрі «Королі й капуста», де події розгортаються на острові, де було все, окрім королів (оскільки це була республіка) та капуети, а її так хотів головний персонаж оповідання! Тим більше що в передмові М. І. Бондар засмучується тим, що на конференції «в різних поєднаннях висловлювалися ідеї... про пригнобленість української культури в Краснодарському краї, про те, що треба "рятувати українську культуру" в цьому регіоні і в Росії, про цільову закупівлю і продаж літератури українською мовою, відкриття українських шкіл і "українських православних храмів" (?) на Кубані, і тому подібне» (с. 4).

У прикінцевій статті своєї збірки М. І. Бондар підвів підсумки дослідження: «Слідів українського субетносу на Кубані не виявлено. Дискусії навколо кубанського козацтва, його етнічної суті пояснюються досить просто. Хтось і чогось посилено працює над проектом створення могутньої української діаспори, на зразок класичної вірменської, що сформувалася, і конструйованої польської, яка б лобіювала соціально-економічні і політичні інтереси певних кіл. Цим пояснюються побажання, частково реалізовані, про створення своїх різнопланових організаційних, координуючих структур, українських шкіл, своїх ЗМІ, обов'язкової закупівлі (або видання) книг українською мовою, відкриття українських православних храмів (?), і тому подібне» [9]. Упізнасте стиль? Тепер у «компетентних органів» є робота...

До речі слід цієї роботи недавно виявилися в Ростові-на-Дону, де несподівано з'явився Центр україністики Південного федерального університету на чолі з Е. А. Поповим, що не був раніше відомий на терені україністики. Його Центр планує підготовку різного профілю фахівців по Україні. 19 грудня 2008 року вже проведено їх першу конференцію «Геноцид і культурний етноцид русинів Карпатської Русі», яку в Україні цілком можуть сприймати, як свідому

провокацію з метою дестабілізації становища в державі. І кошти у Е. А. Попова зразу ж знайшлися! А «Співдружність Кубань – Україна», що видає третю збірку статей після чотирьох конференцій, ні російська влада, ні українська ніяк не бажать підтримувати і навіть помічати!

Ось що повідомляє Е. А. Попов на Інтернет-сайті «Кобза. Українці Росії» про своїх кубанських колег, що по двадцять-тридцять років працюють на півні південноросійського українознавства і написали сотні наукових праць: «Кваліфікованих експертів по Україні катастрофічно не вистачас... Є, втім, ряд дослідників і організацій. перш за все, у Краснодарі (не будемо називати їх на ім'я), що щільно окупували українську проблематику з суто меркантильних міркувань. Отримуючи фінансування із закордонних фондів, ці вчені говорять лише те, що хочуть почути їх грантодавці. Навіть записуються в "етнічні українці"». (М. І. Бондареві на замітку!)

Гідну відповідь на тому ж сайті помістив заслужений працівник культури Кубані та України, керівник кубанського осередку Наукового товариства імені Шевченка, професор, кандидат філологічних наук В. К. Чумаченко: «Читаючи цю безсоромну брехню, задасяся здивованим питанням: хто заважав цій людині ще років двадцять тому "щільно окупувати українську тематику", і навіщо тепер він обмовляє тих, хто спихнув на себе в ті важкі роки цю нелегку ношу? Про які закордонні гранти і грантодавців він товмачить, якщо, наприклад, я, провідний україніст Кубані, за все своє життя отримав лише два гранти: один від Міністерства культури Росії, а другий – від Російського гуманітарного фонду, що заснував спільно з адміністрацією Краснодарського краю грант "Північний Кавказ: традиції і сучасність". І це все. Також ніяких закордонних грантів піколи не отримував ніхто з моїх колег. Але після відомого вислову одного нашого державного діяча, що раніше працював у спецслужбах, про шкідливість зарубіжних грантів, наклепники всіх мастей узяли на озброєння це універсальне знаряддя розправи зі своїми опонентами. Адже від нього так солодко пахне отрутою, контррозвідкою і шпигунством. Воно ефективне, тому що пускає по сліду жертви всіх собак, навіть якщо вона, ця жертва, ні в чому не винна».

Але повернемося до нашого кубанського опонента. Українська дослідниця кубанського походження Н. А. Супрун-Яремко відзначає упереджене відношення до українського етносу з боку М. І. Бондаря, який накладає повне табу на слова «українці» і «український» [10]. Відповідаючи М. І. Бондареві, вона пише: «Чи можна вважати правим одного з нащадків, який за допомогою теоретизованих доказів, повністю відірваних від аналітичних досліджень "інтосаційного словника" пісенного фонду, приходять до висновку про сформоване уніфіковане єдиносистемне "диво", що назване "традиційною культурою кубанського козацтва"? Як відбулося розчинення українського субетносу, якщо і тепер функціонують рівновеликі його етнічні показники – мова і пісня, про що свідчать і 30-тисячний пісенний фонд науково-творчої установи "Кубанський козацький хор" із значним потенціалом саме українських пісень, і наші цілеспрямовані фольклорні експедиції в 62 поселення історичної Чорноморії? Відповідь на поставлені питання може бути одна: не зникли українці на Кубані, не розчинилися в природних і штучно організовуваних асимілятивних і репресивних процесах, в умовах соціальних і військових катаклізмів, у відсутності власної державності,

при недоліку інтелегентно-інтелектуального авангарду так само, як не дійшла до єдиного формоутворення їх матеріалізована духовність» [Там само, с. 54–55].

Проведений Н. А. Супрун-Яремко аналіз величезного пісенного матеріалу (більше 1000 пісень), вивчення безлічі інших джерел дали їй «можливість і моральне право зняти табу з теми "українці Кубані", накладене М. Бондарем. Кубанський етнограф для підтвердження своєї ідеологемі "кубанське козацтво – це субетнос російського етносу" здійснив дослідницьку процедуру моделювання традиційної культури кубанського козацтва настільки упереджено і штучно, що багато його висновків втратили контури сенсу, а сам вчений з'явився апологетом тих патологічних мутацій, які потрібно було б не захищати, а комплексно аналізувати, привертаючи до цього не тільки істориків, політологів і культурологів (зокрема з України), але й, перш за все, фахівців у галузі етномузикознавства, досвідчених в історичних і етносоцетичних питаннях українського пісенного фольклору» (Там само, с. 55).

«Хотілося б, щоб серйозний і завжди шукаючий етнограф-енциклопедист М. І. Бондар, – пише далі Н. А. Супрун-Яремко, – до багатоаспектної діяльності якого можна ставитися тільки з незмінним респектом, зрозумів, що його об'єктивною бідою (а не провинною) є національна дезорієнтація, втрата української енергетики, аури і глибинного розуміння сенсу відомої питальної сентенції "а чий батьків ми діти".

Кубанський субетнос з покоління в покоління пізнавав дію жорстокої системи обмежень і заборон своїх національних прав. "Починаючи з другої половини XVIII ст. в Україні, а незабаром і на Кубані, – читаємо в статті-рецензії О. Стрижка, – поступово були заборонені... українська церква, держава, армія, школа, література, театр, преса і, нарешті... мова і особова свобода, що прирєкло українську націю на згасання і деморалізацію". Прирєчені на існування в умовах таких антилюдських процесів, в науці толерантно названих впливами іноетнічної метрополії, українці Кубані неминуче підпадали під ці впливи, внаслідок чого поступово втрачали стародавню національну самосвідомість – або повністю, або з деякими залишками колишньої етнографічно-регіональної свідомості. /.../ велика частина станичників в побуті користується кубансько-українською говіркою ("балакає"), на цьому ж говорі (діалектній мові) співає "свої" давні і сучасні пісні, дотримується (а зараз все активніше) деяких традиційних обрядових і культових свят. От чому таким насущним стає питання про створення умов для встановлення в Краснодарському краю різнорівневого українського руху - науково-дослідницького, художнього, просвітницького, шкільного, масово-інформаційного, – з якого почнеться природний і здоровий процес поглибленого пізнання українцями Кубані свого коріння та етнокультурних традицій» [Там само, с. 56].

Хто має рацію в цій суперечці – вирішувати вченим, але замість істерики і доносів у «компетентні органи» новинні використовуватися чисто наукові аргументи.

ДЖЕРЕЛА І ПРИМІТКИ

1. *Нагорный А.* От Донбасса до Карпат: Украина сегодня и завтра // *Завтра*. 2008. №22. С. 5
2. PRO №278: Профессиональное приложение к газете «Книжное обозрение». 2008. №10. С. 1.
3. Там же. С. 4.
4. *Бондарь Н.И.* «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды». Ст. 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации (вместо рецензии) // *Голос минувшего: Кубанский исторический журнал*. Краснодар. 2000. №1/2. С. 85–87.
5. *Супрун-Яремко Н.* Народна пісня українців історичної Чорноморії в контексті історії і сучасності // *Пам'ятки України: історія та культура*. Київ, 2005. №3/4. С.64–66; *Москаленко Л.* Кубанські контрверзи // *Пам'ятки України: історія та культура*. Київ, 2005. №3/4. С.116–139.
6. Там же. С. 54.
7. Там же. С. 58.
8. *Кубань – Украина. Шевченковские чтения – 2008. Историко-культурные связи Кубани и Украины: к 70-летию В.Г.Захарченко: методические материалы научно-практической конференции: (избранные доклады) / науч. ред. и сост. Н. И. Бондарь.* - Краснодар: Пресс-Имидж, 2008. 152 с. Тираж 300 экз.
9. *Бондарь Н.И.* Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиций в условиях Кубани // *Кубань – Украина. Шевченковские чтения – 2008. Историко-культурные связи Кубани и Украины: к 70-летию В.Г.Захарченко: метод. материалы науч.-практ. конф.: (избранные доклады).* - Краснодар: Пресс-Имидж, 2008. С. 141.
10. *Супрун-Яремко Н.А.* Украинский субэтнос на Кубани // *Культурная жизнь Юга России*. Краснодар, 2003. №3. С. 54.

© 2008 г., А. М. Авраменко

ТРЕТИЙ СБОРНИК «КУБАНЬ – УКРАИНА» И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУБАНСКОЙ УКРАИНИСТИКИ

Третий выпуск сборника «Кубань – Украина» содержит материалы двух конференций, проведенных в Краснодаре 21 октября 2007 г. и 15–16 марта 2008 г., а также ряд статей, присланных авторами из городов Украины, которые по разным причинам не смогли присутствовать на конференциях лично. Нельзя не признать, что это стало возможным только благодаря энергии и незаурядным организаторским способностям И. М. Скибицкой. Она сплотила энтузиастов, не имея никакой государственной поддержки, действуя вопреки шипению недоброжелателей, для которых любая попытка обсуждать проблемы украинской истории и культуры означает «националистический шабаш».

Наша цель – не политические лозунги. Мы пытаемся делать то, чего не делают государственные деятели – пытаемся сохранить научные и культурные связи Кубани с Украиной. Российские чиновники любят поговорить о том, как притесняют русских на Украине: закрывают русские школы, вытесняют русский язык с телевидения и т. д. Но в Украине повсюду есть русские школы, а в библиотеках, книжных магазинах и киосках преобладает литература на русском языке. В то же время на территории России нет никаких государственных украинских школ, есть только одна Библиотека украинской литературы в Москве, которую недавно разгромили по указанию московских властей, варварски уничтожив газетный фонд. Это произошло 19 ноября 2007 года: было уничтожено свыше 900 комплектов украинских газет (более 200 названий) на украинском и русском языках за 1988–2005 годы. К тому же были уволены квалифицированные специалисты. Лишь протесты украинской общественности, в том числе из-за рубежа, заставили чиновников заявить, что библиотека будет сохранена, но её директором назначили Н. Г. Шарину, которая не понимает украинского языка и публично демонстрирует презрение ко всему украинскому.

Любопытное мнение о проблеме украинского языка в России и русского в Украине высказал в газете «Завтра» Александр Нагорный: «Особняком стоит вопрос о статусе русского языка как второго государственного языка Украины. Учитывая исходную русскоязычность почти 30 млн. населения Востока и Юга Украины, ответные требования Киева о придании украинскому языку статуса государственного на территории РФ выглядят совершенно абсурдными. Тем не менее, на такой шаг можно и нужно согласиться в целях соблюдения транспарентности и симметричности законодательства – только передав решение и реализацию данного вопроса на региональный и муниципальный уровень» [1]. Однако надеяться, что российские региональные и муниципальные власти возьмут на себя такую инициативу, было бы наивно.

Постоянно мы слышим, что русские, украинцы и белорусы – три братских народа. Но в современной России власти оказывают давление на деятелей украинской культуры. Об этом может прочитать на сайте «КОВЗА – Українці Росії» (www.kobza.com.ua) любой желающий. Враги России и Украины, которые готовы на любую провокацию, лишь бы не допустить нормализации отношений между нашими странами и народами, больше всего боятся сближения между нами. Поэтому будут тратиться деньги на заказные книги и статьи, провокационные телепередачи, митинги и даже на уголовщину. Если в России не хотят видеть проблем украинцев России, то результаты будут весьма печальными для самой России. Так, в четверг, 28 февраля 2008 года у посольства Российской Федерации в Киеве прошло пикетирование под лозунгом «Услышьте голос Украины!». Представители общественности выразили протест против убийств активистов украинской общины России, потребовали восстановления сотен украинских школ, уничтоженных в 1933 году, сохранения Библиотеки украинской литературы в Москве и т. д.

О том, что украинский язык в России вытеснен на обочину, говорят и данные Российской книжной палаты:

Выпуск книг и брошюр в России на языках народов мира в 2007 г. [2]

	Количество названий книг и брошюр	Общий тираж, тыс. экземпляров
Всего	108 791	665 682,7
В том числе:		
русский	106 225	658 122,9
татарский	173	524,2
башкирский	159	564,6
якутский (саха)	115	428,5
чувацкий	57	135,0
украинский	34	151,3

Выпуск переводной литературы в России в 2007 г. [3]

	Количество названий книг и брошюр	Общий тираж, тыс. экземпляров
Всего	12 007	81 575,6
В том числе:		
с аварского	5	63,3
с башкирского	10	15,7
с белорусского	1	1,0
с венгерского	13	43,1
с иврита	11	45,5
с украинского	8	21,0

Если даже в переводе с аварского языка, с иврита, с венгерского языка печатают больше книг, чем в переводе с украинского (всего 21 тыс. экземпляров), то это означает, что украинскую литературу просто не желают видеть книгоиздатели, как и белорусскую. А как же заявления о братстве и дружбе народов?

Украинские политики также любят красивые фразы, например о том, что нужно помогать украинской диаспоре, испытывающей огромные трудности в России. Но дальше фраз дело не идёт. Украина не делает для украинцев диаспоры НИЧЕГО. Известный патриот Украины, профессор Краснодарского университета культуры и искусств В. К. Чумаченко ещё 2005 году дал пессимистическое интервью газете «Вісник українців Кубані», озаглавленное «Прощай, Україно, ми були останніми...». К сожалению, он прав: даже на Кубани процессы ассимиляции зашли слишком далеко. С 1930-х годов здесь нет ни одной украинской школы, в библиотеках были уничтожены все книги на украинском языке, ни в магазинах, ни в киосках нет в продаже украинских книг, журналов и газет, на украинском языке пока ещё звучат песни, но, похоже, что скоро и они будут нуждаться в переводе для молодого поколения.

Именно сейчас, когда население Украины сокращается, а украинская диаспора в России и других странах ассимилируется и постепенно исчезает, надо

принимать срочные меры по сохранению украинского этноса во всём мире. Совсем недавно президент Украины Виктор Ющенко на открытии IX Конгресса СКУ заявил: «Украинцы за границей и украинцы в Украине – единый национальный организм». А на деле украинцы диаспоры считаются в Украине иностранцами и не имеют шансов получить хотя бы паспорт заграничного украинца, чтобы быть частью «единого национального организма». Политика такой самоизоляции вредит только Украине. К сожалению, этого не понимают сейчас в Украине те, от кого зависит принятие решений.

Вместо этого чиновники живут химерами – придумывают мероприятия, которые либо не проводятся, либо не финансируются. На сайте <http://zakon.rada.gov.ua> можно ознакомиться с распоряжением Кабинета Министров Украины от 23 апреля 2008 г. № 668-р – это план первоочередных мер на 2008–2009 годы относительно связей с украинцами, которые проживают за пределами Украины. Здесь упоминаются мероприятия, которые затрагивают украинские общественные организации в Краснодарском крае: организационно-методическая подготовка открытия кафедры украиноведческих дисциплин на базе Кубанского государственного университета и совместно с Краснодарской краевой общественной организацией «Содружество Кубань - Украина», реализация таких проектов как изучение украинского этноса на Кубани, создание Украинской библиотеки в Краснодаре, подготовка монографий «Украинцы на Кубани: анализ этнодемографической истории», «Украинцы в 1932–1933 годах: опыт выживания в тоталитарном обществе», «Кубанские украинцы в поисках идентичности: история и современность». Вполне вероятно, что все эти проекты были бы реализованы, если бы украинские организации, находящиеся на территории РФ получали реальную поддержку.

Политики с тупым равнодушием разрушают то, что нас связывает с Украиной, поэтому наша задача делать всё, чтобы научные, культурные и прочие отношения с Украиной продолжались и укреплялись. Именно для этого создано «Содружество Кубань-Украина». А если кто-то думает, что поддержка связей с Украиной поощряет украинский сепаратизм, то таким деятелям надо срочно обратиться к психиатру, ибо украинцы, являющиеся гражданами России, никакой сепаратистской деятельностью не занимаются. Угроза единству России таится не в украинском факторе, а в кавказском, исламском, и, наконец, Россию ведут к вымиранию и распаду сами российские чиновники. Москва жиреет от огромных денег и давно уже стала не сердцем, а брюхом России. Разрыв в уровне развития между регионами растёт и это закладывает тенденцию к распаду страны. Московские дельцы скупают собственность в провинции, в том числе в Краснодарском крае, ведут себя, как в колонии. В ответ обнищавшее население в регионах ненавидит «новых русских», особенно москвичей, хотя свои хищники ничем не лучше.

Российские чиновники лицемерно заявляют о том, что обеспокоены состоянием русской культуры на территории Украины. На самом же деле их не беспокоит даже гибель русской культуры в самой России. Культурное одичание чиновников мы наблюдаем ежедневно. Они понимают только язык денег. Неумолимый борец за сохранение древнерусского наследия искусствовед-реставратор С. В. Ямщиков недавно сказал, что Псков меньше пострадал в годы

фашистской оккупации. чем за последние 5 лет. Когда «новые русские» хотят захватить выгодное место в центре города, там горит очередная церковь или иной памятник старины, после чего выясняется, что земля освободилась и препятствий для строительства больше нет. В Краснодаре мы также видим, как идёт уничтожение исторического центра города, а рядом с нами завершается ударная стройка «Дворца правосудия» в том месте, где Закон запрещает что-либо строить. Если нарушителем закона является сам Краевой суд, то о каком соблюдении закона вообще можно говорить в такой стране? Многие отчаявшиеся люди, которые хотят жить в цивилизованном обществе, эмигрировали из России и Украины. Но мы живём здесь, в России, и пытаемся на своём маленьком участке сохранять культурные традиции, заниматься наукой. содействовать развитию научных связей с Украиной. Ради этого мы собираемся на конференции, издаём книги, ищем единомышленников.

Наиболее представительной и продуктивной стала IV конференция «Кубань – Украина», проведённая 15–16 марта 2008 года в Малом зале Кубанского казачьего хора. На этот раз конференция прошла как «Шевченковские чтения – 2008: историко-культурные связи Кубани и Украины» и была приурочена к 70-летию народного артиста России и Украины, генерального директора и художественного руководителя Кубанского казачьего хора В. Г. Захарченко. В общей сложности на ней присутствовало около 100 человек, в том числе преподаватели вузов Краснодара и Донецка, научные сотрудники архива и музеев, библиотечные работники, учителя, краеведы, деятели искусств, студенты Кубанского государственного университета и Краснодарского государственного университета культуры и искусств, представители казачества, журналисты из Одессы (но не из Краснодара!), кинооператор из Киева, представитель Абхазского телевидения (но почему-то не Краснодарского!) и даже некоторые школьники – учащиеся старших классов школы искусств имени В. Г. Захарченко. География участников также была намного разнообразнее, чем на прежних конференциях: Краснодар, Киев, Одесса, Донецк, Харьков, Николаев, Анапа, Апшеронск. Кропоткин, Кореновск. Сухум, станицы Саратовская, Павловская, Тбилисская и Калужская, посёлки Мезмай, Первомайский (г. Горячий Ключ).

С приветствием к участникам конференции обратился директор Причерноморской академии языковых технологий и коммуникаций этносов Украины, председатель Одесской региональной организации журналистов Ю. А. Работин. Он рассказал о проведении ежегодного общенационального конкурса журналистов Украины «Українська мова – мова єднання козацької держави». За ним весьма эмоционально выступила представительница Одессы Л. Н. Кольчева – автор проекта Национального заповедника казацкой славы. Она обратила внимание участников конференции на то, что если в Краснодаре недавно был воссоздан памятник Екатерине II при поддержке кубанского казачества, местной общественности и Администрации края, то в Одессе воссоздание памятника Екатерине II вызвало ожесточённое сопротивление местных казачьих организаций, которые устроили пикетирование и подали в суд, требуя уничтожить памятник на том основании, что эта императрица ликвидировала Запорожскую Сечь и принесла много вреда Украине. Уже эти

факты говорит о том, что учёные должны много работать над просвещением людей, избавляя их от исторических мифов.

К сожалению, научный поиск затрудняют не только финансовые трудности, но и непорядочные методы, применяемые порою отдельными членами научного сообщества. Предваряя работу во второй день конференции 16 марта 2008 года, профессор Н. И. Бондарь выступил со странным заявлением о том, что конференция сразу началась неправильно, что некоторые выступавшие допускали популистские высказывания, «явно проплаченные». Хотя при этом никого конкретно не назвал и не указал, кому и сколько заплатили. К этому можно добавить, что деньги на аренду зала и на питание для участников конференции действительно выделил Кубанский казачий хор, за счёт которого, кстати, содержится и Научно-исследовательский центр традиционной культуры Кубанского казачьего хора, возглавляемый Н. И. Бондарем. Ничего другого «проплаченного» обнаружить не удалось. Будучи также последним по времени докладчиком, Н. И. Бондарь, не считаясь с регламентом, долго убеждал слушателей, что черноморские казаки, ставшие частью Кубанского казачьего войска, уже в середине XIX века не считали себя украинцами, что сформировалась новая этническая общность в рамках русского народа – кубанские казаки, а сейчас кубанская «балачка» стала диалектом не украинского, а русского языка! Вероятно, уважаемый профессор не пытался заглянуть в словарь: в русском языке нет слова «балачка» – это украинское слово. Понятно, что украинский язык для кубанцев не может быть чуждым: на этом языке и сейчас поют песни в кубанских станицах, на нём исполняются песни Кубанским казачьим хором. А В. Г. Захарченко готовит новую концертную программу, целиком построенную на стихах великого Кобзаря. Удивительно, но директор Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора профессор Н. И. Бондарь пытался доказать участникам конференции, что это не украинский язык, а кубанский диалект русского языка. Ответим ему словами кубанских песен (в русской орфографии):

Засвыстали козаченькы в поход з полуночи.

Заплакала Марусэнька свои ясни очи

Нэ плач, нэ плач, Марусэнько, нэ плач, нэ журыся.

За свойого мьлэнького Богу помолыся.

Йихав козак за Кубань, прэзубрався як той пан.

Кинь жвавий, сам бравый, хоть куда козак.

Мушкэтиога у чехли, а шаблока пры боци.

Ратыше довгэе, чому нэ козак!

Интересно, эти песни, записанные на Кубани, тоже на диалекте русского языка? Тогда почему каждое слово здесь понятно украинцам, которые с восторгом принимают каждую такую кубанскую песню в исполнении Кубанского казачьего хора во время гастролей по Украине? Напомним уважаемому профессору, что в репертуаре народных песен Кубанского казачьего хора, который финансирует работу упомянутого Научно-исследовательского центра традиционной культуры, есть и песня «Ще не вмерла Україна»... Интересно, об этом ещё не сообщил Н. И. Бондарь в «компетентные органы»? Ведь у него опыт

есть. Так, в жанре политического доноса (видимо, неслучайным был и подзаголовок – «вместо рецензии»!) он напечатал отзыв на малотиражный узкоспециальный научный сборник, изданный его коллегой по кафедре этнологом И. В. Кузнецовым. Напечатав эту рецензию в журнале «Голос минувшего» [4], Н. И. Бондарь повторил её же в газете, выходящей массовым тиражом!

Можно не соглашаться с научными доводами оппонента, но публиковать рецензию в виде доноса, по меньшей мере, незачинно. Подобные методы, к которым прибегал в пушкинские времена Ф. Булгарин, давали повод современникам считать его агентом III Отделения. Взяв на себя миссию главы «охранительного направления» в местной этнологии, профессор не мог смириться с тем, что прозвучали идеи, противоречившие его убеждениям. Почувствовав конкурента, либо из зависти, Н. И. Бондарь может пойти на весьма неожиданные поступки. Так, когда В. И. Чурсина готовилась к защите докторской диссертации, один из официальных оппонентов, ростовский историк А. В. Венков, положительно отзывался о диссертации, но накануне защиты с ним беседовал по телефону Н. И. Бондарь, после чего А. В. Венков внезапно отказался оппонировать без всяких комментариев. Это заставило перенести защиту на полтора месяца, чтобы найти другого оппонента. Но защита всё-таки прошла успешно, несмотря на интриги. Несомненно, что порядочный человек выступил бы публично с изложением своей точки зрения в печати или во время диспута.

Н. И. Бондарь насаждает в Краснодарском крае теорию, согласно которой в начале XX в. в Кубанской области сложился единый субэтнос «кубанское казачество», оторвавшийся от украинского народа. Эта теория раскритикована в киевском журнале «Пам'ятки України» профессором Н. А. Супрун-Яремко, но наиболее детально – в специальной статье киевской исследовательницы Л. Москаленко [5]. Несомненно, что этническое самосознание далеко не равнозначно разговорному языку. Ясно и то, что постепенно происходит ассимиляция украинцев на Кубани. Но этапы изменений в этнической идентичности, а также эволюции разговорного языка ещё предстоит изучать.

Украинский лингвист и литературовед М. Садиленко (1882–1973) писал, что «кубанский говор с полным основанием можно считать наиболее чистой и наиболее сохранившейся частью украинского языка» [6]. Другой лингвист И. Шаля (1891–1937) также отмечал, что словарный материал сохранился на Кубани «едва ли не лучше, чем на Украине». В языке кубанцев встречается немало архаизмов, уже забытых на Украине» [7]. Но эти статьи были напечатаны в 1927–1929 гг., а в наше время такой вывод уже вряд ли будет правомерен: ассимиляция кубанцев в советский и современный период привела к необратимым последствиям, и похоже, что украинский язык в Краснодарском крае федеральные и местные российские власти готовы реабилитировать лишь посмертно. В современном Краснодаре на улицах не слышно украинской речи.

Подозревая в организаторах конференции «сепаратистов», устроивших «националистический шабаш» (также слухи стали распространяться сразу после конференции сотрудниками Н. И. Бондаря), профессор сам поступил как сепаратист: он отказался участвовать в нашем сборнике «Кубань – Украина» и решил напечатать свой сборник статей, что само по себе не является предосудительным. Мы, кстати, не видим ничего плохого в том, что в одной

книге вышли бы статьи авторов, придерживающихся противоположных взглядов – читателю было бы интересно сравнить их аргументы. Но Николай Иванович полагает, что есть лишь две точки зрения – его собственная и «неправильная». А потому по указанию шефа В. Н. Бураев стал обзванивать докладчиков и распространять информацию о том, что надо сдавать все тексты Н. И. Бондарю, так как именно он будет издавать материалы конференции. Более того, некоторые сотрудники Н. И. Бондаря (в том числе не участвовавшие в её работе) стали распространять слухи о мнимом провале конференции. Бог им судья! На все эти проделки мы можем ответить только изданием 3-го выпуска сборника «Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия», а выводы и оценки пусть делает Читатель. Будем надеяться, что опубликованные материалы вызовут интерес и помогут делу взаимопонимания и сближения между нашими странами и народами.

Интересно, что в изданном сборнике Н. И. Бондаря [8] из 17 публикаций 9 посвящено В. Г. Захарченко, но нет ни одной о Т. Г. Шевченко или об историко-культурных связях с Украиной. Тогда зачем Н. И. Бондарь заимствовал у нас название сборника – «Кубань – Украина», снабдив его подзаголовком: «Шевченковские чтения – 2008. Историко-культурные связи Кубани и Украины»? Это выглядит комично, подобно рассказу О. Генри «Короли и капуста», где события разворачиваются на острове, где было всё, кроме королей (так как это была республика) и капусты, а её так хотелось главному персонажу рассказа! Тем более что в предисловии Н. И. Бондарь сокрушается о том, что на конференции «в разных сочетаниях высказывались идеи... об угнетенности украинской культуры в Краснодарском крае, о том, что надо "спасать украинскую культуру" в этом регионе и в России, о целевой закупке и продаже литературы на украинском языке, открытии украинских школ и "украинских православных храмов" (?) на Кубани, и т.п.» (с. 4).

В заключительной статье своего сборника Н. И. Бондарь подвёл итоги исследования: «Следов украинского субэтнуса на Кубани не обнаружено. Дискуссии вокруг кубанского казачества, его этнической сущности объясняются достаточно просто. Кто-то и зачем-то усиленно работает над проектом создания мощной украинской диаспоры, наподобие сформировавшейся классической армянской и конструируемой польской, которая бы лоббировала социально-экономические и политические интересы определённых кругов. Этим объясняются пожелания, которые частично реализованы, о создании своих разноплановых организационных, координирующих структур, украинских школ, своих СМИ, обязательной закупке (или издании) книг на украинском языке, открытии украинских православных храмов (?), и т.п.» [9]. Узнаёте стиль? Теперь у «компетентных органов» есть работа...

Кстати следы этой работы недавно проявились в Ростове-на-Дону, где неожиданно появился Центр украинистики Южного федерального университета во главе с Э. А. Поповым, не замеченным прежде на попроще украинистики. Его Центр планирует подготовку разного профиля специалистов по Украине. 19 декабря 2008 года уже проведена их первая конференция «Геноцид и культурный этноцид русинов Карпатской Руси», которую в Украине вполне могут воспринимать, как сознательную провокацию с целью дестабилизации положения

в стране. И средства у Э. А. Попова тут же нашлись! А «Содружество Кубань – Украина», издающее третий сборник статей после четырёх конференций, ни российские власти, ни украинские никак не желают поддерживать и даже замечать!

Вот что сообщает Э. А. Попов на Интернет-сайте «Кобза. Украинцы России» о своих кубанских коллегах, по двадцать-тридцать лет проработавших на ниве южнороссийского украинноведения, написавших сотни научных работ: «Квалифицированных экспертов по Украине катастрофически не хватает... Есть, впрочем, ряд исследователей и организаций, прежде всего, в Краснодаре (не будем называть их по имени), плотно оккупировавших украинскую проблематику из сугубо меркантильных соображений. Получая финансирование из зарубежных фондов, эти ученые говорят лишь то, что хотят услышать их грантодатели. Даже записываются в "этнические украинцы"». (Н. И. Бондарю на заметку!)

Достойный ответ на том же сайте поместил заслуженный работник культуры Кубани и Украины, руководитель кубанского отделения Научного общества имени Шевченко, профессор, кандидат филологических наук В. К. Чумаченко: «Читая эту беззастенчивую ложь, задаешься недоумленным вопросом: кто мешал этому человеку ещё лет двадцать назад самому "плотно оккупировать украинскую тематику" и зачем теперь он клеветает на тех, кто взвалил на себя в те трудные годы эту нелегкую ношу? О каких зарубежных грантах и грантодателях он талдычит, если, например, я, ведущий украинист Кубани, за всю свою жизнь получил лишь два гранта: один от Министерства культуры России, а второй – от Российского гуманитарного фонда, учредившего совместно с администрацией Краснодарского края грант "Северный Кавказ: традиции и современность". И это всё. Также никаких зарубежных грантов никогда не получал никто из моих коллег. Но после известного высказывания одного нашего государственного деятеля, ранее работавшего в спецслужбах, о вредности зарубежных грантов, клеветники всех мастей взяли на вооружение это универсальное орудие расправы со своими оппонентами. Ведь от него так сладко пахнет ядом, контрразведкой и шпионажем. Оно эффективно, потому что пускает по следу жертвы всех собак, даже если она, эта жертва, ни в чем не виновата».

Но вернёмся к нашему кубанскому оппоненту. Украинская исследовательница кубанского происхождения Н. А. Супрун-Яремко отмечает предубежденное отношение Н. И. Бондаря к украинскому этносу, который накладывает полное табу на слова «украинцы» и «украинский» [10]. Отвечая Н. И. Бондарю, она пишет: «Можно ли считать правым одного из потомков, который с помощью теоретизированных доказательств, полностью оторванных от аналитических исследований "интонационного словаря" песенного фонда, приходит к выводу о сформировавшемся унифицированном единственном "чуде", названном "традиционной культурой кубанского казачества"? Как произошло растворение украинского субэтноса, если и теперь функционируют равновеликие его этнические показатели – язык и песня, о чем свидетельствуют и 30-тысячный песенный фонд научно-творческого учреждения "Кубанский казачий хор" со значительным потенциалом именно украинских песен, и наши целенаправленные фольклорные экспедиции в 62 поселения исторической Черномории? Ответ на поставленные вопросы может быть один: не исчезли

украинцы на Кубани. не растворились в естественных и искусственно организуемых ассимилятивных и репрессивных процессах, в условиях социальных и военных катаклизмов. в отсутствие собственной государственности, при недостатке интеллигентно-интеллектуального авангарда так же, как не дошла до единого формообразования их материализованная духовность» [Там же. С. 54–55].

Проведённый Н. А. Супрун-Яремко анализ огромного песенного материала (более 1000 песен), изучение множества иных источников дали ей «возможность и моральное право снять табу с темы "украинцы Кубани". наложенное Н. Бондарем. Кубанский этнограф для подтверждения своей идеологии "кубанское казачество – это субэтнос российского этноса" осуществил исследовательскую процедуру моделирования традиционной культуры кубанского казачества настолько предвзято и искусственно, что многие приводимые им выводы утратили контуры смысла, а сам ученый предстал апологетом тех патологических мутаций, которые нужно было бы не защищать, а комплексно анализировать, привлекая к этому не только историков, политологов и культурологов (в том числе с Украины), но и, прежде всего, специалистов в области этномузыковедения, сведущих в исторических и этнокультурных вопросах украинского песенного фольклора» (Там же. с. 55).

«Хотелось бы, чтобы серьезный и всегда ищущий этнограф-энциклопедист Н.И. Бондарь, – пишет далее Н. А. Супрун-Яремко. – к многоаспектной деятельности которого можно относиться только с неизменным уважением, понял, что его объективной бедой (а не виной) является национальная дезориентация, утрата украинской энергетикой, ауры и глубинного понимания смысла известной вопросительной сентенции "а чий батьків ми діти".

Кубанский субэтнос из поколения в поколение познавал действие жестокой системы ограничений и запретов своих национальных прав. "Начиная со второй половины XVIII ст. в Украине, а вскоре и на Кубани, – читаем в статье-рецензии А. Стрижака, – постепенно были запрещены... украинская церковь, государство, армия, школа, литература, театр, пресса и, наконец... язык и личностная свобода, что обрекло украинскую нацию на угасание и деморализацию". Обреченные на существование в условиях таких античеловечных процессов, в науке толерантно названных влияниями иноэтнической метрополии, украинцы Кубани неизбежно попадали под эти влияния, вследствие чего постепенно теряли стародавнее национальное самосознание – или полностью, или с некоторыми остатками бывшего этнографично-регионального сознания. /.../ большая часть станичников в быту пользуется кубанско-украинским говором ("балакає"), на этом же говоре (диалектном языке) поет "свои" давние и современные песни, придерживается (а теперь все активнее) некоторых традиционных обрядовых и культовых праздников. Вот почему таким насущным становится вопрос о создании условий для установления в Краснодарском крае равноуровневого украинского движения – научно-исследовательского, художественного, просветительского, школьного, массово-информационного, – с которого начнется естественный и здоровый процесс углубленного познания украинцами Кубани своих корней и этнокультурных традиций» [Там же. с. 56].

Кто прав в этом споре – решать учёным, но вместо истерики и донесений в «компетентные органы» должны использоваться чисто научные аргументы.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Нагорный А.* От Донбасса до Карпат: Украина сегодня и завтра // *Завтра*. 2008. №22. С. 5
2. PRO №278: Профессиональное приложение к газете «Книжное обозрение». 2008. №10. С. 1.
3. Там же. С. 4.
4. *Бондарь Н.И.* «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды». Ст. 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации (вместо рецензии) // *Голос минувшего: Кубанский исторический журнал*. Краснодар. 2000. №1/2. С. 85–87.
5. *Супрун-Яремко Н.* Народна пісня українців історичної Чорноморії в контексті історії і сучасності // *Пам'ятки України: історія та культура*. Київ, 2005. №3/4. С.64–66; *Москаленко Л.* Кубанські контрверзи // *Пам'ятки України: історія та культура*. Київ, 2005. №3/4. С.116–139.
6. Там же. С. 54.
7. Там же. С. 58.
8. Кубань – Украина. Шевченковские чтения – 2008. Историко-культурные связи Кубани и Украины: к 70-летию В.Г.Захарченко: методические материалы научно-практической конференции: (избранные доклады) / науч. ред. и сост. Н. И. Бондарь. - Краснодар: Пресс-Имидж, 2008. 152 с. Тираж 300 экз.
9. *Бондарь Н.И.* Некоторые формы взаимодействия русской и украинской традиций в условиях Кубани // *Кубань – Украина. Шевченковские чтения – 2008. Историко-культурные связи Кубани и Украины: к 70-летию В.Г.Захарченко: метод. материалы науч.-практ. конф.: (избранные доклады)*. - Краснодар: Пресс-Имидж, 2008. С. 141.
10. *Супрун-Яремко Н.А.* Украинский субэтнос на Кубани // *Культурная жизнь Юга России*. Краснодар. 2003. №3. С. 54.

КУЛЬТУРНОЕ И ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ. КУЛЬТУРНА ТА ПРИРОДНА СПАДЩИНА

© 2008 р., В. І. Дудко

ШІСТЬ ЛИСТІВ ДО ТАРАСА ШЕВЧЕНКА: НЕВИРШЕНІ ПРОБЛЕМИ ДАТУВАННЯ І КОМЕНТУВАННЯ

Повертаючись із заслання, Шевченко з волі владних інстанцій майже півроку – із 20 вересня 1857 р. до 8 березня 1858 р. – перебував у Нижньому Новгороді, де регулярно відвідував вистави місцевої театральної трупи. Захопившись молодотою актрисою Катериною Піуновою, про бенефіс якої письменник відгукнувся на сторінках неофіційної частини «Нижегородских губернских ведомостей» і «Московских ведомостей» [1], він прагнув посприяти її влаштуванню до харківського театру. Михайло Щепкін, до якого Шевченко звернувся як до посередника, 6 лютого 1858 р. поінформував письменника про те, що реалізувати його проєкт неможливо: «В Харькове теперь ее роли занимает жена комического актера Васильева, который для них необходим [...]» [2].

Лариса Кодацька, упорядник збірника «Листи до Т. Г. Шевченка. 1840–1861» згадує про «жону комического актера Васильева» пояснила так: «Марія Григорівна Васильєва, артистка, по сцені Соболєва» [3]. У пізніше здійсненому виданні корпусу листів до Шевченка Валерія Смілянська ідентифікувала особу, про яку писав Щепкін, інакше: «Йдеться про Васильєву Катерину Миколаївну (дівооче прізвище – Лаврова, 1829–1877), акторку Малого, Олександринського і провінційних театрів» [4]. Про «комического актера Васильева» в обох збірниках зазначено, що це Павло Васильович Васильєв (1832–1879), у пізнішому виданні про нього подано докладнішу інформацію: «[...] російський актор, грав у Харкові, Полтаві, Одесі, Кишиневі (1854–1860), в Олександринському театрі (1860–1874), у Москві в “Общедоступном театре” (з 1874 р.)» [5]. Ідентифікація харківського «комического актера Васильева» не викликає запитань, вона є цілком слушною [6].

Зазвичай вважається, що нове видання одноголишого джерельного матеріалу з погляду і повноти корпусу, і глибини коментування «перекривас» попередні такою мірою, що до них немає сенсу звертатися. Адже коментатори пізніше здійсненого видання мають взяти з давніших усе найцінніше й уточнити, доповнити ці відомості, використовуючи нові праці колег і результати власних розшуків. Проте насправді так відбувається не завжди, про що свідчать і історія ідентифікації «жени комического актера Васильєва».

Катерина Васильєва насправді була дружиною відомого актора Малого театру Сергія Васильєва (1827–1862), рідного брата «харківського» Васильєва. Щоб з'ясувати це, достатньо заглянути до «Театральной энциклопедии» [7] чи переглянути деякі коментарі до Шевченкового щоденника [8].

«Жену комического актера Васильева» було слушно ідентифіковано у виданні 1962 р. Подані в ньому відомості про актрису слід уточнити й доповнити. Драматична актриса Марія Григорівна Васильєва (дівоче прізвище – Соболевса, 1830–1914) до заміжжя (1856) виступала на сцені як Соболевса 2-а, пізніше – як Васильєва. Після закінчення Московського театрального училища її було зараховано до групи Малого театру, у 1854 р. перейшла до Олександринського театру. Попри безсумнівну обдарованість, вона не змогла досягти значного успіху в імператорських театрах і з року в рік брала відпустки для виступів на провінційних сценах, де виконувала провідні ролі. У театральному сезоні 1857/1858 рр., як і в попередньому й наступному, вона і її чоловік виступали в Харкові [9].

На перший погляд, Катерина Васильєва «виникла» в новітньому коментарі до листа Щепкіна виключно внаслідок банального недогляду. Проте, на мій погляд, до появи хибного тлумачення причинилася і сама її «присутність» внаслідок задоволеної помилки у «Шевченківському словнику» [10] і в коментарях до щоденника письменника [11]. Як у Шевченковому щоденнику, так і в статті про бенефіс Піунової фігурує актриса «г-жа Васильєва», яку зазвичай ідентифікують з Катериною Васильєвою, – попри те, що відповідна версія не витримує критичного розгляду. (Аргументи, що цілковито її спростовують, докладно викладено у моїй спеціальній статті, яка готується до друку). Перегляд шевченкознавчих студій свідчить, однак, що паралельно здавна існує інша ідентифікаційна пропозиція – причому, як свідчить неупереджений аналіз наявного в науковому обігові матеріалу, цілком переконлива. Ще у 1934 р. коментатор спогадів російської актриси Пелагеї Стрепетової «Минувшіє дні» Михайло Пригунов ототожнив особу, про яку писав Шевченко у щоденнику і статті про бенефіс Піунової, з А. В. Трусовою-Васильєвою [12]. Ім'я її по батькові актриси ще належить встановити, зазначені її ініціали подано російською. У кількох працях відповідний погляд висловив і шевченкознавець Леонід Большаков [13], який, щоправда, не виявив послідовності в обстоюванні цілком адекватної версії. Так, в одній із публікацій, у якій він був повновладним «господарем», дослідник контамінував факти із життєписів Катерини й А. Васильєвих [14]. У підготовлених переважно ще наприкінці 1980-х рр. коментарях до щоденника у новому академічному виданні, які Большаков опрацював за участі Надії Вишневської, як не дивно, відтворено узвичаєну тезу про Катерину Васильєву [15]. Треба думати, що в даному випадку позицію Большакова було скориговано з ініціативи редакційної колеги видання, яка наполягла на версії, канонізованій у «Шевченківському словнику».

Замість докладно з'ясувати життєпис Павла Васильєва коментатор листа Щепкіна скористалася фрагментарною інформацією про Катерину Васильєву, так само не поцікавившись її родинною біографією, внаслідок чого актрису було помилково «видано заміж» за її дівера і переселено з Москви до Харкова.

Михайло Максимович писав до Шевченка 1 грудня 1858 р.: «Скажи, лишень, мені, мій брате мій, про себе, про твої думки і пісні: чи вже ж таки справді не дозволяють їх видавати і друкувати?.. [...] Не все ж у тебе таке, що не можна пропускати: половина більша такого, що і ваш гасило Мацкевич, і московський Безсоникин підшиють: "Печатать позволяется!"» [16]. В обох окремих виданнях

лістів до Шевченка пояснено, що Давид Іванович Мацкевич (1819–1859) – цензор Петербурзького цензурного комітету [17]. Нещодавно на підставі архівних джерел відтворено й біограму його московського колеги – Іван Іванович Безсоменкін (1801–1882) був цензором Московського цензурного комітету у 1855–1871 рр. [18].

У тому ж листі Максимович запитував Шевченка: «Чув іще я, що Куліш буде видавати “Хату”: чи вже дозволеніс вийшло?» [19]. Коментатори листів до Шевченка твердили, що йдеться про відомий альманах «Хага» (1860), який уклав і видав Пантелеймон Куліш [20]. Так само вважав і Олександр Дорошкевич, коментуючи запитання, поставлене в листі Опенаса Марковича до Куліша від 13 листопада 1858 р.: «Чи вивели що своєї “Хати”?» [21].

Насправді і Максимовичеві, і Марковичу йшлося, безумовно, про іншу «Хату» – український журнал, про дозвіл видавати який Куліш звернувся до Петербурзького цензурного комітету у жовтні 1858 р. [22]. Як впливає з листа Куліша до Івана Аксакова від 20 листопада 1858 р., відповідне клопотання було інспіровано публікацією оголошення про започаткування слов'янофільської газети «Парус»: «Так как у Вас в объявлении “Паруса” исчислены все славянские народности, кроме малороссийской, то в этом я увидел новое доказательство, что нам больше прежнего надобно о ней позаботиться, и предпринял было литературно-хозяйственный журнал “Хата”, частью на великорусском, частью на нашем языке» [23]. Характеризуючи в листі до Тарновського від 18 жовтня 1858 р. проєктований «журнал с малороссийским направлением», Куліш зазначав: «[...] я предпринимаю журнал, под названием “Хата”, который будет выходить книжками по 20 листов в январе, марте, октябре, ноябре и декабре. [...] Теперь я занят хлопотами о позволении напечатать программу. Это будет журнал словесности, истории, этнографии и сельского хозяйства для малороссиан. Произведениям на малороссийском языке дается здесь почетное место, но ученые статьи (а также и большие повести) будут печататься на языке общерусском. Шесть книжек – первый опыт, после которого можно будет издавать и 12. Возлагаю на Вас большую надежду по части хозяйственных и ученых статей, местных заметок об обществе, суждений о крестьянском вопросе и пр[очем] и пр[очем]» [24].

Ще до формального завершення розгляду відповідного клопотання Куліш мав інформацію про негативне рішення цензурної інстанції, про що повідомляв І. Аксакова листом від 20 листопада 1858 р.: «Министр отказал, и отказал собственно *лине*, не восставая против идеи журнала» [25]. 8 грудня 1858 р. головний начальник III відділення В. Долгоруков, відповідаючи на запит міністерства народної освіти (якому було підпорядковано головне управління цензури) щодо політичної лояльності Куліша, висловився про неможливість дозволити йому видавати і редагувати часопис з огляду і на активну участь у Кирило-Мефодіївському товаристві, і на те, що він, як свідчить «Граматка» (1857), «в литературной своей деятельности следует прежнему направлению, бывшему причиною особых мер, принятых против него правительством» [26]. Офіційне рішення про відхилення відповідного Кулішевого клопотання було ухвалено 24 грудня 1858 р. [27].

Видана у 1860 р. двома накладами «Хата» – це перший (і єдиний) із серії українських альманахів, яку Куліш планував видавати з 1860 р. [28].

Нині відомо три адресовані Шевченкові листи його петербурзького приятеля Михайла Макарова, з яким письменник познайомився не пізніше 12 травня 1858 р. [29]. Один із листів – власне записку – у новітньому виданні позначено датою 9 лютого 1859 р. Ось текст записки: «Дядьку! Приходьте лишень у четвер вареників їсти. Ваш Н. Макаров. 9 февраля» [30].

Уперше записку було опубліковано без позначення авторської дати у відомій праці Михайла Чалого «Жизнь и произведения Тараса Шевченка» [31], звідки Михайло Новицький передрукував її у третьому томі «сфремовського» зібрання Шевченкових творів з орієнтовною датою: 1858–1860 [32]. У першому окремому виданні корпусу листів до Шевченка записку Макарова, опубліковану за автографом (відповідно, з відновленням авторської дати), розташовано у розділі листів 1859–1860 рр., точне датування яких відсутнє. Стосовно мотивації відповідного рішення упоряднича збірника писала: «Датується на тій підставі, що Шевченко зустрівся з Макаровим у Петербурзі після повернення із заслання, а в травні 1860 р. Макаров уже виїхав за кордон» [33].

Уточнене датування записки у новітньому виданні листів до Шевченка Микола Павлюк мотивував таким чином: «Рік встановлюється за змістом: судячи із запрошення на “четвер”, лист написано перед цим днем, а саме 1859 р. 9 лютого припадало на середу» [34]. Про можливість альтернативного датування в коментарі не йдеться. Дату цю заведено вже до найновішого літопису життя і творчості Шевченка – українмововної версії дослідження Петра Жура «Труди і дні Кобзаря», опублікованої за редакцією Павлюка і Валентини Судак уже після смерті автора [35]; у раніше виданому російськомовному варіанті названої студії орієнтовну дату записки було подано за «Листами до Т. Г. Шевченка» [36].

Павлюкову аргументацію, навіть без додаткової перевірки її, ледве чи можна визнати переконливою: якщо записку надіслано в середу, то, мабуть, природнішим виглядало б запрошення заходити на гостину не в четвер, а завтра. Коли ж у перебігу опрацювання одного дослідницького сюжету мені довелося перевірити відповідну дату з календарем у руках, з'ясувалося, що 9 лютого 1859 р. насправді припадало не на середу, як зазначено в «Листах до Тараса Шевченка», а на понеділок [37]. Інша можлива дата записки – 9 лютого 1860 р., вівторок [38]. Тож, якщо прийняти логіку аргументації, яку застосував Павлюк (записка постала найближчого до четверга дня), її треба датувати 9 лютого 1860 р.

Однак за відсутності додаткової документальної аргументації цілковитою певності у точності датування в даному випадку не може бути. Відповідну проблематику мені вже доводилося розглядати, опрацьовуючи записку Куліша до Шевченка, надіслану у «святу п'ятинку» – за два дні до великодня, який легко датувати. У виданні 1993 р. записку беззастережно віднесено до 10 квітня 1859 р. [39], хоча не менш вірогідною є й інша дата – 1 квітня 1860 р., про яку в коментарі нічого не сказано [40]. Як не спокусливо точно встановити час створення епістолярного документа, слід усе ж, навіть схиляючись до однієї з дат, подавати читачеві інформацію і про можливість іншої, щоб у такий спосіб «сигналізувати», що питання про хронологічну локалізацію листа чи записки не є з'ясованим остаточно.

Перше, ніж розглянути один із чотирьох уцілілих листів Данила Каменецького до Шевченка, слід звернутися до питання про дату смерті названого кореспондента письменника. У переважній більшості відомих мені шевченкознавчих праць зазначено, що Каменецький помер у 1881 р. [41]. Григорій Марахов вказав також число й місяць: 27 жовтня 1881 р. [42]. Лише окремі шевченкознавці подали іншу дату – 1880 р. [43]. Її названо і в низці досліджень Бориса Лобача-Жученка про Марка Вовчка [44].

Щоб визначити, яка дата слушна, слід вдатися до першоджерельних свідчень. Як виявилось, відомості, що «близько лежать», не дають підстав для однозначних висновків. Григорій Вашкевич, який товаришував із Каменецьким, у 1898 р. не зміг точно назвати рік його смерті, зазначивши в журналі «Киевская старина»: «Умер Д[анило] С[еменович] весною 1879 или 1880 г.» [45]. Раніше, у 1883 р., відомий бібліограф Степан Пономарьов писав на сторінках названого видання, що Каменецький «скончался 1880 г., октября 15» [46]. Марахов послався на публікацію Пономарьова [47], запозичивши з неї відомості про число і місяць смерті (подавши дату за новим стилем, що у вступі до словника «Т. Г. Шевченко в колі сучасників» не було обумовлено), але не зняти чому скоригував рік, узгодивши його з відомостями, наявними в більшості шевченкознавчих студій.

Довелося звернутися до синхронних некрологічних публікацій, одна з яких цілком з'ясовує питання. Ці матеріали зареєстровано у відомому покажчику з українського фольклору, який уклав Олександр Андрієвський [48], – хоча, як виявилось, не завжди точно і в дивний спосіб: їх подано як рецензії на збірник Каменецького «Українські пісні з голосами» (1861). Укладач бібліографії зафіксував дві публікації в петербурзькій газеті «Новое время» (1881. №№ 1667, 1671), не подавши їх назв, і статтю «Труженики идеи» в київській газеті «Труд» (1881. № 46). Бібліограф помилково позначив рік появи публікацій у «Новом времени», але розшукати їх було нескладно, оскільки видання мало протягом усієї своєї історії валову нумерацію. Обидва числа побачили світ у жовтні 1880 р. У вміщеному в петербурзькому виданні анонімному некролозі зазначено, що Каменецький помер 15 жовтня 1880 р. [49]. Як свідчить замітка «Похорони Каменецького», підписана криптонімом Д. М. [50], автором обох відповідних публікацій газети «Новое время» була одна особа: найімовірніше – це Данило Мордовець, який використовував названий прибраний підпис у петербурзькій пресі [51].

Внаслідок висвітлених розшуків можна категорично твердити, що цілком точну дату смерті Шевченкового кореспондента подав Пономарьов: 15 жовтня (ст. ст.) 1880 р. Як зазначено в некролозі, Каменецький помер «на 59 году жизни» [52]. Ця інформація дає підстави поставити під сумнів і узвичасну дату його народження. Якщо відповідне свідчення точне, то Каменецький народився між 15 жовтня 1831 р. і 15 жовтня 1832 р. Тим часом наявна в літературі дата – 1830 р. [53]. Для перевірки її і можливої корекції потрібні додаткові спеціальні розшуки.

Каменецький писав до Шевченка: «А Ви узяти з собою, Тарас Григор'євич, коректуру "Наймички"? А сьогодні, не дождавшись її од Вас, ми з одним земляком перевірили її гарненько да половину її напечатали – ось і оттиск: здається, вірно!» [54]. У першодруку в збірникові 1962 р. цитований лист без

авгорської дати було віднесено до початку травня 1860 р., оскільки Кодацька пов'язала згадку про «Наймичку» з її окремим виданням у серії «Сільська бібліотека», яке дістало цензурний дозвіл 13 травня 1860 р. [55]. Згадку про «одного земляка» дослідниця залишила без коментаря. Новицький, вважаючи запропоноване датування хибним, аргументував власну хронологічну пропозицію у такий спосіб: «Згадка про земляка, цебто про Г. С. Вашкевича, який разом з Каменецьким читав коректуру “Кобзаря” (а значить, і “Наймички”), дає підставу датувати цей лист *груднем 1859 р.*, бо в січні “Кобзар” 1860 року вже вийшов у світ» [56]. Василь Бородин, який також висловився за потребу передатування листа, навів, однак, інші аргументи. Дослідник зазначав, що датувати її травнем немає підстав, оскільки квиток на випуск у світ «Наймички», опублікованої в «Сільській бібліотеці», було видано аж 24 жовтня 1860 р. [57]. «Та головне в тому, – писав Бородин, – що в серії “Сільська бібліотека” твори Шевченка друкувалися за текстом “Кобзаря” 1860 року, без відступів від нього і без нагляду поета. Потреби послати коректуру Шевченкові не було. У цитованому листі Каменецького, йдеться, без сумніву, [...] про коректуру тексту поеми, вміщеного в “Кобзарі” 1860 року. Датувати лист слід орієнтовно груднем 1859 р. – січнем 1860 р. (до виходу “Кобзаря” в світ)» [58]. Слід звернути увагу ще на одну важливу деталь: якщо Новицький ідентифікував «одного земляка» з Вашкевичем беззастережно (не знаги, правда, на яких підставах), то Бородин у даному питанні висловлювався обережніше: «Принаймні частково правку коректури “Кобзаря” Каменецький провадив, як він сам зазначав, в одному з листів до Шевченка, разом з “одним земляком”, мабуть (за згодою М. Новицького), – Г. Вашкевичем» [59].

Реферувавши аргументацію Новицького й Бородіна, Павлюк запропонував інше орієнтовне датування листа: січень 1860 р. [60]. На мій погляд, зроблено це було без належних підстав; і в даному випадку запровадження до наукового вжитку джерельний матеріал не містить даних, достатніх для відповідного уточнення. Наявні уривчасті відомості про хронологію видання «Кобзаря» 1860 р. схильють радше приєднатися до пропозиції Новицького датувати лист груднем 1859 р.: хоча квиток на випуск у світ названої книжки, що дістала цензурне схвалення 28 листопада 1859 р., було видано 23 січня 1860 р. [61], наклад її виготовили раніше. 7 грудня Шевченко писав до свого родича Варфоломія Шевченка: «К новому году вийдуть печатні мої сочинення (не всі)» [62]. 14 січня 1860 р. Микола Макаров зазначав у листі до Марка Вовчка: «Стихотворення Шевченка уже напечатані; виход їх в свет останавливається тем, що портрет поета еше не готов» [63]. З огляду на це Бородин цілком слушно зазначав, що друкування «Кобзаря» завершилося на межі грудня 1859 р. – січня 1860 р. [64]. У виданні «Наймичку» було розташовано третьою з кінця (після неї – «Гайдамаки» і «Псалми Давидові»). Навіть якщо вважати, що її коректуру «Наймички» читали ближче до завершення роботи над виданням, це – за браком точніших свідчень щодо хронології видавничого процесу – все ж не дає підстав обмежувати час імовірного написання листа січнем 1860 р. Виглядає, що згодом не наполягав на своїй хронологічній пропозиції і Павлюк, співредактор української версії праці Жура «Труди і дні Кобзаря», де лист датовано – як і в раніше здійсненому російськомовному виданні – груднем 1859 р. [65]. Хоча, як зазначав Павлюк, у перебігу підготовки української версії у тексті праці було зроблено деякі зміни, в

т. ч. «враховано усталене тепер датування літературних і малярських творів Шевченка» [66].

І в Павлюковому коментарі до досліджуваного листа, і в низці інших праць категоричне твердження Новицького про те, що «один земляк» – це Вашкевич, трактовано лише як здогад дослідника [67]. Проте Григорій Нудьга сприйняв обговорювану тезу Новицького беззастережно [68], причому покликався не на його цитовану рецензію, а на монографію Бородіна, який насправді розглядав відповідне твердження колеги як припущення [69]. Мало того, Нудьга, вважаючи, що Вашкевич брав участь у виданні «Кобзаря» 1860 р., інтегрував його до кола знайомих письменника [70], для чого немає достатніх підстав. Немає їх, зрештою, і для переконливої ідентифікації Вашкевича як «одного земляка», з яким Каменецький читав коректуру «Наймички».

До наукового обігу запроваджено дуже фрагментарні біографічні відомості про Вашкевича (1837–1923). Ці матеріали потребують перевірки й істотного доповнення. Досі біографи Вашкевича приблизно уявляли хронологію його навчання на юридичному факультеті Петербурзького університету. Приміром, Нудьга твердив, що уже в березні 1858 р., коли Шевченко повернувся до російської столиці після заслання, там перебував і Вашкевич [71]. Дослідники залишали поза увагою істотний факт доуніверситетського періоду його життєпису – у 1859 р. Вашкевич закінчив Ніжинський юридичний ліцей князя Безбородька [72]. Восени того року він і розпочав студіювати право у Петербурзькому університеті: заяву Вашкевича про зарахування (як випускника спеціального навчального закладу – одразу на третій курс) позначено 7 вересня 1859 р. [73], відповідну ухвалу університетського правління – 15 жовтня 1859 р. [74]. В одній зі студій Нудьги наведено уривок з листа Григорія Честахівського до Агафії Лазаревської від 11 лютого 1868 р.: «Дуже добряча людина отой Вашкевич, а се Ваші сини-соколи довели його до того. Я знаю, яким він був спершу, як приїхав до Михайла Лазаревського, і який став тепер. Як сонце вияснився і прихилився думкою її любов'ю до своєї України [...]» [75]. Дослідникові вдалося з'ясувати, що Вашкевич, далекий родич Лазаревських, мешкав у квартирі Михайла Лазаревського [76]. Однак про контакти Вашкевича з ширшим колом петербурзьких українців в його університетські роки і тим паче про його тогочасну участь у виданні українських книжок нічого не відомо. Спогади Вашкевича про Каменецького також не свідчать про їхнє знайомство на ранньому етапі перебування мемуариста в Петербурзі. Так, він писав про Каменецького: «[...] в 1860 и 1861 годах управлял типографией, принадлежавшей П. А. Кулишу. Пользуясь, может быть, этим обстоятельством, Д. С. Каменецкий занимался изданием книг на малорусском языке, преимущественно предназначенных для народа» [77]. На мою думку, оця гіпотетичність формулювання («может быть») дає підстави твердити, що Вашкевич, інформуючи про діяльність Каменецького періоду друкування «Кобзаря» 1860 р., користувався не власними спогадами про друкаря, а пізніше здобутими даними. Прикметно, що, за свідченням самого Вашкевича, він познайомився з Костомаровим лише в березні 1866 р., коли розпочалася підготовка «Кобзаря» 1867 р. [78]; вони виступили співредакторами названого видання [79].

Як випливає з наведених фактів, у грудні 1859 р. Вашкевич щойно опановувався в Петербурзі, до якого прибув далеким від українства. З огляду на це й інші наведені факти ледве чи можна вважати, що саме він був тим «одним земляком», з яким Каменецький у грудні 1859 р. читав коректуру «Наймички». Радше випадає думати про тогочасного студента Петербурзької духовної академії Михайла Щербака (1836–1880), про задученість якого до української видавничої справи в Петербурзі саме в досліджуваній період добре відомо [80].

Написаним 8 січня 1861 р. листом до Шевченка 67 діячів київських недільних шкіл висловили письменникові вдячність за надіслання на користь названих освітніх осередків 50 примірників «Кобзаря» [81]. Цей лист було вперше надруковано у 1970 р. [82], хоча про його існування повідомлялося – в описах шевченківських матеріалів із зібрання Василя Тарновського – ще в дореволюційні часи [83]. До появи друком збірника «Листи до Т. Г. Шевченка. 1840–1861» відповідний епістолярний документ було ановано у трьох літописах життя і творчості Шевченка: у двох із них подавалася й інформація про місце збереження оригіналу [84]. Григорій Марахов, першопублікатор епістолярного документа, у коментарях до нього на підставі архівних джерел (описаних сумарно) розшифрував ініціали й подав роки народження більшості осіб, які підписали лист. Навівши докладніші біографічні матеріали лише про найвідоміших викладачів недільних шкіл, дослідник підсумував: «Такі відомості про деяких осіб, що підписали листа Т. Г. Шевченкові. Сподіваємось, що спеціалісти зацікавляться цим питанням, адже розшифрування підписів дало б цікавий і важливий матеріал як для вивчення біографії Т. Г. Шевченка, його оточення, епохи, так і для історії недільних шкіл на Україні» [85].

Оприлюднені в першопублікації листа відомості Марахов невдовзі здебільшого продублював у біографічному словнику «Т. Г. Шевченко у колі сучасників», подавши у ряді випадків дати народження, відмінні від наведених при першопублікації досліджуваного листа. Загальну інформацію про цей епістолярний документ дослідник доповнив повідомленням: «У січні 1861 року органи розшуку виявили, що група викладачів київських недільних шкіл надіслала Шевченку листа [...]» [86]. Оскільки Марахов не назвав джерела відповідних відомостей, їх слід поставити під сумнів, як і його міркування, що постанали на основі незадокументованого засновку: «Звичайно, поліція зайнялася б вивченням даного листа та переслідуванням його авторів, але хвороба, а потім і смерть Т. Г. Шевченка зупинили хід справи» [87].

У виданні «Листи до Тараса Шевченка» коментар підготовлено переважно на основі названих публікацій Марахова, інформаційний потенціал яких було використано, однак, не повною мірою. Задовільний коментар до аналізованого листа ще не створено. Особливо складним завданням, ясна річ, є подання біограм численних малознаних діячів – цю проблему не можна вирішити без спеціальних архівних і бібліографічних розшуків. Але в наявних коментарях відсутні (чи подані фрагментарно) відомості і про цілий ряд осіб, біографічні матеріали про яких уже давно запроваджено до наукового обігу. Подаю деякі відповідні доповнення.

Викладачка Фундуклівської жіночої недільної школи Л. Кучинська – це Людмила Михайлівна Кучинська (1842–1918), згодом дружина Михайла

Драгоманова [88]. Н. Чала, яка викладала разом із Кучинською. – дружина Михайла Чалого Надія Василівна (дівоче прізвище – Панова), яка у травні 1861 р. взяла участь у перепохованні Шевченка в Каневі [89].

«Член Печерської воскресної школи Александр Лашкевич» – Олександр Степанович Лашкевич (1842–1889), після закінчення історико-філологічного факультету Київського університету – мировий посередник, земський діяч, автор і (у 1888–1889 рр.) редактор-видавець журналу «Киевская старина». Окрім некролога [90] й мемуарних матеріалів [91], про нього існує докладна спеціальна студія Дмитра Оглоблінна [92].

Із двох братів Константиновичів, які підписали аналізований лист, у коментарях до його книжкової публікації фігурує лише Митрофан [93], рік смерті якого не вказано, хоча в публікаціях Марахова подано деякі відомості і про Миколу [94]. Митрофан Константинович (1841–1897) після закінчення фізико-математичного факультету Київського університету викладав у гімназіях, був інспектором народних училищ у Києві, у 1881–1890 рр. – остерський повітовим дворянським маршалком [95]. Опублікував окремими виданнями праці «Некоторые данные о народном образовании в Юго-Западном крае» (1874), «Химические беседы. Общепонятное изложение химических сведений» (1874, 1880), на сторінках «Киевской старины» – статтю «Развалины Юрьевской божницы в с. Старогородке» (1896). Як свідчив Гнат Житецький, «Химические беседы» були «дуже відомі свого часу» [96]. Рік народження Митрофана Константиновича вказую за «Малоросійським родословником» Вадима Молзалецького [97], смерті – за невідомим некрологом в газеті «Киевлянин» [98].

Микола Константинович (1844–1886) після закінчення історико-філологічного факультету Київського університету викладав у Рівненській і Чернігівській чоловічих гімназіях, був секретарем Чернігівського губернського статистичного комітету, заступником директора і директором Чернігівського міського громадського банку, очолював Чернігівську губернську земську управу [99]. На початку 1870-х редагував «Особое прибавление к Черниговским губернским ведомостям». Подане в 1872 р. клопотання Константиновича й Олександра Тишинського про заснування газети «Черниговский листок» було відхилено [100]. Окремими виданнями опублікував праці: «Обозрение Румянцевской описи Малороссии» (1866–1885, спільно з Олександром Лазаревським), «О курганах Черниговского уезда» (1875), «Записка секретаря Черниговского губернского статистического комитета об устройстве при комитете местного музея» (1877). Рік його народження подаю за «Малоросійським родословником» [101], дату смерті позначено в некролозі і в назві поезії Леоніда Глібова «На смерть Николая Александровича Константиновича (20 ноября 1886 года)» [102].

«Член Подольской воскресной школы Юзефович», про якого також не згадано в коментарі, вміщеному у виданні 1993 р., хоча Марахов і подав його ім'я й рік народження [103], – це Володимир Михайлович Юзефович (1841–1893), тогочасний активний учасник кївської громади [104], згодом петербурзький чиновник, у 1881–1893 рр. член ради Головного управління у справах друку. Рік його смерті встановлено за некрологом у петербурзькій газеті «Новое время»

[105], зафіксованим у невідписаній статті про Юзефовича в «Русском биографическом словаре» [106].

Уривки з листа голови Чернігівської палати цивільного суду Романа Тризни до Шевченка від 30 січня 1861 р. вперше опублікував Чалий [107]. Згодом було здійснено чотири повні публікації листа, із них три – коментовані [108], але й досі не всі його реалії задовільно пояснено. Лише нещодавно з'ясовано основні віхи життєпису самого Тризни, який допомагав Шевченкові поширювати «Кобзар» 1860 р. і «Букварь южнорусский» [109]. Наявні в науковому обігові відомості про Тризну небезітересно доповнити мемуарним свідченням Лазаревського, що стосується початку 1860-х рр.: «Прежде он занимал должность секретаря дворянского собрания, т. е. секретаря губернского предводителя [дворянства] или правой руки последнего, пользовался большою известностью в губернии, как за бескорыстие, так и за участливое отношение к ходатайствам всякого состояния просителей. Из нескольких фраз Р. Д. Тризны можно было видеть, что это не только честный и добрый чиновник, но и вместе с тем человек довольно образованный и развитой» [110].

Значну частину листа Тризни до Шевченка присвячено проблемам поширення «Букваря южнорусского» (СПб., 1861). Докладно переповівши свою розмову у цій справі з чернігівським архієпископом Філаретом, який поставився до «Букваря» неприхильно, автор листа додавав: «Директор теж щось мнеться, складає на округ і каже, що букварів мало в училища требається. З управляющим П. Г. И. ще не потолкував, бо його не було в городі» [111].

Згаданий в листі директор – це, як з'ясовано, директор училищ Чернігівської губернії Єгор Гудима [112]. Інше речення із цитованого фрагмента – яке включає аббревіатуру П. Г. И. – досі не коментувалося. Оскільки, на відміну від трьох перших із названих публікацій листа Тризни, у виданнях 1962 і 1993 рр. скорочення послідовно розкривалися, можна твердити, що упорядникам відповідних збірників не вдалося розшифрувати відповідну аббревіатуру.

П. Г. И. – це палата державних маєтностей (рос. палата государственных имуществ). Чернігівську палату державних маєтностей на той час очолював Павло Лонгинович Левдик, до якого кореспондент Шевченка і мав намір звернутися у справі поширення «Букваря южнорусского». Біографічні відомості про Левдика ще мають бути зібрані. Відтворюючи свої враження від спілкування з ним у 1860-х рр., Лазаревський писав: «[...] П. Л. Левдик (из стародубских козаков), человек с университетским образованием, умный и с безупречною репутацией» [113].

Як відомо, у 1840–1866 рр. міністерство державних маєтностей опікувалося і питаннями початкової освіти у державних (казених) селах [114] – саме з огляду на це Тризна і планував обговорити з Левдиком проблему поширення «Букваря южнорусского». Запроваджені до наукового вжитку матеріали дають підставу висловити сумнів у продуктивності відповідних перетрактацій: ледве чи Левдик наважився запровадити у підвідомчих школах Шевченків буквар власним рішенням. Відомо, що у квітні–серпні 1861 р. обер-прокурор Синоду. III Відділення та Головне управління цензури розглядали питання про можливість поширення «Букваря южнорусского» в народних школах і ухвалили рішення заборонити його використання [115]. Збереглися матеріали про негативне

ставлення до поширення «Букваря южнорусского» і власне міністерства державних маєтностей [116].

ДЖЕРЕЛА І ПРИМІТКИ

1. *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: У 12 т. Київ, 2003. Т. 5. С. 209–210, 428.
2. Листи до Тараса Шевченка. Київ, 1993. С. 107.
3. Листи до Т. Г. Шевченка. 1840–1861. Київ, 1962. С. 270.
4. Листи до Тараса Шевченка. С. 275.
5. Там само.
6. Див.: Е. Фил[иппова]. Васильевы // Театральная энциклопедия. М., 1961. Т. I. Стлб. 847–850.
7. Див.: Там само. Стлб. 850–851.
8. Напр., див.: *Шевченко Т.* Повне зібрання творів. [Київ], 1927. Т. IV. С. 580 (коментар Петра Руліна); *Шестериков С.* Примечания // *Шевченко Т.* Дневник. М.: Л., 1931. С. 351.
9. Див.: Воспоминания М. Г. Васильевой (Соболевой 2-й) о П. В. Васильеве / Публ. Е. В. Филипповой // Театральное наследие: Сообщения. Публикации. М., 1956. С. 317; *Мордисон Г.* Жизнь актера Павла Васильева: («Как колотятся терны...»). Л., 1972. С. 36–38.
10. Див.: [*Проконенко Н. П.*] Васильева Катерина Миколаївна // Шевченківський словник: У 2 т. Київ, 1976. Т. 1. С. 103.
11. Напр., див.: *Шевченко Т.* Повне зібрання творів. Т. IV. С. 580 (коментар Петра Руліна); *Шестериков С.* Примечания. С. 351; *Шевченко Т.* Повне видання творів. 2-е, доп. вид. Чикаго, 1960. Т. IX. С. 289 (коментар Павла Зайцева); *Його ж.* Твори: У 5 т. Київ, 1971. Т. 5. С. 480 (авторство коментаря не вказано); *Смілянська В. Л.* Імений покажчик // *Кошівський О.* Тарас Шевченко-Грушівський: Хроніка його життя. Київ, 1991. С. 651.
12. Див.: *Стрелетова П. А.* Воспоминания и письма. М.: Л., 1934. С. 515–516. Також див. коментарі Лева Гтельмана до іншого видання мемуарів «Минувшіє дні»: *П. А. Стрелетова:* Жизнь и творчество трагической актрисы. Л.: М., 1959. С. 307–308.
13. Див.: *Большаков Л.* Їхав поет із заслання...: Пошуки. Роздуми. Дослідження. Київ, 1977. С. 366–367; *Его же.* Коментарій к дневнику Т. Шевченко. Оренбург, 1993. С. 41–42; Дневник Тараса Шевченко с комментариями Л. И. Большакова. Оренбург, [2001]. С. 139–140.
14. Див.: *Большаков Л. И.* Оренбургская шевченковская энциклопедия: Тюрьма. Солдатчина. Ссылка: Энциклопедия одиннадцати лет. 1847–1858. Оренбург, 1997. С. 75–76.
15. *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: У 12 т. Т. 5. С. 361.
16. Листи до Тараса Шевченка. С. 126.
17. Див.: Там само. С. 298; Листи до Т. Г. Шевченка. 1840–1861. С. 281.
18. Див.: *Грищенко Н. А., Патрушова Н. Г.* Цензоры Москвы. 1804–1917: (Аннотированный список). // Новое литературное обозрение. 2000. № 4 (44). С. 420.
19. Листи до Тараса Шевченка. С. 126.
20. Див.: Там само. С. 298; Листи до Т. Г. Шевченка. 1840–1861. С. 281.

21. Твори Марка Вовчка. [Київ], 1928. Т. IV. С. 324, 584.
22. Див.: *Дудко В.* Нерезалізовані журнальні плани Пантелеймона Куліша (1857–1858 рр.) // Гуманітарна освіта в технічних вищих навчальних закладах. К., 2005. Вип. 11. С. 331–340.
23. *Гудзій М. К.* Невидані листи П. О. Куліша до Аксакових // Радянське літературознавство. 1957. № 19. С. 102.
24. Письма Куліша к В. В. Тарновскому. 1855–1858 // Киевская старина. 1898. Т. LXI. Апр. Отд. I. С. 131.
25. *Гудзій М. К.* Невидані листи П. О. Куліша до Аксакових. С. 102.
26. Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. Київ, 1990. Т. 2. С. 190.
27. Див.: *Вашикевич Г.* Неосуществившийся журнал Куліша «Хата» // Киевская старина. 1898. Т. LXII. Июль/авг. Отд. II. С. 5–6.
28. Див.: *Дудко В. І.* Із передісторії журналу «Основа»: альтернативний проєкт Пантелеймона Куліша // Вісник Київського славистичного університету. Серія: філологія. Київ, 2005. Вип. 25. С. 23–40.
29. Див.: *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: У 12 т. Т. 5. С. 182.
30. Листи до Тараса Шевченка. С. 174.
31. Див.: *Чалый М. К.* Жизнь и произведения Тараса Шевченка: (Свод материалов для его биографии). Киев, 1882. С. 130.
32. Див.: *Шевченко Т.* Повне зібрання творів. [Київ], 1929. Т. III. С. 339.
33. Листи до Т. Г. Шевченка. 1840–1861. С. 290–291.
34. Листи до Тараса Шевченка. С. 300.
35. Див.: *Жур П.* Труды і дні Кобзаря. Київ, 2003. С. 352.
36. Див.: *Жур П.* Труды и дни Кобзаря. Люберцы, 1996. С. 421.
37. Див.: Хронологический справочник: (XIX и XX века) / Сост. М. И. Перлер. Л., 1984. С. 10–11, 19.
38. Див.: Там само. С. 11, 14.
39. Див.: Листи до Тараса Шевченка. С. 300.
40. Див.: *Дудко В.* У Петербурзі після заслання: Джерелознавчі уваги // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Нью-Йорк; Львів, 2001. Т. 215: Світи Тараса Шевченка. II. С. 349–350.
41. Напр., див.: *Шевченко Т.* Повне зібрання творів. Т. IV. С. 671 (коментар Андрія Лободи); Листи до Т. Г. Шевченка. 1840–1861. С. 269; *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: У 6 т. Київ, 1964. Т. 6. С. 498 (коментар Бородіна); *Бородин В. С.* Каменецький Данило Семенович // Шевченківський словник. Т. 1. С. 272; *Смілянська В. Л.* Іменний покажчик. С. 661; Листи до Тараса Шевченка. С. 274 (коментар Смілянської); *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: У 12 т. Т. 5. С. 338 (коментар Большакова за участі Вишневіської); Т. 6. С. 446 (коментар Павлюка).
42. Див.: *Марахов Г. І.* Т. Г. Шевченко в колі сучасників: Словник персоналій. Київ. 1976. С. 53.
43. Напр., див.: *Шестериков С.* Примечания. С. 382; *Жур П.* Шевченковский Петербург. Л., 1964. С. 255; *Його жс.* Шевченківський Петербург. К., 1972. С. 154.
44. Напр., див.: *Лобач-Жученко Б. Б.* Літопис життя і творчості Марка Вовчка. Вид. 2-е, доп. Київ, 1983. С. 417; *Его жс.* О Марко Вовчок: Воспоминания, поиски, находки. Киев. 1987. С. 380.

45. Письма П. А. Кулиша к Д. С. Каменецкому: (На малорусском языке). 1858–1859 / Публ. А. Л[азаревского] // Киевская старина. 1898. Т. LXIII. Дек. Огд. I. С. 352.

46. Восемь писем Тараса Григорьевича Шевченка к разным лицам / Сообщ. С. Пономарев // Киевская старина. 1883. Т. V. Февр. С. 407.

47. Див.: *Марахов Г.І.* Т.Г.Шевченко в колі сучасників. С. 54.

48. Див.: *Андрієвський О.* Бібліографія літератури з українського фольклору. Київ, 1930. Т. I. С. 277.

49. [*Мордовцев Д.?*]. Некролог: [Д. С. Каменецкий] // Новое время. 1880. 18 (30) окт. № 1667. У київському виданні повідомлено лише, що Каменецкий помер наприкінці 1880 р. (див.: *** Труженики идеи: (Три некролога) // Труд. 1881. 10 июня. № 46).

50. *Д. [Мордовцев?]*. Похороны Каменецкого // Новое время. 1880. 22 окт. (3 нояб.). № 1671.

51. Див.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956. Т. I. С. 317.

52. [*Мордовцев Д.?*]. Некролог: [Д. С. Каменецкий].

53. Див.: Листи до Т. Г. Шевченка. 1840–1861. С. 269; *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: У 6 т. Т. 6. С. 498 (коментар Бородіна); *Марахов Г.І.* Т. Г. Шевченко в колі сучасників. С. 53; *Бородин В. С.* Каменецкий Данило Семенович. С. 272; *Смілянська В. Л.* Іменний покажчик. С. 661; Листи до Тараса Шевченка. С. 274 (коментар Смілянської); *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: У 12 т. Т. 5. С. 338 (коментар Большакова за участі Вишневської); Т. 6. С. 446 (коментар Павлюка).

54. Листи до Тараса Шевченка. С. 143.

55. Див.: Листи до Т. Г. Шевченка. 1840–1861. С. 182, 295.

56. *Новицький М. М.* Про видання «Листи до Т. Г. Шевченка» 1962 року // Радянське літературознавство. 1966. № 2. С. 65.

57. Див.: *Бородин В. С.* Над текстами Т. Г. Шевченка. Київ, 1971. С. 23.

58. Там само. С. 23–24.

59. Там само. С. 23.

60. Див.: Листи до Тараса Шевченка. С. 313.

61. Див.: *Бородин В.* Биография книги: «Кобзарь» 1860 года // Радуга. 1990. № 3. С. 121–122.

62. *Шевченко Т.* Повне зібрання творів: У 12 т. Т. 6. С. 191.

63. Листи до Марка Вовчка: У 2 т. Київ, 1979. Т. I. С. 80.

64. Див.: *Бородин В.* Биография книги. С. 122.

65. Див.: *Жур П.* Труды и дни Кобзаря. С. 469–470; *Його ж.* Труды і дні Кобзаря. С. 394.

66. Там само. С. 517.

67. Див.: *Смілянська В. Л.* Вашкевич Григорій Станіславович // Українська літературна енциклопедія: У 5 т. Київ, 1988. Т. I. С. 280; Листи до Тараса Шевченка. С. 313; *Активний А. П., Ласунський О. Г.* Из плеяды шевченковцев // *Активний А. П., Ласунський О. Г.* Пахарь духовной жизни: Историко-краеведческие очерки. Воронеж, 1994. С. 22–23; *Ротач П.* Горбан Шевченка / *Ротач П.* Злід Яготина до Полтави: Тарас Шевченко і Полтавщина. Полтава, 2002. С. 144;

Його ж. Полтавська шевченкіана: Спроба обласної (крайової) шевченківської енциклопедії: У 2 т. Полтава, 2005. Т. 1. С. 112.

68. Див.: *Нудьга Г.* Тарасова ялинка // Літературна Україна. 1984. 27 груд. № 52; *Його ж.* Мої зустрічі з приятелем Т. Г. Шевченка // Жовтень. 1989. № 3. С. 121. В оригіналі написано для «Шевченківського словника» статті Нудьги про Вашкевича про його залученість до видання «Кобзаря» 1860 р. не йшлося. У перебігу редакційної підготовки до первісного авторського тексту було додано: «Ймовірно, разом з Д. Каменецьким правив коректуру “Кобзаря” Шевченка 1860» ([*Нудьга Г. А.*] Вашкевич Григорій Станіславович // Шевченківський словник. Т. 1. С. 104). Первісний текст статті зберігається серед матеріалів ще неопрацьованого архіву «Шевченківського словника» у відділі рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України.

69. Див.: *Бордіні В. С.* Над текстами Т. Г. Шевченка. С. 23.

70. Див.: *Нудьга Г.* Тарасова ялинка. С. 6; *Його ж.* Мої зустрічі з приятелем Т. Г. Шевченка. С. 121. Із відповідною тезою Нудьги солідаризувався в одному з досліджень і Петро Ротач (див.: *Ротач П.* Полтавська шевченкіана. Т. 1. С. 112). І в первісному, і в остаточному варіантах статті Нудьги про Вашкевича, вміщеної в «Шевченківському словнику», про його особисте знайомство з Шевченком не йшлося.

71. Див.: *Нудьга Г.* Мої зустрічі з приятелем Т. Г. Шевченка. С. 120. У первісній версії статті для «Шевченківського словника» Нудьга писав: «У 1859–1861 рр. слухав лекції М. Костомарова в Петербурзькому університеті». У самому виданні про університетське навчання Вашкевича не згадано (див.: [*Нудьга Г. А.*] Вашкевич Григорій Станіславович. С. 104).

72. Див.: Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. Отд. II. С. CLXIII.

73. Див.: Центральний державний історичний архів Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 5. Спр. 1112. Арк. 2.

74. Див.: Там само. Арк. 1. Збереглося архівне свідчення про те, що Вашкевич закінчив університет у 1861 р. (див.: Там само. Арк. 2; *Нудьга Г.* Мої зустрічі з приятелем Т. Г. Шевченка. С. 121). Його, однак, не названо у друкованому списку випускників навчального закладу (див.: *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования: Историческая записка. СПб., 1870. С. CX–CXI), що не дає підстав вважати це питання остаточно з'ясованим. У більшості праць ідеться про те, що Вашкевич навчався в Петербурзькому університеті (напр., див.: *Смілянська В. Л.* Вашкевич Григорій Станіславович. С. 280; *Ротач П.* Торбан Шевченка. С. 144; *Його ж.* Полтавська шевченкіана. Т. 1. С. 112).

75. Цит. за: *Нудьга Г.* Мої зустрічі з приятелем Т. Г. Шевченка. С. 120.

76. Див.: Там само.

77. Письма П. А. Кулиша к Д. С. Каменецкому: (На малорусском языке). 1858–1859. С. 350–351. Насправді Каменецький керував Кулішевою друкарнею від 1857 р. (напр., див. коментар Лободи у вид.: *Шевченко Т.* Повне зібрання творів. Т. IV. С. 671).

78. Див.: *Вашкевич Г.* Из воспоминаний о Николае Ивановиче Костомарове // Киевская старина. 1895. Т. XLIX. Апр. Отд. I. С. 43.

79. Про участь Вашкевича у виданні «Кобзаря» 1867 р. докладно див.: *Бородин В. С.* Текстологія // Шевченкознавство: Підсумки й проблемн. Київ, 1975. С. 513–518.

80. Див.: *Бородин В. С.* Над текстами Т. Г. Шевченка. С. 27; *Дудко В.* Оголошення про вихід у світ чисел журналу «Основа» // Відкритий архів: Щорічник матеріалів та досліджень з історії української культури. Київ, 2004. Т. 1. С. 596–597.

81. Листи до Тараса Шевченка. С. 179–181.

82. Див.: *Марахов Г. І.* Лист до Т. Г. Шевченка // Радянське літературознавство. 1970. № 3. С. 52–54.

83. Див.: Каталог предметів малорусської старини и рідкостей: Колекції В. В. Тарновського. Київ, 1893. Вып. I. С. 15; Каталог музею українських древностей В. В. Тарновського. Чернігов, 1903. Т. II / Сост. Б. Д. Гринченко. С. 159.

84. Див.: *Косарик Д.* Життя і діяльність Т. Шевченка: Літературна хроніка. Київ, 1955. С. 245; *Анісов В., Серета Є.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка. Київ, 1959. С. 353; *Ткаченко М. М.* Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченка. Київ, 1961. С. 306.

85. *Марахов Г. І.* Лист до Т. Г. Шевченка. С. 54.

86. *Марахов Г. І.* Т. Г. Шевченко в колі сучасників. С. 6.

87. Там само. С. 7.

88. Див.: Л. М. Драгоманова: [Некролог] // Наше минуле. 1918. Ч. 2. С. 158–159; *Погребенник Ф. П.* Драгоманова Людмила Михайлівна // Українська літературна енциклопедія: У 5 т. Київ, 1990. Т. 2. С. 103. У спеціальній шевченкознавчій статті про Драгоманову досліджуваний лист не використано (див.: *Ротач П.* Полятavsька шевченкіана. Кн. 1. С. 226–227).

89. Див.: *Міяковський В.* «Академічна» публікація на відзначення сторіччя смерті Шевченка // Шевченко. Нью-Йорк, 1964. Річник 10. С. 54–55; *Жур П.* Шевченківський Київ. Київ, 1991. С. 229–231.

90. Див.: Александр Степанович Лашкевич: Некролог // Киевская старина. 1889. Т. XXVII. Дек. Отд. I. С. 485–494.

91. Напр., див.: *Кивлицкий Е.* Памяти А. С. Лашкевича: (К 10-летию со дня кончины) // Киевская старина. 1899. Т. LXVII. Ноябрь. Отд. I. С. 243–248.

92. Див.: *Оглоблин Д.* Олександр Степанович Лашкевич (1842–1889), редактор-видавець «Киевской старини» // Український історик. 1974. № 1/3. С. 155–168; № 4. С. 47–73. Окреме вид.: Торонто; Мюнхен, 1975. 48 с.

93. Див.: Листи до Тараса Шевченка. С. 348.

94. Див.: *Марахов Г. І.* Лист до Т. Г. Шевченка. С. 52; *Його ж.* Т. Г. Шевченко в колі сучасників. С. 58.

95. Див.: М. А. Константинович: (Некролог) // Киевлянини. 1897. 23 лютого. № 171.

96. Див.: *Житецький І.* Київська громада за 60-тих років // Україна. 1928. Кн. 1. С. 104.

97. Див.: *Модзалевський В. Л.* Малоросійський родословник. Київ, 1912. Т. 2. С. 440. Відповідний рік подано і в ряді пізніших публікацій (див.: *Марахов Г. І.* Лист до Т. Г. Шевченка. – С. 52; *Його ж.* Т. Г. Шевченко в колі сучасників. – С. 58.

Листи до Тараса Шевченка. С. 348). У працях Житецького рік народження вказано помилково: то 1844 (див.: *Житецький І. П.* Замітки до «Поміниці» // Наше минуле. Ч. 1/2. С. 122), то 1842 (*Його ж.* Київська громада за 60-тих років. С. 104).

98. Див.: М. А. Константинович: (Некролог). Модзалевський подав орієнтовну дату смерті – не пізніше 1901 р. (див.: *Модзалевский В. Л.* Малоросійський родословник. Т. 2. С. 441); Житецький використав відповідну інформацію некоректно, беззастережно вказавши 1901 р. (див.: *Житецький І.* Київська громада за 60-тих років. С. 104).

99. Див.: *Хижняков* ?. [Памяти Н. А. Константиновича] // Черниговские и губернские ведомости: Часть неофициальная. 1886. 23 нояб. № 92.

100. Див.: *Деко О.* Леонід Глібов у сімдесяті роки // *Сиваченко М., Декко О.* Леонід Глібов: Дослідження і матеріали. Київ, 1969. С. 101–103.

101. Див.: *Модзалевский В. Л.* Малоросійський родословник. Т. 2. С. 441. В одній з публікацій Марахов вказано помилкову дату: 1842 (див.: *Марахов Г. І.* Лист до Т. Г. Шевченка. С. 52–53).

102. *Хижняков В.* [Памяти Н. А. Константиновича]; *Глібов Л.* Твори: У 2 т. Київ, 1974. Т. 2. С. 133, 442. Укладач «Малоросійського родословника» інформував, що Микола Константинович помер не пізніше 1889 р. (див.: *Модзалевский В. Л.* Малоросійський родословник. Т. 2. С. 441). Ці відомості послужили для Житецького підставою для помилкового повідомлення про смерть Константиновича у 1889 р. (див.: *Житецький І.* Київська громада за 60-тих років. С. 104), хоча в одній з раніших публікацій дослідник подав правильну дату (див.: *Його ж.* Замітки до «Поміниці». 122).

103. Див.: *Марахов Г. І.* Лист до Т. Г. Шевченка. С. 52.

104. Див.: *Житецький І.* Київська громада за 60-тих років. С. 94, 96.

105. Див.: Некролог: [В. М. Юзефович] // Новое время. 1893. 28 апр. (10 мая). № 6164.

106. Див.: Юзефович Владимир Михайлович // Русский биографический словарь. Том: Шапов – Юшневский. СПб., 1912. С. 313–314.

107. Див.: *Чалый М. К.* Жизнь и произведения Тараса Шевченка. С. 181–182. Дослідник помилково датував лист 31 січня 1861 р. Принагідно слід зазначити, що в новітньому літописі життя і творчості Шевченка цей епістолярний документ також позначено хибною датою – 29 січня 1861 р. (див.: *Жур П.* Труды и дни Кобзаря. С. 536; *Його ж.* Труды і дні Кобзаря. С. 454).

108. Див.: *Новицький М.* З листування Т. Г. Шевченка // Шевченко та його доба. Київ, 1926. 36. 2. С. 165; *Шевченко Т.* Повне зібрання творів. Т. III. С. 343–344; Листи до Т. Г. Шевченка. 1840–1861. С. 217; Листи до Тараса Шевченка. С. 182–183.

109. Див.: *Супрунок О.* До біографії Романа Тризни // XXXI наукова шевченківська конференція (9–11 березня 1994 року): Матеріали. Луганськ, 1994. С. 58–60.

110. *А. Лазаревский*. Отрывки из черниговских воспоминаний (1861–1863 гг.) // Киевская старина. 1901. Т. LXXII. Март. Отд. I. С. 357.

111. Листи до Тараса Шевченка. С. 182.

112. Див.: *Супрунок О.* До біографії Романа Тризни. С. 59–60.

113. А. [Азаревский]. Отрывки из черниговских воспоминаний (1861-1863 гг.). С. 366.

114. Див.: [Щербак М. Г.] Училища, образовавшиеся на Юге в последнее время // Основа. 1861. Июнь. С. 107; Сухамлинов М. И. Училища и народное образование в Черниговской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. Ч. 121. Янв. Отд. III. С. 60. 75; Шафранов П. А. К истории народного образования в южнорусских губерниях // Киевская старина. 1902. Т. LXXIX. Ноябрь. Отд. II. С. 77-83.

115. Див.: Бородин В. С. Т. Г. Шевченко і царська цензура: Дослідження та документи. 1840-1862 роки. Київ, 1969. С. 74-76.

116. Див.: Шафранов П. А. К истории народного образования в южнорусских губерниях. С. 77-83; Шевелів Б. Петиції українських громад до Петербурзького комітету грамотності з р. 1862 // За сто літ: Матеріали з громадського і літературного життя України XIX і початків XX століття. Київ, 1928. Кн. 3. С. 11-16.

© 2008 р., В. С. Пукіш

ДЕЯКІ ЗАУВАГИ ЩОДО «КАВКАЗЬКО-ТУРЕЦЬКОЇ» ТЕМИ В ТВОРЧОСТІ ОЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА

Серед ранньої громадянської лірики найвизначнішого закарпатського письменника XIX ст. Олександра Духновича дослідники його творчості відзначають дві руські оди, написані у 1829 р., а саме: «Тріумф Николая Павловича, самодерж. царя всея Россиі, когда против

О.В. Духнович

Олександр Духнович (1803-1865) – письменник, педагог, церковний діяч, видавець; найвідоміший «будитель» карпатських русинів. Закінчив Ужгородську гімназію та Ужгородську духовну семінарію. Працював у Пряшівській єпископській канцелярії, священником, каноником Мукачівської, пізніше – Пряшівської єпархії. Автор «Історії Пряшівської єпархії» (1846), першого укр. букваря - «Книжци читальної для начинающих» (1847), п'єси «Добродитель превншает богатство» (1850); повісті «Милен і Любица» (1851) та ін.; видає перші на Пряшівщині літературно-художні альманахи та книги педагогічного характеру, літургичний катехизис, молитовники на рідній мові, книги «Сокращенная грамматика письменного русского языка», «Истинная история карнагороссов» і т.д. У 1862 р. заснував у Пряшеві культурне товариство «Общество св. Іоанна Хрестителя». В останні роки життя, втрапивши надію на справедливе розв'язання національного питання в Австрії, прийняв русофільські політичні та мовно-культурні погляди. Див.: Духнович Олександр // Краснзавчий словник русинів-українців. Пряшівщина / Упорядник і головний редактор Федір Ковач. - Пряшів, 1999. - С. 126-128.

гурков грядый, в Болгарію всею силою переселися» та «Оду на взятіє Варны, крѣпости в Болгаріи дужія, чрез полк Россійскій» [4, т. I. С. 171–176], в яких опісуються перемога росіян над турками. Через 20 років, у 1848 р., з'являється нова редакція цих двох поезій з дещо зміненими назвами («Ода (saphica) на триумф Ніколая Царя Россіи, егда на турков воював, напрасно чрез Дунай устроєнним мостом в Болгарію с всею силою прийшов, Исаакчу, і Исмаїл і прочія крѣпості взялъ» і «Стіхи (satyra) на взятіє Варни», відповідно) та зі своїм коментарем («Із'ясненієм») до змісту цих од. Ось цей коментар: «Ібраїл, Ісмаїл, Ісаакча суть гради в Болгаріи с крѣпостями, Ерзерум, Тулчин, Гіршова, Матчин, Костендча. Анапа суть гради в Персії, которіе Іван Пашкевич от пересел в том часу отобрал, когда Дісбич мостом через Дунай воишоу в Болгарію» [Цит. за: 6, с. 24].

Вищенаведені топоніми та антропоніми потребують додаткових сучасних коментарів та уточнень – як з огляду на те, що їх звучання з плином часу (та – зі зміною державної приналежності цих топонімів) змінилось, так і з причини неточностей, допущених автором у своєму коментарі.

Більшість з вищенаведених топонімів – це назви міст у Подунав'ї, переважно в сучасній Румунії: Ібраїл – турецька назва міста Браїла (Бреїла, Браїлов; рум. Brăila); Ісаакча, чи Ісакча (рум. Isaccea); Тулчин – сучасна Тулча (Тульча; рум. Tulcea); Гіршова, або Гірсово (рум. Hârşova); Матчин – варіант назви міста Мачин (Мечин; рум. Măcin); Костендча – має бути Кюстендже або Кістенджи – тур. назва сучасної Констанци (рум. Constanța). Окрім того, Ісмаїл – фонетичний варіант назви міста Ізмаїл (Одеська обл. України). Інші згадані тут топоніми стосуються міст, розташованих в протилежній, східній частині Причорномор'я: Ерзерум – сучасна назва Ерзурум – місто в межах сучасної Туреччини (тур. Erzurum); Анапа – місто в сучасному Краснодарському краї Російської Федерації.

Відзначимо, що перераховані Духновичем як «гради в Болгарії» міста на той час належали Туреччині (власне Болгарії як незалежної держави на той час ще не було), хоча, можливо, автор свідомо зараховує до Болгарії як історичної території регіон Добруджу, в якому розташовані ці міста, бо у VII–XV ст.ст. (з перервами) Добруджа входила до складу Болгарських царств.

Що стосується нібито «градів у Персії», то вони насправді теж належали Туреччині, а не Персії. Тулча, Гіршова, Мечин і Констанца взагалі розташовані далеко від Персії – на західному узбережжі Чорного моря. Що стосується колишньої *турецької* фортеці Анапа, то російські війська вийшли в неї після півторарічної облоги 12 червня 1828 р., і за Адріанопольським мирним договором 1829 р. Анапа відійшла до Росії [9, с. 20]. Варто зауважити, що тут Духнович, очевидно, плутає дві різні війни – російсько-перську (1826–1828) та російсько-турецьку (1828–1829). Справді, генерал Іван Федорович Паскевич керував російськими військами як під час кампанії проти Персії, так і проти Туреччини. І саме під його керівництвом російські війська взяли турецьке (а не перське) місто Ерзерум [У кн.: 8]. Однак антитурецьку експедицію під Анапою очолювали віце-адмірал Олексій Грейг і генерал князь Олександр Меншиков [9, с. 128, 271], а не Паскевич.

У 1856 р. у Львові Духнович видає «Мѣсяцослов на год 1857», у розділі якого «Всячина» подає полемічну статтю «Нѣчто о черкесах» [4, т. III. С. 230–231]. У

цій статті Духнович заперечує помилкові твердження численних сучасників про нібито спорідненість угорської та черкеської мов на підставі спільності частини лексичного фонду цих мов. Подавши спершу приклади таких подібних лексичних одиниць, далі автор як контраргумент, щоб довести неспорідненість черкеської мови з угорською, наводить афікси, що виражають граматичне значення множини іменників у цих двох мовах, і кілька «ізречених черкеських» (два прислів'я та фрагмент художнього тексту). Лишаючи осторонь питання про доречність використання саме лексичних одиниць для підтвердження чи спростування спорідненості мов, відзначимо, що під «черкеською» мовою, як це видно з наведених у статті прикладів, Духнович виводить зовсім не черкеську³, а одну з тюркських мов.

Так, тюркськими є всі слова й вислови, подані як черкеські. Що ж до вказаних афіксів множини – угорського *-k* і тюркського *-лар*, то вони, хоч і цілком відмінні за звучанням, навряд чи здатні довести неспорідненість цих мов: типологічно як фінно-угорські, так і тюркські мови належать до аглютинативних; крім того, при творенні форми множини як угорська, так і тюркські мови використовують сингармонізм.

Далі, щоб показати, яка «превосходна есть поэзія черкесская, или черкеско-татарская» [4, т. III, с. 231], Духнович додає зразки такої поезії в перекладі російською мовою. Відома дослідниця творчості Духновича Олена Рудловчак, яка упорядкувала третій том його «Творів», подаючи ці поезії в розділі «Примітки, коментарі, додатки», відзначає, що перший переклад належить російському поетові Олександру Бестужеву-Марлінському (1797–1837), «решта два переклади – несправедливим перекладачам, може, теж йому» [7, с. 425–427]. Як побачимо далі, всі три поезії, як і три вищезгадані прозові «ізречення черкеські», справді взяті у Бестужева-Марлінського.

Прозові вислови, як і перший поетичний зразок, знаходимо у кавказькій повісті О. Бестужева-Марлінського «Мулла-Нур» (1836). У повісті всі ці вислови є епіграфами: перший («Сычан гюранда, пелянага, охштан пишик; аслан гюранда, сычана дюнды») / «Кошка, завидя мышь, тигром надулась, а перед львом сама прикинулась мышкою»), названий там «приказкою», – до шостої глави [4, т. III, с. 230; 2, с. 175]; другий («Оджах-дан чихар-дюшман») / «Из роднаго племени возникают враги»), названий «татарським прислів'ям», – до післямови [4, т. III, с. 230; 2, с. 250]; а третій («О вахта зды-ки, Гиндустан падишахи...») / «В ту пору случилось Индийскому царю...») – до всього твору [4, т. III, с. 230; 2, с. 22].

У цьому ж творі знаходимо перший поетичний зразок (у Духновича – під заголовком «Тоска Любовницы», у повісті «Мулла-Нур» Бестужев-Марлінський

³ Черкесами в Росії (англ. – Circassians; самоназва – адиге) в той час називали представників усіх споріднених за мовою й побутом адигських народів: адигейців, шапсугів, кабардинців і власне черкесів (Див.: Казачий словарь-справочник. Том III: Раа – Ятовь / Сост. Г. В. Губарёв. Ред.-изд. А. И. Скрылов. - Сан Ансельмо, Калифорния, С.Ш.А., 1969. - С. 274). За сучасною класифікацією, існують дві адигські мови – адигейська та кабардино-черкеська.

означус його як «відома пісня» [2, с. 157]). Додамо, що на ці ж вірші написано відомий російський романс «Для чего ты, дуч востока...».

Друга поезія (у Духновича «Сила любви») у Бестужева називається просто «С персидского» (1828): вказано, що вона є перекладом вірша Йоганна-Вольфганга Гете «Bist du von deiner Geliebten getrennt» зі збірки «West-Östlicher Divan» («Західно-східний диван») [1, с. 152].

Третій зразок, визначений у Духновича як «Пѣсьнь воснная Черкессов в опасности», взято зі знаменитої сцени ще однієї кавказької повісті Бестужева-Марлинського – «Аммалат-бек» (1830–1831). Там горці співають ці, як їх там названо, «Смертныя песни» перед битвою з російськими сгерями та козаками [3, с. 52–53].

У свої примітках до цієї поезії Духнович описує один із бойових звичаїв черкесів: «Черкесы, видя неизбѣгаемую опасность, сей час разламывают оружие, и мечи, попробивают лошадей, чтоб не попались в добычу врагу, с ножами роняются на врага» [4, т. III, с. 427]. Цей же звичай описано у повісті «Аммалат-бек» безпосередньо перед сценою зі «Смертними песнями»:

«– Умрем! Умрем! только славно умрем! – закричали все, вонзая кинжалы в ребро коней своих, чтобы они не достались врагам в добычу, и потом, савинув из них завал, залегли за него, приготовляясь встретить нападающих свинцом и булатом» [3, с. 52].

Тож чи знав Духнович, що те, що він називас черкеською мовою, є насправді однією з тюркських мов? Очевидно, що так, і ось чому. Ми вже бачили, що він був достатньо добре знайомий з кавказькими повістями романтика Бестужева-Марлинського, котрий, подаючи у них зразки народної поезії чи приказок, зазначав, що це, приміром, – татарське прислів'я чи «куплет на старовинній турецькій мові» [2, с. 203]. Крім того, саме тюркські мови впродовж тривалого часу були на Кавказі мовами міжнаціонального спілкування, тобто їх знали і власне черкеси. Однак так само впродовж довгого часу представників усіх корінних народів Кавказу в Росії та Європі називали черкесами; більше того, саме черкесами називали всіх виселенців «мухаджирів» з Кавказу в Туреччині, де мали б відрізнити черкеську мову від тюркських (про це згадує Г. Астахов, який був у 1920-ті рр. там на дипломатичній службі), бо більшість їх складали дійсно черкеси та споріднені до них абхазці [5, с. 277]. Тому не дивно, що Духнович ототожнює черкеську мову з тюркською, пишучи: «Язык черкесской есть сам Татарский, прото зная татарский язык, по всем Кавказѣ разговоришься...» [4, т. III, с. 230].

ДЖЕРЕЛА І ПРИМІТКИ

1. *Бестужев-Марлинский А.А.* Собрание стихотворений. М.: Сов. писатель, 1948. (http://www.bookssite.ru/ser/read_130564_6.html)
2. *Бестужев-Марлинский А.А.* Аммалат-Бек. Мулла-Нур. - Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1968.
3. *Бестужев-Марлинский А.А.* Сочинения. Т. 2. Повести; Рассказы; Очерки; Стихотворения; Письма. - М.: Худож. лит., 1981.

4. *Духнович О.* Твори. Том I. - Словацьке педагогічне видавництво в Братіславі – відділ української літератури в Пряшеві, 1968; Том III. - Словацьке педагогічне видавництво в Братіславі – відділ української літератури в Пряшеві, 1989.

5. *История Абхазии.* - Сухум: Алашара, 1991.

6. *Рудловчак О.* Біля джерел сучасності. - Словацьке педагогічне видавництво в Братіславі – відділ української літератури в Пряшеві, 1981.

7. *Рудловчак О.* Примітки, коментарі, додатки // *Духнович О.* Твори. Том III. - Словацьке педагогічне видавництво в Братіславі – відділ української літератури в Пряшеві, 1989.

8. *Шикман А.И.* Деятели отечественной истории. Биографический справочник. - М., 1997 (<http://www.hrono.ru/biografi/paskevich.html>)

9. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года / Сост. Б. А. Трёхобратов. - Краснодар, 1997.

© 2008 г., В. К. Чумаченко

ВОСПОМИНАНИЯ Ф. А. ЩЕРБИНЫ (К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АВТОРА)

Большинство научных трудов Ф. А. Щербины опубликовано при его жизни. Сложнее дело обстоит с художественными текстами. Пока напечатаны лишь некоторые стихи и мелкие фрагменты воспоминаний прославленного кубанца. Основной свод мемуаров, написанные на украинском языке поэма и драма, доклады на исторические темы, многочисленные письма всё ещё остаются в рукописях. Особенно остро и давно стоит вопрос о публикации четырёхтомных воспоминаний Ф. А. Щербины «Пережитое, передуманное и осуществлённое», работа над которыми началась ещё до революции и продолжалась до самой смерти автора. Без их ввода в широкий научный оборот нам трудно понять, каким был этот человек, к которому тянулись прежде и все чаще обращаются теперь люди самых различных убеждений, потому что он воплощал и воплощает в себе два ключевых для нас, кубанцев, понятия – «казачество» и «Кубань».

К жанру воспоминаний Ф. А. Щербина обратился накануне Первой мировой войны. В 1914 г. статью «Привет “Кубанской школе”» [1] он начинает рассказом об одном дне, проведённом 50 лет назад в учении у новодеревянковского пономаря Харитона Захарьевича. Мемуарная составляющая очевидна и в статье 1918 г. «Старейшая Екатериновдарская школа (О 100-летию Екатериновдарского духовного училища)» [2]. И совсем уж полноценной главой к ненаписанным томам воспоминаний воспринимаются заметки «В походе с Добровольческой армией» [3], писанные и опубликованные по горячим следам событий.

Однако систематическая работа над воспоминаниями началась только в Праге, примерно в середине 20-х годов. Первые фрагменты увидели свет в сборнике 1928 г. «Казачество (Мысли современников о прошлом, настоящем и

будущем» [4] и в парижском журнале «Кубанское казачество» [5] (1930 г.), издававшемся при поддержке Союза кубанских писателей и журналистов. Послесловие к первому тому позволяет предположить, что первый том был в основном закончен Фёдором Андреевичем к 80-летию юбилею, который широко отмечался кубанской эмиграцией в 1929 г. Однако денег на издание тогда не нашлось. Его публикация началась лишь в 1934-ом в журнале «Казакция» и продолжалась пять лет, вплоть до закрытия данного издания в 1938 году. Своей очереди так и не дождались написанные за это время второй, третий и оставшийся недописанным из-за смерти автора четвёртый том.

Как известно, Фёдор Андреевич Щербинна скончался осенью 1936 года. Его научный и личный архив перешел по наследству к единственному сыну Григорию, который страдал тяжёлым психическим заболеванием. После смерти Григория Щербинны в 1947 году заботу об архиве взял на себя кубанец Михаил Хомич Башмак, работавший библиотекарем в пражской Славянской библиотеке. Он прекрасно понимал значение доставшегося ему архива, но сразу после войны тот оказался невостребованным как культурной частью эмиграции, экономически несостоятельной после Второй мировой войны, так и советской Кубанью, находившейся в тисках тоталитарной ленинско-сталинской идеологии.

Первые два тома машинописной копии «Пережитого, передуманного и осуществленного» попали в СССР в 1945 году в составе архива «Союза кубанцев в ЧСР», вывезенного из Праги специальными архивным подразделением НКВД. После описания бумаг местом их постоянного хранения стал Центральный архив высших органов власти и общественных организаций в Киеве [6]. Очевидно, тот, кто принимал решение о месте дислокации архива, не очень хорошо знал географию. В столице Украины кубанский архив находился на специальном хранении, и о его существовании широкому кругу специалистов известно не было. Впрочем, рукописи Щербинны не привлекли внимание исследователей и после рассекречивания фонда в годы так называемой перестройки.

В середине 1960-х кубанские краеведы (В. Орёл, А. Коломенец, И. Федоренко и др.) установили переписку с М. Х. Башмаком. В числе прочего их заинтересовали и воспоминания историка. На Кубань рукопись и машинописные копии «Пережитого, передуманного и осуществленного» были привезены из Чехословакии летом 1973 года старейшим кубанским архивистом Г. Т. Чучмаем. Именно по этому экземпляру в 1999 г. публиковались фрагменты из воспоминаний Ф. А. Щербинны в «Голосе минувшего» [7], а в 2003-м – в «Родной Кубани» [8].

Г. Т. Чучмай не знал, что за несколько лет до передачи части архива на родину М. Х. Башмак тайно переправил основную часть исторических документов из Чехословакии в США. Очевидно, не доверяя заверениям советских специалистов, что на Кубани архив станет объектом глубокого научного изучения и будет издан, он продал его проживавшему в Нью-Йорке пашковскому казаку Кондрату Алексеичу Плохию. Бывший пражанин, хорошо знавший Ф. А. Щербинну по совместной культурно-просветительной работе в Обществе кубанцев в ЧСР, обещал приложить максимум усилий для издания рукописей историка хотя бы на гектографе. Своего обещания он не выполнил. После смерти Плохия в 1979 году его архив и библиотека казачьей литературы, которую он

собирает с помощью друзей и букинистов по всему миру, попали на хранение в музей-архив им. Д. Антоновича Украинской вольной академии наук в США и более 25 лет сберегались в больших картонных коробках в числе так называемых неописанных фондов.

О существовании в Америке Щербиновского фонда автор статьи узнал в середине 1990-х годов, когда у него сложились дружеские и деловые отношения со многими старейшими деятелями УВАН. В их числе был и Леонид Лиман, непосредственно живший в подвале архива, где тогда, да и до сих пор хранится библиотека К. А. Плохия. Зная о научных интересах автора статьи, время от времени он посылал мне дубликаты имеющихся в библиотеке УВАН казачьих изданий. И вот однажды на одном из присланных журналов я обнаружил печатку М. Х. Башмака. Стало ясно, что там же надо было искать и архив самого кубанского историка, мимо которого страстный библиофил К. А. Плохий пройти просто не мог. Успешную разведку провел молодой американский историк Бриан Боук, учившийся тогда в докторантуре Гарвардского университета. Ему удалось обнаружить некоторые бумаги Щербины, среди которых были и отдельные тома его воспоминаний. Однако полное представление об уникальном архиве смог получить лишь киевский историк Юрий Савчук, который по поручению музея-архива УВАН сделал его первоначальную опись. Американский вариант воспоминаний Ф. А. Щербины – самый полный из известных нам на сегодняшний день, так как помимо основного текста он содержит черновые главы ненаписанных томов («Воронежский инцидент», «Красный Мусса» и др.). Именно его и следует положить в основу будущей публикации.

Содержание первого тома воспоминаний дает богатую пищу для изучения ментальности кубанцев и проблем, связанных с изучением их этнокультурной идентичности. Нехитрые перипетии сюжета предопределяют две важнейшие темы повествования, две большие любви: любовь к родной станице и трепетное сыновне чувство к матери. Постепенно сливаясь, они порождают те сложные и разнообразные сплетения мыслей и чувств, которые заворожат читателей, неравнодушных к своему казачьему прошлому. Родное тянется к родному, тем более – если родовую память воплощает в себе великий в своей простоте и гуманности человек.

Ф. А. Щербина родился 13 (25) февраля 1849 года в станице Новодеревянковской Черноморского казачьего войска в семье священника. Андрей Лукич Щербина (1816–1852) в семь лет потерял мать, а в семнадцать – отца. Слабого здоровьем юношу, на руках у которого остались младшие брат и сестра, переясловское станичное общество послало для подготовки к церковному служению в Екатерино-Лебяжью мужскую общежительную пустынь. Через год, успешно сдав экзамен, он занял место пономаря в Каневской Свято-Духовой церкви. Позднее отцу Андрею довелось послужить стихарем в Переясловской церкви во имя Рождества Богородицы и дьяконом в Крыловской Архангело-Михайловской церкви. Невесту, дочь священника отца Юрия – Марину Григорьевну Белую – присмотрел в станице НовоЩербиновской. Молодые повенчались около 1840 года. В ноябре 1848 года Андрей Щербина получил место священника в новодеревянковской церкви во имя Рождества Богородицы. Здесь семья окончательно пустила корни, и именно здесь суждено было появиться на

свет будущему казачьему историку. Всего же у Андрея Лукича и Марии Григорьевны было шестеро детей: дочь Доминикия (Домочка), сыновья – Тимофей, Василий, Фёдор и два Андрея (первый умер вскоре после рождения).

В детстве маленькому Феде казалось, что лучше родной Деревянковки «нет места в мире». Это естественное детское чувство привязанности к своей малой родине он пронёс через всю жизнь. И на склоне лет большой учёный не стеснялся признаться, как дороги ему чистые детские воспоминания о родном доме, о матери, о родных и близких, о друзьях детства и одностаничниках, об окружающей природе. Убогая деревянная церковь с зелёными куполами и облупившимся крестом казалась мальчику архитектурным шедевром. А первое далекое путешествие – «до високой могилы» в полуверсте от дома – путешествием на край света. Открывшиеся с неё река и степи, курганы и балки, увиденные с высоты люди, животные и птицы, наконец, сама Деревянковка, раскинувшаяся по берегам реки Албаша, разбудили в нем первые ощущения красоты и волнующего единения с этим увлекательным миром. Благодаря хлеборобу Явтуху и пастуху Охтиану он горячо полюбил природу, а в ней – царину с запашками и баштаном, и степи, где рос сладкий катран, станичники косили сено и пасли скот.

Но самой большой страстью была любовь к матери, великой труженице и печальнице о своих детях. Отец умер от чахотки, когда Фёдору едва исполнилось три года. Все тяготы по воспитанию детей и ведению хозяйства легли на плечи вдовы, которая удивительно достойно и героически несла выпавший на её долю крест. Поневоле взяв на себя роль одиночной хозяйки дома, она не только щедро обогревала своим теплом наполовину осиротевшее семейное гнездо, но и давала тепло и кров другим несчастным людям, населявшим её «богадельню», умело управляла мужской частью казачьего подворья, которая также беспрекословно подчинялась матушкиному авторитету. Собранные под одной крышей родные и не родные по крови люди (многолетние работники и приживалы), составляли одну большую семью. Федя страстно любил мать и готов был сделать все за её ласки и нежные поощрительные слова, от которых он просто сторуал от удовольствия. Со временем Фёдор Андреевич уже не мог отделить любовь к Деревянковке от любви к матери.

В первом томе (как, впрочем, и в остальных) почти нет сквозного действия, хотя третья глава, с которой, собственно говоря, и начинается рассказ о самом герое, рисует перед нами довольно динамичную картину детской игры – битвы «казаков» с «черкесами». Но некое подобие единого сюжета завершается уже в десятой главе. Время перестает течь, повествование дробится на ряд новелл, каждая из которых могла бы публиковаться отдельно и которые скрепляет воедино главный герой – ребёнок, познающий раскрывающуюся перед ним Вселенную. Его пытливые глазки вырывают поочередно расположенные вокруг на разном удалении людей. Более близкие – наиболее любимые – мать, отец, дедушка о. Юрий, родные сестра и братья, двоюродная сестра Марфа, родич Стрига, дядки Шрамы, чуть дальше – ставшие почти родными Явтух, Охтиан, Касалапа Оксана, пластун Костюк, еще дальше – чужие, но чем-то примечательные люди (судья Набока, атаман Москаленко, кабатчица Андриановна, есаул Слабизьон и др.).

Автор старательно, даже несколько по-ученически, выписывает их портреты, сообщает нам о мельчайших особенностях характеров, тщательно вписывает в интерьер, чтобы мы могли каждый персонаж представить себе воочию. Время от времени он всё же заставляет нарисованные картины оживать, а героев – двигаться, действовать, совершать поступки. Таковы главы «Мое знакомство со станичной громадой», «Поход на хутора», «Бабочки-стрекотухи у Андриановны в гостях». Примечательны немногочисленные массовые сцены. Например, читателю запомнится станица Новодеревянковская, взбудораженная слухами о бомбардировке Ейска и приближающихся англичанам. Но особенно хороши проводы казаков на службу, когда, охваченный всеобщим порывом, Федя уходит провожать земляков далеко за станицу. Вероятно, в этот момент зрившее в нем чувство всеобщего казачьего родства, ограничивавшееся ранее семейным кругом, нашло более широкий выход.

В конце первого тома Ф. А. Щербина подробно описывает рождественские и пасхальные святки, деревянковские игры и зрелища, а также местный украинский фольклор, сыгравший далеко не последнюю роль в воспитании его личности. В нём впоследствии органично уживались учёный-статистик, историк и этнограф.

Рассказывая о детстве Фёдора Андреевича Щербинны, его биографы традиционно выделяют два ключевые момента. Во-первых, его раннее знакомство с казачьей идеологией через непосредственную вовлечённость в казачий быт (трепетное отношение к лошади, поездки на царнцу, на ярмарку в Старощербиновскую, к родычам на Ахтари, в портовый город Ейск), через общение с живыми носителями идей запорожской вольницы, каковыми были его дедушка о. Юрий и старый запорожец Кобыцкий. Много узнал он о казачьем народоправии, часами сидя у забора, за которым решал насущные проблемы станичный сбор, и прислушиваясь к речам опытных казаков.

Во-вторых, все пишущие о Фёдоре Андреевиче неизменно подчеркивают благотворное влияние на него домашнего воспитания, жизни в окружении дорогих ему и любящих его людей. Читать его научила старшая сестра Домочка. Это помогло ему избежать учебы у местного вечно пьяного дьячка Харитона Захаровича, в «школе» которого процветала бессмысленная зубрежка, свистели розги, а особо провинившихся заставляли стоять голыми коленями на соли. Такая учеба, несомненно, отвратили бы его в дальнейшем от книги, от тяги к знаниям. Избежав ужасов доморощенной казачьей школы, мальчик сберег свою чистую нежную душу для тех ярких радужных впечатлений казачьего детства, которыми так прекрасна и так насыщена его первая книга воспоминаний.

«Второй период моего детства и затем юношеской жизни, составило мое шестилетнее пребывание в Черноморском войсковом духовном училище в г. Екатеринодаре», – писал Ф. А. Щербина, начиная второй том своих воспоминаний. В 12 лет было страшно покидать отчий кров, но он уже настолько подрос, окреп физически и духовно, что «отчетливо понимал необходимость взять себя в руки и учиться». Грустным было расставание с родной станицей, в которую ему теперь было суждено возвращаться только три раза в год: на Рождество, Пасху и летние каникулы. Когда телега выехала со двора, предательские слезы навернулись на глазах, и мальчик не зная, куда глядеть, бросал растерянный взгляд то на родной двор, то на мелькавших вдоль улицы

дома и людей. В последний раз он взглянул на Деревянку, когда остановились для короткого отдыха на пригорке, с которого «станция открывалась во всей красе и жизнненности» его детских впечатлений о родном доме и родных местах.

Исследователи, штудировавшие второй том воспоминаний до меня, сосредоточивали своё внимание на факторах, способствовавших превращению Ф. А. Щербини в революционера-народника, убеждённого в необходимости переустройства российской жизни на новый, более прогрессивный лад. Поэтому, начиная своё непосредственное знакомство с записками об этом периоде, я заранее сожалел о предполагаемой утрате рассказчиком высокой лирической ноты, выдержанной в начале всего повествования. И, к счастью, ошибся. Второй том также поэтичен, а герой-рассказчик трогателен и нежен ко всему, что всплывает в его удивительно острой на чувства, запахи и ощущения памяти. Но во втором томе герой, по мере взросления, становится всё более сдержаннее. Великолепно описание поездки в казачью столицу и самого въезда в Екатеринбург, когда посреди центральной улицы Красной, уже во втором квартале, им перегородило дорогу огромное, шириной во всю улицу болото с квакающими лягушками. Первые дни отводились знакомству с городом. Его тогда ещё украшал тогда великолепный деревянный собор, были целы земляные валы, окружавшие войсковую крепость с её сорока куренями, а атаманский дворец представлял собой маленький чисто выбеленный одноэтажный домик с большими окнами и блестящей железной крышей зелёного цвета. Автор щедр на детали и всевозможные исторические аллюзии, рассказывает ли он о посещения казачьего собора или живописует будни училища, где он находит себе первого товарища – Григория Попку, племянника знаменитого казачьего генерала и историка.

В Щербине по-прежнему борются не лишенный чувства юмора прекрасный беллетрист, прирождённый историк и пытливый этнограф. Чего стоит хотя бы следующая печально подсмотренная мальчиком комическая сценка. Рано утром наказный атаман Н. А. Иванов, выйдя из своего «дворца», измерял длинным шестом глубину придорожной канавы. На себя он при этом накиннул лишь поношенный сюртук, из-под которого выглядывали белые кальсоны, заправленные в некое подобие рваных галош... Несколько деталей, а эпоха в жизни казачьего града – как на ладони.

Второй том – это рассказ об очередном этапе духовного становления будущего казачьего интеллигента. Вначале это всё ещё ребенок, осторожно выпытывающий у матери по дороге в Екатеринбург оптимальный маршрут бегства домой, если учеба не заладится. Потом прилежный ученик, стремящийся быть первым по всем предметам. Сперва – из панического страха перед возможным наказанием; со временем – из желания соответствовать репутации, которую заслужили учившиеся здесь старшие братья; наконец, – из проснувшейся в нём и всё более дающей о себе знать тяге к знаниям.

В духовном училище он сделал «первый опыт в литературной профессии» – написал сочинение о покорении Кавказа, которое очень высоко оценил учитель П. Н. Розанов, сожалевший, что дни празднования покорения Западного Кавказа прошли, и поздно было рекомендовать сочинение Фёдора Щербини для публикации в «Кубанских войсковых ведомостях», что, несомненно, сделало бы честь всему училищу.

Домашнее воспитание со всеми его достоинствами и недостатками неоднозначно сказалось в училище. Склонный к одинокому созерцанию и непривыкший к брутальному общению с бесцеремонными сверстниками подросток тяжело переживает притеснения стороны старших учеников. Он никогда ни с кем не дрался, что было странным для казачат, в среде которых драки были естественным способом самоутверждения. Страшное возмущение вызывает у него кража апельсинов, совершенная товарищем на базаре, – традиционное развлечение бурсаков. Привоз в город двух убитых казаков и черкеса (вызывавший нездоровый интерес горожан) приводит его в такой ужас, что подросток принимает для себя решение никогда не надевать на себя военную форму и не брать в руки оружие. Правда, в нём все же просыпается интерес к охоте, но и в конце жизни учёный с неподдельной болью и отчаянием вспоминал предсмертный хрип и трепетание подстреленного им когда-то зайца.

Последние годы учебы в Екатеринодаре были уже не так безотрадны. Инспектор, переведенный в Ставрополь, «как бы унес с собой и старый, сильно выдохшийся уже и при нем училищный дух». Учебное заведение с уходом «властного лица» потеряло свою «казарменно-форменную окраску». Было упразднено сечение розгами, «утратило свою прежнюю силу издевательство властных учителей над подневольными учениками», «поколеблены были основы зубристики как насилие над самостоятельностью детской мысли». В училище приходят молодые прогрессивные педагоги. Склонный к портретному живописанию, Ф. А. Щербина оставил нам, быть может, не очень подробные, но запоминающиеся образы: инспектора И. П. Покровского, покоровшего учеников своей мягкостью, корректностью и серьёзностью в обращении с другими; преподавателя русского языка П. Н. Розанова, приохотившего его к сочинительству; преподавателя географии Ф. И. Дудкина (казака из черноморцев, «прекрасного учителя», обогатившего Фёдора Андреевича «научными знаниями» – «глубоко симпатичного человека», влиявшего «обаянием своей гуманной личности»).

Что же касается «революционеров», то с ними Фёдор Андреевич познакомился не в Екатеринодаре, а у себя дома, в станице. В 1865 году он близко сошёлся с молодыми офицерами расквартированного в Новодеревянковке Крымского пехотного полка регулярной армии, особенно с капитаном Карельским и поручиком Синельниковым. Оба офицера очень расхваливали казаков за их храбрость, находчивость и за человеколюбивое отношение к безоружному черкесскому населению при взятии черкесских аулов (в то время как солдаты регулярной армии смотрели как на «нехристей» и особенно не церемонились ни с детьми, ни с женщинами). Нет, молодые приятели, конечно, не были революционерами, а скорее, просто либерально мыслящими людьми, сделавшими к тому же впоследствии прекрасную военную карьеру. Но именно «эти оба офицера, – писал Фёдор Андреевич, – ...не скажу, чтобы посеяли в моей голове определенные революционные политические идеи и дали правильное освещение государственной жизни и господствовавших в ней порядков, но они, так сказать, веколыхнули тот запас фактических материалов, который накопился в моей голове и к которому они прибавили и свой. Сами они плохо разбирались в этом материале, а я тем более».

После знакомства с ними Щербина всё чаще стал задумываться о произволе властей, об отсутствии в России политических свобод, о гонениях против свободомыслящей молодежи, о больших налогах и о бедственном положении крестьян, об отсталости России в культурном и военном отношении от западноевропейских государств. Этот перечень недостатков и несовершенств государства неминуемо восходил вверх и, в конце концов, упирался в трон и в персону самого царя, только что посетившего Екатеринодар, и которого ещё недавно юноша боготворил за освобождение старшины Камянского и его единомышленников, вставших во главе бунта черноморцев против насильственного переселения в только что присоединенное к области Закубанье. В простоте душевной юноша полагал, что всякому человеку позволительно так вольно мыслить.

Подводя итоги своему учению в казачьей столице, Фёдор Андреевич не без юмора писал: «в Кавказскую духовную семинарию я ехал потом не только первым из Екатеринодарского войскового духовного училища учеником, но и вместе с тем республиканцем и государственным преступником».

Год окончания училища и переезда в Ставрополь (1866) совпал с трагическим для всего семейства событием – смертью от скоротечной чахотки горячо любимого брата Тимоши, что основательно подорвало жизненные силы главы семейства. Через несколько лет, когда Фёдор уже учился в семинарии, пришлось хоронить мать, и это самое страшное в его жизни событие преломил земное бытие на два неравные части: жизнь под материнским крылом и жизнь без её тепла и ласки.

Ставропольская духовная семинария считалась отличным учебным заведением. Перед её выпускниками открывалась прекрасная карьера. Фёдора Щербину зачислили в неё как первого ученика бесплатно воспитанником риторического класса и поселили в общежитии, в комнате, где помимо него, ещё три кровати занимали его сверстники, а пятую – присматривающий за ними воспитанник старшего, богословского класса. И потекла размеренная жизнь. В строго определенные часы воспитанники вставали и ложились спать, завтракали или «пили чай», обедали и ужинали, ежедневно «ходили на молитву», а в праздничные дни и накануне их – в церковь на богослужение. Наверное, посланец Кубани успешно закончил бы это учебное заведение, и стал прекрасным священником, если бы именно в Ставрополе не победила в нём страсть к осознанному систематическому чтению, которое вскоре пришло на смену чтению вразброс.

Он «быстро наладил чтение книг и журналов по следующей схеме, обнимавшей три отдела: 1) основной или главный; 2) подсобный или дополнительный и 3) отдел повременной печати». Первый отдел, которому отдавалось предпочтение, обнимал главным образом произведения научного характера (включая запрещённые книги) по экономике, преимущественно политической, а также истории и социологии, позднее – статистике и этнографии. Во второй отдел входила беллетристика и поэзия. Вся молодежь увлекалась тогда Д. И. Писаревым, и уже не интересовалась В. Г. Беллинским. Вслед за новым кумиром и Ф. Щербина ставит Лермонтова по поэтическому таланту выше Пушкина, а ещё выше – теперь уже по идеологическим соображениям –

Некрасова, который писал о простом народе, выражая его самые сокровенные чаяния.

Чтение периодики, вероятно, предопределялось доступными ему в заолудистом губернском городке периодическими изданиями. К счастью, среди них оказались «Отечественные записки», регулярно публиковавшие обзоры о жизни крестьян в различных уголках империи. Их чтение привело Фёдора к мысли, что именно трудовой люд держит на своих плечах государство и что государственное управление надо перестроить применительно к этому началу. «поставив во главе государства вместо одного царя коллективный разум и мораль лучших представителей народа». «Отечественных записок» ещё более укрепили его интерес к изучению земельной общины.

На долгое время вниманием Ф. А. Щербины овладели труды Н. Г. Чернышевского, благодаря которому он познакомился с учением Мальтуса о перенаселении земного шара. Он основательно проштудировал знаменитый труд отца политической экономии Адама Смита «О богатстве народов», а затем взялся за работы экономиста Джона Стюарта Милля, опубликованные с подробными примечаниями Н. Г. Чернышевского. В Ставропольской публичной библиотеке он разыскал книги Пфейфера «Об ассоциациях» и Бехера «Рабочий вопрос», которые дали ему «ясный и определенный ответ на мучивший <...> вопрос о соподчиненных ассоционных формах, необходимых для развития казачьей общины в экономическом и культурном отношениях». Они сконцентрировали работу его мысли на особой области социально-экономических явлений – на артелях. Возникает мысль о возможности «организовать ассоциацию из семинаристов». Этой мыслью он поделился с самым близким другом, Григорием Попко, который «всцело примкнул к ней». На первое собрание явилось 12 семинаристов, на второе уже только 8. Из них и составила ассоциация. Решили сосредоточиться на трёх видах работ: переплётном, сапожном и столярном. Это было некоммерческое предприятие, а некий опыт, призванный показать преимущества «ассоционного труда» над единоличным. Когда генеральный учёт достижений ассоциации убедил Ф. А. Щербину в успехе предприятия, он задался мыслью устроить земледельческую ассоциацию в Черномории для радикального преобразования сначала родных мест, а потом и всей России. Первому поведал о ней Григорию Попке, на что тот лаконично ответил: «Куда ты, туда и мы с тобой».

Третий том воспоминаний Ф. А. Щербины вновь переносит нас на Кубань, в историческую Черноморию. В создании сельскохозяйственной артели согласились принять участие, помимо Ф. Щербины, еще четверо семинаристов: Яков и Григорий Попко, Кирилл Грачев и Василий Архангельский, покинувшие ради этого последний курс Кавказской духовной семинарии. Местом эксперимента, призванного потрясти государственные основы, выбрали станицу Бриньковскую, где служил дьяком отец К. Грачёва. Землю артельщики арендовали «исползу» у местного священника. Работая в артели, Фёдор Андреевич освоил все сельскохозяйственные премудрости: считался лучшим косцом («водил перед») и был отличным плугатырём. Работа на свежем воздухе и хорошее питание укрепили его здоровье, и уже никто не дразнил его доходягой.

Обнадеживающие результаты первого года работы убедили реформаторов в правильности своего предприятия, однако на второй год их преследовали сплошные неудачи. Год выдался неурожайным, сено сгорело, а вентера для рыбной ловли порезали конкуренты. Но самое главное: станичники, в принципе хорошо относившиеся к трудолюбивым артельщикам, отказались последовать их примеру коллективного труда, а значит, и главная цель начинания не была достигнута. Решено было на время прекратить эксперимент, а для начала поучиться в Петровской земледельческой академии, куда первыми должны были отправиться Ф. Щербина и Г. Попко.

Для учёбы в Москве нужны были средства, а денег хватало только на дорогу. Фёдор Андреевич нанимается репетитором в семью богатого скотопромышленника Миргородского. Но истинным подспорьем в осуществлении мечты об учебе в высшем учебном заведении стала войсковая стипендия, выделенная атаманом М. А. Цакни. Она была честно заработана первой литературной публикацией Ф. А. Щербины в газете «Кубанские областные ведомости». В 1872 году в ней была опубликована его статья «Из станицы (Общественные кабаки)», в которой предлагалось вместо частных кабаков устроить общественные питейные заведения под контролем властей, с тем чтобы полученные доходы отчислялись в общественный капитал. Статья понравилась редактору газеты М. Гегидзе, который хлопотал за автора перед атаманом. Тот принял у себя семинариста, подробно расспросил о его желании учиться в Петровско-Газумовской академии, об интересовавших его науках и благословил на поездку в Москву.

Первый литературный успех и внимание областных властей резко переменяли отношение к нему в родной станице. Многие считали, что после окончания курса наук Фёдора произведут прямо в чин сотника, минуя чины урядника и хорунжего, как это нередко случалось с лицами, получившими высшее образование в столицах. Но его самого волновали не служебные перспективы, а мысль о том, что он «будет служить народу в области его духовных нужд и связанных с ними материальных потребностей». Он твёрдо решил для себя не уходить с того пути, по которому он шел уже «несколько юношеских лет, как народник, долженствующий честно служить трудовому народу».

Уезжая в Москву, Фёдор Андреевич увозил с собой многочисленные записи, заметки, извлечения из официальных документов, собранные им за два с половиной года работы на Кубани. Впоследствии они пригодились при написании его первых книг «Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм» и «Земельная община кубанских казаков», а также статей, опубликованных в ряде газет и журналов.

Проводы будущего студента вылились в настоящий апофеоз его «морального единения» со станичниками. Поскольку уезжать надо было до ранних петухов, отъезд отмечали накануне. Народу пришлось множество. По обычаю принятой в таких случаях складчины, знакомые и соседи несли пирожки с потрибкою, творогом, яблоками и вишней, колбасы и свежее свиное сало, горшочки с коровьим маслом и сметаной, жареных куриц и цыплят, а двоюродная сестра Марфа притащила целого жареного поросёнка. Каждый участвующий в

приношении передавал его хозяйке дома со словами: «на дорогу!» Все вдоволь ели и пили, поздравляя Фёдора с «наградой», каковой казалось им поездка на учебу. Он понимал всю неоднозначность их взглядов на его успех у начальства, но искренность сказанных земляками слов трогала и ободряла казака перед дальней дорогой.

Осенью 1872 года Фёдор Андреевич становится студентом Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, в которой ему суждено было окончить только один курс. Рассказом об этом событии начинается четвёртый, незавершённый том воспоминаний. Вместе с ним студенческую тужурку примерил и его неразлучный друг Григорий Попко. А через некоторое время к ним присоединились товарищи по Кавказской духовной семинарии Иван и Евгений Победоносцевы, Пётр Ульянов и Григорий Смирнов.

Фёдор Андреевич поселился вместе с Г. Попко в небольшом поселке Выселки, примыкавшем непосредственно к академии, на частной квартире. Там селилось студенчество, склонное к вольнице, не мирившееся с казённой студенческого общежития. Щербина решает посвятить себя целиком учёбе. С большим интересом посещает он лекции профессоров А. И. Бабухина, К. А. Тимирязева, И. А. Стебута, И. И. Иванюкова, Я. Я. Цветкова. Учиться ему было легко, так как в отличие от своих сверстников, он получил практический опыт в земледельческой артели.

«Революционная гидра» уже свила себе гнездо в этом учебном заведении, но кубанец твердо держался убеждения, что положительных изменений в жизни России можно достичь лишь путем эволюционного развития, а не революционного насилия. Все попытки вовлечь в его в ряды пропагандистов лопатинского или бакунинского толка неизменно закапчивались ничем. Переубедить Щербину не смогли ни юные бунтари из числа студентов, ни революционно настроенные преподаватели. Однако это не убергло юношу от неприятностей.

Инцидент, приведший его к выдворению из академии, произошёл вовсе не из-за революционных вейаний. Однажды студенты ополчились на содержательницу столовой, полновластную особу над их желудками, действовавшую совершенно бесконтрольно. Для приготовления пищи она из экономии закупала самые дешёвые продукты, а недоседавшие обеды без зазрения совести подавала на другой, и даже на третий день. Ссора разгорелась, когда студенту Кириллову было предложено на обед протухшее мясо. Директор академии Ф. Н. Королёв, разбивший инцидент, не поддержал студентов в их требовании навести в столовой элементарный порядок. Тогда Щербина предложил написать письмо министру государственных имуществ, который до этого посещал академию и обещал студентам всестороннюю поддержку, «корректное письмо не в виде жалобы, а в целях уяснения происшедшего» и вызвался составить его текст. На следующий день утром он был вызван через курьера к директору. Расспросив о характере предполагаемого письма и убедившись, что в нём нет ничего компрометирующего его лично, он предложил автору перевестись в какое-нибудь другое учебное заведение, подальше от Москвы с её холодным и сырым климатом. Уезжая на каникулы, Фёдор Андреевич уже знал, что не вернется назад, хотя для студентов всё произошедшее осталось тайной. Лишь его верные «лицари»

Г. Попко, братья Победоносцевы и Ульянов знали всё и решили ехать вместе с ним на юг, в Новороссийский университет.

Во время учёбы в Москве состоялся дебют Ф. А. Щербинны в большой печати. Популярная «Неделя» опубликовал его статью по земельному вопросу. При личном свидании редактор журнала П. А. Гайдебуров, вручая автору первый в жизни гонорар, посоветовал ему всерьёз заняться литературной деятельностью. Этот короткий разговор укрепил Фёдора Андреевича в мысли заняться самостоятельными научными исследованиями, к чему он решил приступить сразу же по приезде в Одессу.

Каникулы после ухода из академии Фёдор Андреевич провёл дома, в Деревяновке, радуясь положительным изменениям в жизни станции, где за время его отсутствия у казаков появилось много новых сельскохозяйственных орудий, открылась ещё одна школа и увеличилось число претендентов для поступления в средние и высшие учебные заведения. «И мы своего отправляем учиться!» – такими словами встречали его знакомые. Эти новые черты в жизни родных мест радовали его.

В Новороссийский университет на естественное отделение Ф. А. Щербину зачислили только после сдачи дополнительного экзамена по одному из новейших языков, так как в свидетельстве, выданном Кавказской духовной семинарией, значилось, что там вместо них он изучал калмыцкий. В то время университет «гремел составом своих профессоров». Лекции читали: знаменитые зоологи И. И. Мечников и А. О. Ковалевский, профессор физиологии И. И. Сеченов, геолог Н. А. Головкинский, химик А. А. Вериге. Каждый из них не только внёс огромный вклад в отечественную науку, но и имел колоссальное влияние на молодежь. В этом смысле переезд на юг несколько не ущемил научных потребностей Щербинны. Да и Новороссия историей своего заселения, украинской речью и ментальностью местных жителей во многом напоминала ему родную Черноморию. Здесь он чувствовал себя почти как дома.

Поначалу стипендию он не получал, поэтому ютиться пришлось в почлежке для босяков. Совершенно неожиданно удалось устроиться репетитором в семью богатого поляка Дорожинского для подготовки его старшего сына Мирчика (Владимира) к гимназии. Сошлись на полном пансоне и десяти рублях жалования в месяц. Таким образом, первый год жизни в Одессе прошёл на прекрасной даче Дорожинских и в полном материальном достатке.

После того, как Мирчик успешно сдал экзамены (1874 г.), пришлось переселяться к товарищам в башню домовладельца Новикова на улице Карантинной. Несмотря на то, что друзья воссоединились, идейные дороги все более разводили «башенцев» в разные стороны. Возникли разногласия и с лучшим другом Григорием Попко. Фёдор Андреевич решил для себя, что далее устной пропаганды и пропаганды в печати, «как стимулов, будящих у людей сознание и моральные чувства», он не пойдёт. Он считал, что в многонациональной России трудовая масса «не была подготовлена исторически к восприятию идеалов, идей и принципов социалистического характера». Не мог Фёдор Андреевич оправдать террор и убийства, к чему в конце своего развития придуг его земляки Г. Попко и Ил. Волошенко, не говоря уже о А. Желябове и С. Перовской.

О своей принадлежности к конкретной революционной ячейке Ф. А. Щербина не упоминает. Но именно в это время в Одессе создается «Южнороссийский союз рабочих» во главе с Е. О. Заславским. Ряд советских исследователей рабочего движения в нашей стране считает, что Фёдор Андреевич был членом этой организации. Правда, в воспоминаниях самого Щербины имя Заславского и возглавляемый им союз даже не упоминается. Зато мемуарист посвящает отдельные главы тем революционерам, которых он хорошо знал в годы учёбы. Помимо кубанцев, это были М. Ф. Фроленко, И. М. Ковальский, Н. Ф. Юрковский, Д. М. Рогачёв, А. И. Желябов, С. Л. Перовская. Судя по приведённому перечню, он сблизился с настоящими, профессиональными революционерами. Очевидно, именно под их влиянием начинается его недолгое хождение в народ. Пропаганду среди одесских рабочих Фёдор Андреевич вёл необычным способом. Он не задевал царя и царствующий дом, а критиковал и разъярял мероприятия правительства, предпринятые вопреки интересам простого народа, клеймил чиновничество и жандармерию.

Жандармам его выдал рабочий Тавлесв. В начале сентября 1876 года доносчик был убит кинжалом в саду загородного ресторана. На другой день Щербина был арестован по обвинению в убийстве. С большим трудом юноше удалось убедить жандармов, что он не мог совершить преступления, которое противоречило всем его нравственным принципам. Помогло обелить себя в глазах властей и выданное редакцией корреспондентское удостоверение газеты «Киевский телеграф», где он до ареста опубликовал несколько заметок. Этот документ отчасти объяснял его частое появление в среде рабочих, якобы для сбора необходимых каждому газетчику свежих новостей.

В Одессе Ф. А. Щербина также пробовал печатать статьи в газете «Одесский вестник». Ее редактор П. А. Зелёный был уже готов зачислить его в постоянные сотрудники. Но редактор одновременно был и издателем газеты, обязанным оберегать её от нападков цензуры. Откровенные же разговоры новоявленного автора о политической ситуации в стране напугали его. К тому же Фёдор Андреевич, познакомившись с рабочими типографии «Одесского вестника», повёл и среди них свою антиправительственную пропаганду.

В феврале 1877 года Ф. А. Щербина женился на дочери купца второй гильдии, воспитаннице Марининского женского института Ксении Семеновне Шановаловой, с которой познакомился в первый год своего появления в Одессе и в семье которой был с самого начала общения принят с полным радушием. Шафером со стороны жениха был Грицько Попка, а со стороны невесты её младший брат Сеня. Молодые совершают свадебное путешествие на родину мужа, в станцию Новодеревянковскую. Это была и дань традиции, и наивная попытка избежать грозившей Ф. А. Щербине ссылки, которую он мечтал заменить пребыванием на родине, благодаря близкому знакомству с войсковым атаманом Н. Н. Кармалиным. Обласканные сестрой и братьями в родном доме, подышав воздухом малой родины, они вскоре выехали в Екатеринодар. Однако Кармалин, бывший петрашевец, считавшийся прогрессивным администратором, отказался взять Фёдора Андреевича под своё покровительство. А тут пришла бумага, извещавшая об административной высылке молодого учёного на Север. Единственное, что сделал для Щербины атаман, это охранныя грамота, выданная на

беспрепятственный проезд по железной дороге Ксении Семёновне, которая решила ехать вслед за мужем, отправленным «по этапу».

Местом ссылки стал Сольвычегодск, окаймленный вековыми лесами, на берегу «большой и красиво извивающейся реки Вычегды». Городок насчитывал полторы тысячи жителей, на которых приходилось 12 каменных церквей, монастырь и ни одного, даже маленького, заводика. Кормился городок за счёт труда немногочисленного крестьянского населения. По приезде молодожены нашли удобную и дешёвую квартиру из двух комнат и кухни и зажили почти счастливой жизнью.

В Сольвычегодске Фёдор Андреевич завершил работу над своей первой книгой «Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм» и опубликовал в 1879 году две большие статьи о сольвычегодской земельной общине. Появились они в «Отечественных записках», журнале, который когда-то в Ставрополе натолкнул его на мысль заняться изучением крестьянской жизни. «В Сольвычегодске, – признавался он, – начаты были мои систематические научные и литературные работы и сложились мои основные взгляды на интересовавшие меня знания в науке, в литературе и в реальной жизни». На описании сольвычегодских впечатлений и прерываются воспоминания.

Может возникнуть вопрос, а как, собственно, к ним относиться: как к историческому документу или это всё же художественное повествование? Вероятно, так же, как и ко всем прочим мемуарам, читая которые, следует помнить об их общих недостатках. Во-первых, они никогда не бывают полными, так как редко последняя точка в рукописи совпадает с предельным вздохом автора. Но это не главное. Они не полны еще и по той причине, что вспоминающий сам очерчивает для себя границы, за которые он не пустит читателя. У кого-то они предельно широки, а для кого-то важнее всего соблюсти деликатность в освещении частной жизни родных и друзей. Автор вправе о чём-то поведать во всех подробностях, а о чём-то просто умолчать. Во-вторых, мемуары всегда субъективны, даже если автором декларируется обратное. Так, мы всецело можем доверять Щербине-исторiku, когда он в первом томе излагает свою собственную (но опирающуюся на знание множества документов) точку зрения на первых черноморских атаманов: С. Белого, З. Чепигу, А. Головатого и Т. Когляревского. В то же время описание личной встречи с живым и действовавшим атаманом Н. Н. Кармалиным, не должно формировать у нас негативное отношение к этому человеку. Перед нами эпизод, увиденный глазами одного человека со всеми недостатками подобного «секторного зрения». Да, атаман отказался в конкретной ситуации помочь нашему герою, но читателю следует при этом знать и помнить, что Николай Николаевич оставил в целом положительный след в истории Кубани.

О необходимости учитывать временной контекст, свидетельствует и простое сопоставление «Пережитого, передуманного и осуществленного» с другими автобиографическими набросками Ф. А. Щербинны, создававшимися в разные годы его жизни. Трактовка одних и те же событий в разных текстах зачастую не совпадает, а в некоторых случаях расходится кардинально.

При всём при том воспоминания Ф. А. Щербинны можно без преувеличения назвать энциклопедией кубанской казачьей жизни в эпоху её стремительного

экономического развития. Казачья жизнь и быт увидены в книге сначала глазами двенадцатилетнего подростка, а потом юноши и молодого учёного. «Пережитое» просеяно через несколько сит разновозрастного восприятия, это знание многократно «передумано» и только затем вынесено на широкий суд публики. Лучшего и более надежного документа об этом периоде в жизни Кубани история нам, пожалуй, не сохранила.

«Осуществить» задуманное в полном объёме Ф. А. Щербине не удалось. Что было с автором потом, когда он перешагнул свое тридцатилетие и прожил еще долгие 56 лет, насыщенных событиями и научными свершениями, мы можем узнать лишь из набросков к последующим томам, различных анкет, заполнявшихся учёным на протяжении жизни, его автобиографий, писем и других документов, которые биографам ещё предстоит собрать воедино.

Несомненно, публикаторы воспоминаний столкнутся с методологической проблемой, с которой сталкивается каждый исследователь, имеющий дело с текстами, написанными на «кубанской мове». Диалогам, переданными на диалекте, нестрит всё начало воспоминаний. Черноморская станица Новодеревянкская в третьей четверти XIX столетия говорила так, и по-другому говорить не могла. Фёдор Андреевич решил для себя эту проблему просто. Речь от автора он дает на правильном русском языке, а герои у него «балакают», т. е. говорят на черноморском диалекте украинского языка. Позиция автора нам понятна и близка. Перевести этот колоритный говор на литературный русский язык – и всё очарование исчезнет. Материнский язык в воспоминаниях Щербины – важнейшая составляющая в пестрой радуге его станичных переживаний, чувствований и дум. Без сомнения, так, как задумал Фёдор Андреевич, и надо сегодня публиковать его мемуары [9].

Когда публикация воспоминаний Ф. А. Щербины наконец-то состоится [10], они станут важным аргументом в современных дискуссиях об этнокультурной идентичности кубанцев. Но, прежде всего, они будут ярко свидетельствовать об идентичности их автора, прошедшего долгий путь поисков и сомнений – от «балакающего» казачонка из черноморской станицы, затерянной на самой окраине украинских этнических территорий, до ректора Украинского вольного университета в Праге.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Кубанская школа. 1914. № 2. С. 78.
2. Вольная Кубань. 1918. 20 окт.
3. Вольная Кубань. 1918. 23 авг.; 24 авг.; 26 авг.; 28 авг.; 31 авг.; 7 сент.
4. *Щербина Ф.* Факты казачьей идеологии и творчества // Казачество (Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем). Париж, 1928. С. 347–377.
5. *Щербина Ф.* Воспоминания // Кубанское казачество. 1932. № 3. С. 14–19.
6. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО). Ф. 3979. Кубанський закордонний архів в Празі (Чехословацька Республіка). Оп. 1. Д. 51. 519 арк.; Д. 52. 559 арк.
7. *Щербина Ф.* Пережитое, передуманное и осуществленное // Голос минувшего. 1999. № 1–2. С. 81–87; № 3–4. С. 84–88.

8. Щербина Ф. Моя Деревянковка // Родная Кубань. 2003. № 2. С. 114–144; № 3. С. 11–68.

9. Божук Б. Языковые вопросы в трудах Ф. А. Щербинны // Первые кубанские литературно-исторические чтения / Под редакцией В. К. Чумаченко. Краснодар, 1999. С. 15–17.

10. Публикацией четырёхтомных воспоминаний открывается многотомное собрание сочинений Ф. А. Щербинны, которое начинает выходить на Кубани осенью 2008 года при финансовой поддержке благотворительного фонда «Вольное дело».

© 2008 р., Д. Д. Білий

ОСМИСЛЕННЯ ІСТОРІЇ УКРАЇНИ ТА КОЗАЦТВА У ТВОРЧОСТІ ВАСИЛЯ МОВИ (ЛИМАНСЬКОГО)

Серед визначних постатей кубанської культури особливе місце займає Василь Мова (Лиманський) (1842–1891 рр.). Його відносно короткий життєвий шлях не був позначений бурхливими подіями, більша частина творчого доробку за життя письменника не була опублікована і зникла. Але твори Василя Мови поступово повертаються до нас і не одмінно привертають увагу літературознавців [7], простих читачів. За останні шістьдесят років вийшли три книги з раніше опублікованими працями письменника [1; 2; 3]. Деякі твори письменника, які вважалися зниклими назавжди, завдяки праці кубанського науковця В. Чумаченка були знайдені і вперше побачили світ більше ніж через сто років після смерті їх автора [4; 5].

Літературна спадщина В. Мови вже увійшла до скарбниці української та кубанської літератури, але вона може стати і безцінним джерелом не тільки для літературознавців, а й для істориків, які займаються історією Кубані і українського національно-демократичного руху. Листи В. Мови, його твори, реалістичні замальовки з життя Кубані другої половини ХІХ ст. можуть надати науковцям багатий матеріал для інтерпретації багатьох важливих аспектів нашого минулого. Василь Мова глибоко емоційно і щиро любив свою Кубань, він творив у ті часи, коли обставини не дозволяли широко виявити себе в громадсько-політичному житті свого краю, але роздуми над долею своєї Батьківщини, козацтва, добре знання минулого та сучасного України та Кубані (Чорноморії), дали йому можливість створити своєрідну історико-філософську концепцію.

Нам небагато відомо про життєвий шлях Василя Мови (Лиманського). Найбільш докладне викладення своєї біографії В. Мова подає у листі до Олександра Кошицького від 3 серпня 1883 р.: «...Родився я 1842 року 1. січня (генваря) в хуторі над «Солодким Лиманом» від сотника війська чорноморського, Стародерев'яківського куреня, Семена Мови і жінки його Меланії. Бачте, яка старовина відривається. «Сотник війська», «курить» ... Та треба вам сказати, що у нас «сотник» значить не те, що колись на Україні значило. Це просто другий з

ряду офіцерський чин (перший «хорунжий», третій «ісавул»). Щодо куреня, то так офіційно звалися до реформи 1842 року козацькі селища, але самі козаки це задовго до реформи перейменували курені в «слободи», а реформа перейменувала їх у «станції». Учився я в Катеринодарській Військовій Гімназії (в пансіоні), а потім у Харківському університеті на військовий кошт. Сперва йшов по філологічному факультетові, але з третього курсу перейшов на юридичний і закінчав курса «кандидатом прав». Служив три роки учителем «словесности» їв «Єкатеринодарском Маріїнском женском училищі», потім три роки судєбним слєдователем, а оце вже років сім мировим суддею і «предсїдателем», та що вже обридла каторжна служба, так і нехай їй грець!» [2, с. 353].

Василь Мова належав до тієї частини чорноморської козацької еліти, яка в середині ХІХ ст. після закінчення виснажливої Кавказької війни та збільшення «цивільного простору» життя новоутвореної Кубанської області отримала можливість знайти своє пристосування не лише на військовій козацькій службі. Початок життєвого шляху обдарованого хлопця був досить характерним для більшості молодих представників чорноморської старшинської еліти – виховання на класичному чорноморському заможному хуторі в родині чорноморського козацького сотника Степана Мови, навчання у Катеринодарській військовій гімназії (треба зазначити, що можливість отримати освіту для чорноморських козаків, за не чисельними винятками, зазвичай, була спрямована тільки на військову або духовну стежку). Певну роль у формуванні поглядів Василя Мови зіграв наказний отаман Чорноморського козацького війська Яків Кухаренко, який добре знав родину Мови та приятелював із його батьками. Принаймні, життя на козацькому хуторі в останні роки існування Чорноморії як окремої адміністративної одиниці назавжди збагатила досвід майбутнього письменника, заклало щирю любов до козацької чорноморської спільноти, створило емоційні підстави для прив'язаності до рідної Кубані. У той же час все це не завадило письменнику досить критично осмислювати негативні риси морального занепаду козацької чорноморської старшини, що знайшло своє відображення у драмі, своєрідному «романі в діалогах» (Ю. Шевельов) «Старе гніздо і молоді птахи» (1883 р.).

У Катеринодарській військовій гімназії Василь Мова познайомився із творами на той час уже класиків української літератури – Івана Котляревського та Тараса Шевченка. За успішне навчання талановитого хлопця відсилають вчитися на філологічний факультет Харківського університету за військовий кошт. Із третього курсу філологічного факультету Василь Мова переходить на юридичний факультет. Саме під час навчання у Харкові формується світогляд Василя Мови. Молодий чоловік, який виріє у чорноморському козацькому середовищі та який достеменно знав традиції, етнічну та станову (козацьку) культуру українського населення Чорноморії, саме у Харкові зміг вийти на рівень усвідомлення основ ширшого загальноукраїнського простору та української модерної національної ідентичності, яка на той час тільки починала ставати провідною серед української еліти [6, с. 361–377].

Але головну роль у формуванні поглядів Василя Мови відіграла його активна участь в українському гуртку Христини Алчевської, незмінним учасником якого Василь Мова був протягом всього часу перебування у Харкові. Окрім того, він

входить до харківської Громади культурно-просвітницького об'єднання, яке стає центром українського культурного та громадського життя Наддніпрянської України. До Громади входили такі видатні тогочасні українські діячі як О. Шиманов, М. Жученко, П. Лобко, І. Біликов, П. Завадський, О. Потебня та ін. Із Громадою підтримував тісні зв'язки і Пантелеймон Куліш, погляди якого значною мірою вплинули на осмислення Василем Мовою історії України, козацтва та формування особливостей його літературної творчості. Принаймні, саме під час перебування у Харкові, Василь Мова здійснює перші спроби надрукувати свої поетичні твори і виступає активним учасником дискусії щодо творчості Т. Г. Шевченка, яка розгорнулася на шпальтах газети «Харьковские губернские ведомости» [6, с. 362–363]. У 1861 р. В. Мова надіслав деякі з своїх поезій до українського часопису «Основа», які виходили під редактуванням П. Куліша в Петербурзі, де вони й були надруковані.

Після «харківського» періоду свого життя Василь Мова повертається на Кубань, де три роки викладає «словесність» у Катеринодарському Маріїнському жіночому училищі, а потім і вже до кінця свого життя, працює в галузі юриспруденції – три роки судовим слідчим, сім років мировим суддею, а потім головою з'їзду мирових суддів. Помер Василь Мова 1 червня 1891 року. Втім, за цією зовнішньою стороною небагатого на події короткого життя Василя Мови приховувалася інша сторона – творча, насичена духовними пошуками, невтомною, здавалося б безнадійною літературною працею (адже сподіватися на публікації текстів українською мовою після Валуєвського циркуляру 1863 р. не доводилося), сповнена роздумів над минулим України, козацтва та осмислення ситуації на українських землях та Кубані.

До активної літературної праці Василь Мова приступає лише в 1878 році, коли марудна та сіра буденщина роботи мировим суддею стимулювала його знайти в літературі вихід для свого видатного мистецького таланту. У першу чергу його надихали сподівання, що своєю інтенсивною літературною працею він зможе прислужитися своєму народу, внести і свою частку у розвиток української культури та національної самосвідомості. Унікальна працездатність і незламний оптимізм допомагав Василю Мові писати свої поетичні твори, п'єси, реалістичні нариси з життя мешканців Кубані, робити переклади «Слова о полку Ігоревім», підтримувати зв'язки з представниками української інтелігенції Наддніпрянської України та Галичини. І все це майже без жодної надії побачити власні твори опублікованими. Друкувалися праці Василя Мови за його життя (не враховуючи першої публікації 1861 р. в «Основі») лише за кордоном Російської імперії, в Галичині, – в українських часописах «Зоря», «Правда», «Слово» [7].

Власне, в творах В. Мови і викладені основи його історичних та суспільно-громадських поглядів. Безпосередньо до теми історії України та козацтва він звертається в своїй поемі «Троїсте кохання» (1863–1878 рр.), віршах «На могилі» (На прощання з Україною) (1869 р.), «Козачий кістяк» (Присвячена С. А. Ш. на спомин столітку зруйнування Січі) (1875 р.), «Заповіт засланця» (1890 р.), «Три деревини» (1874 р.), інтермедії «Куліш, Байда і козак».

Головна концепція історії України та історії козацтва, що виразно проступає у цих творах В. Мови, полягає в наступних положеннях:

1. Гетьманський період (XVII–XVIII ст.) в історії України та козацтва був періодом найвищого їх піднесення та розвитку: *«Агей, віки гетьманщини, віки войовиті! /З людським горем, слізьми, кров'ю й славою прожиті! /До вас думка моя лине, над вами витас. /Бо там, бачу, життя бурас, там народ рухас! /Там рухавість, там боротьба, там кормига й воля. Там і тужить і регоче українська доля!»* (На могилі);

2. Причиною занепаду України та козацтва стали два чинники, як зовнішні так і внутрішні;

3. На занепад гетьманської України та ліквідацію козацтва як самостійної спільноти вплинуло поглинання їх двома державами – Московським царством/Російською імперією та Річчю Посполитою: *«І вільне лицарство славних козаків /Обернуто круто в царських служаків, /А права, степи їх і воля свята - /Зникли без сліду, як хмара пуста!...»* (Козачий кістяк. Варіант середини);

4. У той же час цьому занепаду найбільше сприяв внутрішній руйнівний фактор – анархія та соціальне протистояння, які знайшли своє деструктивне вираження в гайдамацькому та козацькому анархізмові, невмінні знайти різними соціальними верствами України (козацькою сіромою та козацькою старшиною, селянами – посполитими та козаками) розуміння необхідності спільних дій та припинення розбрату для спільної мети: *«І в тій міжусобній тяжкій боротьбі /Загибла Вкраїна в неславі й ганьбі: /Її занедбали пани й козаки»* (Козачий кістяк);

5. Єдиним порятунком В. Мова вважає наполегливу культурно-просвітницьку працю, розвиток рідної мови, створення широкого українського інтелектуального та культурного простору. *«Пробившися на Божий світ /Через цензури тяжкий ґніт /І всякі інші перешкоди, /Живить в неволі впалий дух /Усіх прихильників народу»* (До земляків – роботяг), *«Гей, друже мій темний, над сиду ума /Вже дужчої сили й на світі нема! /І треба нам добре у тямку те взять, /Що вчена громада – могутня рать; /Як стануть у лаву такі вояки, /То більш порятують, аніж козаки!»* (Козачий кістяк).

У цілому ми можемо побачити, що ця концепція певною мірою перегукується з історіософським ідеями Пантелеймона Куліша, який, на противагу розповсюдженому в українському середовищі козакофільству, ставився досить критично до ролі козацтва та гайдамаків в історії України. Але витoki концепції Василя Мови мали й інші корені. На його власних очах відбувався процес занепаду Чорноморського козацького війська та ліквідація автономного становища Чорноморії. в 70–80 рр. XIX ст. різко посилювся розкол між представниками козацького стану та іногороднього населення Кубані. Чи не бачив Василь Мова черговий варіант кризи, яка вже призвела до занепаду України в XVIII ст.? І чи не намагався відданий патріот і України, і рідної Кубані Василь Мова попередити про руйнівні наслідки цієї кризи? Вже через двадцять сім років після смерті письменника на Кубані розгорнулися катастрофічні криваві події Громадянської війни, в якій місцеве іногороднє та козацьке населення зіткнулося у безжалінній братовбивчій різанині. Творчість Василя Мови стала попередженням нащадкам про можливі трагічні наслідки розбрату. І цим можна пояснити її актуальність і в наші дні.

ДЖЕРЕЛА ТА ПРИМІТКИ

1. *Мова (Лиманський) В.* Поезії. - К.: Рад. письменник, 1965.
2. *Мова (Лиманський) В.* Твори. - Мюнхен. Видавництво "Дніпрової хвилі". 1968.
3. *Мова (Лиманський) В.* Старе гніздо й молоді птахи. - К.: Дніпро, 1990.
4. *Мова (Лиманський) В.* Куліш, Байда і Козаки: Інтермедія до драми П. Куліша "Байда" з додатком листа Василя Мови до Василя Гниლოსирова і драми П. Куліша "Байда, князь Вишневецький" / Супровідні статті і редакція Ю. Шевельова і В. Чумаченка. - Нью-Йорк, 1995.
5. *Мова (Лиманський) В.* Из літературного насліддя /Сост., предисл., комент. и науч. ред. текстов В. Чумаченко. - Краснодар, 1999.
6. *Михайлин І.* Кубанське дослідження харківської журналістики (Василь Мова *(Лиманський)*). Из літературного насліддя // Збірник Харківського історико-філологічного товариства / Харківський дерм. ун-т: Харківське іст.-філолог. тов-во. - Х., 2002. - Т. 9.
7. *Шерех Ю.* Інший романтик. Інший романтизм // Третя сторожа: Література. Мистецтво. Ідеології. - К.: Дніпро, 1993.

© 2008 г., З. Д. Муртузова

ВКЛАД ВЫПУСКНИКОВ ХАРЬКОВСКОГО И НОВОРОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТОВ В РАЗВИТИЕ ЭКСКУРСИОННОГО ДЕЛА НА КУБАНИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Одним из направлений организации досуга учащихся в начале XX в. было проведение экскурсий. Обосновал значение и воспитательно-образовательный смысл дальних гуманитарных экскурсий петербургский профессор И. М. Гревс. Он считал, что определенной чертой в природе экскурсий является непосредственное взаимодействие с миром через активное путешествие к нему. Экскурсия должна оставаться особым, заслуженным событием школьной жизни. Харьковский и Новороссийский университеты также имели давние традиции использования экскурсий в процессе подготовки будущих преподавательских кадров, широко изучали и применяли экскурсионный метод. Получив серьезную подготовку и навыки ведения экскурсий, выпускники этих университетов были пропагандистами данного метода и активно использовали экскурсии в учебном процессе и в организации досуга учащихся.

Кубанский край самой природой как бы предназначен для экскурсий. Предрасполагают к ним и многочисленные исторические памятники: на Кубани долгое время жили народности, оставившие следы своего пребывания в виде курганов, городищ, дольменов, археологических древностей.

Развитие экскурсионного дела на Кубани стало следствием предшествующего изучения Кубанского края. В начале XX в. Кубань и Причерноморье продолжали

привлекать различные категории населения Российской империи не только в научном, но и в познавательном аспекте. Эта мысль имеет документальное подтверждение. Обратимся к письму графини Варвары Николаевны Бобринской, представительницы Комиссии образовательных экскурсий по России при Московском обществе туристов в штаб Кавказского военного округа [1. Ф.454. Оп. 1. Д.6221. Л.29]. Она выразила просьбу оказать содействие группам учителей-экскурсантов, предполагавших сделать экскурсию по Кавказу для более полного изучения этого края. Планировалось организовать двадцать групп по сорок человек каждая. Маршрут включал пешеходный переход по Военно-Грузинской и Осетинской дорогам, посещение Тифлиса и других городов Кавказского края [1. Ф.454. Оп. 1. Д.6221. Л.32].

На основании письма наместника царя на Кавказе было сделано соответствующее распоряжение за № 12471 от 26 мая 1910 г. губернаторам, военным губернаторам, начальникам областей и отдельных округов Кавказского края и бакинскому градоначальнику [1. Ф.454. Оп. 1. Д.6221. Л.38 об.]. В нем доводилось до сведения следующее: «... За последние годы, благодаря оказываемому правительством содействию, в огромном количестве стали развиваться поездки экскурсий по России учащих и учащихся. Придавая особо важное значение ознакомлению широких масс не только с красотами Кавказа, но и со всеми его историческими и этнографическими особенностями, памятниками старины и другими богатствами, я покорнейше прошу Вас оказывать всем прибывающим в пределы вверенной Вашему управлению части края экскурсантам возможное законное содействие...» [1. Ф.454. Оп. 1. Д.6221. Л.38]. Соответствующее распоряжение атаманам отделов и полицмейстерам городов Кубанской области дал наказный атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант М. П. Бабыч [1. Ф.454. Оп. 1. Д.6221. Л.31].

Получив открытый лист за № 10237 от 26 июня 1910 г., группа студентов и преподавателей Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства смогла совершить интереснейшее образовательное путешествие. Маршрут включал посещение Одессы, Крыма и Кавказа, знакомство с природными особенностями, промышленным производством и историко-архитектурными памятниками [1. Ф.454. Оп. 1. Д.6221. Л.51]. Особый интерес для студентов, учитывая тип вуза, представляли достижения в области сельского хозяйства. Экскурсанты побывали на сельскохозяйственной выставке в Одессе, осмотрели орошаемые поля в степной зоне, чайные плантации в Грузии, шелководческую станцию, степи. В пределах Кубанской области интерес вызвало имение барона Л. В. Штейнгеля «Хуторок», современное передовое хозяйство. Находясь в Черноморской губернии, туристы посетили крупнейший в России Новороссийский элеватор и цементные заводы [1. Ф.454. Оп. 1. Д.6221. Л.49, 49 об., 50]. Путешествие продолжалось с 7 июля по 1 августа 1910 г., носило комбинированный характер, включало транспортные и пешеходные экскурсии различных видов: производственные, природоведческие и историко-архитектурные.

В начале XX в. экскурсионных бюро было очень мало, поэтому организационные вопросы, связанные с транспортом, проведением экскурсий приходилось чаще всего решать администрации учебного заведения. Экскурсии

проводились во многих учебных заведениях Кубанской области. Заслуживает внимания опыт работы по организации экскурсий в Кубанском Александровском реальном училище. Преподаватели и классные наставники в экскурсиях видели пользу для умственного, нравственного и эстетического развития учащихся. Они устраивали ближние и дальние экскурсии со своими питомцами. На экскурсиях преподаватели истории, географии, естественных наук и графических искусств знакомили своих подопечных с окружающим миром, памятниками местного и общероссийского быта. Экскурсии давали преподавателям возможность ближе узнать ребят.

В училище работали педагоги, любящие свое дело. Это были выпускники Харьковского университета (Н. Ф. Пихлер, Н. Х. Франгопуло, Н. Ю. Чайнишвили), петербургских высших учебных заведений (Н. К. Франгопуло, Н. Т. Чмутов, Н. Е. Талицкий), Новороссийского университета (В. В. Скидан, М. К. Даниэль, К. М. Родионов, С. Ф. Назаров), Тифлисского учительского института (А. И. Леденев), Строгановского училища (А. Н. Курочкин, В. Е. Арбузов) и др. [2]. Благодаря совместным усилиям училищного начальства и членов педагогического совета педагоги представляли отчеты о проведенных экскурсиях. Наиболее интересные из них публиковались в «Известиях ОЛИКО», журналах «Русская школа», «Вестник воспитания», сборниках «Экскурсии учащихся Кавказского учебного округа», книгах из серии «Обзор деятельности Кубанского Александровского реального училища» и др.

Можно выделить несколько видов экскурсий, практиковавшихся в этом учебном заведении:

1) природоведческие – на Старую Кубань для сбора водных растений, в городскую рощу им. Чистякова, в войсковой лес «Круглик», в оранжерею городского сада и оранжерею Гиптова, по берегу реки Кубани к железнодорожному мосту, в Екатерининский сквер и оранжерею Марининского женского института, в оранжерею при кладбище, на бактериологическую станцию;

2) музейные и выставочные – на фотографическую выставку, в городскую картинную галерею и на передвижную выставку при картинной галерее им. Ф. А. Коваленко, на передвижную сельскохозяйственную выставку Владикавказской железной дороги, на выставку ученических работ художественного училища в Екатеринодаре, на выставки в Керчь, Пятигорск, Новороссийск;

3) археологические – в станцию Ильская, к дольменам, в Керчь;

4) исторические – к обелиску в честь 200-летия Кубанского казачьего войска, к памятнику императрице Екатерине II, в Войсковой естественно-исторический музей, в Войсковой штаб для обозрения грамот и войсковых регалий;

5) производственные – на кожевенный, кирпичный, известково-песчаный, механический и маслобойный заводы, паровую вальцовую мельницу, электрическую станцию трамвая, на городскую электрическую станцию и др.;

6) этнографические – в аулы Козет и Бжегокай;

7) дальние – в Москву, Пятигорск, Керчь, Новороссийск и др.

Большой популярностью пользовались производственные экскурсии, что было обусловлено нарастающим интересом к развитию капиталистического производства в России.

Интерес представляет отчет преподавателя истории и русского языка Н. Т. Чмутова и И. И. Гоштова об экскурсии в Керчь. В состав экскурсантов входили 18 учеников третьих – седьмых классов. В задачу экскурсии входил осмотр достопримечательностей города Керчи, древнего Пантикапея, столицы Боспорского царства. Предусматривалось осмотреть металлургический завод, расположенный в шести верстах от Керчи. Такой интерес, безусловно, был вызван бурным развитием промышленности. Поездка осуществлялась двумя видами транспорта – по железной дороге до Новороссийска, а оттуда – пароходом в Керчь. По предварительной договоренности экскурсанты разместились в мужской гимназии. Им был оказан радушный прием.

Осмотром керченских древностей руководил М. К. Даниэль, преподаватель Кубанского Александровского реального училища, гостивший у своих родных. С горы Митридат экскурсанты любовались панорамой морского рейда, городом, живописно раскинувшимся по его склонам. С горы открывался вид и на Кавказский берег. На керченском берегу выделялся металлургический завод со своими исполинскими трубами, ближе – царский курган. М. К. Даниэль, превосходно знакомый с историей своего родного города, в увлекательной форме рассказал учащимся о прошлом и настоящем г. Керчи. Узнав историю этого древнего города, учащиеся отправились на «раскопки», находившиеся на горе Митридат, которая представляла собой Пантикапейский акрополь. Там экскурсанты осмотрели фрагменты колонн и их капителей, полуразрушенные мраморные статуи, саркофаги, остатки стен и фундаментов храмов, царских чертогов, римских терм и других общественных и частных зданий. При осмотре перед туристами открывалась картина древнего Пантикапея.

В музее древностей они осмотрели предметы материальной культуры, добытые в местной почве. Там были представлены все элементы давно ушедших времен. Особый восторг у ребят вызвали вазы, сделанные из глины. Они восхищались талантом древних художников: «Их изящество, их прекрасные формы, с дивными, весьма высокого достоинства рисунками, доставили ученикам подлинно художественное наслаждение» [1. Ф.552. Оп. 1. Д.77. Л.24].

В окрестностях Керчи расположена цепь курганов под названием Юз-оба (сто курганов). Учащиеся познакомились с наиболее интересными из них: Мелек-Чесменским и Царским. Последний по своей величине, простоте и изяществу устройству принадлежал к замечательным памятникам этого рода на территории Боспорского царства. Экскурсанты осмотрели склеп Деметры, относящийся к римским временам, и церковь Иоанна Предтечи, выстроенную в VII веке. Все перечисленные достопримечательности ученики увидели в первый день пребывания в Керчи, а на второй день предстояло знакомство с металлургическим заводом.

На заводе в доменной печи добывалось железо из керченской руды. Запасы железной руды в Керченском районе казались неисчислимыми. На предприятии трудилось три тысячи человек. Инженер Меньшиков познакомил экскурсантов со всеми подразделениями завода и технологическим процессом производства железа.

Интерес к организации работы на промышленных предприятиях и к технологическому процессу производства обусловлен развитием капиталистических отношений в промышленности. С этой точки зрения неслучайным было посещение Новороссийского элеватора на обратном пути в Екатеринодар.

Во время экскурсии в Керчь были решены образовательные и познавательные задачи. Ученикам объяснялось все, что попало в их поле зрения (Норд-ост, лаг – прибор для измерения пройденного пути, система маяков, устройство землечерпательных машин и т.д.). Была предусмотрена организация досуга (катание на моторных лодках, ловля рыбы, бегание по молу под руководством преподавателя).

Совместными усилиями администрации и педагогического совета училища преподаватели активно использовали экскурсионный метод в учебном процессе. Преподаватели истории и географии Н. Ф. Пихлер, Н. Ю. Чайнишвили, К. М. Родионов предпочтительно отдавали экскурсиям в природу [1. Ф.552. Оп. 1. Д.77. Л.183, 200, 203]. С. Ф. Назаров, преподаватель физики, отдавая предпочтение производственным экскурсиям, связывал теоретические знания с применением на практике [1. Ф.552. Оп. 1. Д.77. Л.205]. Будучи командированным в качестве одного из распорядителей на выставку работ учащихся в Пятигорск летом 1914 года, он пропагандировал опыт преподавателей Александровского реального училища. Посетителям предлагалась брошюра «Практические и внеклассные занятия по физике, химии, естествознанию, рисованию, черчению и по ручному труду» [1. Ф.552. Оп. 1. Д.77. Л.41].

Проблемы взаимодействия семьи и школы, как известно, относятся к числу вечных. Деятельность родительских кружков, организованных при мужских, женских гимназиях и реальных училищах Кавказского учебного округа в начале XX в. помогала решать задачи воспитания учащихся. Кружки участвовали в организации музыкально-литературных, танцевальных вечеров, проведении лекций, имевших огромный успех у учащихся разных учебных заведений г. Екатеринодара.

С 1 ноября 1912 г. с согласия директора Кубанского Александровского реального училища В. В. Скидана, совет родительского кружка принял на себя организацию и ведение «Школьного электро-биографа», который зародился и существовал на средства кружка [1. Ф.554. Оп. 1. Д.59. Л.8]. Появилась возможность на музыкально-литературных вечерах показывать ученикам картинки по выбору в соответствии с педагогическими целями. В зимнее время биограф помещался в здании училища. Учащиеся из станиц и других городов с интересом посещали его во время экскурсий [1. Ф.552. Оп. 1. Д.60. Л.2 об.].

В «Положении о родительских кружках при средних учебных заведениях» г. Тифлиса, которое было рекомендовано попечителем Кавказского учебного округа директорам гимназий и училищ, отмечено, что «совет кружка обязан заботиться о физическом воспитании учащихся, заведовать устройством игр, прогулок, экскурсий, летних колоний и т.д.» [1. Ф.552. Оп. 1. Д.77. Л.6].

Начиная с 1908 г., учебные заведения Кавказского учебного округа широко использовали практические или «лабораторные» внеклассные занятия по всем изучаемым предметам. Это помогало осуществлять связь преподавания с жизнью,

разумно заполнять досуг, развивать личностно-волевые качества учащихся. Большую популярность получили экскурсии.

Стипендиат Кубанского казачьего войска, выпускник императорского Харьковского университета С. И. Борчевский весьма успешно трудился на ниве просвещения в Кубанской области [1. *Ф.396. Оп. 1. Д.4248. Л.7*]. Одним из его увлечений было изучение южных российских регионов. Он стал активным проводником идеи организации путешествий и экскурсий как одной из форм воспитательной работы. Вместе со своими единомышленниками он организовывал экскурсии для учащихся Екатериновдарской мужской гимназии в горы. С сентября 1906 года С. И. Борчевский исполнял обязанности инспектора Александровского реального училища. Причинами назначения послужили педагогическая ответственность, служебное рвение и внимательное отношение к ученикам [1. *Ф.427. Оп. 2. Д.186. Л.7*].

В 1912 г. он был назначен директором Темрюкского реального училища [1. *Ф.427. Оп. 2. Д.186. Л.166*]. Под его руководством заметно оживилась экскурсионная деятельность в учебных заведениях этого приазовского городка. Так, в 1912 г. учащиеся совершили экскурсии в Екатериновдар, в 1914 г. – во Владикавказ, Красный лес, в 1915 г. – по реке Кубани на берег Азовского моря, Гнилую гору [1. *Ф.470. Оп. 2. Д.1496. Л.11–14; Д.1524. Л.14*]. С. И. Борчевский, краевед и член ОЛИКО с 1897 г. был страстным пропагандистом фотографирования, будь то местности или памятники старины.

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Краснодарского края.
2. Обзор деятельности Кубанского Александровского реального училища за 1913–1914 учебный год. Екатериновдар: Типография Кубанского областного правления, 1915. - С.42–45.

© 2008 р., С. О. Чухлій

НЕВІДОМИЙ ПРОФЕСОР М. В. КЛОЧКОВ: ОГЛЯД АРХІВНИХ ДОКУМЕНТІВ

Життя та діяльність професора кафедри російської історії Харківського університету, пізніше – декана соціально-історичного факультету, завідувача кафедри вітчизняної історії Кубанського університету М. В. Клочкова (1877–1952 рр.) майже невідомі сучасним історикам. Документи Державного архіву Харківської області (далі – ДАХО) надають можливість простежити складні перипетії його долі.

За документальними свідченнями Клочков народився у 1877 р. в Самарській губернії [1. *Спр. 9. Арк. 1*]. Після закінчення у 1903 р. історико-філологічного факультету Юр'ївського (Деритського) університету в 1907 р. він витримав магістерський іспит і на наступний рік був зарахований приват-доцентом Санкт-Петербурзького університету. До цього часу Клочков уже серйозно займався

науковою і педагогічною діяльністю, паралельно працював в Сенатському архіві [1. *Спр.* 7. *Арк.* 3]. У 1911 р. Михайло Васильович успішно захистив у Петербурзькому університеті дисертацію на тему «Населення Росії при Петрі Великому по переписах того часу» [6], «... в цілому, сумлінно і ретельно виконану роботу» – відзначав московський історик О. О. Кізоветтер [5, с. 410]. За неї М. В. Ключкову було присвоєно ступінь магістра російської історії [1. *Спр.* 9]. Через два роки за рекомендацією професора С. Ф. Платонова, після обрання Радою університету, він почав працювати в Харківському університеті на кафедрі російської історії. Процедура обрання Ключкова на цю посаду викликала широкий резонанс як в університеті, так і за його межами, яскраво продемонструвавши ідейно-політичне розмежування в професорській корпорації на початку ХХ ст. [8, с. 240]. М. В. Ключков був виразником офіційної концепції історичного розвитку Росії. Він не сприйняв «більшовизм», про що яскраво свідчить рукопис його статті «Російські більшовики в Алєриці» [1. *Спр.* 67. 1 *арк.*].

Не дивлячись на кардинальні зміни в житті країни та міста у 1914–1919 рр., Михайло Васильович продовжував вимагати від своїх студентів регулярного відвідування лекцій і активної участі на семінарі, що він проводив [1. *Спр.* 65. *Арк.* 2]. В цей час Михайло Васильович був постійним членом Випробувальних комісій університету. Його активна участь у політичному житті міста й університету виявилася у прочитанні публічних лекцій на різні, актуальні для того часу, теми [1. *Спр.* 9. 2 *арк.*].

У червні 1919 р. до Харкова увійшли передові частини Добровольчої армії під командуванням генерала Май-Маєвського. Вперше, після 1917 р. встановлювалася влада, що твердо тримала курс на реставрацію основних елементів дореволюційного ладу, що відповідало настроям певної частини викладацького корпусу університету [4, с. 11]. Про те, як у Харкові зустрічали частини Добровольчої армії, і зокрема, члени «академічного союзу» професори університету, свідчить архівний документ – рукопис статті Ключкова «Академічний союз» на допомогу Добровольчій армії» [1. *Спр.* 26. 16 *арк.*]. «Академічний союз» дійсно вніс свою частку коштів на користь Добровольчої армії: крім матеріальної допомоги була обрана комісія у складі 12 чол. (М. В. Ключков увійшов до її складу) з метою організації лекцій агітаційно-просвітницького характеру [1. *Спр.* 26. *Арк.* 6]. З активізацією політичної діяльності «академічного союзу» пов'язана поїздка Ключкова до Ростова-на-Дону, Сімферополя, Терської та Кубанської області влітку 1919 р. Імовірно, це був збір необхідних підписів під текстом брошури «Звернення професорів Півдня Росії до вчених Заходу» [1. *Спр.* 70. 11 *арк.*], яка в майбутньому поклала початок справі «Національного Центру» [7, с. 66] і судовому процесу над його «членами» [2. *Арк.* 11].

В осінньому семестрі 1919 р. професори Харківського університету читали лекції в майже порожніх аудиторіях. Більша частина студентів опинилася в лавах Добровольчої армії, а менша в Червоній армії [4, с. 12]. Гостро постало питання створення умов для забезпечення навчального процесу. В цей період Михайло Васильович виконував обов'язки голови фінансової комісії університету [1. *Спр.* 14. *Арк.* 1]. Члени комісії вирішували багато питань, що часто виходили за межі суто фінансових [1. *Спр.* 13. 6 *арк.*].

Влітку і восени 1919 р. Ключков активно співпрацював з Харківським відділенням відділу пропаганди (далі – ХВВП) Добровольчої армії [1. *Стр. 18. 4 арк.*]. Він регулярно відвідував засідання редакційної комісії літературно-видавничої частини ХВВП. До його обов'язки входив розподіл (і контроль за ним) агітаційної літератури по Харківській губернії, редагування окремих листівок і брошур. Свідченням участі Ключкова в ідеологічній боротьбі є документ – відредагований ним екземпляр листівки «Граждане! Вас зовет Родина – мать!» [1. *Стр. 34. 6 арк.*]. Проте, невдовзі професору Ключкову довелося залишити Харків разом з відступаючою Добровольчою армією. Подальша його доля була пов'язана з Кубанню. Майже одночасно з виїздом Ключкова відбулося закриття Харківського університету (5 липня 1920 р.), що проіснував 115 років.

В першій половині 1920-х років М. В. Ключков працював в Кубанському університеті на посаді декана соціально-історичного факультету, був завідувачем кафедри вітчизняної історії, потім – на словесно-історичному факультеті педагогічного інституту м. Краснодар. Окрім роботи в вищезазначених закладах, М. В. Ключков також працював в Архівному управлінні та Політехнічному інституті, проводив заняття на робітничому факультеті та в Кубанському педагогічному технікумі, був головою музейного підвідділу обласного відділу народної освіти. Друга половина 1920-х років була не менш насиченою роботою – з 1926 по 1929 рр. професор завідував Краснодарським робітничим університетом, активно займався краєзнавчою роботою, пов'язаною з Товариством любителів вивчення Кубанської області (ОЛКО), з Кубанським окружним бюро краєзнавства і Літературно-історичним й етнологічним науковим товариством (ЛІЕТО) [9, с. 54].

На межі 1930-х рр. М. В. Ключков змінив місце проживання – переїхав до Москви. До цього часу відбулася трансформація його поглядів, адаптація до нових соціально-політичних умов, зміна пріоритетів в науково-педагогічній діяльності. Професор не тільки формально сприйняв ідеологію радянської влади, більше того, він знайшов в ній раціональне зерно, змінивши свої старі погляди та полярність своєї громадянської позиції (під тягарем обставин, чи за власною доброю волею – поки що важко сказати).

На жаль, в Державному архіві Краснодарського краю не існує єдиного фонду, в якому були б зібрані матеріали, так чи інакше пов'язані з життям та діяльністю М. В. Ключкова. Зберігаються поодинокі документи, здебільшого в фондах окремих освітніх закладів, організацій та установ, які надають досить стислі відомості щодо життя та діяльності професора. В порівнянні з цим, більш оптимістичною є ситуація в Державному архіві Харківської області (далі – ДАХО), де знаходиться особовий фонд № 1027 професора М. В. Ключкова.

Фонд не містить історичної довідки. Невідомо, звідки і коли ці документи потрапили на державне зберігання. Вперше його під назвою «Архів М. В. Ключкова, професора руської історії Харьковского университета (председателя финансовой комиссии) 1899 1919 гг.» було упорядковано у відділі давніх актів Центрального історичного архіву (м. Харків) у 1928 р. в два описи (оп. 1. 95 од. зб., 1899–1919 рр.; оп. 2. 71 од. зб., 1907–1916 рр.), де він зберігався, як Ф. № 767 [3, с. 51].

У 1968 р. згідно Реєстру № 2373 документи було передано до ДАХО, де описи фонду не передруковувались. Фонд № 1027 налічує 166 од. зб., описи (№ 1, № 2), які відповідно налічують 75 од. зб. і 91 од. зб., загальною кількістю 1353 арк. В процесі науково-технічної обробки документи фонду було систематизовано за такою схемою:

«1. Матеріали, относящиеся к биографии и служебной деятельности М. В. Клочкова.

2. Работы, статьи, конспекты лекций, библиография и черновые заметки.

3. Переписка.

4. Матеріали, зібрані фондообразователем.

5. Матеріали жєни (М. А. Клочковой)» [З. с.52].

З свого боку, виокремимо в складі цих документів такі тематичні блоки:

Наукова діяльність. В даному тематичному розділі відклялися статті, брошури, варіанти чи фрагменти праць, що не ввійшли в остаточні тексти, рукописи, нотатки, чернетки. До цього розділу можна віднести дев'ятнадцять одиниць зберігання загальною кількістю 151 арк. за період 1905–1919 рр.

Навчально-педагогічна діяльність. Матеріали даного тематичного розділу можна розділити на декілька основних груп: конспекти лекцій, матеріал до семінарських занять, бібліографічні списки, інше (запрошення, повідомлення, протоколи і звіти, розклад іспитів, афіші лекцій.) Цей матеріал представлено в тридцяти семи од. зб. загальною кількістю 345 арк. за період 1899–1919 рр.

Окремо можна виділити шість справ (загальна кількість арк. – 28, за 1919 р.), які проливають світло на діяльність М. В. Клочкова у Харківському університеті та місті Харкові у складний період громадянської війни.

Робочі матеріали: виписки з архівних документів та наукових праць. Це найбільш значний комплекс документів. Здебільшого тут представлені виписки з архівних документів, головним чином по «Кабинету Петра». Цей розділ об'єднує шістьдесят шість од. зб. загальною кількістю 670 арк. Це документи без дати.

Ряд справ містить інформацію біографічного характеру. Це, власне, автобіографія М. В. Клочкова, а також різні довідки, посвідчення, заяви, тощо.

Листування складає важливу частину архівного фонду – вісім од. зб. Адресати і кореспонденти – цікаве та специфічне джерело інформації про М. В. Клочкова та його час.

Таким чином, документи особового фонду № 1027 мають достатньо високий інформаційний потенціал для вивчення біографії та творчості проф. Клочкова, його оточення, проливають світло на маловідомі сторінки історії професорської корпорації Харківського університету періоду початку ХХ ст. Аналіз спадщини М. В. Клочкова надає можливість з'ясувати як долю історика, так і допомагає зрозуміти і реконструювати складні процеси суспільного життя того часу.

ДЖЕРЕЛА ТА ПРИМІТКИ

1. Державний архів Харківської області (ДАХО). Ф 1027. Оп. 1.

2. ДАХО. Ф. Р-6452. Оп. 1. Спр. 7852.
3. *Балишев М.А., Маценко О.М.* Харківський університет: історичний екскурс за архівними документами. - Х.: СПДФЛ Яковлева. - 2004. - 202 с.
4. *Кадєєв В.І., Наумов С.О.* Харківський університет у 1919–1920 рр. // UNIVERSITATES, № 1. - 2003. - С. 8–15.
5. *Кизеветтер А.А.* Рецензія: М. Ключков. Населення Росії при Петре Великому по переписям того времени. Том первый: Переписи дворов и населения (1678–1721) // Русская мысль, кн. XI. №11. - 1911. - С. 409–410.
6. *Ключков М.В.* Населення Росії при Петре Великому по переписям того времени. Т. 1. Переписи дворов и населения (1678–1721). - СПб. - 1911. - 435 с.
7. Реабілітовані історією. Харківська область: Книга перша. - Ч. 1. - К., Х.: Оригінал, 2005. - 800 с.
8. *Чухлій С.О.* Кадрові прихистки в Харківському університеті (епізод з біографії М. В. Ключкова) // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Зб. наук. праць. - Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2006. - Вип. 8. - 244 с.
9. *Шевченко Г.Н.* Михаил Васильевич Ключков (1877–1952). Историко-биографический очерк. // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. - №1 (3). - 1997. - С. 54–57.

© 2008 г., А. И. Слуцкий, О. В. Кирьянова

СУДЬБА БИБЛИОТЕКИ КНЕВО-МЕЖИГОРСКОГО МОНАСТЫРЯ НА КУБАНИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

О судьбе книг из библиотеки Киево-Межигорского монастыря на Кубани публикаций было уже достаточно много. Их можно разделить, по крайней мере, на две группы. Одни были посвящены непосредственно истории библиотеки или реконструкции каких-то других исторических сюжетов, в которых отражалась и судьба библиотеки. Другие публикации носили скорее источниковый характер, воспроизводили различные по жанрам тексты (делопроизводственного и личного происхождения) [1], в которых, так или иначе, говорилось и о библиотеке. Тексты эти функционально различны по своей природе, но во многих из них содержится информация о том, где (в каких городах, в каких собраниях) могут сегодня храниться книги из библиотеки Межигорского монастыря. В одних случаях эта информация подтверждена документально, в других сформулирована как гипотеза.

Почему нам представилось важным эту информацию проанализировать? Во-первых, убежденность, что этот исторический сюжет только начинает разрабатываться и требует сегодня предварительного описания, систематизации и, насколько это возможно, анализа уже существующих опубликованных работ. Во-вторых, желание понять насколько в публикациях прослеживаются возможные

адреса сохранения книг из библиотеки Межигорского монастыря. В-третьих, уверенность, что многие книги из Межигорского монастыря сохранились, мы просто еще не знаем, где они от нас «прячутся». поэтому нужно попытаться сформулировать возможный «алгоритм» поиска, озвучить возможные если не конкретные адреса, то, во всяком случае, ареал бытования книг.

О том, какова была библиотека перед её путешествием в Черноморью, пишет Н. А. Герасименко. Согласно описи, на которую она ссылается, «в монастырской библиотеке <...> 1777 года значилось 395 книг, из них на русском языке – 53 рукописные, 174 печатные, на латинском – 114, на польском – 54» [2]. Кроме книг служебных, пишет Герасименко, в «монастырской библиотеке были и светские книги, такие как 19-томная древняя история, история России и зарубежных стран, учебники грамматики, географии, минералогии, металлургии и другие, изданные преимущественно во второй половине XVII–XVIII вв.» [3].

В опубликованных исследованиях и источниках указывали несколько адресов, куда были первоначально отправлены (или перевезены) книги из библиотеки Межигорского монастыря. Ризницу, церковную утварь, служебные и наиболее ценные книги из Сечевого Свято-Покровского храма (располагавшегося на территории самого коша) Г. А. Потёмкин передал (физически перевезил и передавал капитан Остроух) в Александро-Невскую Лавру в Санкт-Петербурге, часть книг (скорее всего, книги именно из библиотеки Киево-Межигорского монастыря) оказалась в Екатеринославе, Новомиргороде, Кременчуге. Причем в одних случаях пути миграции книг были «документально подтверждены и обоснованы», в других, мы просто сталкиваемся с зафиксированным фактом наличия книг, не зная пока каким образом они туда попали. Иногда в документах встречаются наименования отдельных предметов, иногда, например, в Новомиргороде, в Полтавском монастыре, Степан Белый (который специально занимался розыском ризницы и библиотеки) видел «Евангелий – 11, риз более ста, книг церковных более трехсот...». Новороссийский архиепископ Амвросий добился разрешения Св. Синода не передавать черноморцам книг на латинском языке. Они поступили в Екатеринославскую семинарию.

На Кубань в силу обстоятельств библиотечные книги привозили частями и достаточно продолжительное время. И на Кубани книги тоже не удалось собрать воедино, сохранить одной коллекцией. Часть книг была передана в войсковые храмы, часть в Николаевскую Екатерино-Лебяжскую пустынь, наконец, часть (по инициативе К. В. Россинского), передали в войсковое училище. Такова была ситуация в 10-х годах XIX века. Ситуация эта не менялась и в середине XIX века. Во всяком случае, в письме к украинскому историку А. А. Скальковскому в 1856 году Яков Герасимович Кухаренко писал: «Посылаю недавно вышедшее описание Черноморской Николаевской (Екатерино-Лебяжской) пустыни. В ней замечательные по своей древности книги, поступившие из Межигорского монастыря, которых только часть в пустыни, прочие в Войсковом соборе и нашей гимназии» [4].

Изучение «кубанской веточки» судьбы библиотеки Межигорского монастыря началось на Кубани в самом конце XIX века. Первое имя, которое следует назвать – это имя Прокофия Петровича Короленко. Именно он в кубанской историографии открыл и начал «разрабатывать» тему. В своих работах «Древние

сведения о Межигорском монастыре» и «Церковные древности Кубанский казак» Короленко впервые рассказал о судьбе Киево-Межигорского монастыря, о его роли в истории Запорожского казачества, о том, как Межигорские реликвии (книги, церковная утварь) были привезены на Кубань, каковы были первые коллизии их кубанской биографии [5]. Если «Древние сведения о Межигорском монастыре» были статьей сугубо исторической, то «Церковные древности кубанских казаков» П. П. Короленко посвятил публикации источников: это выписки из описей имущества Черноморской Екатерино-Лебяжеской пустыни, Екатеринодарского войскового Александро-Невского собора, ведомости предметам (в том числе книгам) из Межигорья и Спасо-Покровского храма, «хранящихся в Спасо-Преображенском всей гвардии соборе в Санкт-Петербурге». В контексте нашего сюжета важно подчеркнуть, что, публикуя имущественные описи, он точно указал местонахождения отдельных церковных предметов и книг на 1905 год [6]. Одновременно с П. П. Короленко ряд документов, посвященных перевозу книг в Черноморью опубликовал И. И. Дмитренко [7].

Анализируя кубанскую ветвь сюжета, кроме П. П. Короленко, нужно назвать публикации В. В. Дроздовского, М. А. Садиленко, А. И. Слуцкого, Б. Е. Фролова, С. Г. Темирова, О. В. Кирьяновой. Эти работы позволяют проследить историографическую традицию в изучении вопроса. Сравнительно разные по своей научной значимости и по наличию информации они дополняют друг друга, синтезируют и «разворачивают» сюжет «судьбы книг Межигорской библиотеки на Кубани».

В. Дроздовский [8] и М. Садиленко [9] обращались к судьбе межигорских книг, рассказывая о библиотеке Краснодарского педагогического института в годы предшествующие Великой Отечественной войне. Заметка В. Дроздовского [10] была напечатана в 1930 году: это взгляд из предвоенного времени. В заметке указывалось, что в фонде библиотеки педагогического института сохраняется около двухсот книг из библиотеки Межигорского монастыря. Что среди них есть редкие книги московской печати, книги на латинском и греческом языке. Обзорно, без библиографических описаний, дан перечень авторов межигорских книг [11]: в своей основе он повторяет (естественно, в сокращенной редакции) те имена авторов книг, которые зафиксированы в «Реестре» К. В. Россинского [12].

Две статьи М. Садиленко, написанные в жанре воспоминаний о «событиях и обстоятельствах прошлого», были напечатаны в эмигрантской периодике 50-х годов прошлого века. Одну из них перепечатал В. Щербина (псевдоним В.К. Чумаченко) в переводе на русский язык в журнале «Родная Кубань» [13], вторую заметку М. Садиленко «Запорізька межгірська книгозбірня» [14] опубликовал С. И. Белокозь [15], включив её фрагментом в свою большую статью «Нищення монастирських сховищ. Межгірський монастир». В заметках звучит ещё один (ранее не отмеченный) адрес сохранения межигорских книг: *библиотека «бывшей реальной школы»*. Судя по воспоминаниям М. Садиленко, «году в 1929» [16] в библиотеке реальной школы проводили «чистку» фондов. В Кубанский педагогический институт об этом сообщил студент [Л. Г.] Бескровный [17]. Профессор Г. Григор [18], «що був уповноваженим від Академії Наук по охороні пам'яток старовини, негайно пішов до школи і перевіз до Інституту шість купу книжок» [19]. Тогда же, по словам М. Садиленко, он вместе с профессором

П. Н. Колотинским [20] спрятали книги в отдельный шкаф и начали работу по составлению их описи. Состав книг – по тексту Садиленко – тоже был близок к Реестру книг, переданных в училище, и к обзору книг, которые упоминались в статье В. Дроздовского. Представляется целесообразным процитировать фрагмент, в котором М. Садиленко указывает на конкретные книги из Межигорской библиотеки в собрании Кубанского педагогического института: «Серед книжок була майже вся полемічна література XVII століття проти Унії і протини латинян: «Ключ розуміння Царства Божого» Г. Смотрицького, твори Транквіліона Ставорецького, Іоанікія Галатовського, [Касіяна] Саковича і інш.» [21].

Не исключено, что в каких-то деталях М. Садиленко подвела память. Настораживает и вызывает сомнение фраза М. Садиленко «Що ці книжки належали до книгозбірні Межигірського монастиря, свідчили різні записи на останній палітурці книжок про те, хто і коли офірував книжку Межигірському монастиреві» [22]. Дело в том, что ни на одной из четырнадцати известных книг (за исключением Евангелия, подаренного П. Калнишевским) на заднем форзаце или задней доске переплета нам не встречалось ни одной вкладной или владельческой записи. Все они в виде страничной записи (или скрепа) располагались либо на титульном листе, либо на первых листах издания. Да и дарственная П. Калнишевского была *награвирована* по нижнему полю оклада задней обложки.

Иногда элементы и особенности отдельных экземпляров межигорских книг в воспоминаниях М. Садиленко совмещаются (или смещаются). Он пишет, что среди дорогих книг, вложенных в Межигорский монастырь, было Евангелие с вкладной записью «первого московского патриарха Иова» (1589–1605). Ни одного свидетельства, кроме утверждения М. Садиленко, подтверждающего эту версию нам не встречалось. Но практически все описи, все тексты о межигорских книгах, привезенных на Кубань, говорят о Межигорском Евангелии, вложенном в монастырь патриархом Иоакимом (Савелововым; 1674–1690). Патриарх Иоаким начинал свою биографию как представитель московских служилых дворян, к 35 годам жизни овдовел и принял пострижение в Киево-Межигорском монастыре. Став патриархом, Иоаким заботился о монастыре, часто присылал туда книги [23]. Позволим себе высказать предположение, что в данном случае М. Садиленко спутал: не было вкладной записи патриарха Иова, была вкладная записью патриарха Иоакима.

Есть еще одно Евангелие, вкладная запись которого в воспоминаниях М. Садиленко вызывает вопросы. Это Евангелие, вложенное в Свято-Покровский храм «войсковым судьей Войска Запорожского Головатым» [24]. Имя этого дарителя ни в одном из известных нам документов не встречается. Последним войсковым судьей был Петр Калнишевский. Кроме того, описание экземпляра (якобы подаренного Головатым) полностью совпадает с описанием Евангелия, вложенного П. Калнишевским, хранящимся сейчас в краевом краеведческом музее.

Статьи М. Садиленко, опубликованные В. Чумаченко и С. Белоконом, в основном идентичны. Тем не менее, в публикации В.К. Чумаченко есть фрагмент, которого у Белокона нет. И который с точки зрения истории странствий межигорских книг и путей их «рассеяния» может представлять интерес.

Садиленко высказывает мнение, что на Кубань часть межигорских книг попала «позднее, побывав с запорожцами в Туретчине». «Очевидно, запорожцы бежавшие в Турцию, забрали <их> с собой как святыню». Нам представилось важным обратить внимание на пока не подкрепленную документами, но достаточно реальную версию о том, что в Турцию с собой запорожцы как святыни могли взять и наиболее дорогие книги, в первую очередь, очевидно те, которые хранились в Св. Покровской церкви. Исследователям эту версию следует учитывать.

Есть ещё одна фраза в анализируемом фрагменте статьи Садиленко. «Утверждение, что Евангелие из запорожской церкви св. Покрова хранится среди кубанских регалий за границей, очевидно, построено на недоразумении, так как автор данной статьи видел его собственными глазами в Екатеринодаре в 1926 году, а регалии Кубанское правительство вывезло за границу за несколько лет до этого» [25] – пишет он. Подчеркивая, что этого конкретного Евангелия в эмиграции быть не могло, М. Садиленко не говорит о том, что среди вывезенных в эмиграцию реликвий книг вовсе не было.

Проблема идентификации книг из Киево-Межигорского монастыря достаточно сложная, предполагающая выделение ряда критериев. Это отдельная тема, но несколько слов о ней сказать нужно. Самый главный и безусловный признак: владельческие и вкладные записи. Они известны и зафиксированы на четырнадцати изданиях. Кроме того, на некоторых книгах сохранились владельческие пометы, скрепы, частично затертые, неаккуратно срезанные при неумелом переплете. Например, на книге «Казанья приданные до книги Ключ разумакия названо» Иоанникия Галятковского (Киев, 1660), которая сегодня хранится в Научной библиотеке Кубанского государственного университета. Особенности почерка, которым сделана владельческая запись на этой книге, аналогичны особенностям почерка владельческих записей на выявленных межигорских книгах.

Менее убедительным (требующим специального анализа) признаком, идентификации межигорских книг, может считаться особенности и авторство сохранившихся переплета (если, конечно, он сохранился). Слабым, но все-таки возможным, предварительным признаком, для выделения группы книг для идентификации может являться хронологический признак: книги XVII – первой половины XVIII вв.

Если говорить о дальнейшем поиске книг из Межигорского монастыря, то сегодня, с нашей точки зрения, в первую очередь, следует использовать сохранившиеся описи фрагментов библиотеки (на момент переезда межигорских книг в Черноморью), инвентарные описи монастырской и храмовых библиотек, реестры передачи книг из одного хранилища в другое и т.д. Нужно учитывать, что эти документы составлялись в разное время и разными лицами, естественно, единых признаков описания нет, поэтому они требуют тщательного анализа.

Отдельную группу публикаций составляют статьи, посвященные истории тех учреждений, в библиотеках которых оказались книги из Межигорья. Это, в первую очередь, история Екатерино-Лебяжской Свято-Николаевской пустыни [26], Черноморского войскового училища [27], библиотеки Кубанского педагогического института.

В историях Екатерино-Лебяжеской Свято-Николаевской пустыни мы практически не встречаем исторической канвы. Описание межгорских книг занимает место в описях имущества, в перечислении наиболее дорогих православных реликвий. Поименно перечислены дорогие храмовые Евангелия, завершает опись безличная фраза – «триста межгорских книг». В трёх известных нам публикациях общие количественные характеристики разные, да и метода описания книг – разная.

В. А. Щербина, в своей статье по истории Екатеринодарского приходского духовного училища, говоря о роли К. В. Россинского в организации образовательных учреждений в Черномории, рассказал и о его заботах об училищных библиотеках, о том, что по его ходатайству в войсковое приходское училище была передана часть книг из привезенной библиотеки Межгорского монастыря [28]. Традиционные упоминания о судьбе межгорских книг в публикациях о кубанском просветителе протоперее Кирилле Васильевиче Россинском [29].

Что касается публикаций С. Г. Темирова [30] и Б. Е. Фролова [31] (они приходятся на 2000 и 2004 годы), то их заслугой представляется ввод в научный оборот немногочисленных документов о судьбе межгорских книг в годы революции и гражданской войны. В документах снова возникает имя Г. Г. Григора и судьба Евангелия П. Калнишевского, которое было передано в Кубанский историко-археологический музей и хранится в нём и сейчас.

Несколько статейных и очерковых материалов, посвященных теме, опубликовал А. И. Слуцкий. Он первым (1984, 1991 гг.) после большого перерыва в кубанской периодике обратился к теме библиотеки Межгорского монастыря. Некоторые его публикации содержательно повторяли друг друга, другие носили просветительский характер. С точки зрения историографической, А. И. Слуцкий продолжил линию П. П. Короленко, дополняя публикации немногочисленными архивными уточнениями и вставками. Интерес в работах Слуцкого представляет та часть, где он впервые указывает места хранения отдельных экземпляров межгорских книг в современных краснодарских государственных книгохранилищах (Краснодарская краевая научная библиотека им. А. С. Пушкина, Краевой историко-археологический музей-заповедник, библиотека Государственного архива Краснодарского края). По степени полноты и обстоятельности можно выделить две его публикации, которые собственно представляют редакцию одной статьи – «Судьба библиотеки Киево-Межгорского монастыря на Кубани» [32] и «Доля библиотеки Киево-Межгорского монастыря на Кубани» [33].

В 2000 году Краснодарская краевая научная библиотека имени А. С. Пушкина праздновала свое столетие. Среди публикаций, подготовленных к юбилею, был напечатан «Каталог изданий, хранящихся в отделе редкой книги Краснодарской краевой научной библиотеки им. А. С. Пушкина» [34], в котором было описано 7 книг с вкладными и владельческими записями библиотеки Киево-Межгорского монастыря. Рассказу об этих же книгах была посвящена статья А. Слуцкого, А. Рубцовой «Книги из библиотеки Межгорского монастыря в фондах Краснодарской государственной библиотеки им. А. С. Пушкина» [35].

Сегодня коллекция межгорских книг библиотеки им. А. С. Пушкина наиболее полная (из известных нам) на Кубани.

Разворачивая сюжет, очевидно, можно назвать еще одну публикацию А. И. Слуцкого [36] и статью О. В. Кирьяновой [37]: А. Слуцкий пишет о львовском издании Евангелия (1644 г.), хранящемся в Краснодарской библиотеке им. А. С. Пушкина. Публикация О. Кирьяновой посвящена экземпляру – опять-таки, из того же фондохранилища – «Симфонии...» Антиоха Кантемира из Межгорской библиотеки. Статьи эти историко-книжного и филологического содержания, к нашим знаниям об истории межгорской библиотеки ничего не добавляют, хотя описывают экземпляры книг из этой коллекции.

Еще один возможный адрес нахождения межгорских книг обозначила Г. С. Белякова [38]. После пожара 1827 года Национальной библиотеки Гельсингфорского (Хельсинского) университета было «объявлено распоряжение по всем университетам, академиям и даже гимназиям, присылать дубликаты своих книг в Хельсинки <...>. Так, произведения, датируемые XVII в., поступили от дирекции школ Черноморского округа, среди них, например, «Зерцало богословия» Кирилла Транквилиона, «Казанье Двое» Леонида Карповича, принадлежавшие Екатеринбургской гимназии, в которую они поступили от украинских казаков, переселенных на Северный Кавказ по приказу Екатерины II». И опять мы встречаем издания, перечисленные в реестре книг, поступивших в училище из Межгорского собрания.

В украинской историографии кубанский межгорский сюжет встречается сравнительно редко. В данном случае, мы имеем в виду не публикации кубанских историков в украинских изданиях, а материалы именно украинских историков и журналистов. А. П. Визирь указывал на рукописные книги из Межгорья в коллекции отдела рукописей ЦНБ АН УССР (сейчас – IP НБУВ) [39]. Е. М. Апанович рассказывала в вкладных записках, о фиксации на полях межгорских книг фактов хозяйственной жизни монастыря (опять-таки по коллекции IP НБУВ) [40]. При этом ни Визирь, ни Апанович о кубанских реалиях судеб межгорских книг не говорят вовсе. Кубанским адресам межгорских книг посвятил свою статью В. Крикуненко [41], вскозь кубанские адреса упомянули Н. А. Герасименко, В. Шаров [42].

В конце восьмидесятых – начале девяностых годов в ряде газет (украинских и русских) появились публикации о судьбе библиотеки Ярослава Мудрого. Советом Министров Украины была организована правительственная комиссия «для изучения версии о местонахождении библиотеки Ярослава Мудрого на территории урочища Межгорье» [43]. В этих статьях высказывалась мысль о том, что часть книг этой исторически легендарной библиотеки могли попасть и сохраниться в фондах библиотеки Киево-Межгорского монастыря. Именно появлению и пояснению этого сюжета посвятил свою статью В. Крикуненко. Он напомнил о том, что книги из Межгорья были перевезены на Кубань, и с подробными ссылками пересказал статью В. Дроздовского, определяя кубанские адреса межгорских книг. Миф «библиотеки Ярослава Мудрого» сам по себе очень «заманчивой», позволяющий предположить, что на Кубани могут отыскаться следы известной в литературе библиотеки. Но, все-таки, это, скорее, – миф. Во всяком случае, нам ни в одном из хранилищ Кубани не попадались

рукописные книги, отмеченные знаком принадлежности Межигорскому монастырю и датированные столь ранним временем. В кубанских публикациях такой поворот темы вообще не рассматривался. Недавно И. В. Пироженко и И. Т. Черняков в своем научно-популярном издании как бы подвели итоги обсуждения этой темы [44].

В 2005 году в Киеве вышла подробная монография Н. А. Герасименко о Межигорье [45]. Кубань в ней упоминается вскользь с ссылкой на работу П. П. Короленко. Очень интересным фактом (в контексте нашего сюжета) в монографии представляется указание на опись библиотеки Межигорского монастыря 1777 года, которая хранится в отделе рукописей НБ Украины и о которой мы уже упоминали [46]. Непосредственная работа с рукописью, с одной стороны, может дать кубанским историкам представление о библиотеке Межигорского монастыря в целом накануне её перемещения в Черноморию, с другой, позволит конкретизировать поиск межигорских книг в кубанских книжных хранилищах.

Что касается достаточно многочисленных публикаций В. Шарова – они носят характер журналистского расследования. В первую очередь, моделируют *миф* о библиотеке Межигорского монастыря, но, как в каждом мифе, в публикациях В. Шарова просматриваются и какие-то пути дальнейшего научного поиска.

Хочется повторить: судьба библиотеки (книг из библиотеки) тема открытая, нас, безусловно, ждут новые находки, и их не обязательно искать за морем, они могут оказаться где-то совсем рядом. В завершении своей статьи о «Симфонии...» А. Кантемира [47] О. В. Кирьяновой указывала, что, судя по сохранившимся в Государственном архиве Краснодарского края документам, на Кубань из Межигорья попала достаточно представительная коллекция изданий Антиоха Кантемира и его окружения. Кроме «Симфонии...» самого Кантемира, в отделе редкой книги краевой библиотеки хранится труд учителя Кантемира Иоанна Ильинского «Симфония, или согласие на священное Четвероевангелие и Деяния Святыя апостолов» (М, 1733), тоже привезенный на Кубань в составе библиотеки Киево-Межигорского монастыря [48].

Кроме того, по документам указывают, что среди межигорских книг, переданных в Войсковое училище в 1806 году, был труд французского просветителя Б. Фонтенеля «Разговор о множестве миров» в переводе А. Кантемира, «представляющий собою популярное изложение гелиоцентрической системы Коперника» [49]. Судьба экземпляра кантемировского перевода Фонтенеля из библиотеки Межигорского монастыря в момент написания статьи была неизвестна. Недавно в основном хранилище был выявлен экземпляр этой самой книги.

Фонтенель, Бернар Ле Бовье де (Fontenelle, Bernard Le Bovier de, 1657–1757). Разговоры о множестве миров / пер. с фран. Антиох Кантемир в Москве в 1830 г. - Изд. 2-е. - СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1761. [18] 200 с; фронт. (илл.). 4°. Тираж 1233 экз.

Это издание известно, описано практически во всех основных указателях русской книги XVIII века (см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати 18 века: 1715–1800. В 3 т. - Т. 3. - М.: Книга. 1966. - С. 313–314). Книга

есть практически во всех крупных книжных собраниях России (РГБ; БАН; РНБ; МГУ; ГИИБ). Есть экземпляры на Юге России (в Ставропольской государственной краевой научной библиотеке [50], в Донской государственной публичной библиотеке [51]).

Б.Е.Райков предполагает, что это издание было предпринято по инициативе М. В. Ломоносова [52]. В 1756 г. Синод, обращаясь к императрице Елизавете Петровне, просил «дабы никто огнюдь ничего писать и печатать как о множестве миров, так и о всем другом, вере святой противном и с честными правами не согласном, под жесточайшим за преступление наказанием, не отваживался, а находящуюся бы ныне во многих руках книгу о множестве миров Фонтенеля, переведенную ... князем Кантемиром ... указать везде отобрать и прислать в Синод». Обращение Синода осталось, по-видимому, без последствий. К этому времени почти весь тираж книги уже разошелся: по рукописной «Ведомости» типографии Академии наук на 1753 г. было в наличии 190 экз. Мало того, как мы видим, в 1761 году было отпечатано второе издание.

В экземпляре книги из ККУНБ им. А. С. Пушкина имеются инскрипты, свидетельствующие о принадлежности книги к библиотеке Киево-Межигорского монастыря и Екатеринодарского училища. На первом форзаце владельческая помета: «Из книг Екатеринодарского училища». Затем следует буквенно-цифровое обозначение полочного номера «н.к. № 110». На обратной стороне титульного листа владельческая надпись черными чернилами: «Книга монастыря межигорскага от архимандрита Иоанникія Св[ѣт/яд]ковскаго». Начиная с непрономерованного листа, на котором помещено посвящение Анне Иоанновне, и до страницы 15 идет скреп: «би-бли-о-те-ки кие-во ме-жиг-гор-ско-го мо-на-сты-ря». В нашем экземпляре фронтиспис оторван. Переплет: картон в коричневой коже. На корешке позолоченное тиснение в виде цветочного орнамента и название книги «О множестве миров». Обрез декорирован красной краской.

Принципиально важной представляется запись «Из книг Екатеринодарского училища». Судьба межигорских книг, попавших в библиотеку училища, вызывает наибольшее количество вопросов. Понятно, что, если книги из Межигорья в Финляндию отправляли, то именно из библиотеки училища. Тут просматривалась линия Министерства народного просвещения, «ведомственная» вертикаль. После реорганизации училища в гимназию училищная библиотека стала библиотекой гимназической. Потом книги из гимназии, согласно, не раз повторенной в печати легенде, попали в библиотеку педагогического института. В немногочисленных публикациях, посвященных судьбе библиотеки пединститута (университета), указывается на наличие в фонде Межигорских книг [53]. Практически все указания не имеют ссылок: «Из Межигорского монастыря была получена партия редких книг (300 томов), изданных в XVI–XVIII вв.» [54]. Дальше известно, что фонд библиотеки педагогического института практически полностью погиб (сгорел) в годы Отечественной войны, даже указывается дата – 11 февраля 1943 года [55]. Остается только высказать грустные предположения, что в пожаре библиотеки погибли и межигорские книги. Но, как говорится, надежда умирает последней. Что может для исследователей означать сохранившаяся на «Множестве миров...» надпись: «Из книг Екатеринодарского училища»? Что не все книги из Межигорья, бывшие в библиотеке пединститута, погибли. Что

отдельные книги из библиотеки училища не попали в гимназическую библиотеку, а значит, и не сгорели при пожаре библиотеки пединститута? Что следы книг и, собственно, сами книги, могут быть еще разысканы.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. В статье анализируются только опубликованные архивные документы.
2. *Герасименко Н. О.* До історії Межигір'я // Український історичний журнал. - 1990. - № 12. - С. 90–99. Эти же цифры с небольшими комментариями приводит Н. А. Герасименко в 2005 году в своей монографии «Історія Межигір'я» (Київ, 2005. С.153), потом их повторяют И. В. Пироженко и И. Т. Черняков в своей книге «Вишгород. Межигір'я» (Київ, 2007. С. 145–152). Н. А. Герасименко ссылается на архивные фонды: ІР НБУВ.Ф.1. Спр. 5516–5517. Арк. 95–100.
3. *Герасименко Н. О.* Історія Межигір'я. - Київ, 2005. - С. 153–154.
4. *Дроздовський В.* З листування Я. Кухаренка з Д. Жураковським та А. Скальковським // Записки історично-філологічного відділу. Всеукраїнська Академія наук. Кн. XXV. Київ, 1929. - С. 301; *Кухаренко Я. Г.* Переписка с современниками / Пред., публ., комент., перевод В. К. Чумаченко // Родная Кубань. - 1999. - №3. - С. 109.
5. *Короленко П. П.* Древние сведения о Межигорском монастыре // Кубанский сборник. - Т. 4. - Екатеринодар, 1897. - 30 с. [Отд. паг.]
6. *Короленко П. П.* Церковные древности Кубанский казаков. М., 1905. - 90 с.
7. *Дмитренко И. И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. 1736–1801: Документы, извлечены из Московского отдела архива Главного штаба: В 4 т. - СПб., 1896–1898.
8. Дроздовский Василий Викторович – филолог, в разные годы преподаватель обществоведения, русского языка, географии, выпускник словесно-исторического факультета Кубанского педагогического института, активный сотрудник Ленинградского общества исследователей украинской культуры, исследователь литературного творчества Я. Г. Кухаренко. (*Дудко В. И.* В. В. Дроздовский – исследователь жизни и творчества Я. Г. Кухаренко // Вторые кухаренковские чтения: материалы научно-теоретической конференции. - Краснодар, 1996. - С. 33–36).
9. Садиленко Михаил Афанасьевич – филолог, выпускник отделения русского языка и литературы Петербургского университета. Учительствовал на Кубани, был заведующим украинским отделением Северо-Кавказского педагогического института (Краснодар). Был репрессирован. Эмигрировал. В последние годы жизни работал в Канаде в украинских периодических изданиях. (*Чумаченко В. К.* Исследователи творчества Я. Г. Кухаренко: М. А. Садиленко // Вторые кухаренковские чтения: материалы научно-теоретической конференции. - Краснодар, 1996. - С. 37–39).
10. *Черноморец В.* (*В. Дроздовский*). Краснодар // Червоний шлях (Харьков). - 1930. - №10. - С. 184–186.
11. «Тут надбуємо майже всю українську полемічну й релігійно-навчальну літературу 17–18 ст., а саме твори Л. Барановича, К. Транквіліона, Ін. Гізеля, С. Яворського, С. Полоцького тощо...».

12. *Росситский К.В.* Речь об успехах просвещения в округе войска Черноморского // Соревнователь просвещения и благотворения. - 1820. - № 10. - С.26.

13. *Садиленко М.* Межигорська книгозбірна // Кубанський край (Торонто). - 1953. - № 3-4. - С. 7-10; *Садиленко М.* Межигорская библиотека / Пер. и публ. В. К. Чумаченко // Родная Кубань. - 1999. - № 1. - С. 135-136.

14. *Садиленко М.* Запорізька межигірська книгозбірна // Віра й культура. Лютий. Ч.4. Вінніпег, 1954. С.17-18.

15. *Білокінь С.* Нові студії з історії більшовизму: I-III. - Київ, 2006. - С. 168-184.

16. Формулировка М. Садиленко.

17. Бескровный Любомир Григорьевич – в будущем крупный советский историк, доктор исторических наук, специалист в области военной истории. Окончил Кубанский педагогический институт (1930 г.). (Информация представлена В. К. Чумаченко).

18. Григор Григорий Григорьевич – профессор Краснодарского педагогического института, заведующий кафедрой геологии, одновременно заведующий Управления по делам охраны памятников искусства, древности, народного быта и природы. С 1922 года активный член Общества любителей Кубанской области. (*Чумаченко В.К.* Григор Григорий Григорьевич // Енциклопедія сучасної України. Київ, 2006. Т. 6. С. 424).

19. Цитируется по: *Білокінь С.* Нові студії з історії більшовизму: I-III. - Київ, 2006. - С. 171.

20. Колотинский Петр Николаевич (1876-1951). учился Казанской духовной академии, потом закончил историко-филологический факультет Казанского университета. В 1909 г. Колотинский с семьей переезжает на жительство на Кубань. В 1919-1920 гг. возглавлял Министерство народного просвещения в 5-м и 6-м составах Кубанского краевого правительства. С 1920 по 1931 гг. он работал в Кубанского педагогическом институте, занимал должность проректора института по учебной части, заведовал кафедрой психологии пединститута и вузовской научной библиотекой. (Информация представлена А. Ю. Рожковым).

21. *Білокінь С.* Нові студії з історії більшовизму: I-III. - Київ, 2006. - С. 171. Указание на издания [Касіяна] Саковича в других публикациях не встречается.

22. *Білокінь С.* Нові студії з історії більшовизму: I-III. - Київ, 2006. - С. 171.

23. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1991. - С. 47-49, 231-234; *Герасименко Н.О.* Історія Межигір'я. - Київ, 2005. - 288 с.

24. См. прим. В. Щербини (В Чумаченко) к публикации: *Садиленко М.* Межигорская библиотека / Пер. и публ. В. К. Чумаченко // Родная Кубань. - 1999. - № 1. - С. 135-136. «Головатый – имеется в виду последний судья Запорожского войска Павел Фролович Головатый (1715-1795)».

25. *Садиленко М.* Межигорская библиотека / Пер. и публ. В. К. Чумаченко // Родная Кубань. - 1999. - № 1. - С. 136.

26. *Воскресенский А.* Екатерино-Лебяжская Николаевская общежительная пустынь Кубанской области. - Н.-Новгород, 1909. - 35 с.; *Филарет, архимандрит.* Черноморская Николаевская пустынь при Лебяжем Лимане. - Харьков, 1856. - 35 с.; *Самуил, архимандрит.* Екатерино-Лебяжская Николаевская

общежительная пустынь Кубанской области // Кавказские Епархиальные ведомости. - 1878. - №13. - С.440-464.

27. [Щербина В.А.] Материалы для истории образования на Северном Кавказе: Екатеринодарское приходское духовно училище / сост. по данным училищного архива учитель В. А. Щербина. - Ставрополь, 1888. [отд. оттиск из «Ставропольских епархиальных ведомостей» за 1888-й год].

28. Щербина В.А. Указ. соч. С. 18

29. Горожанина М.Ю. Просветитель Черноморья Кирилл Россинский. - Краснодар, 2005. - 352 с.; Горбенко Е.П. Просветитель Черноморья протонерей К. В. Россинский // Сборник работ преподавателей гуманитарных наук. - Краснодар, 1994. - С. 134.

30. Последние времена / Архивные материалы представил С. Г. Темиров // Родная Кубань. - 2000. - № 1. - С. 85-88.

31. Слуцкий А.И., Фролов Б.Е. Судьба реликвий Межигорского монастыря на Кубани // Родная Кубань. - 2004. - №3. - С.2-10. В публикации есть ссылки на документы, из которых видно, что комиссия под руководством того же Г. Г. Григора признала историко-культурную ценность Евангелия Калниниевского и настояла на его передаче в Музей. Там оно и хранится до сих пор.

32. Слуцкий А.И. Судьба библиотеки Киево-Межигорского монастыря на Кубани // Книга в России. - М.: Наука, 2006. - Сб. 1. - С. 289-300.

33. Слуцкий А.И. Доля бібліотеки Києво-Межигірського монастиря на Кубані // Пам'ятки України: історія та культура. Науковий часопис. - 2007. - №3. - С.34-41.

34. Книжные памятники Кубани: Каталог изданий, хранящихся в отделе редкой книги Краснодарской краевой научной библиотеки им. А. С. Пушкина / сост. А. В. Рубцова, Т. В. Куракова. - Краснодар, 2000. - С. 7-23.

35. Слуцкий А., Рубцова А. Книги из библиотеки Межигорского монастыря в фондах Краснодарской государственной библиотеки им. А. С. Пушкина // Христианство и культура. - Краснодар, 2000. - С.140-143.

36. Слуцкий А.И. Судьба старинного фолианта [Сокровища наших библиотек] // Краснодар. - 1997. - 27 сент. - С.12.

37. Кирьянова О.В. «Симфония...» Антиоха Кантемира: экземпляр из библиотеки Киево-Межигорского монастыря в коллекции Краснодарской краевой универсальной библиотеки им. А. С. Пушкина // Книжное дело на Северном Кавказе: История и современность. Сб. статей. - Краснодар, 2004. - Вып. 2. - С. 264-270.

38. Белякова Г.С. Древнерусские рукописи и старинные книги в Финляндии // «Слово о полку Игореве»: Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. - М., 1978. - С. 28-284.

39. Визирь А.П. Собрание книг XV столетия в отделе рукописей ЦНБ АН УССР // Проблемы рукописной и печатной книги. - М., 1976. - С. 66. Можно отметить, что в статье А. П. Визирь указал, что в «собрании рукописей Софийского собора» входили «рукописи упраздненного при Екатерине II древнего Межигорского монастыря».

40. Апанович Е.М. Записи на рукописных книгах ЦНБ АН УССР // Проблемы рукописной и печатной книги. - М., 1976. - С. 77.

41. *Крикуненко В.* Слід з Межигір'я веде на Кубань // Літературна Україна. - 1990. - 28 червня.
42. *Шаров В.* Межигірська таємниця // Гостинний двір. - 1989. - Грудень. - С. 2; Шаров В. Межигірська таємниця // Гостинний двір. - 1990. - №3. - С. 3–5; *Шаров В.* Межигірська таємниця // Гостинний двір. - 1990. - №4. - С. 6–7; *Шаров В.* Межигірська таємниця / Цикл інтерв'ю. // Андріївський узвіз: Ілюстрований тижневик. (Київ) - Лютий. - 1991. - №1. - С.10–11.
43. *Богданова Т.* Де ж бібліотека Ярослава // Літературна Україна. - 1990. - 4 січ.; *Цикора С.* По следам великокняжеской библиотеки // Известия. - 1990. - 26 февр.
44. *Пироженко І.В., Черняков І.Т.* Вишгород. Межигір'я. - Київ, 2007. - С. 145–152.
45. *Герасименко Н.О.* Історія Межигір'я. - Київ, 2005. - 288 с.
46. ІР НБУВ. Ф.1. Спр. 5516–5517. Арк. 95–100.
47. *Кирьянова О.В.* «Симфония...» Антиоха Кантемира: екземпляр из библиотеки Кнево-Межигорского монастыря в коллекции Краснодарской краевой универсальной библиотеки им. А. С. Пушкина // Книжное дело на Северном Кавказе: История и современность. Сб. статей. - Краснодар, 2004. - Вып. 2. - С. 264–270.
48. Книжные памятники Кубани: Каталог... С. 16. Инв. № 216719.
49. История русской литературы в 4-х т. Т.1. Древнерусская литература. Литература XVIII века // Ред. Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 505.
50. Памятники книжной культуры: Библиографический указатель изданий, хранящихся в отделе редкой книги. - Ставрополь, 2002. - С. 32–33.
51. Сводный каталог редких и ценных книг библиотек Ростовской области: Русская книга гражданской печати (1715–1800). - Ростов-на-Дону, 2006. - С. 117; № 430 (есть первое издание).
52. *Райков Б.Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд. М.-Л.: Академия наук СССР, 1947.
53. *Черноморец В. (В. Дроздовский).* Краснодар // Червоний шлях (Харьков) - 1930. - №10. - С.184–186; *Садиленко М.* Межигорская библиотека / Пер. и публ. В. К. Чумаченко // Родная Кубань. - 1999. - № 1. - С. 135–136; *Недосекин В.И.* Мысли о вечном. - Краснодар, 1991. - 106 с.
54. *Недосекин В.И.* Указ. соч. С. 48.
55. *Светухина Л.* Изучение личных владельческих знаков, имеющихся на книгах редкого фонда НБ КубГУ // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность: Сб. статей. - Краснодар, 2007. - Вып. 4. Ч. 1. - С.169–170; *Недосекин В.И.* Указ. соч. С. 49.

УКРАИНСКОЕ БАРОККО В АРХИТЕКТУРЕ КУБАНИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ).

Феномен украинского барокко, как комплекс историко-культурных и философско-эстетических явлений и разновидность художественного стиля, пришедшего из Западной Европы, достаточно хорошо изучен: определены различия двух его направлений, соответствовавших конфессиональному разделению Украины, охарактеризовано внутреннее формальное разнообразие. Практически нет разногласий в понимании времени и территорий бытования стиля [1]. При этом большинство исследователей упускают из виду тот факт, что украинское барокко распространилось за пределы исторических областей Украины и оказало влияние на искусство Дона и Кубани, породив новые разновидности и формы стиля.

В Украине барокко проявилось практически во всех видах искусства: в архитектуре, живописи, монументальном искусстве, в поэзии, драматургии, музыке, книжной гравюре. При этом, как считает В. Щербаковский, «Характеризуется украинское барокко своей меньшей отягченностью украшениями, чем барокко соседних народов... Свойственная украинскому искусству простота и ясность взяла верх над вычурностью, и стиль барокко на Украине стал проще и спокойнее, чем на своей родине, не утратив ничего в красоте» [2].

Наиболее ярко и наглядно украинское барокко проявилось в архитектуре, преимущественно храмовой. Причем, если пространственные и декоративные решения католических церквей и соборов Галиции, Волыни, Подолья в основе своей имели западноевропейскую традицию (композиционно – латинский крест с ярко выраженной продольной осью, в пластике фасадов – обилие декоративных пилястр, колонн, руста, развитых карнизов, придающих динамичности, но не имеющих тектонического значения), то на Левобережье и Слобожанщине барокко «вернулось» к древнерусским базиликальным (преимущественно трёхнефным) и крестовым (одно-, пяти- и девятикупольным) композициям, базировавшимся на народной традиции деревянного зодчества; декор при этом играл второстепенную роль. По словам О. В. Машталера, в этом варианте украинского барокко «ощущаются реминисценции византийских мотивов архитектуры Киевской Руси: барочная причудливость форм здесь уравнивается чистыми плоскостями стен – стена соединяет, доминирует, обеспечивает общую гармонию элементов, благодаря этому во всем царит мера и такт. Архитектура украинского барокко отражает радость, праздничность, ощущение душевного спокойствия наряду с динамикой (экспрессией, контрастностью, декоративностью, триумфальностью)» [3].

Очевидно, путь распространению «православной» версии украинского барокко проложило казачество, политическое и идеологическое становление которого отразилось и в культурных процессах. Именно казаки в XVII–XVIII вв.

стали носителями нового, широко распространившегося художественного вкуса, получившего позже название «казацкого барокко». Некоторые исследователи даже используют термины «украинское барокко» и «казацкое барокко» как тождественные [4].

Нам представляется, что «казацкое барокко» – одна из разновидностей украинского барокко, бытовавшая в Украине в XVII–XVIII вв. Восходившее к традициям деревянного храмового зодчества, казацкое барокко сформировало особый тип каменных «казацких соборов». По мнению О. В. Машталера, «Особенностью казацкого храма является отсутствие чётко выраженного фасада. Он одинаков со всех четырёх сторон и одновременно повёрнут ко всем частям света. В этом воплощена не только демократическая идея, но и сложное ощущение единения конечного и бесконечного в безграничной сложности всего сущего... Сколько бы вы не шли под его стенами, он всё время как будто поворачивается вокруг своей оси, оставаясь одинаковым и неизменным везде и всегда... Иначе говоря, казацкий собор – иррациональный образ мира, воплощенный в камне» [5]. В качестве примеров «казацких соборов» О. В. Машталер приводит Троицкий собор в Густине, Преображенский в Изюме, Юрьевский в Выдубецком монастыре в Киеве.

Дав толчок развитию стиля в каменных зданиях культа, деревянное храмовое строительство не прекратилось, а все более распространялось, и не только в казачьих областях Украины, но практически повсеместно. [6]. Можно априори предполагать, что именно этот тип храма, но не каменного, а деревянного, был принесен из украинских земель сначала на Дон, а позже – на Кубань.

Первым по времени произведением православной храмовой архитектуры на правобережье Кубани, на землях переселенного сюда из Забужья Войска Верных Черноморских казаков, стал войсковой собор Во имя Воскресения Господня в столице края – Екатеринодаре. Главный храм Войска, строительство которого продолжалось три года – с октября 1799 по октябрь 1802 года (сооружение иконостаса продолжалось еще несколько лет) – был деревянным: сложенным из сосновых бревен и ошалеванным (ощелеванным), столпным, шестиглавым, составлявшим в плане латинский крест. Каждый из шести восьмигранных столпов (в западном столпе помещалась колокольня) был трехъярусным, верхние ярусы отделялись от нижних сомкнутыми сводами, покрытыми железной кровлей. На сводах верхнего яруса помещались железные главки луковичной формы, увенчанные крестами. Между собой столпы были связаны на уровне первого яруса [7]

Исследователь древнерусского искусства Н. В. Султанов писал о главном храме черноморских казаков: «Форма эта (восьмерик – *В.Б.*) и поныне сохранилась в нашем деревянном зодчестве, преимущественно в южной России, и образцом ее может служить деревянный собор в городе Екатеринодаре... Тот же нижний восьмерик с верхним восьмериком поменьше, то же полукруглое покрытие с шейкой и луковичной главкой» [8].

Можно, не сомневаясь, отметить сходство екатеринодарского Воскресенского собора с Воскресенским собором в Черкасске (освящен в 1719 г.) [9]. Покровской церковью XVII в. в Харькове, с собором Медведовского монастыря в Поднепровье (XVIII в.), с церковью, построенной в 1760-х гг. одним из

предводителей «Колиивщины» И. Гонтой в селе Росошки, с церковью Покрова в Ромнах, построенной в 1760-х гг. последним запорожским атаманом П. Калнышевским, и особенно – со Свято-Троицким собором в городе Новомосковске (Самаре) Екатеринославской губернии (освящён в 1781 году) [10].

Схожесть архитектурных форм породило мнение о почти полной тождественности запорожского самарского и черноморского екатеринодарского соборов. Так, авторы книги «Семицрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре» писали, что Воскресенский собор «Был почти копией Самарского запорожского собора...» [11]; им вторят, той же самой фразой, составители сборника документов «Православная церковь на Кубани» [12].

Но что же представлял собой новомосковский (самарский) Свято-Троицкий собор? Вот как описывал его в 1843 г. протоиерей Кирилл Оранский: «Архитектура собора древняя, простая, и величественная; девять позлащенных глав придают ему вид важный и великолепный. Собор весь деревянный, только на каменном фундаменте, он сложен из огромных, частью дубовых, частью сосновых брусев, без всяких колонн и других искусственных подпор и связей, кроме связей самих брусев собою, при своде куполов; самые же куполы (так в тексте – *В.Б.*) устроены один порознь от другого. Вышина церкви простирается до 31, а окружность ея до 58 трех-аршинных сажень (соответственно 66 и 123,5 м – *В.Б.*). ... Снаружи собор, колокольня и ограда окрашены белою краскою, а куполы зеленою; внутренняя же сторона храма зеленого цвета...» [13]. Общее сходство храмов налицо и при сравнении изображений храмов [14], но говорить о копировании, даже приблизительном, нам представляется неверным. Свято-Троицкий храм в Самаре был девятистолпным, симметричным, четырехъярусным, его «восьмерики» не были равносторонними.

Возможно, строители главного храма Черномории, лишь взяли за основу архитектурные формы самарского собора, но сделали новую пространственную композицию сооружения и иначе решили экстерьер, сохранив верность приёмам «украинского барокко». К тому же екатеринодарский собор был меньше самарского.

Известно, что строительство храма велось под руководством сотников Войска Донского Степана Николаева и Федора Гусельщикова. Этот факт лишь на первый взгляд выглядит парадоксально: в культовом зодчестве Дона украинское барокко было распространено уже в XVII веке [15]. Но стоит ли предполагать, что стиль «пришёл» в Землю Войска Черноморского благодаря донским казакам?

Ответ, очевидно, отрицательный: судя по дальнейшему распространению «казацкого» варианта украинского барокко на Кубани, черноморцы сами были носителями стиля. В первой половине XIX столетия, уже после Указа императора Павла I 1800 года о запрете строительства на Украине храмов в стиле казацкого барокко и переходе на «синодальный стиль», в Черномории и на Старой Линии было выстроено несколько храмов в приёмах барокко, причем не только деревянных [16].

В 1814 г. в Екатеринодаре, под руководством казака Минского куреня Петра Кучера, была построена деревянная церковь Во имя Св. Екатерины великомученицы. Крестообразная в плане (равносторонний «греческий» крест),

она имела три главы, расположенные традиционно по оси «запад-восток»: к центральному восьмигранному трёхъярусному столпу примыкали двухъярусные полустолпы, образуя на уровне первого яруса единое крестового плана пространство; южный и северный полустолпы глав не имели: ко входам были пристроены «рундуки». В объёмно-пространственном решении Екатерининской церкви отразились традиции украинского трёхверхового, многозального храма.

В «казацкой» архитектурной традиции украинского барокко были возведены деревянные храмы Во имя Рождества Христова в Староминской станице (1810 г.), Во имя Рождества Пресвятыя Богородицы в Новодеревянковской станице (1830 г.), Свято-Богоявленский храм в Поповичевской (ныне Казининской) станице (1856 г., сохранился с изменениями), каменная Николаевская церковь в Новомалороссийской станице (1827 г.).

Как и в украинском барокко, на Кубани храмы были частью архитектурно-ландшафтного ансамбля, служили высотными и композиционными доминантами для окружающего их пространства. В большинстве случаев церкви располагались на площадях, свободных от каких-либо сооружений и являлись визуальными акцентами в застройке населенных мест.

Судя по сохранившимся изображениям деревянных храмов, основным приемом оформления стен была вертикальная шалевка (что свойственно украинской и белорусской народной традиции храмовой архитектуры) и использование нащельников. Исключение здесь составляет Воскресенский собор в Екатеринодаре, имевший горизонтальную шалевку. Известно, что большинство деревянных храмов было окрашено, но их первоначальное колористическое решение установить не удалось.

Предварительные выводы по предложенной постановочной работе состоят в следующем.

Архитектура украинского барокко бытовала на Кубани в конце XVIII – первой половины XIX столетий в своем «казацком» варианте и проявилось исключительно в строительстве православных храмов. Носителями барочной архитектурной традиции были как черноморцы, так и донские и линейные казаки. Очевидно, украинское барокко, как художественный стиль, в середине XIX века «отступило» под натиском «официальных стилей»: классицизма и русско-византийского, но вплоть до 20–30-х гг. XX столетия сохраняло позиции в пространственной среде нескольких станиц края.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архитектура Украинской ССР. Т. 1. М., 1954; *Асеев Ю. С.* Стили в архитектуре Украины. Киев, 1989; *Гуляницкий Н. Ф.* История архитектуры. М., 1984. *Кўзиченко А.В.* Отражение специфики художественного мировосприятия в искусстве украинского барокко // Барокко и классицизм в истории мировой культуры: Материалы Международной научной конференции. Серия «Symposium». Выпуск 17. СПб., 2001; Українське барокко: Матеріали I конгресу Міжнародної асоціації українців. Київ, 1993.

2. *Щербаківський В.* Українське мистецтво. Вибрані неопубліковані праці. Київ, 1995. С. 207.

3. *Маишталер О.В.* Грани украинского барокко: Восток и Запад (на материале архитектуры) // Барокко и классицизм в истории мировой культуры: Материалы Международной научной конференции. Серия «Symposium». Выпуск 17. СПб., 2001. С. 46.

4. См.: *Макаров А.* Світло українського бароко. Київ, 1994; *Попов Г.Д., Тараната А.А.* Архитектура больничных комплексов православных монастырей Украины и России (XII – XVIII вв.) // Медицина в художественных образах: Сб. статей. Донецк, 2002. С. 94; То же: электронный ресурс: <http://www.medicine-in.dsmu.edu.ua/html.php?book=book1&text=monastery&num=4&page=1>.

5. *Маишталер О.В.* Указ. соч. С. 47.

6. См., напр.: *Кодин В.А., Еремкина Е.А.* Храмы Слобожанщины. Формирование архитектурно-художественных и градостроительных традиций.- Харьков: РИП "Оригинал", 1998; *Кармазин-Каковский В.* Художественная ценность лемкивской церкви // Пам'ятки України. 1997. № 2. С. 16–22.

7. Подробнее см.: *Бондарь В.В.* К истории войсковых храмов Черномории // Освоение Кубани казачеством. Сб. науч. тр. Краснодар, 2002. С. 156–176.

8. *Султанов Н.В.* Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях // Памятники древней письменности. СПб., 1881. Вып. VIII. С. 17.

9. См.: *Лаврский Н.* Черкасск и его старина. М., 1917. С. 23–25.

10. Изображения перечисленных храмов приведены в кн.: *Грушевський М.* Ілюстрована історія України. Київ-Львів, 1913. С. 422, 449, 454, 463, 465.

11. Семипрестольный храм Св. Екатерины в г. Екатеринодаре. Екатеринодар, 1913. С.10.

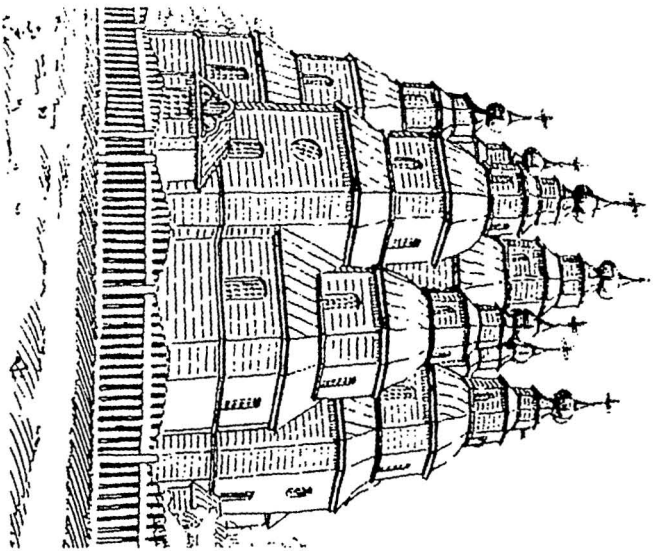
12. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в. Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 546.

13. *Оранский К.* Ново-Московский Свято-Троицкий собор // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса. 1850 . Т. 2. Отделение второе и третье. С. 829, 830.

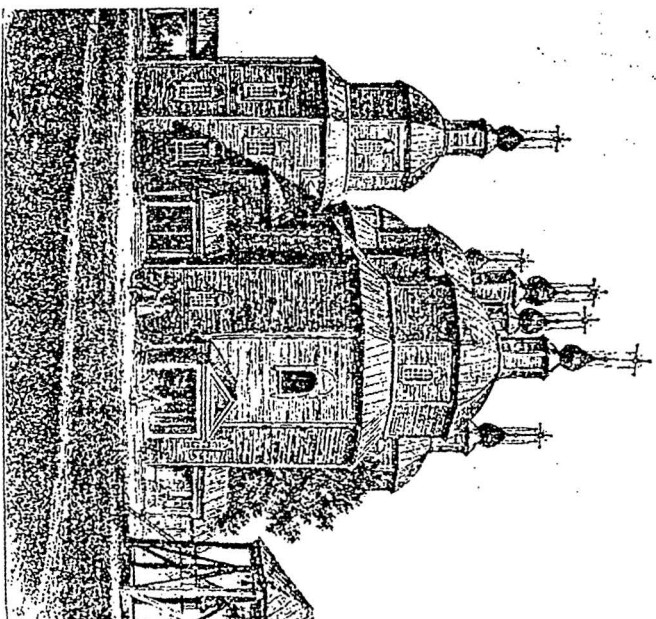
14. Изображение Свято-Троицкого собора в Самаре (Новомосковске) см.: *Машуков В.* Материалы к изучению церковной старины Украины. Харьков, 1905. С. 37.

15. *Богаевский Л.В.* Старочеркасский собор. Новочеркасск, 1919; *Лаврский Н.* Черкасск и его старина. М. 1917.

16. Речь идет об известных по изображениям храмах. Возможно, число их было больше.

Свято-Троицкий собор в Новосоловске (Самаре)
 Екатеринославской губернии. Освящен в 1781 году. Вид с юго-
 западной стороны. Гравюра из кн.: Грушевский М.
 Інстрування історії України. Київ-Львів, 1913. С. 485.
 Изображение Свято-Троицкого собора см. также: Машуков В.
 Матеріали к изучению церковной старины Украины. Харьков,
 1905. С. 37

Старый воксковый собор в г.р. Екатеринодарь.

Гр. А. Солов. грав. Бр. М. А. А.

**ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ
(СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ И ТЕХНОЛОГИИ, ПЛАНИРОВКА И ИНТЕРЬЕР)**

Работа выполнена при поддержке РГНФ и Администрации
Краснодарского края, проект 07-03-38305 а/Ю

Жилище и тесно связанные с ним хозяйственные и бытовые постройки представляют собой один из главных элементов материальной культуры кубанского казачества. Различные аспекты этой проблемы нашли отражение в коллективной монографии «Кубанские станицы», в ряде работ профессора Н. И. Кирея [1]. Особенности строительной технологии и генезис традиционного жилища рассматривается на материале одной микрозоны (станция) [2]. Однако материальная культура черноморского казачества в ранний период его истории (до образования в 1860 г. Кубанского казачьего войска) не была предметом специального изучения (за исключением одежды). В качестве основных объектов исследования в данной статье выбраны традиционные способы строительства постоянных и временных жилищ черноморских казаков, их планировка и интерьер. Работа написана на основе изучения значительного массива архивных источников (описи именней умерших казаков, описи усадеб казаков, переселяемых на передовые линии), многие из которых впервые вводятся в научный оборот. В 1862 г. было издано Положение о заселении предгорий западной части кавказского хребта кубанскими казаками («охотниками» и по жребню), а также другими переселенцами. Из бывшей Черномории в Закубанье переселялись отдельные семьи и чуть ли не целые станицы (Вышестеблиевская). Имущество переселявшихся казаков описывалось и оценивалось. Именно эти описи представляют ценный источник (в комплексе с другими) для изучения в синхронии и диахронии традиционного жилища черноморских казаков. Поселения и жилище как особая сфера материальной культуры отличаются долговременностью существования всех составляющих элементов: они включены в культурно-бытовую систему жизни нескольких поколений людей [3, с. 22]. Материалы, относящиеся к позднему периоду, содержат информацию о более ранних формах жилища. В архивных источниках, наряду с общерусскими (общелитературными) лексемами, довольно часто употребляются украинские лексемы (украинизмы), относящиеся к казачьей усадьбе в целом и жилищу в частности. Тематически эта лексика многообразна, но внутри базовых групп можно выделить значительное число лексико-семантических подгрупп, характеризующих казачье жилище в деталях. В первой половине XIX в. застройка куренных селений (станций) велась преимущественно турлучными хатами: «Господствующи же у черноморцев постройки суть турлучные или мазанковые...» [4, с. 38]. В степных местах Черномории, как и в зоне лесостепи и степи Украины, преобладала каркасная техника, при которой минимально использовались дерево и максимально лоза, хворост (турлук), камыш с глиной. Стены каркасных жилищ делали следующим образом: вкапывали дубовые столбы (*стойки, сохи*) в землю по углам и вдоль стен будущей хаты либо ставили

деревянную основу строения на деревянные или каменные стулья. Пространство между столбами в стене забирали горизонтально дубовыми жердями (*снозы, латы*) на расстоянии 0,5 аршина друг от друга, укрепляя концы жердей посредством вдабливания их в столбы. К поперечным жердям вертикально с двух сторон шлагатом или волокнами конопля привязывали (в шахматном порядке) тонкие пучки камыша или заплетали их мелким хворостом (*турлучком*). По камышу или турлуку стены с двух сторон обмазывались глиной, смешанной для большей прочности с навозом; обмазка производилась в два-три приема. Стены внутри и снаружи белили мелом [5]. Постройки с плетневой (из лозы или хвороста) техникой заполнения каркаса в архивных источниках часто называются «плетневыми» или «турлучными». Встречаются и другие терминологические определения *хата (дом) на сохах* и *мазанка* [6].

Хаты из камыша (*камышанные*) получили довольно широкое распространение в черноморских станицах, особенно в области плавней и прилегающих к ним районах (станции Стародеревяковская, Крыловская, Конеловская, Кушёвская, Новоминская, Переясловская, Иркилевская, Незамаевская и др.). Болота (плавни) были покрыты камышом, осокой, тростником и другими высокими влаголюбивыми растениями. «В странах безлесных как Черноморья, камыш во многих случаях заменяет лес: он служит материалом для стен турлучных построек и им покрываются крыши, которые прочнее соломенных» [7].

При возведении жилых (и хозяйственных) построек применялась комбинированная, или смешанная техника – *на подплете*, известная также и на Украине (Полтавская губ.). Стены только на нижние две трети выполнялись плетневой техникой на столбах, а выше окон делалась срубная обвязка из вешов [8, с. 86]. Дома на подплете (*камышовом, турлучном*) строили в первые десятилетия XIX в. состоятельные казаки, офицеры. Комбинированная техника применялась при возведении двухкамерных и многокамерных жилищ с несколькими комнатами (*покоюми*), при этом одна половина дома могли быть срублена из дерева, а сени или другая половина – «на подплете» [9].

Деревянные дома рубили из местного «чёрного» (дуб, карагач, верба, тополь) и привозного соснового леса. В основном строительный материал приобретали у «закубанских горцев», на Дону и в Крыму. Деревянные строения ставили на деревянные столбы-стулья (*стояны, сторчи*), сваи (*палі*) или *лежни* (горизонтальные брусья, служащие основанием для различных частей постройки) [10]. На «стулья» употреблялись дубовые бревна длиной 3 аршина, толщиной в отрубе 5–7 вершков. Бревна заглублялись в землю на 1–2 аршина; их располагали под углами строения, под стыками и пересечениями стен. Для возведения стен использовались круглые брёвна, их половинки (*обатолы*), колотые и пиленые двух- и четырёхвершковые доски (*пластины*). В архивных источниках не содержится информация об особенностях срубной техники, по-видимому, применялся наиболее простой и широко распространённый у восточных славян способ соединения бревен в вешцы на углах сруба «с остатком» (*в угол, в простой угол, в чашу*; укр.: *у простий вугол, в вугол, у зруб, у цівки*) [11, с. 21–22]. В целях экономии леса жилые помещения делали в срубной технике, а служебные (сени, кладовая, будка) – в столбовой закладной и плетневой (турлучной) техниках. При столбовой (закладной) технике возведения каркасных стен в зависимости от

способа укладки дерева наметились два варианта (на Украине – правобережный и левобережный): расстояние между стойками (столбами) каркаса заполнялось деревянными пластинами, которые закладывались горизонтально в пазы стоек каркаса. При вертикальном способе укладки дерева пластины сверху заводились в продольную обводку, а внизу либо закапывались (вбивались) в землю, либо вставлялись в продольный паз нижней обводки [12, с. 173]. Столбовая техника была известна на всей территории Кубанской области. «Стены построек в большинстве рубятся в забор (курсив – Н.Г.), кладя дубовые пластины горизонтально или вертикально, забирая концы пластин в пазы угловых столбов». – отмечается в «Заниске» областного инженера [5]. Столбовая (закладная) и комбинированная (на подплете) техники применялись в строительстве основного жилого помещения только на Украине [8, с. 84]. Деревянные постройки обмазывали снаружи и внутри глиной и белили мелом или известью. Для лучшего удержания глиняной обмазки стены предварительно оббивались деревянными клиньями – *клищами* (*клищуются*) либо узкой драпкой крест-накрест в виде решетки (*рыщуются, тинкуются*).

В Черномории (особенно на хуторах), наряду с турлучными строили и *глинобитные* (*землебитные*) – литые и вальковые дома (ст-цы Кисляковская, Новолеушковская, Уманская, Калининлотская и др.) [13]. Так, станица Вышестеблевская представляла собой настоящее «глиняное царство»: около 250 жилых построек (из 261 зафиксированных в описи), не считая хозяйственных, были возведены из *валькового самана* [14]. Стены литых (глинобитных) домов сооружались путем забивки деревянной опалубки полусухой глиной, смешанной с соломой, иногда глину прокладывали хворостом. Стены также возводили из крупных круглых или овальных «вальков» весом до 7 кг, слепленных из смеси глины с резаной соломой, навозом. Вальки накладывали друг на друга рядами высотой до 60–70 см, затем в течение нескольких дней просушивали и снова возобновляли кладку с последующей просушкой до окончательного возведения стены. В углы хаты (дома) для большей прочности нередко вкапывали столбы. Вальковые постройки также называют *земляными хатами* или домами из земли.

В середине XIX в. широко распространяется строительство домов из саманного кирпича, особенно в станицах Ейского и Темрюкского округов [15]. Саман (саманный сырцовый кирпич) изготавливался из земли с примесью воды, глины, мелко изрубленной соломы (половы), навоза (*земляной кирпич, саманный земляной кирпич*). Формовочная масса накладывалась специальные деревянные «станки» – почти квадратные ящики. Размер саманного кирпича составлял 7–8 вершков в длину и 3–4 вершка в ширину [15]. При возведении стен местами ставили столбы и прокладывали доски для общей связи здания. Кладка стен производилась в полтора кирпича на глиняном растворе. Саманные дома нередко сооружали на каменном фундаменте (из «дикаря»). В некоторых станицах Азовского побережья стены домов делали из дёрна (толщиною $\frac{1}{4}$ арш.), предварительно разрезанного и просушенного. Вплоть до начала XX в. хаты из дёрна широко бытовали на Таманском полуострове. В середине XIX столетия они sporadически встречались в станицах Новодеревянковской, Новоджереленской, Уманской и др., а также на хуторах, вблизи Ясенского соляного озера [16].

Камень применялся в жилищном строительстве в ограниченных размерах, преимущественно для фундаментов. В «Отечественных записках» за 1823 г.

упоминается местечко Темрюк, которое «...лежит на восточную сторону Темрюкского залива, расстojением от Азовского моря в 3-х верстах. В нем более 70 домов, в числе коих есть из камня окладенные...» [17]. Для строительства домов употребляли керченский камень (раковистый известняк) доставляемый водным путем из Керчи [18].

Кровельным материалом в основном служили камыш и солома, иногда использовалась и лыжная кострица. В одном из документов, датированном началом 1830-х гг. отмечается, что «строение в Екатеринодаре почти все покрыто камышом и *поломою* (по-видимому, ломаная солома; курсив – *Н.Г.*)» [19]. Наиболее простым способом было покрытие пуганой или ломаной соломой *в натруску*. Чтобы покрытие не разлеталось во время ветра, сверху клали глёт – связанные наверху попарно жерди, прутья, а также старые колеса и др. Это один из наиболее древних способов соломенного покрытия местами сохранялся у южных великорусов и украинцев вплоть до начала XX в. [20]. Таким же способом сооружали и камышовые крыши. Однако в большинстве случаев в Черномории, как и на Украине, предпочитали крыть крышу снопками соломой или камыша, насаживая их на латы и привязывая к ним. «Крыши с крутым подъемом, кроются камышом *под корешок* или *в расчес* (курсив – *Н.Г.*)» [5]. Покрытие «под корешок» (*под щётку, под гребёнку*) считалось лучшим, хотя и требовало не только значительного количества камыша, но и не малого мастерства. Крыша крылась «кулями» камыша, которые укладывали корешками вниз (колосьями вверх), а каждый последующий ряд – корешками вверх колосьев предыдущего ряда, т.е. в обратном порядке. Уложенные снопы камыша подравнивали, подбивая их снизу щеткой (доской с выступами). Для большей прочности и огнестойкости солому иногда замачивали в растворе глины, а потом укладывали аналогичным способом (либо сверху кровлю заливали жидкой глиной). «Постройка деревянная крытая соломенными кулями с раствором глины *под гребёнку* (курсив – *Н.Г.*)» [21].

В Тамани для устройства крыши использовали *камку* – морскую траву (точнее – гидрондний полип кордилофора), прибываемую к берегу во время прилива. Использование камки является местной традицией, предположительно привнесенной в дельту Кубани греками, хотя казаки непосредственно заимствовали её у турецкого и татарского населения. Траву использовали для устройства крыш («местные жители употребляют её на кровли домов, сверх которой настилают землю»). Как противопожарный материал камку использовали и для покрытия камышовых крыш: её накладывали ровным слоем, скрепляя жидкой глиной. После этого крыша ещё обмазывалась слоем саманной массы толщиной около 5 см [22].

В Черномории широко распространена была четырехскатная конструкция крыши. Каркас крыши составляли стропила (*кроквы*): угловые стропила назывались *нарыженниками* (*нарожениками*). Кроквы и нарыжники скреплялись посредине поперечными перекладинами – *бантингами* или ригелями (горизонтальный брус, соединяющий стропильные ноги висячих стропилах). На стропила набивали продольные жерди – слези (*латы*), составлявшие обрешетку, к которым привязывали камыш или солому. Крышу в турлучных латах устанавливали двойным способом: непосредственно на окладинах («связи») – бревна, которыми связывали вершины сох) или путем накладывания на них поперечных балок – *слижей*, на концах которых устанавливали стропило. Чаще

применялся второй способ, так как в первом случае окладные могли деформироваться под тяжестью стропила, что приводило к искривлению крыши [23].

Четырёхскатные крыши представлены двумя основными типами: 1) гладкая крыша обтекаемой формы; 2) крыша с уступами или гребешками (*нарыжниками, остришками*) на углах и чётко выраженным гребнем наверху [24]. Второй тип составляет характерную особенность хат Правобережной Украины. Именно ступенчатые гребешки и гребни придавали особенно живописный вид черноморским (и украинским) хатам.

В некоторых станциях Таманского полуострова широко бытовала двускатная конструкция крыши – с поголком и без него, с глинобитным или саманным фронтоном («таманский жилой комплекс»). В станции Вышестеблевской отмечены двух- и трёхкамерные («связь») вальцовые жилища, не имевшие потолка и чердачного помещения (*горшца*) [25]. Потолком служила двускатная крыша (*ни кроквах*), крытая камышом. Саманные хаты с двускатными крышами, без потолочного перекрытия характерны и для Тамани. Такие постройки отличались небольшими размерами, примитивностью планировки. Возникновение этого типа жилища некоторые исследователи относят к «доказачьему» периоду, т. е. ко времени османского присутствия в Тамани (XVI–XVIII вв.). Впоследствии он был принят казаками и послужил исходным типом дальнейшего развития таманского жилища [2, с. 44]. В южной полосе степной Украины также встречались хаты, в которых потолок представлял собой два ската, опирающихся на наружные стены и главную балку. На эту же балку опирались и стропильные ноги крыши. Предположительно такая конструкция была заимствована от запорожских землянок, перекрывавшихся крышей на два ската [26, с. 47]. В середине XIX в. появляется новая форма стропильной крыши с подшивным карнизом. Поперечные балки (слижи), служащие опорой для стропил, выпускались наружу за линию стены на нужную длину и обшивались тесом (досками) снизу и с боков. Крыши с карнизом отмечены в новых двухкомнатных хатах с сенцами, навесом, сравнительно большими окнами с подъёмными рамами «о 4-х стеклах» и наличниками [27]. Потолок в хате в зависимости от размеров помещения поддерживался одной-двумя продольными или поперечными балками – *сволками*. В некоторых случаях посредине ставили столб, подпиравший матицу. Такая конструкция характерна и для украинских хат (Полтавской губ.) [28]. В черноморских хатах, как и в традиционном украинском жилище, потолок также укреплялся на двух или более крестообразно положенных матицах (ст. Екатеринодарская) [29]. На сволок укладывали разного рода настил в зависимости от имеющихся строительных материалов – из тонких брёвен (*слижей*), жердей, «полудосок», досок (тонких, мелких, долевых, двоймовых, колотых), «шелевок», «обаполов», который заплетали хворостом (турлуком) или засыпали поверх слоем камыша и обмазывали с одной или двух сторон глиною.

В середине XIX в. потолки всё чаще стали делать из широких тесаных или пиленных досок, поверх которых также настилали «со стороны чердака» камыш с последующей обмазкой глиной [30]. Состоятельные казаки настилали поголки досками *в разгон* или *в разбежку*, т. е. в два неплотных слоя. «В каждой комнате по одной матице уложенными концами по стенам, потолок заслан в разбежку 22 досками и поверх камышом, снизу обмазан глиною» [31]. Пол (*доти́вка*,

підсытки) в турлучных и саманных хатах чаще всего был земляной (глинобитный, землебитный), мазанный сверху толстым слоем глины, и только зажиточные казаки могли позволить себе дощатый, крашеный. В конце 1850-х гг. в домах урядников отмечены деревянные (из сосновых досок) полы, настланные во всех или только в парадных и жилых помещениях (за исключением кухни, кухонных сеней) [32].

Большинство старых черноморских хат имели окна разных размеров («разной величины» или «вышнны»). Окно, освещающее чистый угол комнаты, было больше окна, выходящего против топки печи. Небольшим было и окно, выходящее на задний фасад хаты. Такая «разнокалиберность» характерна и для «связевых» построек. «Хата старая состоит из 2-х половин с сенцами посредине, с 7 разного размера малыми подъемными окнами» или «хата новая о 2-х комнатах, в одной половине 5 растровчатих окошек со ставнями, а во 2-ой половине 3 окошка разных размеров» и т.п. [33]. Маленькие окошки делали в будке, кладовой, чулане, иногда в сенях. В домах зажиточных казаков оконные переплеты, косяки и ставни, как правило, окрашивались. В черноморских (как и в украинских) хатах применялось большое количество различных вариантов конструктивного решения переплетов на 2, 3, 4, 5, 6 и 8 (оптимальное 4) стекол (*шинок, шибок*). Переплеты были трех типов: глухие, подъемные и створчатые («створные», «растровчатые»). Например, в ст. Вышестеблевской, отмечены «глухие» окна в 2, 4 и 6 стекол; с подъемными рамами – 3, 4, 6 и 8, створчатыми – 4 и 6. Сравнительно широкое распространение в рассматриваемый период получили подъемные рамы «о 4-х мелких шипках». Створчатые переплеты встречаются в рассматриваемый период редко, в основном в многокомнатных домах зажиточных казаков, урядников. В новых хатах, приближающихся по своему архитектурному облику к городским домам, заметно увеличиваются пропорции окон (средние, большие в 6 и 8 стекол). Как правило, их делают одинаковой величины, за исключением небольших (иногда таких же размеров) окошек в холодных помещениях.

Вокруг хаты делали плетневую на столбиках, реже деревянную завалину (*призьбу*), «набивали» её землей. Вышние помещения - открытые галереи, навесы (*пиддашок, пиддашка*), по материалам описей прослеживаются слабо, упоминания о них довольно редки. Крыльцо (*крыльцо, рундук, присітки*) свидетельствовало о престиже и благополучии хозяина дома: «если это жилище... урядника, то при нем будут "присенки", крыльцо на двух столбиках, вроде козырька при фуражке. Новые присенки при старой хате показывают, что шапка хозяина еще недавно украсилась урядничьим галуном» [4, с. 52]. В начале 1880-х годов Н. Н. Чёрный отметит, что в станицах Ейского уезда турлучные и саманные дома устриваются «большою частию "с присітками" (крыльцами или портиками)» [34, с. 395]. Именно крыльца аккумулируют новые эстетические принципы, вызванные широким распространением деревянного пропильного декора и кованого металла на рубеже XIX–XX веков.

Планировка дома. Важным признаком жилища, наиболее стойко сохраняющим этническую специфику, является план жилого дома. В конце XVIII – первые десятилетия XIX столетия в черноморских куренных селениях были распространены землянки – углублённые в землю турлучные или саманные хаты небольших размеров, не имевшие потолка, чердака и покрывавшиеся двускатными крышами с небольшим уклоном земляной кровли. Для покрытия

стропильных крыш использовался и камыш. Двухкамерные («об одном покое с сенями») землянки имели в длину 10–12 аршин (9,5×4; 12×6). Согласно «Ведомости о живущих в городе Екатеринодаре старшинах и казаках...» от 11 ноября 1794 года в городе было 154 «землянки», 74 хаты «на вересе» (построенные на поверхности земли) и 9 домов [35]. Землянки нередко сооружались на хуторах, причем местами они устойчиво сохраняются и во второй половине XIX в. [36]. В описи казачьих усадеб (1862 г.) отмечается, что «казак дома не имеет, а вне станицы Уманской живет в землянке, обнесенной огорожею в одну доску, при ней небольшой навес» [37].

Промежуточная форма между землянкой и наземным жилищем – *полуземлянка*, заглубленная в землю примерно на одну треть или половину своего объёма (на 1–1,5 арш. при высоте в 3–3 арш.) [38]. Жилище, углублённое в землю только на ¼ аршина, относится уже к категории домов. Полуземлянки, названные в описи «домами-землянками», зафиксированы в начале 1860-х гг. в ст. Вышестеблиевской. Это двухкамерные жилища, возведенные из «валькового самана», длиной 9–12 аршин и шириною 5–6,5 аршин. Только одна «землянка» (углубленная на 1 аршин) представляла собой тип «связевого» дома («о 2-х через сени половинах», 22×10 арш.). Эти строения имели двускатные крыши беспотолочной конструкции, настланные по жердям (*ключичами*) камышом. Здесь же отмечена и ранняя форма жилища – землянка, представленная двумя (одно- и двухкамерным) ветхими строениями, выступавшими над поверхностью земли на ¼ и 1 аршин. Ранняя форма наземного примитивного временного жилища – *балган*, *балаган*, состоящего из небольшой однокамерной хаты, преимущественно без сеней, была довольно распространена в черноморских станицах на протяжении всего XIX в. «Балган» строили в каркасной плетневой технике из камыша или выкладывали из самана. В нем имелось одно или два окна, небольшая печка с трубой, выходящей в сени или непосредственно наружу через стену. «Балаганы» устраивались во время вызова казаков на внеочередную службу и на сборы [39].

Массовым типом казачьего жилища на Кубани в XIX в. были различные варианты двух- и трёхкамерных жилищ, имевших одно жилое помещение (*хата*, *комната*, *покой*), совмещенное с кухней. В рассматриваемый период преобладал тип двухкамерного жилища (распространенный также в северных и отчасти восточных районах Украины). Трёхкамерный тип жилища (хата-сени-кладовая) – классический для восточных славян имел несколько вариантов планировочных решений, создававшихся в основном способом «формовычитания», в меньшей степени – «формосложения». Первые два варианта образовывались путём устройства кладовой за счёт отделения в двухкамерном жилище части сеней в продольном или поперечном направлении. Третий вариант реализовывался путём пристройки к сеням дополнительного холодного помещения – кладовой, чулана.

Материалы описей свидетельствуют, что в середине столетия сравнительно широко бытовали *связевые дома*: «о двух через сени жилых помещениях», «хата о 2-х комнатах и посредине сенцы». В одних случаях это были два жилых помещения (*великая хата* и *малая хата*, *чистая комната* и *кухня*) разделённых сенями, в других – жилая комната (*хата*, *покой*) и будка-кладовая [40]. Усложнение планировки «связевого» жилища происходило путем устройства внутренних перегородок в одной или двух «половинах» дома, в результате чего

создавались три-четыре комнаты: в сенях выделялись чулан, кладовая или добоочная комната, которая использовалась в качестве кухни или спальни и сообщалась с входами с великой и малой хатой [24, с. 118]. Кроме продольной планировке отмечена и Г-образная, создававшаяся путем пристройки дополнительного помещения к двух- или трёхкамерному жилищу («хата о 2-х комнатах с сенцами устроенная *слаголем*») [41]. При другом варианте хатина устранилась уже хаты, оставшееся помещение использовалось под сенцы, которые выступали за линию стены дома, образуя Г-образную фигуру [42, с. 237].

Квадратные или почти квадратные в плане дома, состоящие из трех комнат (светлицы, спальни и кухни) характерны для городской застройки. Турлучный дом (16×14 арш.) урядника Тушницына в г. Екатеринодаре включал три комнаты, буфетную (*бухвет*) и двое сеней [43]. Зажиточные казаки возводят дома городского типа на станичных «планах», рядом со старыми двухкамерными постройками. Новый дом (15×10,5) отставного казака ст. Уманской, построенный в традиционной каркасной (турлучной) технике, включал 4 комнаты, в том числе и кухню, а также кладовую и двое сеней с крыльцом. В доме имелось 11 больших окон с крашеными ставнями. В большинстве помещений (кроме кухни) были насланы дощатые полы и потолки (дом оценен в 250 руб. сер.) [44].

Число многокамерных домов с несколькими жилыми помещениями заметно возрастает в крупных, экономически более развитых станицах. Четвёртая часть (из 44) зафиксированных в 1861 г. описи домов станицы Уманской – это многокамерные жилища. В станице Темрюкской многие казаки имели дома «о двух комнатах» или «о двух половинах» с несколькими «покоюми» (до 5) [45].

Длина «связевых» хат колебалась в пределах 15–23 арш, ширина – 6–10 арш, высота $2\frac{1}{2}$ – $3\frac{1}{4}$ арш. (иногда до $4\frac{1}{2}$). «Шкала» размеров жилых строений, независимо от числа составляющих их «камер», была сравнительно большой и единообразия не прослеживается даже в пределах одной станицы. Двух- и трёхкамерные однокомнатные дома имели в длину – 8–21 арш., ширину – 4,5–9 арш., высоту – $2\frac{1}{4}$ – $3\frac{1}{4}$ арш. Оптимальная длина – 11–13 арш., ширина – 5–7 арш. Высота хат, как правило, не превышала 3 арш., для новых домов этот показатель был несколько выше – 3,5–4 арш. Двухкамерные жилища длиной до 10 арш. в описях относятся к категории небольших домов («дом малый [8,5×5,5] с малыми сенями», «малая хата 9,5×5 арш.») [46]. Небольшие размеры двухкомнатных домов объясняются тем, что увеличение числа камер происходило не «вширь», а «вглубь», т. е. способом «формовычитания».

Интерьер. Одним из наиболее существенных и устойчивых типологических признаков восточнославянского жилища, обладавших компактными ареалами распространения и стойко сохранявших этническую специфику, была внутренняя планировка жилого помещения [47]. Для жилища черноморских казаков характерен украинско-белорусский тип расположения печи и красного угла (печь вправо или влево от двери, у боковой стены, челом к окнам). Единство применяемых типов мебели и планировки организации жилого помещения предопределили размещение мебели в строго установленном месте, обусловленном наибольшим удобством ее использования и функциональным назначением каждой части помещения. «Классический» вариант меблировки комнаты включал: лавки (*лавы*), подвижные скамьи (*ослоны*), кровать (*пол*), стол, сундук (*скрыя*), посудный шкаф (*мисшк*) и полки (*полицы*). Эта мебель в ряде

случаев закреплялась на своем месте наглухо и имела как бы встроенный характер. Функциональным центром внутренней части хаты являлся красный угол (*покутя, покүт*), в нем находились образа и стол. Украшению святого или красного угла уделялось большое внимание. Обычно в красном углу помещалось несколько икон, украшенных богато орнаментированными рушниками или одним большим узким полотенцем – *побожником* (*божником*). Иногда такое полотенце достигало в длину нескольких метров, концы спускались по сторонам божницы. Середина такого рушника декорировалась зубчатым краем или узкой полоской растительного орнамента и на концах вышивкой либо тканым орнаментом, кружевом.

Иконы устанавливались на специальной простой или резной деревянной узенькой полочке – «божнице» (*бижныци*). Центральное место в домашней божнице занимали три образа: Спасителя, Божией Матери и св. Николая Чудотворца (Николая Угодника). Образ Божьей Матери был самым любимым, он встречается наиболее часто и в разных иконографических вариантах: Богоматерь «Всех скорбящих радость», Богоматерь Владимирская, Казанская и Ахтырская и др. В малом денсусном чине домашних божниц после Спасителя и Богоматери чаще всего можно было видеть икону Николая Чудотворца, особо любимого и почитаемого святого, считающегося покровителем брака, животных, особенно лошадей. Состав других икон варьировался в зависимости от ряда жизненных обстоятельств, среди них: особенности хозяйственной деятельности, традиции, связанные с миграционным прошлым; местные праздники; иконы святых, имена которых носили члены семьи; семейные традиции; личные предпочтения [48]. В описях упоминаются имена и других святых, чьи иконописные изображения ставили в божницу: Великомучеников – Варвары, Ирины, Пантелеймона, Равноапостольной Марии Магдалины, Святителей Митрофана Воронежского и Дмитрия Ростовского и др., а также иконы, которыми благословляли на брак («благословение») и с которыми освящали дом. В составе домашних божниц встречались и небольшие иконы «киевской работы».

Иконописные изображения выполнялись на дереве (простом и кипарисовом) и холсте. Изображения лиц Священной истории, выполненные на холсте, отличались сравнительно большими размерами, помещались обычно в раму. Вместо икон использовались и печатные изображения «святых ликов»: пресвятой Богородицы, Св. Николая, Георгия Победоносца и др. Перед образами ставили или подвешивали к потолку одну или несколько лампад, украшенных бумажными «голубцями»; иногда ограничивались восковой свечой, которая прикреплялась к полочке.

На стенах, ближе к красному углу, висели картины на темы: «Страшный суд», «Молитва Архангелу Михаилу» (от всех болезней), а также портреты царствующих особ; популярны были яркие лубочные картинки различного содержания и изображения персонажей народных сказок [49]. У черноморских казаков красный угол традиционно украшался искусственными бумажными, соломенными цветами, которые в большом количестве помещались над образами. Стены в парадных помещениях или только около «образов» оклеивались чистой бумагой или простыми дешевыми шпалерами. В жилом интерьере применялась декоративная роспись стен, печей в виде цветных полос: красных, желтых, синих, розовых, бурых, имитирующих бумажные обои с аналогичным рисунком [50].

В переднем, или красном углу, перед божницей, находился большой продольный стол, покрытый белой полотняной скатертью (*пистольником*) с красными поперечными полосами по краям. На нем обычно лежал хлеб (*палыныця*) и соль – знак гостеприимства хозяина. Столы, как правило, были «простой работы», сделанные из досок, у более состоятельных из «соснового леса», с одним или двумя выдвижными ящиками или «с шафою». Иногда в комнате было два стола – большой и маленький для детей – *сирно* (*сырно*), высотой от 4 до 8 вершков. В бедных хатах в красном углу устанавливали на специальных подножках «скрыню», плоская крышка которой, застланная скатертью, в праздничные дни служила столом. В будничные – семья обычно обедала за маленьким низким «сирно» с круглой столешницей, за которым сидели или на скамейках, или «просто поджавши ноги». В жилищах со «встроенной мебелью» вдоль стен, по обеим сторонам от красного угла тянулись наглухо прибитые к стойкам деревянные «лавы» для сиденья (*сидальные, пристенные*) шириной в «одну» или «две доски». Подвижные узкие скамьи на ножках – *ослоны* (*ослончики*) представлялись в необходимых случаях к обеденному столу, а иногда и к «лавсе» для сна. Под термином «ослон» фигурируют не только подвижные скамьи в узком значении слова, но и промежуточные между диваном формы («ослон деревянный с плечами», «с перильцем»). В более зажиточных домах появляются *канапеи* (*канапэй, конопей, канпейка*) – узкие деревянные, со спинками и локотниками диваны из «соснового дерева», имевшие различный диапазон размеров и конструктивных решений.

Деревянные стулья мог позволить себе только состоятельный хозяин, обычно использовались грубо сколоченные скамейки, маленькие ослоны. Н. Н. Чёрный отмечает, что для «покупки полдюжины стульев требуются значительные для бедняка средства и вот он покупает один или пару стульев, которые и занимают первые места в хате, у стола наряду с "канапеями", "ослонами" и "лавами"…» [34, с. 424]. Тем не менее, в первой половине XIX в. несколько стульев «простой работы» «сосновых», у урядников – «с подушечками, обитых черною кожей» – появляются в интерьере «парадных» комнат черноморских казаков. Кроме красного угла, значимым местом, функционально дублирующим центр, был и печной угол. В бедном жилище русская печь (укр. *варистая*) всегда была главным элементом обстановки: «в хатѣ не мало пространства занимает печь, с "припѣчком", служащая с октября до апреля спальнею и почти постоянным приютом для детей и дряхлых старух» [34, с. 424]. На печи спали, хранили вещи, сушили зерно, лук, чеснок.

Печи различаются по наличию и конструкции дымохода (чёрные, полубелые, белые) и материалу (глиняные, кирпичные, глиняно-кирпичные). В источниках обычно указывается материал, из которого сделана печь – глина (земля, вальки), кирпич (земляной, серцовый, жжёный) и тип печи (русская, голландская или грубка) и редко наличие дымохода и его конструкция. В первой половине столетия были распространены глиняные печи (землебитные, глинобитные, вальковые). Дымоприёмник (*комит*) и дымоход делали из тонкой плетенки хвороста и покрывали с обеих сторон глиною. В двухкомнатных жилищах нередко встречались печи, сложенные из сырцового кирпича. Наряду с ним начинает входить в употребление и обожжённый («жжёный») кирпич, который иногда комбинировали с сырцом. Большая четырехугольная русская печь,

занимавшая значительную часть помещения в хате, служила предметом особой заботы хозяйки дома, стремившейся содержать её в чистоте («всегда чисто вымазана»), а по возможности и украсить её. В украинском быту было широко принято украшать росписью верхнюю часть печи («комин»), декорировали или весь комин, или отдельные его части [51]. Печь расписывали разноцветными полосами – красными, желтыми, синими, бурыми, розовыми или иногда украшали яркими замысловатыми узорами [52].

«Голландские» печи, которые в южных районах называли *грубками*, *грубами*, ставили в парадных помещениях – «чистых» комнатах, горницах, светлицах. Такие печи украшали «разными колонками и карнизам». В зависимости от числа помещений и их дифференциации в доме могло быть несколько различных печей (от одной до четырёх): русская «кобыкновенная», голландская (грубка), камин (*очаг*, *кабиця*). В «свзвезых» домах ставили в обеих половинах русскую печь либо в одной половине – русская (иногда с лежанкой), а в другой – голландская из «жжёного» кирпича, в сенях – «камин». Маленькие грубки устраивали в двух- и многокамерных жилищах. Их ставили в разных комнатах, но при этом они непосредственно примыкали к русской печи (для этого в стене делали отверстие). Практически во всех домах станицы Вышестеблевской были устроены в сенях *кабицы* (из земляного кирпича) с отдельными или общими с русскими печами дымовыми трубами. «Дом о 2-х через сени жилых помещениях, печей русских из вальковой глины две, кабыця с общею дымовою трубою и боровом из земляного кирпича» или «печь в виде голландской из серцового кирпича, топка из кухни, русская печь из вальковой глины, в сенях устроены землебытными с трубами две кабыцы» и т.п. [53].

У входа, по другую от печи сторону двери прикреплялись в два-три ряда полки для посуды – *малый мисник*, «на которых красовались всевозможные горшки, котелки, чауны, кувшины и корчаги» [54]. «Большой мисник» представлял собой род буфета с верхним отделением для мелкой посуды и нижним для печного хлеба и т.п. В углу между печью и поперечною стеною «построены были в пирамиду» ухват, кочерга, лопата, чашлея, а на лавках – ваганы, дежи и т.п. Под полками у входа на земляном полу (*на долівці*) стояла внушительных размеров помойница. Шкаф появляется в сельской среде раньше всех других видов городской мебели. Шкафы обычно окрашивались и стеклили: «с тремя ящиками под стеклом», «простой работы», «шкафа покрашенная зеленою краскою», «из сосновых досок с ящиками и стеклом», «соснового дерева и в нем посуды каменной и стеклянной» [55]. Такие шкафы обычно ставили в парадных помещениях. Для хранения одежды, ценных вещей и т.п. использовались сундуки (*скриня*, *скрыня*); их также покупали («по капиталу») на ярмарках или заказывали мастеру. Сундуки были разной конструкции: на ножках и без них, на колесах, с внутренними и навесными замочками, выдвижными ящичками, с «прискринком» (внутренняя полочка, где женщины хранили деньги). Они также различались своими размерами, материалом и художественно-конструктивным решением. Предпочтение отдавалось не простым деревянным сундукам, а окрашенным в яркие цвета (преимущественно синий, голубой, зеленый, реже красный) и окованным металлическими полосками из железа или жести. Материалом служили разные породы деревьев: сосна, липа, дуб, верба. В выявленных нами материалах не содержится каких-либо сведений о расписных

скрынях, имевших широкое распространение и локальные варианты орнаментации на Украине, хотя И. Д. Попка и упоминает среди «ярмарочных» товаров расписные сундуки [4, с. 119]. В сундуках хранили одежду, белье, предметы интерьерного назначения, украшения и т.д. В некоторых домах имелось несколько сундуков различных размеров, простых и крашенных: в одних хранилась женская и детская одежда, в других – мужская.

В «глухом» углу помещалась кровать, рядом с которой стоял сундук с одеждой. В бедных хатах кроватью служили лавки и «пол» (*mit*) – широкий помост типа нар, идущий от боковой стенки печи до противоположной стены, «нечто среднее между обширной кроватью и великорусскими "полатами", откуда можно было взобраться на теплую печь» [55]. «Пол» делался из нескольких толстых досок, длиною в три аршина, уложенных на поперечниках, упирающихся в закопанные в земляной пол столбики, высотой в полтора аршина [34, с. 424]. В рассматриваемый период даже в зажиточных казачьих семьях кровати имели самую простую конструкцию и не отличались изяществом отделки. Как предмет мебелировки городских домов кровати фигурируют в описях имущества с середины XIX в. Кровать застилали дмоткаными цветными ряднами с поперечными полосами разных расцветок; сверху клали набитые пухом или перьями подушки – одну большую и несколько (три-пять) поменьше – «хотя и не совсем мягкие, но всегда совершенно чистые» [56]. Перины, подушки и другие постельные принадлежности служили предметом особой гордости хозяйки дома, стремившейся по возможности к их приумножению.

В казачьих семьях среднего достатка в обиходе были менее дорогие фабричные ткани: нанка, набойка, пестрядь, ситец, суконные килимы. В бедных семьях часто и простынею и покрывалом служили грубые дмотканые рядна. Укрывались также лоскутными одеялами домашнего изготовления или мягкими и пушистыми, наподобие байковых, «ложниками» (укр. «*лїжник*»), ткаными из толстой пряжи овечьей шерсти с узором из цветных полос. Над «полом» или спальными нарами под самым потолком горизонтально подвешивалась тонкая длинная жердь (*жертка*) на веревках для развешивания будничной одежды. В качестве защиты от комаров шили пологи их хряща, полосатого или клетчатого холста. Пол (*долівка, підсытка*) в турлучных и саманных хатах чаще всего был земляной, мазаный. Глиняная обмазка земляного пола возобновлялась еженедельно. Для раскраски земляного пола применялся толченый, просеянный красный кирпич (*цегла*), как в чистом виде, так и с добавлением растительных красителей (например, перетертые корни конского щавеля) или использовались цветные глины и железные голыши в виде охры. В зимнее время земляной пол покрывался грубым холстом и рогожками, ряднами, «дранками» («половниками»), «кодрею» и т.п. Интерьер казачьего жилища менял свой облик в соответствии с сезоном, так, например, на зиму в хате часто ставили ткацкий стан, предметы прядильного производства. Облик помещения совершенно преобразался в праздник. К христианским праздникам - Рождеству, Пасхе, Троице и в дни совершения обрядовых действий было принято украшать хату вышитыми рушниками, настольниками, одеялами, подушками с вышитыми наволочками. Для праздничного убранства хаты использовалось несколько накрючников, на которые вывешивали богато орнаментированные полотенца, откуда и происходит их название: «крючковые» или «килковые» (укр. «*кілок*» – деревянный гвоздь).

После праздника «все это убрали и клали в сундук до следующего большого праздника». Обычай украшать свои жилища вышитыми и ткаными полотенцами распространён у южнорусского населения, среди украинцев. Интерьер казачьего жилища относительно долго сохранял «каноничность» в организации пространства, мебелировке помещения. И в то же время в оформлении интерьера отчетливо проступают имущественные различия, проявляющиеся не только в количестве предметов домашней утвари, мебели, но и в её «неординарности», качестве материала, отделке, то есть поиск индивидуального в типическом, традиционном.

Таким образом, в рассматриваемый период застройка черноморских станиц велась преимущественно двух- и трёхкамерными хатами. Многокомнатные жилища представлены «связевыми» хатами. Наряду с ними устойчиво бытуют и архаические формы жилища. Черноморская казачья хата по внешнему виду, планировке и внутреннему убранству мало чем отличалась от украинской хаты – мазанки. В её архитектурном облике совмещались черты левобережного и правобережного жилищ степных и лесостепных районов Украины (формы крыши, внешние помещения – галереи).

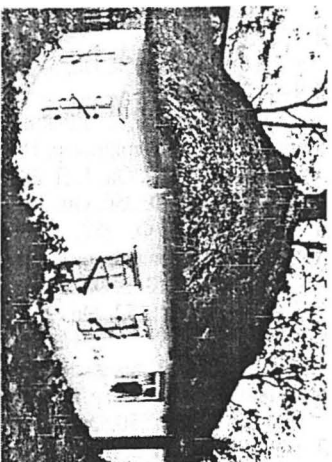
Наибольшей спецификой отличался «таманский жилой комплекс» (домаземлянки, глинобитная техника, двускатная беспотолочная конструкция крыши, печи – кабицы). Эволюция традиционного жилища черноморских казаков шла по линии повышения эффективности и удобства его использования, расширения и переустройства жилой площади, совершенствовании строительной технологии. Состоятельные казаки возводят новые дома с несколькими жилыми комнатами, кухнями, сенями («парадными» и «чёрными»), крыльцами, галереями. Новый тип жилых построек свидетельствует об усилившейся имущественной дифференциации казачества: на одном полюсе – ветхие землянки, полуземлянки и двухкамерные турлучные хаты, на другом – многокомнатные дома, приближающиеся по своему архитектурному облику, планировке и мебелировке к жилищу городского типа.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

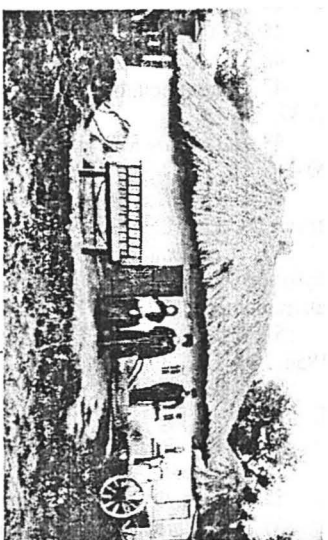
1. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967; *Корсакова Н.А.* Материальная культура казачьего населения Кубани во второй половине XIX – начале XX вв. // По страницам истории Кубани (Краеведческие очерки). Краснодар, 1993; *Кирей Н.И.* Типы традиционного сельского жилища кубанских казаков и народные способы его строительства (конец XIX – 20-е гг. XX в.) // Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа: Сб. науч. трудов. Краснодар, 1994; *Он же:* Традиционное жилище кубанских казаков // Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. М.; Краснодар, 2002.
2. *Чаудзе В.Н.* Народное жилище в станице Тамань (XIX – первая половина XX в.) // Этнограф. обозрение. 2004. № 3.
3. *Будина О.Р., Шмелева М.Н.* Город и народные традиции русских. М., 1989.

4. *Потка И.Д.* Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 449. Оп. 6. Д. 156 а. Л. 2–3.
6. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 414. Л. 3–4; Д. 651. Л. 1–8; Д. 653. Л. 15–16. Ф. 252 Оп. 2. Д. 414. Л. 3–4; Ф. 449. Оп. 6. Д. 156 а. Л. 2.
7. *Серафимович О.* О производительных силах бывшей Черномории // Кубанские войсковые ведомости. 1868. № 23.
8. *Блохвист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.
9. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 58. Л. 566; Д. 96. Л. 448; Оп. 3. Д. 24. Л. 13; Оп. 5. Д. 53. Л. 388.
10. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 1042. Л. 23, 177; Ф. 351. Оп. 1. Д. 9. Л. 263.
11. Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997.
12. Украинцы. М., 2000.
13. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 646. Л. 5–13; Д. 665. Л. 4–5; Кубанские станицы. С. 114–115.
14. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 635.
15. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 653. Л. 1–27; Д. 647. Л. 23–41; Ф. 452. Оп. 1. Д. 9.
16. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 636. Л. 8–9; Д. 637. Л. 4–5; Д. 647. Л. 33–34; Д. 665. Л. 4–5; Д. 637. Л. 2–5; *Волков Ф.К.* Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 1. Пг., 1914. С. 520.
17. ГАКК. Ф. Р-111. Оп. 2. Д. 439. Л. 16.
18. Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 215. Л. 18; *Арканников Ф.* Город Темрюк // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМНПК). Вып. 4. Тифлис, 1884. С. 256, 263; *Апостолов Л.Я.* Географический очерк Кубанской области // СМОМНПК. Вып. XXIII. Тифлис, 1897. С. 64.
19. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 713. Л. 15.
20. *Русов А.А.* Поселения и постройки крестьян Полтавской губернии. Харьков, 1902. С. 27–28; *Юрченко П.Г.* Народное жилище Украины. М., 1941. С. 42; *Блохвист Е.Э.* Указ. соч. С. 112.
21. ГАКК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 9. Л. 414.
22. *Чаидзе В.Н.* Указ. соч. С. 43; *Семенцов М.В.* Историко-экологические аспекты хозяйственного освоения Кубани казачеством в XIX – начале XX вв. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2006 год. Дикаревские чтения (13). Краснодар, 2007. С. 130.
23. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 635. Л. 102–103; 135–136; *Кирей Н.И.* Традиционное жилище кубанских казаков. С. 443.
24. Кубанские станицы. С. 116.
25. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 635. Л. 30–31, 35–38, 46–47, 56–57, 95–96, 109–110, 140–141, 145–149, 153–154, 164–165.
26. *Юрченко П.Г.* Народное жилище Украины. М., 1941.
27. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 668. Л. 10–11; Ф. 669. Л. 5–6.
28. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 668. Л. 9–10, 15–16; Д. 669. Л. 1–6; *Русов А.А.* Указ. соч. С. 36.

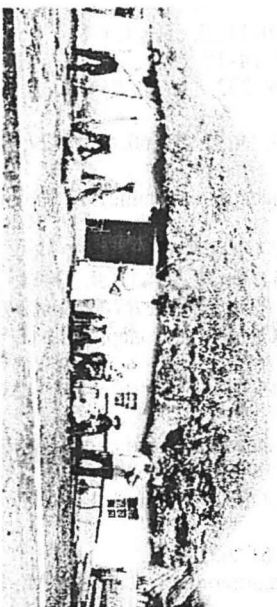
29. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 660. Л. 28–29; Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997. С. 26.
30. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 637. Л. 1–3, 4–5, 10–11; Д. 651. Л. 1–8.
31. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 668. Л. 7–8, 10–11, 14–15.
32. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1973. Л. 31; Ф. 252. Оп. 2. Д. 647. Л. 20–21; Д. 1344. Л. 298.
33. ГАКК. Ф. 250. Оп. 5. Д. 53. Л. 351; Ф. 252. Оп. 2. Д. 660. Л. 28–29; Д. 670. Л. 1–4; Д. 671. Л. 2–3.
34. *Черный Н.Н.* Ейский уезд (Статистическое описание) // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринодар, 1883.
35. ГАКК. 249. Оп. 1. Д. 283. Л. 9–16; КГИАМЗ. КМ 5734/44. ПИК - 84.
36. Там же. Ф. 250. Оп. 2. Д. 38. Л. 231; Ф. 252. Оп. 2. Д. 637. Л. 13–14; Оп. 5. Д. 209. Л. 3–4; Ф. 482. Оп. 1. Д. 9. Л. 9; *Казачинский В.П., Бондарь В.В.* Архитектура и градостроительство Кубани XIX–XX вв. Краснодар, 2002. С. 20.
37. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 647. Л. 17–18.
38. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 635. Л. 18–19, 45–46, 95–96, 124–125, 128–129, 147–148, 152–153.
39. Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник / Авт.-сост. Б. Е. Фролов. Краснодар, 2007. С. 18.
40. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 97. Л. 109; Ф. 252. Оп. 2. Д. 646. Л. 12–13; Д. 1351. Л. 589; Ф. 335. Оп. 2. Д. 6. Л. 5.
41. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 660. Л. 28–29; Д. 661. Л. 1–2.
42. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987.
43. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1973. Л. 31.
44. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 647. Л. 20–21.
45. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 647. Л. 7–41; Ф. 452. Оп. 1. Д. 9. Л. 37–45.
46. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 647. Л. 34–35; Д. 664. Л. 10–11.
47. Традиционное жилище народов России: XIX – начало XX в. М., 1997. С. 37.
48. *Цеханская К.В.* Икона в русском доме // Этнографическое обозрение. 1997. № 4. С. 75.
49. *Попко И. Д.* Указ. соч. С. 119; *Петр Андреевич.* По поводу черноморских писем // Орсл. 1859. № 2. С. 71.
50. *Серафинович И.* Обзор производительности бывшей Черномории Кубанской области // Памятная книжка Кубанской области на 1876 год. Екатеринодар, 1877. С. 17.
51. *Безжкович А.С.* Настенная роспись украинской хаты // Сов. этнография. 1954. № 2. С. 123.
52. *Серафинович И.* Указ. соч. С. 17; *Котельников В.* Кубань - Терек. М., 1950. С. 80.
53. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 635. Л. 18–19, 21–24, 40–41, 91–92.
54. Там же. Ф. 764. Оп. 1. Д. 95. Л. 59.
55. Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1973. Л. 32, 35, 36; Ф. 250. Оп. 3. Д. 24. Л. 13.
56. *Петр Андреевич.* Указ. соч. С. 71.
- Все фотографии из КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына.

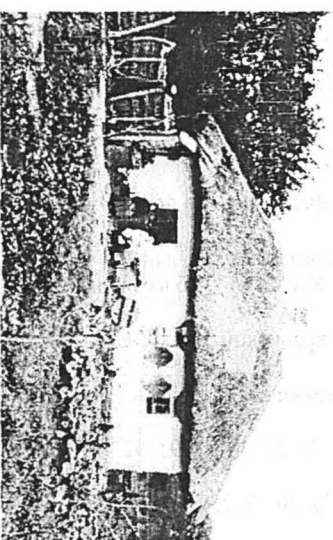
Хата турлучная, ст. Переясловская

Ст. Павловская, 1910 г.

Старинная казачья хата. Ст. Новонелишковская.

Хата Семена Шилпितько, 1850 г.

**Музей народной архитектуры, искусства и быта в Пирогово,
к юго-западу от Киева**

КОСТЮМ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАЧЕК КОНЦА XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX В. (ПО АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

В достаточно обширной дореволюционной и современной литературе по истории черноморского казачества одежда, особенно женская, является одним из наименее изученных вопросов [1]. Сложность изучения женского костюма заключается в том, что до настоящего времени сохранились только отдельные, фрагментарно представленные в фондах краеведческих музеев предметы народного костюма конца XIX – начала XX вв.

Основным источником для данной работы послужили документы Государственного архива Краснодарского края (ГАКК): описи имущества умерших казаков, ворованного или сгоревшего имущества, завещания, опекунские отчеты и т.п. В этих документах содержатся фрагментарные сведения об одежде: в основном указывается материал, цвет, иногда виды отделки, стоимость ткани или вещи. Для полноты раскрытия проблемы используются также опубликованные этнографические источники и специальные исследования по восточнославянской одежде. Исходя из характера источников, целью настоящей работы будет выявление основных компонентов женской казачьей одежды. Разнообразные по своему назначению компоненты костюма объединяют в следующие группы: нательная, поясная, нагрудная и верхняя (основная и дополнительная) одежда. Длинная рубаша (сорочка) с рукавами являлась основной частью женского костюма, она служила нательной и верхней домашней одеждой. Исследователи выделяют два основных типа рубах, бытовавших на Украине в XIX в.: левобережный – с поликами, густой сборкой спереди и под воротом, с прямыми широкими рукавами и правобережный (карпатский) – со слитными с рукавами поликами, пришитыми к основной части рубахи и воротником [2]. Рубаша украшалась вышивкой на вороте, поликах, рукавах, нередко и по подолу; примнялась обшивка кантом ворота и краев рукавов. В Черномории основным материалом для изготовления женских рубах служил различного качества холст – домашней выработки и фабричный. Употребительны были и другие ткани: белый миткаль и коленкор, бязь («американ»), «серпанок» (тонкое полотно). Рубахи встречались двух видов: цельнокроеные и составные: «без сподки» и «с подточками». В составных сорочках верхняя половина (стан) шилась из тонкого полотна, а нижняя – из более грубого. В источниках рубахи иногда дифференцируются на женские и «женские девицьи». Количество рубах свидетельствовало об имущественном положении казачьей семьи: их могло быть от нескольких штук до двух и более десятков. В описи имущества умершего казака Ченчиковского указаны 10 женских рубах «тонкой холстины», а у полкового есаула Белого – 21 [3]. Поверх рубахи надевалась поясная одежда – запаска, плахта, юбка (сподница). Запаска – основная поясная будничная одежда украинской женщины представляла собой прямоугольный кусок шерстяной ткани с завязками на верхних углах. Двухплатовая запаска стягивалась на талии узким красным гарусным пояском (окрайка). Плахта – более сложная по конструкции

одежда из клетчатой шерстяной ткани, состояла из двух или четырех частично сшитых полотнищ. Она не имела вздержки и закреплялась на талии при помощи широкого шерстяного пояса. Плахту обычно носили с передником или одноплатовой красной или синей запаской. Упоминания о запасках и плахтах можно встретить в архивных источниках конца XVIII – начала XIX в. В описи вещей, украденных у черноморского казака Е. Брижан, представлен практически весь комплекс женского украинского костюма, в том числе запаски шерстяные и «штеметные», плахты, окрайки [4].

В начале 20-х гг. XIX в. плаховый комплекс устойчиво сохраняется среди новых переселенцев из украинских губерний, но его очень быстро вытесняет юбка, сшитая из фабричных тканей. Передник уже не являлся обязательной частью костюма и поэтому в источниках он упоминается редко. Можно привести единичные свидетельства: «занавеска женска красна полутабенкова», «фартух турецкой алажи красной с желтыми полосами» [5].

Юбка (сподниця) – основная поясная одежда, состояла из нескольких полотнищ домотканого или фабричного материала, собранных у пояса в сборку на узкой обшивке или на шнур. «Сподниця» шилась чаще всего из ситца, набойки, нанки, пестряди: «астраханки», «тяжини». При выборе тканей для нарядной юбки предпочтение отдавалось ярким ситцам – однотонным или полихромным с цветочным рисунком. Основным материалом для будничных юбок служил холст, пестрядь и «тяжина» (малороссийское название простой набойчатой или полосатой материи). Пестрядь («пестря») – грубая ткань домашней выработки из остатков пряжи разного качества (пенька, лён) или разного цвета; изготавливалась также и фабричным способом из пеньки. Наиболее употребительными расцветками пестряди были различные сочетания белого, красного, синего, меньше зелёного, редко голубого с жёлтым [6]. Широкое распространение в быту имела особая пестрядь, называвшаяся «тяжиной» – толстая ткань в слочку, выполненная на трёх подножках с белой и синей основой (в виде продольных полос) и белым утком. «Тяжина» нередко использовалась для изготовления мужской и женской поясной одежды (шаровары, «сподниця»).

Непосредственно на рубаху надевалась нагрудная одежда – юпка, карсет, кофта. На Украине бытовали «юпки» с рукавами и без них, облегчённые («холостые») и утеплённые. Ватные юпки, похожие по крою на свиту, надевали в холодное время поверх летнего комплекса. Юпку чаще всего носили со «спидницею» летом и осенью. Под этим термином известна не только женская одежда, но и мужская типа короткой куртки. Однако широкого распространения в Черномории «юпки» не получили. «Карсет» надевался поверх рубахи и юбки. На рисунках Рингельмана изображены малороссийские «знатные» женщины в «карсетах» или «юпках» на пинуровке, отделанных золотым галуном. В первой четверти XIX в. этот вид одежды встречался и в костюме старшинских жён. Например, жена войскового старшины Анна Плохая имела «кирсет обложной зеленой с хрящевою подкладкою». Зажиточные казачки шили «карсеты» из менее дорогих тканей (ситца) [7].

Кофты входили в комплексе одежды с юбкой, шились преимущественно из одноцветных (чёрных, синих) тканей – тафты, шелка, саржи с застёжкой на

крючки. В комплекс с юбкой (сподницей) входил и короткий халат (халатик). Под этим термином известна различная по своему функциональному назначению мужская и женская одежда: повседневная (домашняя), «парадная», обрядовая. Халат, как простая и удобная одежда пользовался особой популярностью в помещичьем быту. Его описания часто встречаются на страницах русской литературы [8]. До середины XIX в. халат служил «парадным неглиже», в котором можно было принимать гостей, различных посетителей, «в условиях деревенской жизни он являлся тем же, чем мундир, сюртук, фрак в городе» [9].

В описях имущества черноморских казаков (в основном офицеров) халат фигурирует в качестве мужской, но более всего женской одежды («платье»), в том числе и детской. Казачки в зависимости от достатка имели от двух до пяти халатиков, различных по крою, расцветки и фактуре ткани; нередко короткий халатик и «сподница» шились из одинаковой материи. Существовал утеплённый (на подкладке) осенне-весенний и летний вариант этой одежды. Для его пошива использовалось сукно, китайка (чёрного и синего цвета), шёлк («гранитур»), люстрин, набойка и особенно ситец – однотонный и цветной («орехового цвета», «белого дрибчатого ситцу», «с красными большими цветами», «темного дикого поля с большими разными цветами»). Кофты и халатки (с юбкой) входили в основном в костюмный комплекс женщин из офицерских казачьих семей. Широкое распространение костюмный комплекс, состоящий из кофты с юбкой («парочка») получил во второй половине XIX столетия.

Функция халата, как «парадного неглиже», обуславливала выбор той или иной ткани, крой и характер отделки («халат гранитуровый на холстяной подкладке, сшитый просто»). Халат, как нарядная демисезонная и обрядовая (свадебная) одежда, широко известен во многих южнорусских и украинских губерниях. Ф. Волков отмечает, что термин «халат обозначает длинную женскую одежду в роде юпки, но иногда без талии и с широким круглым отложным воротником со складочками и зубчиками и очень часто со сборками на подоле» [10]. В Харьковской и Полтавской губерниях халат шился из тонкого чёрного фабричного сукна или какой-либо другой тёмной ткани (синей китайки), а воротник и рукава обшивались красной лентой [11]. В конце XIX века, по словам В. И. Василенко, в праздник ещё можно было увидеть на женщинах длинные плащевидные халаты из шерстяной материи, с множеством рельефных узких складок, расположенных по всей длине, и широкой пелерной [12].

Платья носили женщины из офицерских семей, зажиточные казачки. Их шили по достатку из различных по качеству и расцветке тканей: тафты, гродетюра («гранитур»), шёлка (чёрного, малинового, синего цвета), левантина (шёлковая ткань восточного происхождения), турецкой аладжи, тонкого сукна, кашемира, шалона (лёгкая шерстяная ткань с тканым двусторонним орнаментом в виде диагональных полос), кисеи, коленкора, сарпинки, ситца. Особенно популярен был яркий ситец с мелким и крупным цветочным орнаментом («дикого цвета с цветами», «голубого цвета с цветами», «красного ситцу с мелкими цветами», «синего цвета с красными цветами»). В ходу был также ситец с геометрическим орнаментом в полоску и клетку («желтого цвету клетчатое», «красного цвету полосатое», «темно-зеленого цвета с белыми полосками») и сарпинка – тонкая хлопчатобумажная ткань с тканым орнаментом в виде полоски или клетки. В

гардеробе богатых казачек, принадлежавших к дворянскому сословию, имелся широкий ассортимент платьев из дорогих тканей. Так, в описи имущества полкового есаула Самсона Кобеньки (1826 г.) указаны 16 женских и детских платьев: «красного левантина, зеленого атласа, пестрой материи, красного меринуса, коленкоровое бледного красного цвета, детское ситцевое красного цвета, коленкоровое вышитое, кисейное, коленкоровое белое, гладкого коленкора» и т. д. [13]. В описях отсутствует информация о фасоне или крае платья, элементах отделки. За редким исключением упоминается вышивка (ею украшали чаще всего муслиновые ткани), кружево («платье черное кашемировое, обшито кружевами»). Иногда в качестве дополнительного «штриха» указывается, что «платье длинное». Детские платья шились из ситца, сарпинки, нанки, холстины, «тяжины», «астраханки» (астраханская материя «в полоску»).

Головные уборы черноморских казачек – лента, очипок (колпак), намитка, платок, шаль. Обычным повседневным головным убором девушек была лента вокруг головы, завязанная так, чтобы волосы вокруг темени оставались открытыми. Замужние женщины надевали «очипок» из хлопчатобумажной, шелковой и полушелковой материи. Очипки по функциональному признаку подразделяют на две основные группы: мягкие (сборники) и твердые (шапкообразные) [14]. Поверх очипка драпировали намитку (наметку) – прямоугольный платовый убор из тонкого полотна длиной около 5 м, шириной 0,5 м с орнаментированными концами.

Однако намитку сравнительно быстро вытесняет платок, который становится широко распространенным будничным и праздничным головным убором девушек и замужних женщин. Платки дифференцируются на головные, шейные, различаются размерами, качеством материала, расцветкою, способом орнаментации. В будничные дни казачки прикрывали голову «простыми» платками: однотонными или «разноцветными» хлопчатобумажными, набойчатыми и холщовыми ручной работы (иногда с вышивкой). В праздники надевали шелковые платки ярких расцветок, с нарядными кистями, бахромою.

У зажиточных в ходу были тафтяные, атласные, коленкоровые, креповые, левантиновые и особенно шелковые платки, преимущественно темных тонов с золотым и серебряным шитьем: «турецкий белый с вышитыми по краям золотом и шелком цветочками», «орехового цвету, шитый серебряными цветочками», «гранитуровый с золотыми кватками», «гранитуровый вишневого цвету с золотыми и серебряными цветами», «темно-тафтяной с золотыми цветами и каймами» и т. п. [15].

Шелковые платки были разных расцветок – черные, красные, вишневые, зеленые, голубые, желтые с геометрическим или цветочным орнаментом («черно-полосатый», «желтый с белыми цветами», «алого цвета с белыми полосами», «вишневый с темно-голубыми каймами», «зеленый с алыми полосами и каймами», «палевого цвета с красными каймами гладкий», «клетчатый») [16]. Предпочтение отдавалось ярким насыщенным цветам – красному различной глубины тона (от темного-вишневого до бледно-розового), зеленому и синему. Популярны были также «прохоровские» хлопчатобумажные черные платки с цветочным узором, «персидские» летние и кашемировые платки. Во второй четверти XIX столетия среди состоятельной части казачества были употребительны и драдедамовые

(лёгкая, тонкая шерстяная ткань) платки-шали нейтральных (чёрный) и ярких тонов: синий, красный, зелёный.

Менее состоятельные казачки носила зимой простые шерстяные, пуховые и суконные платки. Примерно со второй четверти XIX в. у старшинских жён появляются левантиновые, персидские шёлковые, шерстяные и меринсовые шали. Для «рядовых» казачек более доступны были бумажные и драдедамовые. Шерстяные шали были как однотонными, гладкоокрашенными, так и узорными (например, зелёные цветы на белом фоне), драдедамовые – светлой окраски или с орнаментом в полоску, меринсовые и левантиновые – обычно одноцветные (белый, «апельсиновый», серый и т. п.). Мериннос – лёгкая ткань саржевого переплетения из шерсти тонкорунных овец использовалась для изготовления модных «турецких» и «персидских» шалей. Ярким и художественно-выразительным дополнением к женскому костюму выступали различные украшения: нагрудные, ушные, ручные. Казачки носили серебряные, позолоченные и золотые серьги, бусы (намисто, монисто, манисты), золотые и серебряные с позолотой дукаты, дукачи. Особенно ценились бусы из дорогих природных материалов – кораллов, янтаря, жемчуга, граната. Девушки и молодые женщины носили гладкие медные, томпаковые и серебряные кольца. У богатых были кольца и перстни ювелирной работы из золота, серебра, с драгоценными камнями – изумрудом, алмазом, жемчугом, бирюзой и т. п. Иногда упоминаются и женские (дамские) маленькие золотые часы с ключиком, печатью и золотой или томпаковой цепью.

Верхняя осенне-весенняя одежда представлена свитой, халатом, капотом, зимняя – кожуком или нагольной шубой. Более разнообразна была верхняя одежда зажиточных казачек – кунтуши, салопы, «спансчки», «шинельки», пальто, меховые шубы. Наиболее распространена была свита – восточнославянская народная распашная одежда. По исследованиям Б. Е. Фролова, свита – преобладающая, основная верхняя одежда черноморских казаков [17]. По нашим источникам, казачки носили свиты чёрные, белые, голубые, «простого» серого сукна, «шубы нагольные» и «кожуки смушешевые» (последние два понятия обозначают один и тот же вид одежды). Капот – модная женская верхняя распашная одежда для весны и осени, свободное платье с рукавами на сквозной застежке, напоминающее по покрою халат. Примерно в 40-х гг. XIX в. верхнее платье для улицы перешло в разряд домашней одежды [18, с. 102]. Капот носили в первой половине столетия большинство владельцев среднепоместных и мелкопоместных российских усадеб [9, с. 369–370]. Для его пошива использовалось сукно, плотный шёлк, изделие отделявали мехом, шитьём и пр. Капот на протяжении всего XIX века был также одеждой небогатых горожанок мещанского сословия. Казачки шили его из различных фабричных тканей (шелк, ситец, байка, демикотон, нанка) с подкладкой из хлопчатобумажной материи, иногда на вате [19]. Относительно разнообразный ассортимент тканей и преобладание среди них ситца создавало и многообразие вариантов декоративного оформления одежды.

Кожух (тулуп) – будничная зимняя одежда из овчины длиной ниже колен. Основным материалом для кожухов служила овчина белого, чёрного или серого цвета, смушки – шкурки молодых ягнят и лынтвари – шкуры старых овец с

грубую шерстью (кожух смушевый, лынтваревый, овчинный). Овчинные тулупы были нагольными и крытыми. Последние обтягивались сукном, демикотоном или нанкой. Женские нагольные тулупы отделывали («опушали») смушками.

Женские шубы имели значительно больший спектр художественно-конструктивного и цветового решения: длинные и короткие, крытые и нагольные, со сборами, с клиньями в талии, со стоячим, а также малым и большим шалевым воротником, с воротом и капюшоном. Нарядные шубы на лисьем или заячьем меху покрывали сверху сукном, шелком, кутнею (азиатская полупелюковая ткань), китайкой, нанкой, демикотоном, треком, драдедамом. Цвет тканевого покрытия – голубой и зелёный различной глубины тона, реже чёрный и вишнёвый. Для выделения конструктивных и декоративных элементов применялись фактурные и цветотонные контрасты. В шубах на заячьем меху воротник, края рукавов, полы оторачивали лисьим мехом, эффектно выделявшемся на зелёно-голубом фоне покрытия. Дорогие шубы на лисьем меху, крытые атласом, шелком или бархатом, отделывали мехом соболя или куницы. Интересный вариант декоративного оформления кроя изделия содержится в описи вещей, украденных у казака Палого (1802 г.): «шуба женская с белыми в спине смушками, а по бокам лисицы, покрыта зелёным ломберским сукном» [20]. Ввиду фрагментарности описаний в источниках, сделать полную реконструкцию кроя женской шубы представляется весьма затруднительным. Со всей определённостью можно сказать, что он был разнообразным, о чем можно судить хотя бы по такому элементу, как воротник – стоячий, отложной, встречается и капюшон. Как один из возможных вариантов, шубы могли шить и на донской манер: колоколом, с боковыми клиньями, скошенными полами, длинными узкими рукавами. Такие шубы подпоясывались кушаками или запахивались.

В конце XVIII – начале XIX в. в описях имущества состоятельных черноморских казаков встречается кунтуш – старинная польская и украинская верхняя праздничная одежда знати, дворянства, богатого мещанства и казачьих старшин. Например, у Матроны Сухи, вдовы полкового хорунжего, в сундуке хранились два кунтуша: один «сукна кирпичного цвета, обложен кругом сеткой», а другой «блочкиного (голубого – *А.Ш.*) сукна ломберского, вуси (складки, клинья – *А.Ш.*) золотой и серебряной сетки» [21]. Характерную особенность кунтуша составляли рукава с прорезьями, которые свисали вниз или закидывались через плечи на спину. Кунтуш делался из дорогих шелковых, парчовых материй или из цветного сукна, в последнем случае обшивался по швам галунами; часто украшался мехом, бархатом. На Украине и в Черноморьи эта одежда практически вышла из употребления к концу XVIII в.

Другим видом дополнительной верхней одежды был салоп, утеплённый ватой или мехом, с длинной пелериной, с широкими рукавами и без рукавов, в виде накидки, скреплявшейся лентами или шнурами. В рассматриваемый период салоп неизменно фигурирует в реестрах имущества войсковой аристократии. У жены полковника А. Головатого было два салона: чёрный «гранитуровый» и тафтяной с блондами (французское кружево золотисто-жёлтого цвета); у полковницы Аглифиры Кифы – «тафтяной черной, обложенный агранантом» и «лисий, покрытый штофом по белому полю с цветами» [22]. Салоны (утеплённый и облегченный варианты) шили из дорогих блестящих одноцветных

или узорчатых тканей тафты, атласа, штофа, сатина, терно, кармазина, на вате или на лисьем меху, с бархатными или меховыми отложными воротниками. Поверх салона надевалась пелерина из той же ткани, отделанная бахромой, бархатом, кружевом, басонными изделиями и т. п. Салоны, наряду с капотами, были модны в первой трети XIX в., но также быстро перешли в разряд домашней одежды, устойчиво сохраняясь в купеческой и отчасти мешанской среде [18. с. 202–203]. Жёны войсковых полковников имели в качестве дополнительной верхней одежды «панечки сибирковые» или «соболевые» в виде короткого до талии плаща без рукавов. Крытые зеленой турецкой парчой, светло-зелёным атласом или зеленою «сedomашкою» (восточная шёлковая ткань) [23].

В середине XIX века в моду входит верхняя городская одежда – пальто, сшитое из фабричных тканей – чёрного сукна, поясатого крепа, шёлка, блестящего одноцветного люстрина. Нарядное пальто во второй половине XIX в. готовили в приданое девушкам из казачьих семей среднего достатка. Источники выявляют еще один вид женской верхней одежды типа пальто, так называемую шинельку. Её делали из сукна, синей нанки, казимира, драдедама. Иногда приводятся и более подробные описания: шинелька «темно-зеленого сукна подбита набойкою», «женская драдедамовая беловатого цвета, подбита зеленым гранитуром и серого цвета миткалем малоношенная» [24]. В середине XIX в. входит в моду бурнус – одежда из сукна, бархата типа широкой накидки без рукавов, с капюшоном, отделанная на восточный манер тесьмой, на подкладке, вате. Пояс (кушак) являлся обязательным и существенным художественно-конструктивным компонентом костюма. Им подпоясывались рубахи, юбки, халаты, верхняя одежда. Наибольше распространение получили всевозможные красные пояса. В ходу были также белые, жёлтые, зелёные однотонные или с полихромным геометрическим и растительным орнаментом («полосатый», «пестровый», «белый с цветами и кистями»). Широкие пояса – кушаки украшались разноцветными лентами, пряжками.

Обувь черноморских казачек – постолы, сапоги, башмаки (черевки). Основным материалом служила кожа различного качества. В документах называются сапоги: «сапьяновые», «юфтевые», «яливищи» («яловые»), «говяжьи», «козловые», «опойковые». Цветовые обозначения – красные, белые, жёлтые, чёрные. Термин «башмаки» нередко употребляется в широком значении слова («башмаки женские мишковые на корках», т. е. на деревянных, обтянутых зелёной кожей каблуках) [25]. Чаще всего встречаются козловые, затем юфтевые, опойковые и сафьяновые (красные) башмаки, в том числе и на меху. Их носили с тонкими хлопчатобумажными, «нитяными» или шерстяными белыми и цветными чулками. В конце XVIII – начале XIX в. старшинские жены носили башмаки, украшенные вышивкой, серебряными пряжками.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что приводимый материал не позволяет с достаточной полнотой говорить об одежде черноморских казачек рассматриваемого периода. Архивные источники дают самое общее представление о различных комплексах женского костюма, описания настолько фрагментарны и неопределенны, что иногда даже затруднительно произвести точную классификацию одежды. Из изложенного видно, что традиционная одежда черноморских казачек, в основе которой лежал украинский костюмный

комплекс, рано подверглась коренным изменениям, влиянию культуры города, модным тенденциям, а затем и вытеснению костюмом городского типа. Во второй половине XIX столетия «парочка» (юбка с кофтой) становится очень популярным видом нарядной одежды, что порождает «миф» о традиционности этого костюма для кубанского казачества. Но процессы нивелировки традиционной одежды проходили по-разному в отдельных станицах и зависели от хозяйственно-экономического положения того или иного селения, развития в нем торговых отношений, связи с городом. Очень чётко отражается в одежде социальная и имущественная дифференциация казачества. Если до середины столетия народным костюмом еще в какой-то степени «управляет» традиция, то одежда привилегированного слоя казачества подчиняется диктату моды, создающей искусственные критерии престижности. Некоторые виды модной одежды, в связи с быстро меняющимся «стилем жизни» утрачивают свою привлекательность и актуальность в определенной социальной среде, становясь достоянием широких слоев казачества, где они воспринимаются как модные новации. Подобная диффузия характерна для многих культурных форм. Безусловно, круг возможных источников не исчерпан, и опыт исторической реконструкции традиционно-бытового костюма черноморских казаков ещё далек от окончательного завершения.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Очерки традиционной культуры казачеств России / Под. ред. Н. И. Бондаря. Т. 1. М.; Краснодар, 2002. С. 488; *Фролов Б.Е.* Одежда черноморских казаков в конце XVIII – начале XIX вв. // Новые материалы по этнографии кубанских казаков. Краснодар, 1993. С. 12.

2. *Волков Ф.* Этнографические особенности украинского народа: Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. 2. Пг., 1916. С. 568; *Маслова Г.С.* Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 607, 609; *Калашиникова Н.М.* Одежда украинцев XVI–XVIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы: Материалы к историко-этнографическому атласу. М., 1986. С. 120.

3. ГАКК. Ф. 250. Оп. 3. Д. 5. Л. 6; Д. 8. Л. 2; Д. 10. Л. 18.

4. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 122. Л. 78.

5. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 97. Л. 792; Оп. 3. Д. 12. Л. 4.

6. *Шмелева М.Н., Тахихина Л.В.* Украшения русской крестьянской одежды // Русские. Историко-этнографический атлас: Из истории русского народного жилища и костюма. М., 1970. С. 95.

7. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 8. Л. 2.

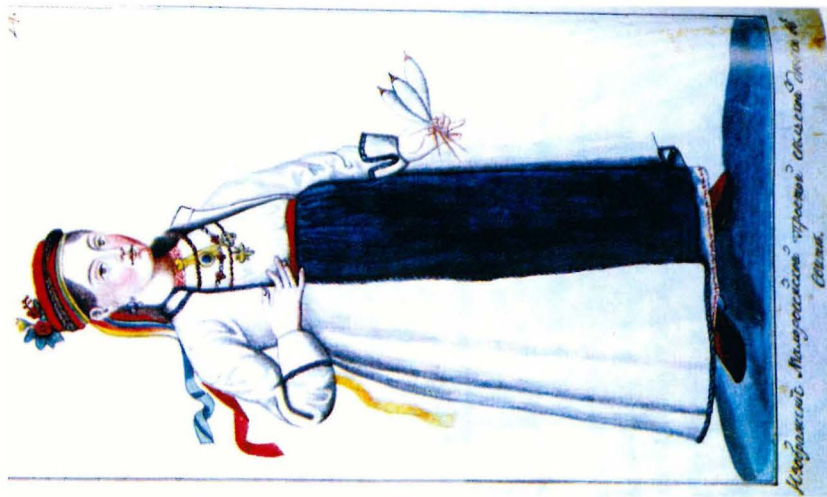
8. *Кирсанова Р.М.* Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. (Опыт энциклопедии). М., 1995. С. 308.

9. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: Исторические очерки. М., 2001. С. 369.

10. *Волков Ф.* Указ. соч. С. 566.

Малороссійская шляхетная девица

Малороссійская сельская девица в свитке.

Украинская девушка. Художник С. Васильковский

11. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края. Т. 1. Харьков, 1989. С. 764; *Николаева Т.А.* Украинская народная одежда: Среднее Поднепровье. Киев, 1987. С. 174.

12. *Василенко В.И.* Очерки кустарных промыслов Полтавской губернии. Вып. I. Полтава, 1900. С. 41.

13. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 36. Л. 17.

14. *Гурошева Н.А.* Традиционные девичьи и женские головные уборы украинок и их роль в свадебной обрядности (середина XIX – начало XX в.) // Сов. этнография. 1990. № 5.

15. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 52. Л. 240; Оп. 2. Д. 70. Л. 673; Оп. 3. Д. 5. Л. 5.

16. ГАКК. Ф. 250. Оп. 3. Д. 5. Л. 5; Д. 36. Л. 18; Д. 12. Л. 4.

17. *Фролов Б.Е.* Указ. соч. С. 17.

18. *Кирсанова Р.М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: Костюм - вещь в русской литературе XIX века. М., 1989.

19. ГАКК. Ф. 250. Оп. 3. Д. 5. Л. 5; Д. 33. Л. 8; Д. 10. Л. 18; Д. 24. Л. 361; Д. 41. Л. 204, 225; Ф. 482. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

20. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 58. Л. 11.

21. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 96. Л. 493.

22. *Дмитренко И.И.* Сборник материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. 4. СПб., 1898. С. 283, 285; ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 70. Л. 673.

23. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 234. Л. 520.

24. ГАКК. Ф. 250. Оп. 3. Д. 44. Л. 4; Ф. 482. Оп. 1. Д. 17. Л. 101.

25. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 58. Л. 11.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ И ИХ ПОТОМКОВ

Семейные обычаи и обряды, связанные с рождением детей, вступлением в брак и погребением, являются важным компонентом традиционной культуры черноморских казаков и их потомков на Кубани. Разнообразные элементы этого комплекса отражают социально-этническую специфику рационального опыта и религиозных воззрений наших предков. Культурное наследие кубанцев в сфере родильно-крестильной обрядности содержится в опубликованных и архивных материалах, отражающих различные аспекты традиционного родовспоможения и связанных с ними духовных воззрений [1].

Отсутствие потомства, по народным понятиям, считалось грехом и позором семьи. Бездетные супруги в таких случаях прибегали к разнообразным формам религиозного покаяния (хождение на богомолье, раздача пожертвований, исполнение обетов). Народные целители, если были уверены, что бесплодная женщина несчастна по причине порчи или оговора, прибегали к молитвам и заговорам, делали массаж, ставили горшочки, пили целебными отварами.

Формирование качеств, необходимых для продолжения рода, осуществлялось уже в первые годы жизни детей. Играя в куклы, девочки под руководством старших сестер или подруг, изображали сцены рождения младенцев. Практический опыт обращения с младшими братьями и сестрами девочки получали в семье, а с чужими детьми, работая по найму.

Формы игрового общения с поцелуями у взрослой молодежи на уличных гуляньях и на предсвадебных вечерках, не только влияли на брачный выбор, но и развивали навыки репродуктивного поведения [2]. К числу действий, влияющих на репродукцию, следует рассматривать приемы оградительной магии, к которым относились, например, заколотые с изнанки одежды иголки, способные уберечь молодоженов от вредоносного влияния недоброжелателей. Запрет на употребление скоромной пищи в посты, и особенно в пятницы, мотивировался тем, что у нарушительниц рождаются дети калек, разбойники, душегубы и пьяницы [3].

Период беременности был связан с рядом примет, запретов и рекомендаций. Так, беременной женщине запрещалось наносить вред домашним животным: бить, толкать ногой, перешагивать, чтобы у ребенка не было звериних признаков (к примеру, щетины на теле). Табуировалось шитье и выметание мусора в праздничные и поминальные дни. Брать что-либо без спросу, попросту говоря, воровать также запрещалось. В таком случае, как уверяли знающие люди, на теле новорожденного будут родимые пятна.

Подготовка к родам сопровождалась рядом вербально-акциональных обрядовых действий: повитуха произносила молитвы и заговорные формулы, обводила женщину девять раз вокруг стола, а в особых случаях, просила мужа переступить через ноги роженцы грижды. К родовспомогательным действиям

следует отнести открывание «царских врат» в местном храме, развязывание узлов, расплетание кос.

Дальнейшие процедуры с матерью и ребенком – отрезание пуповины, выход и захоронение плаценты, обмывание характеризовались набором символических и реалистических элементов. Послеродовой период включал обряд «размывание рук», купание младенца повитухой, карантин, продолжающийся до сорока дней, обычай празднования христианского крещения. Церковный обряд крещения новорожденного был обязательным в православных семьях. Продуктом народного осмысления являлись поверья, связанные с выбором крестных родителей, а также определение будущей судьбы ребенка во время погружения его в купель и посредством раскладывания различных предметов, отражающих традиционные стереотипы половозрастного разделения труда. Повсеместно бытовал обычай устраивать «бабы каши» на крестинах, а затем складки в доме повитух на второй день Рождества Христова и Рождество Богородицы. Важными считались обряды, сопровождавшие выпадение первого молочного зуба, первые шаги ребенка, первое пострижение волос в годовщину, отлучение от материнской груди, «посад» на коня у казаков.

Можно с уверенностью утверждать, что в прошлом родильно-крестильный комплекс украинцев Кубани содержал в себе как элементы традиционных верований, так и христианского мировоззрения. С развитием в СССР системы родовспоможения исчезли обряды повивальной бабки. Беременность и роды находятся под контролем медицинских работников. Вместе с тем в обыденном сознании сохранились суеверные приметы и табу, главный смысл которых определяется заботой о рождении здорового ребенка. Например, многие современные женщины остерегаются до родов стричь волосы, переступать через кошек и собак, расчесывать волосы по пятницам, шить на святках и в пасхальную неделю. До шести недель не показывают ребенка чужим, чтоб не сглазили. Когда на крестинах пьют за здоровье новорожденного, одну рюмку выливают в потолок, чтобы младенец рос крепким. Как только ребенок делает первые самостоятельные шаги, мать проводит ножом между ножками, как бы разрезая пути. Остерегаются отнимать младенца от груди в дни памяти святых мучеников.

Ритуальное поведение, выражающееся в выполнении многочисленных запретов, свидетельствует о том, что, по народным представлениям, младенцы имеют статус лиминальных существ. Ряд учёных относят и свадьбу к обрядам перехода [4]. Оба главных персонажа – жених и невеста – характеризуются как существа, наделенные волшебной красотой, что проявляется в яркой поэтизации их образов. Эти персонажи представляются опасными для окружающих. В связи с чем в народной практике выработано немало запретов, предписывающих молодым не касаться голыми руками друг друга. Табу имеет отношение также к матери, крестным родителям и подругам (друзьям). В ритуалах используются особые предметы – свадебные платки и рушники. Имеются и пищевые ограничения. Накануне свадьбы жених и невеста постятся, а во время обряда их кормят отдельно от гостей.

Согласно традиции, после сватовства невеста должна содержаться в изоляции, контакты были возможны только с родственниками и подругами. Этот обычай распространялся и на первоначальный этап свадьбы, когда жених прибывал во

главе свадебного поезда в дом своей избранницы. Двор представляли как неприступную крепость с охраной у ворот. Изоляция невесты, сокрытие лица и тела покровом должны были уберечь ее от враждебных сил. Лиминальная обезличенность молодой просматривается в ритуальных играх с подменной невесты, когда жениху предлагается разыскать ее среди одинаково покрытых подруг. Как считает В. И. Ерёмнина, «обезличивание», одинаковость связывались с представлением о «нездешнем», потустороннем их временном пребывании» [5]. Подмена молодой на свадьбе, нередко с элементами трагедии трактуется как ритуал, выполняемый с целью защиты от нечистой силы. На Кубани ряженных жениха и невесту в последний день свадьбы изображают гости, переодетые в рваную одежду, отдаленно напоминающую свадебную.

Семантика невидимости выражается в запрете оглядываться при движении к венцу и на обратном пути домой. Это относится как к невесте, так и к жениху. Ритуальное поведение просватанной девушки, а затем и на первом этапе свадьбы должно было носить характер грусти и печали. Наглядно это проявлялось в слезах, молитвах и голошении, напоминающем похоронные причитания. В основе такого поведения – переживания по поводу разлуки с родителями, беззаботным девичеством и отъезда в чужую семью.

Переход невесты в новое состояние выражался в смене внешнего облика, и в первую очередь, прически. Расплетение косы, по мнению А. А. Потебни, есть не что иное, как доступ к контакту с потусторонним миром и приобретение магической силы, свойственной потусторонним существам. «Покрывая волосы, девица, кроме красоты и воли, лишается еще и некоторой свойственной ей до того таинственной силы. Ведьма чарует всегда простоволосая...» [6].

Молодая пара предстает в народном сознании в фитоморфном виде, что отражено в свадебных атрибутах: венках, «квитках», «гильце», веточках и ягодах калины, вышивке на рушниках, растениях, высаживаемых гостями в первую брачную ночь. Зооморфное происхождение молодых подтверждается поэтикой свадебных песен и приговоров, в которых они уподобляются голубю и голубке, селезню и утке, бычку и телочке, лебедю и лебедушке и т.п. Процесс приобретения женихом и невестой статуса супругов не заканчивается венцом, а распространяется и на последующий период. В частности, боясь, что молодые превратятся в волков при возвращении домой, свадебный поезд трижды объезжал местную церковь. На лиминальной стадии молодых обсыпали зерном и хмелем, которые должны были принести им достаток, здоровье и плодovitость.

При переходе молодой в новый социальный статус её подвергали ритуальному унижению. Так, в первую ночь муж должен был ударить супругу нагайкой, а жена покорно снять с него сапоги. Метафорой смирения являлись низкие поклоны родителям мужа и умывание их утром следующего дня. Унижению подвергались и гости, как со стороны невесты, так и жениха. Песни шуточного характера тому свидетельство:

А казали сваты багати,
А воны убоги.
Йих кони безноги.
Сами воны та нишком ишли,
Молодого у мишку нэсли,

А свашку в торбыни,
Щоб нэ злылы свынни [7].

Или:

Старший боярин косый,
Найився вин проса.
Туды-сюды повэртаеся,
З його просо высыпаеся.

Старша дружка сцыкушка,
Пид столом калюжка,
А бояры танцювалы,
Ту калюжку ростопталы [8].

Некоторые контагнозно-магические ритуалы свидетельствуют об особой позитивной энергии, передаваемой незамужним подругам через одежду и предметы, имеющие отношение к невесте. К примеру, после выпечки свадебного каравайа и шишек невеста раздавала девушкам узелки с печной золой. На предсвадебной вечеринке, срывая со стола скатерть, она просила подруг схватиться за край: та, которой удавалось сделать это первой, раньше других выйдет замуж.

Современная русская свадьба – сложное социокультурное явление представляющее синтез двух культур: фольклорной и профессионально-личностной, индивидуально-креативной [9]. Эти черты во многом присущи и кубанской свадьбе.

В настоящее время предсвадебный период частично утратил элементы традиционной обрядности, хотя некоторые продолжают существовать и ныне. Так обряд сватовства проходит с участием свадебных чинов. Перед тем, как отправиться в дом к невесте, мать благословляет сына, стоящего коленями на шубе. Перевязав сватов рушниками, дает им в руки сумку с хлебом-солью и бутылкой водки. Чтобы избежать пересудов и «сглаза», сваты и жених никуда не заходят и о своих намерениях никому не говорят. Войдя в дом, разговор заводят намеками, иносказательно. Принесенный с собой хлеб сваты подают на рушнике. Невеста должна разрезать его ровно и гладко, тогда жизнь у молодых будет ладной. Сватовство скрепляется, как и раньше, рукобитьем.

После сватовства следуют встречи роднящихся семей. Их называют поразному: сговор, «розглядныны», помолвка. В них присутствуют черты праздничного застолья с застольными развлечениями, анекдотами, песнями и танцами. Общение жениха и невесты, а также посещение ими мест молодежных увеселений не ограничено. Повсеместно сохранился обычай готовить подарки родственникам обеих сторон, а вот покупка свадебного платья невесте и свадебной рубахи жениху – дело исключительно индивидуальное. Сохранилось поверье, что показываться жениху в свадебном платье до свадьбы нельзя, запрещено примерять его кому бы то ни было.

Из современной свадьбы исчез такой эпизод, как пропой с поочередным величанием отца и матери невесты, других родственников, молодых с их подругами и друзьями. Выпали из живого бытования обрядовые песни, которыми величали молодых, родителей, подруг невесты и друзей жениха. Забыты песни и

приговоры, сопровождавшие перевоз приданого. Накануне свадьбы молодые подписывают пригласительные открытки и разносят тем, кого хотя бы видят на торжестве. Близких родственников и стариков приглашают шивками.

В современной городской и сельской свадьбе сохраняется традиция проводить накануне дня заключения брака прощальный вечер у невесты, так называемый, девичник, на котором присутствуют близкие подруги. У жениха также накануне вечером собираются его друзья на мальчишник. Не носит обязательного и повсеместного характера обряд благословения родителями молодых с использованием традиционного атрибута – иконы.

Собранную невесту перед приездом свадебного поезда сажают за стол, рядом с нею подруги и маленькие дети. Как и прежние времена совершается обряд выкупа невесты. Он сопровождается разнообразными конкурсами, которые проводят девушки. Игровое действие во время выкупа носит смеховой характер. К испытаниям приурочивается подмена настоящей невесты ложной, в роли которой может выступать как подруга, так и парень. В современной свадьбе это действие совершается и первый, и во второй день. Испытания гостей не имеют ритуального значения, а скорее служат развлечением.

Важную роль в последние десятилетия стали играть шуточные плакаты и поздравления, «наказы» молодым, дипломы об окончании «школ молодой хозяйки» и пр. Их сочиняют сами участники торжества или заимствуют из методических сборников и пособий по организации свадеб. Приобретает популярность бросание невестой букета подругам. Поймавшая его девушка, если верить примете, первой должна выйти замуж. Важным ритуальным действием в современной свадьбе является посещение после официальной регистрации памятных мест – вечного огня, обелисков на местах захоронений погибших воинов. После регистрации брака в доме жениха проводится торжественная встреча новобрачных. Укореняется в последние годы венчание в церкви. Сохранился обычай прыгать через костер, расположенный у ворот. В этом просматриваются архаичные верования в очистительную функцию огня. Входит в традицию класть на пути следования молодых тарелку. Кто первый раздавит ее, тому и верховодить. По количеству осколков судят о том, сколько детей будет в новой семье.

Как и прежде новобрачных обсыпают хмелем, конфетами и мелкими монетами – на счастье, благополучие и веселье в доме. Обязательно подносят молодым хлеб-соль. В организуемых свадьбах принято вручать жениху каравай с семью свечами, что означает домашний очаг, который никогда не должен погаснуть. Каравай молодые несут к свадебному столу вместе. Центральное место на столе занимают «гильце» (ветка) и «быки» – две бутылки шампанского или водки, перевязанные красной лентой. Одну из них берегут до годовщины свадьбы, а другую выпивают на крестинах первенца. Вручение подарков молодым сохранило ритуальную основу. Это проявляется в регламентации процесса дарения (сначала родители, потом близкие родственники, далее остальные гости). Во время вручения подарков гостям подносят рюмку и шивку.

Гулянье продолжается и ночью. Участники свадьбы высаживают возле дома «сад-огород»: кустарники, деревья, овощи, что, по народным понятиям, должно усилить репродуктивную энергию молодой супружеской пары. Семантикой

любовного соития служат образы перепелки и котика в величании новобрачных утром на второй день свадьбы:

Мы всю ночьку нэ спалы,
Пэрэпэлку впиймалы,
Красную та й богату,
Чернявую та й чубату.
Продрав котик стильку,
Упав на постильку,
Качався, валявся,
Миж ножкы забрався [10].

По представлениям простого народа, смех, шутки, озорство и нормативная лексика способствуют человеческому плодородию.

Кульминационный момент импровизированного карнавала, который в современной свадьбе проводится на второй или третий день, – это купание родителей. Если свадьбу играют в теплое время года, то местом купания служит речка, канал или просто лужа. В холодное время воду подогревают горящими тюками камыша. Особый колорит действия состоит в том, чтобы «с гиком и свистом примчаться к месту купания», перевернуть тачку, с сидящими на ней родителями. После водных процедур на них одевают белье большого размера. В обнове родители должны станцевать [11]. Рязеные «жених» и «невеста» получают в дар ржавые корыта, дырявые кастрюли, поношенную одежду и обувь. Обязательный элемент карнавала – эротические игры, которые якобы стимулируют плодovitость новобрачных.

Свадебный пир сегодня приобрел новый характер. Народную традицию во многом потеснила культура профессиональная. Начиная с 70-х годов XX столетия органы культуры проводили целенаправленную политику по формированию и внедрению в народный быт новых празднично-обрядовых форм. В большинстве случаев свадебное застолье организует тамада. Таковыми выступают работники культуры, сотрудники различных агентств и фирм, просто любители. Многие работают по специально написанным сценариям, которые распространяются отделами культуры и методическими кабинетами РДК. Как справедливо отмечает житель станицы Каневской, сегодня на свадьбу «собирается много народа (бывает, что не одна сотня гостей). Тесен становится двор. Натягивают полог, ставятся столы... приглашают музыкантов, певцов, тамаду. Поток налажен, тарифы определены, сфера влияния музыкантов-шабашников поделена, цены сумасшедшие, но надо платить, чтобы было «не хуже, чем у других». И платят... хотя нет во всем этом «свадебном шоу» ни грамма того, что представляет собой подлинно веселая, интересная и самобытная казачья свадьба. Репертуар платных музыкантов-развлекателей ничего общего с подлинным обрядом и свадебной народной песней не имеет. В репертуаре – стандартная громышаловка, заезженные дешевые песенки – обычная развлекаловка, рассчитанная на то, что «пьяному и море по колено». Вот так и вытравляется подлинная народная культура, старинная народная душевная песня, подлинно народное действие свадьбы; ее самостоятельная основа выхолащивается, подменяется дешевыми песенками-однодневками чуждыми славянскому духу и подлинно народным традициям» [12].

Попытки сохранить свадебные обряды в сценическом варианте предпринимают профессиональные и самодеятельные коллективы Кубани. Однако при перенесении фольклора на сцену утрачиваются его существенные признаки, такие как, целостность обрядового комплекса и импровизация участников действия. Зато в концертных выступлениях много зрелищности. Искусственное воссоздание фольклорных традиций ведет к псевдонародности культуры.

Анализ семейного обрядового фольклора будет неполным, если ничего не сказать о похоронно-поминальных обычаях украинского населения Кубани. Представления о смерти и загробном мире реализованы в поверьях, причетах, системе бытовой регламентации поведения. Весь обрядовый цикл можно условно разделить на три этапа: подготовительный, погребальный и поминальный. Каждый из них имеет собственную градацию, охватывающую определенные пространственно-временные и содержательные рамки.

Подготовительный период начинался задолго до смерти. Так, женщины не выбрасывали вычесываемые волосы, а собирали в специальный мешок, чтобы впоследствии для них набили погребальную подушку. По поверью, умершая должна отчитаться перед Богом за каждый волосок, иначе душа ее вынуждена будет скитаться неприкаянной. Не выбрасывали и остриженные ногти, их сжигали в печи. Некоторые старушки до сих пор заранее готовят на смерть одежду и покрывало. В комплект одежды должны входить самостоятельно сшитые рубаха, юбка, кофта и фартук, а также обувь. В смертный узел клали венчик и рукописание, купленное в церкви, головные и носовые платки, отрезки материи для раздачи участникам похоронной процессии. Смертные вещи готовились и для мужчин. В казачьих семьях принято было хоронить стариков в форменном снаряжении. В настоящее время мужчин хоронят в покупных рубашках, брюках и пиджаках. Обычай погребать в свадебной одежде касался молодых замужних женщин. Сейчас в свадебное платье обряжают умерших девушек, не успевших вступить в законный брак.

О приближении смерти якобы свидетельствуют необычные происшествия, поведение животных, вещие сны, и т.п. Тема несчастной доли и несвоевременной смерти запечатлена и в песенном фольклоре. Вот одна из таких тем:

В субботу пизнэнько,
В нэдилю ранэнько
Кувала зозуля
В саду жалибиэнько.

Ой, то ж нэ зозуля,
То й ридная матэ.
Вона провозжала
Сыночка в солдаты.

– Иды, иды, сыну,
Та й там нэ журыся.
Чэрэз тры годочка
До дому вэрныся.

– Ой, рад бы я, мамо,
До дому вернуться,
Да кишь мий вороный
Назад спотыкнувся [13].

В народной практике существовали гадания о смерти, приуроченные к зимним и зеленым святкам. Например, перед новым годом ставили на мороз ложки, заполненные водой. По замерзшей поверхности определяли, чего ждать каждому члену семейства от предстоящего года. Накануне троицы, в семик, девушки завивали на деревьях венки: если веточки засохнут, значит, гадающую ждет преждевременная смерть.

О приближении смертного часа судили по изменениям, происходящим с человеком: запаху, рыхлости и тяжести тела. Для облегчения страданий умирающего открывали в доме окна и двери. Родственники собирались вокруг лежащего на смертном одре, чтобы попросить прощения и получить последние наставления. Большое значение придавалось предсмертному покаянию и причащению священником. До настоящего времени сохраняется обычай в момент кончины зажигать свечку.

По народным представлениям, особенно тяжело умирают те, кто знался с нечистой силой. Ведьмы и колдуны не отойдут в мир иной, пока не передадут свои способности другому человеку. Для облегчения их страданий прорубали в потолке дыру, чтобы душа чародея могла беспрепятственно покинуть бренное тело. Трудная смерть якобы служит наказанием за грешные дела.

Смерть может прийти за человеком в антропоморфном облике, чаще всего в образе покойных родных, зовущих к себе в загробный мир. В этнографических материалах прошлого встречается упоминание смерти в виде женщины в белой одежде на белом коне [14].

Для обмывания покойников приглашают соседок. Отказаться в ритуале считается грехом. Согласно поверью, чтобы избавиться от страха перед мертвыми, нужно подержаться на ступки покойного. Одежду, в которой человек умер, впоследствии сжигают. Тем, кто убирает покойного, дают платки, полотенца и куски материи. В доме, где находится умерший, нельзя закрывать двери, смотреть в зеркало, заниматься уборкой, а также оставлять покойного в одиночестве. Для чтения Псалтыри приглашают читалку. Подготовка к погребению сопровождается плачами и пением псалмов.

По традиции похороны устраивают на третий день после смерти. Помимо обязательного распятия, венчика и рукописания покойному кладут в гроб веревочки, которыми связывали руки и ноги, мыло, стружки и мерку, оставшимися после изготовления гроба. В настоящее время усопшему оставляют также вещи, без которых он не мог обходиться при жизни: очки, газеты, расческу и пр. Известно поверье, что покойник может передать на тот свет «посылку» ранее представившимся родным. Ритуал погребения у восточных славян принято совершать после полудня. Гроб с покойным выносят из дома ногами вперед, стараясь не касаться порога и дверного косяка – в противном случае следует ждать очередной смерти. Двери, окна и ворота закрывают. Для похоронного обряда характерен неторопливый ритм движения и остановки на перекрестках. Запрещено пересечение дороги перед покойником. Присутствующие на

погребении должны бросить в могилу по три горсти земли. С кладбища ничего с собой не уносят. Многие люди старшей возрастной группы стараются посещать похороны, охотно участвуя в исполнении ритуальных действий. Чаще всего этим занимаются женщины.

Поминки справляют в день похорон, на девятый и сорокой дни, затем через полгода и в годовщину смерти. Обрядовые действия в поминальные дни сводятся к трапезе и раздаче милостыни. Существует обычай посещения кладбищ и ухода за могилами в поминальные дни.

Подводя итог, отметим, что в родильных, свадебных и похоронно-поминальных обрядах кубанцев украинского происхождения сочетаются как дохристианские поверья и ритуальные нормы, так и церковные установления. Наблюдается также тесная связь свадебной и погребальной обрядности, о чем свидетельствует, например, народная фразеология: «Курице и на поминках, и на свадьбе горе». Так, по обычаю, молодым на второй день свадьбы подают в постель вареную курицу. Из кур варят домашнюю лапшу и потчуют ею уставших участников свадебного карнавала. Лапшу на курином бульоне, подают тем, кто присутствует на ночных бдениях возле тела покойного. Курицей расплачиваются с «копачами», готовящими могилу.

Апотропейное значение придается полотенцам. Ими на свадьбе перевязывают сватов и друзей. На рушниках подают спиртное и хлеб-соль, украшают иконы. В родильных обрядах новорожденного повитуха принимала на рушник. В погребальных ритуалах полотенцами перевязывают участников похоронной процессии, на полотенцах несут гроб, оставляют на надмогильном кресте.

Ослабление влияния религии в эпоху тоталитаризма и постсоветское время привело к секуляризации многих традиционных обрядов. Освобождаясь от религиозного и дохристианского содержания, они изменяются, приобретая все более усеченную форму.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Близнюков П.* Станица Бесленевская Кубанской области Майкопского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 6. Тифлис, 1888. С.133–152.; *Богатырь Н.В.* Очистительные обряды в родильном цикле некоторых станиц Закубанья // Дикаревские чтения (5). Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С.76–84; *Живило К.* Народные приметы ухода за роженицами и новорожденными в некоторых станицах Кубанской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 16. Тифлис, 1893. С.16–38.; *Стефанов Т.* Обычай и обряды, соблюдаемые жителями города Ейска Кубанской области при рождении человека, бракосочетании и погребении умерших // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 6. Тифлис, 1888. С.157–176; и др.
2. *Чурсина В.И.* Фольклор славян Кубани: историко-культурологический анализ. Краснодар, 2003. С.210–212.

3. *Чурсина В.И.* Народная культура славян Кубани (конец XVIII – XX в.). Краснодар, 2005. С.52.
4. *Еремينا, В.И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991; *Карский Е.Ф.* Белорусы. Т.3: Очерки словесности белорусского племени. Народная поэзия. М., 1916; *Шаповалова Г.Г., Лаврентьева Л.С.* Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья. Л., 1985; и др.
5. *Еремина В.И.* Указ соч. С.89.
6. *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989. С.438, прим. 55.
7. Песни кубанских казаков / Сост. А. Д. Бигдай. Муз. ред. В. Г. Захарченко. - Краснодар, 1992. С.86.
8. Из собрания автора. Записано в станице Днепровской Тимашевского района от Г. А. Момот.
9. *Каган М.С.* Философия культуры. СПб, 1996. С.359–361.
10. Из собрания автора. Записано в станице Камышеватской Ейского района от Е. Т. Хлестун.
11. *Лемши Н.* Вернется ли старинная казачья свадьба? // Каневчане. 1996. №1. С.35.
12. Там же. С.38.
13. Из собрания автора. Записано на хуторе Адагум Крымского района от Т. Е. Вербовской.
14. *Арканников Ф.Ф.* Станица Николаевская. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Т.1. Екатеринодар, 1883. С.575.

© 2008 г., В. Л. Миронов

ВОЗВРАЩЕНИЕ КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВА В. И. БАБИЧА НА КУБАНЬ

Подавляющее большинство человечества проживает свою жизнь жизнью травы. Лишь только некоторые оставляют какой-то след. Правда, часть из них вспоминаются не без содрогания или отвращения. И только немногие на долгие годы остаются в памяти людской как маяки в океане жизни человеческой.

Валерий Иванович Бабич прожил недолгую жизнь даже по меркам человеческого – 65 лет. И прожил он свою жизнь с кочки зрения обывателя не совсем хорошо – не нажил себе дворцов и яхт... Но именно он еще с юношеских лет нес в себе какой-то заряд света и печали, в нем постоянно светила Божья искра. За что бы он ни брался, в нем виден был талант. С 17 лет он 4 сезона солировал в знаменитом казачьем хоре Сергея Жарова... Лезгинку он исполнял виртуозно... Не владея русской грамотой (он даже не читал по-русски) он был лучшим знатоком музея Кубанского казачества в Лэйквуде (Ховелле). Его, молодого человека уважали, ему доверяли самые умудренные, почетные ветераны русской эмиграции в штате Нью-Джерси. Потрясает в нем ещё одна черта – его святая бескорытность.

Я не был с ним в родстве, а до 1993 года даже не имел о нем и представления. И вот в августе 1993 года, встретившись со мною, Валерий, вдруг, ошарашивает меня своим предложением... Валерий Иванович Бабиц предложил передать мне свой архив, в котором был и весь архив Всевеликого Войска Донского, оставленного ему атаманом Поповым. С одной стороны меня смущало то, что все это Валерий Иванович готов был отдать только лично мне... Я сказал ему, что живу в двухкомнатной квартире, а потому не представляю себе, где смогу все это хранить. Что касается архива Войска Донского, то я бы советовал ему передать казакам Дона. Что несколько лет спустя В. И. Бабиц и сделал. И слава Богу!

Более десяти лет мы с Валерием Ивановичем поддерживали тесную связь – он часто звонил мне, мы каждый раз встречались во время моих поездок в Америку. В 2006 году, узнав о том, что Бабиц серьезно слёг в госпиталь, я собрался как смог и выехал в Америку... Но все сложилось так, что мы с Виктором Романовичем Муравиным, русским писателем, у которого я каждый свой приезд в Нью-Йорк останавливался, долгих полтора месяца пытались разыскать Бабица..., но безуспешно. Одни нам говорили, что он в таком состоянии, что даже когда приходит в себя – никого не узнаёт. Другие говорили, что даже госпиталь, в котором он находится в настоящее время, определить трудно, т.к. его, как совершенно безнадёжного, перебрасывают из одного в другой.

Во всех православных храмах, в которых мне довелось быть, я ставил свечи и молился за здоровье Валерия Бабица. И вот во время мой аудиенции у Владыки Лавра в памятный день заседания Синода Русской Зарубежной Православной Церкви по вопросу объединения Русских Церквей, я в конце нашей долгой беседы рассказал Владыке о своих безуспешных поисках. Мы с Владыкой помолились о здравии р. б. Валерия. Владыка сказал: – Молитесь и я буду молиться о нем. И Бог даст, вы встретите вскоре его в здравии и в силах! Так оно и случилось.

Недели две спустя мы с Виктором Романовичем поехали в Ховелл (штат Нью-Джерси) на воскресное богослужение в храм Александра Невского. Уж там кто-нибудь да что-нибудь о Бабице путного нам скажет. На богослужение мы опоздали, но попали на застолье кубанских казаков... И здесь мы узнаём, что 5 дней назад из музея кубанского казачества в Ховелле без согласования с пожизненными хранителями казачьих регалий (Петра Анатолиевича Батенко и Николая Васильевича Лукинова) вывезли часть этих реликвий. И по этому поводу в суде возбуждено дело... Но мне пообещали на следующий уикэнд помочь в поисках Бабица.

И вот мы с Виктором Романовичем в очередной уикэнд снова в Лэйквуде, у храма Св. Владимира. В большом бальном зале идет заседание Лэйквудского отделения Конгресса русских американцев. Среди заседавших оказался Виктор Зацепин (бывший солист, танцор знаменитого хора Донских казаков Жарова), который согласился помочь нам в поисках Валерия Бабица. Вскоре мы лесной дорогой добрались к Пушкинскому Дому – своеобразному пансионату-общежитию, размещенному в одноэтажном здании архитектуры, характерной русским барским поместьям позапрошлого века с круглой клумбой перед парадным. В Пушкинском Доме Валерий Бабиц с сестрой Валентиной – единственные русские, и только они говорят по-русски.

Валерий открыл нам двери. И какое-то мгновение я не мог его узнать: он был опухшим, да еще как бычок на веревочке, он был соединен прозрачным тонким шлангом с работающим аппаратом, нагнетающим ему в лёгкие кислород. И вдруг он увидел за спинами двух Викторов меня... Он одним движением руки сорвал с себя свою прозрачную сбрую кислородного аппарата, мы обнялись. Он твердил: Слава Богу – ты успел! А я умнее ничего не мог сказать и только твердил: – Валера, дорогой, слава Богу – ты жив! А ведь я ехал с мыслью уснуть проститься с тобою... Немного позже Валентина, сестра Валерия, рассказала, что ещё две недели назад он действительно был в полном беспомоществе и почти совсем безнадежным...

Два месяца я начинал и заканчивал свой день молитвой о здравии Валерия. Во всех храмах ставил свечи и молил о его здравии. И, конечно же, молитвы Владыки Лавра!.. Господь вернул к жизни Бабича. Слава Богу! В жизни нашей ничего случайного не бывает. Вот и в этой встрече. Виктор Зацепин и Валерий Бабич долгие годы прожили совсем не далеко друг от друга, ходили в один храм, бывали на одних балах в Лэйквуде и Ховелле, но не знали друг друга... А ведь оба только в разное время были солистами казачьего Донского хора Жарова. И все это выяснилось при нашей встрече в Пушкинском Доме.

Неделю спустя Валерий настолько воспрял духом, что на балу в Лэйквуде кинулся в драку, т.е. ударил одного из старых своих знакомых. Мне пришлось их разнять: – Брейк, господа! Бог с вами! На это Валерий ответил: – Он не казак!.. Он решил сдать коней со своей фермы на мясо. Он подлец!..

В этом весь Валерий – прямой, бескомпромиссный и предельно честный. Не даром в Лэйквуде и его округе все старики доверяли молодому человеку, пестовали из него своего преемника и хранителя. Ведь полковник Назаренко не с бухты-барухты передал именно Бабичу часть своего архива. Это тот полковник Назаренко, который, рискуя жизнью отвечал за сохранность казачьих регалий Войска Кубанского. В 1965 году при открытии памятника «Казак – казакам» в Лэйквуде полковник Назаренко торжественно пожал руку 20-летнему Бабичу в присутствии и при поддержке другого легендарного полковника Елисеева (и это запечатлено на фото). На этой фотографии запечатлена духовная эстафета поколений.

И ведь удивительно, но именно Валерий Бабич, не читавший по-русски, был лучшим знатоком истории казачества, особенно Кубанского. И совсем не случайно атаман Всевеликого Войска Донского – Попов отдал архив донцов именно Бабичу. Жизненный хранитель регалий Кубанского казачества Николай Васильевич Лукинов рассказывал мне, как много раз предлагал Валерию под запись профессионального видеооператора рассказать обо всех регалиях в музее Лэйквуда. Кроме Валерия это сделать никто не мог.

Именно Валерию отдает свою часть архива Науменко, полковник Назаренко, зять атамана Войска Кубанского, генерала В. Г. Науменко. Именно Валерий спас часть архива Жарова, когда ничтожество-наследник пытался ликвидировать этот архив. Валерий Бабич всю свою неустроенную жизнь прожил как собиратель и хранитель истории казачества.

В 2006 году, чуть оклемавшись после болезни, Валерий в присутствии сестры стал рассказывать мне:

Подумай, какая у меня дура Валя! У меня был коврик султана Саладина. Эта дура взяла и выкинула его в мусорку. Арабы наперебой предлагали за него больше деньги... Вот что можно сказать ей?!

На что Валюша с детской наивностью ответствовала:

– Володя, но ведь этот коврик был совсем старым. Я сначала просушила его во дворе, а потом взяла и выбросила в мусорку.

Подобных случаев у Валентины по отношению к коллекции Валерия было множество. Она, кажется, все это делала с наслаждением маленького злого монстра, иногда и сама делилась со мною «втайне» от брата о подобных своих «подвигах»...

И тут вспоминается наш разговор с Виктором Ивановичем Лихоносковым. Он как-то недавно в своей редакции сказал мне: – Владимир Леонидович, вот все мы говорим о нашем в России духовном обнищании. А что там, в Америке? Там ведь еще хуже. Вот возьмите и напишите об этом.

Что говорить о том, что в наше оголтелое время в России целенаправленно и круглосуточно работают телевидение и пресса по оболваниванию и истреблению национального самосознания. Мы все это видим и понимаем... Что говорить о каких-то музеях, если так нагло и цинично, даже демонстративно разворовывается Эрмитаж! Наши музеи пустеют от посетителей уже будучи опустошенными от самых ценных экспонатов. Убийственный бизнес музейными историческими ценностями поставлен на широкую ногу. Таким образом из одного из самых могучих народов пытаются и не безрезультатно окончательно сделать быдло.

А что же происходит на Западе? Русские люди там настолько обамериканились и обевропенились, что дети и внуки замечательных русских людей по воле рока оказавшихся вне своей Родины в большинстве своем не только не читают, но и не говорят по-русски. Но хуже того, русские женщины в своем большинстве стараются выходить замуж не за русских... Дети и внуки тех русских, которые в своих лишениях спасали и хранили как зеницу ока исторические и культурные ценности Святой Руси, ни минуты не колеблясь готовы все это отправить на помойку... А некоторые это делают просто с наслаждением маньяка-садиста. Яркий пример тому – родная сестра Валерия Бабича. Истребляя все то, что было смыслом всей жизни брата, она упрямо твердила: – Все казаки дураки, и там, в России, и здесь, в Америке!..

В то время, когда мы с супругой в каторжных условиях разгребали завалы, спасая архив и остатки коллекции Валерия Бабича, прикованного к постели в госпитале ветеранов в Оранже, мне несколько раз звонил Алексей Михайлович Ермаков из Сан-Франциско и говорил: – Я понимаю, ты занят спасением архива и коллекции твоего друга, готового предстать в любое время перед Богом. Но помни и о том, что наш музей я ещё смогу содержать года три. Ты помнишь, когда мы тебя принимали в Сан-Франциско. Так вот $\frac{3}{4}$ наших кадет, встречавших тогда тебя, уже в мире нет, а другая $\frac{1}{4}$ живут подготовкой к уходу в тот мир. Мне же, самому молодому, как ты понимаешь, года через три судьба нашего музея плачевна...

Одним словом, судьба исторических и культурных ценностей за рубежом одна – все это канет в лету. Дети и внуки наших эмигрантов первой и второй

волны в большей своей части не осознают себя русскими... А третья волна, как известно, чужда всему русскому была ещё в России.

В 2006 году, едва оправившись после госпиталей. Валерий Иванович настоял на том, чтобы юридически оформить мои права на его архив и коллекцию. Узнав о намерении Бабича, «атаман Америки и Канады» (так он величает сам себя) Сергей Цапенко заявил мне, что у Бабича от его коллекции ничего не осталось... но тут же добавил, что, если Бабич соберется что-либо продавать, то он готов у него купить... На это Валерий отреагировал с саркастической усмешкой: – Цапе?... Этому проходимцу, жулику и самозванцу я никогда ничего не продам (выражение было просто нецензурным). Я лучше как Валя-дура выкину на мусорку.

А теперь о главном. О хождении по мукам при **возвращении** архива и коллекции Валерия Бабича. 12 ноября 2006 года В. И. Бабич нотариально заверил свое Завещание: Я предупредил Валерия, что в этом году забрать все завещанное им не смогу, т.к. Все свои деньги истратил за 3 месяца пребывания в Штатах. Честно говоря, я был уверен, что Бабич уже ожил, а, значит, у него всё ещё впереди. Вот поэтому в Завещании и появилась приписка: «Я готов передать свой архив и свою коллекцию Миронову В. Л. В любое удобное для него время». Разве мог я тогда подумать, что великими испытаниями смогу спасти только малую часть всего того, чему отдал всю свою жизнь прекрасный православный русский человек, ни разу не побывавший на родной земле, Валерий Бабич.

Никому не известно, что из коллекции Бабича было уничтожено огнём во время пожара..., но пришлось видеть мне огромный ворох из нескольких десятков рам от картин, сгоревших в том пожаре... Ни одна рамка к нашему удивлению не только не обуглилась, но даже и не подкоптилась (?)... Чудеса, да и только!

Ещё более печалит тот факт, что сестра Валерия сама сказала, что оплатила три мусорных машины, чтобы вывезти «мусор» (?)... При таком бездуховном мусоре в голове что же можно было вогнать в те машины?! А сколько всего было утрачено иными путями?!

Валерий Бабич очень хотел, чтобы его архив и коллекция вернулись в Россию. С другой стороны он просто мечтал возвратиться в Россию, которой он никогда не видел, и умереть там... Но, как говорится, не довелось.

При расставании в 2006 году Бабич подарил мне кинжал ККВ своего отца и передал кинжал персидского булата кадегам станицы Елизаветинской (атаману Юрию Юрьевичу Пономарёву) и пообещал приехать на Корниловские поминования в апреле следующего года. Но так случилось, что в апреле он позвонил мне и сказал, что приехать не сможет, т.к. придется снова лечь в госпиталь. А через месяц он снова позвонил и тревожно сказал: – Прошу тебя, поспеши с приездом, ибо может стать так, что не застанешь меня в этом мире... Я понял, что это очень серьезно. Я сознавал и то, что одному мне с этим делом справиться будет просто невозможно. Поэтому в эту поездку мы спешно засобирались с супругой. Срочно подали документы на визы в Америку, собрали, назанимали денег. Получив американские визы, срочно приобрели билеты туда и обратно на два с половиной месяца.

Прилетев в Нью-Йорк, мы остановились, как всегда, у Виктора Романовича Муравина, но только на 3 дня. На следующий день по прилете мы нанесли обязательный визит Григорию Петровичу Климову, русскому писателю, 7 томов

которого изданы мною и потрясли весь думающий мир. А через день мы выехали на место нашей цели поездки – городок Ховелл. Нас встретили Валентина, сестра Бабича, и его верный друг – Майя. А когда мы приехали в дом, в котором нам предстояло прожить в трудах праведных более двух месяцев, то были несколько озадачены и состоянием дома, его обстановкой и состоянием вопиющей бездуховности при завалах духовного богатства... У нас даже сегодня, в страшный период нашего духовного падения, куда нас искусственно и насильно загоняют, и то не было бы так много безразличных даже к историческим раритетам какого-нибудь малозвестного и малочисленного племени африканского континента.

Несколько дней подряд мы с утра ехали в госпиталь ветеранов в г. Оранж (это на полпути от Нью-Йорка до городка Ховелл), где лежал Валерий Бабич в полном беспомоществе, под наркозом. Дорога туда и обратно занимала часа четыре. Возле Валерия, ничего не подозревающего о нашем присутствии, мы стояли минут двадцать... Во второй половине дня, возвратившись в недоумении от состояния Валерия, мы с супругой начинали почти бессмысленные раскопки в доме. Мы не знали, что нам искать, не имели понятия, что где лежит. Мы просто разбирали завалы...

Постепенно начинали вырисовываться в плане архивном два основных фонда: атамана Войска Кубанского, генерала В. Г. Науменко и Сергея Жарова – руководителя и создателя знаменитого на весь мир Донского казачьего хора. Библиотека казалась огромной и бессистемной. Часть коллекции мы обнаружили в самом начале наших поисков, но она показалась нам разгромленной (или разворованной – невольно вспомнились слова Сергея Цапенко – «большо-о-ого атамана»)... Это вызывало некоторое отчаяние. И тем более отчаяние росло, потому что сестра полмесяца не давала согласия на вывод Валерия из наркоза... Мы видели, как с олимпийским спокойствием, с каким-то изуверством при видимости заботы искусственно гасят жизнь в Валерии.

Ольга, моя супруга, на которой тяжелейшим бременем лежала основная нагрузка нашего каторжного труда, часто срывалась в ночи и в слезах упрекала меня в том, что я не могу ничего сделать, чтобы остановить цивилизованное убийство друга и прекрасного человека...

От незнания американских законов и недостаточности владения языком я неоднократно собирал самых близких Валерию друзей у его постели в госпитале для того, чтобы выяснить истинное положение в состоянии его здоровья... И всё упиралось в волю и право опекуна, то бишь – Валентины. Она могла дать своё согласие или нет на вывод Валерия из наркоза... Наконец, добро на операцию и выход из наркоза дан. Его прооперировали. В горло вставили трубку, через которую принудительно подавали кислород в легкие, т. к. Легкие справлялись со своими функциями только на 10–15%. Валерий пришел в себя, всех узнавал, всё понимал, но говорить не мог. Так наш каторжный труд приобрел хоть какую-то осмысленность. Весь световой день мы разгребали «авгиевы конюшни» бабичевского дома, а дня через 3–4 посещали Валерия и держали его в курсе наших раскопок.

Недели за две до дня нашего отъезда мы панически стали осознавать, что всего только оставшегося не сможем перебрать... Всё, что останется после нас, Валентина уничтожит: то ли пустит в мусор, то ли продаст... Ненависть её к нам

разгоралась с каждым днем. Всё, что делал Валерий всю свою сознательную жизнь, а мы вынуждены заниматься этим сейчас, её раздражало, было ей непонятно и чуждо. Она всё чаще говорила, что казаки как в Америке, так и там, в России – дураки. Пустота и внутренняя ненависть в ней прикрывались внешне кажущейся простотой и слащавой неискренней мелочной «добротой». Она была обуреваема своей мстью: мстила покойному мужу, дочерям.... брату...

Но так или иначе, а мы упаковали все в прозрачные контейнеры, купленные в специальном магазине. Такой контейнер с трудом могли оторвать от земли два физически сильных человека... А потому, когда Виктор Романович приехал с бригадой добровольцев для перевозки груза в транспортную компанию, то сразу же предупредил, что придется всё это сначала доставить на склад к Гелле (друг и сподвижник Виктора Романовича), там все срочно переупаковать в картонные ящики. Так и пришлось все сделать. Мы три ночи, т.к. днем на этих складах работали три фирмы, в поте лица своего втроем с супругой и Виктором Романовичем проделали всю эту перегрузочно-упаковочную работу. Затем весь упакованный груз мы сдали украинской транспортной компании.

Нотариально заверив все необходимые документы о передаче мне по завещанию Бабича всей оставшейся его коллекции, библиотеки и архива, я собрал всех подписантов (доверенных лиц Бабича: Юрия Гузю, Петра Батенко и Виктора Муравина) у постели Валерия Ивановича. Я при всех сказал Бабичу, что завтра уже улетаю, и спросил его, правильно ли исполнил его волю. Он одобрительно кивнул головой. Немного подождав, он, вдруг, действующей рукой привлек меня к себе и что-то попытался сказать, но беззвучно. Я приблизился к нему почти вплотную, и он просипел: «Сп'иб!»). По левой его щеке покатилась слеза. Сжав его левую руку, я сказал: «Валера, дорогой, ты и на этот раз должен встать. Посмотри, они все здесь без тебя как дети малые!.. Пусть даже на коляске, но ты должен будешь приехать на открытие твоего музея истории казачества в Краснодаре. Петр Батенко, приблизившись к кровати сказал: – Валера, ты, действительно, наш атаман. Ты должен подняться! Мы ждем тебя все! Так мы и расстались.

Ещё перед поездкой в Америку я заручился гарантийными письмами от музея в станице Елизаветинской и от Музея Российской Армии в Москве о том, что они готовы предоставить свои площади для выставки коллекции Валерия Бабича. Мне казалось, что, если в России сделать даже частичную выставку в музее, снять на видео и фото, то Валерий, как и в прошлый раз, в 2006 году, воспримет духом и вновь станет в строй. А для этого я взял с собою багажом в самолет четыре кинжала, шашку и ятаган (то, чем так гордился Валерий), несколько ценных книг и документов.

Мне представлялась наибольшей сложностью – пройти таможенный заслон в аэропорту Кеннеди, ведь мы вывозили исторические и культурные ценности. И когда мой самый большой чемодан, в котором и было то самое холодное оружие, сняли уже за барьером на досмотр.... и я подумал: «Вот то самое начало конца!» Я через барьер стал показывать папку с документами, но ко мне никто и не подошел. Досмотрщик, восточного типа человек, извлек из чемодана все холодное оружие, внимательно его осмотрел.... а затем все тщательно упаковал и передал темнокожим грузчикам. Затем через барьер он сказал мне: «Козак? Музеум? Гуд!

Бат ту батлс бум!..» Дело в том, что мои друзья положили в чемодан бутылку коньяка и ликера. На эти слова досмотрщика с некоторой долей печали я ответил: «О, май Год!..» Восточный человек тут же поспешил несколько успокоить меня: «Ну, батлс бум!» – он показал пальцем в небо. На что я ответил: «Ну и Бог с ними!»* Нам искренне пожелали счастливого пути. И, когда самолет, оторвавшись от земли, резко стал набирать высоту, Оля, моя супруга, вдруг не смогла удержать слёзы, хлынувшие по щекам. Стюардесса спросила: «Вам плохо?» На что услышала: «Нет, мне очень хорошо! Слава Богу! Мы летим домой!

Боже, Америка – это потусторонний мир для России. Здесь хорошие русские люди обречены. Здесь им нет спасения. Я сюда больше никогда ни под каким предлогом не полечу!..

Через 10 часов наш самолет приземлился в Шереметьево. Сказать, что мы были безмерно счастливы – не сказать ничего... Нам попался хороший православный грузчик, взгромоздивший весь наш багаж на свою тележку. Мы следовали за нашей поклажей, переполненные счастьем и чувством исполненного долга. Зеленым коридором нас вывели прямо на встречающих нас. Грузчик с нас взял только половину таксы, сказав, что православный патриот такой груз должен доставить не просто бесплатно, но ещё и гордиться своей причастностью.

Так как нам предстояло вылетать в Краснодар из Шереметьево через день, я предложил сдать наш багаж в камеру хранения. Этот и следующий день до вечера нам предстояло провести во множестве встреч... Но не тут-то было. В камере хранения я предупредил о том, что находится в моем багаже, стал показывать документы... Но увы, у нас не было декларации... Весь день мне пришлось провести в отделении милиции Шереметьево. Милиционеры и следовательно мне сочувствовали, многократно переписывали протоколы... Кто-то высказал крамольную мысль: – Да поехали бы вы поездом, и никаких проблем!.. И я подумал: – Боже, да почему же мы терпим это?! Нам создали государство-урода, в котором только криминальные пути «беспроблемны». Кто же творил эти катастрофические перестройки, идущие не только в разрез с православием и мусульманством, но всем своим дьявольским замыслом ведущие к гибели все одухотворенное Богом. Да будьте вы прокляты! И место вам в аду, там, где ваш творец.

Следователь после всех необходимых процедур, задержав большую часть наших раритетов, заверил, что обязательно напишет отказ в возбуждении дела. Так он и поступил. Прокуратура поддержала это решение. А вот следственный отдел Шереметьевской таможни (следователь Д. А. Котов) с холодным бездумным взглядом робота все же возбудил дело об административном нарушении... Ни ходатайства Музея Российской Армии, ни Министерства культуры, ни какие другие не могли тронуть чиновничьего таможенного бездушия... Мне, человеку, влезшему в долги, которые еще предстоит отрабатывать, наверное, не один год, – выставили штраф чуть ли ни в полмиллиона... Дело затянулось...

* Эти бутылки, пропущенные американской таможней, изъята без всяких объяснений российской таможней.

А через три недели мне сообщили, что Валерий Бабич ушёл в мир иной. Так моя идея очередного возрождения Валерия и не воплотилась благодаря нашим доблестным «следакам» Шереметьевской таможни. А сколько редчайших икон пылится у этих дьящих... И творят они, лишая Бога свечки, кому-то кочергу. Куда ведут нас эти творцы ужасного беспредела? Да опоминись ли мы, больше века погрязшие в адовых грехах!?

Говорят, Валерий ушел от нас каким-то умиротворенным. Он, как будто переложив свой крест на мои плечи, предстал перед Богом исполнившим свое предназначение. А как же мы?!

С августа по март я пытался совершенно безуспешно вести батальи с Шереметьевской таможней. Мне не оставалось ничего, и я подал в суд на решение таможни (правда, этот ход мне подсказала сама таможня). На 4 марта районный Головинский суд г. Москвы назначил рассмотрение моего заявления. Все мои консультации с юристами сводились к тому, что суд не отменит решения таможни... Придется пустить шапку по кругу. Ох, тяжела не так шапка Мономаха, как шапка, пушенная по кругу, ибо возвращается она с грошами бедняка и насмешками и «мудрыми» поучениями жирующего бездушного людского стада, которое темные силы воспитывают в их гешефтмахеровской утробной премудрости: «Хороша честь, коль нечего есть!» Мне пришлось ещё занять денег на очередную поездку. Я не мог себе позволить адвоката, тем более, что результат как бы обреченно понятен. Я заручился ходатайством Министерства культуры в суд, и со своим другом, известным адвокатом Виктором Выскребцевым в качестве только друга предстал перед Судом... Бог нас не оставляет в наших делах праведных.

Суд после исполнения всех ритуальных формальностей меня просто поразил, что называется, на месте. Судья Ольга Дмитриевна Зайцева (она же зам. Председателя суда), обращаясь ко мне, вдруг, заявляет, что приносит мне свои извинения за то, что так со мною обошлись: «Вас нужно было с цветами встречать... Мы отменяем решение Шереметьевской таможни...» Была, что называется, немая сцена. Что мне в таком случае говорить?.. Судья спрашивает: «Вам понятно решение?» Боже, всё понятно. Да вот только непонятно, как эта милая женщина в своем бесконечном потоке судебных процессов смогла увидеть совершенную бездушность умудренных мужей таможни. Только Божьим провиденьем!

Начальник Шереметьевского поста А. Н. Гавриков, получив от меня решение суда, при мне позвонил куда-то (нужно думать – в своё следственное управление) и с руганью стал говорить, что «в дерьме» оказался он по их вине. Он зачитал один из пунктов заключения Министерства культуры: «...данные предметы не подлежат вывозу из России...» и заключил: «Что ж вы, братцы, ввоз от вывоза уже не отличаете?!» И благодаря ему (он снял таможенника и поручил ему сопровождать меня и обеспечить самое экстренное оформление моих документов) я просто за короткое время был оформлен, получил свои реликвии и возможность на следующий день отбыть в Краснодар. Так закончились мои хождения по мукам с маленькой частью культурных и исторических ценностей, собранных за всю свою жизнь Валерием Бабичем.

А какова участь основной части коллекции и архива Бабица? 4 палеты общим весом около 2 тонн были отправлены из Америки лишь в начале октября (мы сдали наш груз в транспортную компанию во второй половине августа). Груз долго ждал попутного корабля. Из Нью-Йорка мне сообщили, что через месяц мой груз будет в Новороссийске, и дали телефон, по которому я обо всем получу исчерпывающую информацию... Так, да не так. Следует всегда делать поправки на «новых русских» – антипод не только русского народа.

Телефон компании «Рускон»^{*} молчал вообще или на том конце автомат издевательски предлагал подождать (по междугородке!), и безрезультатно, т. к. Никто и не собирался отвечать. Я попросил своих друзей в Новороссийске разыскать этот «Рускон» и получить вразумительную информацию. Друзьям моим сказали, что корабль еще в пути... А через день мне звонит молодой человек, у которого в одном контейнере с моими «книгами» пришел его мотоцикл, и сообщает, что груз наш уже в порту с 1 ноября, а сегодня уже 8-е. А вот с 10-го у нас у всех начнут шелкать серьезные проценты. И это еще не все. В нашем контейнере помимо нашего груза ещё 2 автомобиля. И вот, пока мы, хозяева грузов, не созвонимся друг с другом, пока не встретимся в какой-то один день, нас не будут выпускать, а штрафные шелкать будут исправно... (Хорошо замучено? Умеют гешефтмахеры даже в самом простом намутить. Умеют ловить свою рыбку в мутной воде!) И завертелось колесо подлости бизнеса «новых русских».

Мне не хочется говорить о том, как кто-то из «Рускона» попытался содрать всю сумму за портовое обслуживание контейнера с меня одного... Кроме моего груза в контейнере, как я уже говорил, было два автомобиля и какой-то «супер-мотоцикл»... Мне кажется, никто без оплаты коммерческих грузов их из порта не выпустил. С другой стороны, за так называемое «перестроечное» время всем нормальным людям следует уже выработать своеобразный иммунитет против подлости, бессовестности, жестокости и наглости гешефтмахеров «новых русских» в подавляющем своем числе без капли русской крови и при полном отсутствии понятия о чести и совести. Ведь именно эта нечисть влалбливает народу свои понятия: «Где та честь, коль нечего есть!..» Это они все пожирают и истребляют на своем пути. А совести у них никогда и не было даже в качестве своеобразного рудимента... Ведь их Бог им этого не дал. Но что это меня так понесло?! Каждому все и так давно уже ясно.

Следует сказать, что мир не без добрых людей, хотя именно их-то лютой ненавистью ненавидит вся та нечисть. А их, добрых людей, в России все еще много. Ведь именно на них и держится мир. Наши лихие рускононовцы только за портовое обслуживание выставили мне на 30% больше того счета, которым была полностью оплачена доставка груза через океан и моря из Нью-Йорка в Новороссийск!.. На ночь глядя я вынужден был мотнуться к своему другу в Геленджик. Сергей Григорьевич успокоил меня, мол ничего, утром с необходимой суммой мы будем у этих гешефтмахеров. Главное, не забывать, под чьей властью живешь.

* «Русский контейнер».

Отделение ЗАО «РОСТЭК» в Новороссийске, которое возглавляет очень милая Евгения Кондратьевна и все её коллеги подстать ей – очень симпатичные и порядочные молодые люди, работающие, как говорится, не за страх, а на совесть. С момента, как только я оказался в фирме и до последнего момента, когда мы с грузом покинули Новороссийск (а это было несколько дней!), все они, не считаясь со своим временем, оказывали мне помощь и поддержку. Они осознавали всю важность этого груза. Следует отметить и тот факт, что эта фирма даже отказалась выставить мне счет за свои услуги... Поэтому, когда мы с Сергеем Григорьевичем поутру приехали с деньгами и со счетом «Рускона», Евгения Кондратьевна, глянув на бумаги, вдруг сказала: «Ну уж нет! Я не допущу этого хамства!..» Она сделала несколько звонков, видимо, в разные инстанции «Рускона». Безрезультатно. Все-таки хамство «новых русских» чаще берет верх. Вспоминаешь подлый призыв Чубайса: «Больше наглости!..» Но доброта и порядочность на Руси все еще неистребимы. Елена Кондратьевна сказала: «Посмотрим, кто кого! Едем к моему генералу».

Антонов Андрей Павлович тоже не с первого раза решил нашу проблему. Я слышал только последний его разговор, очевидно, с кем-то из руководителей треклятого «Рускона» Он объяснял, что такой груз следовало бы вообще обслуживать безвозмездно и считать это за честь... Он повышал голос, ругался... И всё же настоял на своем. Что можно сказать о таких людях. Благородство и честь, если они есть, то они есть! Ничтожество, как бы оно ни распускало перья, ни пыжилось – только лопнет как мыльный пузырь, а до благородства не поднимется. Этого ему не дано.

Начальник Новороссийского таможенного поста и в 20.⁰⁰ собирал своих коллег, чтобы как можно быстрее и лучше обслужить наш груз. Мне, не жалея своего времени, разъясняли, подсказывали, как лучше и вернее оформлять бумаги, чтобы избежать дальнейших затруднений и проблем. Люди были на высоте своего положения и с достоинством исполняли свой долг.

Николай Григорьевич Михайлов, начальник Краснодарского таможенного поста просто опекал мой груз. Именно с его подачи заместитель директора частной фирмы ЗАО «РОСТЭК – Кубань» Александр Иванович Суханов дважды безвозмездно выделял мне грузовую машину, а когда понадобилось, арендовал машину, на которой многострадальный груз наконец был доставлен на таможенный пост в Краснодаре. Каждый раз в течение всего светового дня и до позднего вечера Александр Иванович звонил мне или шоферу, справлялся о том, где мы и как идут у нас дела. Такое искреннее человеческое внимание и забота ставили меня порой в неловкое положение. Люди от тебя ничего не требовали, не ждали – они просто были душевными людьми...

И вот наш бесценный груз в Краснодаре. Я думал, что это уже финиш... Но это было далеко ещё не так. Для того, чтобы мой груз был растаможен, необходимо было создать комиссию от Управления Росохранкультуры, которая, обследовав весь груз, должна дать заключение – представляет ли он историческую и культурную ценность. От этого зависело решение таможи: сдирать с меня шкуру до костей или что-нибудь оставить... Порой приходишь в недоумение: те, кому это должно даже по службе, по положению быть не безразличным, просто делали вид, будто ничего и не происходит, хорошо еще

палок в колеса не ставили. А ведь могли бы! Ну да Бог с ними! У них, как видно, свои особые, отличные от народа ценности.

Пока мой груз покоился на СВХ (склад временного хранения) таможенного поста, в Росохранкультуре под руководством Н. П. Асташкиной была создана соответствующая комиссия, в которую вошли эксперты Иван Иванович Ващенко, заместитель директора Госархива Краснодарского края Людмила Михайловна Пурас, и от краевой библиотеки им. А. С. Пушкина – Оксана Васильевна Кирьянова.

По погодным условиям пришлось искать пригодное для этого помещение, которое бы стало на неопределенное время зоной таможенного контроля. И тут те, у которых было бы наиболее удачно это разместить, по неизвестным причинам отказали, а те, кто предлагал свои вплоть до собственных домов, были забракованы таможней. Тогда я обратился в типографию «Советская Кубань», в которой издаю книги своей уже давно ставшей популярной серии более 10 лет. Честно говоря, на удачу рассчитывать не приходилось по причине смены администрации и дороговизны в аренде... Но директор издательства, послушав меня, без колебаний согласился за умеренную плату предоставить необходимое охраняемое помещение. Мы заключили соответствующий договор, я оплатил за первый месяц, и на следующий день груз уже был готов к работе комиссии.

И началась нудная, но необходимая работа комиссии. Архив, библиотека и коллекция были профессионально описаны, были составлены заключения о ценности и значимости трудов всей жизни Валерия Ивановича Бабича, а теперь – моего креста. Слава Богу, что у меня есть Попечительский Совет, члены которого в большинстве своем, – моя опора и мои искренние соратники, понимающие всю ответственность и важность нашей работы.

Я всегда избегал личного контакта с чиновниками высокого ранга, меня конфузили их чванство, спесь и равнодушие. Но вот член моего Совета, которому я был представлен совсем недавно, Николай Иванович Маняк, с самого начала предложил звонить ему по нашим проблемам в любое время... И он, действительно, принимал самое активное участие в решении проблем с получением пришедшего груза. Порой мне казалось, что мы с Юрием Петровичем Поповым чрезмерно злоупотребляем своими звонками и посещением Николая Ивановича... А он в свою очередь иногда спрашивал: «Что это вы пропали? Или уже все проблемы решены?..» Действительно, если человек хочет – делает от души, а если не хочет – находит отговорки и причины.

И вот, с Божьей помощью наш груз растаможен, зарегистрирован, признан исторической и культурной ценностью. 13 апреля 2008 года мы сделали первую выставку из архива В. И. Бабича в музее станицы Елизаветинской. В этот день казачество Кубани, Дона, Терека и Ставрополя собрались на Корниловские поминования (90 лет со дня гибели Л. Г. Корнилова) от Резервного казачества мне вручили орден «За заслуги перед казачеством» за то, что я возвратил в Россию, на Кубань бесценную коллекцию В. Бабича... Но в музей пришли только казаки из Краснодара, Новороссийска и Геленджика... Как видно, банкет на пленере перекрыл интерес к истории Отечества. И это удручает.

А впереди перед нами главная проблема: необходимо создание музейного научного центра «История казачества». Не место на складе историческим

ценностям Российского Казачества. Все эти материалы должны работать – воспитывать и формировать национальное самосознание, целый век послеовательно уничтожаемое тёмными антихристовыми силами.

Мой низкий поклон всем тем, кто был и есть моя опора, кто искренне помог **ВОЗВРАЩЕНИЮ!** И дай нам Бог воли и разума!

© 2008 г., Л. Н. Кольчева

ХАДЖИБЕЙ И ОДЕССА В ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО КАЗАЧЕСТВА

В конце 80-х – в начале 90-х годов прошлого столетия одесский историк Анатолий Бачинский обратил внимание на то, что множество каменных крестов из ракушечника, которые стоят на кладбищах в десятках сёл близ Одессы, безусловно, являются казацкими. В 2006 году профессор Елена Бачинская совместно с казаками Черноморского гайдамацкого объединения Украинского казачества произвела поисковые работы в девяти сёлах Коминтерновского района вдоль берега Тилигульского лимана. Целью экспедиции было найти и описать каменные кресты на кладбищах сёл Коминтерновского района, где было выявлено 350 крестов и надгробных памятников конца XVIII – середины XX столетия. И стоят они как хранители национальной памяти казацкой Украины.

Изучение этих исторических объектов привело к мысли о создании именно на землях вблизи Тилигульского лимана, в Коминтерновском районе Одесской области, на бывших Тилигуло-Балайских окрестностях туристического маршрута "Чумацкий шлях". Современная Старокневская трасса была важным участком торгового тракта, под названием "Чумацкий шлях", известного ещё по летописи XV столетия, с обозначением конечных пунктов этого древнего маршрута: от Качибей (будущей Одессы) на Брашлав и Киев. На протяжении столетий Хаджибей (Одесса) оставался одним из главных мест добычи соли в Украине, а с XIX столетия именно эта дорога связывала с портом и далее морем с внешним миром.

Одесса под названиями Качибей, Качибеев, Хаджибей упоминается с XV века. Мы с уверенностью сегодня утверждаем, что наш город был основан при правлении Великого князя литовского и русского Витовта. Днем рождения любого города считается дата его первого упоминания в исторических документах. Таким свидетельством может служить запись в летописи поляка Яна Длугоша, датированная 1415 годом, дополненная Кроммером в XVI веке, что в 1415 году польский король Владислав II, т.е. Ягелло, отправил из порта Качибей корабли с зерном на помощь осажденному турками Константинополю [15]. С этого времени история города-порта прослеживается в исторических источниках непрерывно. Хаджибей даже под турецко-татарской властью оставался одним из главных мест добычи соли. Предводители казачества прекрасно понимали значение этих территорий и намеревались создать здесь казацкое государство, для чего, необходимо было вытеснить турок за Дунай и посадить на молдавский престол лояльного к казакам господаря. Такое казацко-молдавское государство

пытались создать князь Дмитрий Вишневецкий в 60-ые годы и казачский предводитель Иван Подкова в 70-е годы XVI столетия. А казачский гетман Северин Наливайко в 90-х годах того же столетия предполагал образовать автономную казацкую республику в составе Речи Посполитой.

Согласно исторической справке декана исторического факультета Одесского национального университета В. Кушнира от 08.09.2006 г. за №0066087, воспоминания о стычках казаков с татарами на Тилигуле начинаются с XVI столетия (письма польского гетмана Жолкевского). Известно, что на территории вблизи Тилигульского лимана бывал и атаман Иван Серко во время своих походов на татар через Тилигул и Куяльники в 1665 и 1672 гг. [1; 8]. Фастовский полковник Семен Палий в апреле 1691 г. разгромил здесь татарский обоз [16]. По данным «Энциклопедії українознавства» в период с 1696 по 1712 гг., бывший секретарь Ивана Мазепы Петрик Иваненко был гетманом «Ханской Украинь», которая находилась на территории между Бугом и Днестром (так называемая татарская Белгородщина). Летом 1709 года в поисках помощи пришел на Хаджибей и гетман Иван Мазепа вместе со своим шведским союзником Карлом XII и отрядом казаков, которые спасались после поражения под Полтавой, продвигаясь по дороге от Очакова, которая шла вдоль моря. По данным историка Ф. Лагуса, они перешли Тилигульский лиман 16–17 июля 1709 года и отдыхали в районе нынешнего жилмасива Котовский и одесской Пересыпи [9].

В Русско-турецкую войну 1735–1739 гг. запорожская флотилия проходила через Хаджибейскую (Одесскую) затоку во время морских походов от Днепра до Днестра. Этим же путем, во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг., запорожские суда шли к Дунаю. Неоднократно запорожские казаки были в ту войну под Тилигульским лиманом. Например, во время похода войск А. Прозоровского и главных сил Войска Запорожского под предводительством кошевого атамана Петра Калнышевского на Очаков и Хаджибей в июне и июле 1770 года [14]. Тогда 29 июня на берегу Тилигульского лимана отмечали казаки день Петра и Павла – именины своего кошевого атамана. 24 августа, 15 сентября и 9 октября 1771 г., по словам историка А. Скальковского, кошевой П. Калнышевский во главе 6-ти тысячного отряда казаков «...имел три жестоких и славных дел с врагом возле Очакова и Хаджибея», за что Екатерина II пожаловала запорожцам «похвальную грамоту» [11].

После ликвидации Запорожской Сечи (1775 г.) часть казаков ушла в турецкие владения, другие разбрелись по всей Южной Украине. Тилигульский лиман был важным объектом казачьих промыслов. Об этом писал в XIX столетии Пантелеймон Кулиш [7]. После уничтожения Запорожской Сечи, уходя от самодержавия России, значительная часть запорожских казаков устремилась именно «на Тилигул», где перебивала длительное время. «В 1776 году на Тилигуле и под Хаджибеем собралось до 7000 казаков и они стали здесь селиться под Очаковым» [4]. Запорожцы письмами просили турецкую власть, что бы их «...приняли на Тилигуле и в других местах по хорошему», а в 1778 году избрали атаманом Тилигульским казака Подручного. Запорожцам, бежавшим в турецкие владения, первоначально султан дал остров Святого Юрия (в дельте Дуная), разрешив им также свободно селиться по всем рекам и лиманам от Дуная до Южного Буга. Казаки осели, в частности, возле Хаджибейского и Тилигульского

лиманов, в том числе на Пересыни (Одесса). Позже, по требованию России, турки переселили запорожцев за Дунай.

Однако некоторые представители запорожской старшины (С. Белый, З. Чепега, А. Головатый и др.) не оставляли мысли о возрождении Сечи, используя покровительство Г. А. Потёмкина. Угроза новой русско-турецкой войны заставила российское правительство создавать новые казачьи формирования. Уже в 1783 году Г. А. Потёмкин высказал намерение снова собрать запорожцев. В 1787 году, в преддверии войны с Турцией, правительство предоставило запорожцам в урочище Васильково у Бугского лимана место для основания Войскового Коша во главе с атаманом Сидором Белым. Новое формирование получило название Войска верных казаков, а в конце 1788 года появилось наименование – Войско Черноморских казаков. В начале новой войны 1787–1791 гг. главные силы российской армии и украинских казаков под командованием Г. А. Потёмкина осадили Очаков. Тогда особое значение для турок приобрела крепость Хаджибей, как ближайший порт вблизи осаждённого Очакова. В начале августа 1788 года казаки-черноморцы по предводительством войскового атамана З. Чепеги по приказу князя Потёмкина начали проводить разведывательные рейды в сторону Хаджибея [6]. 17 ноября 1788 г. конный отряд атамана совершил нападение на продовольственные склады Хаджибея и уничтожил их, за что З. Чепега был удостоен ордена св. Георгия IV степени [10].

Черноморские казаки под предводительством Захария Чепеги и Антона Головатого весной и в конце лета 1789 г. расположили свои позиции и пикеты на берегах Тилигульского лимана. Отсюда 6 полков Черноморского войска и 2 батальона регулярных российских войск под руководством Де Рибаса пошли на штурм Хаджибея, который завершился успешно 14 сентября 1789 г. [12].

После взятия Хаджибея, с одобрения Г. Потемкина, Де Рибас приказал поднимать затопленные турками военные лодки, и в конце 1789 года была создана Черноморская морская гребная флотилия. Его неизменными помощниками и тогда, и впоследствии были черноморские казаки, с которыми Де Рибаса связывала давняя дружба [5]. При отчаянной схватке за остров Березань Иосиф Де Рибас вовремя подоспел на помощь отряду Антона Головатого, а 18 октября 1790 г. гребные корабли Де Рибаса соединились с казацкими лодками Головатого и вместе вошли в Дунай. Там украинские казаки получили лавры победителей при взятии Сулинской затоки, Тульчи, Исакичи, в декабре Черноморская гребная флотилия, подчинённая Де Рибасу, активно участвовала во взятии Измаила [3].

В конце 1789 года, на зиму, новый войсковой атаман Захарий Чепега перенёс Кош в село Слободзея на Днестре. При этом было основано три паланки (административных округа): Поднестровская, Березанская и Книбурнская. По Ясскому мирному договору 1791 г. Хаджибей и всё побережье Чёрного моря, между Южным Бугом и Днестром перешло во власть Российской империи. Ещё в марте 1790 года князь Г. А. Потёмкин выделил черноморским казакам под поселение земли между Бугом и Днестром. Но после смерти князя в 1791 г., казаки почувствовали шаткость своего положения, т.к. никаких юридических оснований на эти земли они не имели. Завоеванная у турок земля, отданная было князем Потемкиным черноморцам, поступила в казенное ведомство, а

Черноморскому казачьему войску была предназначена земля на одном только небольшом Фанагорийском болотистом острове. С ноября 1791 г. войсковое руководство начинает ходатайствовать о выделении новых земель в Еникальском округе и на Тамани. После многих совещаний старшина войска Черноморского пришло к заключению: просить царицу прибавить к Тамани поселения незаселенные берега Кубань-реки [2].

В правительстве тогда прорабатывались проекты военно-казачьей колонизации земель правобережной Кубани. 30 июня 1792 г. последовал именной указ Сенату «О пожаловании Черноморскому войску острова Фанагории с землями между Кубанью и Азовским морем, лежащими». В этот же день императрица подписала и особую грамоту на пожалованные земли. В монографии «Гребная флотилия Черноморского казачьего войска» краснодарский историк Б. Е. Фролов утверждает, что переселение черноморских казаков на Тамань планировалось правительством ещё задолго до вручения А. Головатому высочайшей грамоты от 30 июня, но было приостановлено до получения надлежащих сведений о кубанской земле. В 1792–1794 гг. в шесть этапов на Кубань было переселено свыше 17 тысяч семейных и бессемейных черноморских казаков [13]. Как писал М. С. Грушевский, «... они положили начало украинскому заселению кубанских земель» [4]. С мая 1793 г. начала создаваться Черноморская кордонная линия. По старому запорожскому обычаю был брошен жребий, распределивший месторасположение 40 куренных селений. 38 из них получили названия старых запорожских куреней.

В Одессе в 1794–1797 гг. была сформирована «Черноморская казачья команда», которая приняла участие в строительстве города и порта. После смерти Екатерины II эта команда была ликвидирована. Часть казаков отправилась на Кубань. Черноморцы, которые остались в Одессе, поселились на Пересыпи, со стороны Херсонской дороги – Коминтерновского района. Эти данные легко найти в «Плане топографическом и гидрографическом крепости, города и порта Одесского в каковом состоянии ныне находится, который был составлен 1-го января 1797 года. Сегодня эти места называются улищами Черноморского казачества, атаманов Антона Головатого и Захария Чепеги.

Вышеизложенные факты свидетельствуют не только о тесной связи истории Одессы с казачеством, но и о гораздо более древней истории Одессы-Хаджибея, чем это традиционно считается. Есть достаточные основания для того, чтобы в 2015 году отметить 600-летие Одессы, т. к. на месте города и его порта находился город Гаджибей, известный с 1415 года. Попытки почти втрое уменьшить возраст Одессы является фальсификацией истории. Однако местная одесская власть до сих пор упорно ведет отчёт создания города Одессы с 1794 года, когда императрица Екатерина II приняла представленный план Иосифа де Рибаса, за которым последовал императорский рескрипт, предписывавший создать вначале в Хаджибее порт, а только потом город был переименован.

В 2007 г. Одесса кипела бурными страстями – 27 октября в городе был открыт памятник «Основателям Одессы». В связи с тем, что Одесса мечтает войти в список Мирового культурного наследия ЮНЕСКО, в старой части города, на Екатерининской площади проводились реставрационные работы. Главный объект площади – памятник-монумент Екатерине II, который был построен к 100-летию

города, а затем снесён в послереволюционное время. Городской властью Одессы было принято решение о возвращении его на прежнее место.

Монумент изображал императрицу Екатерину II в окружении тех сподвижников, которые стояли у истоков рождения Одессы: Князь Таврический Григорий Потёмкин, граф Платон Зубов, под патронатом которого начиналось строительство и обустройство Одессы, первоустроитель города – адмирал Иосиф де Рибас, а также инженер Франц де Волан, по плану которого изначально утверждено строительство порта и города. С первых дней закладки Одессы "любное место" на Екатерининской площади было освящено под церковь. Впоследствии, на этом месте успел побывать городской фонтан, который перенесли в Городской сад, где он по сей день радует одесситов и гостей города. После революции – памятник Карлу Марксу. Во время фашистской оккупации Екатерининская площадь была переименована в площадь Гитлера. Последнее время – 42 года на этом месте стоял памятник Потёмкинцам. В ночь с 24 на 25 июня 2007 г. он был демонтирован, несмотря на бурные протесты одесситов и местных казаков. Решение об установлении в Одессе монумента «Основателям Одессы» (теперь его решено было именовать именно так) приняли депутаты горсовета, мотивируя его тем, что с 1900 по 1920 г. в Одессе существовал памятник Екатерине II, пока его не снесли большевики.

Открытие данного монумента в 2007 году сопровождалось столкновениями между сторонниками и противниками воссоздания этого памятника. Против выступили партии националистического толка, Ассоциация казачьих обществ «Січ» и ряд других общественно-политических сил, мотивируя это тем, что Екатерина Великая упразднила Запорожскую Сечь, ликвидировала крепостное право на Украине, боролась против украинского языка и культуры, а последнего гетмана Запорожской Сечи Калнышевского отправила на Соловки в заключение. Земли Запорожской Сечи, земли «Ханской Украины» твёрдой рукой Екатерины II, через своих подчинённых, были «очищены» от вольных людей, которые были носителями традиций своего народа со времён Киевской Руси. Коренные жители были выселены на Кубань, а их земли были проданы и подарены российским, польским, молдавским, немецким, болгарским, сербским помещикам и колонистам.

Где те дороги, по которым шли наши предки на Кубань? Информация об этом переходе и переселении казаков в украинских школьных учебниках никогда не излагалась и никогда не изучалась. И только благодаря историкам П. Короленко, Ф. Щербине, Б. Фролову, Н. Тернавскому, Ф. Петруню, И. Сажожинову мы можем донести эту часть украинской и российской истории нашим современникам.

В 1828 году казаки Задунайской Сечи перешли на сторону русской армии, принеся присягу русскому императору Николаю I, а вскоре образовали новое Азовское казачье войско. В начале 1860-х годов эти казаки переселились в Закубанье и стали частью Кубанского казачьего войска. Именно этот факт имеет основание говорить о том, что Россия – единственная страна, которая дала возможность большей части запорожских казаков сохраниться в качестве казачьего войска. И даже временные конфликты с русским правительством не могли нарушить общую тенденцию. Черноморские казаки, а с 1860 г.

переименованные в кубанских казаков, верой и правдой служили России. После гражданской войны Войско Кубанское, как впрочем, и другие казачьи войска, были ликвидированы советской властью. В начале 90-х годов XX столетия на кубанских землях началось казачье возрождение.

А как же относиться к ликвидации Сечи Екатериной II? Несомненно, Екатерина II была личностью, популярной в Европе, но для подавляющего большинства народов империи она была и остается символом порабощения. Екатерина II уничтожила польскую государственность, государственность крымских татар, осуществляла жестокие репрессии против башкир, калмыков, инициировала выселение греков из Крыма, ногайцев из причерноморских степей. Во времена её правления была ограничена автономия донских, яицких казаков, прибалтийских народов, подавлен ряд восстаний, дискриминировалось еврейское население. При Екатерине II были ликвидированы казачьи полки и автономия Левобережной и Слободской Украины, разрушена Запорожская Сечь, а огромные земли Войска Запорожского разделены между царскими сатрапами, сотни тысяч этнических украинцев стали крепостными. Но я предлагаю без идеологической предвзятости взглянуть на события 1775 года. Начнем с исторически обусловленных причин разгона Сечи:

– Первой и, безусловно, основной причиной разгона Сечи было восстание Пугачёва, поставившее государство на грань развала. В 1773–1774 годах сечевики толпами шли к Пугачёву. Когда проводивший дознание по делу Пугачева граф Никита Панин доложил Екатерине II, что самозванец намеревался из заволжских степей идти на Сечь, чтобы поднимать казаков, императрица решила, что с приднепровской вольницы надо что то делать, пока какой-нибудь новый самозванец не взбудоражит Сечь.

– Османская империя, подписав Кючук-Кайнарджийский мир, признала независимость Крымского ханства, согласилась на присоединение к России Азова, Керчи и других территорий; надобность в казачьей защите южной границы от татарских набегов отпадала: крымский хан принял российское подданство.

– Третьей причиной было само поведение казаков и их старшины. Земли Войска Запорожского были чрезвычайно обширны и плодородны, не освоив эти земли нельзя было заселить приазовские и причерноморские земли. Потому на запорожских землях стали селить сербских и других колонистов, что вызвало гнев казаков: многих колонистов просто убили, других обкладывали данью, что, безусловно, раздражало правительство. Сечь признала над собой власть Петербурга (ранее – Москвы), получая от жалование от российского правительства, всё же продолжала жить самостоятельной жизнью, часто вступая в различные конфликты. Кроме того, старшина допускала воровство казённых денег, высылаемых на содержание войска. Это приводило к восстаниям сечевой бедноты. Начавшиеся столкновения запорожцев с новороссийским генерал-губернатором Г. А. Потёмкиным подтолкнули его к мысли, что это гнездо своеволия, постоянно пополняемое беспокойным и неуправляемым товариществом, как себя называли запорожцы, надо ликвидировать. Каким-то образом узнав об этом, Антон Головатый обратился к Потёмкину с просьбой сохранить Сечь путем её реорганизации по типу Войска Донского. Однако

Потёмкину до того надоело разбирать жалобы и споры казаков с соседями, что он ответил в сердцах: "Не можно вам оставаться, вы крепко расшались".

Кстати, по мнению днепропетровского историка И. С. Стороженко, период Подшильневской или Новой Сечи (1734–1775) был временем полной деградации казачества, потребности в котором уже не было, ведь военный промысел прекратился. Если бы Екатерина не распустила это образование, оно бы само распалось. Плохо в этом деле лишь то, что Потёмкин с Украины отправил казаков на Кубань и Кавказ. Если бы не этот аспект, по мнению И. С. Стороженко, претензий к Екатерине II не было бы... (Интернет, сайт «Вольная Станица»).

Светлейший князь Григорий Потёмкин-Таврический, принятый в запорожские казаки под именем Грыцько Нечоса, имел непосредственное отношение к ликвидации Новой Сечи. Но именно к нему обращались представители запорожской старшины с просьбами о возрождении казачьего войска, а вскоре вожди созданного Войска Черноморского именно Потёмкина считали своим покровителем.

Напомню, что только по Ясскому мирному договору 1791 года Хаджибей и всё побережье Чёрного моря между Южным Бугом и Днестром перешло по власть России, что завершило 300-летнюю борьбу казаков за освобождение этого края от турок и татар. Именно благодаря победам Российской империи стала возможной украинская колонизация этого края. И только потом эта территория стала Советской Украиной, а теперь и независимой Украиной.

Протестуя против воссоздания памятника Екатерине II в Одессе, современные украинские политики и казаки идеологи обвиняют её в уничтожении казачьей волиныцы. При этом они «забывают», что нынешние кубанцы и есть прямые потомки тех самых запорожских казаков, наследниками которых себя объявляют появившиеся недавно многочисленные казачьи и псевдоказачьи организации в Украине. Кстати, изданная в 2006 г. в Краснодаре «Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века», выпущенная к 215-й годовщине переселения казаков на кубанские земли, указывает каждого казака-переселенца, служившего от «бывшего Запорожья». Сегодня в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Д. Фелицына хранится более 50 подлинных грамот Екатерины II, Павла I, Александра I и Александра II о пожаловании частям Кубанского войска различных наград за отличие. Среди экспонатов казачьи знамена, булава и перначи, запорожские куренные значки, георгиевское оружие и награды, золотая посуда, жалованная российскими императорами кубанским атаманам.

Однако, те обстоятельства, которыми апеллирует украинское казачество к обществу, сегодня не вызывают никаких протестов у современного Кубанского казачьего войска и местного кубанского населения. Здесь пытаются возрождать и казачьи традиции, и памятники имперской эпохи. Ещё в 1853 г. в Екатеринодаре был заложен на войсковые средства Войсковой Александро-Невский (белый) собор. Строительство продолжалось 19 лет, освятили храм в 1872 г., а в 1937 г. собор был разрушен. Решение о его восстановлении было принято в 2003 г. Торжественная церемония закладки камня на месте восстановления разрушенного собора Александра Невского Кубанского казачьего войска состоялась 17 декабря

2003 г. Памятник Екатерине Великой первоначально был сооружен на средства Кубанского казачьего войска и был открыт на Атаманской площади в мае 1907 г. В сентябре 1920 г. Кубанским чрезвычайным революционным комитетом было принято решение разобрать монумент. В 2002 г. глава Краснодарской администрации А. Ткачѳв в связи с обращением историков, краеведов и общественности принял решение о воссоздании монумента.

Потомки тех самых казаков, которые вначале из Запорожья перебрались к Бугу и Днестру, а затем на Кубань, два года назад восстановили памятник Екатерине Великой в Краснодаре, а потому можно предположить, что со своей историей они разобрались и похоже вполне с ней согласны! А потому и казачьи святыни начинают возвращаться на свои места. Сегодня памятник Екатерине Великой и собор Александра Невского Кубанского казачьего войска являются целостной композицией главной площади Краснодара, где казаки Кубанского казачьего войска выставляют почѳтный караул, подерживая преемственность поколений, отдавая дань истории и казачьим традициям. Возрождая казачество в Украине, нельзя отгораживаться от наших братьев-казаков на Кубани. Мы должны вместе изучать нашу общую историю и хранить историческую память.

А тем временем Одесса объявила конкурс на создание лучшего памятника кошевому атаману Запорожской Сечи Петру Калнышевскому. Конкурс продлится с 3 марта по 7 мая текущего года, его призовой фонд составляет 100 тыс. гривен. Участие в конкурсе могут принять скульпторы, архитекторы и проектные организации, имеющие соответствующие лицензии, а также студенты Архитектурно-художественного института Одесской государственной академии строительства и архитектуры. Памятник последнему кошевому Запорожской Сечи будет сооружен за привлеченные средства. В состав жюри конкурса вошли почетный председатель Благотворительного фонда им. Петра Калнышевского Валерий Балух, ректор Государственной академии строительства и архитектуры Владимир Дорофеев, главный архитектор Одессы Владимир Колокольников, народный депутат Украины Лесь Танюк, директор коммунального предприятия "Одеспроект" Валерий Климентьев, ответственный секретарь конкурса, н.о. главного художника города Одессы Эдуард Михайленко, начальник облуправления архитектуры и градостроительной политики Владимир Яровой и др. Документацию для разработки конкурсного проекта выдает секретарь конкурса Э. Михайленко по адресу: Одесса, ул. Гоголя, 10. (<http://www.unian.net>).

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной Руси. - Т.6. - СПб., 1869. С. 33–35.
2. По долгу верности к Отчизне: к 210-летию начала персидского похода черноморских казаков во главе с А. Головатым (1796). - Краснодар: Диапазон-В, 2006. С. 43–44.
3. *Горбаток А., Глазырин В.* Юная Одесса. - Одесса, 2002. С. 64.
4. *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины. - К., 1995. С. 478, 480.
5. *Де Рибас.* Старая Одесса. - Одесса, 1913. С. 35.

6. *Короленко П.* Кошевые атаманы Черноморского казачьего войска XVIII столетия. - СПб., 1901. С.34–35.
7. *Кулиш П.* Записки о Южной Руси. - СПб., 1856. С. 159.
8. *Конисский Г.* История русов или малой России. - М., 1846. С. 242.
9. *Лагус Ф.* Карл XII в Южной России // Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. 3. - 1853. С. 323. 324.
10. Материалы для биографии кошевого атамана Черноморского войска Захария Алексеевича Чепеги // Кубанский сборник. / Сост. Е. Д. Фелицын. - Т. 7. - Екатеринодар, 1900. С. 260–289.
11. Политическая переписка императрицы Екатерины II // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1904. С. 25.
12. *Сапожников И.В., Сапожников В.Г.* Запорожские и черноморские казаки в Хаджибее и Одессе (1770–1820). - Одесса, 1998. С.14.
13. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска / Собраны и изданы И. И. Дмитриенко. Т. II. СПб., 1896. С. 236.
14. *Скальковский А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. - 3-е изд. - Одесса. 1885–1886. С. 52, 53.
15. *Сушицкий Б.* Одесса: история написанная столетиями. - Одесса. 2005. С.29.
16. *Эварицкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. 1. СПб., 1892. С.292–294.

© 2008 г., В. В. Нагаевский

СВЯЗЬ СИМВОЛОВ УКРАИНСКОГО КАЗАЧЕСТВА И СИМВОЛОВ В ГЕРБАХ И НА ФЛАГАХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Сегодня наблюдается активное противостояние ряда украинских организаций и партий против России и такое же негативное отношение ряда российских политиков относительно Украины, стоящих либо на имперских позициях, либо высказывающих своё нетерпение ко всему украинскому и не желающим принять украинцев таковыми какими они есть, со своей историей, культурой, традициями, привязанностями. Но простые граждане, как России, так и Украины считают себя близкими, родными, как по крови, так и по духу. Особенно тяжело воспринимаются эти распри на Кубани.

Значительная часть Краснодарского края была заселена украинцами и их потомками, и это не только те населённые пункты, куда были переселены черноморские (запорожские) казаки по указу императрицы Екатерины II. Это и населённые пункты, куда пожелали переселиться крестьяне из малороссийских губерний (больше всего из Черниговской, Полтавской и Харьковской) пожелавшие стать казаками как черноморскими, так и линейными. Наряду с этим часть казаков расформированного Екатеринославского казачьего войска вошла в Кавказское Линейное казачье войско, а азовские казаки были распределены уже

по полкам вновь образованного Кубанского казачьего войска. И все вновь прибывающие на Кубань несли с собой культуру, традиции и символы из тех мест, где жили, тех казачьих объединений, в состав которых входили ранее. Память об этих символах прошла с людьми через столетия, через ломку устоев, через времена забвения, сквозь различные тяжёлые периоды, когда человек думал, как выжить, как прокормить семью. И сегодня эти символы стали отражаться в новых гербах и на флагах различных муниципальных образований Краснодарского края.

Говоря непосредственно о символах, привнесённых на Кубань из Украины (Малороссии) и в частности от Войска Запорожского и иных казачьих формирований, существовавших на территории Украины и используемых в гербах муниципальных образований Краснодарского края, необходимо, прежде всего, перечислить хотя бы основные из них.

Ещё в первых письменных упоминаниях о казачестве говорится, что они (казаки) всегда были носителями и защитниками христианской веры и особенно православия. Поэтому не удивительно, что изображение креста является одним из самых основных и почитаемых символов. В старых городах и местечках Украины, а также и в современных населённых пунктах изображение креста также часто встречается и является почитаемым.

Но крест может быть различной формы. У казаков поднепровских, запорожских, черноморских, екатеринославских, азовских, а также реестровых на куренных значках, знамёнах, печатях и в гербах использовался в основном крест с расширенными концами (рис. 33), называемый иногда лапчатым, встречался реже и прямой равносторонний крест (рис. 34). Чаще цвет креста был золотой (жёлтый) или серебряный (белый), но встречался также крест с расширенными концами пурпурного (малинового) цвета, а у екатеринославских казаков данная форма креста использовалась иногда в зелёном цвете.

Прямой равносторонний крест в основном был серебряным и реже золотым. Кресты же иной формы – шести- и восьмиконечные использовались крайне редко.

Изображение креста символизирует не только христианские добродетели, но отвагу, мужество, заслуги. Недаром форма креста с расширенными концами часто используется в наградной системе многих стран.

Христианские святыни и символы всегда почитались казаками, наряду с крестами часто использовались и символы Богородицы – покровительницы и защитницы казаков. Это, прежде всего полумесяц перевёрнутый рогами вверх в сочетании с крестом стоящем или на самом полумесяце, или над ним. Между рогами полумесяца также помещалась шестиконечная, реже восьмиконечной звезда – ещё один символ богородицы. Звезда чаще всего в сочетании с полумесяцем использовалась одна. В этом случае и полумесяц и звезда были чаще серебряные (белые), реже золотые (жёлтые). В случае когда использовались звёзды самостоятельно, то их изображали по три звезды. Если звезда изображалась на белом или жёлтом поле герба или полотнище куренного знака, флага, то цвет звезды был синим (голубым) (рис. 7; 8; 19).

Полумесяц рогами вверх использовался в намерении бунчуков – знак ставки, символ атамана в походе, принадлежал войсковому соединению, в походе и в бою следовал за командующим (рис 15; 25; 26). В мирное время хранился в церкви, выносился только по праздникам как подтверждение его значимости и

присутствия атамана. В армии часть функции бунчука унаследовали полковые и именные штандарты.

В настоящее время часто можно встретить в публикациях, что полумесяц использовался потому, что в среде казаков было много мусульман, а они были веротерпимыми – это глубочайшее заблуждение, связанное с непониманием символов христианства. Ведь и сегодня на христианских храмах можно видеть изображение полумесяца под крестом. И данное изображение полумесяца ничего общего не имеет ни с исламом, ни с зависимостью от Турции или иного государства, где используется данный символ.

Синий (голубой) цвет – это ещё один символ Богородицы, который часто встречается в куренных значках запорожских казаков.

Евангелие – священное писание христиан, изображается в виде закрытой книги с крестом на титульном листе (рис. 26).

Цвет много играл в жизни казаков. У каждого из казачеств были свои определяющие цвета. Для запорожских казаков – малиновый, для донских, азовских, линейных – синий (голубой); для екатеринославских – зелёный. Но эти цвета не являлись догмой. Всеми казаками почитался также красный и белый цвета.

На известных нам войсковых знаменах времен Освободительной войны украинского народа XVII века были изображены кресты, полумесяцы, звёзды – традиционная символика, отражающая идею защиты родной земли. Среди знамен Черниговского полка выделяется красное с нарисованным св. Георгием – вероятно, знак высшего ранга.

После 1654 года постепенно меняется назначение и роль казачьего войска в жизни Украины. Это отразилось и на боевых знаменах, которые под влиянием знамен российской армии XVIII столетия стали упорядочиваться.

Помимо традиционных крестов, полумесяцев, звёзд на казачьих знаменах со временем появляются изображения святых, их символы (рис. 2; 6; 11), так называемая «арматура» – композиции из предметов войскового снаряжения – на поле голубого цвета разных оттенков. Встречаются цвета зелёный и жёлтый, а на рисунках арматуры видим малиновые стяги. В 50–60 годы XVIII столетия сложилась установившаяся система изображений на полковых и сотенных знаменах: государственный (российский) двуглавый орел; «казак с мушкетом» (Лубенский полковник Кулябка называл его «национальным гербом»).

Известно, что каждый запорожский полковник должен был сотворить знамя – символ своего достоинства. Когда он оставлял должность, знамя передавалось в курень, к которому этот казак принадлежал. Судя по надписям на корогвах, изготовление их опекалось также иными казачьими старшинами – кошевыми атаманами, войсковыми судьями, есаулами и т.д.

Ещё во времена Речи Посполитой установился обычай, когда клейноды – атрибуты власти и достоинства – давались казачьему войску польскими королями, позже – российскими царями. Иногда запорожцы сами просили у царя клейноды, часто «в обход» гетмана. Войско Запорожское получало войсковые знамена в 1708, 1736, 1743, 1763 годах. В последних трёх случаях эти знамена были жёлтыми с белой каймой по периметру (рис. 28).

Как сообщает в «Истории запорожских казаков» Д. И. Яворницкий, «знаменем, хоругвью, или корогвой, и флагом называлось шелковое ярко-красного цвета полотнище с изображением на нем посредине или белого польского орла, когда запорожцы были за польским королем, или двуглавого российского орла, когда запорожцы перешли к московскому царю, а по бокам – Спасителя и Архангела Михаила». По другим источникам, на небольшой корогве XVIII столетия изображался с одной стороны Архангел Михаил, с другой – белый крест с золотым солнцем, полумесяцем и звездами.

И сегодня Архангел Михаил и ангелы хранители почитаются на Кубани и их изображение, и изображенные их символы используется в территориальной символике края (рис. 2; 6). В коллекции Эрмитажа сохранилась большая корогава для морских походов. С одной стороны на ней двуглавый орел, с другой – корабль с запорожцами, Спаситель и Архангел Михаил. Рисунки с этой корогвы использовал И. Репин в картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

Традиции запорожцев длительное время сохранялись в Черноморском казачьем войске (созданное в 1787 году из казаков Новой Сечи, оно в 1860 г. вошло в состав Кубанского войска). 27 февраля 1788 года Екатерина II пожаловала черноморцам войсковое знамя и 7 разноцветных куренных значков. Полученные 24 февраля и 30 марта 1803 года от Александра I знамена были двухцветными: 6 – оранжево-синие, 6 – сине-оранжевые.

Кроме христианских символов у казаков, в том числе и у украинских (поднепровских) применялись и символы власти. Это были символы как гражданской, так и воинской власти. Принадлежали они казачьей общине, передавались вместе с символами атаманства. Хранились у очередного атамана или в атаманском правлении.

Булава, пернач – символ военной власти, которой наделяется атаман (у запорожцев – кошевой атаман или гетман) (рис. 1; 18; 26; 29).

Насека – посох с металлическим навершием, на котором первоначально «насекались» имена атаманов, владевших насекой. Символ гражданской власти атаманов всех степеней (рис. 26; 29).

Бунчук – знак ставки, символ атамана в походе, принадлежал войсковому соединению, в походе и в бою следовал за командующим. В мирное время хранился в церкви, выносился только по праздникам как подтверждение его значимости и присутствия атамана (рис. 15; 25; 26). В армии часть функции бунчука унаследовали полковые и именные штандарты.

Знамя – символ полкового, войскового объединения, святыня, за которую казак обязан биться не щадя жизни, не допуская его оскорбления или осквернения. Первоначально у казаков было символом договора на выполнение каких-либо обязательств с иностранными государями. После выполнения таких обязательств знамя поступало в собор или церковь, выполнявших роль музея (рис. 28).

К символам также относятся и оружие казаков, предметы быта, одежды, указывающие на принадлежность казака к тому или иному казачьему объединению (рис. 5; 16; 22; 27; 32):

Сабля – обычно украшенная, старинная – тоже один из символов атаманства. Лично ему не принадлежала, а была у него на хранении на время правления. Могла храниться в церкви и надеваться на круги и по праздникам.

Сабля также являлась символом храбрости, воинской доблести, казачьей лихости и удалства (рис. 26).

Шашка (первоначально сабля) – символ всей полноты прав казака, также означала, что он обладает паевым земельным наделью. Вручалась казаку стариками в 17 лет (за особые заслуги раньше), без темляка. Позже, в 21 год при отправке на службу казак получал погоны, кокарду и темляк. В церкви, в момент слушания евангелия, шашка обнажалась наполовину, что означало готовность казака стать на защиту христианства. Сохранялась в семье на видном месте. Передавалась от деда к внуку, когда старик терял силы и менял шашку на посох. На Кругу голосовали шашками. Не обладающий полноправием шашку носить не смел. По решению Круга казак мог быть лишен права ношения оружия на определённый срок. Следующим наказанием было исключение из станицы и казачества.

Нагайка – знак есаула и приставов на Кругу. В повседневной жизни – знак власти полноправного строевого казака. В некоторых станицах (куренях) нагайку разрешалось носить только женатым. Дарилась зятю тестем на свадьбе и висела в курене на левом косяке двери в спальню. Как знак полной покорности и уважения, могла быть брошена к ногам уважаемого гостя или старика, который был обязан её вернуть, а бросившего расцеловать. Если старик через нагайку переступал, это означало, что покорность ему не угодна, и обида или грех провинившегося не прощены.

Чернильница – знак писаря. Медная с ушками, носилась привязанной к поясу. В XIX в., когда писарей стали нанимать, исчезла из обихода. На смену этому знаку пришла книга.

Книга – тетрадь для записей в твердом кожаном переплете. Во время работы Круга каждый член атаманского правления должен был держать свою тетрадь. Главная тетрадь, т.н. атаманское писание или Закон, была собранием протоколов, где в случае спора можно было отыскать юридический прецедент. Все охранялись в атаманском правлении и архиве.

Одежда, в том числе и форменная.

Шапка шилась по специальному образцу. Первоначально – «клобук со шлыком», папаха – знак получения казаком юридического полноправия. Снималась во время молитвы, присяги и выступлений перед казаками. Шапка, сбитая с головы, была вызовом на поединок. В курене красовалась на видном месте. В доме главы лежала под иконой, что означало, что семья находится под защитой Бога и общины.

Позже на Кубани потомки запорожцев, соприкасаясь с черкесами, переняли у них и более удобное оружие – шашку, черкеску и иную одежду, впоследствии утверждённой императором как форменная.

Одним из символов казачества, в том числе и запорожских и их потомков на Кубани – это **сторожевые казачьи вышки** (рис. 3; 4; 7; 21), изображения различных укреплений (рис. 4; 6; 15; 20).

Наряду с иными символами особняком выступало изображение подковы символизировавшего удачу, счастье, говорящую о том, что владелец этого символа уважаемый человек – либо кузнец, либо владелец табуна лошадей (рис. 14; 18).

Немного позже стали появляться в казачьей среде среди символов и изображения самих коней – верного друга казака в бою (рис. 4; 5; 22; 31; 32).

Особое почитание среди казаков имели гордые и величественные птицы – **соколы и орлы**, изображений которых в территориальных гербах края множество (рис. 4; 5; 25; 31).

В настоящее время радуется то, что жители населённых пунктов, их представители в районных и поселенческих Советах воспринимают эти символы положительно и гордятся ими. Используются при этом практически все выше перечисленные символы.

Список иллюстраций:

- Рис. 1. – Атаманское сельское поселение Павловского р-на;
- Рис. 2. – Архангельское сельское поселение Тихорецкого р-на;
- Рис.3. – Ахметовское сельское поселение Лабинского р-на;
- Рис. 4. - Каладжинское сельское поселение Лабинского р-на;
- Рис. 5. - Отваженское сельское поселение Лабинского р-на;
- Рис. 6. - Лабинское городское поселение Лабинского р-на;
- Рис. 7. - Чамлыкское сельское поселение Лабинского р-на;
- Рис. 8. - Бесскорбинское сельское поселение Новокубанского р-на;
- Рис. 9. - Ляпинское сельское поселение Новокубанского р-на;
- Рис. 10. - Новомалороссийское сельское поселение Выселковского р-на;
- Рис. 11. - Павловский район;
- Рис. 12. - Казанское сельское поселение Кавказского р-на;
- Рис. 13. - Краснопольское сельское поселение Динского р-на;
- Рис. 14. - Старомышастовское сельское поселение Динского р-на;
- Рис. 15. - Южнокубанское сельское поселение Динского р-на;
- Рис. 16. - Пластуновское сельское поселение Динского р-на;
- Рис. 17. - Динское сельское поселение Динского р-на;
- Рис. 18. - Кавказское сельское поселение Кавказского р-на;
- Рис. 19. - Новорождественское сельское поселение Тихорецкого р-на;
- Рис. 20. - Крымское городское поселение Крымского р-на;
- Рис. 21. - Сергиевское сельское поселение Кореновского р-на;
- Рис. 22. - Ленинградский р-н;
- Рис. 23. - Славянский р-н;
- Рис. 24. - Апшеронский р-н;
- Рис. 25. - Краснодарский край;
- Рис. 26. - Кубанское казачье войско (проект герба);
- Рис. 27. - г. Краснодар;
- Рис. 28. - Выселковский р-н;
- Рис. 29. - Брюховецкий р-н;
- Рис. 30. - Динской р-н;
- Рис. 31. - Белореченский р-н;
- Рис. 32. - Красноармейский р-н;

Гербы муниципальных образований Краснодарского края

рис 1

рис 2

рис 3

рис 4

рис 5

рис 6

рис 7

рис 8

рис 9

рис 10

рис 11

рис 12

Гербы муниципальных образований Краснодарского края

рис13

рис 14

рис 15

рис16

рис17

рис18

рис 19

рис20

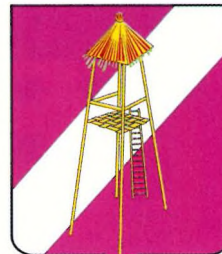

рис21

рис22

рис23

рис24

рис 25

рис 26

Гербы муниципальных образований Краснодарского края

рис 27

рис 28

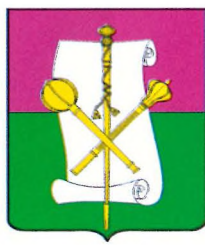

рис 29

рис 30

рис 31

рис 32

Формы крестов

рис 33

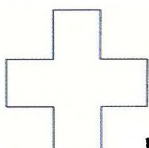

рис 34

рис 35

П. Реутов (Киев) и Ю. Работин (Одесса). Краснодар, 16 марта 2008 г.

Посадка вербы у памятника Т. Шевченко. Слева направо: П. Реутов, В. Захарченко, С. Осецкий. Краснодар, 16 марта 2008 г.

Председатель Одесской региональной организации журналистов Ю.А. Работин вручает В.Г. Захарченко памятную медаль лауреата конкурса «Українська мова – мова єднання козацької держави». 16 марта 2008 г.

Концерт Кубанского казачьего хора, посвященный
70-летию В. Г. Захарченко

ШЕВЧЕНКИАНА В КОЛЛЕКЦИИ КУБАНСКОГО УКРАИНОВЕДА В. К. ЧУМАЧЕНКО

Несколько лет назад в Краснодарском государственном университете культуры и искусств состоялся юбилейный вечер, посвященный 190-летию со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко. В ходе его подготовки организаторы столкнулись с неожиданной проблемой: нехваткой достаточного количества книг поэта в краснодарских библиотеках, которые одновременно потребовались для выставки, разучивания стихов чтецами и для подготовки студенческих докладов. Оказалось, что, например, в Краснодарской краевой научной универсальной библиотеке имеются только разрозненные тома из собрания сочинений Шевченко на русском языке. И совсем не оказалось его книг на языке оригинала. Это удивительно, так как в 20-е – начале 30-х годов в старейшей кубанской библиотеке был целый отдел украинской литературы, носивший имя Кобзаря. В нём на самом почётном месте были представлены многие уникальные издания Тараса Григорьевича. Дореволюционные печатные каталоги библиотеки также свидетельствуют, что книги великого украинского поэта были широко представлены в её фондах, причем, как правило, на украинском языке, который хорошо знали кубанцы. Но прошли годы и даже ведущие кубанские библиотеки безвозвратно утратили свои шевченковские фонды.

А между тем и сегодня в Краснодаре есть дом, в котором успешно создается и постоянно пополняется прекрасная коллекция Шевченкианы. Её собирает профессор литературы Краснодарского государственного университета культуры и искусств В. К. Чумаченко. Тема Т. Г. Шевченко избрана им не случайно. Виктор Кириллович является автором многих научных и публицистических статей по шевченковедению [3], входит в авторский коллектив четырехтомной «Шевченковской энциклопедии», которая готовится к изданию в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко в Киеве, статья о нём как о шевченковеде имеется в энциклопедическом словаре «Тарас Шевченко и Крым» [4].

Основу краснодарской коллекции Шевченкианы составляют издания «Кобзаря» разных лет. Ученый отдаст предпочтение наиболее примечательным экземплярам. Это, в первую очередь, дореволюционные «Кобзари», книги, вышедшие в эмиграции, переводы произведений Т. Шевченко на языки народов мира. Вторую значительную часть коллекции составляют книги о Т. Г. Шевченко. Третью часть кубанской Шевченкианы образуют материалы, представляющие собой органичное и важное дополнение ко всей коллекции. В ней сосредоточены художественные альбомы с репродукции Шевченко-художника, фотоальбомы шевченковских мест Украины и России, почтовые конверты и открытки с шевченковской символикой, ноты музыкальных произведений на стихи Шевченко, пластинки, значки, марки, монеты. Здесь тоже имеются уникальные дореволюционные экземпляры, а также реликвии, принадлежавшие в прошлом видным представителям кубанской и украинской эмиграции.

Коротко познакомлю Вас с наиболее интересными экспонатами коллекции, прежде всего, с книгами.

Как известно, первое издание «Кобзаря» вышло в Петербурге весной 1840 года в типографии Е. Фишера на средства П. Мартоса. Разумеется, этого издания в коллекции профессора Чумаченко нет, его заменяет фототипия неподцензурного экземпляра издания 1840 года, которое собирается в отделе редких книг Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. Это фототипическое издание позволяет сегодня любому желающему увидеть, как выглядела первая книга Т. Г. Шевченко и какие именно произведения в нее вошли.

Зато в коллекции В. К. Чумаченко имеются другие издания «Кобзаря» которыми могли бы гордиться многие академические библиотеки. И самое ценное из них – это «Кобзарь», изданный в типографии Императорской Академии наук в 1867 году на средства Д. Е. Кожанчикова. Русский книгоиздатель Дмитрий Ефимович Кожанчиков (1819–1877) имел в Петербурге собственный книжный магазин, который служил местом встреч для литераторов, художников, артистов, журналистов и ученых, близких журналу «Современник». Шевченко познакомился с ним после возвращения из ссылки. В 1859 году у Кожанчикова возникла идея издать книгу поэта, но помещала цензура. Замысел удалось осуществить лишь в 1867 году, когда и вышел самый полный на то время «Кобзарь». Экземпляр из библиотеки В. К. Чумаченко прекрасно сохранился. Его украшает великолепная литогравиюра Н. Брезе.

Следующее уникальное издание из коллекции профессора Чумаченко – это «Поезні Тараса Шевченка», вышедшее в 1867 году во Львове в типографии им. Оссолинских на средства Корнило Сушкевича (1840–1885). Любопытна личность человека, издавшего на свои личные средства двухтомник поэта. Он был одним из основателей общества «Просвіта», Научного общества имени Шевченко и Русского педагогического общества Галичины.

Коротко назовем некоторые другие дореволюционные издания «Кобзаря» из краснодарской коллекции. Это петербургское издание 1883 года, киевское издание 1894 года издателя К. М. Гамалея, издание «Кобзаря», осуществленное редакцией журнала «Киевская старина» в 1899 году, знаменитое издание «Кобзаря» 1908 и 1911 года под редакцией Василия Николаевича Доманицкого (1877–1910). Это второе и третье переиздания выполненного им же полного «Кобзаря», вышедшего 1907 году в Петербурге. Долгое время книга, подготовленная Доманицким, была образцом для всех последующих изданий поэта. На титульном листе издания 1908 года указано, что оно осуществлено «Обществом имени Т. Г. Шевченко для вспомоществования нуждающимся уроженцам Южной России, учащимся в высших учебных заведениях С.-Петербурга» и «Благотворительным Обществом издания общепользных и дешевых книг». Но примечателен этот экземпляр «Кобзаря» другим. А именно тем, что на нем стоит печать личной библиотеки выдающегося украинского писателя Филиппа Капельгородского, жизнь и творчество которого тесно связаны с Кубанью. Здесь начиналась его революционная, педагогическая и литературная деятельность. В нашем крае происходит действие его главного романа «Аш-хаду». Как известно, писатель трагически погиб в годы сталинских репрессий, поэтому

уцелевший из его библиотеки «Кобзарь» настоящая библиографическая редкость.

Разумеется, в коллекции В. К. Чумаченко имеется большое количество «Кобзарей», изданных на украинском языке в советское время. Поскольку он выходил в годы советской власти сотни раз, ставить целью собрать их все в рамках частной библиотеки невозможно. Поэтому акцент сделан на уникальные в своем роде издания. Например, в собрании хорошо представлены академические юбилейные «Кобзарии» 1930–1960-х годов, проиллюстрированные лучшими художниками советской эпохи. Особо коллекционер ценит 4-й том Полного собрания сочинений Тараса Шевченко 1927-го года, в котором опубликованы «Щоленні записки» («Журнал») – его полный текст первоначальные варианты, комментарии. Это собрание сочинений никогда не было завершено, а многие члены редколлегии и рабочей группы были вскоре репрессированы. По-существу репрессированной оказалась и сама книга, так как сохранились лишь её экземпляры, попавшие в спецхраны и частные библиотеки. Краснодарский экземпляр был приобретен на местном книжном развале и несёт на себе следы варварского отношения к такого рода книгам, практиковавшегося в годы тоталитаризма. Так, фамилии репрессированных ученых, участвовавших в подготовке издания, в ней густо закрашены чернилами.

По-своему интересен «Кобзарь» 1930 года, выпущенный Институтом Тараса Шевченко под редакцией И. Айзенштока и М. Плевако в Киеве. Книга издана на дешевой газетной бумаге, цветная обложка выполнена в жанре лубка. В библиотеке Чумаченко имеются 2 экземпляра данного издания. Оба они дороги нынешнему владельцу. Первый из них принадлежал краснодарскому учителю Моиссенко, который в начале 1930-х годов преподавал у нас в городе украинский язык. Он хорошо сохранился, так как, видимо, к нему очень бережно относился хозяин, ушедший из жизни совсем недавно почти в столетнем возрасте. Второй экземпляр книги наоборот безжалостно разрисован детскими каракулями и «украшен» переводными картинками. Он интересен тем, что принадлежал когда-то студенту Краснодарского украинского педагогического института Бабичу, который иногда печатался в краснодарских украиноязычных газетах 1920-х годов. На титульной страничке содержится призыв владельца к неизвестным детям беречь эту книгу, так как «за нее его будут ругать». Как сказано выше, эта просьба книгу не спасла. Но именно этим призывом она и интересна. Ведь написан он на говоре казаков станицы Пашковской и далёк от литературного украинского языка. Эта надпись сама по себе – памятник уходящей кубанской мове.

Из зарубежных изданий «Кобзаря» интересно канадское юбилейное издание 1960 года и выпущенное в том же году канадско-американское издание. Оба они вышли под грифом Украинской Вольной академии наук и Института украинизма. Вторая книга примечательна подробнейшими комментариями, рассчитанными на эмигрантскую молодежь, плохо знакомую с реалиями жизни на Украине шевченковской поры.

Замечательна подборка изданий на русском языке. Например, «Кобзарь» 1911 года в переводах русских писателей, выпущенный Обществом любителей Российской словесности, доход от которого поступил «на памятник Шевченко». Или «Кобзарь» в переводах И. А. Белоусова, изданный в Москве в 1919 году. В

его же переводах вышел представленный в коллекции «Запретный Кобзарь» 1922-го года. В 1934 году в Ленинграде отпечатан «Кобзарь» в переводах старейшего русского символиста Федора Сологуба, умершего в 1927 году.

Нельзя не назвать и лучшие книги о Т. Г. Шевченко. Украшением коллекции профессора В. К. Чумаченко является труд Александра Конисского «Жизнь украинского поэта Тараса Григорьевича Шевченка». Он отпечатан в Одессе в 1898 году. Книга богато иллюстрирована. Именно в ней Виктор Кириллович обнаружил неизвестный до того портрет друга Кобзаря, кубанского атамана и писателя Якова Кухаренко. Во Львове в 1918 года вышло исследование Ивана Стещенко «Життя і творчість Тараса Шевченка». В 1949 году в немецком Аугсбурге появилась на свет брошюра Леонида Билецкого «Тарас Шевченко в Яготині». В 1955 году Научным обществом имени Шевченко выпущена многократно переиздававшаяся затем книга Павла Зайцева «Життя Тараса Шевченка» (Париж-Нью-Йорк-Мюнхен) – лучшая биография поэта, созданная в эмиграции. Это же научное общество выпустило в 1965 году труд академика Степана Смаль-Стоцкого «Т. Шевченко. Інтерпретації» (Нью-Йорк-Париж-Торонто) и юбилейный сборник статей «Світи Тараса Шевченка» 1991 года (Париж-Сидней-Торонто-Львов). Привлекает внимание сборник «Батькові Тарасові – батько Союзу», изданный по инициативе Украинского национального союза в Нью-Йорке в 1989 году. В нем опубликован очерк писателя Петра Озарченко «Щирий приятель Тараса Шевченка (Памяти генерал-майора Якова Кухаренко)». Автор – давний знакомый профессора В. К. Чумаченко.

Закончить обзор книжной части замечательной коллекции кубанского ученого хочу упомянув о еще одной уникальной книге – «„Заповіт“ мовами народів світу», изданной в Киеве в 1969 году. В ней знаменитое стихотворение Т. Шевченко напечатано на 147 языках мира, в том числе на очень редких. Подарила книгу собирателью кубанской Шевченкианы одна из ее переводчиц, краснодарская журналистка Виктория Ильинична Багинская, которая переложила «Заповіт» на крымчакский язык и которая является единственным его носителем на Кубани.

Собрание В. К. Чумаченко столь значительно, благодаря энтузиастам из различных уголков мира, заинтересованных в том, чтобы слово Кобзаря по-прежнему звучало на Кубани. Их имена учёный с благодарностью называет в своих публикациях [2], регулярно информирующих читателей единственной на Кубани украинской газеты «Вісник» о новых поступлениях в коллекцию. Самым последним значительным вкладом в Шевченкиану В. К. Чумаченко на момент написания данного доклада стал портрет Т. Г. Шевченко, написанный в 1920-е годы украинским художником из Золотоноши Федором Никитовичем Лукьяненко. Портрет принадлежал его брату Евстафию Никитовичу Лукьяненко (1897–1983), многие годы проработавшему учителем русского языка и литературы в хуторе Куликовском, а в послевоенные годы – в средней школе № 12 ст. Ленинградской. После его смерти портрет хранился у его сына Ивана Евстафьевича. Потом он несколько лет висел в редакции ленинградской районной газеты «Степные зори». В марте 2008 году, портрет, требующий профессиональной реставрации, был подарен ленинградским краеведом и журналистом В. В. Тёром владельцу шевченковской коллекции [5].

Собирание любой коллекции имеет смысл только в том случае, если уникальные предметы материальной и духовной культуры становятся в конце концов достоянием общества. Как нам стало известно, свою коллекцию профессор В. К. Чумаченко планирует представить широкой кубанской публике в дни 150-летия со дня смерти поэта (2011 год) и 200-летия со дня рождения Кобзаря (2014 год). Правда, пока остается открытым вопрос: захочет ли к тому времени какое-либо краснодарское культурно-просветительное учреждение выставить это уникальное собрание в своих стенах хотя бы на время. Ведь Литературный музей Кубани, располагавшийся в бывшем доме друга Т. Г. Шевченко атамана Я. Г. Кухаренко, где такая выставка смотрелась бы органично, находится на капитальном ремонте, и все обещанные сроки его завершения прошли [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грушевский Д.* Шевченкиана профессора Чумаченко // Душа моя. -2008. - № 5. - Май. - С. 10.
2. “Ну що б. здавалося, слова...” // Вісник Товариства українців Кубані. - 2005. - № 1. - С. 2; Спасибо, друзья // Там само. - 2006. - № 4. - С. 8; Кубанська шевченкиана поповнюється // Там само. - 2007. - № 1. - С. 2 и др.
3. Поет і отаман (Т. Шевченко и Я. Кухаренко) // Київська старовина. - 1993. - № 1. - С. 105–110; Малоизвестные кубанские персоналии в переписке Я. Г. Кухаренко и Т. Г. Шевченко // Третьи кухаренковские чтения. - Краснодар, 1999. - С. 111–116; Забытый кубанский шевченковед // Третьи кухаренковские чтения. - Краснодар, 1999. - С. 142–150; Рецепция Т. Г. Шевченко в литературной традиции кубанских казаков // Психологические свойства современного исторического знания / Материалы II международного рабочего семинара по исторической психологии. - Краснодар, 2003. С. 190–197 и др.
4. *Рудницький Г.* Чумаченко Віктор Кирилович // Тарас Шевченко і Крим. Енциклопедичний довідник. - Сімферополь., 2001. - С. 275.
5. *Тёр В. В.* Портрет Тараса Шевченко // *Тёр В. В.* Газыри на казачьей черкеске. Ст. Ленинградская, 2008. - С. 87–88.

© 2008 р., С. І. Осецький

ПОРІВНЯЛЬНИЙ СКЛАД ДЕКОРАТИВНОЇ РОСЛИННОСТІ МАСИВІВ ЧОРНОГОРИ В УКРАЇНСЬКИХ КАРПАТАХ І ЧОРНОГОРИ НА ПІВНІЧНО-ЗАХІДНОМУ КАВКАЗІ

Лучна рослинність гір це досить пізніє утворення на нашій планеті, про що свідчать дані історичної геології. Головні високогірні лучні області, в тому числі на Кавказі і в Карпатах, утворились в Третинний період. коли на нашій планеті вже мільйони років шуміли ліси. В кінці цього періоду, грохи раніше, ніж

з'явилась людина, в горах почався стрімкий розвиток альпійської флори. В формуванні рослинних угруповань і розширенні меж високогірних луків велику роль відіграла коеволуція між видами різних трофічних рівнів, трав'янистими рослинами і копитними фітофагами.

В останній період післяльодовикової історії з'явився могутній фактор впливу – діяльність людини. З розвитком скотарства гірські луки використовуються як відгонні пасовища. З одного боку це сприяло збільшенню території луків, а з іншого-руйнуванню колишніх природних зв'язків.

На Кавказі зараз залишилось дуже мало таких луків, які не використовуються людиною. Проте на території Кавказького біосферного заповідника, куди входить плато Лагонакі, за останні 120 років людина не втручалась в натуральний хід розвитку луків, тому вони можуть вважатись еталоном природних взаємозв'язків.

Якщо ви в другій половині червня відвідасте альпійські луки Карпат чи Кавказу, то залишитесь закоханими в них на все життя. Після першої зустрічі знов і знов будете приїжджати до них, не перестаючи дивуватись мистецтву природи і, вражені в саме серце, приборкані магією квіткового багатства, будете дякувати Богові за те, що він відкрив вам цю красу.

Самим високим і барвистим в Українських Карпатах є Чорногорський масив або Чорногора, яка розташована в східній частині гір. Довжина його 40 км між долинами рік Чорної та Білої Тиси і Чорного Черемошу. Площа становить 900 кв. км. Його виділили в окремий флористичний район.

Найвищими з шести вершин – двохтисячників головного хребта Чорногори є Петрос (2090м), Говерла (2061м), Піп Іван (2022 м). Крім того ще 21 вершина має висоту понад 1700м.

Процес ґрунтоутворення проходить по буроземному типу; ґрунтам властива висока кислотність.

Абсолютна кількість видів флори Чорногори на сьогодні невідома, проте, на думку вчених, там зростає понад 1000 видів і підвидів судинних і вищих спорових рослин. На формування рослинного світу Чорногори, крім «арктоальпійців», які пов'язані з льодовиковим періодом, впливали також види з гірських систем Середньої і Південної Європи. Деякі дослідники вважають про тіснішу флористичну спорідненість масиву Чорногори з більш далекими Альпами, ніж з сусідніми Татрами.

Порівнюючи з іншими європейськими регіонами Українські Карпати ще можна рахувати непогано збереженими в натуральному стані, тому що, наприклад, в Татрах чи Альпах більша частина гірської території набула габітусу паркового ландшафту, значно втративши свій первородний вигляд.

Досить дивно, що і в Карпатах, і на Кавказі є однойменні масиви –Чорногори. Найбільш ймовірною версією походження цієї назви є те, що кожного ранку і вечора в сонячну погоду, коли сонце знаходиться низько над горизонтом і його промені освітлюють лише гребінь головного хребта, на протилежному боці гірських пасм неосвітлені схили особливо різко контрастують з вже освітленими вершинами і тому здаються темними і похмурими.

Карпатські і Кавказькі Чорногори по прямій знаходяться на відстані біля 1350 км.

Обмін флорою між нашими гірськими регіонами проходив в декілька етапів протягом Плейстоценової епохи (1,9–0,01 млн. років тому назад), коли клімат міжгірських рівнин був схожим з кліматом сучасної альпійської смуги. Передгірні рівнини в наш час є непрохідним кліматичним бар'єром для холодостійких

арктичних і альпійських видів, що підтверджується нашими невдалими спробами переселення в степову частину Краснодарського краю деяких представників високогірної плодової і декоративної флори, зокрема чорниці кавказької, рододендрону понтійського, тирличу безстеблового та молодила гірського. Тому, не дивлячись на тривалий період співіснування Карпат і Кавказу, спільних представників флори у них не так вже й багато.

Грунтотворчими породами на плато Лагонакі є вапняки, на яких розташовані легко- і середньо потужні, середньо-і сильно щербисті ґрунти потужністю 15–36 см. Рослинність плато не належить до єдиного типу і є комплексом субальпійських лук, субальпійського високотрав'я, чагарників рододендрону Кавказького і субальпійських ялівців. Найбільш багаті різнотравні луки: вони відрізняються складним флористичним складом і розвиваються в основному на мезопониженнях.

Місцезнаходження плато на межі двох кліматичних зон-помірної і субтропічної, а також близькість «Колхідських воріт» (пониження в головному Кавказькому хребті, через яке надходять маси теплого повітря з боку Чорного моря) створюють кліматичні умови сприятливі для формування різних рослинних угрупувань.

Поскільки пересічному відвідувачу гірських лук кидаються в очі перш за все гарно квітучі і декоративні рослини, то ми вирішили проаналізувати різницю у флорі обох гірських систем саме на їх прикладі.

Аналіз списку поданих рослин свідчить, що для обох гірських районів є спільними 65,7 % родів, але тільки 6,28 % видів.

В складі спільних видів знаходяться баранець звичайний, плаун колючий, плаун булавоподібний, аспленій зелений, аспленій рута постінна, багаторядник списоподібний, блехнум колосистий, льонолистник альпійський, мінуарція весняна Джерарда, гвоздика бородата скупчена, калюжниця багатопелюсткова, перстач золотистий, зніг альпійський, білозір болотний, однооквітка звичайна, незабудка альпійська, вероніка Баумгартена, дзвоники скупчені, крем'яник гарний, ллойдія пізня, цибуля переможна, косарики черепитчаті, пухівка піхвова, білинець комариний, траунштейнера куляста.

Всі перелічені нами види з Кавказу і Карпат можуть бути використаними в зеленому будівництві.

Крім того чимала кількість лагонакських альпійських рослин, які не ввійшли в список спільних для обох регіонів, також можуть бути використаними в декоративному садівництві, зокрема: псефеллюс колхідський, колючник звичайний (для сухих букетів), айстра альпійська, пупавки Сосновського, чорнообгортка та великоязичкова, котячі лапки дводомні (для рокаріїв), злишка гарна (для рокаріїв), мордовник круглоголовчатий, сугайник східний, королиця звичайна, кемуляріела кавказька, наголоватка павутиниста, оман соняшниковий та величавий, фіалка гірська та кавказька, тис ягідний, коров'як пірамідальний, вовчі ягоди звичайні, ломикамінь твердоногий, шолудивник темнопурпуровий, іглиця колхідська, ясенник абхазький, ірга круглолиста, цикламен весняний, аконіт носатий, синюха кавказька, бісторпа м'ясочервона, бор розлогий, трясунка Марковича і середня, та багато інших. Серед рідкісних і реліктових рослин Лагонак декоративними є: *Omphalodes lojkae* Somm et Levier, *Stachys diskolor* Benth. *Goodyera repens* (L.) R.Br., *Papaver orcoophilum* Rupr.

Представники високогірної трав'янистої гарноквітучої і декоративної флори масивів
Чорногори Північно-Західного Кавказу і Українських Карпат.

№	Російська назва видів	Українська назва видів	Чорно- гори Кавказу	Чорно- гора Карпат
1	Плаун баранець	Баранець звичайний	+	+
2	Плаун годинний	Плаун колючий	+	+
3	Плаун булавовидний	Плаун булавоподібний	+	+
4	Дифазіаструм альпійський	Плаун альпійський	-	+
5	Костенець волосовидний	Асплений волосоподібний	-	+
6	Костенець зелений	Асплений зелений	+	+
7	Костенець северний	Асплений північний	+	-
8	Костенець рута постенная	Асплений рута постінна	+	+
9	Листовник сколопендровий	Асплений сколопендровий	+	-
10	Многорядник копьевидный	Багаторядник списоподібний	+	+
11	Дербянка колосистая	Блехнум колосистий	+	+
12	Ива травянистая	Вербка трава яна	-	+
13	Ива туполистая	Вербка Кляйбелева	-	+
14	Ленец альпійський	Льонолистник альпійський	+	+
15	Горець змеяний	Гірчак зміїний	-	+
16	Горець альпійський	Гірчак альпійський	+	-
17	Горець живородячий	Гірчак живородний	+	-
18	Горець мясокрасный	Гірчак м'ясочервоний	+	-
19	Минюарция весенняя Заречного	Мінюарція весняна Джерарда	+	+
20	Минюарция Буша	Мінюарція Буша	+	-
21	Минюарция Бротера	Мінюарція Бротера	+	-
22	Минюарция черная	Мінюарція чорна	+	-
23	Минюарция красночашечная	Мінюарція червоначашечна	+	-
24	Минюарция черепитчатая	Мінюарція черепитчата	+	-
25	Минюарция черкесская	Мінюарція черкеська	+	-
26	Минюарция Биберштейна	Мінюарція Біберштейна	+	-

27	Мицурарія ациовидна	Мицурарія ациовидна	+	
28	Ясколка яскolkовая	Роговик роговиковий	-	+
29	Ясколка альпійська волосистая	Роговик альпійський шерстистий	-	+
30	Ясколка ключева	Роговик джерельний	-	+
31	Ясколка трештолбикова	Роговик трьохстовбчиковий	-	+
32	Ясколка кавказька	Роговик кавказький	-	+
33	Ясколка даурська	Роговик даурський	-	+
34	Ясколка хемшинська	Роговик хемшинський	-	+
35	Ясколка дерниста	Роговик дернинковий	-	+
36	Ясколка волосистолистова	Роговик волосистолістова	-	+
37	Ясколка пурпурна	Роговик пурпурна	+	+
38	Ясколка полиморфна	Роговик поліморфна	+	+
39	Смолевка поникаюча сомнительная	Смілка поникла сумнівна	-	+
40	Смолевка альпійська	Смілка альпійська	+	-
41	Смолевка Уолліча	Смілка Уолліча	+	-
42	Смолевка карпатська	Смілка карпатська	-	+
43	Геліосперма карпатська	Геліосперма карпатська	-	+
44	Смолевка двурядна	Смілка дводомна	-	+
45	Гвоздика бородата скученная	Гвоздика бородата скучена	+	+
46	Гвоздика карпатська	Гвоздика картузіанська субальпійська (карпатська)	-	+
47	—	Калантемум коріандролісний	-	+
48	Гвоздика оштенська	Гвоздика оштенська	+	-
49	Гвоздика Кузнцова	Гвоздика Кузнцова	+	-
50	Гвоздика імеритинська	Гвоздика імеритинська	+	-
51	Гвоздика душистая	Гвоздика духмяна	+	-
52	Гвоздикаскальная	Гвоздика скельна	+	-
53	Гвоздика кавказька	Гвоздика кавказька	+	-
54	Купальниця навьшшая	Купальниця найвища	-	+
55	Купальниця полуоткрытая	Купальниця напіввідкрита	+	-
56	Калужница болотная приятная	Калюжниця болотна приємна	-	+
57	Калужница многолепестная	Калюжниця багатолістова	+	+

58	Борец молдавский	Аконіт молдавський	-	+
59	Борец Хоста	Аконіт молдавський Госта	-	+
60	Борец Жакена	Аконіт Жакена	-	+
61	Борец метельчатый	Аконіт строкатий волотистий	-	+
62	Борец низкий	Аконіт низкий	-	+
63	Борец опушенный	Аконіт пухнастий	+	-
64	Борец ладьевидный	Аконіт човниковидний	+	-
65	Ветреница нарциссоцветная	Анемона нарцислиста	-	+
66	Ветреница лучковатая	Анемона лучковата	+	-
67	Ветреница видная	Анемона видатна	+	-
68	Прострел белый	Сон білий	-	+
69	Прострел золотистый	Сон золотистий	+	-
70	Прострел албанский	Сон албанський	+	-
71	Прострел фиолетовый	Сон фіолетовий	+	-
72	Ломонос альпийский	Ломиніс альпійський	-	+
73	Лютик шерстистый	Жовтець шерстистий	-	+
74	Лютик карпатский	Жовтець карпатський	-	+
75	Лютик татранский	Жовтець татранський	-	+
76	Лютик платанолистый	Жовтець платанолистий	-	+
77	Лютик байдарский	Жовтець байдарський	+	-
78	Лютик коротколопастный	Жовтець коротколопастний	-	-
79	Лютик Кавказский	Жовтець кавказський	+	+
80	Лютик толстолистый	Жовтець товстолистий	+	-
81	Лютик крупноцветковый	Жовтець великоkwітковий	+	-
82	Лютик Елены	Жовтець Олени	+	-
83	Лютик горный	Жовтець гірський	-	-
84	Лютик Родде	Жовтець Родде	+	+
85	Василистник водоборolistный	Рутвиця орнікolistа	-	+
86	Василистник вонючий	Рутвиця смєрдюча	+	-
87	Василистник малый	Рутвиця мала	+	-
88	Василистник триждытройчатый	Рутвиця тричтрійчатий	+	-
89	Сердечник Олица	Жєруха гірка Олиця	-	+

90	Молодило горнос				
91	Молодило кавказское		-		+
92	Очиток карпатский		-		+
93	Очиток альпийский		-		+
94	Очиток тонкий		+		-
95	Очиток тоненький		+		-
96	Очиток побегоносный		+		-
97	Очиток ложный		+		-
98	Очиток бледный		+		-
99	Очиток едкий		+		-
100	Очиток абхазский		+		-
101	Очиток кавказский		+		-
102	Раднопа розовая		+		+
103	Камнеломка метельчатая		-		+
104	Камнеломка звездчатая альпийская		-		+
105	Камнеломка моховидная		-		+
106	Камнеломка жестколистная		-		+
107	Камнеломка карпатская		-		+
108	Камнеломка кожистолит-ная		+		-
109	Камнеломка твердоногая		+		-
110	Камнеломка Сибирская		+		-
111	Камнеломка трехлопая		+		-
112	Камнеломка восходящая		+		-
113	Камнеломка хрящевидная		+		-
114	Камнеломка колхидская		+		-
115	Камнеломка нимвальная		+		-
116	Камнеломка можжевель-николлстная		+		-
117	Камнеломка мускусная		+		-
118	Шиповник повислый альпийский		-		+
119	Шиповник собачий		+		-
120	Шиповник щитконосный		+		-
121	Шиповник мягкий		+		-
	Молодило гірське				
	Молодило кавказьке		+		-
	Заяча капуста карпатська		-		+
	Заяча капуста альпійська		-		+
	Заяча капуста тонка		+		-
	Заяча капуста тоненька		+		-
	Заяча капуста пагононосна		+		-
	Заяча капуста несправжня		+		-
	Заяча капуста бліда		+		-
	Заяча капуста їдка		+		-
	Заяча капуста абхазька		+		-
	Заяча капуста кавказька		+		-
	Родіола рожева		-		+
	Ломикамінь волосистий		-		+
	Ломикамінь альпійський		-		+
	Ломикамінь мохоподібний		-		+
	Ломикамінь аїзоподібний		-		+
	Ломикамінь карпатський		-		+
	Ломикамінь шкрянолистий		+		-
	Ломикамінь твердоногий		+		-
	Ломикамінь сибірський		+		-
	Ломикамінь трьохлопий		+		-
	Ломикамінь висхідний		+		-
	Ломикамінь хрящуватий		+		-
	Ломикамінь колхідський		+		-
	Ломикамінь німвальний		+		-
	Ломикамінь ялівцеподібний		+		-
	Ломикамінь мускусний		+		-
	Шипшина поникла альпійська		-		+
	Шипшина собача		+		-
	Шипшина щитконосна		+		-
	Шипшина м'яка		+		-

122	Шиповник бедренцелистный	Шишина бедренцелистна	+	-
123	Шиповник войлочный	Шишина войлочна	+	-
124	Шиповник яблочный	Шишина яблучна	+	-
125	Дриада восьмилепестная	Дриада восьмилепесткова	-	+
126	Дриада кавказская	Дриада кавказька	+	-
127	Гравилат горный	Гравилат горський	+	+
128	Гравилат красный	Гравилат гарний	+	-
129	Гравилат речной	Гравилат річковий	+	-
130	Гравилат широколопастной	Гравилат широколопастний	+	-
131	Лялчатка золотистая	Перстач золотистий	+	+
132	Лялчатка Крацца	Перстач Крацца	+	-
133	Лялчатка высокая	Перстач високий	+	-
134	Лялчатка прижмостоящая	Перстач стрункий	+	-
135	Лялчатка холодная	Перстач холодний	+	-
136	Лялчатка чудесная	Перстач чудовий	+	-
137	Лялчатка Нордманна	Перстач Нордманна	+	-
138	Лялчатка прямая	Перстач прямий	+	-
139	Лялчатка Рупрехта	Перстач Рупрехта	+	-
140	Манжетка веерная	Приворотень вяловий	-	+
141	Манжетка туркулская	Приворотень туркульський	-	+
142	Манжетка крымская	Приворотень крымський	+	-
143	Манжетка серебристая	Приворотень сріблястий	+	-
144	Манжетка сечтатожилковая	Приворотень січтатожилковий	+	-
145	Манжетка перидская	Приворотень перидський	+	-
146	Манжетка прямоволосая	Приворотень прямоволосий	+	-
147	Манжетка твердая	Приворотень твердий	+	-
148	Манжетка кавказская	Приворотень кавказький	+	-
149	Манжетка остролопастная	Приворотень гостролопасний	+	-
150	Кизильник цельнолопдный	Кизильник цілокрай	-	+
151	Лядвенец рогатый	Лядвенець рогатий	-	+
152	Лядвенец кавказский	Лядвенець кавказький	+	-
153	Герань альпийская	Герань лісова альпійська	+	+

154	Герань холмовая	Герань пагорбова	+	-
155	Герань изящная	Герань витончена	+	-
156	Герань голостебельная	Герань голостеблова	+	-
157	Герань Роберта	Герань Роберта	+	-
158	Лен везлапушный	Льон багаторічний позапазушний	-	+
159	Лен зверобойнолистный	Льон зверобойнолистный	+	-
160	Лен жилковатый	Льон жилковий	+	-
161	Звербой альпийский	Звіробій альпійський	-	+
162	Звербой округленный	Звіробій круглолистий	+	-
163	Звербой горцелистный	Звіробій гірчаколистий	+	-
164	Звербой горный	Звіробій гірський	+	-
165	Звербой кавказский	Звіробій кавказький	+	-
166	Фиалка двухцветковая	Фіалка двоквіткова	-	+
167	Фиалка отклоненная	Фіалка відхилена	-	+
168	Фиалка полевая	Фіалка польова	+	-
169	Фиалка кавказская	Фіалка кавказька	+	-
170	Фиалка горная	Фіалка гірська	+	-
171	Фиалка высокогорная	Фіалка високогірна	+	-
172	Фиалка пиренейская	Фіалка піренейська	+	-
173	Фиалка вечерняя	Фіалка вечірня	+	-
174	Кипрей альпийский	Зніт альпійський	+	+
175	Кипрей мокричнолистный	Зніт мокричнолистний	-	+
176	Кипрей Домина	Зніт Доміна	-	+
177	Кипрей приальпийский	Зніт приальпійський	+	-
178	Кипрей болотный	Зніт болотний	+	-
179	Кипрей городчатолостный	Зніт городчатолистний	+	-
180	Кипрей холодный	Зніт холодний	+	-
181	Кипрей почконосный	Зніт бруньконосний	+	-
182	Кипрей жилковатый	Зніт жилкуватий	+	-
183	Астрация крупная	Астрація велика	-	+
184	Плеуросперм австрийский	Плеуросперм австрійський	-	+
185	Володушка длинночная	Ласкавець довголистий	-	+

186	Лигустик мутелиновий	Лігусник мутеліновий	-	+
187	Лигустик крылатый	Лігусник крилатий	+	-
188	Лигустик фиоопермолистный	Лігусник фіоопермолистий	+	-
189	Лигустик ладанный	Лігусник ладаний	+	-
190	Дягель аптечный	Дягель лікарський	-	+
191	Борщевик карпатский	Борщівник карпатський	-	+
192	Борщевик пальчатый	Борщівник європейський	-	+
193	Борщевик аконитолистный	Борщівник аконітолистий	+	-
194	Борщевик сельдереелистный	Борщівник селеролистий	+	-
195	Борщевик жесткий	Борщівник цупкий	+	-
196	Борщевик колхидский	Борщівник колхідський	+	-
197	Борщевик Мантегацци	Борщівник Мантегацці	+	-
198	Борщевик шероховатый	Борщівник шорсткий	+	-
199	Гладыш альпийский	Стеродуб Крайфа	-	+
200	Белозор болотный	Білозір болотний	+	+
201	Одноцветка крупноцветковая	Одноквітка звичайна	+	+
202	Рододедран восточнокарпатский	Рододедран Кочі	-	+
203	Рододедран желтый	Рододедран жовтий	+	-
204	Рододедран понтийский	Рододедран понтійський	+	-
205	Рододедран казахский	Рододедран кавказський	+	-
206	Лаузелеурия стелющаяся	Наскельниця лежача	-	+
207	Первоцвет полонинский	Первоцвіт високий полонинський	-	+
208	Первоцвет маленький	Первоцвіт дрібний	-	+
209	Первоцвет прелестный	Первоцвіт чарівний	+	-
210	Первоцвет Мейера	Первоцвіт Мейєра	+	-
211	Первоцвет Кузнецова	Первоцвіт Кузнецова	+	-
212	Первоцвет Рупрехта	Первоцвіт Рупрехта	+	-
213	Первоцвет ложновысокий	Первоцвіт несправновисокий	+	-
214	Первоцвет холодный	Первоцвіт холодний	+	-
215	Первоцвет ушковатый	Первоцвіт вухкуватий	+	-
216	Кортуза Маттиоли	Кортуза Mattheoli	-	+
217	Сольданелла венгерская	Сольданела угорська велика	-	+
218	Горечавка желтая	Тирлич жовтий	-	+

219	Горечавка точечная	Тирлич крапчастий	-	
220	Горечавка настовневая	Тирлич ваточковий	-	+
221	Горечавка разделная	Тирлич вільнопелюстковий	-	+
222	Горечавка бесстебельковая	Тирлич безстебловий	-	+
223	Горечавка реснигчатый	Тирличничок війчастий	-	
224	Горечавник желтоватый карпатский	Тирличничок жовтуватий карпатський	-	+
225	Горечавка Деши	Тирлич Деши	+	-
226	Горечавка водная	Тирлич водяний	+	-
227	Горечавка Джамильская	Тирлич Джамільський	+	-
228	Горечавка Оптенская	Тирлич Оптенський	+	-
229	Горечавка семинадрезанная	Тирлич семинадрізанний	+	-
230	Горечавка рассеченочашечная	Тирлич розсіченочашечний	+	-
231	Горечавка кавказская	Тирлич кавказька	+	-
232	Горечавка Выберштейна	Тирлич Біберштейна	+	-
233	Сверция альпийская	Сверція альпійська	-	+
234	Сверция грузинская	Сверція грузинська	+	-
235	Сверция точечная	Сверція крапчаста	-	+
236	Окопник сердцевидный	Живокіст серцеподібний	-	+
237	Окопник жесткий	Живокіст твердий	+	-
238	Окопник кавказский	Живокіст кавказький	+	-
239	Окопник крупноцветковый	Живокіст великоквітковий	+	-
240	Окопник крымский	Живокіст кримський	+	-
241	Окопник лекарственный	Живокіст лікарський	+	-
242	Незабудка альпийская	Незабудка альпійська	+	+
243	Тимьян альпийский	Чебрець альпійський	-	+
244	Тимьян холмовой	Чебрець пагорбовий	+	-
245	Тимьян майкопский	Чебрець майкопський	+	-
246	Тимьян монетный	Чебрець монетний	+	-
247	Наперстянка крупноцветковая	Наперстянка великоцвіта	-	+
248	Наперстянка реснейчатая	Наперстянка війчаста	+	-
249	Вероника Баумгартена	Вероніка Баумгартена	+	+
250	Вероника дубравная	Вероніка Діброва	+	-
251	Вероника горечавковидная	Вероніка тирличевидна	+	-

252	Вероника тонкобелая	Вероника тонкобелая	+	-
253	Вероника плещелистная	Вероника плещелистная	+	-
254	Вероника горная	Вероника гирська	+	-
255	Вероника цветоножковая	Вероника квітконожкова	+	-
256	Вероника мелкая	Вероника дрібна	+	-
257	Вероника кавказская	Вероника кавказька	+	-
258	Мытник Гакетта	Шолудивник Гакетта	-	+
259	Мытник Эдера	Шолудивник Едєра	-	+
260	Мытник муточчатый	Шолудивник кильчастий	-	+
261	Мытник темно-пурпуровый	Шолудивник темно-пурпуровий	+	-
262	Мытник кавказский	Шолудивник кавказський	+	-
263	Мытник густоцветный	Шолудивник щільноквітковий	+	-
264	Мытник Нордманна	Шолудивник Норманна	+	-
265	Мытник Сибторпа	Шолудивник Сіборпа	+	-
266	Мытник Вильгельмса	Шолудивник Вільгельмса	+	-
267	Валериана бузинолистная	Валериана бузинолиста	-	+
268	Валериана цельнолистная	Валериана цільнолиста	-	+
269	Валериана трансильванская	Валериана трансільванська	-	+
270	Валериана трехлисточковая австрийская	Валериана трилистокова австрійська	-	+
271	Валериана аल्पийская	Валериана часничколиста	+	-
272	Валериана альпийская	Валериана альпійська	+	-
273	Валериана сердечниколистная	Валериана серцевиколіста	+	-
274	Валериана колхидская	Валериана колхідська	+	-
275	Валериана горолюбивая	Валериана горолюбна	+	-
276	Валериана Еленевского	Валериана Єленєвського	+	-
277	Валериана лекарственная	Валериана лікарська	+	-
278	Валериана скальная	Валериана скельна	+	-
279	Скабиоза матовая	Скабіоза блискуча бородата	-	+
280	Скабиоза желто-белая	Скабіоза жовто-біла	+	-
281	Скабиоза кавказская	Скабіоза кавказька	+	-
282	Колокольчик раскидистый пихтовый	Дзвоник розлогі ялиневі	-	+
283	Колокольчик альпийский	Дзвоник альпійський	-	+

284	Колокольчик скученный	Дзвонники скупчені	+	+
285	Колокольчик пильчатый	Дзвонники ріпакоподібні	-	+
286	Колокольчик изменчивый	Дзвонники круглолисті мінливі	-	+
287	Колокольчик колокольчиночный	Дзвонники дзвоникові	+	-
288	Колокольчик Альбова	Дзвонники Альбова	+	-
289	Колокольчик несправильный	Дзвонники неправильні	+	-
290	Колокольчик Отрана	Дзвонники Отрана	+	-
291	Колокольчик Биберштейна	Дзвонники Биберштейна	+	-
292	Колокольчик Понтийский	Дзвонники понтійські	+	-
293	Колокольчик холмовый	Дзвонники пагорбові	+	-
294	Колокольчик черкесский	Дзвонники черкеські	+	-
295	Колокольчик расходящийся	Дзвонники розгалужені	+	-
296	Колокольчик клухорский	Дзвонники клухорські	+	-
297	Колокольчик широколистый	Дзвонники широколисті	+	-
298	Колокольчик продолговатолыстый	Дзвонники видовженолисті	+	-
299	Колокольчик ретчатовидный	Дзвонники ріпчатовидні	+	-
300	Колокольчик сарматский	Дзвонники сарматські	+	-
272	Колокольчик камеломка	Дзвонники ломикамeneві	+	-
273	Колокольчик щибеневый	Дзвонники щибеневі	+	-
274	Колокольчик Стевена	Дзвонники Стевена	+	-
275	Колокольчик Воронова	Дзвонники Воронова	+	-
276	Колокольчик молочноцветный	Дзвонники молочноквіткові	+	-
277	Фигеума шаровидная	Фігеума куляста	-	+
278	Золотарник альпийский	Золотушник звичайний альпійський	-	+
279	Золотарник кавказский	Золотушник кавказький	+	-
280	Эдельвейс альпийский	Білотка альпійська	+	+
281	Телекия прекрасная	Крем'яник гарний	-	+
282	Тысячелистник языколистый	Деревій язиколистий	-	+
283	Тысячелистник карпатский	Деревій карпатський	-	+
284	Тысячелистник серо-зеленый	Деревій сіро-зелений	+	-
285	Тысячелистник обыкновенный	Деревій звичайний	+	-
286	Пирейтрум Клузия	Пижмо щиткоподібне Клузія	-	+
287	Пирейтрум девичьелистый	Пижмо дівочолисте	+	-

288	Пиретрум черноголовниковый	Пижмо черноголовникове	+	
289	Пиретрум розовый	Пижмо рожеве	+	
290	Пиретрум Штарка	Пижмо Штарка	+	
291	Нивяник круглолистий	Королиця круглолиста	-	+
292	Нивяник Рациборского	Королиця Рациборського	-	+
293	Нивяник обыкновенный	Королиця звичайна	+	-
294	Белокопытник белый	Кремена біла	-	+
295	Белокопытник судетский	Кремена судетська	-	+
296	Аденостилес серолистный	Аденостилес сіролистий	-	+
297	Арника горная	Арніка гірська	-	+
298	Дороникум австрийский	Сугайник австрійський	-	+
299	Дороникум карпатский	Сугайник карпатський	-	+
300	Дороникум Клузия	Сугайник Клюзія волохатий	-	+
301	Дороникум крупнолистный	Сугайник великолистий	+	-
302	Дороникум восточный	Сугайник східний	+	-
303	Крестовник дубравный	Жовтозілля дубровне	-	+
304	Крестовник хохолковый	Жовтозілля чубкове	-	+
305	Крестовник субальпийский	Жовтозілля субальпійське	-	+
306	Крестовник карпатский	Жовтозілля бротанолісте карпатське	-	+
307	Крестовник оранжево-красный	Жовтозілля оранжево-червоне	-	-
308	Крестовник олиственный	Жовтозілля обліственне	+	+
309	Крестовник огненноязычковый	Жовтозілля вогненноязычкове	+	-
310	Крестовник клочковатый	Жовтозілля клоччасте	-	-
311	Крестовник двумысленный	Жовтозілля двозначне	+	-
312	Крестовник Коленати	Жовтозілля Коленати	+	-
313	Крестовник буро-желтый	Жовтозілля буро-жовтий	+	-
314	Крестовник Оттоны	Жовтозілля Оттоны	+	-
315	Крестовник ложновосточный	Жовтозілля несправжньо-східне	+	-
316	Крестовник плосколистный	Жовтозілля плосколисте	+	-
317	Крестовник крупнолистный	Жовтозілля великолисте	+	-
318	Колочник бесстебельный	Відкасилик безстебловий	-	+
319	Василек карпатский	Волошка фрігійська карпатська	-	+
320	Василек мармарошский	Волошка мармароська	-	+

321	Василек Фишера	Волошка Фишера	+	-
322	Василек наклоненный	Волошка нахилена	+	-
323	Василек подбеленный	Волошка підбілена	+	-
324	Василек черкесский	Волошка черкеська	+	-
325	Василек Буша	Волошка Буша	+	-
326	Василек седовато-желтый	Волошка сивувато-жовта	+	-
327	Апогерис воиочий	Апогерис смердючий	-	+
328	Прозанник одноцветковый	Поросинець Одноквітковий	-	+
329	Кульбаба шафранова	Любочки шафранові	+	+
330	Кульбаба ползучая	Любочки повзучі	-	-
331	Кульбаба шарообразная	Любочки шорсткі	+	-
332	Кульбаба кавказская	Любочки кавказькі	+	-
333	Кульбаба щетинисто-волосистая	Любочки щетинисто-волосисті	+	-
334	Одуванчик альпийский	Кульбаба альпійська	-	+
335	Одуванчик почечуйный	Кульбаба джрельна	-	+
336	Козелец розовый	Скорзонера цурпуроворожева	-	+
337	Цицербита альпийская	Цицербита альпійська	-	+
338	Цицербита какалитная	Цицербита какалістна	+	-
339	Цицербита крупнолистная	Цицербита великолістна	+	-
340	Цицербита Ольги	Цицербита Ольги	+	-
341	Цицербита кистевидная	Цицербита гронолісна	+	-
342	Скерда болотная	Скерда болотна	-	+
343	Скерда конизолистная	Скерда конізоліста	-	+
344	Скерда кавказская	Скерда кавказька	+	-
345	Скерда голая	Скерда гола	+	-
346	Скерда сибирская	Скерда сибірська	+	-
347	Ястребинка оранжево-красная	Нечуй-вітер оранжево-червоный карпатський	-	+
348	Ястребинка трансильванская	Нечуй-вітер трансільванський	-	+
349	Ястребинка альпийская	Нечуй-вітер альпійський	-	+
350	Ястребинка коническая	Нечуй-вітер конічний	+	-
351	Ястребинка румяноквидная	Нечуй-вітер синяковидний	+	-
352	Ястребинка обильноцветущая	Нечуй-вітер сяноквітковий	+	-
353	Ястребинка гигантская	Нечуй-вітер гігантський	+	-

354	Ястребинка длиннострелковая	Нечуй-вітер довгострілковий	+	-
355	Ястребинка волосистая	Нечуй-вітер волосистий	+	-
356	Ястребинка Шмалгаузена	Нечуй-вітер Шмалгаузієна	+	-
357	Ястребинка мелкобродавчатая	Нечуй-вітер бріблородавчастий	+	-
358	Ястребинка обычная	Нечуй-вітер звичайний	+	-
359	Ястребинка холмовая	Нечуй-вітер пагорбовий	+	-
360	Ястребинка Баутина	Нечуй-вітер Баутіна	+	-
361	Ястребинка золотистая	Нечуй-вітер золотистий	+	-
362	Чемерица белая	Чемериця біла	-	+
363	Чемерица Лобеля	Чемериця Лобеля	+	-
364	Ллойдия поздняя	Ллойдія пізня	+	+
365	Лилия лесная	Лілія лісова	-	+
366	Лилия Кессельринга	Лілія Кессельрінга	+	-
367	Лилия одностратвенная	Лілія одностратна	+	-
368	Лилия Шовица	Лілія Шовиця	+	-
369	Лук сибирский	Цибуля сибірська	-	+
370	Лук победный, черемша	Цибуля переможна	+	+
371	Лук черкесский	Цибуля черкеська	+	-
372	Лук Кунта	Цибуля Кунта	+	-
373	Лук круглый	Цибуля кругла	+	-
374	Лук щепнистый	Цибуля щепниста	+	-
375	Подснежник белоснежный	Підсніжник білосніжний	-	+
376	Шафран Гейфеля, крокус	Шафран Гейфеля	-	+
377	Шафран Шарояна	Шафран Шарояна	+	-
378	Шафран прекрасный	Шафран гарний	+	-
379	Шафран долинный	Шафран долиний	+	-
380	Шлажник черепитчатый	Косарик черепитчаті	+	+
381	Пушица влагалищная	Пухівка піхвова	+	+
382	Пушица узколистная	Пухівка вузьколиста	+	-
383	Кокушник комариний	Биллинець комариний	+	+
384	Левкорхис беловатый	Левкорхіс білуватий	-	+
385	Пальчатокоренник сердценосный	Пальчатокоріник серценосний	-	+
386	Пальчатокоренник Дюрвиля	Пальчатокоріник Дюрвіля	+	-

387	Пальчатокоренник саносунитский	Пальчатокорінник саносунітський	+	-
388	Пальчатокоренник черноморский	Пальчатокорінник чорноморський	+	-
389	Граунштейнера сферическая	Граунштейнера куляста	+	+
390	Цикламен весенний	Цикламен весняний	+	-
391	Истод альпийский	Китятки альпійські	+	-
392	Истод анатолийский	Китятки анатолійські	+	-
393	Истод большой	Китятки великі	+	-
394	Ятрышник Шпицеля	Зозулинець Шпіцеля	+	-
395	Ятрышник бледный	Зозулинець блідий	+	-
396	Ятрышник клопоносный	Зозулинець клопоносний	+	-
397	Кандык кавказский	Еритроній кавказький	+	-
398	Рябчик широколиственный	Рябчик широколистий	+	-

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ КАЗАЧЕСТВА XVIII – НАЧАЛА XX в. ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ КОЗАЦТВА XVIII – ПОЧАТКУ XX ст.

© 2008 р., В. М. Полторак

МІЖНАРОДНЕ ПРАВО ТА МІЖНАРОДНІ ВІДНОСИНИ В ПРИАЗОВ'І ЯК ФАКТОРИ ЗАПОРОЗЬКО-ДОНСЬКИХ ВЗАЄМИН 1734–1775 рр.

В історії заселення Кубані дві козацьких спільноти – запорожці та донці – відіграли вирішальну роль. Взаємини між ними у XVIII ст. перейшли на якісно новий етап – з союзницьких антиімперських дій вони трансформувались в прагматичні й далеко не завжди добросусідські контакти. Великий вплив на таку трансформацію окрім змін в середині козацьких спільнот мали також зовнішні фактори – міжнародні відносини в регіоні. В цій статті автор проаналізував сукупність міжнародних чинників, що так чи інакше відобразились на міжкозацьких взаєминах в Приазов'ї в період існування Нової Запорозької Січі (1734–1775 рр.).

Норми російсько-турецьких угод та запорозько-донські взаємини 1734–1775 рр. Угода між державами визначає погоджені норми відносин між її суб'єктами та встановлює взаємні зобов'язання. Вона – запорука дотримання миру. Міжнародна угода є чинною доти, доки обидві сторони її дотримуються, і цей факт є свідомством динамічності міжнародного права. Чинність міждержавної угоди ставиться під сумнів у ході війни між її суб'єктами і з моменту її оголошення визнається ними розірваною. За результатами війни укладається нова угода, у якій можливе посилання на норми попередніх угод.

Запорозьке та Донське Війська як складові частини Російської імперії делегували центральному уряду частку свого суверенітету, зокрема у сфері міжнародного представництва. Тому норми міжнародних угод, укладених Російською імперією, однаковою мірою стосувались обох козацьких спільнот. Такі норми були для міжкозацьких взаємин визначальними у шитаннях, що стосувались міждержавного кордону, режиму переходу через кордон тощо. Порушення міждержавних угод представниками тієї чи іншої сторони давало підстави іншій використовувати такий факт як свідомство «неблагодійності» свого суперника. У XVIII ст. у Причорномор'ї залишилось фактично дві великі держави, під впливом яких знаходились дрібніші утворення та від взаємин яких, врешті-решт, залежала доля останніх.

За період існування Нової Січі взаємини між Російською та Османською імперіями регулювалися трьома міждержавними угодами, які були укладені в 1713 р. в Адріанополі, 1739 р. у Белграді та 1774 р. у Кючук-Кайнарджі. Крім того певний вплив на міжкозацькі взаємини справила Константинопольська мирна угода 1700 р. та проведений згідно з її умовами у 1703–1705 рр. кордон. У період воєн між імперіями, зокрема 1735–1739 рр. та 1768–1774 рр., мирні угоди переставали бути чинними. Розглянемо основні пункти цих угод у тій їх частині, у

якій вони стосувались міжкозацьких взаємин. Насамперед, це питання встановлення міждержавного кордону. Останній визначався, окрім мирних угод, т. зв. прикордонними «інструментами», що були результатом делімітації кордону між державами. Їх продукували створювані після укладання мирних угод межувальні комісії з представниками обох імперій.

У 1700 р. між Московським царством та Османською імперією було укладено Константинопольську мирну угоду. При проведенні розмежування Запорозьких вольностей із землями Османської імперії у 1705 р. російський уряд зважав лише на писані документи і зафіксовані міжнародними договорами зобов'язання, а не на усну традицію порубіжжя і місцеве ставлення до володіння територією [16, с. 102].

У період проведення розмежування земель Запорозького та Донського Війська представники обох спільнот свідчили, що саме за умовами цієї угоди спірна територія була надана Петром I тому чи іншому Війську.

У 1709 р. запорожці вийшли з-під протекції російського імператора і після російсько-турецької «Прутської» війни (1710–1713) їх володіння згідно з укладеною між Російською та Османською імперіями угодою увійшли до складу Кримського ханства. У 1714 р. було проведено розмежування, згідно з яким російсько-турецький кордон пройшов по північній та східній межі Вольностей Війська Запорозького. Однак землі запорожців опинилися в руках кримських ханів, які беззастережно ними володіли до 1730-х років. Частина запорозьких Вольностей хан виділив під замешкання ногайців, а решту продовжували використовувати запорожці, не маючи права зводити постійні житла, а тим більше укріплення.

Переходячи у 1734 р. під протекторат російської імператриці, запорожці розраховували повернути права на землі за допомогою російської зброї. Досить хитка в юридичному плані ситуація виникла у 1734–1735 рр., коли фактично запорожці склали присягу імператриці Анні Іоанівні, однак продовжували мешкати на землях, що формально належали Кримському ханству. Тільки з початком російсько-турецької війни наприкінці 1735 р. російські війська почали наступ та розташували гарнізон у передмісті Нової Січі. У результаті укладання Белградської мирної угоди (18 (29) вересня 1739 р.), доповненої Ниською конвенцією та затвердженої у грудні турецьким урядом, території вольностей Війська Запорозького офіційно увійшли до складу Російської імперії, як зазначає Г. Шпитальов: «Військо Запорозьке Низове потрапило у повне і безпосереднє підданство російській короні, навіть щодо поземельного питання, оскільки, згідно з нормами міжнародного права, територія володінь Нової Січі офіційно відійшла від Османської імперії до Російської, верховна влада якої могла розпоряджатися населенням та територією Запорожжя без озира́ння на сусідні держави» [25, с.46, 209].

У червні 1740 р. згідно з укладеною 3 жовтня 1739 р. Ниською конвенцією почала свою роботу комісія з розмежування кордону. Територія, на якій наносилась лінія кордону, була розділена на дві частини. Генерал-лейтенант Рєпнін відповідав за розмежування на ділянці від Азова та Кубані до Міусу, а таємний радник І. Неплюєв – від Міусу до Бугу [23, с.108]. Згідно з укладеним між російськими та турецькими депутатами інструментом у межиріччі Дніпра та

Дону кордон пройшов по р. Кінські води, від її вершин до вершин Берди, а звідти прямою лінією до гирла Міусу. Приморська територія від Берди до Міусу визначалась як бар'єрна, тобто нічийна. На неї заборонялось виходити громадянам обох імперій, тим більше її замешкувати. Подібний статус отримали землі на південь від Дону аж до гирла Єї. З погляду міжнародного права запорозько-донські суперечки точились за землі, які частково належали Росії, а частково були нейтральними. Приморські коси від Міусу до Берди та від Єї до Кагальника, які стали головним об'єктом суперечок, згідно з російсько-турецькою угодою не належали ні Росії, ні Туреччині. Навіть паланковий центр Кальміуська слобода розташовувався у нейтральній зоні і з юридичного погляду не мав права на існування.

Російсько-турецька війна (1768–1774 рр.) значною мірою вплинула на умови запорозько-донських взаємин. Певний законодавчий вакуум у воєнний час призвів до нової хвилі ескалації міжкозацького конфлікту у 1772–1775 рр. За результатами війни 10 (21) липня 1774 р. було укладено Кючук-Кайнарджійську мирну угоду, яка визначила новий російсько-турецький кордон по Південному Бугу та незалежність Кримського ханства. Укладання цієї угоди засвідчило зміну ситуації у регіоні і значною мірою вплинуло на рішення про ліквідацію Війська Запорозького.

Мирна угода в Кючук-Кайнарджі засвідчила повернення Азову, колишніх нейтральних територій між Бердою та Єєю до складу Російської імперії [6]. З цього часу вплив турецько-татарського чинника в запорозько-донських взаєминах значно знижується, оскільки кордони Порти були відсунуті до Кубані та Бугу. Значно ослаблений був і татарський чинник, адже незалежність Криму стала радше стапом його переходу під владу Санкт-Петербурга, аніж запорукою кримського впливу в Приазов'ї.

Слід зазначити, що, незважаючи на закріплення міждержавних кордонів у мирних угодах, на законодавство Османської та Російської імперій, козаки продовжували вважати, що їм належить та земля, де вони живуть. Ментальність запорожців не визнавала ніяких кордонів і вбачала у цьому обмеження своєї волі, тобто основи свого існування [21, с.60]. Саме цим пояснюється той факт, що зимівники запорозьких козаків розташовувались на теренах Кримського ханства, а два паланкових центри знаходились у бар'єрних (Кальміус) та татарських (Прогної) землях. Після підписання російсько-турецької мирної угоди 1774 р. вплив міжнародного чинника на запорозько-донські взаємини було зведено до мінімуму.

Запорозьке та донське козацтво від початку існування відігравали роль цивілізаційного буфера, маркуючи південну межу просування європейсько-християнського (православного) осілого елементу. Протягом XVIII ст. ця місія козацтва була значно скоригована, доки не втратила будь-який сенс, вступивши у конфлікт із імперськими інтересами Росії. Динамічні зміни розкладу сил у регіоні протягом цього століття спричинили втрату козацькими спільнотами ролі самостійних акторів міжнародних відносин і перетворення їх на об'єкти зазіхань сусідніх держав, звуження їхніх інтересів до межі захисту станових вольностей. Одночасно з утратою цивілізаційної функції козацтво втратило і свої впливи на формування міжнародних відносин у регіоні. Міжкозацькі взаємини звузились до

рангу міжрегіональних і в такій ролі стали радше внутрішньополітичним фактором розвитку Російської імперії, аніж чинником розвитку міжнародної ситуації в регіоні. Тим не менш, знаходячись у вузлі російсько-турецького протистояння, відіграючи в ньому певну роль, обидві козацькі спільноти у взаєминах одна з одною керувались, зокрема, регіональним розкладом сил. Тому всебічний аналіз запорозько-донських взаємин потребує дослідження впливу інших регіональних акторів на них. Серед таких акторів слід виділити Османську імперію – головного ворога Росії в регіоні на той час: Річ Посполиту, Кримське ханство, а також менш впливові чинники – ногайські та калмицьку орди, черкеські племена та козаків-некрасовців.

Османський та кримський фактори міжкозацьких взаємин. Турецький чинник запорозько-донських взаємин слід розглядати, насамперед, у ракурсі міжкозацьких суперечок у територіальній та торговельній сферах. Якщо у 1713–1734 рр. Туреччина намагалась використати запорожців як буфер проти російського просування у Причорномор'я, а російська дипломатія намагалась відсунути прожектовані турками поселення по р. Самарі в гирло Дніпра [26, с. 378], то після переходу під російську владу буфером Запорозжя таки стало. При цьому російська влада ні в якому разі не бажала ускладнень у відносинах з Портою з ініціативи запорожців, тому донські козаки часто посилаються під час сутичок із своїми західними сусідами на їхню самовільність та невідконтрольність російській владі.

Питання заборони запорожцям відвідувати турецькі та бар'єрні землі стало важливим фактором розвитку міжкозацьких взаємин. Донська старшина у 1740-х рр. узяла на себе функції контролю за дотриманням зовнішніх кордонів Російської імперії, тому її дуже турбувало питання контролю за переміщенням запорожців цими землями [20, с. 51]. Зрозуміло, що запорозька старшина вжила усі можливі заходи для ліквідації такого становища, через що, почасти, і виник конфлікт 1743–1746 рр. У подальших частих сутичках у бар'єрних територіях обидва козацькі Війська продовжували посылатись на загрозу ускладнень у російсько-турецьких стосунках, намагаючись переконати російську владу у своїй вірності та ненадійності свого суперника.

Османська імперія не була уніфікованою державою. У XVIII ст. на тлі катастрофічних зовнішньополітичних втрат гетерогенність її навіть поглибилася, вона не могла контролювати своїх васалів на кордоні з Російською імперією. З турецького боку кордону продовжували існувати буферні території та спільноти, що у своїх діях більше вважали на власні інтереси, аніж на можливість міжнародних ускладнень. Паралельно з цим Туреччина залпшалась для Війська Запорозького своєрідною альтернативою Росії. Запорозька старшина намагалась маневрувати між векторами політики обох імперій і шантажувати свого сюзерена можливістю переходу на бік Османської імперії. Особливо яскраво ці бажання запорозької старшини проявилися у 1767–1768 рр. Дійшло навіть до переговорів Коша із Кримом, під час них були обговорені умови переходу запорожців під протекторат кримського хана [25, с. 171].

Українські історики 1920–1930-х рр. вважали військово-політичний союз Запорозжя з Кримом альтернативою зближенню з Москвою [14, с. 140]. А О. Рябнін-Скляревський навіть виділив серед запорозької старшини групу

прибличників такого союзу, серед них назвавши кошового отамана П. Федорова та військового суддю В. Кишенського. Аналізуючи перебіг внутрішньо-старшинських конфліктів, історик зробив висновок про наявність «кримського сліду» у запорозьких бунтах 1756 та 1768 рр., а також у Коліївщині [24]. Але кримський чинник запорозько-донських взаємин не обмежувався цією потенційною можливістю повернення запорожців під протекторат хана. Адже бахчисарайський уряд був сюзереном інших сусідів обох козацьких Військ, які безпосередньо межували із ними. Загроза нестабільності на кордоні з кримського боку часто зближувала запорожців та донців, але такий вплив кримського чинника у XVIII ст. був набагато менший, аніж у XVII столітті, коли міжкозацький союз був міцним саме завдяки загрозі кримських набігів. Навіть побудова Дніпровської укріпленої лінії у 1770–1773 рр., як зазначав академік Гільденштедт у «Щоденнику подорожі...», була обумовлена поряд із кримською загрозою «обмеженням запорозьких зв'язків із Кримом» [5, с. 189].

«Малі народи» та спільноти Приазов'я: ногайці, черкеси, калмики, некрасовці. На рівні безпосередніх прикордонних відносин у цей час важливу роль відігравав ногайський чинник. Дві господарські системи – козаків (відгонно-пасове скотарство) та ногайців (кочове скотарство) – у поєднанні з мисливським та рибальським промислами не були конкуруючими. Територіальна та господарська спеціалізація не спонукала обидві спільноти до цілковитого знищення одне одного [16, с.111; 17, с.69]. Між запорожцями та ногайцями існувала навіть домовленість про вільний випас худоби на прикордонній території, використання природних ресурсів, розташованих на чужих територіях (зокрема, у межиріччі Берди та Міусу). Конфлікти якщо і виникали, були локальними і спричинювались життєвими потребами обох спільнот. Так, у 1747 р. відбувся конфлікт запорожців та ногайців через переховування першими від других втікачів-калмиків [16, с.124, 126]. Того ж року відбувся конфлікт між запорожцями та ногайцями у межиріччі Берди та Кальміусу [3, т.1, с.422]. Ногайці зайняли ці землі всупереч розмежуванню, посилюючись на відвічне володіння ними: «Ви в нашому степу живете і ми у своєму вільні. Якщо ж вам якийсь утиск є, то ви перше нас зі степу підете. А ми маємо по самій Азово свою вотчину» [16, с.102].

Військо Донське, продовжуючи вважати себе регіональним лідером, скаржилось у вересні 1758 р. на запорожців, які рибалили на кубанському боці Азовського моря за «необережне з приїжджими до них турецькими людьми спілкування». У жовтні того ж року трьох затриманих у цьому районі запорожців з великим скандалом було доставлено під вартою до Січі [12, с.152–154]. Цього самого року відбувся конфлікт ногайців із запорожцями на Єйській косі, коли на чолі з Темір-мурзою вони вчинили напад на рибні промисли козаків [17, с.70]. У розгортанні конфлікту донська та ногайська сторони виступили союзниками, вважаючи запорожців першочерговими своїми супротивниками в регіоні [15, с.124].

У грудні 1758 р. кубанський сераскер Сеадат-Гірей скаржився отаману Єфремову на запорожців, які переховували тагарських втікачів на своїх рибних промислах на Єйській косі (Кубанський бік Азовського моря) [1, арк. 2]. У цей час важливою темою листування між Січчю та Черкаськом стає некрасовське питання

донський отаман повідомляв запорозького про події на Кубані і попереджав про нестабільність ситуації [17, с.82–83].

У 1762 р. надісланий кримським ханом на Кубань для приборкання черкес сераскер Багадир-Гірей вийшов з-під влади Бахчисарая. Хан Крим-Гірей повідомив про цей факт донського отамана і зняв з себе відповідальність за можливі набіги з боку колишнього сераскера на донських козаків [2, с.27]. Надісланий для придушення виступу бунтівливого сераскера калга-султан не зміг дипломатичним та військовим шляхом виконати завдання. Ним врешті-решт було організовано переселення ногайців з Кубані у північне Приазов'я, а некрасовців – у Крим [8, с.330, 350]. Тим часом дестабілізація в регіоні відбулася і на запорозько-донських взаєминах – постраждали від набігу ногайців запорозькі промисловики з Єйської коси попросили захисту в донського походного осавула Єрьоміна, який з командою був у прикритті на Кагальнику [8, с.331]. Під час цього набігу одного запорожця ногайцями було вбито, а 30 полонено. Тим не менш, ногайці з дозволу запорожців продовжували використовувати межиріччя Самбеку та Кальміусу для випасу худоби, а приміуські ліси для виготовлення гарб [16, с.126]. Це, звичайно, зустрічало спротив з боку донських козаків, які згідно з Указом 1746 р. вважали приазовські землі своєю власністю. На початку 1760-х рр. ногайські орди переселились з Кубані, знизивши рівень напруги у бар'єрних землях. Уже під час війни 1768–1774 рр. в липні 1771 р. ногайці залишили Причорномор'я і повернулись у Прикубання [11, с.68], однак їх вплив на міжкозацькі взаємини вже не відчувався зовсім.

Черкеси та інші гірські народи в XVIII ст. продовжували чинити спротив будь-яким зазіханням на свою свободу. Під час перебування запорожців під протекцією кримського хана останній неодноразово використовував козаків для придушення черкесів [9, с.394]. Згодом, вже у 1760-х рр., вони звинувачувались кримським ханом та донським отаманом у дестабілізації ситуації в регіоні [2, с.27]. Черкеський фактор впродовж усього існування Нової Січі розглядався козаками у зв'язку із традиційною політикою Кримського ханства, спрямованою на підкорення цього народу, а також із потенційною загрозою, яку являли собою черкеси для приморських промислів та розвідницьких рейдів, організованих козаками.

Калмики з'явилися у регіоні в середині XVII ст., подолавши великий шлях з Джунгарії й оселившись у пустинних сальських та маницьких степах, залишених перед тим ногайцями. Незабаром калмики поширили свої кочів'я на захід до Азовського моря [22, с.72]. Розділені на роди, племена та племінні союзи, калмики частково були втягнуті в обрії російської політики в регіоні й стали ще одними васалами імперії на Північному Кавказі. Часто вони використовувались як бойова сила, причому в більшості випадків загопи калмиків співпрацювали з донськими козаками. У 1717 р. калмики взяли участь у винищенні на р. Московці запорозького загону. Ця акція дуже обурила кримського хана і ледь не призвела до оголошення війни з його боку [26, с.391]. До 1738 р. калмики були постійною загрозою не тільки для запорожців, але й для донців – вони часто чинили набіги на козацькі станиці [22, с.42]. Невелика частина калмиків (т. зв. «юртові» або «базові») стала частиною Війська Донського і була поселена між Донцем і Доном («Нижній улус»). Вони взяли участь у військовій операції Донського Війська з

вигнання запорожців за Кальміус у 1746 р. і їхні дії вирізнялись надзвичайною жорстокістю. Спалювались будівлі, знищувалось та конфісковувалось майно, запорожців піддавали тортурам, нещадно били, в'язали мотузками тощо [13, с.1579–1581]. Базові калмики Війська Донського, як і військові татари, користувались свободою віросповідання і навіть у рядах козацьких загонів залишались ламаїстами [11, с.71]. Запорожці дуже недовірно ставились до калмиків, вважаючи їх язичниками та союзниками Війська Донського. У 1758 р. під час втечі з татарського полону двоє калмиків були затримані запорожцями, а їхні коні конфісковані. Згодом втікачі були звільнені, а коні за посередництва старшин Петра Ребрікова та Макара Грекова були передані на Дон [3, т.3, 518, 519].

Взимку 1770/1771 рр. більшість калмиків, не підпорядкованих донському отаману, а саме 60 000 сімей, тасмно від Росії залишили межиріччя Дону та Волги і повернулися в Джунгарію. На той час у безпосередньому підпорядкуванні Війську Донському їх залишилось близько 2 000 сімей, ще 12 полків (близько 6 000 воїнів) мали певну автономію (з сім'ями – близько 20 000) [4, с.5, 8].

Вплив «некрасовців», або «ігнат-козаків», теж слід виділити як особливий чинник розвитку міжнародних відносин у приазовському регіоні у XVIII ст. Переселившись в низів'я Кубані після придушення Булавінського повстання, колишні донські козаки склали присягу на вірність кримському хану. Під час перебування запорожців під кримською протекцією вони спільно з некрасовцями брали участь у військових акціях ханства. У 1731 р. був організований похід на Північний Кавказ, у якому взяли участь 400 запорожців та кількасот некрасовців. У 1733 р. у бойових діях на теренах Кабарді взяли участь 300 запорожців та 150 некрасовців. Цікавий і той факт, що розвідники, які повідомили про цей похід, були донськими козаками. Як виходить з текстів їхніх донесень, некрасовці сприймалися як «зрадники», у той час як запорожці жодного разу зрадниками не названі [9, с.392–395]. У цей час старообрядський рух на Дону зазнає дедалі більших репресій. Як зазначав О. Пронштейн, широкі масштаби старообрядського руху на Дону початку XVIII ст. відбили класові протиріччя у спільноті. Прилучення до старообрядства сприймалось, зокрема, і як прояв соціального протесту проти ладу, що існував [22, с.282]. Тому старшина за підтримки російської влади різними способами намагалась локалізувати та знищити цей рух усередині Війська Донського.

Спочатку некрасовці мешкали переважно на Кубані навколо Темрюка, а згодом у 1762 р. переселилися в Крим [8, с.350]. Під час перебування на південному узбережжі Азовського моря некрасовці займалися рибальством. Показовою є доля одного з некрасовців Микити Дубіліна. Він проживав у селищі Хан-тепе на Кубані. Певний час працював на запорозьких рибних промислах, потім в Очакові. Згодом його підмовив до втечі на Дон донський козак Іван Дмитрієв. Під час цієї втечі некрасовець з товаришами був затриманий запорожцями на Бердянській косі як підозріла особа, його човен було конфісковано. Лише згодом некрасовці були відпущені на Дон [3, т.3, 525].

Барон Тотт у «Записках...» відзначає нейтральне ставлення запорожців до некрасовців у складі кримської армії, яка 1768-1769 рр. сплюндрувала Правобережжя. Більш того, барон вважає цілком зрозумілим той факт, що

запорожці протягом року не проявляли активності у військових операціях проти турок [7, с.162, 190–192]. Однак він перебільшив потугу прокримського вектора політики Січі. Саме під час зими 1768/1769 рр. була підірвана довоснна економічна система Війська Запорозького, ці роки сучасники називали роками «лихоліття та агарянського нападу». Участь некрасовців у організованих кримським ханом походах аж ніяк не відбилась на перебігу запорозько-донських взаємин – некрасовці давно вважались обома сторонами спільнотою чужинною [18, с.281]. Згодом, після зруйнування Січі у 1775 р., частина запорожців знов опинилась на теренах Османської імперії, вони оселились у гирлі Дунаю поряд з некрасовцями [19, с.116].

Польський чинник міжкозацьких взаємин найбільше проявився у 1768–1772 рр., коли запорозькі козаки взяли участь у Коліївщині, а донські у складі російської армії її придушували. Донські козаки закріпились у свідомості запорожців як виконавчі волі російської влади.

У 1753 р. сербським полкам на чолі з І. Шевичем та Р. Прерадовичем було надано для поселення землі від Бахмуту до Міусу. З цього часу новосербські колоністи стали чинником запорозько-донських взаємин [8, с.49], ставши певним буфером між ними. Це тимчасово пом'якшило міжкозацькі територіальні суперечки, адже новоприбулі поселенці самі стали претендувати на частину запорозьких земель. У своїх стосунках зі слов'яносербськими поселенцями, що показово, запорожці використали Указ 1746 р. про кордон із Військом Донським, щоб довести свої права на спірні території. Скептично до значення цих полків поставилися пізніше і російське командування. Так, П. Румянцев у 1765 р. зазначав згубність впливу новопоселених «пів-турків» – волохів, поляків, сербів на ситуацію в російсько-турецькому прикордонні [10, с.62].

Таким чином, міжнародні й міжнаціональні відносини в приазовському регіоні значною мірою вплинули на розвиток взаємин Запоріжжя й Дону в досліджуваній період. Донська старшина скаржилася на запорізьких козаків у зв'язку з їхніми регулярними вторгненнями в турецькі володіння, які могли спричинити ускладнення у відносинах з Османською імперією. Крим залишався для Запоріжжя альтернативою російському протекторату, що давало підстави для використання запорожцями більш радикальних методів відстоювання своїх прав і територій у порівнянні з донцями. Калмики були використані донською старшиною в збройних сутичках із запорожцями, а некрасовці не були самостійним фактором міжнародних відносин, ставши послідовними прихильниками кримського хана. Польща за посередництва російського військового командування використала донських козаків для придушення Коліївщини, в організації якої активну роль відіграли запорожці. Цим Річ Посполита посприяла черговому загостренню міжкозацьких взаємин.

В цілому конфліктний характер міжкозацьких відносин у XVIII ст. негативно відбився на темпах освоєння приазовських і в тому числі кубанських земель – спостерігалася каталізована численними зовнішніми факторами конкуренція між запорізькими й донськими козаками, що іноді переростала в відкриті збройні зіткнення.

ДЖЕРЕЛА І ПРИМІТКИ

1. Центральний Державний Історичний Архів України в м. Києві. - Ф. 229 (Архів Коша Нової Запорозької Січі). - Оп. 1. - Спр. 72. «Дело о невходе за косы и на Кубанскую землю и невпуске с Черкаска безпашпортных сомнительных запорожских казаков в Кальмиус». - 1759–1768. - 53 арк.
2. *Абросимова С., Мицик Ю.* Документи з історії українського козацтва в збірці Дніпропетровського історичного музею // Південна Україна XVIII–XIX століття: Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. - Вип. 3. - Запоріжжя, 1998. - С. 7–29.
3. Архів Коша Нової Запорозької Січі: корпус документів 1734–1775. - Т. 1. - К.: Білоцерківська книжкова фабрика, 1998. - 695 с.; Т. 3. - К.: ЗАТ «Віпол», 2003. - 952 с.
4. *Георги И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповедания и прочих достопамятностей. - СПб.: Императорская академия наук, 1799. - Т. 2. - Ч. 4. - 387 с.
5. Дневник Путешествия в Южную Россию академика С.-Петербургской Академии Наук Гильденштадта в 1773–1774 гг. // Записки Одесского Общества Истории и Древностей (далі – ЗООИД). - Т. 11. - 1879. - С. 180–228.
6. Документ №14164. 1774.07.10. Трактат вечного мира и дружбы... при деревне Кучук-Кайнарджее... // Полное собрание законов Российской империи: Собрание I. - СПб., 1830. - Т. 19. - С. 957–967.
7. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 года // Киевская старина. - Т. 7. - К., 1883. - сентябрь и октябрь. - С. 135–198.
8. Канцелярія Новосербського корпусу / Упор.: В. Мільчев, О. Посулько // Джерела з історії Південної України. - Т. 7. - Запоріжжя, 2005. - 442 с.
9. *Мільчев В.* Джерела до історії запорозького козацтва часів перебування під кримською протекцією (1730–1733 рр.) // Запорозька старовина. - 2002. - Вип. 2. - С. 384–399.
10. *Мільчев В.* Огляд кордону запорозьких вольностей з Новоросійською губернією 1765 р. (джерело з фондів Російського державного архіву давніх актів) // Козацька спадщина: Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва при інституті історії України НАН України. - 2005. - Вип. 1. - С. 59–67.
11. Подлинныя записки флотского капитана И. Ханькова о донской экспедиции // ЗООИД. - Т. 14. - 1886. - С. 66–90.
12. *Эварницкий Д.* Сборник материалов для истории запорожских казаков. - СПб., 1888. - XIX, 248 с.
13. *Эварницкий Д.* Источники для истории запорожских казаков. - Т. 2. - Владимир, 1903. - С. 1073–2107.
14. *Андреева С.* Проблема запорозько-татарських взаємин періоду Нової січі в українській історіографії 1920–1930-х рр. // Південний архів. - Херсон, 1999. - Вип. 2. - С. 140–144.
15. *Голубуцкий В.* Запорожское казачество. - К., 1957.

16. *Грибовський В.* Запорозці і ногайці в контексті великого кордону // Козацька спадщина: Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва при інституті історії України НАН України. - 2005. - Вип. 1. - С. 95–131.

17. *Грибовський В.* Територія розселення і характер відносин причорноморських ногайців із землеробським населенням українського степового порубіжжя у період 1739–1768 рр. // Козацька спадщина: Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва при інституті історії України НАН України. - Вип. 2. - Нікополь-Дніпропетровськ: Пороги, 2005. - С. 60–77.

18. *Калайда Г.* На межі степу і Великого Лугу. Село Царкут у контексті Запоріжжя // Запорозька старовина. - 2002. - Вип. 2. - С. 275–286.

19. *Маленко Л.* Переселення колишніх «некрасовців» на землі Азовського козачого війська у 1830-х рр. // Південна Україна XVIII–XIX століття: Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ. - Вип. 2. - Запоріжжя, 1998. - С. 115–123.

20. *Мірущенко О.* Вплив геополітичного становища Нової Січі на економічний розвиток Запорозьких вольностей // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. - Запоріжжя: Просвіта, 2005. - Вип. 19. - С. 44–55.

21. *Олійник О.* Запорозький зимівник часів Нової Січі (1734–1775 рр.). - Запоріжжя: Дике поле, 2005. - 256 с.

22. *Пронштейн А.* Земля Донская в XVIII веке. - Ростов-на-Дону: Изд. Ростовск. ун-та, 1961. - 373 с.

23. *Ренан О.* Лівобережні полки в розмежуванні кордону між Російською та Османською імперіями (кінець 30-х – початок 40-х років XVIII ст.) // Козацька спадщина: Альманах Нікопольського регіонального відділення НДІ козацтва при інституті історії України НАН України. - Вип. 2. - Нікополь-Дніпропетровськ: Пороги, 2005. - С. 107–109.

24. *Рябинін-Скляревський О.* Запорозькі заколоти та керуюча верства Коша XVIII ст. // *Малинова Г., Сапожников І. А.* Рябинін-Скляревський: матеріали к біографії. - Одеса, 2000. - С. 83–178.

25. *Шпитальов Г.* Військова служба запорозького козацтва в російсько-турецьких війнах 1735–1739 та 1768–1774 років. - Запоріжжя: Прем'єр, 2004. - 238 с.

26. *Яворницький Д.* Історія запорозьких козаків. - К.: Наукова думка, 1991. - Т. 3. - 557 с.

ТЕНДЕНЦІЙ ТРАНСФОРМАЦІЙ ПОТЕСТАРНИХ СТРУКТУР ЗАПОРІЗЬКОГО КОЗАЦТВА В ОСТАННІ ДЕСЯТИЛІТТЯ ІСНУВАННЯ ЗАПОРІЗЬКОЇ СІЧІ

У науковій літературі з історії запорозького козацтва існує значний комплекс напрацювань, що висвітлюють політичну організацію Січі та управління Запорозькими Вольностями. Якщо не залучати до розгляду твердження про маргінальний характер козацьких спільнот, то в цьому масиві основні концептуальні бачення типологічної сутності владних відносин на Січі можна звести до наступного: чернечий орден (А. О. Скальковський), демократична республіка/община (О. Я. Єфименко, Д. І. Яворницький), осередок антифеодальної боротьби, в якому народжуються буржуазні відносини (В. О. Голобуцький). Утім перелічені позиції мають спільним те, що ставлять козацьку спільноту в ту чи іншу відповідність до феодальних утворень пізнього Середньовіччя, тобто розглядають їх у межах стадіальної шкали: дофеодальне, феодальне, післяфеодальне. При цьому з дискурсу випадає одна з найбільш суттєвих характеристик козацтва – його прикордонне розташування, котре не могло не впливати на організаційні основи козацтва та його діяльність. Отже й зміни станів степового кордону йшли в тісній кореляції з трансформаціями козацької спільноти.

Цим дослідженням ми визначили собі завдання з'ясувати зміст трансформацій елементів політичної системи Війська Запорозького в 50–60-ті роки XVIII ст. і простежити їх відношення до процесу стабілізації російсько-турецького кордону в Північному Причорномор'ї, що розпочався після укладення Константинопольського мирного договору 1700 року і був поглиблений Белградським миром 1739 р. Головна увага зосереджена на часі перебування останнього кошового отамана Петра Калнишевського при кошовській булаві, а заодно – питанням видозміни використовуваного ним владного ресурсу, що дозволяв йому бути офіційним очільником Січі спочатку епізодично (у 1762-му і 1763 роках), а згодом постійно (з 1765-го до 1775 року), звівши нанівець значення інституту загальної козацької ради і виборності старшини.

Запорозьке козацтво опанувало незвичний для української хліборобської людності степовий простір. Вихід за межі «титальної» території (гінтерланду) та властивих їй форм соціально-політичного життя, спричиняв до відродження архаїчних принципів суспільної організації. Серед них егалітаризм, тобто принцип статусної рівності, що існував у додержавних утвореннях і, звісно, не має нічого спільного з проголошеним Французькою революцією кінця XVIII століття гаслом «свобода, рівність і братерство». Втім егалітарні структури Запорозжя були ідеалістично витлумачені народницькою історіографією в

категоріях демократії, народоправства та вищих громадянських чеснот. У дусі романтизованого народництва Д. І. Яворницький писав: «Запорожская община доходила до полного идеала равенства, неведомого ни в древнем мире, ни в средних, ни в новых веках; господствовавшее здесь начало равенства проходило везде: во время общих собраний, при выборах войсковых старшин, при управлении сичевом ... и в частной жизни» [35, с. 11]. Або ще: «На Запорожье, господствует совершенное равенство и народоправление... [Существует] государство чисто демократического характера» [32, с. 2]. В. О. Голобуцький, заперечивши такий «ідеалізований погляд на запорозьке життя», висунув тезу про те, що у середовищі запорозького козацтва ще наприкінці XVI ст. відбувалися процеси майнової диференціації [13, с. 58, 166]. Однак цей дослідник для аргументування своєї тези переважно оперував джерелами часів Нової Січі, головним чином 50-х – першої половини 70-х років XVIII ст. [14, с. 321–370]. Добір матеріалу пізнього періоду існування низового козацтва не дає підстав для того, щоб отримані на його основі висновки у простій ретроспективі екстраполювати на попередні двісті років козащини. Отже й говорити про те, що із самого початку на Запорожжі існували класові антагонізми на основі майнової нерівності немає вагомих підстав. Так само, власне, як і стверджувати про класовий характер соціальних конфліктів на Січі, а тим більше про буржуазно-капіталістичний характер козацьких господарств пізнього періоду.

Отже, Д. Яворницький мав усі підстави виокремлювати «рівність» і «народоправство» як глибинні архетипи козацтва, що помітно видозмінилися протягом XVIII ст. Єдине, що потребує на застереження, так це витлумачення їх у контексті політичної культури XIX ст. У зв'язку з цим цілком доречно розглянути висновки і спостереження М. А. Риблової, зроблені на основі етнографічного розгляду донського козацтва. Дослідниця наголошує, що раннє козацтво становило феномен, формування і розвиток якого зумовлювалися двома головними чинниками: статевою однорідністю та перебуванням у маргінальному просторі в екстремальних умовах. Маргінальний характер цього простору – водночас і порубіжний (тобто на краю суспільства) і здобичницький - спонукав до відтворення архаїчних структур, котрі мали коріння «в глибинах російської соціокультурної традиції». Егалітарний характер козацьких спільнот цілком доречно номіновано нею як «братство», що формувалося за статевою ознакою [23, с. 12–14]. Загальна інтенція висновків М. А. Риблової акцентує протиставлення статусній території Дикому Полю. Утім дослідниця далека від радикального відмежування степового порубіжжя від гімтерланду: козакі сприйняли «вельми архаїчні форми співжиття», однак вони були носіями досвіду державного життя, від якого вони пішли у степ, і перебували під його впливом, навіть будучи на степовому порубіжжі [23, с. 40].

Запорозькі Вольності до початку XVIII ст. усім загалом своїх територій складали аморфну порубіжну смугу, не маючи визначеної лінії кордону з південними кочовими сусідами та, відповідно, системи її убезпечення регулярною прикордонною службою. Демаркацію кордону на степу вперше було здійснено тільки в 1705 р., відповідно до приписів Константинопольського мирного договору. До того часу, як слушно зауважив П. О. Куліш, «не лише польським урядовцям, але й російським думним дякам не було ... відомо, де закінчується

земля однієї держави, і де починається іншої» [18, с. 19]. Відсутність кордону, а заодно й стабільного контролю з боку будь-якої з порубіжних держав, сприяло тому, аби здобичницький промисел залишався одним із основних занять¹ прикордонного населення. Вірогідно, уходницька експлуатація степу і форми самоорганізації уходницьких ватаг заклали основні організаційні основи запорозького козацтва. Сезонний характер перебування козаків на Січі зберігався практично упродовж усього часу її існування; навіть в останні десятиліття існування Запорозжя значна кількість козаків, пробувши на Низу з весни до осені, зиму проводила «на волості», себто в Городовій Україні. З уходницькими ватагами слід пов'язати походження інституту запорозьких куренів, кожний з яких, як ми проілюструємо нижче на прикладі Куцівського куреня, комплектувався з мешканців окремої місцевості, котрі на Січі підтримували зв'язки земляцтва або були родичами. Не інакше, як від уходництва походить запорозький звичай щорічно проводити Раду, на якій спершу розподіляли угіддя між куренями, а згодом обирали старшину. Зрештою, традиційна заборона щодо перебування жінки на Запорозжі (котрої, звісно, дотримувалися далеко не завжди, хоча ми не маємо свідчень про перебування жінок власне на Січі) також слугувала означенням Дикого Поля як терену сезонної здобичницької експлуатації, протиставленого статусній території, її родинним цінностям та розміреним ритмам хліборобської праці.

Розташувались на перехресті християнської та ісламської цивілізацій, хліборобського й кочівницького світів, запорозьке козацтво перетворилось на прикордонне суспільство, що істотно різнилося від суспільств із типовим для феодальної доби поділом на духовенство, шляхту та поспільство, пануючих і підвладних та майновою нерівністю, кодифікованим правом та розгалуженим адміністративним апаратом. Такий феодализм існував у Польсько-Литовській державі, що володіла Україною. То ж і козацтво перебувало у сфері політичної культури Речі Посполитої. Світоглядні імперативи запорозького козака були густо замішані на військській шляхетській етніці, зневазі до комфорту й приватної власності, нехтуванні мирною хліборобською працею, як справою «мужицькою». Звідси пагордлове ставлення до невійськового населення Запорозьких Вольностей – сиднів та гречкосіїв. На противагу «нікчемним» посполитим, козаки називали себе «лицарством», претендуючи на статус і привілеї рицарсько-феодальної верстви. Цілковитою шляхетською рисою можна вважати те, що серед низового козацтва не культивувалися ідеали ощадливості та поваги до багатства, не було й тієї того, що німецький соціолог Макс Вебер назвав «протестантською етикою та духом капіталізму».

І хоч звичай смітити грошима й справді личив шляхетній владі лицаря, на кшталт оспіваного Адамом Міцкевичем пана Тадеуша, втім заперечення цінності багатства як такого, а заодно і спадкової гербованої шляхетності – це суто козацька риса. Заможного козака-дуку зображено в українських історичних піснях та думках аутсайдером козацької вольниці. Принципи правової та майнової рівності, зневаги до спадкових привілеїв та соціальної ієрархії виступили в ролі глибоких архетипів, що визначали повсякденну поведінку людей степового порубіжжя XVI-XVII століть і формували стиль їхнього повсякденного побуту. Адже такий побут творився тими, хто тікав від феодальної залежності, боргової

кабали та присікливого ока державної бюрократії, будь-то польської, російської чи української гетьманської. Не хліборобська праця, а здобичництво, «пуплення татарських чабанів», тобто військовий промисел, були разом із рибальством і мисливством основними елементами традиційної господарської діяльності низового козацтва. Запорозжя і Гетьманщина (Городова Україна), Низ і «волость» становили два різних (у строгому розумінні) господарсько-культурних ґрунті і соціально-політичні спільноти, створені єдиним українським етносом. У Дикому Полі запорожці творили осібний соціальний устрій на засадах додержавного егалітаризму, на який до того ж сильно вплинули тюркські соціальні інститути та політичні традиції свразійського степу.

Традиційна влада кошового отамана над січовим товариством не була санкціонована кодифікованим правом, а регулювалася звичаєм і трималася здебільшого на авторитеті та силі особистості конкретної людини. Від здатності козацького ватажка організувати вдалий і багатий здобиччю військовий похід, витребувати від монарха-сюзерена грошове й хлібне жалування, обстоювати права і привілеї Війська Запорозького, а також без конфліктів розподіляти між куренями військову здобич та угіддя для промислів залежала тривалість його порядкування в Козі. Один лідер егалітарної спільноти досить легко замінювався іншим, якщо втрачав здатність бути для неї корисним. Козацьке звичаєве право регламентувало владу кошового: «на раді і на війні він – отаман, а в хаті – рівний, товариш» [27, с. 241].

Російсько-турецька війна 1735–1739 рр. принесла до степового порубіжжя новий розпорядок життя, закріпивши тенденцію до стабілізації кордонів Росії, Польщі та Османської імперії в Північному Причорномор'ї. Запорозжя потрапило під міцний контроль російської прикордонної адміністрації в особі київського генерал-губернатора й колегії іноземних справ. Північна межа Запорозжя була заблокована російськими гусарськими та пікінерськими полками. Цю територію російський уряд намагався вилучити з українського етнічного простору, заснувавши тут Новосербію і Слов'яносербію та заселивши іншоетнічним субстратом. У 1764 р. на цих землях створено Новоросійську губернію, що неухильно розширювала свою адміністративну мережу вглиб степового простору. А безпосередньо в самій Січі розташувався Новосіченський ретраншемент з російським гарнізоном, озброєним артилерією. Останні мазепинці Мирович та Нахимовський, доживаючи віку в екзилі в Кримському ханстві, подали досить вичерпну характеристику становища Запорозжя в середині XVIII ст.: «Росіяни ... нині вже Військо Запорозьке дорешти вигубити хотять, для чого знову на сьому боці Дніпра фортеці, як ось Єлісавет і прочія, поробили, і уже Військо Запорозьке в мішок убрато, і тільки ж ще щоб як то мішок зав'язати, росіяни способу не обрали» [6, с. 259].

Російський уряд, дотримуючись зафіксованих у Белградському договорі 1739 р. мирних зобов'язань стосовно Туреччини, заборонив запорожцям вести самостійні військові дії проти турецьких підданих кримських татар і ногайців, завдавати їм будь-яких збитків. Стаття 10 договору визначила розгляд запорозько-татарських суперечок на прикордонних комісіях за участі російських, запорозьких, турецьких й татарських представників [20, с. 38]. У 1742 р. російські та турецькі урядові комісії проклали лінію російсько-турецького кордону, що позначалася

візуальними знаками (курганами) і проходила по річках Берда і Конські Води (Конка) до місця впадіння останньої в Дніпро, а далі – вниз по головному руслу Дніпра через плавні до річки Кам'янки й середньої течії Південного Бугу [5]. Ламаючи складний комплекс взаємин і відшліфовані століттями способи взаємодії запорожців із тюркомовними сусідами, російська і турецька прикордонна адміністрації почали систематично втручатися до повсякденного життя населення степового порубіжжя. Традиційні форми життєдіяльності запорожців, ногайців і кримських татар піддалися прискільпивій регламентації з боку обох імперських урядів. Законодавство обох імперських держав заборонило освячений місцевим звичаєм правом здобичницький промисел. Як писав із цього приводу український історик Михайло Слабченко, «Здобичництво XVIII ст. то – антиправне явище, проти якого боролосся Запорозжя, зовсім не базуючись на ньому, як легальний спосіб здобувати блага воно саме й перестало існувати в XVIII ст.» [25, с. 186].

Життя на порубіжжі стрімко змінювалося. заодно й трансформувалася організація влади Війська Запорозького. У 1740–50-х роках, за коштових отаманів Якіма Ігнатовича, Олексі Білицького, Григорія Федорова Лантуха та Пилипа Федорова, загальна військова рада втрагила колишнє значення і була витіснена сходками курінних отаманів, військової старшини, а також «старих» або «значних» козаків. За словами одного сучасника, порядок обрання старшини на військовій Раді «согласнем старшини пересекся». сам же кошовий настільки збільшив свою владу, що «властен ... без всякого суда ... не ответственя никому, приказатъ лишитъ жизни [козака]» [19, с. 632]. Однак не слід перебільшувати значення старшинських сходок, оскільки старшинське середовище само потерпало від внутрішніх амбіцій. І хоч старшина неодноразово пропонувала російському урядові реформувати Військо Запорозьке за зразком Війська Донського, завдяки чому кошовий і старшина стали б «ненеременяемы», однак амбітність козацьких старшин, котрі примірялися зайняти першорядні посади в Коші.

Названий комплекс обставин становив загальне історичне тло, що зумовлювало набір можливостей для діяльності того чи іншого козацького керівника. Діяльність кошового отамана Петра Калнишевського в останнє десятиліття існування Січі дозволяє простежити, наскільки повно він використав цей набір можливостей і за рахунок чого формувалися його владні ресурси.

Походження Петра Івановича Калнишевського пов'язане з с. Пустовійтівка, що за часів Гетьманщини перебувала у складі Роменької сотні Лубенського полку (тепер с. Пустовійтівка – у Роменьському районі Сумської області, розташована за 10 км від м. Ромни). Відомість про місце народження Калнишевського ввів до наукового обігу в 1892 р. роменьський краєзнавець Ф. Ніколайчик [21, с. 272, 275]. Крім Ромен та Пустовійтівки, приватні зв'язки Калнишевського тяжіли до сотенних містечок Лохвиця й Сміле Лубенського полку [4, с. 75].

Перша докладна звітка про перебування П. І. Калнишевського на Запорозжї даювана 1754 роком, коли він посідав посаду військового осавула. Є більше підстав триматися думки про те, що Калнишевський, будучи сотенним старшиною Лубенського полку (Роменької, Смілянської чи Лохвицької сотень?),

потрапив на Січ після 1739 р., тобто по закінченню російсько-турецької війни. Його старші родичі Андрій і Давид (брати батька?) були козаками Кушівського куреня за коштівства Івана Малашевича, тобто під час перебування Війська Запорозького в кримському підданстві та заснування Нової Січі [10, с. 16]. Крім того, на Січі був ще один старший родич Петра Івановича – Зиновій, отаман Ведмедівського куреня, котрий потрапив до запорозької депутації в Петербург у 1742 р. Можливо, Д. І. Кулиняк має рацію, вважаючи, що ця постать стала ключовою в появі Калнишевського на Запорозжжі [17, с. 11], хоча й не подає належних аргументів. На наш погляд, на приїзд Петра Івановича до Січі вплинули Андрій і Давид, принаймні до авторитетної пам'яті про них апелював старий козак Кушівського куреня Семен Чорний (бувший з ними «в прожиттє»), прохаючи Калнишевського про допомогу [10, с. 16]. Д. Яворницький розшукав поблизу гирла р. Базавлука старий запорозький цвинтар і могилу з написом на хресті «Калниш козак куреня Кушовського», котрий помер 5 жовтня 1749 р. Можливо, що вона належала Андрію або Давиду Калнишам. Прикметно, що біля могили містилося пасмо Калнишиха, назва якого, напевне, походила від зимівника козака Калниша. На думку Д. Яворницького, на тому місці розташовувалася Базавлуцька Січ [36, с. 233–234], тепер воно затоплене Каховським водосховищем. Населення старих козацьких сіл Грушівки і Грушівського Кута, розташованих поблизу, було переселено до сіл Мар'яньського і Ленінського (Апостолівський район Дніпропетровської області).

Не завжди на Січ приходили навмання, не маючи там ані родичів, ані підтримки земляків. Устаткувавши зимівник, запорожець зазвичай запрошував зі своєї батьківщини родичів та односельців для допомоги по господарству, часто – молодих племінників (оскільки сам зазвичай був неодружений). У разі успішного ведення господарства зимівник розростався до хутора чи села, як наприклад с. Шолохове, заспване в 1740 р. (Нікопольський район Дніпропетровської області). Взаємодопомога по лінії кривної спорідненості та земляцтва помітно впливала на структуру соціальних зв'язків і визначала склад запорозьких куренів. У запорозькому товаристві, позбавленому стійких соціальних рангів та усталеної стратифікації, важливим чинником соціалізації була належність до певних мікроколективів, створених на основі земляцтва. Вірогідно на ґрунті земляцтва виникли Уманський, Капівський, Менський, Батуринський, Корсунський, Донський та інші курені. У складі Кушівського куреня було багато вихідців із Роменщини та взагалі з Лубенського полку. То ж, вірогідно, що Петро Іванович потрапив на Січ на запрошення старших родичів – Андрія та Давида Калнишів, котрі протегували йому своїм авторитетом у перші роки його перебування на Запорозжжі.

Життя на Запорозжжі часів Нової Січі помітно відрізнялося від попереднього періоду. Після укладення російсько-турецького мирного договору в Белграді 1739 р. на степовому порубіжжі державні кордони піддано чіткій демаркації, розгалужилася система підтримання їхньої безпеки і зросли обсяги державної регламентації життя прикордонного населення: запорожців, ногайців, кримських татар та ін. За влучним висловом М. Слабченка, тоді «і містечка переорганізовувалися на новий кшталт, хоча зовнішній вигляд їхній наче мало змінився: в них ще вситалися запорожці, але вже не гриміли постріли, не ляскали

шаблі, чути було риніння торговельних ваг, ніби хустками махали вітряки та брязкали гроші». Убезпечення порубіжжя від масштабних набігів кочовиків приваблювало на степові терени хліборобську та торговельну людність. Козаки та міщани Гетьманщини, особливо Лубенського та Полтавського полків активно залучалися до транзитної торгівлі, шляхи якої проходили через Запорожжя. Зокрема полтавські купці та запорожці створювали комерційні товариства, що спеціалізувалися на кримській торгівлі, що транзитом проходила через Січ [28, с. 98–102]. Генеральна, полкова і сотенна старшина Гетьманщини завзято споряджала купецькі каравани й чумацькі валки у південному напрямку. Деякі з них, як наприклад, гетьманський старшина Онисим Кривицький, мали власні зимівники на Запорожжі [2, *стр.* 63. 1758–1761 *рр.* - *Арк.* 108]. Розвиток торговельних операцій і господарських зв'язків потребував створення на Запорожжі належної інфраструктури під протегуванням кошового отамана. За цих обставин посади кошового і кошової старшини набули ключового значення; на процедуру обрання керівників Коша дедалі більше починають впливати представники торговельно-господарських верств Запорожжя, пов'язані з городовим козацтвом і гетьманською старшиною. Означена тенденція цілком пояснює, яким чином міг опинитися на Запорожжі вже немолодий представник сотенної старшини з Гетьманщини і швидко зайняти керівні посади на Січі.

На Січі Петра Івановича записали як Петра Калниша в реєстри Кушівського куреня, до якого належали його старші родичі Андрій і Давид. У реєстрі Кушівського куреня за 1755 р., що налічував 460 козаків, його подано 10-м номером. Не є випадковим, що кушівським курінним отаманом був Калнишів земляк – Григорій Чорний, він же – полковник Самарської паланки [2, *стр.* 28. 1755–1757 *рр.* - *Арк.* 28, 35 *зв.*, 128]. Розгалужена родина Чорних посідала помітне місце на Запорожжі. До неї належали осавул Парфен Чорний, перевізький полковник Тарас Чорний, отаман Мишастівського куреня Мойсей Чорний, полковник Микола Чорний, писар Герасим Чорний. Прикметно, що їхні прізвища були вирізьблені на дверях церкви Покрови Богоматері в Ромнах як її фундаторів, що звісно пов'язує їх походження з Роменщиною [21, с. 257]. До речі, Семен Чорний, козак Кушівського куреня, був побратимом Андрія і Давида Калнишів [10, с. 16].

Отже, перша документальна звітка про перебування Петра Калнишевського на Січ датована 1754 роком, коли він займав посаду військового осавула. 23 лютого 1754 р. військовий осавул Петро Калниш згадується у примітках на полях листа кошового отамана Данила Гладкого з приводу розслідування зловживань отамана містечка Кодак, котрий недбало збирав податки на користь січової скарбниці [3, *т.* 3, с. 115]. Улітку 1757 р. Калнишевський займався стягненням податків із старосамарських мешканців; він установив караули, взяв заручників і не допускав міщан до господарських занять, доки вони не сплатять Війську належні податки. Утім гетьман К. Розумовський розпорядився зняти ці караули [3, *т.* 3, с. 310, 314–315]. Та головним напрямком діяльності військового осавула стала боротьба з гайдамаками. У травні 1754 р. Калнишевський вирушив до Бугогардівської паланки для застереження козаків, котрі займалися гайдамацтвом. Хоча ті мало на це зважили й ледве не застрелили військового довічника та писара, а «самого асаула довольно ругали и явно говорили, что от

воровства ... пока слави не учиняють, не перестануть» [3, т. 3, с. 657]. Того ж року Калнишевський з великою командою козаків переслідував гайдамаків, котрі запекло оборонялися в ясно вкритому очеретом розі невеличкій річці поблизу Південного Бугу і, заваливши проходи засіками, застосовували гармати [24, с. 316–317]. Під час роз'їзду у червні 1754 р. «асаул войскової Петр Калнишевский» схопив гайдамаків Павла Шерстка, Василя Табанця та Остапа Кожуха [2, *ср.* 20. 1754–1756 *рр.* - *Арк.* 71].

4 вересня 1754 р. кошовий отаман Яким Ігнатович видав інструкцію військовому осавулові Петру Калнишевському, передавши йому широке коло повноважень задія знищення «недобрих синов злодєев... оних воров и других безпашпортных бродяг». Калнишевський мусив ретельно обстежити Запорозькі Вольності, особливо місцевість поблизу Гарда, вдовж П. Бугу до Бузького і Дніпровського лиманів, а далі – вгору по Дніпру, «и всеми местами старатся проведать в каких местах вори собрався конно или пешо чатами стоят и намеревают в полскую и татарскую границы иттить воровать или уже от них якие воровства или грабительства учинении». Військовому осавулові наказано в команду свою набирати “козаков запорожских доброконных и оруженних самих хазяинов”, тобто тих, хто був незацікавлений підтримувати гайдамаків. При цьому йому доручалося переловити якомога більше гайдамаків і доправити їх у Кіш під міцним караулом. Крім того, військовий осавул мусив цю інструкцію оголосити по зимівниках, аби запорожці, котрі в них мешкають, не приймали до себе в помешкання осіб, що не мають пашпортів, та сприяли в боротьбі Коша з гайдамаками [2, *ср.* 72. 1759–1768 *рр.* - *Арк.* 126–128 *зв.*; 3, т. 3, с. 707–710]. І хоч та осіня виправа виявилася марною, – «асаул Калнишевский, з разедвов прибив в Сеч ... объявил, яко ни следу нет и ни от кого не слыхал и сискать нигде, хотя крайнейшие поиски имел, не мог» [3, т. 3, с. 606], – переслідування гайдамаків стало надалі одним з головних напрямків його діяльності як козацького урядовця.

Військовому осавулові Петру Калнишевському (зазначеному в документі як Калнишенко) доводилося також опікуватися організацією комісії з розгляду запорозько-кримських прикордонних суперечок, що проходила в містечку Микитиному (сучасне м. Нікополь) у 1754 р. Він мусив знайти помешкання для російського комісара Іллі Рославлева та забезпечити провіант, фураж та охорону запорозьких депутатів під час комісії [3, т. 3, с. 422].

Утім на той час військовий старшина Калниш уже міцно тримався в старшинському колі, куди простою козаку-сіромасі вже важко було потрапити. Наступного року військовим осавулом на Січі стає Парфен Чорний [24, с. 317–319], а сам Калнишевський з травня 1755 р. перебував у складі депутації Війська Запорозького до російського імператорського двору, яку очолив колишній кошовий отаман Данило Стафанів Гладкий. Її метою було домогтися звільнення товарів, які надходять до Запорозжя, від сплати мита, а також збільшення хлібної й грошової плати Війську Запорозькому з царської скарбниці [3, т. 4, с. 477–481]. Перебування депутації в Петербурзі тривало більше року: кожне з порушених депутатами питань викликало бюрократичну тяганину й тривале листування між Січчю, Київською губернською канцелярією, гетьманською резиденцією в Глухові та столичними чиновниками. Для Калнишевського це була добра нагода ознайомитися з норовом вищої російської бюрократії та принципами, на яких

трималася імперія. А одним із таких незмінно залишалися хабарництво і бюрократизм.

З Петербургу Калнишевський повернувся раніше за Данила Гладкого. У квітні 1756 р. він «перед всем Войском Запорожским пры особливом войсковом собрании» оголосив про результати стан розгляду клопотань депутації [3, т. 4, с. 561, 566–567]. 12 червня Данило Гладкий повідомив з Петербургу про остаточне урядове рішення про дозвіл на безмитний пропуск продуктів харчування, збільшення плати Війську за службу і відмову звільнити транзит солі від мита, «понеже сильная рука стоить за то». Крім того, сповіщено, що на запорозькі землі чекає санкціонований урядом докладний опис мешканців, а в Самарській паланці будуть з'ясувати кількість вихідців з Гетьманщини [3, т. 4, с. 571–584]. В останньому вже відчувалися виразні симптоми майбутньої поземельної боротьби на північних кордонах Вольностей, яка стане надзвичайно напруженою напередодні ліквідації Січі.

У 1757 р. Калнишевський ще раз займає посаду осавула, а 1758 р. стає військовим суддею [3, т. 3, с. 310, 314–315; 24, с. 658]. Того ж року він знову потрапив до складу депутації до царської столиці на чолі з колишнім військовим суддею Павлом Козелецьким [2, снр. 63. 1758–1761 pp. - Арк. 11–28]. У 1759 р., з метою забезпечення витрат депутації та інших видатків Війська, Кіш запровадив систематичне оподаткування посполитого населення Запорозьких Вольностей, особливо в густо заселеній Самарській паланці, володіння селами якої було предметом гострих суперечок [2, снр. 52. 1758–1769 pp. - Арк. 1]. Головним завданням цієї депутації було вирішення питання щодо закріплення північних кордонів Запорожжя у відомстві Коша. На посаді військового судді Калнишевський перебував і в 1761 р.

Відтепер він не просто другорядний запорозький старшина, а перша за впливом особа на Січі, фактичний керівник Запорожжя. Значна кількість документів у цей період підписується власне ним, зокрема листи писарю Чугуївцю для проїзду до Петербургу для клопотання з приводу забораних у запорожців угідь; часто ім'я військового судді фігурує після підпису кошового Григорія Федорова Лантуха: «атаман кошевой григоріи Федоров. Войсковой судья Петр Калнишевский, атамани куренные и все товариство» [34, с. 1850]. Російська прикордонна адміністрація протягом цього року, поруч зі зверненням в офіційній кореспонденції за усталеною формою: «кошовому отаману з товариством», часто паралельно зверталася й до військового судді. Так, у листі графа П. Девієра від 9 серпня 1761 р. фігурує звернення: «государи мои приятные друзья Григорий Федорович и Петр Иванович» [2, снр. 67. 1759–1775, 1778 pp. - Арк. 82]. Прикметно, що в листах гетьманської канцелярії значився лише один адресат: кошовий отаман без означення імені, а ієромонах Межигірського монастиря Феодорит звертався не до кошового отамана (офіційного ктитор монастиря), а до військового судді: «высокблагородный господин Петр(.) славного Войска Запорожского Низового достойно почтенный судья» [2, снр. 67. 1759–1775, 1778 pp. - Арк. 101–108, 122]. Останнє вказує на те, що контроль за фінансовими ресурсами перебував у руках Калнишевського.

При цьому Калнишевський підкреслено виявляв зовнішні знаки шани до номінального кошового. У серпні 1761 р. він опікувався виготовленням «коляски»

(карети?) для Григорія Федорова [2. *спр. 67. 1759–1775. 1778 рр. - Арк. 84–85*]. Та будучи вже у віці і втомившись від керівництва Кошем, Федоров подав до генеральної військової канцелярії до А. Я. Безбородька прохання «в начатие нового года уволитися», зважаючи на поганий стан здоров'я. Ще 8 липня 1761 р. він клопотався у листі до гетьмана, аби його родичі, що мешкають у с. Піски Курінної сотні Лубенського полку, були звільнені від сотенних повинностей і підпорядковувалися лише гетьманській канцелярії. За собою ж він прохав залишити «нинішній його чин». Біографія кошового отамана Григорія Федорова Лантуха може видатися хрестоматійним зразком життєвого шляху запорожця: «Я от малых монх еще лет пры Войске Запорожском Нызовом в службе ... до пятидесяты лет нахожусь... Как и в прошлие крымские и во все походы был враженный против неприятеля в партиях прыступах и нещадя живота своего и ныгде не закрывая лица, поступал ревностно отчего и раны принимал и ныне в оном Войске Запорожском по разным ныжным чинам уже вторично по апробашии вашей ясневелможности управляя, не малую должность, главным комендырем ... служу» [2. *спр. 67. 1759–1775. 1778 рр. - Арк. 155, 209–210*]. То ж, вірогідно, датувати народження Федорова можливо останнім десятиліттям XVII ст., тобто тим часом, яким усталено датують народження Калнишевського. Хоча безперечно, Федоров був набагато старший за нього: та, незважаючи на свій поважний вік і тривале перебування на високих посадах у Війську, він не накопичив значних статків. А життя Калнишевського складалося за іншим штабом: на той час він відзначився тільки переслідуванням гайдамаків і двома депутаціями до царської столиці: обставини його діяльності у період 1754–1762 рр. спонукають бачити в ньому особу, вік якої не міг перебільшувати 50 років.

Петро Калнишевський належав до нового покоління козацької старшини, привичасного до товарно-грошових відносин, що розгорталися в умовах існування мирних кордонів на степовому порубіжжі. Це старшинське угруповання й привело його до кошівської булави в 1762 р. Ми не маємо докладних відомостей про обставини першого обрання Калнишевського на кошового отамана. Проте соціальне обличчя його прихильників цілком зрозуміле: це – заможні козаки, які прагнули стабільних політичних умов та адміністративних гарантій для розвитку свого, орієнтованого на зовнішні ринки господарства. Конкурентів Калнишевського підтримувала запорозька сірома, яка трималася традиційних звичаїв, прилаштованих до здобичницького життя на степовому порубіжжі. Кошівство його попередника Григорія Федорова-Лантуха, за соціальним походженням близького до сіромн, прослідковується за документами до кінця липня 1762 року [2. *спр. 120. 1762–1763 рр. - Арк. 115 зв.*].

12 вересня 1762 р. Калнишевський вже як кошовий отаман був присутній у Москві на коронації Катерини II [24. *с. 375*]. Проте повернувшись на Січ, йому не довелося довго тримати булаву. Причина цього крилася в гострому протистоянні козацьких угруповань. Вплив партії сіромн на загальній раді 1763 р. спричинив до нового обрання кошовим отаманом Григорія Федорова Лантуха, а наступного року – Пилипа Федорова. Це були люди поважні, яким вже неодноразово доводилося урядувати Кошем. Але через похиллий вік вони вже не виявляли особливого шанобства. Тому й їхнє обрання для обох козацьких угруповань було вимушеним і тимчасовим компромісом. Певний час їх підтримував

російський уряд, котрий вимагав від запорожців відмовитися від щорічного обрання старшини. Хоча уряд не міг бути задоволений тим, що Кіш очолює не реальний, а номінальний козацький урядовець, що не має сили впливати на події. Нестабільна ситуація на кордонах із Туреччиною, поширення гайдамацтва, безконтрольне поведження запорозької сіроми диктували царату необхідність сприяти зміцненню влади кошового отамана, який би мав підтримку з боку заможного козацтва і старшини, а з іншого боку – був більш контрольований прикордонною адміністрацією, ніж висуванці від сіроми. Значне козацтво ставилося до таких намірів із зацікавленням, втім протидія більшості козаків примушувала царат бути поблажливим у цьому питанні.

Особливо ускладнилася ситуація на порубіжжі після заняття в 1758 році кримського престолу Крим Гірей-ханом, котрий погрожував відновити кримські набіги на російські володіння і міг передчасно спровокувати війну з Туреччиною. Наступного року хан переселив єдичкульських ногайців безпосередньо поблизу Січі, неофіційно розголосивши про близький початок війни. Суперечки між єдичкульцями та запорожцями часто переростали в збройні сутички та взаємні грабунки. З іншого боку, на Побужжі збільшилася кількість гайдамацьких ватаг, котрі грабували в степу купецькі каравани, чумацькі валки, забирали коні в ногайських чабанів і влаштовували погроми польських поміщицьких садіб. З часом вони перетворилися на потужну військову силу, маючи своїми прибічниками запорозьку сірому та українське селянство Правобережної України. Активність гайдамаків була настільки значною, що південно-західні кордони імперії стали виходити з-під контролю Коша та російської прикордонної адміністрації. Грабунок кримських чабанів і ногайців, до якого вважалась запорозька сірома й гайдамаки, також викликав ускладнення у відносинах Росії з Туреччиною, котру постійно підштовхувала до війни Франція.

Росія, у прагненні здобути вихід до Чорного моря, активно готувалася до війни з Туреччиною як військовими, так і дипломатичними засобами. Протягом цієї підготовки царат потребував стабільності на турецькому кордоні; спокій і розмірений плін життя на Запорозжі був одним із її важливих елементів. Ось чому царат намагався не допустити щорічної зміни керівництва Коша, цим продиктовані догани січовому товариству за спроби обрати Калнишевського і безцеремонне примушування перестарілих козаків Григорія Лантуха та Пилипа Федорова всупереч їхній волі залишатися при кошівській булаві. Протягом 1763 р., коли номінальним кошовим лишився Григорій Лантух, реальна влада в Коші не випадала з рук Калнишевського. Здебільшого він підписував документи, що стосувалися внутрішнього управління Запорозжя, однак документація, що виходила за межі Вольностей, мала сигнатуру номінального кошового. У липня 1763 р. Лантух виїхав до Москви для супроводу клейнодів: булави, прапору, бунчука, печатки, пірнача, литаврів, значків і тростини, котрі мали бути ним доставлені до Глухова, а вже там офіційно отримати їх з гетьманських рук як посвідчення монаршої санкції на перебування його на посаді кошового. Однак Лантух відписав листа до Калнишевського, звертаючись до нього як до чинного кошового отамана і прохаючи підготуватися до зустрічі клейнодів: при цьому сам він підписався у тому листі як кошовий отаман [8. с. 73].

Царський указ від 27 серпня 1763 р., наче передбачаючи ймовірність несанкціонованої передачі кошівства на Січі, ще раз наголосив на тому, що «для дутчаго управління и содержания в добром порядке» Війська слід відмовитися від щорічного обрання старшини. На додаток до традиційних регалій, Катерина II надіслала кошовому отаману золоту медаль, яку той мав постійно носити як санкціонований знак своєї влади [33, с. 190]. Утім подальший перебіг подій йшов не за тим сценарієм, що був передбачений у Петербурзі. За викладом А. Скальковського, коли Григорій Федоров повернувся з чергової поїздки і «бачачи невдачу війська в усіх ділах та й свою немічність через похилый вік, вплив на військо нового отамана Петра Калнишевського... від посади своєї відмовився і більше приймати її вже не хотів» [24, с. 383]. Кошівську булаву взяв Калнишевський. 19 серпня 1763 р. чиновники Київської губернської канцелярії поздоровили його з отриманням пожалуваної від царя медалі [9, с. 55]. Однак на виборах 1764 року під тиском сірома кошовим обрано 80-річного Пилипа Федорова, отамана Канівського куреня. Цей стомлений віком чоловік неодноразово прохав козацьке товариство позбавити себе такої непосильної відповідальності, та сірома вперто наполягала на його кошівстві. Тоді він звернувся президента Малоросійської колегії графа П. О. Рум'янцева, прохачучи про увільнення з посади кошового, на що отримав категоричну відмову [24, с. 387]. Коли ж і Пилип Федоров остаточно усунувся від справ, сірома вже не мала такого іменитого претендента, який би міг позмагатися з Калнишевським, а російський уряд поступився і санкціонував його обрання. Урешті-решт на військовій раді 1 січня 1765 р. Пилип Федоров подякував військовому товариству «за панство» та пішов на спочинок до Пустинно-Самарського монастиря. Кошовим отаманом обрано на січовому майдані та затверджено в урядових колах Петра Калнишевського.

Остаточо закріпившись при булаві, Калнишевський став призначати на ключові посади у Війську Запорозькому тих козаків, які у своїх господарських справах, кар'єрному зростанні й добробуті завдячували тільки йому особисто. Його першими помічниками стали військовий суддя Павло Головатий, котрий був перед тим військовим суддею, а також військовий писар Іван Глоба, який до того служив писарем на перевозах та зажив слави серед запорожців «найрозумнішого козака у війську». Антон Головагий, котрий у подальшому ввійшов до історії як один із керівників Чорноморського козацького війська, перш ніж стати військовим писарем, служив у команді «молодиків при боці кошового», був козаком Кушівського куреня, згодом – писарем Самарської паланки, потім старшиною в Коші, допомагаючи у канцелярській справі військовому судді та кошовому під час військових походів, а на 1768 рік вже бачимо його на посаді військового писаря. Рідний для Петра Калниша Кушівський курінь став відрізнятися від решти своїм привілейованим становищем. То ж Г. О. Потьомкін у листі до Калнишевського не випадково називав його «головним у Січі куренем» [24, с. 388, 540, 522]. Саме з Кушівського куреня кошовий добрав собі вірних служителів, а найчастіше – своїх земляків та родичів.

Управління Кодацькою паланкою Петро Іванович доручив своєму племіннику Йосипу Підгайному-Калнишевському. Ще будучи військовим суддею, Петро Калнишевський у 1761 р. до себе на Січ запросив Йосипа, котрий служив у

Смілянській сотні під команду сотника Григорія Єременка: свого небожа він відряджав до Глухова для того, щоб познайомити із впливовими вельможами з оточення гетьмана [2, *срп.* 67. 1759–1775, 1778 *рр.* - *Арк.* 212]. Захищаючи спадкове майно Йосипа в с. Оксютинці, що поблизу Пустовийтівки, Калнишевський відбив зазіхання на нього бунчукового товариша Андрія Полетики [10, с. 15]. Призначивши племінника полковником Кодацької паланки, землі якої простягалися від Кодака (територія сучасного Дніпропетровська) до Нової Січі, він надійно зміцнив свої позиції. Від'їжджаючи у справах за межі Запорозжя, кошовий зазвичай доручав йому слідкувати за своїм господарством. Полковий старшина Петро Хижижківський став полковником Орільської паланки після того, як виконав особисті доручення кошового, зокрема стягнув борг з одного чигиринського купця. Незмінним управителем величезного господарства Калнишевського протягом 20 років залишався Гарасим Чорний [12, с. 332, 333], представник розгалуженої родини Чорних, земляків кошового. У лютому 1775 р. Г. Чорний виконав почесне доручення Петра Івановича – привіз з Петербургу лавтари, надані козацькому товариству Г. О. Потьомкіним [24, с. 545].

Стрижем управлінської стратегії кошового отамана Калнишевського стала, з одного боку, боротьба із гайдамацтвом (на чому наполягав російський уряд і що відповідало прагненням значних козаків), з іншого – захист автономії Війська Запорозького. Російська підтримка допомагала йому безстрокового тримати кошівську булаву, захищаючи від протидії запорозької сіроми. Дієвість цього важеля була цілком випробувана під час повстання на Січі в грудні 1768 р., коли січова сірома ледве не позбавила Калнишевського життя. Водночас він шукав спосіб вийти з-під опікування прикордонної адміністрації і обрав для цього чи не єдино можливий шлях – створення на Запорозжі окремої хліборобської верстви, що стала б соціальною основою його правління і дозволила розірвати ланцюг обмежень його владі, що складався з протидії сіроми, – з одного боку, та російського уряду – з іншого.

В умовах підвищення рівня безпеки на степовому порубіжжі, як наслідок мінімізації набігів кримських татар і ногайців, у середині XVIII ст. на Запорозькій Вольності виплеснулася стихійна селянська колонізація. Поруч із запорозькими зимівниками з'явилися слободи й хутори, стрімко змінюючи побут Запорозжя. Гетьманська адміністрація та російський уряд намагалися використати цей колонізаційний рух для запровадження поміщицьких господарств на степових займищах, шойно обласгороджених працюю вільного хлібороба, і включити їх до фонду феодалних пожалувань. Перший такий симптоматичний випадок трапився на початку 1740-х років, коли полтавський полковник Кочубей привласнив засновані українськими переселенцями в Самарській паланці слободами та включив їх до Полтавського полку як окрему сотню [29, с. 12]. Запорозьке козацтво швидко розпізнало в цьому стрімкому «нашестьі греккосіїв» загрозу своєму традиційному ладу, адже, як вони говорили, «селянський плуг притягне за собою й пана». Тому часто траплялося, що запорожці нищили новозасновані слободи й хутори, шмагали поселенців батогами й примушували їх повертати назад «на волюсть».

Петро Калнишевський, після обрання кошовим отаманом змінив ставлення Коша до «греккосіїв». Головну увагу він зосередив не на боротьбі із заснуванням

слобід, а на встановленні контролю над стихійною селянською колонізацією. Дуже слушно зауважив з цього приводу Андріан Кашенко: «Калнишевський ... знав, що всі сусіди Запорозжя заздяться на вільні запорозькі степи і що єдиний спосіб зберегти їх, це залюднити самому Війську Запорозькому» [15, с.203]. На військовій раді 1765 року були скасовані всі обмеження щодо заснування слобод; переселенцям дозволялося селитися на по річці Орелі до Сіверського Дінця [31, с.97]. Дуже скоро тут утворилася щільно заселена смуга. У Подінців'ї виник окремий адміністративний округ Запорозжя – Барвінківська паланка. Однак землі, що були розташовані на південь від неї, залишалися порожніми, маючи лише поодинокі зимівники й хутори [19, с.636]. Запорозькі посіпшали запровадити у нових слободах власну адміністрацію й оподаткування, аби запобігти привласненню їх українськими та російськими поміщиками.

Кошовий послідовно створював на Запорозжжі окрему верству посполитих, себто селян. Хоча ця верства відразу набувала на Запорозжжі специфічних рис, пов'язуючись феодальною повинністю не з окремою особою, паном, але з усім Військом Запорозьким. Колонізація запорозьких степів за часів Калнишевського стає фактичною прерогативою Коша. Калнишевський рішуче виступив на захист земель Війська Запорозького і не зупинявся навіть перед погрозами прикордонним губернаторам, що накаже козакам збройно виступити проти урядових військових команд, котрі без належної санкції входять до запорозьких територій. У листі до генерал-губернатора Новоросійської губернії Ф. М. Воейкова від 6 липня 1773 р. він писав, що вихідці з Єлисаветградської провінції все ще продовжують захоплювати запорозькі землі біля р. Тяснин [30, с. 10]. Проти цих прибульців, за наказом Калнишевського, рушила запорозька команда на чолі з запорозьким полковником Гараджею та писарем Роменським, щоби витіснити їх, застосовуючи зброю [31, с. 105]. Але ті чинили опір, як засвідчено в документі: «самоволно влезши, не уступають». На підмогу їм проти запорозьців рушив ротмістр пікінерського полку Пугачевський з регулярною та нерегулярною командою при гарматах. Між запорозжцями й російською командою відбулася збройна сутичка: «А ми войско ... не можем берегтися ль и вооружаться против неприятеля ... турка или от самовольных нападенній оружейных?», – обурювався кошовий. Калнишевський висловив у цьому листі протест проти того, що російські офіцери зі своїми підрозділами, погрожуючи зброєю вже загарбали більше 200 верст запорозької землі, заснували тут слободи, почали продавати та перепродавати їх, вдираючись все далі й далі вглиб козацьких займищ, як зазначено в документі: «в самое ... почти ближайшине Сечи места влазять» [31, с. 10, 12].

В останнє десятиліття існування Запорозької Січі багато старих козацьких зимівників та хуторів перетворилися на багатолюдні села і містечка. Найбільшими поселеннями були містечка Микитине, Старі та Нові Кодаки, села й слободи: Лоцманська Кам'янка, Половиця, Романкове, Тритузне, Карнаухівка, Таромське, Сухачівка, Дійвка, Петриківка, Перешепине, Кам'янка, Самара (або Новоселня), Кільчень, Чаплі та інші. Старожил-запорожець Микита Корж загалом згадує 17 великих «селеній» [27, с. 225–228]. Більшість великих слобід були розташовані на землях найбільш заселених Кодацької, Самарської та Протовчанської паланок. Поступово Запорозжя стало відходити від залежності у

підвозі хліба з Гетьманщини, Правобережної України і вже не потребувало присилки царським урядом хліба як жалування. Про зростання добробуту Запорожжя за часів Калнишевського свідчить народна приказка: «Як був кошовим Лантух (Григорій Федорів. – *В. Г.*) – не було чого веншати у лантух, а як став кошовим Калнищ, то з'явилися лалянища, корж і киши» [7, с. 47]. Запорожців у Росії стали вважати людьми дуже заможними, «а надто вашу вельможність», – писали Калнишевському запорозькі депутати з Петербургу в 1775 р. [24, с. 549]. За іншим свідомством: «прежде запорожцы были бедны, а ныне все они богаты... Где прежда у них были хутора, там ныне распространились великие селения, и живут домами, имеют жен, детей, хорошее скотоводство и промыслы» [19, с. 631].

Землеробство у великих зимівницьких господарствах орієнтувалося на зовнішній ринок. У зимівниках військової старшини – Калнишевського, Глоби, Головатого були значні посіви жита, пшениці, ячменю, вівса, проса, зокрема (на 1775 р.) у Калнишевського: 1120, 1055, 1010, 476 і 1055 пудів, відповідно, кожної культури. Значне поширення мало тваринництво. У зимівниках Калнишевського в 1775 році нараховувалося 639 коней, 9 буйволів, 1076 голів великої рогатої худоби, 14 045 овець і кіз, 106 свиней, 5 віслюків, 9 буйволів [11, с. 352–353]. Зимівники кошового були розкидані по запорозьких займищах, здебільшого на залюднених землях Кодацької, Самарської та Протовчанської паланок, де також розташувалися господарства заможної запорозької старшини. Зимівники Петра Калнишевського подають гарний зразок господарювання в умовах стабілізації степового кордону. Утім чіткої межі між тим, де закінчується приватна власність кошового й починається власність Війська Запорозького не існувало. Так, полковник Григорій Попович доповідав кошовому Калнишевському, що із його зимівника на Інгульці «хліб з ям вибрато і помолото. Дяя внімки всього хліба наказано ще 100 рогож прислати. От полкового старшини Данила Балицького 50 рогож прислаю і хлібом наповнено». У зимівнику полковника Гараджі у Барвінківій паланці було більше 22 тонн зерна та ще 15 тонн на його млині на р. Сіверській Донець [22, с. 74–75].

Отже, завдяки заходам, здійснюваним П. Калнишевським, господарство Запорожжя остаточно відійшло від привласнюючого типу економіки. Значно ускладнилася господарська інфраструктура, зменшилася питома вага давніх промислів і розширилися обсяги хліборобства, помітно позжавішали товарно-грошові відносини. Запорожжя на економічно самодостатню територію, здатну експортувати продукти власного хліборобства і тваринництва за межі своїх володінь.

Міцності влади Калнишевського сприяли його особисті контакти із впливовими російськими вельможами, гетьманською старшиною та іншими поважними людьми. Кошовий надсилав їм щедрі дарунки та виконував різні доручення із торговельних та конфіденційних справ. Царські вельможі дуже ласі були до цінних сортів дніпровської риби, як-то осетр, вирозуб, що були у великій моді в Петербурзі, а тому кошовому доводилося часто слати з Січі хабарі рибою. Калнишевського прохали також доставляти в столицю й екзотичні товари, зокрема білих верблюдів. Для їх купівлі з Січі надсилалися в ногайські степи та до Криму спеціальні команди козаків. У 1763 р. Калнишевський клопотався придбанням у Криму вина для лубенського полковника Івана Кулябки [9, с. 52.

55]. За сприянням у купівлі на Січі та в Криму бакалій, вина, фруктів, солі та інших товарів до кошового зверталися фаворит цариці Єлизавети Олексій та його брат, гетьман Кирило Розумовський, гетьманська старшина Андрій Безбородько та Семен Кочубей [4, с. 69]. І кошовий отримував з цього не лише торговельний, але й політичний зиск. Так, у відповідь на дарунок київському генерал-губернатору Воейкову борзих собак Калнишевський у 1768 р. мав від нього запевнення: «всем под командою моею находящимся найкрепчайше подтверждено, даб[ы] отнюдь ничего противного ... к Войску Запорожскому принадлежащим [людям], чинить не дерзали, но напротив того, всякие снисхождения и приязнь оказували». Маючи славу доброго знавця кримських справ, окрім торговельного посередництва, кошовий виконував й інші прохання, зокрема допомагав викупляти християнських невільників з татарської неволі. На прохання київського обер-коменданта Якова Слчанинова, він допоміг грузинському священнику викупити свого брата з кримської неволі [9, с. 56].

Багато впливових урядовців за клопотанням Калнишевського записувалися до козацьких реєстрів. Російські вельможі бавилися цим як справою екзотичною, на кшталт посвяти в мальтійські рицарі, однак кошовий тим самим зміцнював свої зв'язки. Гетьманський бунчужковий товариш Павло Кочубей, начальник астрономічної експедиції Христофор Ейлер, генерал-аншефн російської армії граф Петро Панин та Іван Глебов, Петро Девьер, генерал-поручик граф Андрій Остерман, генерал-майор князь Олександр Прозоровський, польський коронний гетьман Ксаверій Браницький і, зрештою, князь Григорій Потьомкін стали почесними козаками. Цей останній був записаний до Кушівського куреня [24, с. 522–523; 35, с. 152]. Напевне, Потьомкін і Калнишевський ніколи в житті не бачилися, натомість 21 червня 1774 року цей царський вельможа писав кошовому: «Хоч і не маю честі знати вас особисто, але будучи однокурінцем...» і таке інше; вдаючись до манірної стилізації, звертався до нього на запорозький кшталт: «люб'язний батьку», прохаючи кланятися від себе «кушівському курінному отаману, товариству й усім сіромахам», а на додаток – надіслати «гарного татарського коня, щоб козакувати годився» [24, с. 542–543]. Отже, Потьомкіна обирали козаком заочно.

Жести ввічливості до російських вельмож не завадили Калнишевському бути принциповим, якщо справа торкалася прав Війська Запорозького. Довгий час кошовий клопотався тим, щоб вивести Запорожжя із підпорядкування Малоросійської колегії, запровадженій після скасування гетьманства на Лівобережній Україні у 1764 р. А так як гетьмани вважалися сюзеренами Війська Запорозького, то й Малоросійській колегії царат визначив розпоряджатися справами запорозьців. Тим самим, Запорожжя, залишаючись у віданні Колегії іноземних справ, стало контролюватися одразу двома імперськими відомствами. Вбачаючи в такому подвійному підпорядкуванні загрозу автономії Війська Запорозького, Калнишевський доклав чимало зусиль, аби залишитися тільки у відомстві Колегії іноземних справ. Якби це здійснилося, то Запорозькі Вольності утримали б за собою статус своєрідної «іноземної» (стосовно Росії) території. Для досягнення цієї мети Калнишевський виявив неабиякі дипломатичні здібності та задіяв усі свої впливові знайомства при імператорському дворі, заохочуючи царських вельмож щедрими хабарями. Цю ж вимогу Кіш включив 4-м пунктом в

інструкцію запорозьким депутатам, що відряджалися в 1767 р. для участі в Комісії для складання проекту Нового Уложення.

Спроби Калнишевського позбутися докучливого опікування розпорядників гетьманської спадщини призвели до конфлікту з президентом Малоросійської колегії графом Рум'янцевим. У жовтні 1766 р. Калнишевський приїхав на Січ вкрай роздратований від спілкування з цим норовливим вельможею. Полковий старшина Павло Савицький тоді склав донос на кошового, де сповістив, що Калнишевський зачинився у своїй спальні та почав потайки говорити військовому писарю: «Бачу, нічого надіятися на них (росіян), а потрібно написати турецькому імператорові і, відібравши у Війську 20 добрих козаків, відрядити з проханням прийняти (Військо Запорозьке, – *В. Г.*) до турецької протекції, а в Військо напишемо, щоб усі готувалися до походу; напишемо, що коли російська регулярна армія або гусарська яка-небудь команда до запорозьких дач увійде, то щоб жодного чоловіка не впустили в кордони, а якби стали силою входити в дачі запорозькі, то чинили б з ними як із ворогами». Савицький не міг сказати напевно, чи справді Калнишевський надіслав листи турецькому султану, прохаючи взяти Запорожжя під свою протекцію. Проте він запевнив, що власноручно писав у жовтні того ж року листи кошового старшини Антона Красовського та військового осавула з наказом тримати козаків у повній готовності для збройного виступу проти Росії, а також про заборону пропускати росіян у Запорозькі Вольності [26, с. 47–48].

Готуючись до війни з Росією, у 1768 р. Порта справді спробувала прихилити на свій бік запорожців. Однак Кіш не виявив жодних ознак вагання щодо свого російського підданства та й ні найменших ознак підготовки до переходу під протекторат Османів. Російський уряд, готуючись до війни з Туреччиною, після отримання доносу Савицького у 1767 р., безумовно, ретельно перевіряв лояльність кошового і старшини. Донеси щодо державної зради Калнишевського уряд отримував неодноразово, були ще звинувачення кошового в таємних зв'язках з польськими конфедератами, вороже налаштованими до Росії [16, с. 172]. Запорожжя вже було надто інтегрованим до імперської структури Росії, щоб його старшина на чолі з кошовим зважилася на такий ризикований крок. Крім того, Кіш побоювався втратити гарантії, що забезпечував йому російський уряд в умовах постійної загрози повстання сіроми, котра сама більше виявляла схильність до переходу під турецький протекторат, ніж запорозька старшина. А ще був сумний досвід перебування запорожців у кримсько-турецькому підданстві у 1709–1734 рр. У пам'яті багатьох козаків трималася та кривава різанина, влаштована царськими військами на Запорожжі після невдалого виступу гетьмана Мазепи та кошового Костя Гордієнка проти російського панування. Ці обставини добре усвідомлював російський уряд, коли залишав донос Савицького поза увагою.

Суворим випробуванням для Петра Калнишевського стало повстання січової сіроми у грудні 1768 р., що було відгомонам Коліївщини – потужного народного повстання на Правобережній Україні. Гайдамацький рух на той час настільки організаційно зміцнів, що мав власний кіш, гармати, військову субординацію, подібну до Війська Запорозького, а ватажки гайдамаків упевнено називали себе кошовими отаманами, не визнаючи влади кошового й старшини Запорозької Січі.

Це був справжній виклик законослухняному Війську Запорозькому, потужна спроба відродження духу вже призабутих традицій степової вольниці. Запорозький Кіш на чолі з Калнишевським, продовжуючи боротьбу з гайдамацтвом, разом із російськими та польськими військами виступив на придушення Коліївщини. Внаслідок каральних експедицій січова пушкарня була заповнена ув'язненими гайдамаками.

26 грудня, на другий день Різдва, на Січі відбувалася загальна військова рада, де, за усталеною церемонією, формально підтверджувалися повноваження старої старшини на новий строк. Калнишевський вийшов на середину січового майдану, побажав товариству щасливого свята і за звичаєм запитав: «А шо, братчики, будемо робити?». Згідно звичаю, козаки мусили тоді назвати імена тих, кого вони хотіли бачити кошовим отаманом і старшиною, котрі порядкували б Кошем упродовж нового року. Та озброєна юрба козаків-сіромах, не чекаючи традиційного покладання піску на голови Калнишевського та його прибічників, попри вигук вірних йому козаків «будьте пани здорові, сирно!» геть розігнала раду, звільнила з пушкарні гайдамаків та із сокирами в руках пішла трошити будинки старшини та заможних козаків. Увірвавшись до старшинських осель, сіромахи «не взирая на святые образа и моши, блии и кололи и со всем имуществом старшин разорили» [11, с. 407]. Забивши в смерть кількох прибічників Калнишевського, натовп рушив до оселі кошового отамана, та Калнишевський в останню мить устиг вискочити зі свого будинку «через верх потолочний» (дах) [24, с. 443]. Будинок кошового був вщент розгромлений, про що свідчить пізніше складений Калнишевським опис збитків: бунтівники рознесли металеву огорожу («оковка ковалям»), повибивали шибки й завалили піч («грубу»), оздоблену кахлями, з особливою зневагою розтрошили портрети царських осіб («портреты государственной персоны»), розтоптали ногами багато оздоблені ікони й пограбували увесь скарб кошового. Ледве врятувавшись, Калнишевський перевдягнувся в чернечу рясу і, ховаючись у темряві ночі, пробрався до Новосіченського ретраншементу під захист російського гарнізону. Кошова старшина до самого ранку переховувалася у плавнях, а потім на човнах втікала до Кодака, де сховалася під захистом козаків Кушівського куреня, який залишався вірним Калнишевському [1, арк. 1; 12, с. 392–393; 24, с. 443]. Кодацькому полковнику Йосипу Калнишевський вдалося не допустити поширення повстання у межі своєї паланки.

Повстання розгорялося стихійно, у повсталих не було спільної мети й єдиного керівництва. Ця обставина надала можливість Калнишевському, діючи спільно з комендантом російського гарнізону капітан Мікульшніним, роз'єднати угруповання повсталих, заарештувати та знищити фізично тих, хто найбільше чинив спротив.

Після придушення повстання сіроми Калнишевський цілком усвідомлював свою залежність від російської прикордонної адміністрації і можливість нових сутічок між козацькими угрупованнями. Запорожжя й надалі лихоманило нескінченними виступами сіроми проти кошового отамана. Спираючись на нечисленний прошарок значного козацтва, котрий привів його до кошовської булави, Калнишевський значно звужив соціальну базу своєї влади і потрапив у ситуацію гострого конфлікту з сіромою. Нова верства хліборобського населення

Запорожжя ще не встигла сформуватися в численну та впливову соціальну групу, яку можна було протиставити здобичникам-сіромахам. Тому кошовий так і не зміг відмовитися від допомоги російських багнетів для підтримання порядку на Запорожжі. Та слід віддати йому належне як політику. За обмежених ресурсів підтримання своєї влади він все ж-таки спромігся запобігти розколу в старшинському середовищі, зміг вчасно викривати змови та усувати від справ небезпечних конкурентів. Вузкий соціальний прошарок, що його підтримував, на протинвагу роз'єднаним угрупованням сіроми був внутрішньо монолітним. Завдяки цьому Калнишевський мав значні переваги над іншими претендентами на кошівську булаву. Сила його особистості, непересічний хист адміністратора й раціональна політична тактика забезпечили його перебування на посаді кошового отамана протягом усього останнього десятиліття існування Січі.

ДЖЕРЕЛА І ПРИМІТКИ

1. Архів Соловецького державного історико-архітектурного і природного музею-заповідника. 1024/2119.
2. Центральний державний архів України. - Ф. 229. - Оп. 1.
3. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775. - Т. 3. 4. - К., 2003, 2006.
4. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Опис справ. 1713–1776. - К.: Наукова думка. 1994.
5. Інструмент розграннення земель между Россією и Портою в 1742 году // Записки Одесского общества истории и древностей. - Т. 2. - Одесса, 1852. - С. 834–835.
6. Апанович О. М. Гетьмани і кошові отамани Запорозької Січі. - К.: Либідь, 1993.
7. Бровко А., Бровко Б. Козацькі ватажки у фольклорно-етнографічній спадщині Я. П. Новицького // Матеріали перших Новицьких читань. 24 жовтня 2002 року, м. Запоріжжя. – Запоріжжя: РА “Тандем-У”, 2002.
8. Гісцова Л. З. Чи були блакитні й жовті прапори на Запорожжі? // Архіви України. - 1990. - № 5 (223).
9. Гісцова Л. З. До портрета П. Калнишевського // Архіви України. - 1991. - № 3.
10. Гісцова Л. З. Приватне листування Петра Калнишевського // Київська старовина. - 1993. - № 3.
11. Голобуцький В. А. Запорожское казачество. - К.: Госполитиздат. 1957.
12. Голобуцький В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування. 1734–1775. - К.: Вид-во АН УРСР, 1961.
13. Голобуцький В. Запорозьке козацтво. - К.: Вища школа, 1994.
14. Голобуцький В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування. - Дніпропетровськ: Січ, 2004.
15. Каценко А. Оповідання про славне Військо Запорозьке Низове. - К.: Веселка, 1992.
16. Когут З. Російський централізм і українська автономія: Ліквідація Гетьманщини. 1760–1830. - К.: Основи. 1996.
17. Кузніак Д. Лицар Дикого Поля: Історико-документальна повість-есе. - К.: Варта, 2005.

18. *Кулиш П. А.* История воссоединения Руси. - Т. 1. - СПб., 1874.
19. *Лазаревский А.* Запорожье в конце XVIII века (современная записка) // Киевская старина. - 1889. - Т. XXVII, декабрь.
20. *Михнева Р.* Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века (1739–1756). - М., 1985.
21. *[Николайчик] Ф.* Родина Калинишевского // Киевская старина. - 1892. - Кн. 5.
22. *Олійник О.* Продуктивність зимівничого господарства запорожців часів Нової Січі (1734–1775 рр.) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. - Т. 5. - К., 1999.
23. *Рыбцова М.А.* Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. - Волгоград: Изд-во ВолгГУ, 2006.
24. *Скальковський А. О.* Історія Нової Січі, або останнього Коша Запорозького. - Дніпропетровськ: Січ, 1994.
25. *Слабченко М.* Паланкова організація Запорозьких Вольностей // Праці для вивчення західно-руського та українського права. - Вип. VI. - К., 1929.
26. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. - Кн. XIV. Т.27–28. - М., 1965.
27. *Стороженко Олекса.* Споминки про Микиту Леонтійовича Коржа // Марко Проклятий. Повесть. Оповідання / Упоряд., передм. та приміт. П. Хропка. - К.: Дніпро, 1989.
28. *Тищенко М.* Нариси історії торгівлі Лівобережної України з Кримом у XVIII ст. // Історично-Географічний збірник. Видас комісія для складання Історично-Географічного Словника України. - Т. 2. - К.: друкарня ВУАН, 1928.
29. *Швидько Г. К.* Актові джерела до історії Запорозької Січі // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. – Вип. 5. – Запоріжжя: ПА “Тандем-У”, 2000.
30. *Швидько Г. К.* Актові джерела до історії Запорозжя останніх років його існування // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. - Вип. 6. - Запоріжжя: ПА “Тандем-У”, 2001.
31. *Шиманов А.* Передсмертна поземельна боротьба Запорозжя (епізод з його прикордонних суперечок з колишньою Слобідською Україною) // Запорозіці: До історії козацької культури. - К.: Мистецтво, 1993.
32. *Эварницкий Д.И.* Последний кошевой атаман Петр Иванович Калишевский. - Новочеркасск, 1887 (Отгиск с журнала «Дон»).
33. *Эварницкий Д.И.* Сборник материалов для истории запорожских казаков. - СПб.: тип. И. Н. Скороходова, 1888.
34. *Эварницкий Д.И.* Источники для истории запорожских казаков. - Т. II. - Владимир, 1903.
35. *Яворницький Д. І.* Історія запорозьких козаків. - Т. 1. - К.: Наукова думка, 1990.
36. *Яворницький Д. І.* Запорозжя в залишках старовини і переказах народу. - Ч. 1. - Дніпропетровськ: Арт-Прес, 2005.

ВНЕСОК ОЛЕКСАНДРА РЯБІНІНА-СКЛЯРЕВСЬКОГО У ВИВЧЕННЯ ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОГО КОЗАЦТВА

*“Та вже що буде, те і буде,
А буде те, що бог нам дасть;
Не ангели – такії ж люди,
Колись нам треба всім пропасть...”*

І. Котляревський, «Енеїда».

Ім'я Олександра Олександровича Рябініна-Скляревського (1878–1942 рр.) – видатної людини і вченого досі майже невідоме широкому загалу української інтелігенції. Ще менше людей знають про те, що він був полковником Генерального штабу російської армії, генерал-хорунжим армії УНР, викладачем Одеського університету та вченим-архівістом Одеського крайового історичного архіву (1922–1937 рр.). Його перу належить майже 50 друкованих та рукописних наукових робіт з історії та теорії військової справи, археології, східної релігії та історії України. О. О. Рябініну присвячено декілька статей та монографія, яка торк вийшла з друку [7, с.30–31; 10, с.94–95; 14, с.291–292; 15; 16]. В даній статті автор більш детально зупиниться на його ролі у вивченні історії українського козацтва. І дійсно, ця тема займає особливе місце в науковому спадку вченого. Хоча загальна кількість опублікованих праць О. О. Рябініна з історії запорозьких, задунайських, чорноморських, усть-буджацьких та азовських козаків не є значною, вони настільки глибокі та різнобічні за своєю тематикою та хронологічним діапазоном, що повинні нарешті зайняти своє належне місце в українській історіографії (Див. список праць О. О. Рябініна, далі – Рябінін).

Значною заслугою вченого є його насправді титанічна праця по опису документів архіву Коша Запорозької Січі, який до 1931 р. зберігався в Одеському крайовому історичному архіві. Це була гігантська робота, бо архів складається з майже 40 000 аркушів, об'єднаних у 365 окремих тематико-хронологічних справ. Тож, зупинимось на цьому питанні, оскільки у багатьох роботах різних авторів про архів Запорозької Січі участь О. О. Рябініна в його вивченні навіть не згадується.

Л. М. Мельник, яка зовсім недавно опублікувала три листа О. О. Рябініна на ім'я М. С. Грушевського, датованих періодом з 19 липня по 15 жовтня 1927 р. і ще три його листа до редакції часопису «Україна», написаних між 24 жовтнем та 11 листопадом того ж року, запевняє, що О. О. Рябінін в одному з них повідомляє про свою роботу над описом архіву Запорозької Січі. Дійсно, в листі від 2. 10. 1927 р. він писав: «Я передивився Січовий Архів... і всі матеріали статті [«Запорозькі бунти дунайців...»] (Рябінін, 2), ще ніде не надруковано» [17, с.37, 40]. Сам О. О. Рябінін у 1931 р. повідомив: «Отдельно мне поручена, выполнена за два года и теперь печатается большая работа “Опис архіву Запорозької Січі”» [1]. З цього факту витікає, що робота по опису архіву Запорозької Січі була

виконана ним на протязі 1928–1930 рр. і ще до першого арешту повністю закінчена і здана до друку. Отже, можна зробити висновок, що у 1927 р. О. О. Рябінін, без сумніву, вже добре знав архів Коша, працював над ним, використовуючи документи для підготовки названої статті, але ще не приступив до створення його опису.

В 1931 р. ця праця була надрукована Археографічною комісією ЦАУ України, яка і доручила її виконати особисто О. О. Рябініну (Рябінін, 7). Цікаво, що спочатку в планах Археографічної комісії книга мала назву «Опис фонду Коша Січі Запорозької» [9, с. 110]. Передмову до монографії написав член цієї комісії М. В. Горбань, а покажчики до опису склав вчений-архівіст Київського архіву стародавніх актів М. Ф. Тищенко, хоча автором іменного покажчика, скоріше за все, також був О. О. Рябінін [15, с. 191]. В передмові до першого видання прямо вказано: «Склав це описання учений архівіст Одеського крайового історичного архіву О. О. Рябінін-Склярєвський». Таким чином, виходячи з того, що на титульній сторінці книги «Архів Коша Нової Запорозької Січі: опис справ 1713–1776» (1994 р.) зазначено: «видання друге, доповнене і виправлене», названу монографію також можна включити до списку праць О. О. Рябініна-Склярєвського (Рябінін, 7).

Зауважимо, що одночасно зі створенням опису архіву Коша ішла робота по підготовці до публікації його документів. Хід цього процесу, в якому О. О. Рябінін не брав безпосередньої участі через низку причин, описан в декількох працях [15, с. 44–49; 30, с. 115–123; 9, с. 81, 104, а також 128, 182; та ін.] і тому ми не будемо на ньому зупинятися. Проте підкреслимо, що інтенсивна праця по вивченню архіву Коша, а також низки інших фондів Одеського крайового історичного архіву у 1924–1930 рр. логічно підвела О. О. Рябініна-Склярєвського до головної теми його наукового життя – історії українського козацтва.

Вперше він зачепив її у невеликому нарисі «Запорозька козацьчина і І. П. Котлярєвський» (1926 р.), яка була надрукована в часопису «Україна» (редактор – М. С. Грушевський). В ньому розглянуто зв'язок І. П. Котлярєвського з запорожцями, що повернулися до Росії під час створення Усть-Дунайського Буджаського козацького війська. Автор пише, що майбутній класик української літератури був одним з авторів маніфесту про створення цього війська. Головна ідея статті в тому, що поема «Енеїда» має два джерела: латинський оригінал Вергілія та живу українську дійсність. Зустріч І. П. Котлярєвського з козаками завершила формування його національної самосвідомості і дала поштовх до подальшої літературної діяльності (Рябінін, 1).

Далі розглянемо праці О. О. Рябініна про козацтво не по порядку їх виходу в світ, а за хронологічною тематикою і тут першою слід назвати фундаментальну статтю «Запорозькі заколоти та керуюча верства Коша XVIII століття», надруковану зовсім недавно. По всім показникам це справжня наукова монографія, що призначалась для збірки «Полуднева Україна», редактором якої також був М. С. Грушевський. Хоча на супровідному аркуші позначено, що збірка датується 1932 р., Г. К. Швидько повідомила, що редакторський висновок «перечитано, можна здавати до друку» був зроблений ще наприкінці 1930 р. [31, с. 166]. На підставі цього факту можна зробити висновок, що О. О. Рябінін працював над рукописом у 1929–1930 рр., тобто одночасно з описанням архіву

Запорозької Січі. Тому ця робота написана переважно на підставі документів архіву Коша, більшість з яких і досі не опублікована (Рябінін, 8).

Стаття складається з чотирьох частин. Вірогідно, що написані вони були в різний час та в іншій послідовності, ніж та, в якій вони подані в роботі. Про це свідчать декілька неоправданих повторів. Іноді навіть виникає враження, що ці розділи за своїм змістом не зовсім добре стикаються один з одним.

Перша частина присвячена ретельній характеристиці соціально-економічного та політичного становнича Запорозької Січі у 1700–1775 рр. Звертає на себе увагу розділ про походження назв цілої низки запорозьких куренів. Провідна ідея О. О. Рябініна полягає в тому, що у XVIII ст. на Запорожжі існувало два суспільно-економічних уклади: промисловий, репрезентований головним чином козацькою сіромою, і дрібнобуржуазний, що складався із хазяїв зимівників та торговельних підприємств. Їхні інтереси дуже часто не співпадали і саме у протиріччях між ними автор знаходить витокі і причини цілої низки козацьких заколотів. В той же час слід підкреслити, що О. О. Рябінін не вважає козацьку старшину яким-небудь головуючим, суттєво більш заможним класом: «Старшина в масі не складала верстви дуків. Господарі дрібних зимівників ще панували в куренях і Коші» (Рябінін, 8, с. 91). Саме вони, як пише автор, переважно визначали внутрішню, а особливо зовнішню політику Запорожжя. Їхні інтереси найчастіше провадила в життя вже не загальна Рада, а сходка старшин. Далі автор простежив процес бюрократизації влади на Січі, який проявився у появі численного інституту писарів, так званої «полкової старшини».

У другій частині детально описані заколоти та бунти запорожців 1738–1774 рр. О. О. Рябінін аналізує «імперіалістичну» політику царського уряду по відношенню до Запорозького війська, яка була направлена на анексію земель та обмеження його прав. В боротьбі проти цієї зовнішньої загрози інтереси представників двох названих козацьких укладів як раз співпадали, консолідуючи Запорожжя. Проте переважна більшість сіромни не підтримувала дії старшини по ліквідації гайдамаччини та Коліївщини і сама брала досить активну участь у цих рухах.

Третя частина присвячена так званій «кримській легенді» – міфу, дуже популярному серед запорожців у 1740–1770-х рр. Його підґрунтя полягало в тому, що в роки «кримської протекції» на Запорожжі та території суміжних степів, підвладних ханові, склалися найбільш сприятливі умови для розвитку промислового економічного укладу. Щорічні сезонні виходи на рибні лови, полювання та за сілля на землі Кримського ханства не обмежувались кордонами і митними перепонами та приносили усьому Запорозькому війську і окремим козакам дуже значні прибутки. Тому мирні стосунки з Кримом були дуже вигідні для Запорожжя і у часи «російської протекції». Важливо, що контакти з ханством не припинялись навіть під час російсько-турецьких війн. Виходячи зі сказаного автор робить абсолютно логічний висновок, що масовий вихід запорожців з Січі у 1775–1776 рр. був не чим іншим, як перетворенням в життя «кримської легенди». Пішли переважно промисловці, сірома, не пов'язані зі своїми «грунтами» і торгівлю: «Зимівник, хутор, слобода, містечко нерухомо лишилися чекати слушного часу легалізуватись в новому державному укладі» (Рябінін, 8, с. 146).

Четверта частина присвячена старшинам Запорозького війська. Вона відкривається хронологічним списком кошових отаманів 1700–1775 рр., зробленим на підставі глибокого аналізу джерел. Далі О. О. Рябінін подав біографії цілої низки кошових отаманів (К. Гордіснка-Головка; Ф. Шишацького, І. та К. Малашевичів, Я. Ігнатовича, П. Козельського, Г. Лантуха, П. Калнишевського, Ф. Пилипенка) і військових старшин: суддів (М. Косапа і М. Самбока); писарів (А. Вербецького, П. Чернявського, А. Кумпана, І. Чукусця, Д. Романовського, І. Кривецького, А. Товстика, І. Глоби); осавулів (А. Порохні, Я. Качалова, С. Білого); полковників (І. Сухини)*. Крім того, автор охарактеризував деяких представників духовенства Запорозжя (В. Сокальського, він же «отче Володимир»), а також написав про еміграцію К. Тарловського. Важливо, що у цих біографіях О. О. Рябінін наводить безліч подробиць згадує сучасників своїх героїв, їхніх родичів, нащадків, місця їх народження та розташування зимівників і т. і. Це справжній кладезь безцінних матеріалів про історичні персонажі Запорозжя XVIII ст. Найбільш актуальним з них сьогодні є згадка про рідного брата П. Калнишевського – посполитого Ничипора Юшенка з села Пустовійтівка Роменського повіту (Рябінін, 8, с. 158), якого вважають далеким пращуром президента України – В. А. Юшенка.

Наприкінці автор дає характеристику ліквідації Запорозької Січі у 1775 р. Він висловив думку, яка пов'язує названу працю зі статтями, про які ми поговоримо далі: «Сірома зрозуміла помилкову на її погляд тактику старшини в державному керуванні і виявила свою волю зупинити процес заколотами, а далі, після “атакування” Січі, півстоліття намагалась обороняти свої права в Задунайській Січі» (Рябінін, 8, с. 178).

Наступна стаття присвячена подіям першої російсько-турецької війни, коли у 1771–1774 рр. на Дунаї знаходились дві морські команди запорожців. Раніше цей епізод описав А. О. Скальковський [27; 28; 29, с.83–105]. Проте О. О. Рябінін не пішов його шляхом, а зосередив свою увагу на бунтах козаків дунайських команд. Важливо, що робота майже повністю побудована на документах Запорозького архіву. Провідна ідея автора полягає в тому, що вже на Дунаї та на зворотньому шляху на Дніпро значна частина запорожців зрозуміла, що кінець Січі наближається і залишилася на турецькій та кримській територіях. Таким чином вони заклали підґрунтя для відродження Січі саме там після 1775 р. Справжнім відкриттям автора є співставлення імен задунайських козаків з запорозькими, що дало йому можливість простежити біографії цілої низки козаків до початку XIX ст. Крім того, О. О. Рябінін опублікував дуже цікавий лист князя О. О. Прозоровського до П. Норова від 12.11.1776 р. про те, як запорожці активно освоювали землі Кримського ханства, а також на прикладі З. Чепіги та інших

* Автор, ще не знаючи змісту даної праці, написав про І. Сухину дві статті, проте О. О. Рябінін навів невідомі йому подробиці про родину і останні роки життя славного запорозького полковника. Див.: Сапожников І.В. Козацький полковник Іван Сухина // Київ. старовина. - 2000. - № 1. - С. 93–96; Його же. Іван Сухина – невідомий кошовий отаман Чорноморського козацького війська // Південна Україна XVIII–XIX. ст. - Вип. 5(6). - Запоріжжя, 2000.

старшин зупинився на процесі їхньої нобілізації після ліквідації Січі. Головний висновок такий: «На Дунай рушила незаможна верства Запорозжя, що мало зв'язана з землею, зимівниками, хатніми оселями. Козаччина з Гетьманщини більше тягнула до Чорноморців, до своїх ґрунтів, і тільки незначні купки її взяли участь у Дунайським Коші» (Рябінін, 2, с. 83)¹.

Другою працею про задунайців є стаття «З життя Задунайської Січі» (1929 р.). Її основна риса в тому, що дослідження побудоване переважно на документах Одеського крайового архіву. О. О. Рябінін широко використав і процитував свідчення козаків, які ті давали по виходу до Російської імперії. Цей же прийом, але на матеріалах архіву Чорноморського (Кубанського) війська використав В. О. Голобуцький [8], а пізніше по тому ж шляху у серії своїх робіт пішов А. Д. Бачинський [3; 4; 5; та ін.]. Проте у повному обсязі ці свідчення-біографії, що розкривають багато сторінок життя задунайського козацтва та зберігаються в Одеському і Краснодарському архівах, не опубліковані.

В цій же статті намічені основні етапи і причини еміграції та імміграції козаків між Росією та Дунаєм у 1775–1728 рр. Тут же до наукового обігу введено термін «козак запорозького звання (стану)». До них О. О. Рябінін відніс запорожців, які після ліквідації Січі не приєдналися ні до задунайців, ні до чорноморців і в значній кількості мешкали у Степовій Україні, зокрема, у Буго-Дністровському межиріччі та околицях Одеси. При цьому автор вперше використав справу Державного архіву Одеської області «О казаках Войска Черноморского, жительствующих около Одессы...», частина документів та опис якої були нещодавно опубліковані [18, с. 163–209; 23, с. 238, 277–286; 6, с. 209–237]. Основний висновок: «Процес розкладу козаччини йшов з 1775 р. ріжними стежками, через Кубань, Задунайську Січ, Буджаське військо, але ж ішов під впливом умов, що зруйнували Дніпровську Січ і закріпачили Степ» (Рябінін, 5, с. 32). Однак сказане не вичерпує змісту даної роботи, тому відішлемо читачів до її оригіналу, тим більше, що він був нещодавно републікований.

Наступною статтею про задунайське козацтво є «Задунайська Січ в народних переказах і письменстві» (1928 р.). В деякій мірі, принаймні за змістом частини другого розділу (с. 133–136), вона може розглядатися як розвиток більш ранньої теми «козаки і І. П. Котляревський». Проте тематика статті набагато ширша. Виникає враження, що ця доволі значна за обсягом робота має синтетичний характер, тобто до неї увійшли уривки з різних статей. Втім, маємо і докази що до цього. У листі до М. С. Грушевського від 19.07.1927 р. О. О. Рябінін повідомив: «для статті “Кінець Задунайської Січі” я надсилаю розділ про історію Скальковського. В виданні Празького університету (1925 р.)»² Біднов зовсім

¹ Ця стаття мала вийти у першому томі «Українського археографічного збірника» Археографічної комісії ВУАН під назвою «Задунайці». Див.: Едиційна археографія... - 1993. - С. 77.

² Мається на увазі стаття: Біднов В. Аполлон Скальковський як історик Степової України // Науковий ювілейний збірник українського університету в Празі, присвячений панові президенту Чесько-Словенської республіки проф. доктору Т. Г. Масарикові для вшанування 75-літньої річниці його народження. - Ч. I. - Прага, 1925. - С. 291–356.

поміляється про роботу Скальковського. Він не знає одеських документів і не помічає як Скальковський їх переліковує» [17, с. 39]. Оскільки у названій статті, якщо не брати до уваги окремі критичні випадки на адресу А. О. Скальковського (Рябінін, б. с. 40, 48, 67–68), такого спеціального розділу немає, с усі підстави вважати, що пізніше він увійшов до роботи, про яку ми зараз і поговоримо (Рябінін, 3).

Весь перший розділ статті присвячено аналізу спогадів колишнього задунайця А. Коломійця, які свого часу записав видатний український етнограф, історик і археолог Ф. К. Вовк в дельті Дунаю [12]. Треба сказати, що О. О. Рябінін зробив його живо, вдало використавши такий творчий прийом, як співставлення цих розповідей із фактами, зафіксованими у цілій низці документів Державного архіву Одеської області 1807–1834 рр. Такий синтез дав блискучі результати. По суті, перед нами розкривається практично вся історія задунайських козаків з 1775 по 1835 рр., тобто до перших років існування Азовського та Дунайського військ. Особлива увага приділена причинам та етапам зворотньої міграції козаків з-за Дунаю, короткій історії Усть-Дунайського Бужацького війська, порядку задунайських кошових отаманів і особистості Й. Гладкого. Далеко не у всіх випадках автор вважає спогади А. Коломійця правдивими, а закінчує розділ такими ліричними словами: «Дивляться в очі з старих сторінок столітнього паперу слова, що розповідають події минулого часу, і кажуть: “справді було”» (Рябінін, 3, с. 125).

Другий розділ не такий цільний і складається з декількох різнопланових сюжетів. Перший з них присвячений опері С. С. Гулака-Артемовського «Запорожець за Дунаєм». Автор вважає, що під час роботи над нею митець користувався двома джерелами – «Історією Нової Січі» А. О. Скальковського та розповідями отамана Азовського війська та письменника Я. Г. Кухаренко, який у 1861 р. перебував у Санкт-Петербурзі. Здається, що О. О. Рябінін поставився до цього музично-художнього твору занадто серйозно, бо звинувачує його автора у некритичній оцінці фактів та образів, позичених у А. О. Скальковського, а також вважає фантастичними такі подробиці, як поява султана, арешт Андрія і Оксали турецькою прикордонною сторожею та ін.

Наступний нарис присвячений українським народним пісням про життя за Дунаєм. О. О. Рябінін підкреслює, що до згаданої праці Ф. К. Вовка 1883 р. «ніякої літератури до історії Задунайської Січі і справді не існувало, окрім народної пісні» (Рябінін, 3, с. 127). Далі він нагадав, що таких пісень у свій час було зібрано чимало, їх записували А. О. Скальковський, П. П. Короленко, Ф. К. Вовк та інші і наводить список їх публікацій. На його думку, одна з них «добре відповідає добі 1775–1787 рр., коли запорожці обсіли Дніпровий та Дністровий лиман, перекинулись (махнули) аж за Дунай. Може і архівний документ не розповів би за ту добу більше». Після цього автор переходить до особи Якова Герасимовича Кухаренка, згадує про його отця, запорожця і чорноморця, відмічає його тісні стосунки з М. І. Костомаровим, С. С. Гулаком-Артемовським і Т. Г. Шевченком. За його словами, «Кухаренко не виправдовує Гладкого. Його ідеалом стає кошовий Мороз. Після Гладкого Кухаренко, як

тимчасовий отаман азовців, на деякий час робить світлу сторінку в сумній історії Азовського війська» (Рябінін, 3, с. 128)

Ще один нарис більш об'ємний. Це цілком зрозуміло, бо присвячений він А. О. Скальковському. Спочатку автор критикує ту частину «Історії Нової Січі...», в якій А. О. Скальковський описав задунайську історію запорожців (Розд. VII). Далі О. О. Рябінін дуже негативно оцінює той факт, що на протязі 1839–1898 рр. вчений користувався архівом Коша як своєю власністю, згадує про невдалі спроби кількох дослідників зробити архів доступним для науковців. Цікава характеристика ідейної спрямованості книги А. О. Скальковського. Так, спростовуючи його «лицарську концепцію», автор підкреслив: «Народоправство козацької громади він пристосував до статутів орденів, він не бачив народньої української істоти в козацькому народі». Далі наведена аргументована критика конкретних тверджень і висновків А. О. Скальковського, які стосуються історії запорожців у 1775–1828 рр., але її викладення зайняло б у нас занадто багато місця, тому можу лише порадити читачам ознайомитись з першоджерелом. Втім, не можу утриматися від ще одної цитати про А. О. Скальковського: «...мета написати твір на втіху “просвещеннаго начальства”, вплив польського козакофільства і повне нерозуміння української історії і життя українського народу мали наслідком таку непевну, попсовану історію кінця Запорозької козаччини» (Рябінін, 3, с. 130, 132).

Наступна невелика частина присвячена аналізу одразу ж трьох статей П. П. Короленко, О. Савича та В. Антоновича. Більш детально О. О. Рябінін зупинився на праці першого з них «Азовці» [13], яку оцінив позитивно, але підкреслив, що Кубанський архів зберіг дуже мало документів про задунайців. Одним з них є свідчення козака Л. Сника про старшин «турецьких» запорожців у 1788–1790 рр. Автор вважає, що згаданий в ньому кошовий Григорій Абдула був наказним у поході і, скоріше за все, так названо хорунжого Грицька Тарана. Він згадується до 1775 р. як товариш Сергієвського куреня, а також ще раз вже на початку XIX ст. (Рябінін, 3, с. 132–133). Пізніше цей документ був опублікований двічі [2, с. 184–185; 22, с. 100–101]. На жаль, О. О. Рябінін чомусь не знав надрукованої ще у 1890-х рр. чотиритомної збірки документів з історії Кубанського війська І. І. Дмитренка і не використав цілої низки інших публікацій джерел про задунайців, в яких присутні згадки про задунайців [15, с. 58 і др.].

Останній розділ статті присвячений поемі І. П. Котляревського «Енеїда», а точніше трьом заключним її частинам, зміст яких О. О. Рябінін співставляє з подіями створення та розпуску Усть-Дунайського Буджацького війська 1807–1808 років та участю в них самого І. П. Котляревського. У нарисі опубліковано декілька документів за темою з Одеського крайового історичного архіву (Рябінін, 3, с. 133–136).

Але і це ще не все. У статті є ще два додатки. Перший – «Хронологія кошових Задунайського Коша» з 1775 до 1828 рр. Це дуже серйозна праця.

Про козацьких предків Я. Г. Кухаренко О. О. Рябінін написав в іншій праці (Рябінін, 8, с. 127). Детальніше про нього і його портрет див.: Маленко Л. Азовське козацьке військо: 1828–1866. - Запоріжжя. 2000. - С. 64–65.

виконана на підставі аналізу багатьох архівних джерел. На жаль, в ній наявні помилки, наприклад, у періоді 1775–1788 рр. [21, с. 519–520; 22, с. 55–56, 61; 24, с. 36; та ін.], проте подальша послідовність отаманів добре аргументована [25, с. 249–254; 26, с. 245–256]. У другому додатку О. О. Рябінін навів факти біографії задунайського кошового отамана О. Рясного (Рябінін, 3, с. 136–138). Особливий інтерес має опублікована там же «Мапа запорозької колонізації», на якій місцями розташування Кошей запорожців після скасування Січі відзначаються: Слободзея (1776–1787 рр.), Дунавіч (1787–1790, 1805–1828 рр.) та Сеймени (1790–1805 рр.) (Рябінін, 3, с. 115). Ця мапа нещодавно була перевидана автором, він же провів її попередній аналіз [22, рис. П.2, с. 50, 56–57]. Як бачимо, охарактеризована робота О. О. Рябініна по різнобічності порушених в ній проблем є однією з найкращих статей про долю запорожців після 1775 року.

Ще однією статтею О. О. Рябініна про задунайців є «Кінець Задунайської Січі» (1929 р.). Зазначу, що два роки тому вона була репринтно опублікована за участю автора (Рябінін, 6). Тому зараз стаття стала більш доступною і з нею може ознайомитись кожен бажаючий. Тут досить сказати, що у творчості О. О. Рябініна ця робота, поза всяким сумнівом, була етапною [15, с. 50–53]. В ній він вперше поглибився в історію запорозьких козаків, які не змирилися з ліквідацією Січі і намагалися зберегти свій уклад та звичаї на Дунаї. Автор охарактеризував соціально-економічне становище козаків напередодні ліквідації Задунайського Коша, аналізує причини їх повернення до Російської імперії, подає характеристику ініціатора цього виходу кошового Й. Гладкого, а також описує процес створення Азовського козацького війська. У статті використані численні праці попередників та наведена їхня бібліографія. Крім того, вона спирається на цілу низку документів таких фондів Одеського крайового архіву – «Новоросійського генерал-губернатора»; «Одеського генерал-губернатора»; «Намісника Кавказького»; «Піклувального комітету іноземних колоністів»; «Новоросійської консисторії»; «Запорозької Січі» та ін.). Особливий інтерес мають дані з історичної географії Задунайської Січі. На підставі архівних і літературних джерел О. О. Рябінін реконструював її кордоони і описав основні села на період 1826–1827 рр. Він повідомив також, що одна з перших детальних мап дельти Дунаю була знята у 1790–1791 рр. офіцерами російського гребного флоту Й. М. Де-Рібаса. Цікаво, що вона вважалася кращою ще у 1830-х рр., а у 1920-х роках зберігалась в Одеському крайовому архіві у фонді новоросійського генерал-губернатора (Рябінін, 6, с. 45–46). Підкреслю, що згадані розробки О. О. Рябініна дуже допомогли авторові статті при вивченні проблем історичної географії українських і російських поселень дельти Дунаю [19; 20].

Останньою статтею О. О. Рябініна по темі є нарис «До століття кінця Задунайської Січі Запорозької» (1929 р.). В цілому його можна розглядати як роботу, яка узагальнює основні положення попередніх статей, але і в ній присутні оригінальні моменти. Досить цікавий аналіз статті П. О. Іванова [11], зроблений на підставі архівних матеріалів. Далі автор зупинився на історії Усть-Дунайського війська і особі кошового Й. Гладкого. Про останнього він каже: «Йосип Гладкий тільки прискорив процес, що вже йшов до природнього кінця [Задунайської Січі] за всі попередні роки» (Рябінін, 4, с. 64)

Таким чином, охарактеризовані вище праці О. О. Рябініна-Склярєвського охоплюють значний період історії українського козацтва від 1700 р. до середини XIX ст., хоча в деяких з них порушені питання, які виходять за межі означеного періоду. На превеликий жаль, більшість з них досі невідома навіть фахівцям, тому сучасним, особливо молодим вченим дуже важко оцінити роль і місце видатного вченого в українській історичній науці. Саме тому в репрезентованій статті автор намагався воскресити напівзабуте ім'я О. О. Рябініна-Склярєвського, звернувши увагу тільки на одну із сторін його багатогранної наукової діяльності – доробок у вивчення історії українського козацтва.

СПИСОК ПРАЦЬ О. О. РЯБІНІНА-СКЛЯРЄВСЬКОГО З ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОГО КОЗАЦТВА

1. Запорозька козаччина і І.П.Котлярєвський // Україна. - 1926. - Кн. 2–3. - С. 159–163.
2. Запорозькі бунти дунайців 1771–1774 рр. і початок Задунайського Коша // Наук. зб. за рік 1927. - К., 1927. - С. 65–83. - (Зап. Укр. наук. т-ва в Києві: Іст. секція ВУАН / Під. ред. голови секції М. Грушевського; Т. XXVI).
3. Задунайська Січ в народних переказах і письменстві // Наук. зб. за рік 1928. - К., 1928. - С. 108–138. - (Зап. Укр. наук. т-ва в Києві: Іст. секція ВУАН / Під. ред. голови секції М. Грушевського; Т. XXVII).
4. До століття кінця Задунайської Січі Запорозької (1775–1828 рр.) // Вісн. Одес. ком. краєзн. При ВУАН. - 1929. - Ч. 4–5: Секція соціально-історична. - С. 59–64.
5. З життя Задунайської Січі // Україна. - 1929. - Кн. 34, трав.-черв. - С. 7–34.
Репринтно перевидано: Задунайська Січ: Зб. наук. ст., матеріалів та републікацій / Відп. ред. О. А. Бачинська; Наук. ред. І. В. Сапожников. - О.: ОКФА, 1998. - С. 289–316. - (Невичерпні джерела пам'яті. - Т. II).
6. Кінець Задунайської Січі // Україна. - 1929. - Кн. 36, верес. - С. 40–71.
Репринтно перевидано: Задунайська Січ: Зб. наук. ст., матеріалів та републікацій / Відп. ред. О. А. Бачинська; Наук. ред. І. В. Сапожников. - О.: ОКФА, 1998. - С. 319–350. - (Невичерпні джерела пам'яті. - Т. II).
7. Архів Запорозької Січі: Опис матеріалів. / Авт. опису - О. О. Рябінін-Склярєвський; авт. передмови - М. В. Горбань; уклад. покажч. - М. Ф. Тищенко. - К.: Археограф. коміс. ЦАУ України. 1931. - 167 с.
Друге видання: Архів Коша Нової Запорозької Січі: Опис справ 1713–1776. / Ін-т укр. археографії; Упоряд. Л. З. Гісцова, Л. Я. Демченко. - К.: Наук. думка, 1994. - С. 10–161.
8. Запорозькі заколоти та керуюча верства Коша XVIII століття // Малинова Г.Л., Сапожников І.В. А.А.Рябинин-Склярєвский: материалы к биографии. - О. - К.: Элтон-2 - Гратек, 2000. - С. 83–178. - (Труды ГАОО. - Т. I).

ДЖЕРЕЛА І ПРИМІТКИ

1. Архів УСБУ по Одеській обл. - Спр. № 12156-п.

2. *Дмитренко И.И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. - Т. III: Войско верных Черноморских казаков: 1787–1795 гг. - СПб., 1896.

3. *Бачинський А.Д.* Січ Задунайська: 1775–1828. - О., 1994. - 121 с.

4. *Бачинський А.Д.* Джерело для вивчення соціально-економічних відносин і культурно-побутових особливостей задунайських запорожців // Старожитності Причорномор'я. - О., 1995. - Вип. I. - С. 53–65.

5. *Бачинський А.Д.* Задунайська Січ в оповідях козаків-сучасників // Зап. Наук. тов-ва ім. Т. Шевченка. - 1996. - Т. ССXXXI.: Праці комісії спец. істор. дисциплін. - С. 483–495.

6. *Белоусова Л., Сапожникова Г., Сапожников И.* Опись документов в деле «О казаках Войска Черноморского, жительствующих около Одессы и пожелавших переселиться по-прежнему в Войско» // Сапожников И.В., Сапожникова Г.В. Запорожские и черноморские казаки в Хаджибее и Одессе (1770–1820 гг.). - О., 1998. - С. 209–237.

7. *Гісцова Л.З.* Олександр Олександрович Рябінін-Склярєвський // Архіви України. - 1992. - № 1.

8. *Голобуцкий В.А.* О социальных отношениях в Задунайской Сечи // Ист. записки. - Т. 30. - М., 1949. - С. 211–231.

9. Єдинийна археографія в Україні у ХІХ–ХХ ст.: Плани, проекти, програми видань. - Вип. 1. - К., 1993.

10. *Зленко Г.* Історик млістю Божою // Кур'єр Кривбасу. - 1998. - № 95–96.

11. *Іванов П.А.* К истории запорожских казаков после уничтожения Сечи // Зап. Одес. об-ва истор. и древн. - 1904. - Т. XXV. - С. 20–40. - (Протоколы).

12. *Кондратович Ф.* [Ф. К. Вовк]. Задунайская Сечь: По местным воспоминаниям и рассказам // Киев. старина. - 1883. - Т. 1. янв. - С. 27–66; Т. 2, февр. - С. 269–300; Т. 4, апр. - С. 728–773.

13. *Короленко П.П.* Азовцы // Киев. старина. - 1891. - Т. XXXIV. - Кн. 7. - С. 53–74; Кн. 8. - С. 171–194.

14. *Малинова Г.* Рябінін-Склярєвський Олександр Олександрович // Українські архівісти: Бібліографічний довідник. - Вип. I. ХІХ ст. - 1930-ті рр. - К., 1999. - С. 291–292.

15. *Малинова Г.Л., Сапожников И.В.* А.А.Рябінін-Склярєвський: матеріали к біографії. - Одеса - Київ, 2000. - 222 с.

16. *Малинова Г.Л., Сапожников И.В.* А.А.Рябінін-Склярєвський и штрихи истории Одесского национального университета // Архив. Документ. Історія. Сучасність. - Одеса, 2001. - С. 131–142.

17. *Мельник Л.М.* З листів дослідників історії Південної України до Михайла Грушевського // Південна Україна ХХ ст. - Вип. 1(4). - Запоріжжя, 1998.

18. *Сапожников И.В., Сапожникова Г.В.* Запорожские и черноморские казаки в Хаджибее и Одессе: 1770–1820 гг. - О., 1998.

19. *Сапожников И.В.* Матеріали з історичної географії та етнографії дельти Дунаю. - Іллічівськ, 1998. - 72 с.

20. *Сапожников И.В.* Матеріали по исторической географии дельты Дуная. - О., 1998. - 44 с.

21. *Сапожников И.В.* Сечь Задунайская // Правители Европы. - О., 1998.

22. *Сапожников І.* Буго-Дністровська Запорозька Січ: 1775–1788 рр. // Хаджибей-Одеса та українське козацтво: 1415–1797 рр. - О., 1999.
23. *Сапожников І., Сапожникова Г.* Чорноморська козацька команда в Хаджибей та Одесі: 1794–1797 рр. // Хаджибей-Одеса та українське козацтво: 1415–1797 рр. - О., 1999.
24. *Сапожников І.В.* Штурм острова Березань чорноморськими козаками. - К.-Львівськ, 2000.
25. *Сапожников І.В.* Задунайська Січ в Дунайцях за спогадами останнього запорозького кошового отамана Йосипа Гладкого // Південна Україна XVIII–XIX століття. - Запоріжжя, 2001. - Вип. 6. - С. 249–254.
26. *Сапожников Н.В.* Начало Задунайской Сечи: Дунайская паланка и Кош в Катырлезе (1776–1795 гг.) // Архив. Документ. Історія. Сучасність. - Одеса, 2001. - С. 245–256.
27. *Скальковский А.* Дунайцы. Эпизод из турецкой компании 1769–1774 гг. // Вестн. Моск. о-ва истории и древностей. - 1854. - Кн. 19. - С. 9–30.
28. *Скальковский А.* Дунайцы // Киев. старина. - 1885. - Т. X. - Кн. 1. - С. 117–132.
29. *Скальковский А.* История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. - Ч. III. - О., 1886.
30. *Хмарський В.М.* Про участь М.Є. Слабченка у підготовці до видання Архіву Коша Нової Запорозької Січі // Академік Михайло Євсейович Слабченко: наукова спадщина і життєвий шлях. - О., 1995. - С. 115–123.
31. *Швидько Г.К.* Неопубліковані праці до історії Запорозжя XVII–XVIII ст. // Південна Україна XVIII–XIX ст. - Вип. 1. - Запоріжжя, 1996.

© 2008 г., Б. Е. Фролов

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ НА КУБАНЬ (ОПЫТ АНАЛИЗА ОДНОЙ ГЛАВЫ «ИСТОРИИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА» Ф. А. ЩЕРБИНЫ)

Фёдор Андреевич Щербина – видный кубанский историк, экономист, общественный деятель. В своих работах он поднял и разработал ряд проблем истории Кубани, которые и до сегодняшнего дня остаются актуальными. Для многих краеведов Щербина – классик и непререкаемый авторитет. Однако отдельные выводы учёного достаточно спорны и требуют тщательной проверки, другие явно устарели и представляются историческими анахронизмами.

Важнейший труд Ф. А. Щербины «История Кубанского казачьего войска» рассказывает о различных аспектах политической жизни, быте, культуре кубанского казачества и ряда других народов Кубани [8]. Эта работа до настоящего времени остается наиболее энциклопедичной и фундаментальной по объёму и разнообразию фактического материала. Вместе с тем «История Кубанского казачьего войска» имеет и существенные недостатки. Отдельные

высказывания автора представляются легковесными, ряд выводов – сомнительными и поспешными. В историографии нет (и надо полагать, ещё долго не будет) специального анализа этого труда. Исследователи, обращавшиеся к «Истории...» акцентировали внимание на проблемах концептуального характера, указывали на ошибки, обусловленные мировоззрением Ф. А. Щербины, его политическими симпатиями и антипатиями. Даже в юбилейном сборнике, посвященном 150-летию Ф. А. Щербины, мы встречаем взвешенный критический анализ отдельных выводов учёного. Но это лишний раз подтверждает, что гворческое наследие Ф. А. Щербины по-прежнему актуально [5].

Мы останемся только на освещении исторических фактов в главном его труде. Избежать ошибок фактологического и хронологического порядка в работах обобщающего характера практически невозможно. В таких трудах весьма сложно перепроверить абсолютно все источники, на которые идёт ссылка, в равной степени углублённо разработать все вопросы. Кроме того, в работе над «Историей...» Фёдору Андреевичу помогало несколько человек, и многое зависело от их внимания, добросовестности, профессионализма.

Цель настоящей статьи предельно проста: выявить спорные, сомнительные выводы и явные неточности в указанном произведении, основанные на методически неграмотной обработке огромного корпуса первоисточников. Репринтные издания «Истории...» во много раз увеличили репродуцирование этих погрешностей в краеведческой литературе. Для критического анализа нами выбрана только одна глава – «Переселение черноморцев из-за Буга на Кубань» (из 1-го тома).

Ф. А. Щербина указывает на отсутствие в русской истории массового переселения подобного масштаба. Поэтому сразу же удивляет то обстоятельство, что, посвятив сотни страниц природе и древним народам Кубани, Фёдор Андреевич уделил такому важному вопросу буквально два листа.

Численность Черноморского казачьего войска перед переселением он определил в 17 тыс. человек. Нам эта цифра представляется явно завышенной [6]. По списку 30 ноября 1791 г. войско насчитывало 12 620 человек [1. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1129. Л. 1]. В прошении, поданном перед переселением на имя императрицы Екатерины II, численность войска определена в 12 622 человека [Там же. Д. 179. Л. 11]. Причём это списочный состав. Казаки были склонны преувеличивать количественный состав войска, так как свои прошения о выделении новых земель они мотивировали тем, что «в рассуждение многолюдства между Бугом и Днестром поместиться невозможно» [Там же. Д. 152. Л. 6].

Ф. А. Щербина пишет, что первыми на Тамань прибыли 3847 пеших казаков на 51 лодке под командованием войскового полковника Саввы Белого. Казачью флотилию «сопровождал» бригадир Пустошкин. Слово «сопровождал» даёт искаженное представление о месте и роли в этом походе капитана бригадирского ранга, командира Черноморского гребного флота П. В. Пустошкина [2, с. 30]. На самом деле именно он командовал морским походом к Тамани.

Рассмотрим достоверность приводимых Ф. А. Щербиной цифровых данных. Действительно, войсковая флотилия, отправившаяся 16 августа 1792 г. к Тамани, состояла из 51 судна [1. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190. Л. 55], но не из 51 лодки, а из 26 старых, 24 новых лодок и одной яхты [Там же. Д. 156. Л. 7]. Известно, что

командующий походом П. В. Пустошкин плыл на яхте «Благовещение». Возникает вопрос: не на яхте ли черноморских казаков совершал «вояжи к Таману» П. В. Пустошкин? Нет, и вот почему. Казачья яхта была безымянной. И до переселения, и на Тамани она в документах – просто «яхта». Известно, что имя «Благовещение» носила яхта командующего Черноморским гребным флотом и казачья не могла получить имя действующего судна. Таким образом, получается, что капитан П. В. Пустошкин плыл на бывшем флагманском судне адмирала де Рибаса.

Однако это ещё не всё. Средняя грузоподъёмность канонерских лодок (суда именно этого типа составляли казачью флотилию) не превышала 50–60 человек [7]. Указанное количество судов могло вместить примерно 3000 человек. Поэтому нас не удивляют сообщения целого ряда источников о погрузке части казаков и орудий на транспортные суда. В рапорте командира казачьей флотилии Саввы Белого уже указывается точно: «...войско со всем экипажем помещено на лодки и 11 транспортных гребного флота судов» [1. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190. Л. 52]. Итак, 50 лодок, 2 яхты и 11 транспортов. Но и это ещё не всё. В одном из документов сообщается, что казачьи лодки перешли в Тамань «под сбережением корсерских судов» [3, т. 4. С. 326]. Задача крейсеров, очевидно, заключалась в охране канонерских лодок и оказании помощи на случай возможного кораблекрушения.

Есть отрывочные сведения о подготовке к походу «партикулярных судов». Во время войны 1787–1791 гг. некоторые из казачьих старшин держали при флотилии свои частные суда: «байдаки», «дубки», «сунтры», «шайки»... Сомнительно, чтобы это добро бросили, а не взяли с собой. Это только предположение, так как прямых документальных свидетельств о переходе частных судов в Тамань нами пока не найдено. В любом случае, к таманским берегам отправилась значительно большая эскадра, чем полагал Ф. А. Щербина.

Не соответствует истине и указанная Щербиной численность первого десанта – 3847 человек. 10 сентября 1792 г. С. Белый в своем первом, известном нам, рапорте с Тамани доложил войсковому судье А. А. Головатому о наличии 3247 казаков [1. Ф. 249. Оп. 1. Д. 190. Л. 53]. Эта цифра подтверждается и другими документами. В частности, говорится о 3247 человеках, получающих продовольствие с Керченского провиантского магазина. При этом я вовсе не утверждаю, что 3247 человек – это численность первого десанта. Их могло быть и меньше. Дело в том, что на Тамани, ещё до переселения туда черноморцев, находилось немало «разных бурлак». Ещё М. Гулик во время своего объезда кубанских земель записал в казаки 114 человек [Там же. Д. 161. Л. 69]. Не исключено, что это же проделал и С. Белый, и в свой рапорт включил также вновь приписавшихся в войско. Цифра 3847 человек появляется в документах только 1 ноября 1792 г., когда на Тамань прибыло ещё 600 казаков во главе с полковником Кордовским [Там же. Д. 190. Л. 122].

Очень сомнительно мнение Ф. А. Щербины о выгрузке артиллерийских орудий на берег и помещении их в Фанагорийскую крепость. Наоборот, 26 августа 1792 г., то есть на следующий день после прибытия в Тамань, войсковой полковник Савва Белый приказывает вернуть все пушки с транспортных судов на те лодки, с которых они были сняты на время похода [Там же. Л. 47]. Только в январе 1793 г. С. Белый получает сообщение таврического

губернатора С. С. Жегулина о том, «что есть Высочайшее повеление Ея Императорского Величества, дабы орудия с флотилии Черноморской поставлены были в состоящем теперь на острове Фанагорин укреплении» [Там же. *Д. 230. Л. 4*]. Премьер-майор (армейское звание) С. Белый отнюдь не бросился выполнять приказ. 16 февраля он донёс атаману З. Чепеге: «...постановление в укреплении сего войска артиллерии без особливового вашего высокородия рассмотрения и повеления я сам собою приступить не могу» [Там же. *Д. 28. Л. 22*]. Только в конце лета орудия были вытащены на сушу.

Вызывает удивление описанный Ф. А. Щербиной маршрут движения отряда кошевого атамана З. А. Чепеги весной 1793 г. В его версии казаки отправились с Ейской косы (где зимовали) на Кубань сразу в район Карасунского кута, где и основали г. Екатеринодар. На самом деле З. А. Чепега с конной командой прибыл к крепости Усть-Лабинской, о чём и отапортовал генерал-аншефу И. В. Гудовичу 19 мая 1793 г. [3. *т. 3. С. 612*]. Обсудив с генералом ряд вопросов, атаман 23 мая предписал войсковому полковнику Кузьме Белому двинуться вниз по Кубани и расставить кордоны [1. *Ф. 249. Оп. 1. Д. 232. Л. 12*].

Нельзя согласиться с автором «Истории...» относительно маршрута и графика движения отряда войскового судьи А. А. Головатого. По словам историка, оставшееся население разделили на 20 колонн и «часть переселенцев была направлена через Буг на Соколы, а часть через Днепр на Берислав». В документе же говорится о движении всех 20 колонн по одному пути [Там же. *Д. 225. Л. 18*]. Далее из текста следует, что все 20 колонн шли на Кубань «северным» маршрутом через земли бывшего Запорожья и Дона. На самом деле, в Бериславе отряд А. А. Головатого разделился. Три колонны пехоты и легкий обоз составили отряд полковника Юзбаши и направились через Таврическую область на Керчь и Тамань [Там же. *Д. 229. Л. 23*]. Остальные колонны из казаков конных и семейных, вместе с тяжёлым обозом, составили отряд полковника Тиховского. Они двинулись по маршруту З. А. Чепеги через Запорожье на Черкасск.

Совершенно непонятно, чем руководствовался Ф. А. Щербина, указывая даты движения отряда А. А. Головатого. Он пишет: «15 июля выступил с остальным войском и тяжестями сам войсковой судья Головатый... Месяц спустя, 15 августа эта часть переселенцев была уже на Тамани». В рапорте самого А. А. Головатого указано, что он выступил в поход «на всемилоостивейше пожалованную землю» 26 апреля 1793 г., то есть на два месяца раньше указанного Ф. А. Щербиной срока [Там же. *Д. 225. Л. 12*].

Когда же войсковой судья прибыл на Тамань? Точную дату мы не знаем, во всяком случае намного раньше 15 августа. Хорошо известно письмо З. А. Чепеги к А. А. Головатому от 12 июня 1793 г., в котором атаман поздравляет войскового судью с прибытием на Тамань [Там же. *Д. 239. Л. 30*]. Следовательно, Антон Головатый прибыл на Тамань в конце мая, или в самом начале июня, за целый месяц до дня его выступления в поход, указанного Ф. А. Щербиной.

Таким образом, даже достаточно беглый анализ 9-й главы «Истории...» свидетельствует о наличии целого ряда легко уязвимых и без особого труда опровергаемых утверждений. Картина переселения черноморцев на Кубань, нарисованная Ф. А. Щербиной, разительно отличается от той, что предложил другой известный кубанский историк П. П. Короленко [4]. Эти расхождения и

побудили нас заняться изучением данного вопроса. Прав оказался П. П. Короленко, прекрасно знавший источники, бережно и внимательно работавший с ними. Но работа П. П. Короленко остаётся недоступной для широкого круга любителей истории. Книга же Ф. А. Щербины сейчас у каждого желающего под рукой (что само по себе замечательно). Неудивительно, что все исторические викторины базируются на ней. Удивительно то, почему ряд современных историков, освещавших тему переселения черноморцев, полностью доверились Ф. А. Щербине, «забыли» о работе П. П. Короленко и, к сожалению, не привлекли первоисточники. В свете вышеназванного заголовка статьи выглядит явно риторическим – нет спорных вопросов, есть явные ошибки.

Разработчик темы переселения черноморцев на Кубань для «Истории Кубанского казачьего войска» (кто бы он ни был) проделал значительный труд, подняв огромный пласт документов. В то же время повсюду видны следы поспешности и небрежности. Как результат – исторические анахронизмы, поверхностные суждения, неверная интерпретация источников. Мы не собирали «коллекцию ошибок» Ф. А. Щербины. При желании её легко можно сделать более представительной. Мы попробовали показать методы работы с материалом, когда из него выхватываются фрагменты, факты исторического источника берутся разрозненно без надлежащей причинно-следственной связи, не концептуализируются и таким образом не дотягивают до статуса научно-исторического факта.

«История Кубанского казачьего войска» Ф. А. Щербины несколько не утратила своего энциклопедического характера. Ещё долгие годы этот грандиозный труд будет оставаться настольной книгой учёных, краеведов и просто любителей истории. Но имя «дида» кубанской истории, действительно блестящего учёного-энциклопедиста не должно повергать нас в интеллектуальное оцепенение. Глубокий пиетет к его творчеству вовсе не исключает возможность и необходимость критического к нему подхода.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственный архив Краснодарского края.
2. Военный энциклопедический лексикон. Т. 11. СПб., 1856.
3. *Дмитренко И.И.* Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. 3. СПб., 1896; Т. 4. СПб., 1898.
4. *Короленко П.П.* Предки кубанских казаков на Днестре // Кубанский сборник. Т. 8. Екатеринодар, 1902.
5. Творческое наследие Ф. А. Щербины и современность: Тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения Ф. А. Щербины (22–24 сентября 1999 г., станция Каневская Краснодарского края). Краснодар, 1999.
6. *Фролов Б.Е.* У истоков Черноморского войска (численность, национальный и социальный состав) // Проблемы истории казачества. Волгоград. 1995. С. 55–66.
7. *Фролов Б.Е.* Казачья флотилия // Книга Памяти. Т. 15. Морская слава кубанцев. Краснодар, 1996.
8. *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 1, II. Екатеринодар. 1910, 1913.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КАЗАКОВ ИЗ УКРАИНСКИХ ГУБЕРНИЙ НА КУБАНЬ В ДОКУМЕНТАХ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В 1911–1913 гг. В. С. Шамрай издал в 16–18 томах «Кубанского сборника» «Хронологию важнейших событий и законоположений, имеющих отношение к истории Кубанской области и Кубанского казачьего войска» (печатавшаяся одновременно и отдельным изданием), являющуюся подробным справочником-указателем документов Полного собрания законов Российской Империи (ПСЗ). В указателе В. С. Шамрая даются ссылки на статьи ПСЗ всех трёх собраний, относящихся к самым разным сторонам истории Кубани. Однако современным исследователям далеко не всегда доступны тексты законодательных актов, изданных в дореволюционное время. В предлагаемой читателю публикации представлены 8 документов ПСЗ, отражающих процесс переселения казаков на территорию Черноморского казачьего войска из губерний, находившихся на территории современной Украины. Тексты даны в современной русской транскрипции с сохранением языковых особенностей конца XVIII – начала XIX в.

ДОКУМЕНТЫ

1.

30 июня 1792 г.

**Высочайшая грамота,
жалованная Черноморскому казачьему войску
30-го Июня 1792 года.**

Верного Нашего войска Черноморскаго Кошовому Атаману,
старшинам и всему войску Нашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
милостивое слово.

Усердная и ревностная войска Черноморскаго Нам служба, доказанная в течении благополучно оконченной с Портою Оттоманской войны, храбрыми и мужественными на суше и водах подвигами, нерушимая верность, строгое повиновение начальству и похвальное поведение от самого того времени, как сие войско, по воле Нашей, покойным генералом фельдмаршалом князем Григорием Александровичем Потемкиным Таврическим учреждено, приобрели особливое Наше внимание и милость. Мы потому, желая воздать заслугам войска Черноморскаго утверждением всегдашняго его благосостояния и доставлением способов к благополучному пребыванию, Всемилостивейше пожаловали оному в вечное владение, состоящий в области Таврической, остров Фанагорию со всею землею, лежащей на правой стороне реки Кубани от устья ея к Усть-Лабинскому реду, так чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же – Азовское море до Ейскаго городка служили границею войсковой земли. С прочих сторон разграничение указали делать генерал-губернатору Кавказскому и губернаторам

Екатеринославскому и Таврическому чрез землемеров, обще с депутатами от войска Донскаго и Черноморскаго.

Все, состоящая на помянутой Нами пожалованной земле, всякаго рода угодыя, на водах же рыбныя ловли, остаются в точном и полном владении и распоряжении войска Черноморскаго, исключая только места для крепости на острове Фанагорни и для другой, при реке Кубани, с подлежащим для каждой выгоном, которыя дьявлящей войску, и особливо на случай военной безопасности, сооружены быть имеют.

Войску Черноморскому предлежит бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских.

На производство жалованья Кошовому Атаману и войсковым старшинам по приложенной росписи, на употребляемые к содержанию стражи отряды и прочне, по войску нужныя расходы, повелели Мы отпускать из казны Нашей по 20000 р. на год.

Желаем Мы, чтоб земское управленне сего войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображасмо было с изданными от Нас учреждениями о управлении губерний. Мы предоставляем правительству войсковому расправу и наказание впадающих в погрешности в войске; но важных преступников повелеваем для осуждения по законам отсылать к губернатору Таврическому.

Мы Всемилостивейше позволяем войску Черноморскому пользоваться свободою внутреннею торговлею и вольною продажею вина на войсковых землях.

Всемилостивейше жалуем войску Черноморскому знамя войсковое и литавры, подтверждая также употребление и тех знамен, булавы, перначей и войсковой печати, которые оному от покойнаго генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврическаго, по воле Нашей доставлены.

Губернатору Таврическому указали Мы доставлять войску Черноморскому все исходящая от нас узаконения, предлагать оному о нарядах на службу, по назначению военного начальства, и преподавать все нужныя способствования, а потому правительство войсковое имеет относиться к сему губернатору и чрез каждыя две недели присылать ему сведения о благосостоянии войска и о всех важных происшествиях, какия в течение двух недель могут приключаться, для донесения Нам.

Мы надеемся, что войско Черноморское, соответствуя Монаршему Нашему о нем попечению, потчится не только бдительным охранением границ соблюсти ния храбрых воинов, но и всемерно употребить старание заслуживать званше добрых и полезных граждан внутренним благоустройством и распространением семейственного жития.

Роспись жалованью, ежегодно полагаемому на войско Черноморское казачье:

Кошовому Атаману.....	1000 р.
Войсковому Судье.....	800 р.
Войсковому Писарю.....	500 р.
Войсковому Есаулу.....	500 р.
Протопопу.....	200 р.

Попу.....	100 р.
Днякону.....	80 р.
На причт церковный.....	120 р.
Куренным атаманам, каждому по 40 р.	1600 р.
Пушкарю и Довбышу по 40 р.	80 р.

Итого.....4980 р.

На содержание артиллерии и жалованье казакам, в действительной службе находящимся, и на все прочие по рассмотрению войскового правительства расходы.....15020 р.

Всего.....20000 р.

Войсковым старшинам или полковникам, когда они вне владении войска Черноморскаго на службу отряжены, каждому производить в год по сто рублей.

Сотникам, есаулам, квартирмистрам и прочим полковым старшинам, когда они на службу наряжены вне пределов войска Черноморскаго, каждому по пятидесяти рублей.

Казакам, откомандированным за пределы войсковые, производить жалованье в год по двенадцати руб. и провиант указной, а конным и фураж.

На подлинном написано собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою:

ЕКАТЕРИНА II.

ПСЗ. Собр. 1. Т.23. (1789–1796). СПб., 1830. Ст. 17056.

2.

1 июля 1792 г.

**Высочайшая грамота,
жалованная Черноморскому казачьему войску
1-го Июля 1792 года.**

Вернаго Нашего войска Черноморскаго Кошовому Атаману,
старшинам и всему войску Нашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
милостивое слово.

Разсмотрев всеподданнейшия представления, вступившия к Нам от войска Черноморскаго и от присланного от оногo Войсковаго Судьи Головатого с прочими депутатами, и удовлетворяя прошениям с справедливостию согласными, Всемилостивейше Мы повелели: 1) губернатору Таврическаго иметь попечение об отыскании и доставлении старшинам и казакам войска Черноморскаго справедливо и законно принадлежащаго им имения, буде где оно в прежних их жилищах задержано. Равным образом истребовать ему, для причисления к войску, тех старшин и казаков с их имуществом, которые действительно прежде,

служивши в военном звании в Запорожьи и по разрушении Сечи, поселяясь в разных местах, удерживаются там противу их воли, для чего от войска Черноморскаго и нужно доставление к губернатору Таврическому именно всех оных списка, с означением мест их пребывания. 2) На снабжение переселяющихся в новопожалованная войску Черноморскому в Фанагорийском уезде земли немущих казаков, особливо вдов с детьми, потерявших мужей на сражениях, отпустить 30000 рублей. 3) Всех военнотружущих казаков в новом их поселении удовлетворить пропитанием по Сентябрь месяц будущаго 1793 года. 4) Всем переселяющимся из новоприобретенной между Днестра и Буга области в Фанагорийский уезд старшинам и казакам дозволить продавать построенные ими в той области дома и прочне строения, и в том им всякое способствование преподавать. 5) При сем переходе войска Черноморскаго из состоящих на пути магазинов довольствоваться оное провиантом, и в переправах чрез реки все возможное вспоможение чинить. В соответствии чего и войско Черноморское, во время прохода да хранит строгую дисциплину и да возбранит у себя прием беглецов, подданных российских как тогда, так и впредь по самовольном оставлении жилищ своих к оному являющимся. 6) Что касается до пожалованных от покойнаго генерал-фельдмаршала князя Таврическаго по сему войску в штаб и обер-офицерские чины старшин, оным о даче патентов указали Мы Нашей Военной Коллегии. Мы надеемся, что войско Черноморское, Монаршею Нашею милостию взысканное, употребит усиленнейшее старание о скорейшем переселении своем на земли Всемиловнейше от Нас пожалованная и что всемерно потщится ревностию и усердною службою учинить себя и впредь достойным Нашего благоволения.

На подлинном написано собственною ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою:

ЕКАТЕРИНА II.

ПСЗ. Собр. 1. Т.23. (1789–1796). СПб., 1830. Ст. 17058.

3.

21 августа 1799 г.

Высочайше утвержденный доклад Сената. – О причислении в войско Черноморских казаков бродяг из Польских, Малороссийских и бывшего Запорожья людей и о наблюдении за сим Войсковому Атаману.

Доклад. Именным Вашего Императорскаго Величества Высочайшим указом, объявленным Сенату в 10 день Марта сего года, в предложении бывшего Генерал-Прокурора Князя Лопухина, повелено, препровождаемое в копии донесение войска Черноморских казаков Атамана Котляревскаго о бродягах, с давняго времени уклонившихся от службы и ныне к нему являющихся с просьбою о принятии их в оное войско, рассмотреть Сенату и донести Вашему Величеству о постановлении, какое Сенат по оному учинит.

В присланном же Вашему Императорскому Величеству донесении, помянутый Атаман Котляревский изъяснял следующее: из Польских, Малороссийских и бывшего Запорожья людей, отлучившись из своей родины до

сочинения в 1795 году ревизии за несколько лет, и проживавшие между войском Донским при реке Волге, Каспийском и Азовском морях на рыболовных заводах в работниках, холостые и бездомные бродяги, являясь в войско казаков Черноморских, объявляя, что они, чрез их частые с места на место переходы и где по ревизии не записаны, просят о причислении их на службу в сие войско; каковых бродяг, по неимению у них письменных видов, Войсковое Правительство, по силе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества Именнаго указа, даннаго Сенату прошлаго 1797 года Ноября в 15 день, велело отсылать в ближайшая воинския регулярныя команды для отдачи их в рекруты. А как между оными бывають престарелые и немощные, з регулярную службу негодные, некоторые ж хотя бы и годные, но по своей одичалости, в оную неспособны, более потому, что они, по привычке к вольности и волокитам, не только таковой службы не потерпят, но еще и казенныя вещи при побегех сносить будут, и тем причинять невозвратный убыток; а ежели бы таковых бродяг повелено было причислять в сие войско, то бы, по причине его в малом количестве, противу самопоспешнейших и зловредных варварских народов содержания пограничной стражи, чрез то лишаются казаки для пропитания себя, жен и детей домашних работ, престарелые и немощные, вспомоществованием в работах, а здоровые, в разсуждении сего войска нерегулярной службы, оным бродягам сродной, а наипаче к мореплаванию при рыболовных заводах, а не привычные на случай войны, в числе прочих казаков, службою на суше и море могут приносить отечеству вящую пользу: то и представлял, не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству Всемилостивейше повелеть, оных по их желанию причислять в сие войско; а дабы, под видом сих, не могли укрываться беглые солдаты, рекруты, казенные поселяне и помещичьи крестьяне, будут иметь за войском неослабное попечение в пересматривании таковых, и за сыском, отсылать куда следует.

Сенат, по выслушании изображеннаго Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повеления и донесения Атамана Котляревскаго, тогдаж указом Военной Коллегии предписал, дабы она, сделав по сему надлежащее рассмотрение, постановя о всем том на мере, представила Сенату с мнением.

На таковое предписание Военная Коллегия от 2 Июля доносит, что ежели, по точным словам представления войска Черноморскаго Атамана Котляревскаго, принимаемы будут одни только бродяги из Польских, Малороссийских и бывшаго Запорожья людей, которые, не будучи ни беглые солдаты и матросы, ни принадлежащие к казенным и помещичьим селениям крестьяне, ниже беглые же мешане, укрывающиеся от долгов, или сделавшие какую либо продерзость, одним словом, такие, которые, в ревизиях будучи пропущены, ни кому не принадлежат, и переходя из места на место, ни пользу Государеву и обществу, но только вред и безпокойство приносят, а в регулярную службу негодятся, или прочны в оной не могут; то Коллегия, согласна с мнением Атамана Котляревскаго, что приумножении сими людьми войска Черноморскаго, полезно.

Сенат по рассмотрении и соображении всего вышеизъясненнаго, положение Военной Коллегии утверждает во всей его силе, с таковым при том дополнением, что как Именными Вашего Императорскаго Величества указами повелено: 1796 Декабря 12, между прочим, Вознесенскую Губернию и Таврическую Область

уничтожить, а Новороссийскую Губернию составить из всего того, что за возвращением к Малой России отделенных уездов и от бывшей Вознесенской, приписанных к ней из приобретенных от Польши земель, тако ж возвращаемых ныне к Слободской Украинской Губернии, останется, присоединя тут и Область Таврическую, разделяемую просто на уезды, сообразно количеству жителей и обширности местной: 2-м, чтобы в Губерниях Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской и Области Таврической, каждый из поселян остался в том месте и звании, как он по нынешней ревизии написан будет, а также на Дону и на острове Тамане, с состояния сего указа, утвердив неперемное пребывание поселян, на местах ими обитаемых, и воспрещая отныне своевольному их переходению, если после сего помещичьи селения беглых людей к себе примут и держать будут, с таковыми поступать по указу 13 Мая 1754 года без малейшаго послабления: с казенных же селений за прием и за держание беглых взыскивать ежегодно, сверх Государственных податей, по рублю с каждой души в уплату иска, доколе весь оный заплатят, с старостами же, выборными тех селений поступить того же указа 1794 года по 11 пункту; но буде отныне кто, имеющий Дворянское достоинство, явится уличенным в подговоре или приеме и держании чужих крестьян и всякаго рода беглых людей, от таковых взяв, и возврата на прежние места беглых, взыскать еще за подговор и держание беглых штрафныя деньги на основании законов. Постановя таким образом преграду самопроизвольному поселян переселению, законопротивному подговору, приему и держанию чужих крестьян и всякаго рода беглых людей, возлагая точное за сим наблюдение на тамошних Начальников Губерний и Начальников Градской и Земской Полиции и войска Донскаго на Войсковое Правительство и особенно на Войскового Атамана, равно и на острове Тамане на Кошеваго Атамана, чтоб они всемерно старались не токмо сохранять в совершенной целости сие для общаго спокойствия узаконение, но даже предупреждать всякое малейшее попятное к бывшим безпорядкам, нарушавшим водворяемое повсюду благоустройство; 1797 Генваря 14, переселение крестьян в Вознесенскую Губернию остановить, и впредь, без особаго повеления не переселять; то дабы в причислении в войско Черноморское, под именем означенных бродяг, не произошло каковаго-либо злоупотребления, признает нужным особенно поручить за сим неослабное наблюдение помянутому Атаману Котляревскому; что всеподданнейше и предает во Всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества благоизволение.

Резолюция. Быть по сему.

ИСЗ. Собр. 1. Т.25. (1798–1799), СПб., 1830. Ст. 19091.

4.

17 марта 1808 г.

Высочайше утвержденный доклад Министра Внутренних дел.

*О переселении из Малороссийских Губерний казаков
на земли Черноморскаго войска.*

– С приложением формы ведомостей о казаках, отправляемых на поселение.

Доклад. Я имел счастье доносить Вашему Императорскому Величеству, по представлению Херсонскаго Военнаго Губернатора, Генерал-Лейтенанта Дюка де Ришелье, о настоящем недостатке населения земель, войску Черноморскому пожалованных, о необходимости к усилению там водворения, и мнению его, что недостаток сей пополнить удобно переселением из двух Малороссийских Губерний некотораго количества поселян, кои по тесноте земель своих ежегодно в Новороссийский край переходят.

Ваше Императорское Величество, изъявив предварительно Высочайшее соизволение на сии предположения, указать мне изволили, представить Вашему Величеству те способы, которые для приведения сего в исполнение считаю я удобными.

Приступая к исполнению сей Высочайшей воли, прежде всего нахожу необходимым изъяснить здесь положение, до войска сего относящееся.

Войско Черноморское, составясь из казаков бывшей Сечи Запорожской, получило в 1792 году земли, ныне им владеемая, заключающияся в Таманском полуострове и за Босфорским проливом, между Азовским морем, до границ Кавказской губернии, и от Ейскаго укрепления в Губернии Екатеринославской по Кубани, до самаго ея устья, пространством своим более 300 квадратных верст занимающия.

Пожалование сих земель Черноморскому войску от покойной Государыни Императрицы Екатерины Второй было, сколько в воздаяние заслуг, оказанных им в бывшую пред тем с Оттоманскою Портою Войну, сколько и для ограждения границы тамошней от всегдашних набегов Горских народов, к обузданию которых прежде содержались там непрерывно из регулярных полков кордоны.

Частые хищных сих Закубанцев набеги поставляют Черноморцев иметь теперь беспрестанно на границах своих до 4500 человек стражи, а случае большаго Закубанцев вторжения, принуждены они бывають и все приняться за оружие; от каковых всегдашних осторожностей и частых отражений, войско Черноморское не могло в счете людей не потерпеть нарочитаго умаления; к наполнению своего принужденным себя находило прибегать к средствам, какия прежде были употребляемы, то есть, к склонению из разных мест полуденнаго края и из Малороссии людей всякаго звания к побегу и переселению в их сословие.

С изданием указа, коим все переходы поселянам с места на место воспрещены, и велено всем оставаться там, где кого ревизия застала, побегу сии некоторым образом прекратились; но со всем тем войско Черноморское посредством своих поверенных находило способы увлечь на земли свои людей тайно, что может быть и донныне еще продолжается, и ежели счесть, что оно по необходимости поступает на сию непозволениость, как то и действительно полагать должно, то Правительству нельзя оставить сего без особаго внимания, и не принять таких мер, коими бы с одной стороны все подобные безпорядки были прекращены; а с другой войско Черноморское, толико для пользы Государства нужное, было подкреплено в числе своем средствами, для всех других сословий безвредными, и общим постановлениям непротивным.

Взяв сие в основание, я полагаю, что предназначаемое переселение из Малороссийских Губерний на земли войска Черноморскаго, будет настоящей

цели совершенно сообразно, и с видами Правительства, по всем отношениям, согласно; а потому назначая для сего 25 000 мужеска пола душ, считаю таковое число не излишним: ибо теперь всех обывателей на землях Черноморскаго войска имеется не более 20 000 мужеска и 10 000 женскаго пола душ, количество столь недостаточное, что без новаго подкрепления, набегн Закубанских народов, никогда непрекращающияся, со временем могли бы сословие сие вовсе разрушить.

К переселению сему удобнее всего, почитаю я, обратить из сословия казаков, в обеих Малороссийских Губерниях обитающих, которые имея собственные свои грунты, примут предложение сие с тем охотнее, что продажею их не будут нуждаться в издержках, для перехода и водворения потребных, что сословие, в которое они по переселении войти должны, соответствует прежнему их образу жизни, когда они были в казачестве, и что на новом месте водворения найдут они еще земли обильныя, плодоносныя и избыточествующия всем тем, что для поселянина нужно, и с предпочтительными еще в обширности земель выгодами, чего они в настоящих жилищах не имея, и недостатком земель крайне нуждаясь, переселяются ежегодно немалым числом в край Новороссийский.

Таковое переселение заключает в себе еще и особенную пользу, как для того края, куда оно назначается, так равно и для тех Губерний, откуда оно определяется. Для войска Черноморскаго люди сии будут тем полезнее, что ведя уже некогда подобный род жизни, и отправляя прежде личную службу, скорее приобьют к перенесению службы, какую в сем войске отправлять будут обязаны, а тем самым полезнее других для защиты границ, куда переселятся. Для Малороссии же выгода сего переселения будет ощутительна в распространении собственности, столь много от недостатка земель в хозяйственных заведениях стесненных.

По сим соображениям, находя переселение из Малороссийских Губерний до 25000 душ казаков на земли войска Черноморскаго общепользным и возможным, я осмеливаюсь Вашему Императорскому Величеству представить мнение мое, на каких главных основаниях может быть оно произведено в действо; и как правила, в 1806 году для переселения из Смоленской Губернии крестьян в Новороссийский край Высочайше утвержденныя, не могли быть во всем применены к сему случаю: то я счел за необходимое, для настоящаго предмета, изъяснить их с большею, сколько возможно, определенностию. Они заключаются в следующем:

1. Переход на земли Черноморскаго войска казаков из Малороссийских Губерний с их семействами допустить по добровольному каждому на то желанию.

2. Из числа семейств, желание свое к переселению объявивших, по уважению малаго числа женскаго пола, ныне в Черноморских войсках состоящаго, предпочитать те, где более девок и вдов, в брак еще вступить могущих.

3. Исполнение переселения возложить на особенное попечение Малороссийскаго Генерал-Губернатора.

4. Предоставить ему, чтоб по соображению счета волостей, числа в них душ и теснаго положения земель, назначил он число семейств, кои из каждой волости к таковому переселению желание свое объявить могут.

5. Дозволить обещание о сем сословию казачьему учинить посредством Волостных Правлений, под надзором Земских Полций

6. Определить, чтоб семейство, объявляющее желание к переселению, представило при том от общества своего удостоверение, что никаких в податях неочищенных обязанностей не состоит, и частных долгов, препятствующих выходу из селения, на оных не имеется.

7. Волостным Правлениям предписать, чтобы списки, кои с таковым объявлением о переселенцах учинены будут, доставляли они в Казенные Палаты, для представления их Генерал-Губернатору.

8. Генерал-Губернатор, по рассмотрении их и по соображению с местными обстоятельствами, назначает определительно, которому из семейств, объявивших желание переселиться, дозволение на то дать можно, и велики, чрез кого следует, каждое о сем известить.

9. Получающие таковое дозволение, могут, если пожелают, послать от себя предварительно нескольких человек в войско Черноморское, для обозрения мест к своему поселению, и узнания вообще о всех тех выгодах, какия они там иметь будут.

10. Губернское Начальство, комиссионеров сих должно снабжать для прохода надлежащими на срочное время видами, и вместе с сим обязано предварительно дать знать об оном Херсонскому Военному Губернатору и Черноморской Войсковой Канцелярии, с требованием для обеспечения переселенцев в удовлетворении желания их точного удостоверения.

11. Нежелающих отправлять от себя таковых нарочных, к сему не принуждать; но для предварительного отвода им к поселению мест и устроения необходимых на первый случай пристанищ. Губернское Начальство должно завременно уведомить Войсковую Канцелярию и Херсонского Военного Губернатора о всех тех, кому предназначится дозволение к переселению, и доставить притом подробныя семействам их списки.

12. Когда по таковым сношениям, все необходимое к пристанищу переселенцев изготвится, и следовательно самое переселение из Малороссийских Губерний казаков решительно определено будет, то в то же время от Малороссийского Генерал-Губернатора должно быть предписано Земским Начальствам, чтобы они обвестили всех тех, коим переход сей дозволен, что они распределением своей собственности и грунтовых владений, должны делать к тому свои приготовления.

13. Переселенцев сих, для их перехода назначать партиями, но не более 30 семейств в каждой, избирая из сих семейств одного отличившаго добрым поведением старейшину, который, как открытым на проход партии листом, так и подробно по прилагаемой при сем под № 1 форме о всех семействах ведомостью, снабжен быть должен, и которое он по приходе на место обязан представить в Черноморское Правление; во времени же отправления их с места, наблюдать достаточное одной партии от других отдаление, дабы от большего числа и от частых одной за другой переходов, не могло встретиться затруднения в дороге, в разсуждении квартирования и прокормления скота.

14. Каждая партия в пути, до места назначеннаго должна быть препровождаема от города до города, или от одного до другого уезда, отряженными от Городничих и Земских Комиссаров чиновниками, или унтер-офицерами, или же солдатами, как для ограждения их в пути от притеснения и

остановок, так равно и для соблюдения самими переселенцами порядка, к предупредению всякаго покушения на поступки непозволенные: на сей конец Генерал-Губернатор обязан предварительно о выступлении с места сих переселенцев, всякой раз давать знать Начальникам Губерний, чрез кои они пойдут, к учинению заблаговременно нужных в сем случае распоряжений.

15. Если кому-либо из переселяющихся приключится болезнь, по которой он пути продолжать не может: в таком случае хода целой партии останавливать не должно: но заболевшаго, не разлучая с его семейством, обязано Городское и Земское Начальство, тут же на месте удержав, принять под свой надзор и покровительство, пешись о его излечении, и по выздоровлении с письменным видом, показующим все число душ и количество скота, к назначенному месту отправить в одном семействе, или с новою партией, которая между тем подоспеет: к исполнению сего обязан Малороссийский Генерал-Губернатор дать предварительныя свои предписания, и отнести о том к Начальникам Губерний, чрез кои переселенцы следовать будут.

16. Срок для переселения сего назначить один год, в течение коего все те, кои оно дозволится (не простираясь далее 25000 душ мужеска пола, а женска, сколько их в семействах находится будет) должны непременно им воспользоваться, разве бы между тем кто из них по каким-либо обстоятельствам пожелает паки остаться на прежнем месте, в чем и не делать никому воспреещения; но для сохранения определенного числа переселенцев, заменять таковых новым назначением, из объявивших на то желание, по призыву Генерал-Губернатора:

17. Все переселяющиеся из Малороссийских Губерний казаки, лежащая на них денежная подать по тому месту, откуда выйдут, очистить должны по общему о переселенцах и о переводе душ положению.

18. По отправлении каждой партии, Генерал-Губернатор должен будет доносить Правительствующему Сенату, и в то же самое время уведомлять Министра Внутренних дел и Государственного Казначея, прилагая ведомости по форме, под № 2 у сего следующей.

19. Черноморская Войсковая Канцелярия, в приеме поселенцев, в водворении и в наделении их землями, поступает сообразно основанию и изданным от Правительства о сем войске постановлениям. О каждой же приходящей на место партии переселенцев, посылает к Малороссийскому Генерал-Губернатору ведомость по форме № 3 при сем прилагаемой, поверяя оную всякий раз с ведомостью, какая от старейшины с каждою партией представится, которая по подробности своей служить будет проверкою их путешествия, числа душ на поселение пришедших, и того состояния, в каком они до места прибыли.

20. Для предупреждения злоупотребления, при таком переселении вкрасться могущаго, Канцелярия войска Черноморскаго предварительно и строжайше запретить, принимать в виде переселенцев таковых, кои не будут иметь надлежащих для того от Малороссийскаго Генерал-Губернатора свидетельств, и ежели они могли случиться, оных непременно должно возвратить чрез пересылку посредством Земских Полций к Малороссийскому Генерал-Губернатору, для обращения на прежнее жительство. Мера сия более всего приемлется на тот конец, чтоб под предлогом дозволенного переселения казакам, не могли воспользоваться сим и помещичьи крестьяне, и иначе беглые разнаго

рода люди, а потому должное в сем случае наблюдение по всей строгости остаётся на собственной ответственности Войсковой Канцелярии, и особенно поручено быть должно главному тамошняго края Начальству.

21. Судя по близости места, куда назначается переселение, никакого от казны переселяющимся казакам пособия не полагается: ибо они имея собственные свои грунты, продажею их достаточно всем нужным снабдить себя могут; но если бы по местным соображениям Херсонскаго Военнаго Губернатора, востребовалось что-либо для первоначальнаго переселенцев обзаведения, справедливость требует издержки таковыя отнести на счет сословия Черноморскаго войска, в пользу коего таковое переселение от Правительства дозволяется.

Изложив правила переселения Малороссийских казаков, в соединение с казаками Черноморскими предполагаемаго, считаю необходимым обратиться и к самым землям, последними ныне обитаемым, которым по изъяснению Херсонскаго Военнаго Губернатора никакого до сего времени внутренняго размежевания еще не было, и которое в существе своем столь полезно и нужно, что посредством оного отделяя общее владение от частнаго, поставится каждое в известныя границы, и тем на будущия времена обезпечится всякий владеец или поселянин в прочности хозяйственных на собственности своей заведений. Дабы привести меру сию в надлежащее действие, должно предварительно отнестись к Министру Юстиции и к Военному Херсонскому Губернатору Дюку де Ришелье, представив первому распоряжение о приготовлении одной или двух Землемерских партий, а к последнему, чтоб он без малейшаго отлагательства приказав Черноморской Войсковой Канцелярии заранее собрать к делу все местныя сведения, в то же время занялся составлением и самых для межевания правил, в то же время занялся составлением и самых для межевания правил, в том же время занялся составлением и самых для межевания правил, вмеща тут все подробности, которыя ему, яко главному того края Начальнику, должны быть известны, и отдала все неудобства, благоуспешности межевания препятствовать могущия; по окончании же представил бы оное на Высочайшее Вашего Величества усмотрение, с утверждением коего само по себе откроется, что чиновники, к межеванию определенные, войдут в непосредственную его зависимость, а притом к лучшей благоуспешности не препятствует дозволить учредить, буде найдет полезным, и особый Межевой Комитет, с обязанностию иметь за действием Землемеров смотрение и давать им в затруднительных случаях разрешение, определяя однако ж степень, до котораго сей комитет сам собою действовать может, и выше котораго должен относиться к Военному Губернатору для получения его наставлений и разрешений.

В сем состоит по мнению моему все те распоряжения, которыя при переселении казаков из Малороссийских Губерний на земли Черноморскаго войска, приняты быть могут, и которыя я осмеливаюсь повергнуть Монаршему Вашего Императорскаго Величества благоусмотрению.

Резолюция. Быть по сему.

Форма № 1.

Ведомость о казаках из такой-то Губернии отправленных на земли войска Черноморского, данная следующему с партией старейшины такому-то.

Из которого повета	Из какого селения	Число семейств	Имена и фамилии управляющихся семейств	Число душ и лет		Число повозок в упряжке	Число особаго скота сверх упряжки	Когда на проезде виды даны	Когда именно в путь отправились
				Мужеск	Женска				
		1	Петр Хоменко	45	—	повозок 2	лошад. 3 быков и кор. 5		
			У него жена Аксинья	—	30				
			<i>У них дети:</i>						
			Сын Яков	20	—				
			Дочь девка Марья	—	18				
			Дочь вдова Татьяна	—	28				
			И так далес, и означая каждое семейство порознь. В конце ведомости показывать перечень одному только числу душ.						
			Итого						

Форма № 2.

Ведомость об отправленных из Малороссийской Полтавкой Губернии казачьих семействах к населению земель, Черноморскому войску принадлежащих.

	Сколько в семействе души		Число повозок в упряжке	Число особаго ско-та сверх упряжки	Когда на проезд виды даны и когда в путь отправились
	Муж.	Жен.			
<p><i>Такого-то повета:</i> С такого-то числа селений, отправлено на Черноморския земли столько-то семейств</p>	00	00	00	00	Виды на проезд даны такого-то месяца, а в путь отправлены тогда-то

Примечание. По ведомости под № 3, Черноморское Правительство, обязано присылать к Малороссийскому Генерал-Губернатору о сих переселенцах ведомости с показанием могушей быть в людях и имуществе убыли, с объяснением и самых тому причин, по получении таковых ведомостей, Малороссийский Генерал-Губернатор должен кратко уведомлять Министра Внутренних дел и Государственного Казначая, как о сей убыли, так и о случаях, от которых она последовала.

Форма № 3.

Ведомость, учиненная в Черноморском Правлении о казаках, из такой-то Малороссийской Губернии на поселение в Черноморское войско прибывших и Правлением действительно принятых.

				Сколько в семействе души		Число повозок в упряжке	Число особаго скота сверх упряжки	Когда на проезд виды даны и когда в путь отправилсь
				Муж.	Жен.			
		1	Петр Хоменко	45	—	повозок 2	лошад. 3 быков и кор. 5	
			У него жена Аксинья	—	30			
			<i>У них дети:</i>					
			Сын Яков	20	—			
			Дочь девка Марья	—	18			
			Дочь вдова Татьяна	—	28			
			И так далее, означая каждое семейство порознь. В конце ведомости показывать перечень одному только числу душ.					
			Итого	00	00			

Примечание. Ведомость сия в Черноморском Войсковом Правлении должна быть составлена из ведомости, которую старейшины о каждой приходящей партии представлять будут, и поверяема во всей точности с настоящим числом переселенцев и их собственностно, действительно до места достигших; при чем, ежели откроется какая убыль, то о причинах оной делать полное объяснение в сей ведомости противу каждой семьи особо.

ПСЗ. Собр. 1. Т.30. (1808–1809). СПб., 1830. Ст. 22902.

5.

19 апреля 1820 г. (Сенатом распубликован 2 июня).

Высочайше утвержденный доклад Управляющего Министерством Внутренних Дел. — *О устроении Черноморскаго войска переселением на земли, оному войску принадлежащая, 25 000 Малороссийских казаков.*

Доклад. По Высочайшему Вашего Императорского Величества повелению внесено в Комитет Министров поступившее от Начальника Главного Штаба 2-й армии Генерал-Майора Киселева обозрение Черноморского войска, заключающее вместе и предположение о переселении на земли онаго двадцати пяти тысяч душ из казаков Малороссийских двух Губерний.

Комитет принял в уважение, что подобное переселение из Малороссии последовало в 1808 году по докладу Министра Внутренних дел, предоставил мне рассмотреть упомянутое предположение Генерал-Майора Киселева и представить мое по оному заключение.

Генерал-Майор Киселев в обозрении его Черноморского войска изъясняет: 1) Что Черноморския земли при великом своем пространстве не имеют довольногo населения. 2) Что Черноморские казаки, быв с учреждения своего в непрестанном действии с соседними народами, приобыкли к воинскому состоянию, но не могли привести себя в цветущее положение, и скудость в войске весьма ощутительна. 3) Что главные доходы войска состояли донныне в скотоводстве и рыбных ловлях: но и оных казаки по непрерывному оборонительному своему положению распространить не имеют возможности. 4) Что хлебопашество по тем же причинам так мало соответствует плодородию земли, войску принадлежащей, что Войсковое Управление принуждено покупать провиант по большей части в соседственных Губерниях для содержания кордонных полков: и 5) Что таким образом постепенное оскудение войска со временем не дозволит казакам собственными способами охранять границу, и тем поставит Правительство в необходимость возобновить прежния на сей предмет важныя денежныя издержки.

В отвращение сего Генерал-Майор Киселев полагает весьма полезным и необходимым, на обширном пространстве, занимаемой войском Черноморским земли, умножить число жителей, переселением из Малороссии еще двадцати пяти тысяч казаков по прежнему примеру.

Он удостоверяет, что переселившися прежде туда из Малороссии казаки, в течении восьми лет столь привыкли к настоящему роду жизни, что служба военная исполняется ныне без различия старыми и новыми казаками.

В сем заключаются кратко существенныя обстоятельства представления Генерал-Майора Киселева, до переселения людей из Малороссийских Губерний относящися.

Обращаясь к рассмотрению онаго, я нахожу:

Во первых, что бывший Херсонский Военный Губернатор Дюк де Ришелье признавая необходимым усилить население Черноморского войска, полагал отправлять туда некоторое число поселян, которые по тесноте земель в Малороссии в Новороссийский край ежегодно переходили, и

Во вторых, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно было повелеть бывшему тогда Министру Внутренних дел, Князю Куракину, составить по сему предмету правила, которыя в поднесенном от него докладе 17 Марта 1803 года были удостоены Высочайшаго Вашего утверждения.

Главныя основания правил сих в следующем: а) Число переселяемых назначить не больше двадцати пяти тысяч душ мужеска пола с их семействами.

б) Переселение совершать добровольно и единственно из сословия казаков. в) Приглашение к переселению ограничить теми местами, где жители в земле наиболее нуждаются. г) Имена желающих представлять главному Начальству для нужного к переселению дозволения. д) Переселение предпочтительно разрешать семействам, в коих более женскаго пола. е) Списки переселяющихся посылать к Начальству Черноморскаго войска. ж) Переселяющимся дозволить продавать свои дома, земли и имущество. з) Черноморскому войску поставить в обязанность назначить переселенцам земли, и сделать нужныя пособия к водворению. и) Войску не дозволить принимать других поселян, кроме назначенных в списках. й) Все по сему распоряжению в Малороссийских Губерниях предоставить главному ведомству Малороссийскаго Генерал-Губернатора. к) Переход в пути и провожание сих переселенцев до места водворения определить правилами, в 1806 году о переселении казенных крестьян из Смоленской Губернии, изданными: л) Срок для окончания всей операции переселения сего назначить один год; но сие последнее положение в последствии отменено. м) Наконец для удобнейшаго их водворения предположено разжевать Черноморские земли; что однакож во встретившимся неудобствам исполнено быть не могло.

На сем основании переселилось в Черноморское войско в течении 1809, 1810 и 1811 годов из Губерний Полтавской и Черниговской казаков двадцать три тысячи восемьдесят восемь мужеска и восемнадцать тысяч шесть сот семьдесят две женскаго пола душ. Издержек по переселению сему от казны не было чинимо.

Собразив обстоятельства прежняго переселения Малороссийских казаков и настояция предположения, я нахожу: 1) Что Черноморское войско по населению, совершенно несоответствующему обширности и плодородию его земель, существенную пользу получит от всякаго распоряжения, которое клониться будет к тому, чтобы умножить способы его к обрабатыванию земли. 2) Что Малороссийския Губернии, изобилующия напротив населением в сравнении с количеством, крайне недостаточным земель им принадлежащих, не только не могут потерпеть в хозяйственных отношениях от переселения двадцати пяти тысяч душ: но напротив получить должны существенныя выгоды, если бы число поселян, им принадлежащих, несравненно значительнее водворилось на землях полуденной части России, к их частной и Государственной пользе. 3) Что успешное переселение Малороссийских казаков, в войско Черноморское уже произведенное, удостоверяет, что и ныне предполагаемое, на взаимных выгодах так же основанное, одинакия последствия иметь будет. 4) Что кроме вышеизложенных выгод в отношениях хозяйственных, Правительство достигнет весьма важной цели прочнаго обеспечения границ своих посредством сего воинскаго поселения, без коего следовало бы содержать регулярное войско с немалыми издержками и значительною потерей людей в климате, весьма пагубном для тех, кои к оному не привыкли; и 5) Что в сравнении выгод сих не может быть поставлена небольшая убыль в доходе казенном от того, что освободятся 25 000 переселенцев от платежа подушных и оброка; между тем, как по заключению вышеизложенному, Правительство избавиться может от важных издержек на содержание войска регулярнаго, на Кубани необходимаго, если собственные способы Черноморских казаков не будут усилены.

По всем уважениям сим я признаю новое переселение двадцати пяти тысяч душ мужеска пола из сословия Малороссийских казаков на земли Черноморскаго войска весьма полезным, и полагаю произвести оное на основании правил вышеупомянутого Высочайше утвержденного в 17 день Марта 1808 года доклада Министра Внутренних дел, присовокупя некоторыя распоряжения, кои по встретившимся по оным неудобствам споспешествовать могут к успеху сего дела.

Распоряжения сии заключаются в следующем:

I. Все производство переселения сего поручить попечению Малороссийскаго Военнаго Губернатора с тем, чтобы он применяясь к правилам, в 1808 году на сей случай данным, снабдил Гражданских Губернаторов Полтавскаго и Черниговскаго надлежащим наставлениям, для производства дела сего с успехом и сообразно цели Правительства.

II. Для изъявления желаний со стороны переселяющихся семейств, и для полного в Черноморския земли переселения назначить трехлетний срок, со времени объявления о том в каждом повете.

III. Малороссийскому Военному Губернатору поставить в обязанность доносить об успехе переселения, и доставлять ведомости о переселяющихся в Министерство Внутренних дел. Гражданские же Губернаторы обязаны будут ведомости о переселяющихся из Губерний им вверенных казаках сообщать Казенным Палатам.

IV. Черноморскому Войсковому Начальству поставить в обязанность новым поселенцам отводить земли и размещать их во всем наравне со старожилыми казаками, предоставляя оному распорядиться по лучшему его соображению о размежевании земель, кои им отводиться будут.

V. Малороссийскому Военному Губернатору и Войска Черноморскаго Атаману предоставить иметь надлежащее сношение с Министерством Внутренних дел во всех случаях, кои по операции сей встретят затруднения, или потребуют изъяснения или дополнений, дабы они могли получать неотлагательное разрешение.

Резолюция. Быть по сему.

ПСЗ. Собр. 1. Т.37. (1820–1821), СПб., 1830. Ст. 28241.

6.

30 сентября 1824 г.

Высочайше утвержденное положение Комитета Министров. -- *Об исключении из оклада по Черниговской Губернии переселившихся на земли Черноморскаго войска казаков.*

В заседание 31 Мая слушана записка Министра Финансов от 28 Мая, за № 3617 (по Департаменту Разных Податей и Сборов) внесенная в журнал Комитета, под № 1110, о исключении из оклада по Черниговской Губернии переселившихся на земли Черноморскаго войска казаков.

Комитет полагал представление сие утвердить, испросив на то Высочайшее соизволение.

В заседание 30 Сентября объявлено Комитету, что Государь Император на положение Комитета соизволяет.

Комитет определил: сообщить о том Министру Финансов и Управляющему Министерством Внутренних дел к исполнению выпискою из журнала.

Замечание. Высочайше утвержденным 19 Апреля 1820 года докладом Управляющего Министерством Внутренних дел повелено было: переселить на земли Черноморскаго войска 25000 Малороссійских казаков.

Во исполнение сей Высочайшей воли, отправлено доселе из Черниговской Губернии в Черноморію мужеска пола душ: а) состоящих по ревизии в окладе 10 635, но в том числе считается в семействах действительно переселившихся, умерших и отданных в рекруты 808 душ; б) рожденных после ревизии 2926, и в) открытых при переселении прописных не положенных затем в оклад 197.

Комитетом же, учрежденным для водворения казаков на новых жилищах, причислены по его ведомству одни только действительно прибывшие в войско, и состоящие на лицо; а именно: показанных по ревизии 9320 и рожденных после оной 2854 души; умершие же, отданные в рекруты и оставшиеся по разным причинам в пути, в счет войску не приняты.

Черниговская Казенная Палата, доводя о сем до сведения Министра Финансов, объясняла, что с оставлением сих последних в тамошней Губернии в окладе, прежнія общества безвинно будут отягощены платежем за них податей: ибо переселившиеся семейства не оставили на прежнем месте жительства никакого имения.

Не усматривая, ни в правилах, Высочайше утвержденных в 1808 году, для перваго переселения Малороссійских казаков, ни в докладе 1820 года никакого основанія к положительному разрешенію сего обстоятельства, Министр Финансов входил об оном в сношение с Министерством Внутренних дел. Управляющий сим Министерством находит, что при переселении Малороссійских казаков Правительство имело целию прочное обезпечение границ своих посредством сего воинскаго поселенія, без коего следовало бы содержать регулярное войско с немалыми издержками и значительною потерей людей, в климате весьма вредном для непривыкших к оному и что небольшая убыль в походе казенном чрез освобожденне переселенцев от платежа подушных и оброка, заменяет военныя издержки на содержание войска регулярнаго на Кубани необходимаго.

По сим уваженіям он полагает, что исключение из оклада по Черниговской Губернии переселившихся казаков, должно быть произведено и с убылыми из семейств их после ревизии душами, так как убыль сия заменится вновь рожденными после оной, числом коих, как видно из представлення Палаты, гораздо значительнее; а сверх того если бы оставить убылых на прежних местах, то платеж за них податей совершенно безвинно отяготитъ те общества, к которым они принадлежали.

Министр Финансов, соглашаясь с своей стороны с справедливостію сей меры, полагает: а) вместе с исключением по Черниговской Губернии действительно прибывших в войско казаков, исключить убылых после ревизии из их семейств души, а также оставшихся по разным случаям в пути; б) предоставить Министру Внутренних дел сделать немедленно надлежащее распоряженіе об отысканніи сих последних и о безотлагательной высылке их на место назначенія; ежели же из сего числа некоторые возвратились на прежнее жительство: то

уведомить о сем Министерство Финансов, для зависящего с его стороны распоряжения о положении их вновь в оклад; в) по тем же уважениям, по коим убыль души исключаются из оклада, сложить с прежних обществ взыскание пени и двойных податей, за открытых при поселении прописных, подтвердив однако же Черниговскому Губернскому Начальству, немедля озаботиться строжайшею поверкою ревизии между остающимися казаками, так как обнаруженная ныне утайка дает повод заключать о таковой же и между прочими семействами; г) меры сии распространить и на Полтавскую Губернию, если при переселении казаков открылись бы там подобные случаи.

О чем имеет честь представить на дальнейшее благоразсмотрение Комитета Гг. Министров.

ПСЗ. Собр. 1. Т.39. (1824). СПб., 1830. Ст. 30074.

7.

10 мая 1834 г.

Сенатский, по Высочайшему Повелению. – *О водворении уволенных от службы Малороссийских казаков на землях Черноморского войска.*

Правительствующий Сенат слушали рапорт Г. Военного Министра, что Государь Император, в последствие вопроса Командира Отдельного Кавказского Корпуса: как поступать с уволенными из военной службы нижними чинами из Малороссийских казаков, явившимися в Черномории для соединения с семействами своими, переселенными туда по распоряжению Правительства. Высочайше повелеть соизволил: означенных нижних чинов водворить на землях Черноморского войска при родственниках, и записав в число отставных казаков, не употреблять ни в какие повинности, по уважению выслуги ими в регулярной службе определенного 25-летнего срока. Детей же сих нижних чинов мужеского пола, рожденных до отставки, оставить в числе военных кантонистов, а тех кои родятся после отставки, записывать в сословие Черноморского войска. Вместе с тем Его Императорское Величество указать соизволил: вышеизложенное Высочайшее повеление принять постоянным правилом и будущее время в подобных случаях. О таковой Монаршей воле, объявленной вместе с сим к должному исполнению Командиру Отдельного Кавказского Корпуса, он Г. Военный Министр донес Правительствующему Сенату к надлежащему сведению. Приказали: об изъясненном рапорте Г. Военного Министра Высочайшем Его Императорского Величества повелении, для сведения и должного, до кого касаться может, исполнения, дать знать указами всем Гг. Министрам, Военным Генерал-Губернаторам, Военным Губернаторам и прочим Начальствующим в Губерниях лицам, Гражданским Губернаторам, Губернским и Областным Правлениям, Правительствам, Войсковым Канцеляриям и Присутственным местам: а в Святейший Правительствующий Синод, во все Правительствующего Сената Департаменты и Общия оных Собрания сообщить ведению.

ПСЗ. Собр. 2. Т.9. (1834). СПб., 1835. Ст. 7069.

19 января 1846 г.

Именной, объявленный Департаменту Военных Поселений Военным Министром. – *О дозволении принимать в Черноморское казачье войско Малороссиян отдельными семействами.*

Военный Совет, рассмотрев представление Департамента Военных Поселений, от 6 Ноября, о зачислении в Черноморское казачье войско казака Полтавской губернии Варвянского с семейством, согласно с заключением Общего Присутствия Департамента, положил: дозволить впредь до переселения в Черноморское казачье войско людей из Малороссии принимать в это войско Малороссиян отдельными семействами по их желанию, с тем однако же, чтобы люди эти о согласии на их переселение предъявляли удостоверение своих обществ и начальства, которому подведомственны, и чтобы водворение в войске производили на свой счет, не требуя от правительства никаких воспособлений.

Вместе с сим Совет положил: просить Генерал-Адъютанта Князя Воронцова о скорейшем по возможности доставлении мнения его по препровожденному на рассмотрение его проекту положения об учреждении Межевой Коммисии для размежевания войсковых земель Черноморскаго казачьяго войска.

Государь Император таковое положение Военнаго Совета, в 19 день сего Января, соизволил Высочайше утвердить.

ПСЗ. Собр. 2. Т.21. (1846). СПб., 1847. Ст. 19633.

© 2008 г., Н. А. Тернавский

СТАНИЦА ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ: ИМЯ НА КАРТЕ И В ИСТОРИИ

Станица Елизаветинская, возникновение которой связано с созданием Черноморской кордонной линии и колонизацией Кубани бывшими запорожскими казаками, находится на расстоянии 20 км от краевого центра. Близость к Екатеринодару отразилась на укладе и занятиях жителей. Она являлась «городом» кубанской казачьей столицы, а также одним из центров традиционной казачьей культуры.

Кордон Видный был учреждён полковником Кузьмой Белым в мае 1793 г. одним из первых ещё до того, как кошевой атаман Захарий Чепига отыскал в Карасунском Куте «место под войсковой град». На посту несли службу 50 казаков Иркилевского и Тимашевского куреней. Главной задачей кордона была охрана почти 10-километровой излучины р. Кубани, покрытой камышами с небольшими лесными островами. В конце 1794 г. по приказу З. А. Чепиги кордон Видный был переименован в Елизаветин – в честь великой княжны, супруги будущего императора Александра I Елизаветы Алексеевны. Она была дочерью маркграфа

Баден-Дурлахского Карла Людвига и до перехода в православие и бракосочетания с великим князем Александром Павловичем 28 сентября 1793 года носила имя Луиза-Мария-Августа. Свою жизнь она посвятила мужу и новому Отечеству. В ней удачно сочетались приветливый жизнерадостный характер, ум и женская красота. А. С. Пушкин посвятил ей строки: «Я, вдохновенный Аполлоном, Елисавету втайне пел. Небесного земной свидетель. Воспламененною душой Я пел на троне добродетель С ее приветною красой...»

На возвышении рядом с кордоном расположился в 1794 г. Тимашевский курень, однако это место стало опасным из-за частых нападений горцев, что вынудило куренное правление обратиться с просьбой о переселении вглубь Черноморья на речку Кирпили. По переселении Тимашевского селения место у кордона не стало безлюдным, здесь возник хутор непригодных к службе казаков-сиромых, страстных охотников, которые за крупу и муку составляли отряды пластунов, помогавшие кордонным казакам охранять большую и опасную дистанцию.

По предложению Дюка де Ришелье, приезжавшего с инспекцией несколько раз в Черноморье, в 1820-х годах войско пополнилось 25 тысячами переселенцев из Полтавской и Черниговской губерний. Черноморское войсковое правительство решило по берегу Кубани в непосредственной близости от кордонной линии создать ряд новых куренных поселений. Так возник Елизаветин курень. Его население в равной пропорции составили «старожилые» черноморские казаки Тимашевского, Величковского, Кушёвского, Уманского, Поповичевского, Леушковского и других куреней, а также переселенцы из Кобеляцкого, Переяславского, Приятинского, Лубенского, Миргородского, Хорольского поветов Полтавской губернии, Кролевецкого, Сосницкого, Нежинского и Борзенского поветов Черниговской губернии. Всего жителей на момент водворения куреня было 1759 человек. Указ о создании новых черноморских куренных селений, один из которых получил имя супруги императора, в 1822 году подписал Александр I [1].

В 1835 году в Елизаветином курене находилось 309 дворов (в два с половиной раза меньше, чем в Екатеринодаре), а жителей в сравнении с 1824 г. убавилось почти на 300 человек. Многие из новых поселенцев умерли от лихорадки, другие, не выдержав трудностей военного положения, бежали подальше от Кубани. Не один раз курень подвергался нападению горцев. Зимой 1830 г. кровавая стычка завязалась с большим отрядом черкесов в Тимашевском Куте, а осенью 1831 г. nastоящее сражение произошло у восточных ворот на толоке. От разорения селение спасло лишь предупреждение о готовящемся нападении, мужество и решимость, с которыми всё мужское население вместе с конными полками под командованием Алексея Безкровного приняло участие в отражении нападения. В 1842 г. все куренные селения в Черноморье были переименованы в станицы. В 1844 г. в станицу прибыло более 40 семей переселенцев из Харьковской губернии, а в 1858–1860 гг. из упразднённой Екатеринодарской станицы переведены 17 казачьих семейств, в основном офицерских.

Уроженцами Елизаветинской являются: генерал Антон Георгиевич Чаун (1851–?), кавалер орденов Анна, Станислава и Владимира, командир 1-го

Кавказского полка и участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в конце XIX в. был городским гласным Екатеринодара; генерал Борис Иванович Борчевский, его отец, войсковой старшина, участник обороны Севастополя, был переведен в Елизаветинскую по упразднении станции Екатеринодарской. Его брат Семён стал известным учёным, одним из основателей Общества любителей истории Кубанской области (ОЛИКО). Участвовал в опытах по изучению рентгеновских лучей, составил ценную коллекцию минералов и горных пород Кавказа, коллекцию фотографий Главного Кавказского хребта. После революции преподавал в Краснодарском рабочем университете.

В станции родились и получили начальное образование видные большевистские деятели Яков, Дмитрий, Николай и Ян Полуяны. Дмитрий Васильевич состоял в партии меньшевиков, в 1919 г. он был головой Царицына, а в 1921 г. советником В. И. Ленина по казачьим вопросам, комиссаром Каспийского торгового флота, председателем центрального правления Госторгфлота. Ян Полуян (1891–1937) в 1914 г. поступил в Киевский университет, но за революционную деятельность был арестован, исключён из университета и осуждён на пять лет каторги. После освобождения из Златоустинского каторжного центра в 1918–22 гг. являлся председателем Кубанского облисполкома, председателем СНК Кубано-Черноморской советской республики. По его инициативе Екатеринодар был переименован в Краснодар. Ян Полуян явился инициатором введения украинского языка в школах Кубани и проведения так называемой «украинизации» края. В 1923 г. Я. В. Полуян направлен председателем Тверского губисполкома, в 1925 г. стал членом Президиума ВЦИК, заведующим орготделом. В 1929 г. переведён председателем Дальневосточного крайисполкома, в 1931 г. назначен начальником энергоуправления Наркомата коммунального хозяйства РСФСР. В 1937 г. расстрелян как «враг народа».

Уроженцем ст. Елизаветинской является видный украинский политический и общественный деятель 1918–1930-х годов Павел Аникеевич Христюк (1890–1941). Накануне Октябрьской революции П. А. Христюк закончил Киевский политехнический институт. Еще будучи студентом, принимал активное участие в политических событиях того времени, в создании Украинской партии социалистов-революционеров. Сотрудничал с газетами «Рада», «Боротьба», в 1917 г. стал редактором газеты «Народна воля». В правительстве В. Голубовича, а затем И. Мазелы П. А. Христюк занимал пост министра внутренних дел Украинской Народной Республики. После прихода большевиков эмигрировал в Австрию, где жил до 1923 г. По приглашению советского правительства вернулся на Украину, работал инспектором Украинского банка в Харькове, затем стал членом правления государственного издательства Украины. В марте 1931 г. П. А. Христюк арестован и осужден на 5 лет «за контрреволюционную деятельность». После освобождения, он снова был арестован и осужден на 8 лет. Умер П. А. Христюк в Севвостлагере в 1941 г. П. А. Христюк был автором четырехтомного труда «Заметки и материалы к истории украинской революции», а также ряда очерков, статей, рецензий.

Членом Кубанской Рады и приверженцем казачьей автономии был Мусий Прокофьевич Пилюк. В годы «деникинщины», Пилюк являлся начальником штаба Красно-зеленой армии. М. П. Пилюк призвал казаков Кубанской армии

сложить оружие под Сочи и признать Советскую власть. В Кубано-Черноморском ревкоме М. Пилюк стал заместителем председателя казачьей секции. После красного террора, проведенного большевиками осенью 1921 г. против казачьего населения, М. Пилюк возглавил партизанское соединение и предпринял боевые действия против красноармейских частей, но был окружён и разбит под Тихорецком. По рассказам родственников, лишившись разума, М. П. Пилюк ещё несколько лет жил в Елизаветинской и умер в начале 1930-х гг.

Трагично сложилась судьба елизаветинца С. Т. Койды, комдива Красной Армии, чья дивизия одной из первых приняла на себя удар фашистских войск под Сталинградом и пропала без вести.

Свидетелем учреждения Елизаветинского куренного селения был полковник Афанасий Федорович Бурсак, с 1818 г. командир 2-го конного полка и 2-й части Черноморской кордонной линии, в состав которой входил Елизаветинский кордон и новый курень. А. Ф. Бурсак – первый командир Лейб-гвардии императорского конвоя Александра I, участник Бородинского сражения, битвы под Лейпцигом, взятия Парижа, утонул в марте 1825 г. в Кубани и похоронен на Елизаветинском кладбище.

С Елизаветинской связан один из самых драматичных эпизодов гражданской войны – Ледяной поход Добровольческой армии и гибель генерала Л. Г. Корнилова. Отпевал генерала в станичной Троицкой церкви священник Леонтий Гливенко, ставший затем жертвой красного террора осенью 1921 г.

До революции Елизаветинская считалась одной из наиболее культурно развитых станиц Кубани. Она дала немало не только талантливых военачальников, воинов, но и политических, общественных деятелей. До наших дней станция сохраняет лучшие традиции народной казачьей культуры, уходящей своими корнями во времена Запорожской Сечи. Неслучайно одним из первых регентов Черноморского Войскового певческого хора в 1859 г. стал по окончании двухгодичного курса в Придворной певческой капелле урядник Елизаветинской станицы Моисей Варфоломеевич Терпилец. В Кубанском духовом оркестре в конце XIX – начале XX в. были елизаветинцы: корнетист Василий Романько. Семен Подварко (играл на ударных); в хоре пели: Семен Скрипка, Емельян Романько, Алексей Широкий, Потап Остроух, Михаил Погорелов, Григорий Хромец, Алексей Тарасенко, Терентий Терещенко, Иван Ященко и Михаил Бигдай [2].

В станице сложились и свои церковные распевы, сохраняются языковые и фольклорные особенности. Традиции музыкальной культуры и казачьего фольклора в станице бытуют и в наши дни. Здесь до сих пор можно услышать песни о Байде, Сагайдачном, Морозенко. В мае 1941 г. кубанский поэт И. Ф. Варавва записал здесь старинные черноморские песни, среди которых и песню «Ой 1791-го року», в которой упоминаются кошевой атаман Захарий Чепига и войсковой судья Антон Головатый [3].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 473. Л. 525–526; *Тернавский Н.А.* Елизаветинская: история кубанской станицы. Краснодар, 2005. С.43–44.
2. *Тернавский Н.А.* Елизаветинская: история кубанской станицы. Краснодар, 2005. С.110–111; *Кияшко И.И.* Войсковые певческий и музыкантский хоры Кубанского казачьего войска. 1811–1911 гг. Екатеринбург, 1911. С. 33–34.
3. Песни казаков Кубани. Краснодар, 1968. С. 305.

© 2008 г., И. М. Скибницкая, С. В. Самовтор

ПЕРВАЯ ПЕРЕПИСЬ КАЗАКОВ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА КУБАНЬ В КОНЦЕ XVIII ВЕКА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ. Краснодар: ООО «Диапазон-В», 2006. 520 с. Тираж 1000 экз.

Публикация исторических документов является одной из важнейших задач государственных архивов. При публикации выполняется также другая главная роль архивных учреждений – обеспечение сохранности документов. Ведь опубликованный документ меньше выдается исследователям, его бумажный носитель меньше подвержен механическому повреждению и вредному воздействию света и пыли, а значит, дольше сохраняется в первоначальном виде. В первую очередь это относится к особо ценным делам конца XVIII – начала XIX вв. Одной из важнейших публикаций архивных документов, осуществлённых Государственным архивом Краснодарского края (ГАКК), является «Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века».

Книга была подготовлена специалистами ГАКК Н. В. Малеевой (директор архива), О. В. Мирошниченко, Л. М. Пурас, А. О. Андреевым, А. В. Бабичем, Л. А. Соколовой, Н. А. Хорольской, В. И. Шкуро, при участии заведующего отделом истории Краснодарского историко-археологического музея-заповедника Б. Е. Фролова, а также доцентов кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета А. М. Аврамско и В. П. Громова (атамана Кубанского казачьего войска).

В основу данного издания легли материалы переписи «всем на войсковых землях поселившимся старшинам и козакам с показанием их службы, семейству мужеска и женска пола и кто в каком месте или урочище поселился», проведенной в октябре 1793 – марте 1794 годов (окончание датировано 21 марта 1794 года) поручиком Алексеем Миргородским и користою Яковом Димидовичем. В настоящее время эта перепись хранится в фонде Канцелярии наказного атамана Кубанского казачьего войска (бывшей канцелярии кошевых и наказных атаманов Черноморского казачьего войска) ГАКК (Ф.249. Оп. 1. Д. 276 а). Помимо материалов самой переписи населения Черноморского войска в деле имеется ордер кошевого атамана З. А. Чепеги полковому есаулу армии поручику

А. Миргородскому о проведении переписи, рапорт поручика А. Миргородского о «сочинении» переписи, выписка из журнала Черноморского войскового правительства о передаче переписи «у войсковую архиву» и «экстракт» – сводная статистическая ведомость, составленная по результатам переписи.

Именно в «экстракте» наиболее наглядно, по каждому куреню, показано: сколько казаков-черноморцев составляли «служившие от бывшего Запорожья», «служившие не от бывшего Запорожья», «неслужившие от бывшего Запорожья» и «не от Запорожья, а из вольных поступившие». Среди рядовых казаков эти группы, соответственно, составляли 43,5%, 26,5%, 3,3%, 21,6%. В литературе часто утверждается, что бывшие запорожцы составляли в Черноморском казачьем войске в конце XVIII века приблизительно третью часть. Перепись же говорит о том, казаков, служивших и не служивших «от бывшего Запорожья» было зафиксировано около половины. Интересно также, что лиц женского пола (жёны, дочери и т. д.) было намного больше у бывших запорожцев (35,3%), чем у «служивших не от бывшего Запорожья» (21,4%) и «из вольных поступивших» (26,9%).

Нужно отметить, что первая перепись населения черноморцев сыграла важную роль в освоении казаками Правобережной Кубани. Она дала войсковому правительству информацию, как о количественном составе переселенцев, так и о местах их расселения на войсковой земле. Это позволило войсковому руководству определённую стратегию по обустройству обретенных территорий.

Сборник архивных документов «Первая перепись казаков-переселенцев на Кубань в конце XVIII века» открывает предисловие редакционного совета, в котором даётся историко-географический обзор Черноморья конца XVIII века, разъясняются некоторые устаревшие термины и палеографические особенности составления документов того периода. К сборнику прилагаются краткие исторические справки о куренях Черноморского войска, фотокопии архивных документов, именной указатель и перечень использованных источников. На форзацах книги помещены репродукции картин Г. Т. Квашуры «Переселение запорожцев на Кубань» и А. А. Чечина «Высадка черноморских казаков на Тамани 25 августа 1792 г.».

Списки переселенцев по куреням опубликованы в соответствии с порядком их расположения в деле. Первыми в списках записаны старшины от бывшего Запорожья, имеющие армейские чины, затем старшины, не имеющие армейских чинов; далее казаки с их семьями и работниками. Следующий раздел списка занимает «служившие не от бывшего Запорожья, а из вольных поступившие» в таком же порядке: старшины и казаки.

В публикуемых списках максимально сохранены особенности звучания фамилий. В Запорожской Сечи казаки имели клички, поэтому большинство их них записаны трансформированными из кличек фамилиями: Малый, Мокрый (Мокрый), Гиркий (Горький), Черный, Красноштан и т. д. Некоторые из них выглядят насмешками над теми, кто производил перепись. Так, в Батуринском курене рядом были записаны работники: Михайло Украв Сало и Созон Зховав (с. 117). Встречаются и другие колоритные «фамилии»: Загубинога (с. 86, 228), Загубибатько (с. 294), Загубысегка (с. 324), Загубигорьѣяка (с. 287) и даже Загубиштан (с. 371). Данные материалы подтверждает тот факт, что подавляющее

большинство переселенцев являлись этническими украинцами, а запорожцы составляли костяк Черноморского войска (особенно старшины).

Название куреней соответствуют названиям в подлиннике документа, текст документов передан с точным сохранением стилистических и языковых особенностей, однако проставлялись необходимые по смыслу знаки препинания и прописные буквы. Кстати, из-за того, что в тексте публикации не использованы буквы дореволюционного алфавита, порою оказались искажёнными некоторые фамилии. Так, купец Клионов (с. 64, 69, 74 и др.) в источнике указан как Клёновъ, а в то время сочетание букв ю использовали в тех случаях, где впоследствии писали «ё», то есть фамилию следовало писать Клёнов. Точно так же буква ъ в русских словах читалась как «е», а в украинских – как «и». А если слово начиналось с подобных букв, то читатель может вообще не найти его в справочных изданиях, ориентируясь на современный алфавит, поэтому следовало в таких ситуациях сопровождать слово подстрочным примечанием, с указанием орфографии оригинала.

Жирным шрифтом в списках выделены фамилии старшин и казаков, имеющих и не имеющих армейских чинов, а также казаков – глав семейств, курсивом обозначены члены семей: жены, дети и другие родственники, а также работники и проживающие при семьях.

В публикуемом источнике читатель найдет большое количество географических названий, которые трудно привязать к современной карте. Именно поэтому после страницы 464 помещена карта-вклейка «Черноморское казачье войско по переписи 1793-1794 гг.», автором которой является А. М. Авраменко. Здесь показаны вскоре исчезнувшие полковые «паланки» (округа) и селения, кордоны Черноморской линии, места размещения куреней и куренных атаманов, рыбные заводы атамана З. Чепеги, войскового судьи А. Головатого и войскового писаря Т. Котляревского – трёх важнейших лиц войска и, соответственно, трёх богатейших людей среди казаков-черноморцев того времени. К сожалению, не удалось показать многочисленные хутора, часто перемещавшиеся и не имевшие точной привязки к местности.

Подготовленное издание документов имеет научно-справочный аппарат, призванный разъяснить содержание публикуемых документов. Он состоит из предисловия, кратких сведений о первых кубанских куренях, именного указателя, перечня использованных источников. Предисловие условно состоит из двух частей: исторической и археографической. Именной указатель составлен по куреням, расположенных в алфавитном порядке. Внутри каждого куреня фамилии даны также по алфавиту.

Важное значение эта книга имеет как для кубанцев – потомков первопоселенцев из Украины, поскольку здесь представлен наиболее полный их перечень, так и для украинских исследователей, т.к. многие фамилии, перечисленные в переписи, и поныне широко известны как на Кубани, так и в современной Украине, что подтверждает наше историческое родство.

Книга адресована как специалистам-историкам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей Кубани, её историческими и культурными связями с Украиной, а также занимающихся генеалогическими исследованиями.

2926
СВЯТ
1878

Фонд 01
СВ. 11328
1232

№ 1328

ДВЛО

Войскового Атомана
Сергеевича
КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА.

*Мессинские списки Святицких
и казачьи приписки войско
населенные на вышесказанной
земной селу войску земли на п.
скае полу востры. крайни*

Начато 16
Кончено 27
1885

Государств. архив
Красноярск
Фонд 249
Опись 1
Дело 276а

Михаил Поповичу	1	15	Орехоместный арт. с. п. н. к. Косовина 165
Михаил Петровичу	1	29	Касимов Косв. Орехоместный Мисарь Орехоместный Завод
Михаил Петровичу	1	31	Касимов Косв. Орехоместный Завод Орехоместный Завод
Михаил Петровичу	1	27	Касимов Косв. Орехоместный Косв. Завод Косовина
Михаил Петровичу	1	23	Касимов Косв. Орехоместный
Михаил Петровичу	1	25	Орехоместный Захарьев
Михаил Петровичу	1	23	Касимов Орехоместный Царский
Михаил Петровичу	1	27	} Орехоместный Завод
Михаил Петровичу	1	28	
Михаил Петровичу	1	19	} Касимов Косв. Орехоместный Косв. Завод Косовина
Михаил Петровичу	1	20	
Михаил Петровичу	1	28	} Касимов Косв. Орехоместный Косовина 10
Михаил Петровичу	1	32	
Михаил Петровичу	1	32	
Михаил Петровичу	1	34	
Михаил Петровичу	1	36	} Орехоместный Завод
Михаил Петровичу	1	24	
Михаил Петровичу	1	37	
Итого	20	-	Фоловатоло /

Фрагмент переписи Черноморского казачьего войска. 1793 – 1794 гг.

**УКРАИНЦЫ КУБАНИ В 1920-Е – НАЧАЛЕ 30-х ГОДОВ
И ГОЛОДОМОР 1932–1933 ГГ.
УКРАЇНЦІ КУБАНІ В 1920-І – НА ПОЧАТКУ 30-х РОКІВ
І ГОЛОДОМОР 1932–1933 РР.**

© 2008 г., Ф. Д. Климчук

**РАССЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ УКРАИНЦЕВ НА ЮГЕ И ЮГО-ЗАПАДЕ
РОССИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1926 Г.)**

Переписи населения не всегда основаны на одних и тех же принципах. Поэтому их результаты в большей или меньшей степени различаются [9; 10]. В основу российской переписи 1897 г. был положен языковой принцип. При проведении этой переписи к русским, например, было отнесено русскоязычное население независимо от происхождения, к украинцам – украиноязычное, к белорусам – белорусоязычное и т.д. Довольно многочисленные группы русскоязычных украинцев и русскоязычных белорусов по этой переписи включены в число русских. В основу советской переписи 1926 г. [1; 2] положен принцип принадлежности к той или иной «народности», кроме того учитывался родной язык. Понятие «народность» было равнозначно понятию «**этническая принадлежность**». От опрашиваемого предполагалось получить ответ на вопрос: каковы его этнические корни, его родителей, предков.

Советские переписи 1930–1980-х годов были основаны на учёте опрашиваемых по их национальной и языковой принадлежности [3; 4; 6; 7; 11; 13]. В связи с этим необходимо несколько слов сказать о понятиях «нация», «национальность», «национальная принадлежность». У учёных нет единства мнений относительно значения указанных понятий. Тем более различаются такие мнения у основной массы населения. У последних мы зафиксировали следующие значения слова «нация»: 1) Это то самое, что и «народность», т. е. принадлежность к определенному этносу. 2) Это то самое, что «гражданство» или близкое к нему понятие. 3) Это этнографическая группа внутри какого-либо этноса. Таким образом, «нация» для людей, проживающих в контактных зонах, является понятием довольно расплывчатым.

Чтобы продемонстрировать значимость различения понятий «нация» и «народность», в таблицах № 1—1 а приводим данные о численности украинцев в 6-ти административных единицах юго-западной России по данным переписей 1920–1980-х годов [1; 2; 3; 4; 6; 7; 11; 13].

Таблица № 1

Украинцы Белгородской, Воронежской, Ростовской, Курской областей, Краснодарского и Ставропольского краев России, по данным переписей 1926, 1937, 1939 гг. (численность и процент ко всему населению области, края).

№ п/п	Области, края	1926 г.	1937 г.	1939 г.
1	Белгородская область	683 143 42,14%	...*	...*
2	Воронежская область	790 455 30,71%	482 774 12,32%	402 710 11,34%
3	Ростовская область	929 901 38,86%	97 374 3,58%	110 660 3,82%
4	Краснодарский край (без Адыгеи)	1 533 558 51,31%	170 115** 5,90%	143 744 4,91%
5	Ставропольский край (без автономий)	482 777 32,33%	41 025*** 2,51%	46 541*** 2,39%
6	Курская область	138 333 7,27%	191 239 6,22%	138 105 4,39%
	Всего	4 558 167 35,11%	982 527 6,90%	841 760 5,82%

* В составе Курской и Воронежской областей.

** С Адыгеей.

*** Орджоникидзевский край, с автономиями.

Таблица № 1 а

Украинцы Белгородской, Воронежской, Ростовской, Курской областей, Краснодарского и Ставропольского краёв России, по данным переписей 1959, 1970, 1979, 1989 гг. (численность и процент ко всему населению области, края).

№ п/п	Области, края	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
1	Белгородская область	68 230 5,56%	53 767 4,26%	63 362 4,84%	75 145 5,45%
2	Воронежская область	176 845 7,47%	145 828 5,77%	135 171 5,44%	122 622 4,97%
3	Ростовская область	137 578 4,15%	149 028 3,89%	156 763 3,84%	178 803 4,17%
4	Краснодарский край (без Адыгеи)	137 604 3,96%	158 497 3,84%	156 500 3,61%	182 128 3,94%

5	Ставропольский край (без автономий)	39 067 2,43%	48 653 2,48%	56 613* 2,27%	62 881 2,61%
6	Курская область	15 644 1,06%	15 740 1,07%	19 494 1,40%	22 728 1,70%
	Всего	574 968 4,27%	571 513 3,77%	587 903 3,65%	644 307 3,90%

* С Карачаево-Черкессей.

Перепись 1926 г. учитывала принадлежность населения по народности, т.е. по этнической принадлежности, остальные переписи – принадлежность к определённой нации. Как видно из таблицы, значительная часть этнических украинцев (и лиц украинско-русского происхождения) переписями 1930–1980-х годов включена в состав русской нации. Естественно, после 1926 г. на русско-украинском этническом пограничье происходили разного рода этнические процессы и слияния этнических украинцев с русскими. Однако такого резкого сокращения украинцев в указанной зоне с 1926 по 1937 гг. простыми ассимиляционными процессами объяснить невозможно. Причина лежит в различных характера переписей.

Мы остановимся на данных переписи 1926 г. [1; 2] и коснёмся расселения украинцев по «народности», т.е. этнической принадлежности в юго-западной России. Это нынешние области Белгородская, Воронежская, Курская, Ростовская, края Краснодарский и Ставропольский. Основания такого выбора следующие.

1. Перепись 1926 г. – одна из немногих, которые учитывали этническую принадлежность населения.

2. Данные переписи опубликованы по мелким административным единицам: районам, волостям, отдельным городам. Поэтому не представляет особых трудностей «перевести» эти данные на современное административное деление. Для этого необходимо сделать выборку данных по районам, волостям, городам 1926 г., расположенных на территории современных областей или краёв, затем эти данные сплюсовать. Если на территории современных областей или краёв расположены целые уезды и округа, нет необходимости разделять их на районы или волости. Приводимые ниже данные легко картографировать и детально проследить изменения в этногеографии.

3. Материалы переписи 1926 г. доступны, т.е. они опубликованы и имеются в библиотеках.

* * * * *

Приводим данные по территориям, которые ныне входят в состав следующих областей и краёв юго-западной России: области – Белгородская, Воронежская, Курская, Ростовская, края – Краснодарский и Ставропольский. Общая особенность этих административных единиц – это высокий или (в Курской области) значительный процент этнических украинцев, по переписи 1926 г. – украинцев по народности.

Последующие переписи приблизительно на $\frac{2}{3}$ – $\frac{3}{4}$ включали их в состав русской нации. Основная часть этого населения в настоящее время скорее всего представляет собой особую этнографическую группу. О численности представителей этой группы в настоящее время судить не можем, но она

существует. Предварительно для неё используем следующее «пространное» наименование: «украинцы по народности – русские по национальности». Часть украинцев по народности 1926 г. очевидно полностью слилась с русским этносом, значительная часть – это лица смешанного украинско-русского происхождения.

Приводим данные в следующем порядке: Краснодарский край, Ставропольский край, Ростовская область, Воронежская область, Белгородская область, Курская область.

Территория нынешнего **Краснодарского края**. Данные переписи 1926 г.

Районы на территории нынешнего Краснодарского края входили в следующие округа:

I. Кубанский округ – районы: Абинский (1), Брюховецкий (7), Горяче-Ключевский (10), Каневский (12), Кореновский (13), Краснодарский (14), Медвѣдовский (теперь юго-восток Тимашевского и соседн. террит.; 20), Новопокровский (22), Павловский (25), Поповический (сейчас Калининский; 27), Приморско-Ахтарский (28), Северский (29), Славянский (30), Темрюкский (33), Тихорецкий (34), Уманский (сейчас Ленинградский; 36), Усть-Лабинский (38) = всего 17 районов (из 17-ти).

II. Донской округ – районы: Ейский (11), Куцѣвский (18), Староминской (32) = всего 3 района (из 11-ти).

III. Черноморский округ – районы: Анапский (2), Геленджикский (9), Крымский (16), Новороссийский (23), Сочинский (31), Туапсинский (35), Шапсугский (теперь северо-запад района Сочи и юго-восток Туапсинского; 40) = всего 7 районов (из 7-ми).

IV. Майкопский округ – районы: Армянский (сейчас северо-восток Туапсинского и юг Хадзыженского; 4), Белореченский (5), Мостовской (21), Хадзыженский (39) = 4 всего района (из 6-ти).

V. Армавирский округ – районы: Армавирский (3), Вознесенский (теперь юго-восток Лабинского; 8), Кропоткинский (15), Курганинский (17), Лабинский (19), Отрадненский (24), Петропавловский (сейчас северо-запад Курганинского; 26), Успенский (37) = всего 8 районов (из 13-ти).

VI. Сальский округ – центральная и западная части Белоглинского района (5) – 1 район (из 10-ти).

Таблица № 2.

Этнический состав населения на территории нынешнего
Краснодарского края в 1926 г.

№ п/п	Районы	Всего населения	Русские	Украинцы	Другие
1	Абинский	58 946	8 187 13,89%	43 962 74,58%	6 797 11,53%
2	Анапский и г. Анапа	53 975	15 619 28,94%	29 430 54,53%	8 926 16,54%
а	г. Анапа	13 379	6 641 49,64%	4 372 32,68%	2 366 17,68%

б	сельское население	40 596	8 978 22,12%	25 058 61,73%	6 560 16,16%
3	Армавирский и г. Армавир	146 115	70 210 48,05%	46 886 32,09%	29 019 19,86%
а	г. Армавир	74 723	33 398 44,70%	17 630 23,59%	23 695 31,71%
б	сельское население	71 392	36 812 51,56%	29 256 40,98%	5 324 7,46%
4	Армянский	8 146	1 050 12,89%	436 5,35%	6 660 81,76%
5	Белоглинский	90 943	69 798 76,75%	19 951 21,94%	1 194 1,31%
6	Белореченский	61 571	32 466 52,73%	25 637 41,64%	3 468 5,63%
7	Брюховецкий	82 594	12 274 14,86 %	68 352 82,76 %	1 968 2,38 %
8	Вознесенский	54 465	29 914 54,92 %	23 325 42,83 %	1 226 2,25 %
9	Геленджикский и г. Геленджик	16 703	4 581 27,43 %	7 215 43,20 %	4 907 29,38 %
а	г. Геленджик	4 521	2 052 45,39 %	1 132 25,04 %	1 337 29,57 %
б	сельское население	12 182	2 529 20,76 %	6 083 49,93 %	3 570 29,31 %
10	Горяче-Ключевский и г.п. Горячий Ключ	29 604	7 280 24,59 %	18 877 63,77 %	3 447 11,64 %
а	г.п. Горячий Ключ	2 175	1 118 51,40 %	760 34,94 %	297 13,66 %
б	сельское население	27 429	6 162 22,47 %	18 117 66,05 %	3 150 11,48 %
11	Ейский и г. Ейск	138 646	44 334 31,98 %	90 489 65,27 %	3 823 2,76 %
а	г. Ейск	38 083	20 661 54,25 %	15 874 41,68 %	1 548 4,07 %
б	сельское население	100 563	23 673 23,54 %	74 615 74,20 %	2 275 2,26 %
12	Каневской	54 413	7 749 14,24 %	46 001 84,54 %	663 1,22 %
13	Кореновский	117 326	38 626 32,92 %	76 201 64,95 %	2 499 2,13 %
14	Краснодарский район и г. Краснодар	285 547	101 636 35,59 %	151 809 53,16 %	32 102 11,24 %
а	г. Краснодар	162 520	83 424 51,33 %	48 559 29,88 %	30 537 18,79 %
б	сельское население	123 027	18 212 14,80 %	103 250 83,93 %	1 565 1,27 %
15	Кропоткинский	136 812	79 908	44 301	12 603

	и г. Кропоткин		58,41 %	32,38 %	9,21 %
a	г. Кропоткин	30 954	16 139 52,14 %	10 983 35,48 %	3 832 12,38 %
б	сельское население	105 858	63 769 60,24 %	33 318 31,47 %	8 771 8,29 %
16	Крымский	56 949	11 179 19,63 %	32 747 57,50 %	13 023 22,87 %
17	Курганинский	48 627	36 375 74,80 %	10 681 21,97 %	1 571 3,23 %
18	Кущёвский	87 590	14 825 16,93 %	68 232 77,90 %	4 533 5,18 %
19	Лабинский и г.п. Лабинская	75 925	49 806 65,60 %	23 088 30,41 %	3 031 3,99 %
a	г.п. Лабипская	28 831	18 358 63,68 %	8 214 28,49 %	2 259 7,84 %
б	сельское население	47 094	31 448 66,78 %	14 874 31,58 %	772 1,64 %
20	Медвёдовский	70 474	11 037 15,66 %	57 465 81,54 %	1 972 2,80 %
21	Мостовской	58 406	43 774 74,95 %	13 361 22,88 %	1 271 2,18 %
22	Новопокровский	72 393	52 559 72,60 %	19 187 26,50 %	647 0,89 %
23	Новороссийский район и г. Новороссийск	74 136	38 266 51,62 %	17 866 24,10 %	18 004 24,29 %
a	г. Новороссийск	67 941	35 872 52,80 %	15 476 22,78 %	16 593 24,42 %
б	сельское население	6 195	2 394 38,66 %	2 390 38,58 %	1 411 22,76 %
24	Отраденский	78 534	43 930 55,94 %	32 762 41,72 %	1 842 2,35 %
25	Павловский	72 962	10 666 14,62 %	60 922 83,50 %	1 374 1,88 %
26	Петропавловский	52 360	44 317 84,64 %	7 292 13,93 %	751 1,43 %
27	Поповичевский	78 245	18 471 23,61 %	58 181 74,36 %	1 593 2,04 %
28	Приморско-Ахтарский и районный центр	40 316	8 451 20,96 %	30 942 76,75 %	923 2,29 %
a	г.п. Приморско- Ахтарская	11 252	3 589 31,90 %	7 253 64,46 %	410 3,64 %
б	сельское население	29 064	4 862 16,73 %	23 689 81,51 %	513 1,77 %
29	Северский	66 452	18 152 27,32 %	42 199 63,50 %	6 101 9,18 %
30	Славянский	130 991	37 642 28,74 %	90 555 69,13 %	2 794 2,13 %

31	Сочинский и города, пгт на его территории	54 793	12 689 23,16 %	8 691 15,86 %	33 413 60,98 %
а	г. Сочи	10 433	5 552 53,22 %	1 466 14,05 %	3 415 32,73 %
б	г.п. Адлер	2 215	654 29,53 %	503 22,71 %	1 058 47,77 %
в	г.п. Красная Поляна	1 207	108 8,95 %	96 7,95 %	1 003 83,10 %
г	г.п. Хоста	749	427 57,01 %	160 21,36 %	162 21,63 %
д	сельское население	40 189	5 948 14,80 %	6 466 16,09 %	27 775 69,11 %
32	Староминской	77 718	9 785 12,59 %	65 885 84,77 %	2 048 2,64 %
33	Темрюкский	66 579	16 725 25,12 %	48 267 72,50 %	1 587 2,38 %
а	г. Темрюк	15 860	11 314 71,34 %	4 151 26,17 %	395 2,49 %
б	сельское население	50 719	5 411 10,67 %	44 116 86,98 %	1 192 2,35 %
34	Тихорецкий и г. Тихорецк	132 356	83 182 62,85 %	46 582 35,20 %	2 592 1,96 %
а	г. Тихорецк	19 147	14 195 74,14 %	3 742 19,54 %	1 210 6,32 %
б	сельское население	113 209	68 987 60,94 %	42 840 37,93 %	1 382 1,22 %
35	Туапсинский и г. Туапсе	29 412	13 057 44,39 %	7 645 25,99 %	8 710 29,61 %
а	г. Туапсе	12 022	6 560 54,57 %	2 047 17,03 %	3 415 28,41 %
б	сельское население	17 390	6 497 37,36 %	5 598 32,19 %	5 295 30,45 %
36	Уманский	41 742	5 431 13,01 %	35 529 85,12 %	782 1,87 %
37	Успенский	58 821	26 578 45,19 %	27 109 46,09 %	5 134 8,73 %
38	Усть-Лабинский	87 968	60 034 68,25 %	20 419 23,21 %	7 515 8,54 %
39	Хадыженский	30 928	13 354 43,18 %	14 721 47,60 %	2 853 9,23 %
40	Шапсугский	5 469	778 14,23 %	328 6,00 %	4 363 79,78 %
Всего на территории нынешнего Краснодарского края		2 985 952	1 204 695 40,35 %	1 533 528 51,36 %	247 729 8,30 %
городское население		496 012	260 062 52,43 %	142 418 28,71 %	93 532 18,86 %

сельское население	2 489 940	944 633 37,94 %	1 391 110 55,87 %	154 197 6,19 %
Северо-западная и юго-восточная зоны края:				
Северо-западная зона, районы № 1, 2, 7, 9–14, 16, 18, 20, 23, 25, 27–30, 32, 33, 36, 39 = 22 района.	1 732 836	454 270 26,22 %	1 155 847 66,70 %	122 719 7,08 %
городское население	315 731	164 671 52,16 %	97 577 30,91 %	53 483 16,94 %
сельское население	1 417 105	289 599 20,44 %	1 058 270 74,68 %	69 236 4,89 %
Юго-восточная зона, районы № 3–6, 8, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 26, 31, 34, 35, 37, 38, 40 = 18 районов.	1 253 116	750 425 59,89 %	377 681 30,14 %	125 010 9,98 %
городское население	180 281	95 391 52,91 %	44 841 24,87 %	40 049 22,22 %
сельское население	1 072 835	655 034 61,06 %	332 840 31,02 %	84 961 7,92 %
Историческая Черноморья, № 7, 11, 12, 14, 18, 20, 25, 27, 28, 32, 33, 36 = 12 районов	1 096 826	261 384 23,83 %	782 074 71,30 %	53 368 4,87 %
городское население	227 715	118 988 52,25 %	75 837 33,30 %	32 890 14,44 %
сельское население	869 111	142 396 16,38 %	706 237 81,26 %	20 478 2,36 %
Остальная часть северо- западной зоны (без Черноморья)	636 010	192 886 30,33 %	373 773 58,77 %	69 351 10,90 %
городское население	88 016	45 683 51,90 %	21 740 24,70 %	20 593 23,40 %
сельское население	547 994	147 203 26,86 %	352 033 64,24 %	48 758 8,90 %
Краснодарский край (без Республики Адыгея) в 1989 г.	4 620 876	4 006 811 86,71 %	182 128 3,94 %	431 937 9,35 %

Территория нынешнего Ставропольского края. Данные переписи 1926 г.

Территория нынешнего Ставропольского края (без Карачаево-Черкессии) входила в следующие округа:

1. Армавирский округ. 4 (четыре) района из 13-ти: Григориполиссский (юг Новоалександровского района), Каменнобродский (юго-запад Изобильненского района), Невинномысский, Новоалександровский.

II. Ачикулакский округ. В 1926 г. входил в состав Дагестанской АССР. Сейчас Нефтекумский район Ставропольского края.

III. Ставропольский округ, г. Ставрополь, районы: Александровский, Благодарненский, Вигодленский (нынешний Ипатовский), Дивненский, Курсавский, Медвеженский (нынешний Красноармейский), Московский (основная часть нынешних Изобильненского и Донского), Петровский (гл. обр. нынешний Светлоградский), Ставропольский, Туркменский.

IV. Терский округ (без городов Моздск, Прохладная, районов Моздокского, Наурского, Прохладненского). Включал города: Пятигорск, Георгиевск, Ессентуки, Железноводск, Кисловодск, Минеральные Воды, Прикумск (сейчас Будённовск); районы: Александровский (севернее Георгиевска), Арзгирский, Архангельский (юг Будённовского), Воронцово-Александровский (нынешний Зеленокумский), Георгиевский, Горячеводский (район Пятигорска), Ессентукский, Левокумский, Минеральноводский, Прикумский (сейчас Будённовский), Степновский, Суворовский район (северо-западнее Ессентуков).

Таблица № 3.

Этнический состав населения территории нынешнего
Ставропольского края в 1926 г.

№ п/п	Округа, районы	Всего населения	Русские	Украинцы	Другие
I	Армавирский округ. 4 района из 13-ти.	211 947	138 143 65,18%	64 024 30,21%	9 780 4,61%
1	Григориполисский район	39 030	22 293 57,12%	15 267 39,12%	1 470 3,77%
2	Каменнобродский район	38 232	35 196 92,06%	2 527 6,61%	509 1,33%
3	Невинномысский район	85 228	34 867 40,91%	43 370 50,89%	6 991 8,20%
4	Новоалександровский район	49 457	45 791 92,59%	2 860 5,78%	806 1,63%
II	Ачикулакский округ	19 323	11 021 57,04%	8 0,04%	8 294 42,92%
III	Ставропольский округ	727 585	454 551 62,47%	245 755 33,78%	27 279 3,75%
1	г. Ставрополь	58 640	47 271 80,61%	5 235 8,93%	6 134 10,46%
2	пгт Изобильно-Тищенская	1 797	797 44,35%	823 45,80%	177 9,85%
3	Александровский район	76 574	70 577 92,17%	5 322 6,95%	675 0,88%
4	Благодарненский район	59 519	48 204 80,99%	7 923 13,31%	3 392 5,7%
5	Вигодленский район	70 919	15 036 21,20%	52 712 74,33%	3 171 4,47%

6	Дивненский район	37 075	11 201 30,21%	25 590 69,02%	284 0,77%
7	Курсавский район	73 501	9 639 13,11%	59 215 80,56%	4 647 6,32%
8	Медвеженский район	82 806	48 762 58,89%	33 629 40,61%	415 0,50%
9	Московский район	92 288	87 138 94,42%	4 718 5,11%	432 0,47%
10	Петровский район	106 556	62 635 58,78%	43 432 40,76%	489 0,46%
11	Ставропольский район	56 257	50 153 89,15%	4 733 8,41%	1 371 2,44%
12	Туркменский район	11 653	3 138 26,93%	2 423 20,79%	6 092 52,28%
IV	Терский округ (без городов Моздок, Прохладная, районов Моздокского, Наурского, Прохладненского)	534 944	306 417 57,28%	172 990 32,34%	55 537 10,38%
1	г. Пятигорск	54 658	35 791 65,48%	9 813 17,95%	9 054 16,57%
2	г. Георгиевск	22 600	16 761 74,16%	3 462 15,32%	2 377 10,52%
3	г. Ессентуки	23 146	17 542 75,79%	4 048 17,49%	1 556 6,72%
4	г. Железноводск	2 053	1 665 81,1%	195 9,5%	193 9,4%
5	г. Кисловодск	31 600	19 373 61,31%	4 117 13,03%	8 110 25,67%
6	г. Минеральные Воды	17 572	9 798 55,76%	6 114 34,79%	1 660 9,45%
7	г. Прикумск	15 775	7 381 46,79%	3 059 19,39%	5 335 33,82%
8	Александровский район	33 512	29 678 88,56%	3 556 10,61%	278 0,83%
9	Арзгирский район	22 052	1 449 6,57%	19 104 86,63%	1 499 6,80%
10	Архангельский район	40 900	31 004 75,8%	7 935 19,4%	1 961 4,8%
11	Воронцово-Александровский район	55 565	33 655 60,57%	21 232 38,21%	678 1,22%
12	Георгиевский район	31 473	18 268 58,04%	12 076 38,37%	1 129 3,59%
13	Горячеводский район	24 600	14 697 59,74%	5 174 21,03%	4 729 19,22%
14	Ессентукский район	11 523	1 151 9,99%	10 208 88,60%	164 1,42%

15	Левокумский район	40 629	19 211 47,28%	20 932 51,52%	486 1,20%
16	Минеральноводский район	19 228	6 361 33,08%	6 104 31,75%	6 763 35,17%
17	Прикумский район	31 327	26 415 84,32%	4 742 15,14%	170 0,54%
18	Степновский район	26 893	3 262 12,13%	14 959 55,62%	8672 32,25%
19	Суворовский район	29 838	12 955 43,42%	16 160 54,16%	723 2,42%
Территория нынешнего Ставропольского края в 1926 г. (без Карачаево-Черкесии).		1 493 799	910 132 60,93%	482 777 32,32%	100 890 6,75%.
Ставропольский край в 1989 г. (без Карачаево-Черкесии)		2 410 379	2 024 068 83,97%	62 881 2,61%	323 430 13,42%.

В 1926 году на территории нынешнего Ставропольского края выделяются две части: а) основная или срединная часть и б) периферийные регионы. В основной (срединной) части сконцентрировано 73,0% населения рассматриваемой территории, в периферийных регионах – 27,0%.

I. ОСНОВНАЯ или СРЕДИННАЯ часть. Здесь русские, составляют абсолютное или относительное большинство.

II. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ РЕГИОНЫ. Здесь относительное или абсолютное большинство составляли украинцы.

II [1]. Северный регион. В его состав входят: а) Ставропольский округ: Винодельческий и Дивненский районы; б) Терский округ: Арзгирский и Левокумский районы.

II [2]. Юго-западный регион. В его состав входят: а) Ставропольский округ: Курсавский район; Терский округ: Эссентукский и Суворовский районы; в) Армавирский округ: Невинномысский район.

II [3]. Юго-восточный регион. В его состав входит Степновский район Терского округа.

Таблица № 4.
Этнический состав населения в отдельных регионах нынешней территории Ставропольского края (1926 г.).

№ п/п	Округа, районы	Всего населения	Русские	Украинцы	Другие
I	Основная (Срединная) часть	1 095 650	801 361 73,14%	220 096 20,09%	74 193 6,77%
II	Периферийные регионы	398 149	108 771 27,32%	262 681 65,98%	26 697 6,71%
II [1]	Северный регион	170 675	46 897 27,48%	118 337 69,34%	5 441 3,19%
II [2]	Юго-западный	200 089	58 612	129 385	12 092

	регион		29,29 %	64,66 %	6,04 %
II [3]	Юго-восточный регион	27 385	3 262 11,91 %	14 959 54,63 %	9 164 33,46 %

Территория нынешней **Ростовской области**. Данные переписи 1926 г.

Территория нынешней Ростовской области входила в следующие округа:

I. Донецкий округ, районы: Вёшенский (теперь Шолоховский), Казанский (теперь Верхнедонской), Кошарский (Кашарский), Криворожский (к востоку от г. Миллерово), Леоно-Калитвенский (теперь Чертковский), Малчевско-Полненский (теперь гл. обр. Миллеровский), Мешковский (гл. обр. юго-запад нынешнего Казанского района), Тарасовский.

II. Донской округ без районов: Ейского, Кущёвского, Староминского. Включает г. Ростов, районы: Азовский, Аксайский, Батайский (южнее Ростова), Багаевский, Мечетинский (нынешние Черноградский и Кагарлыкский), Мясниковский, Новочеркасский, Семикаракорский.

III. Сальский округ (без большей части Белоглинского района), районы: Воронцово-Николаевский (современный Сальский), Дубовский, Заветнинский, Западно-Коннозаводческий район (теперь гл. обр. Целинный), Зимовниковский, Пролетарский (нынешние Пролетарский и Орловский), Ремонтненский, Романовский район (теперь Волгодонской и Мартыновский), Цимлянский.

IV. Таганрогский округ, г. Таганрог и районы: Голодаевский (сейчас Куйбышевский), Матвеево-Курганский, Николаевский район (район Таганрога), Советский (теперь Родионово-Несветайский), Фёдоровский район (теперь запад Неклиновского и Матвеево-Курганского).

V. Шахтинско-Донецкий округ, районы: Каменский, Константиновский, Красно-Сулинский, Морозовский, Обливский, Тацинский, Усть-Белокалитвенский (теперь Белокалитвенский), Шахтинский (район г. Шахты).

Таблица № 5.

Территория нынешней **Ростовской области** в 1926 г. Этнический состав населения.

№ п/п	Округа, районы	Всего населения	Русские	Украинцы	Другие
I	Донецкий округ	374 710	159 063 42,45%	206 520 55,11%	9 127 2,44%
a	городское население	15 071	7 195 47,74%	6 699 44,45%	1 177 7,81%
б	сельское население	359 639	151 868 42,23%	199 821 55,56%	7 950 2,21%
1	г. Миллерово	12 817	6 451 50,33 %	5 255 41,00%	1 111 8,67%
2	гп Чертково	2 254	744 33,01%	1 444 64,06%	66 2,93%
3	Вёшенский район	52 725	51 884 98,41%	677 1,28%	164 0,31%

4	Казанский район	20 779	20 419 98,27%	302 1,45%	58 0,28%
5	Кошарский район	41 132	4 562 11,09%	36 357 88,39%	213 0,52%
6	Криворожский район	51 525	2 194 4,26%	47 025 91,27%	2 360 4,48%
7	Леоно-Калитвенский район	41 290	2 714 6,57%	38 344 92,87%	232 0,56%
8	Малчевско-Полненский район	65 389	8 955 13,70%	54 231 82,94%	2 203 3,37%
9	Мешковский район	33 684	32 343 96,02%	1 186 3,52%	155 0,46%
10	Тарасовский район	53 115	28 797 54,22%	21 699 40,85%	2 619 4,93%
II	Донской округ (без районов: Ейского, Куцёвского, Староминского)	828 316	450 411 54,38%	273 680 33,04%	104 225 12,58%
a	городское население	412 700	245 356 59,45%	93 764 22,72%	73 580 17,83%
б	сельское население	415 616	205 055 49,34%	179 916 43,29%	30 645 7,37%
1	г. Ростов н г. Нахичевань	308 103	180 991 58,74%	59 215 19,22%	67 897 22,04%
2	г. Азов	17 539	9 695 55,28%	7 410 42,25%	434 2,48%
3	г. Батайск	22 863	3 545 15,51%	18 586 81,29%	732 3,20%
4	гп Красный	1 917	647 33,75%	1091 56,91%	179 9,34%
5	г. Новочеркасск	62 278	50 478 81,05%	7 462 11,98%	4 338 6,97%
6	Азовский район (сельский)	87 170	13 505 15,49%	72 852 83,58%	813 0,93%
7	Аксайский район	44 775	35 647 79,61%	7 958 17,77%	1 170 2,61%
8	Батайский район	72 337	30 467 42,12%	41 223 56,99%	647 0,89%
9	Багаевский район	40 011	29 534 73,82%	9 757 24,39%	720 1,80%
10	Мечетинский район	78 432	36 932 47,09%	39 145 49,91%	2 355 3,00%
11	Мясниковский район	25 043	433 1,73%	423 1,69%	24 187 96,58%
12	Новочеркасский район	34 428	29 045 84,36%	4 968 14,43%	415 1,21%
13	Семикаракорский	33 420	29 495	3 590	335

	район		88,26%	10,74%	1,00%
III	Сальский округ (без Белоглинского района)	380 947	177 065 46,48%	187 244 49,15%	16 638 4,37%
a	сельское население	374 045	173 549 46,40%	184 597 49,35%	15 899 4,25%
1	г. Сальск	6 902	3 516 50,94%	2 647 38,35%	739 10,71%
2	Воронцово-Николаевский район	88 338	13 826 15,65%	73 543 83,25%	969 1,10%
3	Дубовский район	22 045	16 057 72,84%	4 186 18,99%	1 802 8,17%
4	Заветнинский район	24 979	11 269 45,11%	12 863 51,50%	847 3,39%
5	Западно-Коннозаводческий район	35 153	19 776 56,26%	13 916 39,59%	1 461 4,16%
6	Зимовниковский район	43 592	17 083 39,19%	23 318 53,49%	3 191 7,32%
7	Пролетарский район	52 795	25 028 47,41%	24 572 46,54%	3 195 6,05%
8	Ремонтненский район	32 387	2 628 8,11%	28 108 86,79%	1 651 5,10%
9	Романовский район	40 961	35 065 85,61%	3 497 8,54%	2 399 5,86%
10	Цимлянский район	33 795	32 817 97,11%	595 1,76%	383 1,13%
10 a	Белоглинский район в границах 1926 г. включал нынешние Белоглинский район Краснодарского края и Песчанокский район Ростовской области	90 943	69 798 76,75%	19 951 21,94%	1 194 1,31%
IV	Таганрогский округ	268 394	58 798 21,91%	191 771 71,45%	17 825 6,64%
a	сельское население	181 950	11 046 6,07%	161 868 88,96%	9 036 4,97%
1	г. Таганрог	86 444	47 752 55,24%	29 903 34,59%	8 789 10,17%
2	Голодаевский район	24 927	1 666 6,68%	20 867 83,71%	2 394 9,60%
3	Матвеево-Курганский район	40 634	4 097 10,08%	33 690 82,91%	2 847 7,01%
4	Николаевский район	53 373	1 874 3,51%	51 159 95,85%	340 0,64%
5	Советский район	28 830	2 537	25 796	497

			8,80%	89,48%	1,72%
6	Фёдоровский район	34 086	872 2,56%	30 356 89,06%	2 858 8,39%
V	Шахтинско-Донецкий округ	540 376	461 190 85,35%	70 686 13,08%	8 500 1,57%
a	городское население	123 910	103 692 83,68%	15 682 12,66%	4 536 3,66%
б	сельское население	416 466	357 498 85,84%	55 004 13,20%	3 964 0,95%
1	г. Шахты	32 689	27 086 82,86%	4 424 13,53%	1 179 3,61%
2	г. Каменск	17 114	14 578 85,18%	1 467 8,57%	1 069 6,25%
3	Красный Сулин	14 342	11 800 82,28%	2 046 14,27%	496 3,46%
4	Морозовская	12 420	9 994 80,47%	1 992 16,04%	434 3,49%
5	Константиновская	7 424	6 946 93,56%	250 3,37%	228 3,07%
6	Глубокая	7 291	5 193 71,23%	1 985 27,23%	113 1,55%
7	Артёмовский	8 544	7 383 86,41%	914 10,70%	247 2,89%
8	Петропавловский	2 687	2 489 92,63%	121 4,50%	77 2,87%
9	Зверево	2 388	1 597 66,88%	722 30,24%	69 2,89%
10	Лихая	1 323	1 060 80,12%	233 17,61%	30 2,27%
11	Другие городские поселения	17 688	15 566 88,003%	1 528 8,64%	594 3,36%
12	Каменский район	62 967	59 292 94,16 %	3 159 5,02%	516 0,82%
13	Константиновский район	53 609	52 211 97,39 %	1 131 2,11%	267 0,50%
14	Красно-Сулинский район	22 209	17 972 80,92 %	3 603 16,22%	634 2,86%
15	Морозовский район	72 350	50 065 69,20%	21 619 29,88%	666 0,92%
16	Обливский район	45 170	41 097 90,98%	3 716 8,23%	357 0,79%
17	Тащинский район	49 671	41 310 83,17%	7 999 16,10%	362 0,73%
18	Усть-Белокалитвенский район	42 559	38 826 91,23%	3 466 8,14%	267 0,63%
19	Шахтинский район	68 231	56 624 82,99 %	10 311 15,11%	1 296 1,90%

Вся территория нынешней Ростовской области в 1926 г.	2 392 743	1 306 530 54,60 %	929 901 38,86%	156 312 6,53%
а) городское население	645 027	407 511 63,18 %	148 695 23,05%	88 821 13,77%
б) сельское население	1 747 716	899 019 51,44 %	781 206 44,70%	67 491 3,86%
Ростовская область в 1989 г.	4 292 291	3 844 309 89,56 %	178 803 4,17%	269 179 6,27%

В 1926 году на территории нынешней Ростовской области выделяются две части: а) основная или срединная часть и б) периферийные регионы. В основной (срединной) части сконцентрировано 54,00% населения рассматриваемой территории (1 292 423 чел.), в периферийных регионах – 46,00% (1 100 320 чел.).

1. **ОСНОВНАЯ** или **СРЕДИННАЯ** часть. Это районы, расположенные по Дону, Донцу, и некоторые соседние с ними.

1) Донской округ: города Ростов и Нахичевань; районы: Аксайский, Багаевский, Мясниковский, Новочеркасский, Семикаракорский.

2) Шахтинско-Донецкий округ (весь).

3) Донецкий округ. Районы: Вёшенский, Казанский, Мешковский.

4) Сальский округ. Районы: Дубовский, Романовский, Цымлянский.

II. **ПЕРИФЕРИЙНЫЕ РЕГИОНЫ:**

II [1]. Таганрогский регион (см. выше: IV. Таганрогский округ).

II [2]. Северо-западный регион (Калитвенщина или Миллеровщина).

Донецкий округ: Города: Миллерово, Чертково. Районы: Кошарский, Криворожский, Леоно-Калитвенский, Мальчево-Полненский, Тарасовский.

II [3]. Южный регион.

а) Донской округ. Города: Азов, Батайск, Красный. Районы: Азовский, Батайский, Мечетинский.

б) Сальский округ. Город Сальск. Районы: Воронцово-Николаевский, Заветнинский, Западно-Коннозаводческий, Зимовниковский, Пролетарский, Ремонтненский.

Таблица № 6.

Этнический состав населения в отдельных **регионах** нынешней территории **Ростовской области** (1926 г.).

№ п/п	Регионы	Всего населения	Русские	Украинцы	Другие
I	Основная (Срединная) часть	1 292 423	1 005 398 77,79 %	174 502 13,50 %	112 523 8,71%
а	городское население	494 291	335 161 67,81 %	82 359 16,66 %	76 771 15,53 %
б	сельское население	798 132	670 237 83,98 %	92 143 11,55 %	35 752 4,48 %

II	Периферийные регионы	1 100 320	301 132 27,37 %	755 399 68,65 %	43 789 3,98 %
а	городское население	150 736	72 350 48,00 %	66 336 44,01 %	12 050 7,99 %
б	сельское население	949 584	228 782 24,09 %	689 063 72,57 %	31 739 3,34 %
II [1]	Таганрогский регион	268 394	58 798 21,91 %	191 771 71,45 %	17 825 6,64 %
а	городское население	86 444	47 752 55,24 %	29 903 34,59 %	8 789 10,17 %
б	сельское население	181 950	11 046 6,07 %	161 868 88,96 %	9 036 4,97 %
II [2]	Северо-западный регион (Калитвенщина или Миллеровщина)	267 522	54 417 20,34 %	204 355 76,39 %	8 750 3,27 %
а	городское население	15 071	7 195 47,74 %	6 699 44,45 %	1 177 7,81 %
б	сельское население	252 451	47 222 18,71 %	197 656 78,30 %	7 573 3,00 %
II [3]	Южный регион	564 404	187 917 33,30 %	359 273 63,66 %	17 214 3,05 %
а	городское население	49 221	17 403 35,36 %	29 734 60,41 %	2 084 4,23 %
б	сельское население	515 183	170 514 33,10 %	329 539 63,97 %	15 130 2,94 %

Территория нынешней **Воронежской области**. Данные переписи 1926 г.

Территория нынешней Воронежской области входила в следующие уезды:

I. Бобровский уезд Воронежской губернии – волости: Анненская, Бобровская, Бутурлиновская, Воронцовская, Липовская (теперь юг Бобровского района), Лосевская (теперь север Павловского района), Новочигольская (теперь северо-запад Таловского района), Среднеикорецкая (теперь северо-восток Лискинского района), Таловская, Хреновская (теперь восток Бобровского района), Чесменская (север нынешнего Бобровского района).

II. Богучарский уезд Воронежской губернии – волости: Богучарская, Верхнемамонская, Калачевская, Кантемировская, Манинская (теперь восток Калачевского района), Монастырщинская (сейчас восток Богучарского и юг Петропавловского районов), Новомеловатская (сейчас запад Калачевского района), Петропавловская, Старокриушанская (теперь восток Петропавловского района), Старомеловатская (теперь северо-запад Петропавловского района), Таловская (теперь северо-восток Кантемировского района), Щуриновская (главным образом юг нынешнего Богучарского района).

III. Борисоглебский уезд Тамбовской губернии без волостей: Жердевской, Мучанской, Павлодарской, Пигаевской, Уваровской.

IV. Воронежский уезд Воронежской губернии без волостей: Большеполянкой, Боринскозаводской, Задонской, Казинской, Хлевенской.

V. Нижнедевицкий уезд Воронежской губернии без волостей: Горшеченской, Касторенской, Шаталовской.

VI. Новохоперский уезд Воронежской губернии – волости: Абрамовская (восток нынешнего Таловского района), Архангельская (восток нынешнего Анненского района), Великоархангельская (восток нынешнего Бутурлиновского района), Верхнекарачановская (основная часть нынешнего Грибановского района), Воробьёвская, Еланьколеновская (запад нынешнего Новохопёрского района), Макарьевская (запад нынешнего Грибановского района), Новохопёрская, Пыховская (юг нынешнего Новохопёрского района).

VII. Острогожский уезд Воронежской губернии без волостей: Алексеевской, Буденновской, Луценковской. Включает волости: Давыдовскую (север современного Лискинского района), Каменскую Коротояжскую (теперь север Острогожского района), Лискинскую, Острогожскую, Репьевскую, Урывская (сейчас север Острогожского и юг Хохольского районов).

VIII. Россошанский уезд Воронежской губернии без Ровенькой волости. Включает волости: Белогорскую (сейчас в составе Подгоренского района), Михайловскую (сейчас север Кантемировского и юг Россошанского районов), Новокалитвенскую (сейчас восток Россошанского и часть Верхнемаммонского районов), Ольховатскую, Павловскую, Подгоренскую, Россошанскую.

IX. 4 волости Усманского уезда Воронежской губернии: Верхнехавскую, Матренскую, Садовскую, Щучинскую.

Таблица № 7.

Этнический состав населения на территории нынешней **Воронежской области**.
Данные переписи 1926 г.

№ п/п	Уезды, волости	Всего населения	Русские	Украинцы	Другие
I	Бобровский уезд	353 858	277 036 78,29 %	76 093 21,50 %	729 0,21%
1	г. Бобров.	17 404	17 035 97,88 %	282 1,62 %	87 0,50%
2	г. Бутурлиновка	27 537	3 912 14,21%	23 529 85,45 %	96 0,35%
3	Анненская волость	34 296	34 173 99,64%	55 0,16 %	69 0,2 %
4	Бобровская волость	22 499	22 456 99,81%	21 0,09 %	22 0,1 %
5	Бутурлиновская волость	19 415	18 110 93,28%	1 211 6,24 %	94 0,48 %
6	Воронцовская волость	41 308	25 835 62,54 %	15 435 37,37 %	38 0,09 %
7	Липовская волость	20 678	15 646 75,67 %	5 004 24,20 %	28 0,14 %

8	Лосевская волость	43 898	21 751 49,55 %	22 063 50,26 %	84 0,19 %
9	Новочингольская волость	25 983	25 904 99,70 %	63 0,24 %	16 0,06 %
10	Среднекорейская волость	22 811	21 420 93,90 %	1 373 6,02 %	18 0,08 %
11	Таловская волость	28 613	21 691 75,81 %	6862 23,98 %	60 0,21 %
12	Хреновская волость	25 225	25 077 99,41 %	82 0,33 %	66 0,26 %
13	Чесменская волость	24 191	24 026 99,32 %	113 0,47 %	52 0,22 %
II	Богучарский уезд	328 498	88 278 26,87 %	239 424 72,89 %	796 0,24 %
1	г. Богучар	7 958	1 464 18,40 %	6 418 80,65 %	76 0,96 %
2	Богучарская волость	33 749	6 100 18,07 %	27 524 81,56 %	125 0,37 %
3	Верхнемамонская волость	32 196	32 113 99,74 %	70 0,22 %	13 0,04 %
4	Калачевская волость	28 145	4 445 15,79 %	23 562 83,72 %	138 0,49 %
5	Кантемировская волость	35 328	2 160 6,11 %	32 953 93,28 %	215 0,16 %
6	Манинская волость	21 591	4 209 19,49 %	17 369 80,45 %	13 0,06 %
7	Монастырщинская волость	18 581	11 404 61,38 %	7 121 38,32 %	56 0,30 %
8	Новомсловатская волость	36 293	7 036 19,39 %	29 219 80,51 %	38 0,11 %
9	Петропавловская волость	30 885	3 903 12,64 %	26 939 87,22 %	43 0,14 %
10	Старокриушанская волость	26 810	11 177 41,69 %	15 626 58,28 %	7 0,03 %
11	Старомеловатская волость	18 712	41 0,22 %	18 607 99,44 %	64 0,34 %
12	Таловская волость	20 806	1 774 8,53 %	19 016 91,40 %	16 0,08 %
13	Щуриновская волость	17 444	2 388 13,69 %	15 000 85,98 %	56 0,32 %
III	Борисоглебский уезд (без волостей: Жердевской, Мучанской. Павлодарской, Пигаевской, Уваровской); в том числе:	280 337	268 659 95,83 %	10 245 3,66 %	1 433 0,51 %
1	г. Борисоглебск	39 788	38 597	240	951

			97,01%	0,60%	2,39%
2	Тюковская волость	20 826	15 604 74,93%	5 172 24,83%	50 0,24%
IV	Воронежский уезд: (без волостей: Большешепольской, Боринскозаводской, Задонской, Казинской, Хлевенской); в том числе	522 883	500 979 95,81%	15 458 2,96%	6 446 1,23%
1	Подгоренская волость	41 751	31 161 74,64%	10 547 25,26%	43 0,10%
V	Нижнедевицкий уезд (без волостей: Горшеченской, Касторенской, Шаталовской)	138 903	138 694 99,85%	105 0,08%	104 0,08%
VI	Новохопёрский уезд	264 620	187 932 71,02%	75 494 28,53%	1 194 0,45%
1	г. Новохопёрск	7 437	6 871 92,39%	492 6,62%	74 1,00%
2	Абрамовская волость	24 609	22 670 92,12%	1 839 7,47%	100 0,41%
3	Архангельская волость	23 301	23 239 99,73%	44 0,19%	18 0,08%
4	Великоархангельская волость	25 211	1 810 7,18%	23 367 92,69%	34 0,14%
5	Верхнекарачановская волость	36 776	36 654 99,67%	54 0,15%	68 0,19%
6	Воробьевская волость	34 749	14 345 41,28%	20 367 58,61%	37 0,11%
7	Еланьколеновская волость	29 295	25 778 88,00%	3 408 11,63%	109 0,37%
8	Макарьевская волость	33 503	32 124 95,88%	1 264 3,78%	112 0,33%
9	Новохопёрская волость	30 193	16 593 54,96%	13 494 44,69%	106 0,35%
10	Пыховская волость	19 546	7 848 40,15%	11 162 57,11%	536 2,74%
VII	Острогожский уезд (без волостей: Алексеевской, Будённовской, Луценковской)	277 067	155 844 56,25%	118 701 42,84%	2 522 0,91%
1	г. Острогожск (бывший центр украинского слободского полка).	22 990	5 310 23,10%	17 049 74,16%	631 2,75%
2	г. Лиски	7 016	6 108 87,06%	695 9,91%	213 3,04%
3	Давыдовская волость	28 278	27 733	520	25

			98,07%	1,84%	0,09%
4	Каменская волость	36 278	514 1,42%	35 701 98,41%	63 0,17%
5	Коротоякская волость	24 157	22 379 92,64%	1 580 6,96%	98 0,41%
6	Лискинская волость	33 831	14 694 43,43%	19 108 56,48%	29 0,09%
7	Острогжская волость	37 231	12 563 33,74%	23 312 62,62%	1 356 3,64%
8	Рельевская волость	52 593	39 728 75,54%	12 809 24,36%	86 0,16%
9	Урывская волость	34 673	26 815 77,34%	7 837 22,60%	21 0,06%
VIII	Россошанский уезд (без Ровеньской волости)	283 368	30 958 10,93%	251 622 88,80%	788 0,28%
1	г. Россошь	16 370	2 137 13,05%	13 942 85,17%	291 1,78%
2	г. Павловск	6 333	3 962 62,56%	2 319 36,62%	52 0,82%
3	Белогорская волость	20 917	173 0,83%	20 726 99,09%	18 0,09%
4	Михайловская волость	40 000	563 1,41%	39 277 98,19%	160 0,40%
5	Новокалитвенская волость	34 912	11 143 31,92%	23 745 68,01%	24 0,07%
6	Ольховатская волость	44 744	570 1,27%	44 080 98,52%	94 0,21%
7	Павловская волость	34 990	9 825 28,03%	24 153 69,03%	1 012 2,89%
8	Подгоренская волость	45 402	967 2,13%	44 309 97,59%	126 0,28%
9	Россошанская волость	40 800	1 618 3,97%	39 071 95,76%	111 0,27%
IX	4 волости Усманского уезда: Верхнехавская, Матренская, Садов- ская, Щучинская	124 432	120 962 97,21%	3 313 2,66%	157 0,13%
	Вся территория ны- нешней Воронежской области в 1926 г.	2 573 966	1 769 562 68,75%	790 455 30,71%	13 949 0,54%
	Воронежская область В 1989 г.	2 466 661	2 304 620 93,43%	122 622 4,97%	39 419 1,60%

В 1926 году по этническому признаку на территории нынешней Воронежской области выделялось две зоны – СЕВЕРНАЯ и ЮЖНАЯ.

СЕВЕРНАЯ ЗОНА:

1) Бобровский уезд без г. Бутурлиновки, Бутурлиновской и Лосевской волостей;

2–5) Борисоглебский, Воронежский и Нижнедсвицкий уезды;

6) Новохопёрский уезд, без волостей Великоархангельской, Воробьёвской, Пыховской;

7) Острогожский уезд без г. Острогожска, волостей Каменской и Острогожской;

8) Усманский уезд.

ЮЖНАЯ ЗОНА:

1) Бобровский уезд: г. Бутурлиновка, Бутурлиновская и Лосевская волости;

2) Богучарский уезд;

3) Новохопёрский уезд: волости Великоархангельская, Воробьёвская, Пыховская;

4) Острогожский уезд: г. Острогожск, волости Каменская и Острогожская;

5) Россошанский уезд.

Наиболее значительный в Южной зоне анклав этнических русских – Верхнемамонский район.

Таблица № 8.

Этнический состав населения в отдельных регионах нынешней территории
Воронежской области (1926 г.).

№ п/п	Регионы	Всего населения	Русские	Украинцы	Другие
	Северная зона	1 695 215	1 563 943 92,26%	121 648 7,18%	9 624 0,57 %
	Южная зона	878 751	205 619 23,40%	668 807 76,11%	4 325 0,49 %
а	городское население	81 188	16 785 20,67%	63 257 77,91%	1 146 1,41 %
б	сельское население	797 563	188 834 23,68%	605 550 75,93%	3 179 0,40 %

Территория нынешней **Белгородской области**. Данные переписи 1926 г.

Территория нынешней Белгородской области входила в состав следующих уездов:

1. Белгородский уезд Курской губернии – волости: Алексеевская (юго-запад нынешнего Корочанского района), Большетроицкая (восток нынешнего Шебекинского района), Верхопенская (юго-восток нынешнего Ивненского района), Веселолопанская (юго-запад нынешнего Белгородского района), Висловская (центр и восток современного Яковлевского района), Зимовенская волость (к востоку от г. Шебекино), Муромская (юго-запад нынешнего Шебекинского района), Прохоровская, Пушкарская (район г. Белгорода), Старгородская (на границе юго-западной части Корочанского и северо-западной части Шебекинского районов),

Стрелицкая (север нынешнего Шебекинского района, средняя часть), Томаровская (юго-запад современного Яковлевского района), Шаховская (юг Прохоровского района), Шебекинская волость.

II. Валуйский уезд Воронежской губернии – волости: Валуйская, Вейделеевская, Волоконовская, Ливенская (сейчас юг Красногвардейского района), Никитовская (сейчас крайний юг Красногвардейского района и соседние территории), Николаевская (северо-восток нынешнего Вейделеевского района), Погромская (юг нынешнего Волоконовского района), Уразовская волость (юг нынешнего Валуйского района).

III. Грайворонский уезд Курской губернии без волостей Миропольской, Беловской, Пенской. Включает волости: Борисовскую, Грайворонскую, Дорогощанскую (северо-запад нынешнего Грайворонского района), Краснояружскую (запад нынешнего Ракитнянского района), Рокитнянскую.

IV. Шаталовская волость Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии (восток нынешнего Старооскольского района и соседние территории).

V. Три волости Острогожского уезда Воронежской губернии: Алексеевская, Буденовская (центр нынешнего Красногвардейского района), Луценковская (юг нынешнего Алексеевского района).

VI. Ровеньская волость Россошанского уезда Воронежской губернии.

VII. Старооскольский уезд Курской губернии без Ястребовской волости. Включает волости: Бобровскую (район г. Губкина и территория к юго-западу), Большехаланскую (северо-восток Корочанского, прилегающие части других районов), Великомихайловскую (запад нынешнего Новооскольского района), Волотовскую (восток нынешнего Чернянского района), Казачанскую (юг нынешнего Старооскольского района), Новооскольскую, Скороднянскую (юго-запад нынешнего Губкинского района), Старооскольскую, Чернянскую.

Таблица № 9.

Территория нынешней Белгородской области в 1926 г. Этнический состав населения.

№ п/п	Уезды, волости	Всего населения	Русские	Украинцы	Другие
I.	Белгородский уезд	536 312	386 694 72,10%	147 302 27,47%	2 316 0,43%
1	г. Белгород	31 036	27 345 88,11%	2 243 7,23%	1 448 4,67%
2	гп Александровский	1 580	1 333 84,37%	222 14,05%	25 1,58%
3	г. Короча	14 139	5 727 40,51%	8 287 58,61%	125 0,88%
4	Новотаволжанский сахарный завод	934	612 65,33%	280 29,98%	42 4,50%
5	п. Шебекино	1 382	1 027 74,31%	297 21,49%	58 4,20%
6	Алексеевская волость	28 598	17 341 60,64%	11 234 39,28%	23 0,08%
7	Большетроицкая	32 014	15 764	16 231	19

	волость		49,24%	50,70%	0,06%
8	Верхопенская волость	42 035	41 668 99,13%	301 0,72%	66 0,16%
9	Веселолопанская волость	32 639	17 371 53,22%	15 140 46,39%	128 0,39%
10	Висловская волость	23 363	16 390 70,15%	6 937 29,69%	37 0,16%
11	Зимовенская волость	25 131	11 906 47,38%	13 184 52,46%	41 0,16%
12	Корочанская волость	29 409	17 724 60,27%	11 675 39,70%	10 0,03%
13	Муромская волость	24 621	19 754 80,23%	4 822 19,59%	45 0,18%
14	Прохоровская волость	40 924	21 349 52,17%	19 549 47,77%	26 0,06%
15	Пушкарская волость	25 777	21 093 81,33%	4 651 18,83%	33 0,13%
16	Старогородская волость	40 384	34 260 84,84%	6 065 15,02%	59 0,15%
17	Стрелицкая волость	25 402	18 810 74,05%	6 575 25,88%	17 0,07%
18	Томаровская волость	54 409	40 158 73,81%	14 221 26,14%	30 0,06%
19	Шаховская волость	31 024	30 917 99,66%	81 0,26%	26 0,08%
20	Шебекинская волость	31 510	26 145 82,97%	5 247 16,65%	118 0,38%
II	Валуйский уезд	291 503	135 468 46,47%	155 173 53,23%	862 0,30%
1	г. Валуйки	10 243	9 045 88,30%	951 9,28%	247 2,41%
2	Валуйская волость	45 321	40 492 89,35%	4 792 10,57%	37 0,08%
3	Вейделеевская волость	31 411	13 312 42,38%	17 945 57,13%	154 0,49%
4	Волоконовская волость	32 020	7 494 23,40%	24 428 76,29%	98 0,31%
5	Ливенская волость	35 067	16 354 46,64%	18 687 53,29%	26 0,07%
6	Никитовская волость	34 070	11 109 32,61%	22 936 67,32%	25 0,07%
7	Николаевская волость	26 199	2 198 8,39%	23 983 91,54%	18 0,07%
8	Погромская волость	40 282	21 063 52,29%	19 145 47,53%	74 0,18%
9	Уразовская волость	36 890	14 401 39,04%	22 407 60,74%	82 0,22%

III	Грайворонский уезд (без волостей Миропольской, Беловской, Пенской)	218 860	80 738 36,89%	137 559 62,85%	563 0,26%
1	г. Грайворон	8 905	4 802 53,91%	3 923 44,05%	181 2,03%
2	гп Борисовка	20 655	1 370 6,63%	19 217 93,04%	68 0,33%
3	гп. Готня	580	394 67,93%	162 27,93%	24 4,14%
4	Борисовская волость	45 772	17 464 38,15%	28 284 61,79%	24 0,05%
5	Грайворонская волость	26 991	3 649 13,56%	23 199 86,21%	63 0,23%
6	Дорогощанская волость	37 416	26 556 70,98%	10 826 28,93%	34 0,09%
7	Краснояржская волость	34 143	3 929 11,51%	30 123 88,23%	91 0,27%
8	Рокитнянская волость	44 468	22 575 50,77%	21 826 49,08%	66 0,15%
IV	Шаталовская волость Нижнедевицкого уезда	47 235	44 975 95,22%	2 254 4,77%	6 0,01%
V	Три волости Острогожского уезда	149 188	50 090 33,58%	98 659 66,13%	439 0,29%
1	Алексеевская волость	60 466	21 340 35,29%	39 001 64,50%	125 0,21%
2	Буденовская волость	50 730	24 240 47,78%	26 337 51,92%	153 0,30%
3	Луценковская волость	37 992	4 510 11,58%	33 321 87,71%	161 0,42%
VI	Ровеньская волость Россошанского уезда	42 909	1 722 4,01%	40 652 94,74%	535 1,25%
VII	Старооскольский уезд (без Ястребов- ской волости)	335 277	232 687 69,40%	101 544 30,29%	1 045 0,31%
1	г. Старый Оскол	20 192	19 495 96,55%	273 1,35%	424 2,10%
2	г. Новый Оскол	8 855	8 050 90,91%	647 7,31%	158 1,78%
3	Бобровская волость	39 953	36 220 90,66%	3 697 9,25%	36 0,09%
4	Большехаланская волость	28 946	21 595 74,60%	7 303 25,23%	48 0,17%
5	Великомихайловская волость	47 038	21 741 46,22%	25 284 53,75%	13 0,03%
6	Волотовская волость	24 804	12 605 50,82%	12 132 48,91%	67 0,27%

7	Казачанская волость	28 091	16 940 60,30%	11 089 39,48%	62 0,22%
8	Новооскольская волость	35 650	17 325 48,60%	18 207 51,07%	118 0,33%
9	Скороднянская волость	31 201	30 914 99,08%	265 0,85%	22 0,07%
10	Старооскольская волость	38 562	37 424 97,05%	1 080 2,80%	58 0,15%
11	Чернянская волость	31 985	10 277 32,13%	21 668 67,74%	40 0,13%
	Вся территория нынешней Белгородской области в 1926 г.	1 621 284	932 374 57,51%	683 143 42,14%	5 767 0,36%
	Белгородская область в 1989 г.	1 378 287	1 280 457 92,90%	75 145 5,45%	22 685 1,65%

Как видно из приведённого материала, на территории Белгородской области доминирует мозаичное, чересполосное расселение этнических русских и этнических украинцев. Процент этнических русских наиболее высок в северной и центральной части. Несколько повышен процент этнических украинцев в западной и юго-восточной части, а также к северо-востоку от Белгорода.

Территория нынешней Курской области. Данные переписи 1926 г.

Административные единицы 1926 г., территория которых входит ныне в состав Курской области:

I. Белгородский уезд Курской губернии, Ольшанская волость (сейчас Пристенский район).

II. Грайворонского уезда Курской губернии волости Беловская и Пенская (юго-восток Беловского района и соседние территории).

III. Дмитровский уезд Орловской губернии, Волковская волость.

IV. Курский уезд Курской губернии.

V. Львовский уезд Курской губернии, в том числе г. Суджа и волости: Ивановская волость (сейчас северо-восток Рыльского района), Суджанская волость.

VI. Нижнедевицкий уезд Воронежской губернии, волости Горшеченская и Касторненская.

VII. Рыльский уезд Курской губернии, г. Рыльск, пг. Коренево волости: Глушковская, Корневская, Крупецкая (запад нынешнего Рыльского района), Рыльская, Теткинская, Хомутовская.

VIII. Старооскольский уезд Курской губернии, Ястребовская волость.

IX. Щигровский уезд Курской губернии.

Таблица № 10.

Этнический состав населения территория нынешней Курской области в 1926 г.

№ п/п	Уезды, волости	Всего населения	Русские	Украинцы	Другие
I	Ольшанская волость Белгородского уезда	26 928	23 984 89,07%	2 830 10,51%	114 0,42%
II	Беловская и Пенская волости Грайворон- ского уезда	72 449	55 816 77,04%	16 542 22,83%	91 0,13%
1	Беловская волость	35 866	30 288 84,45%	5 522 15,40%	56 0,16%
2	Пенская волость	36 583	25 528 69,78%	11 020 30,12%	35 0,10%
III	Волковская волость Дмитровского уезда	17 646	17 638 99,96%	—	8 0,04%
IV	Курский уезд	665 262	642 491 96,58%	14 790 2,22%	7 981 1,20%
V	Льговский уезд; в том числе:	414 406	375 572 90,63%	37 256 8,99%	1 578 0,38%
1	г. Суджа	6 004	4 004 67,36%	1 834 30,55%	126 2,10%
2	Ивановская волость	30 828	27 846 90,33%	2 928 9,50%	54 0,18%
3	Суджанская волость	46 802	18 027 38,52%	28 653 61,22%	122 0,26%
VI	Горшеченская и Касторненская волости Нижедевицкого уезда	119 430	118 503 99,22%	772 0,65%	155 0,13%
VII	Рыльский уезд, в том числе:	282 558	219 537 77,70%	61 971 21,93%	1 050 0,37%
1	г. Рыльск	11 011	10 259 93,17%	348 3,16%	404 3,67%
2	гп. Коренево	1 164	1 045 89,78%	83 7,13%	36 3,09%
3	Глушковская волость	51 600	13 015 25,22%	38 429 74,48%	156 0,30%
4	Кореневская волость	44 454	37 871 85,19%	6 517 14,66%	66 0,15%
5	Крупецкая волость	30 708	30 477 99,25%	157 0,51%	74 0,24%
6	Рыльская волость	53 905	53 238 98,76%	574 1,07%	93 0,17%
7	Теткинская волость	36 848	22 296 60,43%	14 442 39,14%	160 0,43%

8	Хомутовская волость	52 818	51 336 97,19%	1 421 2,69%	61 0,12%
VIII	Ястребовская волость Старооскольского уезда	36 587	36 427 99,56%	74 0,20%	86 0,24%
IX	Щигровский уезд	276 109	271 713 98,41%	4 098 1,48%	298 0,11%
Вся территория нынешней Курской области в 1926 г.		1 911 375	1 761 681 92,17%	138 333 7,24%	11 361 0,59%
Курская область В 1989 г.		1 335 428	1 293 663 96,87%	22 728 1,70%	19 037 1,43%

Этнические украинцы в Курской области концентрируются преимущественно в пограничных с Украиной районах, в так называемом Суджанском регионе (назван по городу Суджа). В 1926 г. в Суджанском регионе украинцы составляли более трети всего населения, на остальной территории – менее 2 %. В Суджанском регионе в 1926 г. проживало 15,2 % населения нынешней территории Курской области, на остальной территории – 84,8 %.

Суджанский регион в 1926 г. – это волости: Беловская, Глушковская, Ивановская, Кореновская, Пенская, Суджанская, Тёткинская, г. Суджа, гп Коренево.

Таблица № 11.

Этнический состав населения в отдельных **регионах** нынешней территории
Курской области (1926 г.).

№ п/п	Округа, районы	Всего населения	Русские	Украинцы	Другие
I	Суджанский регион	290 199	179 960 62,01%	109 428 37,71%	811 0,28%
II	Остальная территория	1 621 176	1 581 721 97,57%	28 905 1,78%	10 550 0,65%

Рассмотренный материал показывает, что расселение этнических украинцев на рассматриваемой территории в 1926 г. было мозаичным. Чередовались регионы и микрорегионы с преобладанием украинцев близком к абсолютному, с относительным их преобладанием, с высоким их процентом, со значительным процентом, небольшим процентом и почти полным их отсутствием. Наибольшая концентрация этнических украинцев наблюдалась в северо-западной части нынешнего Краснодарского края и в южной части нынешней Воронежской области. Кстати, данные переписей 1937 и 1939 годов опубликованы только в конце XX в. Поэтому до опубликования итогов первой послевоенной переписи 1959 г. использовались данные переписи 1926 г. В связи с этим в изданных после войны учебных атласах и картах, а также в научных работах показано наличие

компактных групп украинцев на северо-западе Краснодарского края и на юге Воронежской области [5; 8; 12].

Этнические украинцы составляли значительный процент населения в ряде городов и крупных городских поселков: Борисовка – 93,04 %, Бутурлиновка – 85,45 %, Россошь – 85,17 %, Батайск – 81,29 %, Богучар – 80,65 %, Острогожск – 74,16 %, Чертково – 64,06 %, Короча – 58,61 %, Грайворон – 44,05 %, Азов – 42,25 %, Ейск – 41,68 %, Миллерово – 41,00 %, Сальск – 38,35 %, Павловск – 36,62 %, Минеральные Воды – 34,79 %, Таганрог – 34,59 %, Кропоткин – 35,48 %, Горячий Ключ – 34,94 %, Анапа – 32,68 %, Суджа – 30,55 %, Зверево – 30,24 %, Краснодар – 29,88 %.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Т. 3. Центральнo-Черноземный район. Средневожский район. Нижне-Волжский район. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1927.

2. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Т. 5. Крымская АССР. Северо-Кавказский край. Дагестанская АССР. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1927.

3. Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991.

4. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992.

5. Географический атлас СССР. Для средней школы. М.: ГУГК, 1950. Карта: Национальности СССР. С. 14–15.

6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1963.

7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1973.

8. Карта народов СССР. Учебная карта. М.: ГУГК, 1959.

9. Клімчук Ф.Д. Некаторыя асаблівасці этнацыянальнай самасвядомасці заходніх палешукоў // Форум. Інфармацыйна-культурны бюлетэнь. Менск: Эўрафорум, зіма 1995–1996, № 2. С. 11–19.

10. Климчук Ф.Д. Этнос и перепись: парадоксы статистики // Ожог родного очага. М.: Прогресс, 1990. С. 92–106.

11. Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Финансы и статистика, 1991.

12. Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Карта: Современное расселение народов Кавказа (между страницами 10–11).

13. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М.: Финансы и статистика, 1985.

**«РУССКИЕ, ВЕЛИКОРОССЫ ИЛИ УКРАИНЦЫ...»:
МЕТОДИКА ПОДСЧЁТА И ЧИСЛЕННОСТЬ
УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АДЫГЕЙ В 1920-е гг.**

Сохранение сложившегося к настоящему времени этнокультурного разнообразия населения признается мерой, если и не приоритетной, то, во всяком случае, необходимой для обеспечения устойчивого развития полиэтничных образований. Между тем, тревожащие тенденции последних десятилетий свидетельствуют не только о размывании традиционных ареалов компактного проживания отдельных этнических групп, но и набирающих силу ассимиляционных процессах, приводящих к их значительному сокращению в общей структуре населения. Так, если по данным Всероссийской переписи населения 1926 г. доля украинцев в Северо-Кавказском крае была вполне сопоставима с численностью русского населения и составляла 46 %, то в 2002 г. в Южном Федеральном округе она сократилась до 1,7 % [3]. Отмеченные тенденции были зафиксированы последней Всероссийской переписью населения 2002 г. по всем без исключения субъектам округа.

Республика Адыгея остаётся многонациональным государственным образованием, этническая структура населения которого за последнее время заметно усложнилась. При этом его «украинская» составляющая всегда была довольно высокой. В 2000 г. украинцы занимали третью по численности позицию в структуре населения республики и составляли 14,43 тыс. чел. (3,2 %). В 2002 г. их доля незначительно сократилась до 13,4 тыс. чел., и они по-прежнему относились к «крупнейшим из других (*имеется ввиду не относящимся к основным доминирующим группам населения – русским и адыгам – Т.Х.*) народов республики». Вместе с тем, перепись отметила заметный результат трансформации этнической структуры Адыгеи, выразившийся в утрате долевого значения в составе населения этнических групп украинцев, немцев, белорусов, крымских татар, евреев. Уже в 2006 г. украинцы переместились на четвертую позицию, составив 9,1 тыс. чел. и уступив 15,3 тыс. диаспоре армян [2].

Аналогичные тенденции просматривались и в более ранние периоды, связанные с формированием и становлением автономии Адыгеи. Обращение к демографическим подсчетам 1920-х гг. свидетельствует, что колебания численности отдельных этнических групп населения, не в последнюю очередь, оказались вызваны общепринятыми методиками их идентификации.

Важность демографических исследований в «изучении этнокультурного и социального развития народов России в 20-е годы XX в.» осознается довольно отчетливо и связывается с наличием «богатейшей опубликованной и неопубликованной статистики» [4, с. 361]. При этом, несмотря на её разнообразие, предпочтение отдается переписям населения как наиболее полным и методологически грамотно организованным формам учёта населения. Вместе с тем, ряд особенностей самой переписи как итогового показателя

воспроизводственных процессов и структурных характеристик населения размывает динамизм происходящих в нём изменений, предоставляя исследователю лишь «одновременный "сколок" общества» [5, с. 594]. В свою очередь текущий учёт демографических событий, являющийся сбором сведений о естественном и механическом движении населения, «снимает» регулярные данные о его численности и составе, позволяя, тем самым, выявить основные тенденции демографического развития, как в целом, так и по его отдельным показателям.

Проблемы, сопряжённые с определением численности и состава отдельных этнических групп, динамики их последующего состояния и развития во многом связаны с характером находящихся в распоряжении исследователя источников. Как правило, речь идёт о данных статистики, имеющих массовый и унифицированный характер. Такими источниками для изучения количественных и территориальных показателей славянского населения Адыгеи в рассматриваемый период времени являются разнообразные статистические сводки, сведения, таблицы и списки по учёту естественного и механического движения населения области, а также её административному делению. Подавляющее большинство из них сосредоточено в фонде «Демографической секции областного исполнительного комитета» Национального архива Республики Адыгея; обладает необходимой для подобного рода документов степенью надёжности, устойчивости и валидности, свидетельствующих о принципиальной возможности решения поставленных исследовательских задач.

Одной из них оказалась учёт тех этнических групп, которые составляли славянское население области. По бытовавшей в те годы традиции учёту подлежал племенной, а не этнический состав населения, что означало предельно широкий и зачастую произвольный процесс комплектования «содержимого» отдельных племён. Так, для 1920-х гг. по области крайне низким оказалось представительство русских как «племени». Из 42 334 чел. русского населения, составлявшего в 1924 г. 37,6 % от общего количества населения области, на долю русских приходилось 1261 чел. (2,9 %), украинцев – 30 966 чел. (73,2 %), великороссов – 9409 чел. (22,2 %) и казаков – 698 чел. (1,7 %). [1. Д. 11. Л.5].

Вместе с тем, произвольность в наполнении племенного состава русского населения и относительность в подсчёте остальных «славянских племён» объяснялась и заявительной основой – практикой самозачисления, применявшейся вплоть до 1926 г., когда наряду с национальной принадлежностью стало обязательным указание и владения соответствующим языком. Годом ранее, по данным той же демографической статистики, в области проживало 5241 чел. русских, 46 411 чел. – украинцев, 9400 чел. – великороссов, и вовсе отсутствовали казаки [1. Д.11. Л.18]. При этом сведения по двум объединённым округам спустя всего полгода не содержали значительных погрешностей и выглядели следующим образом [1. Д.11. Л.19]:

Округа	Русские	Украинцы	Великороссы	Казаки
Фарский	5 241	36 328	7 937	444
Псекупский	—	10 083	1 463	254

Сопоставляя полученные данные, можно убедиться в подвижности трёх составляющих компонентов русского населения – собственно русских, украинцев и казаков, а также приблизительной оценке количества представителей южных и западных славян.

Пожалуй, самой технологически трудно решаемой задачей является определение территориального размещения и административной локализации славянского населения области. Такого рода сведения, как правило, весьма фрагментарны, неполны и страдают отсутствием твёрдо очерченной номенклатурной принадлежности. Их наличие либо отсутствие в том же фонде «Демографической статистики» не может рассматриваться в качестве безусловного показателя исчерпанности исследовательских поисков. Данные, характеризующие поселенческую структуру различных этнических групп, нередко оказываются документальным сопровождением административных отделов управленческих служб различного уровня.

В конкретно рассматриваемом случае автору удалось обнаружить в одном из дел фонда «Демографической статистики» развернутую «Ведомость населения области по волостям округов» с подробным изложением сведений по каждой отдельной его группе. «Ведомость» не имеет даты своего составления, хотя по описываемому в ней положению населения двух округов, она относится к 1923–24 гг.; не содержит итоговых подсчётов и представляет собою срез половозрастной структуры населения. По данным, полученным на основе её количественной обработки, славяне размещались по территории округов приблизительно равномерно с преобладанием в целом украинского этнического массива [1. Д.11. Л.21–23].

	великороссы	русские	украинцы	казаки
По Фарскому округу:				
Пшизовская волость	30	—	—	—
Преображенская волость	—	—	2377	—
Кошехабльская	416	—	714	—
Хакуринохабльская	40	—	—	—
Мамхеговская	110	—	—	—
Еленовская	—	1621	892	—
Ходзинская	—	—	—	435
Ульская	678	—	263	—
Хачемзиевская	586	—	160	—
Джерокаевская	—	—	459	—
Егерухаевская	208	—	—	—

По Псекупскому округу:				
Гатлукаевская	—	—	4	—
Ново-Бжегокаевская	240	—	116	—
Шенджиевская	371	—	115	245
Тахтамукаевская	1331	—	104	—
Шапсугская	7	—	—	36
Лакшукаевская	—	—	300	—
Белая	—	—	3858	—
Ивановская	1724	—	626	—
Хатукаевская	—	—	286	—
Джамбечиевская	—	—	3637	—
Николаевская	2132	—	644	—
Адамиевская	67	—	—	9
Преображенская	1389	—	1966	—
Бжедухабльская	518	—	1650	—

Полученные результаты в основном подтверждаются данными, содержащимися в сводной ведомости по «Племенному составу населения Адыгейской автономной области» за тот же период времени и свидетельствуют о подвижности границ такого обобщенного понятия как «русское население» [1. Д.11. Л.19]. Примечательно, что уже в начале 1930-х гг. в качестве относительно новых групп славянского населения области демографической статистикой будут отмечаться белорусы и малороссы, а такая распространенная в предыдущие годы племенная идентификация как «великороссы» практически полностью исчезнет [1. Д.327. Л.1-35].

Не менее проблематичной остается и статистика учета естественного движения населения в рассматриваемый период времени. Причиной тому, как неоднократно отмечалось в отчетной документации органов статистики, оказывалось нежелание населения пользоваться услугами загсов. Так, представитель райстатотдела Ширванского округа в своем докладе от 20 марта 1923 г. сетовал, что «во всех почти волостях запись по загсу в 1921-22 гг. не велась, да и в настоящее время ведется очень слабо... Население предупреждено, чтобы во всех случаях регистрироваться по загсу. Но граждане на этот счет никакого внимания не обращают. Строго настроено предупреждены эфенди, чтобы без регистрации исполкома не производили потребностей граждан, но последние также не обращают внимания и продолжают свой долг по-прежнему» [1. Д.2. Л.30].

В 1923 г. по области вводятся обязательные статистические карточки по книгам актов гражданского состояния, призванные учитывать количество родившихся, умерших, браков и разводов. Со временем они становятся основным источником первичной демографической информации, хотя их техническое состояние, главным образом рукописный характер, не позволяет рассматривать содержащиеся в них сведения в качестве, безусловно, достоверных. Тем не менее, будучи формой текущего учета демографических событий, подобного рода документы отражают складывающиеся особенности половозрастной структуры населения, его этнического и образовательного состава.

К сожалению, рассматриваемый статистический массив данных дифференцируется только по двум основным этническим группам – русскому и черкесскому населению. Остальные группы отнесены к категории «прочих» или «иностранцев». Как показывает анализ сводных и относительно устойчивых данных за 1923–1925 гг., отмечаемый в литературе дисбаланс полов, сложившийся в рассматриваемый период времени [4, с. 361], в большей степени был характерен только для русского населения. Приводимые ниже сведения по состоянию на 1 января 1925 г., с незначительными количественными расхождениями совпадающие с показателями 1923–1924 гг., подтверждают незначительность такого дисбаланса, достигаемого в основном за счёт русских [1. Д.30. Л.69].

Районы	Черкесское население (мужчины – женщины)	Русское население (мужчины – женщины)	Прочие (мужчины – женщины)	Всего (мужчины – женщины)
Тахтамукаевский	8828 - 7747	1056 – 1068	666 – 424	10550 – 9239
Джиджихабльский	6388 – 6306	2266 – 2361	275 – 283	8929 – 8949
Преображенский	3112 – 3138	9520 – 10254	345 – 274	12977 – 13666
Хакуринохабльский	9828 – 8549	4351 – 4670	307 – 263	14487 – 13482
Натырбовский	5156 – 5188	4682 – 5295	203 – 200	10044 – 10683
Всего	33316 – 30928	21875 – 23648	1796 – 1443	55987 – 56018

Русские также преобладали по относительным показателям смертности и рождаемости. Так, за 1924 г. по области умерло 1524 чел., из них на долю русского населения приходилось 932 чел., черкесского – 562 чел., иностранцев – 701 чел. [1. Д.9. Л.32]. Соответственно рождаемость по районам Адыгеи распределялась следующим образом [1. Д.9. Л.79]:

Районы	Черкесское население	Русское население	Иностранцы	Всего
Тахтамукаевский	636	99	31	766
Джиджихабльский	133	197	21	351
Преображенский	37	580	14	631
Хакуринохабльский	238	355	26	619
Натырбовский	118	447	2	567
Всего по области	1182	1678	94	2934

Естественный прирост населения по области, как и в целом по региону, обеспечивался за счёт более высокого уровня воспроизводства у русских и украинцев, что в последующие десятилетия привело к радикальным изменениям в их численности, удельном весе и географическом размещении. Такая ситуация, по мнению В. М. Кабузана, сложилась уже в 1890-е гг. и сохранялась вплоть до начала 1960-х гг. [6, с. 346–347].

Возможности демографической статистики 1920 гг., как источника по изучению славянского населения Адыгси, во многом обусловлены как техническим состоянием документальных материалов, так и знанием соответствующего контекста их бытования. Написанные преимущественно от руки с характерными каллиграфическими вкраплениями, снижающими качество их прочтения, они изобилуют массой поправок, вымарываний и неточностей в написании населённых пунктов, «племенной» принадлежности и итоговых подсчётов.

Вместе с тем, их очевидным достоинством следует признать практику плотного или насыщенного описания, при которой в пределах демографического горизонта оказываются не только сугубо специальные сведения, относящиеся к процессам воспроизводства населения, но и различного рода «дескриптивные несуразицы» (К. Гирц) в виде противоречащих логике здравого смысла статистических показателей и их развернутых характеристик. Так, дробная классификация и скрупулёзный подсчёт представителей различных групп славянского населения области в 1920-е гг. отражали как нацеленность официальной власти на знание этнографической реальности, так и отсутствие жёсткой номенклатуры «народностей» в условиях формирования основ многонационального советского государства. В последующем, когда потребности в таком этнографическом демократизме исчезли, были упразднены и их показатели.

Появление в демографической статистике 1930-х гг. монолитной этнической группы русских, растворившей в себе вчерашних великороссов и казаков, в условиях начавшихся этнических чисток на местах указывало, прежде всего, на изменение официального статуса русского населения в целом и смену век национальной политики власти в частности. Более того, со второй половины 1920-х гг. решающую роль в изменении этнического состава населения начинают играть ассимиляционные процессы, результатом которых становится смена «украинским (по этническому происхождению) и русскоязычным населением своего украинского самосознания и самоназвания на русское» [6, с. 345].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Национальный архив Республики Адыгея. Ф.Р-4. Оп. 1.
2. Текущий архив Госкомстата по РА.
3. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов-на-Дону, 2006. С.81.
4. Жиромская В.Б. Особенности демографического развития народов России в 20-е годы XX века // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999.
5. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998.
6. Кабузан В.М. Многонациональное население Северного Кавказа в XVIII–XX веках (1795–1989) // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999.

**МЕРОПРИЯТИЯ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЙКОМА ВКП (б)
ПО УКРАИНИЗАЦИИ КУБАНСКИХ РАЙОНОВ 1922–1932 гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ РАЙОННЫХ КОНТРОЛЬНЫХ КОМИССИЙ)**

В начале 1920-х гг. была принята установка об использовании в работе административных и культурных учреждений ряда районов Северного Кавказа украинского языка, поскольку некоторые работники Наркомпроса считали, что значительная часть их населения – украинцы, а употребляющийся на Кубани разговорный язык является украинским. Но к этому времени большинство местного населения, в том числе и казаки – потомки черноморцев, в первую очередь считали себя казаками, а потом уже русскими или украинцами. Произошли изменения и в языке. Архивные документы свидетельствуют, что и писали люди так, как говорили, пользуясь русской орфографией. Причём в народном сознании кубанцев живёт стойкое сознание того что и они сами, и их предки (на Украине) всегда были русскими людьми, но при этом они всегда отделяли себя от «москалей».

С 1922 г. началось проведение украинизационных мероприятий. Впрочем, самые первые шаги по осуществлению этой политики были предприняты ещё ранее. Так в 1921 г. исполком станицы Полтавской, заручившись согласием областного руководства, принял решение организовать в станице педагогический техникум [1. Ф.696. Оп. 1. Д.73. Л.24]. В том же году педтехникум был открыт на месте бывшей казачьей педагогической семинарии, которая располагалась в одном из крупнейших и красивейших зданий станицы, 1911 г. постройки (сейчас в нём расположена средняя школа № 1 ст. Полтавской). Преподавание дисциплин там сразу было решено вести на украинском языке, о чем свидетельствует надпись на фотографии первого выпуска педтехникума, находящаяся в школьном музее [6, с. 77–78].

Наиболее сложным был вопрос о языке, бытовавшем на Кубани, о его принадлежности. Лишь позднее появилось представление, что распространённый на Кубани говор является местным диалектом русского языка, тяготеющим к украинскому. Недаром во время одного из приездов на Кубань в 1926 г., народный комиссар просвещения А. В. Луначарский советовал вести обучение в начальных классах не на украинском, а на «материнском» языке, то есть на местном говоре. Но к 1926 г. на Кубани действовали около 150 начальных украинских школ, отдельные школы-семилетки и школы 2-й ступени. В 1930 г. были открыты украинские техникумы в станице Уманской (ныне Ленинградская) и в Ейске. Работал и Полтавский педагогический техникум, обеспечивавший украинскими педагогическими кадрами весь Северный Кавказ, разумеется, в тех местностях и организациях, где в них была нужна. Во всех вузах, техникумах и школах был введён, в качестве обязательного, предмет «украиноведение». Для издания литературы, учебников и т. д., а также их распространения было специально организовано Северо-Кавказское отделение Украинского книжного

центра (Укркнигоцентр) [2. *Ф.8003. Оп. 1. Д.31. Л.141*]. Уже к концу 20-х годов на Кубани издавалось десять районных газет на украинском языке, выходило несколько журналов, печатались книги. Был даже открыт Кубанский украинский научно-исследовательский институт [9, с. 439].

Конечно, проведённые мероприятия по организации учебных заведений наталкивались на определённые, иногда неожиданные, трудности. В украинских учебных заведениях остро стояла проблема набора студентов. Например, в Уманский агропедтехникум без экзаменов и, собственно даже не спрашивая согласия, зачисляли на первый курс целые выпуски школ 2-й ступени. Его работа постоянно подвергалась угрозе сбоев в работе, вследствие переманивания студентов и преподавателей (без согласия директора и санкции ОНО) в другие учебные заведения Павловского района, где преподавание велось на русском языке (ШКМ в станице Незамасвской, ФЗУ в станице Каневской и т. д.). Особо отличалось этим ФЗУ станицы Крыловской. 12 февраля 1932 г. директор Уманского техникума направил директору упомянутого ФЗУ официальное письмо, в котором требовал исключить из училища и вернуть назад восьмерых студентов. Причём трое из них бежали ещё в 1931 г., по требованию директора Уманского педтехникума были исключены из Крыловского ФЗУ и затем вновь приняты. На защиту был призван райком партии. Павловская районная КК потребовала вернуть всех бывших преподавателей и студентов. Причём студентов велено было в суточный срок исключить из новых обучающихся заведений, вернуть на старое место учёбы [2. *Ф.8350. Оп. 1. Д.33. Л.31, 32, 32 об.*].

Несмотря на значительную полиграфическую базу, выпуск учебников на украинском языке зачастую срывался. Например, издательство «Северный Кавказ» запланировало к началу 1931–1932 учебного года выпустить учебник математики для 5 классов ШКМ, авторов Шаповалова и Головичевой. От переводчика он поступил в издательство 28 августа 1931 г. Перевод был скверный. И в издательстве он пролежал 4 месяца, как говорится в постановлении Северо-Кавказской краевой КК-РКИ, «лежал в полном забвении». Конечно, ответственных лиц в издательстве, корректора и переводчика наказали [2. *Ф.8350. Оп. 1. Д.25. Л.138–139, Д.27. Л.69*], но школы остались без учебника. В Павловском районе, исходя из данных по школам, не хватало учебников на украинском для 3–7 классов: математики – 1000 экз., украинского языка – 1040 экз., физики – 340 экз., естествознания – 300 экз., сельского хозяйства – 240 экземпляров [2. *Ф.8350. Оп. 1. Д.34. Л.31*].

Первоначально проводимые мероприятия не вызвали отрицательных эмоций, поскольку не были насильственными. Они никого не раздражали и не беспокоили, а наоборот даже приветствовались. Постепенно условия менялись, проведение мероприятий приобрело сначала обязательный, а с 1930 г. и принудительный характер. По требованию Северо-Кавказских краевых органов власти, в начале 1930 г. процесс перевода делопроизводства районных организаций и учреждений на украинский язык был резко активизирован. Согласно плану Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), «украинизацию» предполагалось закончить к 1 января 1932 г. полностью. Но, как оказалось, это было очень непросто.

Всего на Северном Кавказе «украинизации» подлежало 35 районов, расположенных между Ростовом и Краснодаром [2. Ф.20. Оп.1. Д.4. Л.186], т. е. практически всё население бывшего Кубанского и частично Донского и Черноморского округов. В районах, предназначенных к «украинизации», как оказалось, никто и не думал переходить к практической реализации этих решений. Когда проводимая политика украинизации стала приобретать насильственный характер (с 1930 г.), она стала бойкотироваться на всех уровнях, начиная с ответственных партийных и хозяйственных работников, под чьим руководством она проводилась, и заканчивая простым населением, но, тем не менее, продолжалась по настоянию Народного комиссариата просвещения. В Кубанский окружной комитет партии поступали сообщения о недовольстве местного населения проводимыми мероприятиями. В Приморско-Ахтарском районе украинизация проводилась почти насильственно. Отмечались случаи, когда детей из одной семьи определяли в русскую и украинскую школу одновременно, не считаясь с протестами родителей [2. Ф.8. Оп.1. Д.603. Л.5]. Такие же результаты были достигнуты в украинизации Ейского района, и практически всех других. В русских школах, если не было возможности открыть отдельную украинскую школу, набирались украинские группы, и детей обучали по программам украинских школ. Такая практика существовала в Краснодарском сельском районе (г. Краснодар, станицы Елизаветинская, Пашковская, село Калинино и т.д.) [2. Ф.20. Оп. 1. Д.10. Л.150].

В начале 1932 года, для активизации украинизации на Кубани, по поручению парткома, профессор Краснодарского педагогического института Шаль* и доцент Гребенюк заключили с краснодарским книжным издательством договор о выпуске украинских учебников (для 4, 5, 6, 7 годов обучения в школе). Для более быстрого написания этих учебников, в помощь перечисленным лицам была назначена бригада ещё из шести преподавателей краснодарского пединститута. Крайним сроком написания учебников был назначен июнь-июль 1932 г. [2. Ф.20. Оп. 1. Д.10. Л.180]. Компания получала освещение в прессе, в краснодарской украинской газете «Червоный стяг» [2. Ф.20. Оп. 1. Д.12. Л.7, 17].

Колхозам давались помпезные украинские названия. Начиная с 1930 г. такая практика активизировалась. Так в Краснодарском сельском районе, в станице Старомышастовской был колхоз «Червоный стяг» [2. Ф.20. Оп. 1. Д.10. Л.134]. В станице Динской был колхоз «Червоный прапор», в станице Нововеличковской колхоз носил название «Друга Пятьрычка» [2. Ф.20. Оп. 1. Д.16. Л.13, 62], в станице Новопокровской колхоз назывался «Червоный украинец» [2. Ф.8003. Оп. 1. Д.28. Л.56], а в станице Тимашевской «Червоный жовтень» [2. Ф.8350. Оп. 1. Д.29. Л.146]. Разумеется, таких примеров было великое множество.

Когда проводимая партийно-государственным руководством края политика повсеместно бойкотировалась местным населением, это становилось предметом расследований и разбирательств. В начале 1932 г. Абинской районной КК-РКИ при райкоме ВКП (б) был расследован целый ряд персональных дел коммунистов – ответственных работников района. Все они обвинялись в проведении политики

* Иван Шаля. – *Ред.*

«русского великодержавного шовинизма» в возглавляемых ими организациях и учреждениях, в противодействии проводимой «партией и народом» украинизации района.

Бюро расследований редакции краевой украинской газеты «Червона газета» (которая издавалась в Ростове) занималось изучением случаев саботажа украинизации, затем материалы печатались в газете. Таковые случаи саботажа и были выявлены в Абинском районе, о чём в газете за 2 октября 1931 года была напечатана статья под общим названием «Саботируют радянську українізацію». Статья представляла собой ряд тематических заметок о саботаже ответственными работниками района процесса украинизации, причем все они были обвинены бюро расследований редакции в проведении политики русского великодержавного шовинизма.

Так, управленческий аппарат Абинского Райплодоовощтабаксоюза, да и весь коллектив совершенно не торопился приступать к этому делу. А его глава Бурдович, разоткровенничавшись с корреспондентами, неосторожно заявил следующее: «Ничего мы не делали с украинизацией, и не делаем, пока не закончим заготовки, да и вообще она нам не нужна». Проводя своё расследование саботажа в области украинизации, корреспонденты «Червонной газеты» побывали также в Абинском Райпотребсоюзе с целью выяснения существовавшего там положения. Как выяснилось, учреждение на украинский язык не перешло, кроме украинской вывески больше ничего не было сделано. Глава потребительского союза, Николай Косолапов, заявлял в разговорах с корреспондентами следующее: «Это ещё спорный вопрос, есть ли украинцы основная масса района». Уполномоченная Абинского райкома по Варнавинскому станичному совету Райхлина (она же глава районного профсоюза) на заседании президиума станичного совета заявляла, что торопиться с украинизацией и не требуется, ибо это совсем не важная кампания. Председатель Абинского райисполкома Фоменко честно признавал, что дела в районе с украинизацией обстоят «погано», что ничего не сделано. В связи с изложенными фактами редакция газеты сделала вывод, что проведение кампании фактически сорвано [5]. И дело действительно обстояло именно так.

Приняв во внимание сложившееся положение, Абинский райком ВКП (б) в своём постановлении по этому вопросу, от 11.XI. 1931 г. подтвердил, что имеются определённые трудности. Был назначен последний срок завершения полной украинизации района – 1 октября 1932 года [2. Ф. 11380. Оп. 1. Д. 21. Л. 86–90]. Здесь необходимо заметить, что он тоже был сорван, причём опять же по объективным причинам.

По обвинениям в русском великодержавном шовинизме, царившем в районе, проходило ещё много руководителей различных учреждений – коммунистов. Правление колхоза имени 1-го Мая, Первомайского сельсовета, послало в Абинский филиал госбанка два финансовых документа, о перестраховании и об оплате за землеустройство. Оба, согласно требованиям, были напечатаны на украинском языке. Работники филиала вернули их назад, объяснив, что не понимают, что там написано и ссылаясь на соответствующие распоряжения управляющего. В результате документы не прошли в положенный срок, колхоз потерпел незапланированные денежные убытки. И правление колхоза послало

жалобу на филиал банка в районный комитет партии, который в свою очередь передал дело в районную КК-РКИ для дальнейших разбирательств [Там же, л. 94–95]. Дальнейшее расследование привело к тому, что управляющий Абинским отделением госбанка Н. Е. Буканов, член партии с 1919 г., тоже был обвинен в великодержавном шовинизме, искажении нацвопроса и т. д., а также в том, что игнорировал в своей работе (т.е. в своем учреждении) украинский язык. Но Буканов оправдался, заявив, что выполнял распоряжения вышестоящего начальства. Он предоставил Абинской районной КК копию распоряжения Северо-Кавказской краевой конторы Госбанка СССР. Это распоряжение, как ни странно, действительно обязывало руководимое им учреждение вести всю бухгалтерию и писать все денежные документы только на русском языке [Там же, л. 91–92]. Текст самого распоряжения очень любопытен и показывает всю противоречивость проводимой политики.

Итак, Северо-Кавказская краевая контора Госбанка СССР издала распоряжение № 31001, от 11.07. 1931 г., адресованное всем управляющим филиалами Госбанка на Северном Кавказе. В распоряжении указывалось, что для ускорения украинизации филиалов банка нужно было следующее:

1. Развернуть учебу по изучению украинского языка сотрудниками, но чтобы без всякого ущерба для нормальной оперативной работы филиалов (т.е. фактически во внеурочное время, в качестве общественной нагрузки).

2. Заказать и установить помимо вывесок на русском языке, ещё и вывески на украинском.

3. Заказать и применять только двойные (на украинском и русском языках) угловые штампы на письмах (форма штампов прилагалась).

4. Расходы по этим мероприятиям предполагалось произвести в пределах до 500 рублей с внесением в смету расходов по статье «курсы и стипендии». Если расходы окажутся больше, то надо составлять отдельную смету для получения ассигнований именно на эти расходы.

Установка же по пользованию русским и украинским языками была следующего содержания:

1. Все книги, журналы, ордера и вообще все оперативные документы банка должны были вестись на русском языке. При подаче клиентами балансов, кредитных и кассовых планов, а равно и платёжных поручений, как и другого рода оперативно-денежных документов, все они тоже должны были быть написаны на русском языке.

2. Переписку с учреждениями и организациями в пределах своего района и (или) с другими подлежащими украинизации районами филиалы должны были вести на украинском языке, переписку же с конторой и с русскими районами на русском языке.

Подписано распоряжение было заместителем директора Северо-Кавказской краевой конторы госбанка СССР – Чилингировым и консультантом – Чепковым [Там же, л. 93].

Распоряжение красноречиво передаёт суть сложившегося положения в области вынужденного двуязычия и отношения к нему, несмотря на идеологические установки крайкома ВКП (б) в этом вопросе. Впрочем, как уже упоминалось, подобное отношение было повсеместным.

Парадокс заключался ещё и в том, что сам украинский язык местное население (его большинство) воспринимало если не как родной, то уж во всяком случае, не как чужой. И в тоже время украинская письменность, литература (имеется в виду полиграфическая продукция) и т.д., воспринимались как нечто чуждое и массово игнорировались. Как с грустью говорилось в сводках за 1931 г. Краснодарской сельской КК: «созданные кружки по изучению украинского языка – самоликвидировались (никто их не посещал, считая напрасной тратой времени), магазины были переполнены годами не раскупаемой массой украинской литературы» [2. Ф.20. Оп.1. Д.4. Л.186]. Тем не менее, комиссии по украинизации продолжали настаивать на обязательном изучении всеми служащими крупных организаций и учреждений районов украинского языка, несмотря на заведомую провальность этих инициатив.

Контрольные комиссии при райкомах ВКП (б), разбирали множество дел коммунистов, отказывавшихся переходить на украинский язык. Так, Шершнёв Андрей Илларионович, 1901 г.р., член ВКП (б) с 1927 г., 19 марта 1932 года, решением партколлектива Краснодарского педагогического института был исключён из партии и института «за проявления русского великодержавного шовинизма». Он подал апелляцию в краснодарскую городскую КК, которая провела расследование и установила следующее. В октябре 1931 г. Шершнёв поступил в пединститут. В январе 1932 г., он подал заявление в бюро парткома с просьбой отпустить его из пединститута. Причиной было то, что вуз переходил с 1932 г. на украинский язык.

На заседании парткома выяснилось, что когда Шершнёв поступал туда, он знал о предстоящей украинизации института. Знал и то, что из 21 предмета, в 1932 году переводились на украинский 3 предмета. Шершнёв учился не хуже других, «но не желал заниматься над усвоением украинского языка», не стал посещать кружки по изучению украинского. Среди студентов вёл крамольные разговоры: «... в институте большинство русских, украинизация из нас педагогов не выработает, только средства зря тратят». В ноябре 1931 г. Шершнёв поддержал выступавшего против проведения украинизации члена ВКП (б) – Тютерева. Краснодарская городская КК исключение из партии Шершнёва отменила, заменив выговором, а ему самому было предложено немедленно приступить к занятиям. Партколлектив же Краснодарского пединститута обязали оказать ему всяческую поддержку в овладении украинским языком [2. Ф.20. Оп. 1. Д.13. Л.130].

Бывали и хулиганские выходки по отношению к проводимой политике. Как следует из материалов краснодарской городской КК-РКИ, партийный коллектив Краснодарского института специальных технических культур допустил в январе 1932 г. срыв украинской постановки. Речь идёт о театральной постановке на украинском языке в институте, которая была «сорвана шовинистическими криками и выпадами» из зала [2. Ф.20. Оп. 1. Д.29 п. Л.517, 519]. Но комиссии по украинизации, которые уже с 1930 г. курировались районными КК-РКИ, продолжали настаивать на обязательном изучении всеми служащими крупных организаций и учреждений украинского языка.

Саботаж проводимой политики выражался, по мнению комиссий ещё и в том, что при назначении кандидатов на руководящие должности не соблюдался национальный принцип, плохо проводилась «коренизация». В составе работников

советского аппарата по Северо-Кавказскому краю украинцы составляли (всего) 5 %, в составе же ответственных партийных и советских работников – 30 % [2. *Ф.439. Оп.1. Д.59. Л.9*]. При этом, большая часть работников, в быту употреблявшая кубанскую «балачку», объявлять себя украинцами не желала, несмотря на несомненные льготы.

Необходимо заметить что проведение «коренизации», т.е. выдвижение на руководящие должности не по заслугам, а по национальному признаку тоже являлось сильнейшим раздражающим фактором. Такого рода «укоренение» у очень многих простых людей вызывало отвращение.

Процесс «украинизации» должен был быть закончен к 1 января 1932 г. Однако 9–10 декабря 1931 г. Президиум краевой КК, в своем постановлении указывал, что, к примеру, в Краснодарском районе (имеется в виду Краснодарский сельский район без г. Краснодара – *И.И.*) фактически эти планы полностью дискредитированы и сорваны. Делопроизводство, ведение бухгалтерии и изучение литературной украинской речи массово игнорировалось. В избах-читальнях к получаемым газетам на украинском языке никто не проявлял никакого интереса. В станицах Нововеличковской, Пашковской, Марьянской, Васюринской, Динской, Новотитаровской работа по «украинизации» неприкрыто и откровенно саботировалась [2. *Ф.20. Оп.1. Д.8. Л.18*].

По мнению президиума Северной районной КК-РКИ, в начале 1932 г. украинизация района проводилась недостаточными темпами. Лишь 30 % организаций района этим занимались. Сельсоветы таких крупных станиц, как Ильская, Северская, Дмитриевская, Дербентская совсем не организовали украинских курсов. Глава Смоленского сельсовета обругал матом назначенного заведующего украинскими курсами, который докучал ему своими просьбами. Школы станицы Северной, в которые было набрано пять украинских групп, начали их обучение на русском языке. Крупные районные организации: Госбанк, Табаксоюз, Райсовпроф и т.д., не торопились перевести делопроизводство на украинский язык. Всё руководство этих организаций было предупреждено, что в случае невыполнения распоряжений райкома, они будут привлекаться к суровой ответственности [2. *Ф.8047. Оп. 1. Д.5. Л.3–3 об.*].

По докладу комиссии, которая обследовала в апреле 1932 г. Северский райпотребсоюз на предмет «продвижения украинской литературы», выяснилось следующее. На первый квартал года план приобретения литературы, несмотря на выделенные средства, был выполнен на 47 %. За несвоевременную подачу заявок, заведующему книжной базой Стрижанову объявили выговор. Партийной фракции райпотребсоюза было поставлено на вид [2. *Ф.8047. Оп. 1. Д.5. Л.61*].

К осени 1932 г. тон официальных организаций, контролировавших проведение этой политики (в данном случае КК-РКИ ВКП (б) района), стал гораздо более жёстким. Президиум Кущёвской районной КК на своём заседании 29–30 сентября 1932 г. рассматривал и обсуждал вопрос «О ходе украинизации и коренизации в районе». Несмотря на определённые достижения в этой области, переход некоторых учреждений на украинский язык, открытие школы педтехникума и т.д., тем не менее, президиум отмечал большие трудности в этой области. Они заключались в непонимании проводимой политики «отсталой частью советских служащих» и местного населения. На руководящие должности

выдвигалось совершенно недостаточно кандидатов, владеющих украинским. Всем районным организациям было велено «дать мощный отпор кулацкой агитации, направленной на срыв украинизации района», как можно быстрее добиться украинизации и коренизации техаппаратов организаций. Ответственному редактору газеты «Колгоспник» Пахолю было приказано немедленно организовать «страничку украинизации района», развернуть широкое освещение проводимых мероприятий, мобилизовав для этого селькоровские круги Кущёвского района.

Для ускорения украинизации и коренизации района предлагалось:

1. Фракции¹ РИКа не позднее 5.10.32 г. произвести полный учёт нацкадров в районе и принять их к сведению при коренизации техаппаратов.

2. С целью подготовки и переподготовки кадров обязать фракции РИКа, секретарей фракций учреждений, секретарей партячеек, комитетов и т.д. организовать 3-х месячные курсы по изучению украинского языка в районе и в украинских сельсовета.

3. Обязать фракции РИКа, РКС, Райсоюза организовать 3-х месячные курсы сов[етского] строительства на украинском языке, по подготовке кадров для сельских организаций на 40 человек.

4. Обязать лично заведующего Районо – Сорокина и др. организовать районную радиопереключку председателей сельсоветов, колхозов, заведующих школами и избами-читальнями, ради и библиотек, по практическим вопросам проведения украинизации района.

5. Не позднее 10.10.1932 г. разработать план по организации сети «кликунктов» украинской неграмотности.

6. Обязать фракцию Райсоюза немедленно приступить к завозу в район украинской и нацменовской литературы.

7. Провести с 15 октября по 15 ноября 1932 г. в районе месячник украинской книги и украинской прессы. Немедленно укомплектовать украинские и нацменовские библиотеки района литературой на родном языке.

8. Обязать секретарей партийных комитетов и МТС как можно быстрее украинизировать и коренизировать свои техаппараты.

Президиум районной КК отметил, как большое упущение, что обслуживание населения государственными учреждениями и организациями по прежнему, несмотря на многочисленные распоряжения, ведется на русском языке. В связи с этим были приняты следующие постановления:

1. За полную бездеятельность в деле украинизации и коренизации Райсоюза и Селью, за проявление «великодержавного шовинизма» (председатель Райсоюза Енгельгард заявлял в присутствии коммунистов, что украинизироваться он не будет, и никто его не заставит), председателю Райсоюза был объявлен выговор и его обязали немедленно приступить к украинизации и коренизации техаппарата кооперативной системы района.

¹ Термин «фракция» подразумевал рабочих и служащих предприятий, организаций и учреждений, бывших членами ВКП (б), и входивших в партийную организацию или партийный комитет данного учреждения.

2. Председателю Райсовпрофа, за необеспечение пропаганды украинизации в среде членов профсоюзов был объявлен выговор.

3. Заведующий Райнарсвязи – Мелихов и заведующий Райзаготзерно – Коняев, выступали с требованием выслать всех украинцев из района. За это они, а так же секретарь фракции РКС – Ефимов и фракции Райсберкасы – Коржов, были категорически предупреждены и обязывались немедленно приступить к украинизации и коренизации техаппаратов возглавляемых ими учреждений.

4. Наложить взыскания на заведующих отделами РИКа, которые не украинизировали техаппарат (т.е. на всех).

5. За посылку отношений и деловой переписки на русском языке в украинские учреждения, а также саботаж проводимых мероприятий среди колхозных масс, председатели сельсоветов: Шкуринского – Виткалов. Полтавчиха – Мишин, Глебовка – Кравцов, получили предупреждения и выговоры. Их обязали немедленно перевести работу техаппаратов на украинский.

6. Фракции Райсовпрофа и Районо обязали организовать сеть кружков по украинизации с расчётом полного охвата всех служащих райучреждений под ответственность парторганизаций и сельсоветов на селе, обеспечить их учителями.

Не позже 15 ноября 1932 г. все исполнители обязаны были доложить в районную КК-РКИ о результатах исполнения [2. Ф.431. Оп. 1. Д.23. Л.128–130].

Особое озлобление работников учреждений и организаций вызывали распоряжения партийных органов о переводе делопроизводства, ведении бухгалтерии, составлении довольно сложных технических отчётов и т.д. сразу на украинском языке, или их переводе с русского на украинский, что отнимало много времени и сил. А самое главное что, по мнению исполнителей распоряжений, эти требования были лишены всякого здравого смысла. В селе Красносельском председатель местного колхоза, некто Богомаз, заставлял секретаря сельсовета сразу написанные на украинском документы переписывать обратно на русском языке, чтобы всем понятно было при прочтении, кричал на него по этому поводу и т.д. [2. Ф.20. Оп. 1. Д.8. Л.18].

Тем не менее, распоряжения комиссий по украинизации, хотя и со скрипом, но выполнялось. Так, в сохранившихся архивных документах некоторых районных комиссий внутрипартийного контроля представлена документация на двух языках. В частности, хорошо сохранились некоторые документы фонда Брюховецкой районной КК-РКИ [2. Ф.4380. Оп. 1. Д. 7. Д.8. Д.17, Д.18], где большинство документов некоторых дел напечатано на украинском языке. Есть подобные документы и во многих других фондах [2. Ф.8265. Оп. 1. Д. Л.17, 18, 20], но они представлены более фрагментарно. Иногда попадаются официальные бланки, на украинском языке, на которых печатались различные выписки из постановлений бюро Краснодарского горкома партии [2. Ф.20. Оп. 1. Д.12. Л.47–48; Д.16. Л.2, 12, 15, 21, 27, 31, 35, 43]. Зачастую бланки составлены на украинском, а заполнены по-русски. Документы Каневской районной КК-РКИ часто имеют печати, проставленные на документах, составленных на русском языке. Но сами печати вырезаны на украинском языке, причем тут же, такие же документы имеют печати, но уже на русском языке [2. Ф.8350. Оп. 1. Д.38. Л.1; Д.39. Л.4; Ф.10581. Оп. 1. Д.6. Л.6, 8, 14, 18, 25; Д.7. Л.4, 5, 6]. Выписки из протоколов, докладов, донесений КК-РКИ на украинском переводились на

русский и заверялись соответственно управделами КК-РКИ [2. Ф.10581. Оп. 1. Д.7. Л.28]. Часто можно встретить документы, напечатанные на машинке с украинским шрифтом, но на русском языке.

С переводом на украинский язык резко падали тиражи газет. Так тираж газеты «Колхозный путь», органа Ейского райкома ВКП (б) уменьшился с 13 до 5 тыс. экземпляров. Это не осталось незамеченным, и уже с конца 1931 г. из краснодарской окружной газеты «Красное знамя» начали исчезать материалы на украинском языке. Проводимая политика зашла в тупик.

Ретивые исполнители политики партии нередко сами были малограмотными и своими действиями лишь вызывали обратный эффект. Исследования современных учёных выявили региональные различия в составах парторганизаций страны. Так Северный Кавказ (наряду с Украиной и Сибирью) отличался преобладанием большевиков с низким образованием (60,3 %) и неопытных (только 3 % из них имели дореволюционный партийный стаж) [11]. Низкий уровень образования и грамотности собственно и был специфической особенностью Северного Кавказа и, наверно, в некоторой степени предопределил неудачу «украинизационных мероприятий», мешая освоению языка (не бытового, а литературного и в первую очередь технического). Эти же выводы были верны и по отношению ко всей остальной массе населения, ведь исследования уровня образования коммунистов того времени являются своеобразным срезом, характеризующим массовый уровень образования населения. Естественно, что среди коммунистов процент более образованных людей был несколько выше.

Трудно сказать, чем руководствовалось правительство, но политика насильственной украинизации была признана ошибочной и вредной. Свою роль в свертывании и ликвидации этой политики, видимо, сыграли и политические факторы. Ряд выступлений против советской власти проходил под знаменами именно национального кубано-украинского возрождения, как внутри страны, так и эмигрантскими кругами за рубежом [9. с. 440].

Целое десятилетие большевики выступали в роли ярых украинизаторов, насильственно навязывая украинский язык местному населению, тем самым, вызвав стойкое отвращение к проводимым мероприятиям у большинства населения, как не имевшего украинские корни, так и имевшего таковые. Теперь же маятник качнулся в обратную сторону: 14 декабря 1932 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР постановили устранить механическое проведение украинизации. Неожиданным было начало проведения украинизации, но ещё более неожиданной была её ликвидация. Был запрещён выпуск почти 20 украинских газет и журналов, прекращалось радиовещание на украинском языке, закрывалось несколько сот школ, упразднялись украинские педагогический и научно-исследовательский институты, все украинские педтехникумы. По специальному указанию были сожжены все украинские библиотеки. Эта дикая акция имела следствием практически полное отсутствие украинских книг и периодики: сохранились считанные экземпляры. Механизм отбора книги, журналов и т.д., подлежащих уничтожению, был разработан заранее.

В начале 1930-х КК стали выполнять и роль литературных цензоров. В качестве примера можно привести ситуацию, сложившуюся в г. Краснодаре.

Президиум краснодарской городской КК, решением от 15.03. 1932 г. постановил: привлечь библиографический актив для создания партийной ячейки краснодарского бибколлектора, с целью оказания помощи в деле изучения идеологически вредной литературы. Ещё не организованной ячейке, сразу же поручалось «разработать технику и методы производства изъятия книг, обратив особенное внимание на контроль своевременного исполнения циркуляров по изъятию всей сети». Было решено ввести при краснодарском библиотечном коллекторе каталог рецензий и аннотаций «социально-вредных» книг, организовать «Бюро изъятий» таковых [2. Ф.20. Оп. 1. Д.10. Л.89–90, 297–297 об.]. Затем, после разгрома организаций, перешли и к конкретным исполнителям. Были репрессированы многие пропагандисты, активисты и деятели украинской науки, культуры, писатели, поэты и т.д. [8, с.81]. Именно этими событиями объясняется волна добровольной русификации традиционных кубанских фамилий, когда они изменялись на русский лад в ЗАГСах. Виновата тут как раз идиотская политика властей, которая вызывала неприятие всего украинского, даже фамилий.

Все эти события проходили на фоне других, ещё более трагичных событий, а именно насильственных хлебозаготовок и начинающегося голода. Нельзя не заметить, что наибольшие потери от коллективизации, раскулачивания, выселений, наконец, голода 1932–1933 гг. понесли местности, населённые казаками-черноморцами (украинцами, по мнению многих современных украинских ученых). Причём большинство районов, где проводилась украинизация, были обложены невыполнимыми заданиями по сдаче зерна государству. Бюро крайкома ВКП (б) совместно с представителями ЦК, ввиду особо позорного провала хлебозаготовок и озимого сева по районам Кубани, своим решением от 4.11. 1932 г., опубликованным в газете «Молот» от 5.11. 1932 г., поставило задачу – сломить саботаж, но самое главное, сломить сопротивление сельских коммунистов. 5.11. 1932 г. на заседании президиума краевой КК ВКП (б) было заслушано сообщение её руководителя С. А. Новосёлова и секретаря партколлегии ЦКК ВКП (б) М. Ф. Шкирятова. В сообщении говорилось, что ЦК снизил для Северо-Кавказского края план хлебозаготовок на 59 млн. пудов, и что оставшийся план вполне реален и, безусловно, выполним. Всем районным, областным и городским КК-РКИ было предложено провести в отстающих районах чистку-проверку обслуживающего персонала крупнейших отстающих колхозов (завхозы, кладовщики, учётчики и т.д.), с целью освобождения этих должностей от чуждых, классово-враждебных и преступных элементов. Чистку предполагалось закончить не позднее 1 декабря 1932 г. в кубанских районах, и к 1 января 1933 г. в остальных районах края. Местная пресса и журналы требовали покончить с кулаком, выполнить хлебозаготовки. Иногда целые выпуски были посвящены этой теме. Районные КК-РКИ призывались показать себя боевым органом партии и возглавить уничтожение саботажа [4].

Всего к первоочередной чистке было намечено 19 районов (Армавирский, Брюховецкий, Ейский, Каневской, Кореновский, Краснодарский, Кропоткинский, Курганенский, Куцёвский, Лабинский, Отраденский, Новопокровский, Невинномыеский, Павловский, Славянский, Староминской, Тихорецкий, Тимашевский, Усть-Лабинский) [2. Ф.10587. Оп.1. Д.22. Л.37]. В большинстве из

перечисленных районов как раз и проводились украинизационные мероприятия. В помощь этим 19 районным КК были посланы работники краевой КК сроком на две недели, для оказания помощи в проведении чистки [Там же. л. 32–40].

По имеющимся косвенным свидетельствам, именно начало этой целевой партчистки, направленной в первую очередь на усиление хлебозаготовок, послужило также началом проведения массовых репрессий и против активистов, общественных деятелей и партийных функционеров, проводивших политику украинизации на Северном Кавказе. Выявление и расследование деятельности активных проводников этой политики осуществлялось не только органами ОГПУ, но и с помощью аппаратов районных контрольных комиссий ВКП (б). Ведь все проводники, как правило, являлись партийными и советскими функционерами, а значит их дела, в первую очередь попадали в сферу повышенного внимания именно внутрипартийного контроля. Многие партийные деятели, проводившие украинизацию, были сняты со своих постов и арестованы. Некоторым партийным функционерам даже были предъявлены обвинения в проведении политики сепаратизма, украинского и кубано-украинского национализма. Бездарное и жестокое окончание проводимой много лет партийным руководством политики украинизации дало в руки козырь украинской националистической эмиграции. В дальнейшем они утверждали, что прекращение этой политики явилось своеобразным предвестием, или началом геноцида украинского народа, осуществленного с помощью искусственного голода 1932–1933 гг. Голода, направленного против Украины и населённых украинцами местностей Северного Кавказа, тогда как «собственно русские земли не знали голода» [10, с. 49, 51]. Самым парадоксальным в этом вопросе являлся тот факт, что эти самые, «населявшие некоторые местности Северного Кавказа украинцы», искренне считали себя русскими. Хотя были очень малочисленные сторонники и поборники «национального кубано-украинского возрождения» на Кубани, и представленные более широко круги кубанской белоказачьей эмиграции. Оторванные от реальности, именно они в своих изданиях доказывали, что население Кубани «ведет упорную борьбу за ридну школу» против «большевиков-русификаторов». Хотя приведенные факты свидетельствуют, что целое десятилетие (1922–1932 гг.), особенно к концу периода, большевики как раз выступали в роли ярых украинизаторов [9, с. 440].

Как известно, современное политическое руководство Украины усиленно проводит в своей стране политику украинизации. Русский язык изгоняется из всех сфер жизни, и это притом, что он является родным для доброй половины населения. Проводятся политические акции типа «Соотечественник, говори по-украински», которые пользуются финансовой поддержкой государства, организуется мощная пропагандистская компания на телевидении и в прессе. Примеры таких кампаний были уже в советской истории, как описанные события на Кубани, и заканчивались они массовым и упорным сопротивлением местного населения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Краснодарского края.
2. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).
3. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986.
4. Пролетарский контроль. Ежемесячный бюллетень рабочего РКИ-ского актива Северо-Кавказской краевой РКИ. Октябрь-Ноябрь, 1932 г. № 10–11.
5. Червона газета. № 105. 2 жовтня 1931 року. Крайова газета Північно-Кавказького крайкому ВКП (б). Рік видання 6-й. Номер газети знаходиться: ЦДНИКК. Ф.11 380. Оп. 1. Д.21. Л.20.
6. *Александрова В.П.* История станицы Полтавской (Красноармейской). 2002. С.77–78.
7. Голод по-большевистски: Организаторы и вдохновители // Родина. - М., 2007. - № 8. С.82–89.
8. История Кубани XX век: Очерки / Под общ. ред. В. Е. Щетнёва. Краснодар, 1998.
9. *Куценко И.Я.* Кубанское казачество. Краснодар, 1993.
10. *Мерль Ш.* Голод 1932–1933 годов – геноцид украинцев для осуществления политики русификации? // Отечественная история, 1995. № 1. С.49, 51.
11. *Тяжельникова В.С.* Состав партийных организаций в конце 20-х годов (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 75–77.

Приложение 1.

Выводы и предложения по вопросу о состоянии работы по украинизации Ейского района. Протокол № 2 заседания президиума Ейской районной КК* ВКП(б) и коллегии РКИ от 16.01. 1932 года***.**

С целью осуществления постановлений партии и правительства, для успешного проведения украинизации советского аппарата и культурно-просветительных учреждений в Ейском районе Северо-Кавказского края, необходимо провести следующие мероприятия:

1. Мобилизовать внимание советской общественности на дело украинизации соваппарата и культурно-просветительских учреждений, имея в виду, что дальнейшее широкое развертывание украинизации в условиях обострения классовой борьбы неминуемо вызовет обострение борьбы против украинизации со стороны шовинистических и классово-враждебных элементов. Поэтому нужна систематическая плановая работа в области проведения украинизации и уделения

* Контрольной комиссии.

** Рабоче-крестьянской инспекции.

*** ЦДНИКК. Ф.439. Оп. 1. Д.62. Л.19–22.

особенного внимания руководителями соваппарата и профсоюзных организаций в деле втягивания широких масс в работу по украинизации...

Украинизация должна практически осуществляться в повседневной работе всех учреждений и организаций района, обслуживающих украинское население.

2. Всем руководящим учреждениям и профсоюзным организациям необходимо принять решительные меры в деле скорейшего изжития имеющихся значительных трудностей, как-то:

а) ограниченные возможности в выделении средств на проведение украинизационных мероприятий.

б) недостаток культурных сил и средств.

в) наличие сопротивления буржуазных и мелкобуржуазных элементов в районе.

г) оттяжки и сопротивление украинизации со стороны значительной части русскогo (здесь имеются в виду в основном казаки – *И.И.*) и других неукраинских групп служащих советского аппарата.

Дело по району, пока, не приняло нужных размеров. Подготовка украинских кадров по району сводится на нет. Выпущенные курсы по району дали негативный результат. Записывалось на курсы 150 человек, а выпущено было 26 человек. В станицах курсовая работа отсутствует вовсе, как и разъяснительная работа среди членов профсоюза, нет конкретных планов украинизации по отдельным учреждениям района. Нет заинтересованности со стороны сельсоветов в культурно-просветительских точках, могущих способствовать украинизации (библиотеках, избах-читальнях, кинопередвижках и т. д.). Не применяются методы ударничества и соцсоревнования по украинизации. Совершенно отсутствует методическая работа со стороны РайОНО. Продолжается игнорирование со стороны ряда учреждений района (Райзo, Райсоюз, Союзхлеб. ОНО и др.).

Отмечается извращение правильности украинского языка в колхозах и среди колхозников. Причем эти извращения имели место в районной газете, на украинских вывесках, в штампах и бланках и т.д., что являлось следствием недостаточного знания украинского языка сотрудниками соваппарата... Слабо продвигалась популярная украинская книга в массы. Магазины были завалены украинской литературой, которой в районе скопилось на 2500 рублей. Колхозные организации не продвигали в массы украинские газеты, отсутствовали украинские учебники. Самое главное, отсутствовало массовое, коллективное усвоение украинского языка.

Было предложено всем руководителям кооперативных и профсоюзных, а также иных организаций следующее:

1. Всем учреждениям составить планы работы по украинизации их учреждений и предоставить их до 28.01. 1932 г., согласно схеме, разработанной Ейским РИКОМ (районным исполнительным комитетом. – *И.И.*).

2. Устранить обезличку украинизации, возложив персональную ответственность за её проведение на руководителей учреждений.

3. Отобрать письменные обязательства сотрудников на их переход в определённый срок на украинский язык («путём (его) изучения по линии самообразования»). Проверять степень выполнения взятых обязательств, прибегая, в крайнем случае, к взысканиям, вплоть до увольнения с работы, с занесением мотива увольнения в трудовые списки (так в то время назывались трудовые книжки – *И.И.*).

4. Организовать в г. Ейске 3-х месячные курсы, рассчитанные на 150 часов, обеспечив их средствами за счёт учреждений, профорганов и дотаций местного бюджета.

5. Предложить всем руководителям районных учреждений предоставить к 28.01. 1932 г. в РайОНО списки сотрудников, подлежащих зачислению на курсы, чтобы уже с 05.02. 1932 г. они начали функционировать. Усилить снабжение курсов учебными пособиями, тетрадями, учебниками и т.д. Укомплектовать их более постоянным лекторским персоналом. Смету организованных курсов утвердить в сумме 7900 рублей, за счёт охваченных курсами учреждений, а их руководителей обязать внести в кассу РайФО, на счет курсов по 22 рубля за каждого учащегося в срок до 01.02. 1932 г.

Поскольку в своей работе предприятия, организации и учреждения искажали украинский язык, президиум Ейской районной КК-РКИ предложил организовать (немедленно) при РайОНО специальное районное бюро украинизации. Его задачей становилась проверка в 10-дневный срок правильности вывесок, штампов и бланков, внесение в них поправок и в дальнейшем проверка их правильности уже на этапе изготовления, постоянно. Бюро поручалось организация и проведение консультаций учреждений по вопросам украинской терминологии, номенклатуры и фразеологии украинского языка.

6. Издать русско-украинский фразеологический справочник для работников украинизируемых учреждений, объемом 1,5 печатных листа, тиражом от 800 до 1000 экземпляров, в популярном виде.

7. В связи с переходом системы образования на обязательное школьное образование, РайОНО обязывалось укомплектовать свой аппарат инструкторами, владевшими украинским литературным языком для руководства школами I-степени и ШКМ (школа молодёжи – *И.И.*).

8. Предложить районным организациям вести всю переписку с подведомственной им периферией только на украинском языке, не принимая от них переписки на русском языке.

9. Категорически обязать РайОНО с 01.02. 1932 г. издавать журнал «За качество работы» на украинском языке.

10. Обязать РайОНО дать категорические указания на места об украинизации работы в избах-читальнях, красных уголках, библиотеках, ликбезах, стенгазетах и т.д.

11. Ввести в качестве обязательной дисциплины, на всех курсах в Ейском районе, предмет «украинский язык», из расчёта не менее 30 лекционных часов на курсах продолжительностью один месяц.

12. Предложить педтехникуму украинизировать всю работу и перейти на украинский язык.

13. Обязать заведующего районным отделением «Союзкино» в декадный срок завести в район украинские фильмы (т.е. с украинскими титрами. – *И.И.*).

14. Обязать РайОНО, Колхозкину, и книжный магазин Крайсоюза обеспечить завоз новейшей украинской литературы, и в месячный срок укомплектовать ею библиотеки района.

15. Президиум районной КК строго предупредил партячейки станиц Старощербиновской, Должанской, Глафиоровской, Шабельской, а также рыбколхозов Должанского и Камышеватского, что в случае невыкупа предназначенной для них украинской литературы, они понесут строгую ответственность. В отношении же секретаря Камышеватской партийной ячейки, который вернул обратно предназначенную для станицы украинскую литературу, было возбуждено партийное расследование его деятельности.

16. Проверить степень знания украинского языка работников совпарата, по окончании ими 3-х месячных курсов (это дело поручалось вновь организованному бюро украинизации).

17. Опубликовать данное решение в городской страничке (городская малоформатная газета, орган районного комитета ВКП(б). – *И.И.*) на русском языке и в районной газете на украинском языке.

* * *

Кроме того, президиум Ейской районной КК-РКИ ВКП(б), своим решением от 17.02. 1932 г. постановил следующее: Педтехникуму, в целях изменения национального состава (учащихся) техникума, для решения задач по обеспечению района украинскими педагогическими кадрами, необходимо предпринять следующее:

1. Чтобы при приёме осенью 1932 г. нового набора, в общий состав студентов вошло бы не менее 75 % украинцев.

2. Администрации педтехникума обязательно провести полную украинизацию работы в срок до 1 мая 1932 года^{*}.

Приложение 2. *

Приклад Протоколу
Президії Рай КК-РСІ
ч 1 8/1 - 32 р.

У Х В А Л Е Н Н Я.

Про хід Українізації по організаціях та установах Сіверського Району.

1. Константувати, що термін даний РК ВКП/б/ та РВК був достатній для переведу на українське діловодство всіх організацій та установ але переведено всього установ та організацій на 30%.

2. Відмітити, що головним гальмом в частині виконання постанови про українізацію з'явилися слідуєчі організації: Райколгосп, Держбанк, Райспоживспілка, /С/ ради: Озовська, Григорівська, Колузька, Смоленська, Кріпосна та Ільська де в великій мірі між співробітниками панує великодержавний шовінізм.

3. Ільська, Дербенська, Дмитрівська і Сіверська С/ради та Райспоживспілка, зовсім відмовилися від організації та відвідування українських курсов чим і зірвали своєчасне виконання постанови РК ВКП/б/ та РВК.

4. Відмітити апортуністично-махрове ставлення до українізації

^{*} Там же...Л.81. К сожалению, в документах не указано точно название техникума, где он располагался. По всей вероятности это был недавно открытый Ейский педагогический техникум.

голови Смоленської С/Р, котрий на вимову призначеного зав. укр. курсами тов. Милого дати допомогу в організації вилаяв його матом, Голова Сіверської С/Р до цього часу не відчинив укр. курсів в своїй станиці не звертаючи на цілий ряд вимог як з боку районних організацій, а також і співробітників.

5. Незвертаючи уваги на постанову Сіверська зразкова ШКМ, Сіверська СГШ, п'яті групи не українізувала з початку учебного року, а проваде навчання на російській мові.

Президія КК РСІ на підставі цього пропанує:

1. Всім організаціям, установам, головам С/р, та головам колгоспів з П/І - 32 р. перевадити роботу укр. курсів з 8-годин ранку до 10-г. з таким розрахунком, щоб службовцям котрі відвідують курси зарахува-** як роботу на службі 1-годину.

2. Установити чергування по всіх установах, поклавши на чергових відповідальність за відвідування курсів та за тим щоб ні жодного службовця не допускали в устанovu під час роботи курсів.

3. Райрадцговіру та РВНО пропанувати забезпечити викладачами всіх знов організуємих курсів буде не менше 35 - слухачив, а також по вимозі окремих організацій надсилати викладачів.

4. Всім С/р. пропанувати негайно перейти на українське діловодство, що-б забезпечити виконання постанови РК ВКП/б/ та РВК.

5. Всім С/радам та організаціям пропанується негайно в 24-годинний термін організувати укр. гуртки з розрахунком охоплення всіх співробітників***, а там де їх організовано закріпити, одночасово повідомити РВНО про кількість слухачив та хто відповідальний за курси.

6. РВНО пропанувати взяти читке керуництво укр. курсами, маючи повсякчас точне п'ятиденне зведення про хід роботи та відвдування.

7. Особої комісії при всіх організаціях, установах та С/радах до-биваючись читкого виконання плану своєї роботи.

8. Винести догану тов. Колдобському /Держбанк/ та Іванову /Райтю-тюн/ за ігнорування постанови РК ВКП/б/ та РВК в галузі українізації апарату.

9. Прохати Райрадпроф про негайну дачу деректів по профспілок про перехід на українське діловодство.

10. Пропанувати станичним РСІ організувати по всіх С/р бригади для перевірки справи українізації, утворивши щоденне спостереження за ходом роботи в випадках невиконання постанови оформляти матері-яли з метою**** притягнення винних до відповідальности.

11. За переведення українізації по районних організаціях та установах***** покласти персональну відповідальність на тов. Евстратенко, Вашенко та Новікова докріпивши до курсів по укрмові при укр. школ тов. Евстратенко, до Райколгоспу та десжбенку, тов. Вашенко до курсів при зразковій школі І-го ступня***** тов. Новікова.

 МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель сего Петрpole Терп. Влад
 родивш имя в 19 14 году апрель
числ. 1 числа 1 обучался с 19 27 года
 в 19 30 год в Славянской школе
в станице Славянской и окончил ее в 19 30 году.
 В течение курса обучения Петрpole приобрел
 знания и навыки в объеме курса, установленного программой
 НКП для Всесоюзной школы по
 следующим предметам:

<ol style="list-style-type: none"> 1. Обществуведению 2. Родному языку 3. Математике 4. Естественному 5. Химии 6. Физике 7. Географии 8. Иностранному языку 	(всесоюзной программы)	<ol style="list-style-type: none"> 9. Труд. а) в _____ школы, маст. б) на земельном участке 10. Изобразительным искусствам 11. Музыке и пению 12. Физкультуре 13. _____ 14. _____
---	------------------------	---

Участвовал в следующих видах общественно-полезной работы внутри и вне школы

1. Кружки и шашки
2. в общ. трудовые работы внутри и вне
3. школы
4. _____

За время пребывания в школе обнаружил особую склонность к _____

Настоящее удостоверение выдано Школьным Советом Славянской
 школы на основании постановления Совета
 от 19 30 года июль месяца 12 числа.

№ 457 З.А. Субботинский Школьный Совет
 От Слав. Руд. Окр. Член Школьного Совета
13 июля 1930 г. Секретарь Школьного Совета В.И.И.

Удостоверение об окончании школы II степени. Станица Славянская Кубанского округа. 1930 г. Среди предметов есть: родной язык (не указано какой именно, но школа подлежала украинизации) и украиноведение. Фото из музея ККИДППО (Краснодарского краевого института дополнительного профессионального педагогического образования).

Станица Тимашевская, Кубанского округа. Тимашевская опорная школа. Агрокомбинат. Урок в лаборатории. 1928 г. ГАКК. Нег. № 0-10838.

Красный обоз муки, организованный ячейкой ВЛКСМ и учащимися школы II ступени станицы Екатериновской. 03.11.1929 г. Кубанский округ. Северо-Кавказский край. Школа с обучением на украинском языке. ЦДНИКК. КФ. Оп.1. Д.1189.

12. Пропанувати всім організаціям, установам та станрадам перевести на укр. мову всі вивіски, штампни та печатки на укр. мову в давши остаточний термін 15-го січня.

Всіх керівників організацій та установ, а тако-ж і голов С/р попереджати, що за невиконання постанови РК ВКП/б/, РВК по питанням***** українізації, а тако-ж цього будуть притягаться до суворой відповідальности.

* Документ печатається с сохранением орфографии оригинала. В машиннописном тексте отсутствуют украинские буквы с, ї. Они заменены буквами з, і. Источник: ЦДНИКК. Ф. 8047. Оп. 1. Д. 5. Л. 3–3 об.

** зарахувати. *** співробітників. **** метою. ***** установах.
***** ступеня. ***** питанням.

Курси військової підготовки вчителів Ільського кушта 3–5 травня 1932 року.
ГАКК (Государственный архив Краснодарского края). Нег. № 0-13140. Станица
Ильская, Северского района Северо-Кавказского края. Курсы военной подготовки
учителей Ильского кушта 3–5 мая 1932 г.

ГОЛОДОМОР 1932-1933 РР. НА КУБАНІ

У День соборності ми завжди згадуємо, що живемо в державі, що розкинулася на площі в 604 тис. кв. км. Це істотно більше за територію будь-якої іншої європейської країни. Звісно, Україна менша за Росію й Туреччину, але ці держави, суворо кажучи, не європейські, а євро-азійські. І все ж таки за межами України залишився цілий ряд територій, що примикали до неї, в яких ще на пам'яті старшого з нинішніх поколінь, українці становили більшість населення. А тепер на цих територіях, що є частиною Румунії, Словаччини, Польщі, Білорусі та Росії, українців залишилося зовсім мало. Більшість їх асимільована, якась частина була навіть депортована. Говорячи про те, що все населення українських земель тепер об'єднане в одній державі зі столицею в Києві, не треба забувати про це.

Найбільшою у втраченому масиві українських етнографічних земель і за територією, й за населенням є Кубань. Тепер це Краснодарський край Російської Федерації. Гадаю, що розповідь про загибель української Кубані ніхто не сприйме як спробу реанімувати висловлені в 20-ті роки харківським компартійно-радянським центром претензії до Російської Федерації. Які, можуть бути територіальні претензії, якщо доводиться говорити про загибель української Кубані майже три чверті століття тому? Однак завжди слід пам'ятати про те, як вона гинула.

Ухвалений Верховною Радою закон про Голодомор як геноцид розділив, на жаль, громадян України. Одночасно він став додатковою проблемою в непростих українсько-російських відносинах. Це відбувається через незнання самої суті проблеми Голодомору, через невміння відділити його від голоду 1932-1933 рр. в інших регіонах Союзу.

Звісно, Сталін використав зброю голоду для знищення українців. Однак не треба робити наголос на етнічній складовій Голодомору, бо тим самим ми перекладаємо провину за це лиходійство з купки кремлівських покидьків на Росію й російський народ. Фактично ж, терор голодом був спрямований не проти етнічних українців, а проти громадян України – найбільшої національної республіки Радянського Союзу на кордоні з Європою, яка в ситуації 1932-1933 рр. ось-ось готова була скинути з себе нестерпний тягар кремлівської диктатури. Організатором цієї небаченої терористичної акції була аж ніяк не державна партія (в якій я сам перебував 40 років). Кампанію з вилучення в селах УРСР і Кубані всіх продовольчих запасів, накопичених селянами й козаками до нового урожаю, запланували й здійснили лише декілька людей, які боялися, що їх змете з насиджених місць на вершині влади народний гнів. Вони ж визначали заготівельну політику в усіх регіонах СРСР, коли три роки поспіль, починаючи з першої колгоспної осені 1930 року, хліб брали з кров'ю, доводячи селян до голоду з численними смертними випадками. Чому ж держава й партія виявилися іграшкою в руках цих покидьків? Питання не до мене: першим попередив про небезпеку своє оточення фундатор партії, доктрини й цієї самої держави.

Розумінню суті Голодомору заважають наші сталі уявлення про Радянський Союз. Люди на всьому пострадянському просторі пам'ятають цю країну такою, якою вона стала після Великого голоду 1932-1933 рр. і Великого терору 1937-1938 рр. Але до подій 20-х і початку 30-х рр. слід застосовувати критерії, що відповідають об'єктивній реальності тих років. Тоді Радянський Союз ще був союзом держав, а не централізованою державою. Сталін був тоді не диктатором, а одним із вождів, становище якого в Кремлі ставало хитким через вкрай гостру соціально-економічну кризу, викликану його ж політикою «підхльостування» темпів індустріалізації. Ілюстрацією гостроти цієї кризи був голод 1932-1933 рр. майже в усіх регіонах країни.

Викладені вище вступні зауваження потрібні для розуміння того, що сталося з українською Кубанню на початку 30-х рр. Розуміння кубанської трагедії допоможе зрозуміти й інше: терор голодом був спрямований проти громадян Української держави, яка народилася 1917 року, була розгромлена більшовиками, але відродилася в оболонці радянської республіки. Генсек був досить розумним, аби зрозуміти просту істину: радянська оболонка здатна приховувати антирадянський зміст. Зрештою, Кремль усе-таки втратив Україну 1991 року, коли її комуністична верхівка озброїлася антирадянською символікою УНР, щоб здобути для себе свободу.

Неможливо відділити голод у УРСР від кубанського, це один і той же Голодомор. Однак голод в УРСР уже має колосальну літературу, а кубанський усе ще залишається багатомовною «білою плямою». У цій статті мова піде саме про кубанський голод. Але розповіді про загибель української Кубані має передувати довідка про її народження.

У другій половині XVIII ст. прилягаючі до Чорного та Азовського морів степи увійшли до складу Російської імперії. Найкращі у світі чорноземні землі, що ніколи не знали плуга, межували з перенаселеною Україною. Тому українські хлібороби активно освоювали пустинні райони Дикого поля. Вирішальну роль у колонізації степових просторів Північного Кавказу зіграли козаки, передусім – запорозькі.

1775 року Катерина II наказала ліквідувати центр поглиненої імперією держави гетьмана Богдана Хмельницького – Запорозьку Січ. Частина козаків вдалося втекти від переслідування й заснувати у володіннях турецького султана Задунайську Січ. Інші під час чергової російсько-турецької війни були організовані 1788 року в Чорноморське козацьке військо й оселилися між Південним Бугом і Дністром. Після цієї війни Катерина приєднала до імперії частину Північного Кавказу та перевела чорноморських козаків на Кубань. Тут вони на подарованих землях заснували 40 курінних селищ і адміністративний центр, названий Катеринодаром (тепер Краснодар).

З 1792 року й до селянської реформи 1861 року на Кубань переселялися лише козаки: Чорноморське козацьке військо, Азовське козацьке військо, «малоросійські» козаки і т.д. Усього було переселено в організованому порядку до 150 тис. осіб [10, с.3]. Більшою мірою, ніж інші регіони колонізації, Кубань набула характеру української етнічної території. Але прагнучи приглушити національне забарвлення козацького краю, царський уряд провів 1860 року адміністративну реформу: до чорноморців була приєднана територія, населена

переважно нащадками донських козаків та російських однодворців – Кавказьке лінійне козацьке військо. Об'єднане козацьке військо назвали Кубанським.

У травні 1862 року царський уряд ухвалив закон «Про заселення передгір'я західної частини Кавказького хребта кубанськими козаками й іншими переселенцями з Росії». Закон допускав приватну власність на землю й поселення осіб некозацького стану на військових землях. Це дало поштовх до масового переселення звільнених від кріпосної залежності селян на Кубань. Так у Кубанській області з'явився новий стан: іногородні.

Переселенська політика царизму виявилася ефективною, що було засвідчено Всеросійським переписом населення 1897 року. Найбільш активно Кубанська область в тих кордонах заселялася вихідцями з України: 45% від усієї кількості переселенців, 377 тис. осіб обох статей. З цієї кількості Лівобережжя дало 249 тис. переселенців, три південні губернії – 107 тис., а Правобережжя – лише 21 тис. [10, с.15]. Перепис 1897 року показав, що сукупна кількість іногородніх за 35 років майже зрівнялася з козацьким населенням області. Усього на Кубані тоді проживало 1923 тис. осіб, в тому числі на військовій території – 1489 тис., проти 393 тис. 1861 року. [10, с.17].

У кубанському суспільстві існували дві групи протиріч – станові (між добре забезпеченими землею козаками й малоземельними іногородніми) та національні (між чорноморцями та лінійцями). Царизм слідував віковому правилу володарів, які бажали без особливих зусиль контролювати ситуацію: «розділяй і володарюй». Одночасно розвиток ринкових відносин формував третій розлом усередині кубанського суспільства – класовий.

Ці протиріччя чітко проявилися в подіях 1917-1920 рр. Кордони Української держави визначалися за ознакою чисельної переваги українців в тій чи іншій місцевості. Однак ні Центральна Рада, ні гетьман П. Скоропадський, ні Директорія не змогли приєднати Кубань до України. Зате білогвардійським генералам вдалося використати десятки тисяч чорноморців в ролі «гарматного м'яса» в громадянській війні. Чимало їх загинуло, чимало змушено було емігрувати.

Після утворення СРСР Кремль розпочав кампанію коренізації, метою якої було вкорінення радянської влади в національних республіках і районах. Райони з переважанням певної національності отримували статус національних. Адміністративна діяльність, викладання в школах і засоби масової інформації переводилися на мову цієї національності. Зокрема, в УРСР виникли польські, німецькі, болгарські й інші райони. У масштабах усієї України розгорнулася кампанія українізації.

Коренізація в поєднанні з адміністративно-територіальною реформою поставили на порядок денний питання про коригування міжреспубліканських кордонів. 1923 року уряд УРСР почав клопотання про приєднання до республіки повітів, що примикали до неї, й волостей Курської та Воронежської губерній з переважно українським населенням. На неофіційному рівні йшлося й про приєднання Кубані, але поставити це питання офіційно українське керівництво не наважилось. Зате влада Північного Кавказу висунула зустрічну вимогу про передання їй Шахтинського й Таганрозького округів УРСР.

Рішення про коригування кордонів України, Білорусі та Росії було прийняте в жовтні 1925 року. Україна зробила заявку на приєднання суміжних територій з населенням 2051 тис. осіб, але отримала лише територію з населенням 278 тис. осіб (Путивльський повіт і деякі прикордонні волості). Одночасно вона втратила території з населенням 479 тис. осіб (в основному Таганрозький і Шахтинський округи) [6, с.58, 156–157].

У грудні 1926 року в СРСР був проведений перепис населення. Він показав, що в Росії були прикордонні з Україною території, де переважало українське населення. Чисельність українців у них становила 2733 тис. осіб. Зокрема, в Краснодарському районі нараховувалося 103 тис. українців (84% усього населення), Таганрозькому окрузі – 192 тис. (72%), Кубанському окрузі – 915 тис. (62%). Сукупна кількість українців у Північно-Кавказькому краї дорівнювала 3107 тис. (37% усього населення) [11, с.138–139].

Не чекаючи опублікування повних даних перепису, керівництво України з ініціативи Миколи Скрипника повернулося до проблеми українсько-російського прикордоння. В архівній справі політбюро ЦК КП(б)У зберігся протокольний запис від 21 травня 1927 року за підписом генерального секретаря Л. Кагановича: «У зв'язку з тим, що минулий Всесоюзний перепис дасть вичерпні дані, визнати необхідним поставити питання в ЦК ВКП про приєднання до України прикордонних районів з більшістю українського населення. Просити ЦК ВКП(б) утворити спеціальну комісію» [2, Ф.1. Оп.20. Спр. 2673].

ЦК ВКП(б) з комісією не поспішав, вважаючи питання про коригування кордонів вичерпаним. Однак М. Скрипник продовжував бити на сполох. Головним для нього було аж ніяк не збільшення території республіки за рахунок сусідів, а надання можливості українському населенню не розчинитися в інонаціональному середовищі. Вивчаючи матеріали перепису, він бачив, що українці Північного Кавказу поступово втрачають свою мову та культуру. У Кубанському окрузі українцями визнали себе 915 тис. чоловік, але лише 729 тис. заявили, що рідною для них є українська мова [4, с.322]. У травні 1928 року М. Скрипник знову звернувся до політбюро ЦК КП(б)У з офіційним поданням. У ньому говорилося, що русифікація мільйонів українців за межами УРСР не відповідає «здійснюваній нами правильній лєнінській національній політиці й послаблює її революційний вплив на пригноблені маси Західної України, Буковини, Бессарабії». Прошу звернути увагу: нарком освіти УРСР у завуальованій формі порівняв русифікацію українців у Росії з політикою колонізації населення Західної України Польською державою та політикою румунізації в Буковині й Бессарабії. До цього переліку не увійшла Закарпатська Україна, бо чеський уряд не сприяв асиміляції населення.

Записка Скрипника була розглянута в Політбюро ЦК КП(б)У. Кагановичу, Чубарю й Скрипнику було доручено відредагувати її й адресувати в ЦК ВКП(б). Редагування записки звелось до того, що зникли претензії на ті частини Північно-Кавказького краю, в яких українці становили більшість населення. Каганович знав, що Сталін реагував на рядок із гімну УНР, у якому називалися етнографічні кордони України («від Сяну до Дону»), як бик на червоне. Разом із надісланою запискою Каганович направив особисте послання Сталіну, в якому просив поставити на закриті засідання секретаріату ЦК ВКП(б) питання «про передання

УРСР повітів з більшістю українського населення Курської та Воронежської губерній, у зв'язку з районуванням Центрально-Чорноземної області» [1. - Ф.81. - Оп.3. - Спр.120. - Арк.57]. Претензії офіційного Харкова на територію Російської Федерації залишилися незадоволеними. Американський історик Террі Мартін у книжці про Радянський Союз цитує виявлену ним у архіві репліку Сталіна, яка пояснювала позицію Кремля: «Ми в ЦК двічі вивчали питання й залишили без наслідків. Ми маємо бути особливо обережними, бо такі зміни провокують колосальний опір з боку деяких росіяян» [12. р.280–281].

Тяжба про кордони зіграла позитивну роль у розв'язанні зовсім іншого питання: про українізацію Кубані. Зрештою М. Скрипник домагався тільки того, щоб українці Північного Кавказу не втратили свою мову та культуру. Він діяв у руслі офіційної політики коренізації, ухваленій керівництвом партії 1923 року. Сталін розумів, що політика українізації має для Кремля як плюси (вкорінення радянської влади), так і мінуси (національне відродження). Однак він усіляко підтримував цю політику, діючи через Кагановича й Скрипника, бо мав особистий інтерес. У запеклій боротьбі за владу, яка точилася в Кремлі в 1923-1928 рр., для нього була життєво важливою підтримка величезної партійної організації України. Уродженці України Лев Троцький та Григорій Зинов'єв (нинішній Кіровоград у 1924-1934 рр. називався Зинов'євськом) не отримали такої підтримки. Сталін її отримав.

Незважаючи на затятий опір керівництва Північно-Кавказького краю, яке побоювалося появи на своїй території другої України, справа з українізацією зрушила з мертвої точки. У грудні 1928 року крайком затвердив трирічний план українізації всіх 37 районів з переважно українським населенням [12. р.289]. 19 районів, що підлягали українізації на Кубані, становили основну територію Кубанського округу. Саме тут українізація значно випереджала затверджений план, що неприємно здивувало Сталіна. Домігшись повного особистого контролю над складом політбюро ЦК ВКП(б), він перестав потребувати підтримки українських комуністів. Якщо Кубань ставала другою Україною, вона мала розділити долю УРСР.

22 жовтня 1932 р. Сталін вирішив направити на Північний Кавказ хлібозаготівельну комісію на чолі з Кагановичем. До складу комісії увійшли заступник голови Комітету заготівель М.Чернов, нарком постачання А. Мікоян, заступник голови ОДПУ Г. Ягода, заступник наркомвоєнмора Я. Гамарнік, член колегії наркомата РСІ М. Шкірятов, секретар ЦК ВЛКСМ О. Косарєв. Мета комісії, яка була сформульована Кагановичем і затверджена в протоколі політбюро ЦК ВКП(б) від 1 листопада, визначалася двома пунктами:

– «доручити всій групі товаришів спільно з крайкомом виробити заходи з посилення хлібозаготівель по Північному Кавказу, особливо – на Кубані, та безумовного виконання плану озимої сівби;

– основне завдання зазначеної групи товаришів – виробити і провести заходи зі зламу саботажу сівби та хлібозаготівель, організованого контрреволюційними куркульськими елементами на Кубані» [3. с.250].

Північний Кавказ розглядався як цілісний регіон тільки тому, що входив до складу Російської Федерації на правах окремого краю. Він складався з 11 округів, які дуже відрізнялися один від одного природними умовами, структурою

економіки і складом населення. Діяльність надзвичайної комісії Кагановича призвела до загибелі від голоду сотень тисяч жителів Північного Кавказу. Тому до кожного слова у наведеній вище постанові політбюро ЦК ВКП(б), з якої й розпочався відлік цих жертв, треба поставитися з особливою увагою. Якщо проаналізувати постанову під кутом зору співвідношення між частиною (Кубань) і цілим (Північно-Кавказький край), то виявиться, що частина явно домінує. У першому абзаці посланці Сталіна повинні були спілкуватися з крайкомом ВКП(б), і тому в сферу інтересів «групи товаришів» потрапив весь край, хоча й тут підкреслюється: «особливо – на Кубані». В другому абзаці формулюється основне завдання «групи товаришів» – злам саботажу сівиби і хлібозаготівель. Якраз тут територія, на якій повинна була розгортатися діяльність надзвичайної комісії, визначена однозначно: Кубань.

Чому складалося саме таке співвідношення між частиною і цілим? Сталінська команда інтернаціоналістів визнавала тільки один пріоритет в репресивній політиці – класовий. Він чітко простежується і в наведених формулюваннях постанови про утворення надзвичайної комісії: саботаж нібито організували контрреволюціонери-куркулі, хоч заможні селяни, яких радянська влада затаврувала цими словами, були виселені ще у 1930-1931 рр. в малопридатні для життя регіони СРСР.

Національна складова репресивної політики ретельно маскувалася. Наприклад, на засіданні бюро крайкому ВКП(б) 23 листопада Каганович так само чітко визначав географічні пріоритети надзвичайної комісії, але пояснював їх фальшивими аргументами: «Не треба брати Північний Кавказ в цілому. Адже північна частина план сівиби виконала. І хліб здала краще. Весь тиск треба зосередити на Кубані... Ваша виключна увага повинна бути прикута до районів Кубані, особливо у питаннях чистки» [3, с.287–282]. Каганович мав рацію, коли говорив про виконання іншими десятима округами краю планів сівиби й менше недовиконання хлібозаготівельного плану. Але ті, хто встановлював плани, керувалися тільки їм відомими міркуваннями. Ми не зможемо документально обґрунтувати, чому Україна у 1931 р. одержала єдиною з усіх хлібовиробних регіонів такий напружений план заготівель, що виконання його призвело до голоду у першій половині 1932 р. Так само у нас нема доказів того, чому напруженість кубанських планів у 1931-1932 рр. істотно перевершувала напруженість планів в інших округах Північно-Кавказького краю.

Проте прикута до Кубані увага час від часу матеріалізувалася в необережних ремарках керівників найвищого рангу. Зокрема, одразу після приїзду в адміністративний центр краю – Ростов-на-Дону 1 листопада 1932 р. Каганович торкнувся теми напливу селян з голодуючої України у першій половині 1932 р., і не утримався від такого зауваження: «Безсумнівно, серед тих, хто приїжджав з України, були організовані групи, які вели роботу, особливо на Кубані, де українська мова» [3, с.254]. «Приїжджих з України» Каганович зачепив і в доповіді на розширеному засіданні бюро Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) спільно з бюро міськкому та компартійно-радянським активом Ростова-на-Дону. Але тут це не була необережна ремарка. Аналізуючи класовий склад кубанської контрреволюції, секретар ЦК ВКП(б) назвав таких її учасників: невиселені куркулі, заможні селяни, які переростали в куркулів, ті, хто втік із заслання. Лише

в четверту чергу він назвав тих, хто особливо тривожив радянську владу: «І, насамкінець, представники буржуазної, білогвардійської, казачеської інтелігенції (а її багато у великих кубанських станицях, в одній станиці Полтавській налічується понад 400 чоловік інтелігенції, з них багато з білогвардійським минулим). До цієї інтелігенції додалась частина пеглорівців, які перекочували навесні з України» [3, с.291–292].

Тему визвольної боротьби українців Каганович ототожнив лише з прийжджими «петлюрівцями». Місцева інтелігенція у нього мала три різних означення, але української інтелігенції на Кубані він впритул не бачив. Це й не дивно: він уже готував таємну постанову ЦК ВКП(б) і РНК СРСР, яка була прийнята 14 грудня 1932 р. Вона нібито присвячувалася хлібозаготівлям, але один з її пунктів торкався зовсім іншої теми – українізації Північного Кавказу.

Впродовж 20-х рр. харківський компартійно-радянський центр постійно домагався від Кремля об'єднання з радянською Україною тих регіонів на українсько-російському прикордонні, в яких українці становили більшість населення. Це бажання здавалося настільки природним і вагомим, що його підтримував і Л. Каганович, перебуваючи у 1925-1928 рр. на посаді генерального секретаря ЦК КП(б)У. Але Кремль солідаризувався з російськими регіонами, які не бажали «випустити» населені українцями частини своєї території. Навіть більше: Сталін пішов назустріч керівникам Північно-Кавказького краю і віддав їм Таганрозький і Шахтинський округи УСРР. На Північному Кавказі утворилася друга Україна, центром якої, безсумнівно, був Кубанський округ. Незважаючи на цілеспрямовану русифікацію цього регіону впродовж багатьох десятиліть, кубанські українці, як підкреслював М. Скрипник, в основному зберегли свою мову і культуру: за Всесоюзним переписом 1926 р. на Кубані налічувалося 915 тис. українців, з яких 729 тис. розмовляли рідною мовою [4, с.322].

Компенсуючи явну несправедливість у визначенні українсько-російського кордону, Сталін підтримав наполегливі ініціативи М. Скрипника в українізації як прилеглих до України територій з більшістю українського населення, так і українських анклавів у Казахстані і на Далекому Сході. Зрештою, політика коренізації, у тому числі українізації, була офіційною національною політикою Кремля. Партія більшовиків урочисто проголошувала, що кожна людина має право навчатися, спілкуватися в державних установах і оволодівати здобутками світової культури, користуючись рідною мовою. Дивіденди від такої політики були вагомими, тому що вона сприяла укоріненню радянської влади в неросійському середовищі. Проте Кремль враховував її небезпеки: така політика сприяла національному відродженню, яке забезпечувало фундамент для розгортання визвольної боротьби. Порівняно з позитивом коренізації, який досягався для Кремля негайно, її негативи визрівали поступово. Радянська влада встигала укорінюватися в неросійському середовищі, внаслідок чого Кремль здобув підтримку місцевих кадрів і вже без зайвого поспіху міг впроваджувати в національних республіках культуру і мову імперської нації.

Серед українського населення Північно-Кавказького краю політика українізації зустріла якнайширшу підтримку. Число українців, які навчалися в національних школах, зросло з 12% в 1928/29 навчальному році до 80% в 1931/32 році [12, р.290]. Українці за межами УСРР з ентузіазмом підтримували зусилля

уряду УСРР, які перешкождали їхній денационалізації. Національне відродження українського населення в Росії подвоювало небезпеки українізації в самій Україні, які в Кремлі починали відчуватися все більше.

В лютому 1931 р. на адресу президії XIII Всеукраїнського з'їзду рад надійшла заява, яку підписали деякі делегати і гості з'їзду – робітники харківських заводів. Вони обурювалися тим, що в 1929 р. УСРР з її 30-мільйонним населенням мала не більший бюджет, ніж 5-мільйонна Московська область. Вони вказували на жалюгідний стан села («босі, голі, голодні, пригноблені, придушені, загнані, пограбовані гірше, ніж грабував царський уряд, у сто разів гірше, ніж грабує найбільш жадібна капіталістична країна свої колонії»). Кінцевий висновок цієї заяви був такий: «Треба будувати українську радянську державність, бо вже час наспів. Населення зросло, воно вже мало говорить про поламаний паркан чи про відібрану квартиру, а воно говорить про Державу. Українську радянську державність треба будувати, бо вона тільки розпочата, а у нас до цього часу говорять тільки про мову, культуру, хоча це теж елементи державності» [8, с.426]. Потрібна була громадянська мужність, щоб піддати критиці курс Кремля з політичних, а не культурницьких позицій. Тому заяви подібного змісту виголошувалися не часто. Але поодинокість відкритих виступів не могла служити показником непоширеності опозиційних настроїв в суспільстві. Чим більше поглиблювалася соціально-економічна криза, тим вірогіднішим ставав раптовий виплеск антирадянських настроїв в найбільш небезпечних для Кремля формах.

Від політики українізації в УСРР Кремль відмовитися не міг, незважаючи на її зростаючу небезпеку для центру. Як титульна нація союзної республіки, українці повинні були володіти зовнішніми ознаками суверенності. Але українізацію в межах Російської Федерації Сталін вирішив негайно припинити. Нарощування пов'язаних з хлібозаготівлями репресій створювало ситуацію, в якій цю акцію можна було здійснити порівняно непомітно. 10 грудня, коли на політбюро ЦК ВКП(б) обговорювалося питання про хлібозаготівлі в УСРР, на Північному Кавказі і в Західній області, Сталін раптом відхилився від теми і почав звинувачувати головного промотора українізації в російських регіонах і пропагандиста воз'єднання Кубані з УСРР Миколу Скрипника у зв'язках з націоналістичними елементами [3, с.51]. Прийнята після цього засідання політбюро ЦК постанова ЦК ВКП(б) «Про хлібозаготівлі на Україні, Північному Кавказі та у Західній області» від 14 грудня 1932 р. стосувалася не стільки заготівель, скільки національної політики Кремля. Можна твердити, що ця постанова знаменувала собою відмову (але тільки стосовно України) від тих напрямів національної політики, які були схвалені після утворення СРСР XII з'їздом РКП(б). Легітимізований партійним з'їздом курс національної політики скасовувався таємною постановою! Провал хлібозаготівель в цій постанові пов'язувався з контрреволюційною роботою куркулів, колишніх офіцерів, петлюрівців, прибічників Кубанської Ради. Постанова вимагала від партійних комітетів і радянських органів влади в Україні і на Північному Кавказі «рішуче викоренити ці контрреволюційні елементи шляхом арештів, ув'язнення в концтабір на тривалий строк, не зупиняючись перед запровадженням вищої міри покарання щодо найбільш злісних з них» [7, с.292].

Увага Північно-Кавказького крайкому і крайвиконкому зверталася на те, що «легковажна, не впливаюча з культурних інтересів населення, не більшовицька “українізація” майже половиною районів Північнокавказу при повній відсутності контролю за українізацією школи і друку з боку крайових органів, дала легальну форму ворогам Радянської влади для організації спротиву заходам і завданням Радянської влади з боку куркулів, офіцерства, реємігрантів-козаків, учасників Кубанської ради і т.п.» [7, с.292–293]. ЦК КП(б)У і РНК УСРР зобов'язувалися цією постановою забезпечити «систематичне партійне керівництво і контроль за проведенням українізації». Це вимагало, на думку авторів постанови, «вигнання петлюрівських та інших буржуазно-націоналістичних елементів з партійних і радянських організацій» [7, с.293]. Сформульована вимога започаткувала кампанію боротьби з «скрипниківщиною», яка в 1933 р. затягнула у свій вир в Україні десятки тисяч представників національної інтелігенції. Постанова вимагала «негайно перевести на Північному Кавказі діловодство радянських і кооперативних органів «українізованих» районів, а також всі газети та журнали, що видаються, з української мови на російську мову як більш зрозумілу для кубанців, підготувати і до осені перевести викладання в школах на російську мову» [7, с.293–294].

Постанова від 14 грудня торкалася тільки Північного Кавказу. Але навздогін їй 15 грудня була затверджена постанова ЦК ВКП(б) і РНК СРСР про українізацію в Далекосхідному краї, Казахстані, Середній Азії, Центрально-Чорноземній області та інших районах СРСР. В ній засуджувалися виступи і пропозиції про українізацію ряду районів СРСР, які йшли «від окремих українських товаришів». Прізвище М.Скрипника не називалося, він ще був захищений від прямих нападок членством в політбюро ЦК КП(б)У. Постанова вимагала негайного переведення всіх українських газет, друку і видань на російську мову, а до осені 1933 р. – деукраїнізації викладання в школах [3, с.312–313]. Грудневими постановами 1932 р. політика українізації за межами УСРР припинялася, а безпосередньо в союзній республіці бралася в «їжаківі рукавички». Неукраїнські національні райони в УСРР та в інших союзних республіках продовжували існувати. Розташовані на державному кордоні УСРР німецький і польський райони теж залишалися. Щоправда, майже всіх німців і поляків чекісти виселили з них саме через те, що ці національні райони перебували на кордоні. Цілеспрямована русифікація українців (поки що – тільки за межами їхньої власної республіки) покликана була зменшити загрозу для цілісності радянської імперії. Цю загрозу в Кремлі вбачали в самому існуванні України та українського народу.

1 листопада Каганович з своєю групою приїхав в Ростов-на-Дону і ввечері скликав бюро Північно-Кавказького крайкому ВКП(б). Вислухавши звіти про посівну кампанію і заготівлі, він запропонував перші заходи: поставити на «чорну дошку» 3-5 станиць, провести чистку компартійно-радянського апарату з опублікуванням карних справ у пресі, у провідні райони відрядити працівників крайового рівня. Неофіційно звертаючись до присутніх, він порекомендував пустити поголос про переселення з Півночі селян на кубанські землі, які краще справлялися б з родючими чорноземами [3, с.254]. 4 листопада Каганович підготував постанову бюро Північно-Кавказького крайкому ВКП(б) «Про хід

хлібозаготівель і сівби по районах Кубані». Текст постанови він переправив Сталіну, який вніс свої поправки. За вказівкою Сталіна постанова була опублікована в краєвій газеті «Молот» [3, с.43]. Цією постановою на «чорну дошку» заносилися перші три станиці: Ново-Рождественська (Тихорецький район), Медведовська (Тимошевський район) і Теміргоївська (Курганський район). Населення попереджувалося, що у випадку продовження саботажу сівби і хлібозаготівель всі колгоспники та одноосібники будуть вислані на Північ, а станиці заселятимуться старанними колгоспниками, які працюють в умовах малоземелля в інших краях. Крайпрокуратура і крайсуд зобов'язувалися у прискореному темпі розглянути всі справи щодо розкрадання колгоспного майна і застосувати до винуватців заходи, передбачені відповідним декретом [5, с.522].

5 листопада Каганович виїхав в райони. Виступаючи в станиці Медведовській (24 тис. жителів), він заявив її жителям: «Ми переселимо на Північ усіх, хто не хоче сіяти» [3, с.267]. Виселенням він погрожував і жителям станиці Полтавської, додаючи при цьому: «Так засмітити кубанські землі – це ганьба» (слово «ганьба» промовлялося українською мовою) [3, с.269]. 8 листопада Каганович виїхав в Москву. Депортація жителів деяких кубанських станиць відбувалася вже без нього, але з його ініціативи. Постанову ЦК ВКП(б) і РНК СРСР від 14 грудня він написав майже повністю, в тому числі помістив до неї окремих підпункт про станицю Полтавську: «Виселити в найкоротший строк в північні області СРСР з станиці Полтавської (Північний Кавказ), як найбільш контрреволюційної, всіх жителів, за винятком справді відданих Радвладі і не замішаних в саботажі хлібозаготівель колгоспників та одноосібників і заселити цю станицю сумлінними колгоспниками-червоноармійцями, працюючими в умовах малоземелля і на незручних землях в інших краях, передавши їм всі землі і посіви озимини, будівлі, реманент і худобу тих, хто виселяється» [7, с.293]. З чотирьох великих станиць – Полтавської, Медведовської, Урупської і Уманської було вислано на Північ країни 51,6 тис. осіб, а з інших станиць – не менше 10 тис.

Ті, хто не бажав грабувати селян і козаків, ставлячи їх перед перспективою смерті від голоду, самі опинялися перед обличчям смерті. Ще перед прибуттям Кагановича на Північний Кавказ чекісти заарештували 5 тис. кубанських комуністів (в цілому по краю – 15 тис.) [12, р.300–301]. Серед заарештованих був секретар партосередку станиці Отрадн Тихорецького району М. Котов. Вночі він зібрав членів партії і запропонував роздати значну частину колгоспного хліба колгоспникам на трудодні, не записуючи в книги ні обмолоту, ні розданого хліба. Тим, хто проговориться про це рішення осередку, він загрожував розстрілом. В осередку, однак, знайшовся сексот («секретный сотрудник» в позаштатній мережі ОДПУ – авт.), який «проговорився». Протягом доби Котов був засуджений райсудом до 10 років ув'язнення. На зустрічі з секретарями райкомів партії 2 листопада А. Мікоян так прокоментував цей випадок: «Справа Котова – симптоматичне явище. Це кронштадтське явище, вилазка кронштадців. Виявивши його, в Тихорецькому районі не спромоглися організувати процес. Після суду Котов вийшов з ореолом героя, мученика за народні інтереси» [3, с.43. 258–259].

Каганович вивчив справи про саботаж хлібозаготівель і підготував 3 листопада проект рішення Північно-Кавказького крайкому ВКП(б). 4 листопада рішення було прийнято, після чого крайовий суд переглянув усі попередні вирoki.

Зокрема, М. Котов і 15 членів станичного партійного комітету 18 листопада були засуджені до розстрілу [3, с.43]. З листопада Каганович підготував ще один проєкт рішення Північно-Кавказького крайкому – про чистку парторганізації краю. На порядок денний ставилася чистка сільських парторганізацій, в першу чергу – районів Кубані. Головою крайової комісії з чистки затверджувався М. Шкірятов [3, с.272–273].

За даними першого дослідника кубанського голодомору Євгена Осколкова, впродовж двох останніх місяців 1932 р. і в 1933 р. в красвій парторганізації було виключено з партії близько 40 тис. осіб. До 30 тис. членів партії без зняття з партійного обліку покинули свої парторганізації і втекли з краю [9, С.120].

ДЖЕРЕЛА ТА ЛІТЕРАТУРА:

1. Російський державний архів соціально-політичної історії. - Ф.81. - Оп.3. - Спр.120. - Арк.57.
2. ЦДАГО України. - Ф.1. - Оп.20. - Спр. 2673.
3. Командири великого голоду. Поїздки В.Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ. 1932–1933. - К., 2001.
4. *Скрипник М.* Статті й промови. - Т.ІІ. - Ч.1. - Харків, 1931.
5. Трагедия советской деревни. - Т.3. - М., 2001.
6. *Боєчко В., Ганюса О., Захарчук Б.* Кордони України: історична ретроспектива та сучасний стан. - К., 1994.
7. Голод 1932-1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. К., 1990.
8. Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки. - К., 2003.
9. *Осколков Е.* Голод 1932–1933 гг. в зерновых районах Северо-Кавказского края // Голодомор 1932-1933 гг. в Україні: причини і наслідки. - К., 1995.
10. *Петренко Є.Д.* Переселенський рух з України на Кубань (друга половина ХІХ – початок ХХ ст.). - К., 1997.
11. *Садовський В.* Українці поза межами УСРР на основі перепису 1926 р. // Українська людність в СРСР. - Варшава, 1931.
12. *Terry Martin.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1929. Ithaca and London, 2001.

РАССЕКРЕЧЕНО

Строго секретно

Кому

ВЫПИСКА

из протокола № 59 заседания Бюро
Армавирского Районного Комитета ВКП (б)

индекс 1 января 1933
Пункт № 2570.

Опросом 26 декабря

СЛУШАЛИ: О занесении ст. Урупской на черную доску.

ПО СТАНОВИЛИ: За упорный саботаж выполнения осеннего сева, хлебозаготовок, замета зяби и очистки полей как колхозниками так и единоличниками - Крайкомом ВКП (б) занесена на черную доску ст. УРУПСКАЯ.

Исходя из этого, Бюро РК поставляет:

Поручить фракции РК "а" немедленно применить к жителям станицы Урупской все меры притяжения, вытекающие из решения Крайкома, а именно: прекратить всякого рода кредитования, а также немедленно взыскать все платежи все виды обязательств.

Поручить РКИ немедленно организовать комиссию по проверке и очистке колхозных, кооперативных и советского аппаратов от чуждых, примазавшихся и враждебных элементов.

Предложить фракции Райсоюза немедленно изъять все наличие товаров из лавок ст. Урупской и передать колхозам, добросовестно выполняющим свои обязательства перед государством.

Поручить прокурору, лично т. САРАНА, председателю Крайсуда т. ГОЛОВКО немедленно выехать в ст. Урупскую для разбора дел контрреволюционных саботажников.

Предупредить жителей ст. Урупской как колхозников, а также и единоличников,

Секретарь Райкома ВКП (б)

Армавир, уш. СРКПД в. № 2696 32 г. 145x210 т. 8000

Постановление Армавирского райкома ВКП(б) о мерах в связи с занесением станицы Урупской на черную доску. 26 декабря 1932 г.
ЦДНИКК. Ф. 7943. Оп. 1. Д. 88. Л. 170-172.

§ 689. СЛУШАЛИ: О выселении из станиц Тихорецкого района кулацко-закиточных хозяйства отказавшихся от земли, сева, выполнения плана хлебозаготовок и др. кампания.

§ 689. ПОСТАНОВИЛИ: За явное сопротивление мероприятиям партии и соввласти, демонстративный отказ от выполнения плана хлебозаготовок и сева, не платеж налога и анти-совет. агитацию направленную к срыву сельско-хозяйственных кампаний и проводимых мероприятий по организации хозяйственному укреплению колхозов, УТВЕРДИТЬ К АДМИНИСТРАТИВНОМУ ВЫСЕЛЕНИЮ за пределы ССП по 1-категории по ст. Терновской - 15-хозяйств, и-Леушковской - 4-хоз., Ирилевской - 6-хоз., Маствоцевой - 16-хоз. И-Ис И-Малороссийской - 23-хоз., И-Рождественск-36-хоз. Итого - 139-хоз. и переселению по 2-й категории из станиц: Терновская - 12-хоз., И-Леушковской - 31-хоз. Ирилевской - 24-хоз., Маствоцевой - 17-хоз., И-Малорос. 14-хоз., И-Рождественской - 15-хоз, Итого по 2-категории 104-хозяйства. Всего по району по 1 и 2-й категории выселить - 233-хозяйства.

Постановление Тихорецкого райкома ВКП(б) о выселении из станиц района кулацко-закиточных хозяйств. 28 ноября 1932 г. ЦДНИКК. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 130. Л. 89.

Присвоение № 1-й постановлению № 29 § 235
Заседание Бюро Каневского Райкома ВКП(б) от 27.12.32 года. 316

О ходе выполнения плана хлебозаготовок.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ Каневского Райкома ВКП(б)

от 27 декабря 1932 года.

В дополнение и разъясню Бюро Райкома от 18 декабря 1932 г. о исполнении плана хлебозаготовок на Каневскому району. Бюро Райкома ВКП(б) ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. За продолжение саботажа в выполнении плана хлебозаготовок и мобилизации довоенных млохозаготовок и мобилизации оливо-и реще для Бюро Крайкома партии от 26. XII-32 г. заседание С. Деревянковской заочную добу Облаеть Фрэнция РИК-я, Райсовета и РКС немедленно применить меры, вытекающие из решения Бюро Крайкома от 4. XII-32 г. по отношению станиц, занесенных на черную доску.

2. За невыполнение ряда решений Бюро Райкома об окончании плана хлебозаготовок, обмота и уборки пропашных, на содействие скрытно хлеба по колхозу "Чайева", за невнесение мер в отделе выделка МТС от колхозов чужих агентов, несмотря на неоднократные указания парт организации, за антипартийное распоряжение об обмоте в первую очередь судьями вместо второго обмота и шнелия вестотри за неоднократные обмотки дивные тов. Максимов Бюро РК и в последние обмотки вкото чять молотобу и уборку в 23 декабря 1932 года, выполнения плана хлебозаготовок и 25 декабря и выношение этих обмотаний - директора С. Деревянковский МТС Максимовым и друшники в изменения делу коммуниста из рядов ВКП(б) исключить и отдать под суд.

свертатора левич ВКП(б) от. Александровой Ирвиния и проповедати колхоза "И. Чайева" Сувайга с работы снять на партийный исключить и отдать суду.

Облаеть Райпрокурора тов. Даргачева немедленно арестовать Кременико, Сувайга и завариачна Корсуна А. и в двухдневный срок, оформить следственный материал организав в судебный процесс Осени Крейбула в ст. Александровской в доказательном порядке.

7. За совершенно слабое руководство по парторганизации отстали по своему саботажу, за недопустимо медленное нарастание темпов и выполнения плана хлебозаготовок в отсутствие должного влияния на отдельные хозяйства и в особенности кулацко-закиточную часть свертатора Крыловского Партекома тов. Химинию объявить выговор и предупредить о жестких мерах высылки в случае непринятия с его стороны мер в prazo до передачи суду или в освобождении классовую врагу - труду.

Принять и овелению заводские директора Отласкиной МТС о том, что по МТС слай по зерновым культурам выполнен на 100,69 проц. Обязательно указать тов. Наринию на затяжку обмотки в один из элеватор месяция и неудовлетворительное выполнение плана хлебозаготовок по колхозам.

Райкома ВКП(б) т. Лавренко объявить строгий выговор, предупредить его если не будут с его стороны приняты достаточно решительные меры, обеспечить выполнение плана, Бюро Райкома обсудит вопрос о его способности бороться на основе закона партии.

12. За откровенную лениность и ставшие выразившиеся в неприязии по сообщению о наличии готового сортсирного хлеба и отравле на элеватор в количестве 300 центеров, при проверке оказалось только 8 цент., в результате чего посланы 4-ре трактора на станицу в село Новое пощипи в присутствии членов Райкома ВКП(б) т. Чудова объявить выговор

13. Облаеть Сельпаркома ст. Чельбасовой под отчет тов. Яковлева Ишминева уполномоченного РК Ишминева Пред. Совета Воронина обеспечить в трехдневный срок выполнение плана по колхозам (1-й Шклякель, Ударная, и Глазаны), в соответствии обрати внимание на выполнение по единоличному сектору и кулацко-закиточным хозяйствам.

Облаеть Директора Чельбасовой МТС т. Ишмина в трехдневный срок обеспечить полное выполнение плана хлебозаготовок по колхозам, обслуживаемым МТС. Предупредить Яковлева, Ишминева, Воронина, Ишмина о том, что если в течение

Постановление Каневского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок в районе и применении репрессивных мер в станице Стародеревянковской, занесенной на черную доску.

27 декабря 1932 г. ЦДНИКК. Ф. 1071. Оп. 1. Д. 79. Л. 316.

ГОЛОД 1932–1933 гг. НА КУБАНИ И ЕГО ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Жёсткие методы, применявшиеся при хлебозаготовках с 1928 г., давали свои результаты. В 1931 г. в Северо-Кавказском крае было заготовлено довольно значительное количество зерна – 30,6 млн ц. Но даже эта огромная цифра была меньше запланированной, и из колхозов и крестьянских дворов изымалось максимальное количество зерна, а полученного по трудодням не могло хватить до нового урожая. Этими мерами была подорвана материальная заинтересованность крестьян в результатах своего труда. Только предоставление семенной и продовольственной ссуды колхозам позволило избежать массового голода. Урожай 1932 г. прогнозировался на порядок ниже в связи с сильной засухой и допущенными агротехническими ошибками. Но план хлебозаготовок был снижен только на 1 млн ц. [23, с. 10]. Опасаясь новой голодной зимы, колхозники и единоличники начинают прятать хлеб и расхищать его с полей, в то же время в ряде районов на общественных полях он оставался необраным. Обстановка катастрофически ухудшалась.

В августе Северо-Кавказский крайком ВКП(б) констатировал срыв заготовок, обвиняя в этом местных коммунистов, которые якобы находились под влиянием кулацких элементов. Начинают применяться решительные меры. Они вытекали из постановления «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплению общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г., текст которого написан лично И. В. Сталиным. С ним связано усиление чрезвычайных мер борьбы с хищениями зерна. Закон жестоко карал тех, кто допускал хищение или утайку зерна в минимальных размерах, отсюда меткое название, данное ему современниками, – «закон о пяти колосках». За хищение зерна применялся расстрел или при смягчающих обстоятельствах 10 лет тюремного заключения. Амнистия по этим делам запрещалась.

«Ночная ручная стрижка колосков в поле! – совершенно новый вид сельского занятия и новый вид уборки урожая! – пишет А. И. Солженицын. Это был немалый поток, это были многие десятки тысяч крестьян, часто даже не взрослые мужики и бабы, а парни и девки, мальчишки и девчонки, которых старшие посылали ночами стричь, потому что не надсялись получить из колхоза за свою дневную работу. За это горькое и малоприбыльное занятие (в крепостное время крестьяне не доходили до такой нужды!) суды отвешивали сполна: десять лет как за опаснейшее хищение социалистической собственности по знаменитому закону от 7 августа 1932 года (в арестантском просторечии закон семь восьмых)» [28, с. 42].

К началу 1933 г. в целом по «закону о пяти колосках» по стране было осуждено более 54 тыс. чел., из них 2110 – к высшей мере наказания [23, с. 11]. Но несмотря на отчаянные меры, предпринимавшиеся краевыми властями, к концу октября 1932 г. обстановка только ухудшалась. Не дали ожидаемых

результатов ни направление уполномоченных из края в районы, ни увеличение натурального аванса колхозникам [19, с. 22].

Для реализации плана хлебозаготовок на Северном Кавказе 22 октября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) была создана чрезвычайная комиссия, которую возглавил секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович. В состав комиссии входили Г. Г. Ягода (ОГПУ), Я. Б. Гамарник (ПУРККА), А. И. Микоян (Наркомторг), А. В. Косарев (ЦК ВЛКСМ), М. А. Чернов (Комитет заготовок СТО), Т. А. Юркина (Колхозцентр СССР).

Проблемы с хлебозаготовками они представляли как кулацкий саботаж, хотя таких, кто мог попасть под категорию кулака, к тому времени почти не осталось. Комиссию не заботило, останется ли для пропитания колхозников хлеб и к каким последствиям приведет изъятие продовольственного зерна.

Всё это нашло отражение в постановлении бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 4 ноября 1932 г. «О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани», которое было опубликовано в краевой газете «Молот» 5 ноября 1932 г. Приведем выдержки из текста этого постановления: «Ввиду особо позорного провала плана хлебозаготовок и озимого сева Кубани поставить перед парторганизациями в районах Кубани боевую задачу – сломить саботаж хлебозаготовок и сева, организованный кулацким контрреволюционным элементом, уничтожить сопротивление части сельских коммунистов, ставших фактическими проводниками саботажа, и ликвидировать несовместимую со званием члена партии пассивность и примиренчество к саботажникам. Обеспечить быстрое нарастание темпов, полное и безусловное выполнение планов сева и хлебозаготовок, тем самым добиваясь сплочения партийных рядов и укрепления колхозов» [17]. Эта же мысль проводилась и в передовице «Правды» от 16 ноября 1932 г., призывающей дать беспощадный отпор оппортунистам и примиренцам (имелись в виду коммунисты, которые, по мнению газеты, часто сами являются противниками хлебозаготовок) [19, с. 28].

Главным рычагом проведения хлебозаготовок становятся репрессивные меры экономического и административного воздействия. К их числу относятся: занесение на «чёрные доски» (так называемые списки враждебно настроенных), выселение «саботажников». Первыми за *«явный срыв плана по севу и хлебозаготовкам»* на «чёрную доску» попали станицы Новорождественская Тихорецкого района, Медвёдовская Тимашевского района и Темиргосевская Курганинского района.

В отношении станиц, занесенных на «чёрную доску», применялись такие меры, как: а) немедленное прекращение подвоза товаров и полное прекращение кооперативной и государственной торговли на месте и вывоз из кооперативных лавок всех наличных товаров; б) полное запрещение колхозной торговли, как для колхозов, колхозников, так и единоличников; в) прекращение всякого рода кредитования и досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств; г) проверка и очистка органами РКИ колхозных, кооперативных и государственных аппаратов от всякого рода чуждых и враждебных элементов; д) изъятие органами ОГПУ контрреволюционных элементов, организаторов саботажа хлебозаготовок и сева [17].

В постановлении от 4 ноября 1932 г. говорилось, что жители станиц,

занесенных на «черную доску», должны быть предупреждены о том, что в случае продолжения саботажа сева и хлебозаготовок краевыми организациями будет поставлен перед правительством вопрос об их выселении из пределов края в северные области и заселении этих станиц добросовестными колхозниками, работающими в условиях малоземелья и на неудобных землях в других краях.

На этом список провинившихся станиц, приведенный в постановлении бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 4 ноября 1932 г., не заканчивался. Было вынесено последнее предупреждение районам, «наиболее позорно» проваливающим сев и хлебозаготовки и в отношении их приняты пока лишь частичные меры воздействия. Так, в Невинномысский, Славянский, Усть-Лабинский, Брюховецкий, Староминской, Куцёвский, Павловский, Кропоткинский, Новоалександровский и Лабинский районы полностью прекратили завоз товаров в кооперативные и государственные лавки, а в Ейском, Краснодарском, Курганском, Кореновском, Отрадненском, Каневском, Тихорецком, Армавирском, Тимашевском и Новопокровском районах не только прекратили завоз, но и вывезли товары со складов райпотребсоюза и товарных баз промышленности и кооперации. Данные товары предполагалось распределить между районами края, успешно выполнившими планы сева и хлебозаготовок.

Отдельные меры были также предусмотрены в отношении единоличников, отказывающихся от земли и сева. Планировалось лишать их земли и переселять за пределы края, а эти территории заселять колхозниками из малоземельных областей. Кроме того, единоличник мог быть подвергнут лишению свободы за отказ предоставить своих лошадей для работы в колхозе [См. 17].

Каждая строка этого документа характеризуется жесткостью формулировок: привлечь к суду, выселить, применить все меры суровых наказаний, применить высшую меру. Было рекомендовано провести несколько показательных процессов над коммунистами, связанными с хищением хлеба. Таким образом, ход хлебозаготовок осени 1932 г. был непосредственно связан с репрессивными (принудительными) мерами, что вполне объяснимо: чрезвычайно низкие государственные закупочные цены, не обеспечивающие материальной заинтересованности крестьян, и при этом завышенные плановые показатели.

Используемые методы наглядно демонстрирует докладная записка работника ОГПУ Пиляра от 6 ноября 1932 г.: «Доношу: по данным на 14 час. 5 ноября всего вместе с итогами донесения № 07 в результате опермероприятий райаппаратов и опергрупп по 9 районам Кубани обнаружено, изъято укрытого хлеба 2335,6 ц. По данным на 12 час. 6 ноября по 12 районам Кубани обнаружено, изъято 951,5 ц укрытого хлеба.

Всего за время с 2 по 6 ноября – 3287 ц. За время с 6 ноября по шести районам Кубани изъято 43 чел. контрреволюционного белогвардейского элемента активных саботажников хлебозаготовок и сева. Эксцессов, вольночек в процессе операции не зафиксировано. Исключая случай ст. Медведовской Тимашевского района, где при обыске и обнаружении хлеба у единоличника последний пытался наброситься с ножом на оперработника. В отдельных колхозах заметно увеличение выхода на работу. В колхозе «Красноармеец» (ст. Медведовская Тимашевского района) опергруппой арестовано за активное противодействие хлебозаготовкам, антисоветскую агитацию и сокрытие хлеба правление колхоза в

полном составе, в том числе два бухгалтера. В результате объявления населению о занесении станицы на черную доску и последовавшего оперудара в ст. Медвѣдовской отмечается увеличение поступлений хлебосдачи по колхозному сектору 1 ноября – 93 ц, 4 ноября – 135 ц, 5 ноября – 3413 ц. По единоличному сектору 3 ноября – 28 ц, 4 ноября – 60 ц. Закрытие торговли, объявление Медвѣдовской [на] карантинном положении создали тенденцию подачи заявлений и анонимок в адрес стансовета и опергруппы об укрывателях хлеба; контрреволюционный элемент проводимые мероприятия рассматривает как подготовку к предстоящей высылке казачества из станицы» [9].

Наиболее часто в оперсводках ОГПУ упоминалась станица Полтавская, характеризующаяся как «наиболее контрреволюционно активная», «возглавляющая контрреволюционную организованную деятельность в районе». Подчеркивалось, что на территории станицы действовали крупные банды и контрреволюционные организации (украинская националистическая, «Запорожцы», «Шесть Верден» и др.). По делу об этих организациях более 500 чел. было арестовано.

В записке, поданной на имя народного комиссара ОГПУ Г. Г. Ягоды 8 ноября 1932 г. о репрессивных действиях в отношении населения станицы Полтавской говорилось: «В 1931 г. в станице был распушен крупный колхоз, 1,5 тыс. хозяйств, за систематический саботаж и вредительство [с] арестом 28 чел., и за руководство кулаков. Сейчас коллективизация 32%, единоличных 1 190 хозяйств. В этом году проводились изъятия белых, кулаков свыше 80 чел. и контрреволюционных одиночек до 200 чел. Сейчас хлебозаготовки выполнены на 10,9%, сев – [на] 34%. Имеет место упорное сопротивление как единоличников, так и колхозников, активизация контрреволюционного кулацкого элемента» [8].

Секретно-политический отдел ОГПУ, характеризуя выполнение плана хлебозаготовок, отмечал, что на 2 декабря по 13 решающим районам Кубани план хлебозаготовок был выполнен на 69%, а план сева – на 65,4% [4].

Крестьяне, став колхозниками, не сразу приняли коллективизм и заботу о колхозных делах как свои собственные. Выработка в среднем на одного трудоспособного колхозника достигла по краю 139 трудодней. Но это в среднем. Четвертая же часть колхозников едва вырабатывала 20–25 трудодней в год, т.е. работала в колхозе от случая к случаю, а многие не работали совсем. Немалую роль здесь играла слабая организация и низкая оплата труда. Вот данные по отдельным районам Кубани. В Кореновском районе совсем не было трудодней у 7,4% колхозников, до 21 трудодня в год имели 24% колхозников, таким образом, 31% колхозников почти не работали. До 50 трудодней вырабатывали 20% колхозников. В среднем имели не более 83 трудодней 66% колхозников. Что касается единоличников этого района, то их насчитывалось 5 тыс. Они засеяли только 2 тыс. гектаров, что в среднем составляло 0,4 гектара на двор [19, с. 30].

Меры экономического стимулирования были признаны чуждыми новой советской (сталинской) модели. Совершенно не использовался позитивный опыт 1922–1927 гг. Жесткие указания сверху – «надо», «давай», «план любой ценой» и сотни партийных «манкуртов»¹, почувствовав упоение властью, подписывали

¹ Данное определение связано с казахской легендой, рассказанной в романе 328

приговоры о лишении жизни и высылке в отдаленные регионы страны. Как верно отмечает В. П. Данилов, «сталинская организация партийно-государственного управления была носителем, источником кризисных ситуаций, постоянно порождавших “чрезвычайщину”, переходящую от преодоления одного “кризиса” к другому, никогда не прерываясь и требуя репрессий для расправы с “врагами народа” и для “подстёгивания” самого народа» [21, с. 5].

Документы, сегодня ставшие доступными для исследователей, дают возможность представить характер и масштабы проводившихся репрессий. «По уточненным данным на 4 декабря, с начала операции по всем районам края арестовано кулацкое и антисоветское элемента 13 803 чел., в число которых входит 1105 чел. участников 164 контрреволюционных группировок и двух контрреволюционных организаций.

Осуждено судами 6007 чел., приговорено к ВМСЗ (расстрелу. – В.Р.) – 285 чел. Из общего числа арестованных на территории 13 районов Кубани изъято 4760 чел., ликвидировано 43 контрреволюционные группировки и 2 контрреволюционные организации с 504 участниками.

За все время операции на Кубани вскрыто 816 ям и 51 черный амбар, изъято укрытого и расхищенного зерна 36 521,15 ц.

В ряде станций Кореновского, Новопокровского, Павловского, Славянского и др. районов продолжается массовое бегство одиночников.

Из ст. Бейсугской за последнюю декаду ушло 321 чел., каждую ночь выезжает несколько семей.

В ст. Полтавской Славянского района среди красных партизан усилились антисоветские настроения и тенденции к выезду из станции» [4].

14 декабря 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области». Постановление было настолько жестким и суровым, что его не решились публиковать в открытой печати. Среди мер наказания было требование «выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станции Полтавской как наиболее контрреволюционной всех жителей за исключением действительно преданных Советской власти...» [19, с. 34]. Здесь же содержалось требование «всех исключенных за саботаж хлебозаготовок и сева коммунистов выслать в северные области наравне с кулаками».

Его логическим продолжением стало новое постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О ходе хлебозаготовок» от 16 декабря 1932 г. Его появление было продиктовано медленными темпами заготовок зерна, стремлением во что бы то ни стало выполнить годовое задание. Станции,

известного советского писателя Ч. Т. Айтматова «И дольше века длится день...», и как нельзя лучше подходит ко многим советским и партийным работникам того периода. Манкуртами называли военнопленных, которых в результате болезненной и мучительной процедуры лишали памяти, а затем заставляли делать разную работу, в том числе и воевать против своего народа. Лишенный понимания собственного Я, манкурт был предан своему хозяину, повеление которого было для него превыше всего.

выполнившие план хлебозаготовок, снимались с чёрной доски: Темиргоевская (на 100,8%) и Новорождественская (на 100,2%), жители которых вместе с тем предупреждались, что саботаж, организованный кулачеством, до конца не сломлен и данные станицы опять могут попасть на «чёрную доску», со всеми вытекающими из этого последствиями. Особо рассматривалось положение в станице Медвёдовской (выполнившей план хлебозаготовок на 90%); станице Незамаевской, «продолжающей злостно саботировать хлебосдачу и сорвавшей сев», в отношении которой планировалось применение таких мер, как снятие с обслуживания МТС и высылка организаторов саботажа, и станице Полтавской, обвиненной в злостном саботировании всех хозяйственных инициатив Советской власти и высылке всех жителей станицы из пределов края, за исключением доказавших на деле свою преданность Советской власти [1]. Несколько страниц данного постановления занимает список партийных и районных руководителей, снятых с работы и исключенных их партии за «оппортунистическую линию в руководстве, потакание кулацкому саботажу, срыв хлебозаготовок, обман партии, переродившихся и перешедших полностью на позиции классового врага, способствующих разложению боеспособности парторганизации и др.» [1].

Были также предусмотрены некоторые ограничительные и стимулирующие меры: «...при исключении из колхозов за невыполнение заданий по сдаче хлеба применять меры, указанные в п. 4 настоящего решения, в первую очередь к лодырям и расхитителям хлеба с тем, чтобы это не носило массового характера (не более 5–7%), а при роспуске отдельных бригад и колхозов проводилась только с санкции крайкома; поручить крайиснабу, крайсоюзу и Заготзерно немедленно разработать практические мероприятия, обеспечивающие отоваривание в размере 3 руб. дефицитными против 1 руб. за сданный хлеб в районах, выполнивших план хлебозаготовок, и учёт особо сдаваемого сверх плана хлеба» [5].

Ответственные лица ревностно выполняли возложенные на них обязательства, о чём регулярно рапортовали спецсводки ОГПУ: «По данным на 10 декабря, план хлебозаготовок по всем секторам выполнен на 75%, по колхозно-крестьянскому сектору – на 83%». Однако, несмотря на различного рода стимулы, а вместе с ними и карательные меры, колхозники скрывали запасы зерна, отказывались сдавать его государству, опасаясь голода. За время с 1 ноября по 10 декабря обнаружено 4764 ямы и 238 «чёрных амбаров», из которых изъято зерна 93 108 ц. Широкой волной шли аресты. За этот же период по всем районам края было арестовано под видом контрреволюционного кулацкого и антисоветского элемента 16 864 чел. 3680 арестованных проходили по категории кулаков. 271 – зажиточных единоличников; 6473 – середняков; 482 – бедняков; 3130 – колхозников; 1896 – должностных лиц соваппарата и колхозов; 932 – бывших торговцев и пр.

Многие колхозные хозяйства приходили в упадок, часть урожая гнила. «До настоящего времени (декабрь 1932 г. – В.Р.) не обмолочено 178 га пшеницы, большая часть которой погибла. Из-за несвоевременной организации обмолота погибло 440 га срезанного и раскирдованного подсолнуха. Погибла 1 тыс. га неубранной кукурузы. Обмолот пшеницы производился так, что до 20% зерна оставалось в соломе. От молотилки похищено свыше 60 пуд. пшеницы. Укрыто от

учета 216 ц подсолнуха», – сообщают сводки. Пытаясь сохранить хлеб, крестьяне шли на разного рода хитрости, прятали в кадках с двойным дном, наполненных наполовину водой, замазывали под печкой, закапывали в могилы и т.п.

Различные слухи порождали панику среди одиночных крестьян и колхозников, что в свою очередь усиливало бегство. Бежали в основном главы семей, уезжали и целые семьи, направляясь в Закавказье и на Черноморское побережье, в частности, в Абхазию. За время с 15 ноября по 10 декабря по 45 районам края было учтено до 5 тыс. бежавших одиночных хозяйств, из них 1,5 тыс. приходилось на районы Кубани. Только одним Черноморским оперсектором ОГПУ было задержано 2279 чел., в том числе 196 колхозников.

Идею жёстких мер против казачества, и в частности их массовое выселение, сформулированную Кагановичем, несомненно, поддерживал Сталин. Кагановичу было известно, что в конце октября в проекте решения о ликвидации сопротивления части сельских коммунистов, поддержавших «саботажи» хлебозаготовок, Сталин лично вписал фразу: *«Предупредить жителей станиц, занесенных на черную доску, о выселении»* [19, с. 40]. Угрозы Сталина и Кагановича были реализованы в декабре. И первой, как подчеркивалось в постановлении, стояла станица Полтавская. Так, в спецсообщении № 1 секретно-политического отдела ОГПУ «О ходе выселения из станицы Полтавской Северо-Кавказского края» от 29 декабря 1932 г., представленном начальником СПО ОГПУ Молчановым, говорится, что по состоянию на 26 декабря 1932 г. к выселению намечено 2286 семей – 9440 чел. Социально-имущественное положение выселяемых: бывшие кулаки – 288 семей; бывшие торговцы – 54; крепкие середняки – 364; середняки – 1173; бедняки – 166; кустары – 33; служащие – 30; лица без определенных занятий – 21; интеллигенция – 8 семей. Акцентируется внимание на политическом прошлом выселяемых: служивших в белой армии – 356 семей; родственников эмигрантов – 41; родственников расстрелянных – 27; родственников репрессированных и высланных – 616 семей [6].

Выселение из кубанских станиц сопровождалось мощной идеологической кампанией. В конце 1932 г. была подготовлена и выпущена в Ростове-на-Дону 200-тысячным тиражом брошюра «За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края». В местной периодической печати появляются говорящие за себя статьи: «В станице Медведовской орудовал враг», «Лишить паразитов приусадебных земель», «Кулаки, белогвардейцы, лодыри – вот кто хозяйничал в Старокорсунской», «Добьем врага» и др. Московский историк Н. С. Тархова высказывает предположение о том, что выселение Полтавской и других станиц, возможно, также связано и с организацией военных колхозов на месте выселенных станиц, так как это был пограничный регион. В качестве подтверждения автор ссылается на документ 1929 г., где приводится подробное военно-стратегическое и топографическое описание станицы [29, с. 38].

В спецсообщении № 7 секретно-политического отдела ОГПУ «Об итогах выселения из районов Кубани» по состоянию на 26 декабря 1932 г. [7] отмечалось, что 5–8 декабря из 13 районов Кубани было выселено 1008 кулацко-зажиточных хозяйств и 998 одиночных хозяйств, злобно саботировавших сев и

хлебозаготовки. По социальному составу выселяемых распределили следующим образом: бывших атаманов – 11 чел.; бывших белых офицеров – 13; бывших карателей – 83; репатриантов – 20; служивших в белой армии – 689; белобандитов – 30 чел. По подсчетам Е. Н. Осолкова, в целом к середине января 1933 г. из кубанских станиц было выселено за «саботаж» хлебозаготовок не менее 63,5 тыс. чел. [25, с. 56]. П. М. Полян называет цифру 45 тыс. чел. [27, с. 78].

Настроение выселяемых было подавленное. Часть из них, заявляла: «Пусть колхозники и коммунары посядут здесь без хлеба, а мы обеспечены. Нам хуже не сделали» (станция Полтавская Славянского района). «Мы уедем и нас обеспечат, а вы остаетесь на верную голодную смерть» (Армавирский район). После выселения первой партии кулаков среди населения активно распространились слухи о «неизбежности поголовного выселения казачества». «Выселили одних, а там примутся и за нас, многие этого боятся, хоть положение в колхозе тяжелое. Раньше, приходя в колхоз, многие кричали, а сейчас никто ничего не требует, страх перед высылкой бревном лег на колхозников» (группа колхозников колхоза «Ударник» станции Медвёдовской) [7].

К концу 1932 г. были подведены итоги выполнения постановления бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О выполнении годового плана хлебозаготовок». В документе отмечалось, что наряду с районами, выполнившими, и остальными, добросовестно выполняющими планы хлебозаготовок, часть районов Кубани (Староминской, Ейский, Каневский, Павловский, Усть-Лабинский, Краснодарский, Славянский, Армавирский) сорвали выполнение к установленному сроку (к 1 января 1933 г.) плана хлебозаготовок по краю. Особо подчеркивалось отставание в выполнении плана хлебозаготовок Павловского, Ейского, Староминского, Краснодарского районов.

В связи с этим был установлен срок окончания краевого плана хлебозаготовок по совхозам и колхозно-крестьянскому сектору не позднее 10 января 1933 г. В указанных районах необходимо было добиться решающего перелома, а во всех остальных районах (как имеющих, так и не имеющих дополнительные планы) продолжать хлебозаготовки за счет станиц, МТС и колхозов, не выполнивших еще своих планов, с тем чтобы обеспечить безусловное выполнение плана полностью каждым колхозом и станицей. Крайком особо подчеркивал недопустимость невыполнения плана по единоличникам.

Станица Полтавская была снята с черной доски ввиду законченного выселения её жителей из пределов края и заселения её колхозниками, переселенными с Севера. Крайисполком постановил переименовать эту станицу, учитывая желание вновь вселившихся и стремясь стереть из памяти страшную страницу истории. Однако участь Полтавской могла постигнуть ещё не одну станицу. В это же время на «чёрную доску» были занесены станицы Старощербиновская (Ейского района) и Платнировская (Кореновского района).

Десятки партийных и хозяйственных руководителей были сняты с работы и исключены из партии с формулировками «за саботаж проведения мероприятий партии и защиту классового врага», «за отсутствие борьбы за выполнение плана хлебозаготовок и разбазаривание хлебных ресурсов» и т.п. [1]. Под страшным прессом репрессий к 15 января 1933 г. в крае было заготовлено 18,3 млн ц хлеба. Для этого потребовалось сдать в счет хлебозаготовок 2/3 валового урожая

зерновых, полученного колхозами, в том числе и весь семенной фонд, но планы так и не были выполнены, осенний сев не завершён. Но и после этого кубанские станицы не оставили в покое. Уже 20 января 1933 г. крайком ВКП(б) своим постановлением обязал районы, не выполнившие плана хлебозаготовок, продолжить сбор зерна. Параллельно с этим началась кампания сбора семян для весеннего сева. Фактически хлебозаготовки в крае продолжались до весны 1933 г. К весенней посевной Северный Кавказ получил из государственных резервов 15,3 млн пудов зерна. В то время, когда у колхозов забиралось порой последнее, в черноморских портах загружались пшеницей суда, вывозившие ее за границу. В 1932 г., несмотря на тяжелое положение, начинавшийся массовый голод, из страны было экспортировано 18 млн ц хлеба. При валовом сборе в 698,7 млн ц это относительно немного, но был вывезен хлебный паек как минимум 7 млн крестьян. Жители городов, начиная с 1928 г., имели гарантированное снабжение продуктами питания по карточкам («заборные книжки»), а миллионы крестьян голодали. Экспорт хлеба в 1932–1933 гг. принес государству всего 389 млн р., в то же время от продажи лесоматериалов страна получила почти 700 млн, нефтепродуктов – еще столько же. Продажа пушнины в 1933 г. позволила выручить средств больше, чем за вывезенный в том же году хлеб. Таким образом, экспорт зерна не дал крупных валютных поступлений для закупки за рубежом техники и оборудования [23, с. 14].

Данные, приведенные в табл. 1, наглядно показывают, что соотношение валового производства и хлебозаготовок неизменно менялось и оставшийся в деревне хлеб составлял в 1932 г. лишь 48,6% потребности сельского населения.

Таблица 1

**Производство, заготовки и остаток зерновых культур
в Северо-Кавказском крае в 1928–1932 гг., млн ц.**

Год	Валовое производство		Заготовки		Внутридеревенский остаток	
	млн ц	%	млн ц	%	млн ц	%
1928	49,3	100	10,7	21,7	38,6	78,3
1929	52,5	100	17,6	33,5	34,9	66,5
1930	60,1	100	22,9	38,1	37,2	61,9
1931	69,7	100	30,6	43,9	39,1	56,1
1932	35,6	100	18,3	51,4	17,3	48,6

Рассчитано по: *Осколков Е.Н.* Хлебозаготовки и голод 1932–1933 гг. в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991. С.65.

Северо-Кавказский край, являясь одним из основных поставщиков хлеба, вошёл в число регионов с наименьшим количеством хлеба, выданного колхозникам по трудодням. В 1931 г. в колхозах края на трудодень было выдано по 2,5 кг зерна, в 1932 г. – только 1,4 кг [20, с. 67]. Следует отметить, что это

округленная цифра по краю и часть колхозов (особенно на Кубани) не получили зерна вообще. Это в конечном итоге привело к голоду, масштабы и последствия которого трудно поддаются осмыслению. Из 75 районов Северо-Кавказского края голод охватил 44 района. В феврале 1933 г. бюро крайкома вынуждено официально признать «факты прямого голодания в отдельных станицах». Стремясь преуменьшить размах трагедии и всю вину за случившееся еще раз возложить на кулаков, бюро крайкома отнесло 20 районов края к неблагоприятным. Один из главных виновников организованного голода Л. М. Каганович во время своей поездки на Северный Кавказ в ноябре 1932 г. – феврале 1933 г. в своем дневнике вину за голод также перекладывает на кулаков и классовую борьбу: *«Отмечен ряд случаев, когда дети пухнут от голода, когда налицо острое недоедание, а начинают искать и находят зарытыми по 75–100 пуд. хлеба (в ст. Петровской, в ст. Старо-Минской и др.). При допросе глава семьи молчит или говорит: “Нам не привыкать”.*

В ст. Старо-Минской к одной единоличнице поставили для наблюдения агента. Пока он жил 5 дней, семья ничего не ела и была накануне смерти, а когда агента вынуждены были снять, на другой день опять нашли в доме свежий печеный хлеб.

Классовая борьба у кулачества принимает формы изуверского террора: облили бензином и подожгли уполномоченного крайкома, избili и издевались над зам. председателя сельсовета женщиной.

Режут усиленно скот. За последние дни в Староминской зарезали 150 голов скота. Усилился падеж лошадей. Причины – исключительно небрежный уход, так как грубые корма есть, но их не привозят, не делают сечки и т.п. На прошедшем пленуме крайкома некоторые секретари райкомов пытались отмолчаться, а потом выступали формально. Голодовку боялись называть открыто и говорили “эти случаи”...» [2].

Документы о голоде – страшная правда о том времени. «Факты продзатруднений отмечены в районах: Курганском, Армавирском, Новоалександровском, Лабинском, Невинномысском, Ессентукском, Крымском, Анапском, Ейском, Староминском, Кушёвском, Тихорецком, Медвеженском, Новопокровском, Каневском, Краснодарском, Павловском, Кореновском, Майкопском, Вёшенском, Калмыцком, Константиновском и Тимашевском» [10]. По далеко неполным данным в этих районах учтено: опухших от голода – 1742 чел.; заболевших от голода – 898; умерших от голода – 740; случаев людоедства и трупоедства – 10 чел. В голодающих населённых пунктах имеют место случаи употребления в пищу различных суррогатов: мясо павших животных (в том числе сапных лошадей), убитых кошек, собак, крыс и т.п.» [10]. Опираясь на циничные строки официальных документов и кричащие строки воспоминаний, историки, обществоведы должны попытаться дать объективную оценку прошлому, ответить на вопросы: «Как это было?», «Почему это могло случиться?»...

В документах ОГПУ содержалась информация, что в отдельных населённых пунктах ряда районов Северо-Кавказского края отмечается обострение продзатруднений. Так в отчётном политдонесении политотдела Новопластуновского МТС за период с 16 января по 16 ноября 1933 г., в частности,

говорилось: «...план 1933 г. выполнен не был. Это был период саботажа, организованного кулачеством в первую очередь вокруг вопроса о хлебозаготовках. Массовое расхищение урожая, в частности кукурузы, укрытие его в ямы, ожесточенная агитация за несдачу хлеба государству, пропаганда воровства, ярко выраженная в кулацком лозунге “не ворующий, не ест” – вот характерная обстановка хлебозаготовок прошлого года.

С первых же дней работы Политотдела пришлось окунуться с головой в работу по разгрому саботажа, руководить комсодами искать и раскрывать ямы.

Под непосредственным руководством Политотдела в станицах нашей МТС вскрыто 887 ям» [11, л. 223–225].

Несмотря на строгую цензуру и контроль со стороны государства и карательных органов, высказывания, приводимые в этом документе, достаточно откровенны: «...несмотря на общее одобрение закона о хлебозаготовках, массы колхозников не верили в то, что он будет действительно твердым законом: “Да это вы только сейчас так говорите, чтобы посеяли и убрали, а как убирать будем, опять по-старому будет – встречные да перевстречные и опять нам ничего не достанется”» [11, л. 223–225].

Тексты этих документов просто и буднично отражают страшные последствия деятельности комиссии Л. М. Кагановича. «Правления колхозов ежедневно были осажены колхозниками – просителями о выдаче “хоть чего-нибудь, что можно было есть”, – сообщает политдонесение. И правление колхозов скупно выдавало на 2–3 дня то, что имели: кислую капусту, березку и куколь, заменявшие хлеб. Значительная часть колхозников от длительного недоедания и питания суррогатом была пухлая. 1300 чел. по району деятельности МТС в эти предвесенние месяцы и первые весенние (3–4) вымерли. Причем большей частью взрослые мужчины и старики. Женщины оказались выносливее». «Голод обрекал на крайние действия. Сильно было развито воровство продуктов питания. Ворovali в колхозах, ворovali друг у друга, у соседей – капусту, картошку, коров, птицу и даже лошадей. Доходило до воровства у заместителей начальников политотделов» [11, л. 237].

Ужас голодных лет раскрывают воспоминания переживших это время. «В первый колхозный год расчет годовой был прост. Выдали в конце года по 9 пудов = 144 кг зерна на едока. Этого было явно недостаточно. Считается нормальным 300 кг зерна в год на каждого члена семьи. На второй год (на трудодень) выдали и того меньше. А уж на третий колхозный наша семья, 9 человек получила всего 4 мешка ржи, это около 300 кг, т.е. что надо иметь на одного человека, – вспоминает И. И. Ермаков, проживавший в Белоглинском районе. – В 1932 г. наша семья получила за целый год работы в колхозе всего лишь 1 мешок (40 кг) кукурузы в кочанах. Народ остался без хлеба совершенно. А сверху, из Москвы, шли приказы за приказами в район, в колхозы: «Хлеб, хлеб, хлеб, немедленно и весь». Разумеется, с угрозами, за невыполнение суд, расстрел. И пошли по дворам комиссии содействия, т.е. комсоды, во главе с представителями райкома, крайкома, политотдела МТС. Они обшаривали каждый закоулок, заглядывали в кувшины, рылись в туалетах, искали ямы, лазали за портретами и иконами. Грабили все подряд: фасоль, горох, коноплю, тыквенные, огуречные, дынные семечки. Всё, что можно было подогнать под рубрику “зерно”» [13].

Результатом чрезвычайных мер, использованных при хлебозаготовках, стал разразившийся зимой с 1932 г. на 1933 г. страшный голод. Люди падали на дорогах, умирали на ходу от дистрофии. Похороны были обычным явлением каждого дня. «В отдельных станицах умирали целыми семьями, – пишет очевидец. – Ели собак, собирали дохлых ворон вдоль дорог, лазали по мерзлым полям в поисках колосков или кочанов кукурузы. Ели дохлых курей. Были случаи и людоедства...

Люди, в основной массе, выжили в нашем селе только за счет картофеля с огородов. При всех повальных обысках картофель не реквизировался, а также капуста, огурцы, помидоры, лук, чеснок, морковь.

С наступлением весны появилась надежда. Для посевной в 1933 г. государство выделило семена. На полях появились маломощные колесные трактора. Но их было мало. Лошади, переживавшие на одной половине, были слабы. Привлекали к работе индивидуальных коров колхозников. Обучили их ходить в ярме, на них пахали и сеяли. Корова тоже получала трудовую книжку, ей начисляли трудодни, и на них выдавали муку так же, как и людям» [13].

С. В. Никифоров, отправленный в 1933 г. в станицу Староплатнировскую для организации на Кубани пропагандистской работы, вспоминает такой случай. «На следующий день я получил большую булку хлеба на дорогу. Пришел в контору к счетоводу колхоза и стал укладываться. Счетовод жадно смотрел на хлеб. Он был уже пухлый. Он вышел в коридор, а я подумал и решил отдать ему хлеб. У него и дети были пухлые. Я позвал его в комнату и говорю, что уезжаю в район, потом в Ростов, так что я буду скоро дома, поэтому столько хлеба мне не нужно. Я отрезал кусочек, а остальное отдал ему. Он вдруг весь задрожал и упал на колени, стал целовать мои сапоги и говорить: “Простите меня, простите меня, пожалуйста, я хотел вас зарезать, зарубить топором и забрать хлеб, простите меня”» [15, с. 101].

Голод и смерть многих заставляли усомниться в правильности самой коллективизации либо в методах ее осуществления. Эту мысль в своих воспоминаниях высказывает И. Л. Полежаев, работавший в феврале 1933 г. директором Уманского (Ленинградского) педтехникума. «26.02.1933 г. В станице голод. Мне поручили провести собрание колхозников в к-зе им. Зубрицкого. Явился человек 15 худых, изможденных женщин. Лица, словно с икон. Согласны со всем и все делать. Но и “трэба хочь крохы хлиба, йисты ничого”. Думаю, а как же дети? Да, коллективизация дается дорогой ценой. Новый путь жизни должен вытеснить все старые привычки, формы хозяйства, весь уклад жизни, выработанный веками. А как сделать это в течение года или нескольких лет, когда все прикипело к человеку в течение многих веков и находится у него в крови?» [16, с. 53].

«7 марта 1933 г. У нас ЧП. Когда шли на подсобное хозяйство, растянулись цепочкой по улице, на двоих учащихся, несших хлеб (2–3 булки), напали какие-то люди, выскочившие из камыша. Ученики отстали от нас на 200–300 м, находились за поворотом в низине, и их крик мы не слышали. Напавшие выхватили хлеб у них и скрылись в камыше. Когда мы прибежали на место происшествия, ничего уже не смогли сделать, и было поздно. Перед нами стояли две плачущие девушки. Все говорят, что это какие-то голодные люди, станичники, подметившие, как мы ходили на подсобное хозяйство со своим хлебом.

Да, голод, действительно, не тетка. Мы остались без ужина, а кто-то, может, спас себя и детей от голодной смерти. Не жалко, а грустно, тяжело стало. В голову невольно вкрадывается мысль: “А почему все это так? А не слишком ли это дорогая цена за сплошную коллективизацию?”» [16, с. 57].

Демографическая статистика 1930-х гг., хотя и является не вполне объективной, позволяет судить о характере демографических процессов в период голода 1932–1933 г. В 1933 г. в стране не было естественного прироста, население сократилось на 1 315,2 тыс. чел. Доля городского населения составила 28,5%, сельского – 71,5% [26].

Однако в европейской части РСФСР убыль городского населения была выше, чем сельского. Основная причина – снижение рождаемости в городах в результате отрицательных последствий экономической политики, главным из которых был голод. Масштабы убыли городского населения на Северном Кавказе в 1933 г. составили 2,5%. Только две территории по этому показателю превосходили Северный Кавказ – Нижняя и Средняя Волга, где численность городского населения сократилась соответственно на 4 и 2,9% [26, с. 20]. Хотя общая убыль сельского населения в европейской части РСФСР была ниже, чем городского, она распределялась крайне неравномерно. Основная доля падает на Нижнюю Волгу и Северный Кавказ, где большая убыль населения стала прямым следствием голода в этих регионах. Именно эти территории внесли основной вклад в общую убыль населения по европейской части РСФСР. При этом доля Северного Кавказа составила более 50% (табл. 2).

Пик убыли населения пришелся на середину 1933 г. В Северо-Кавказском регионе в 1933 г. родились 138 861 чел., умерли 416 664 чел. Таким образом, смертность втрое превышала рождаемость, причем 75,5% умерших составляли сельские жители [26, с. 21].

Таблица 2

Численность населения Северного Кавказа и РСФСР в 1933 г., тыс. чел.*

Название территории	По подсчетам ЦУНХУ			По подсчетам УНХУ		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
Северный Кавказ	2510,5	7222,7	9733,2	2571,9	6801,4	9373,8
РСФСР	26510,5	76322,4	102832,9	26410,0	72170,6	98580,6
	Естественный прирост					
Северный Кавказ	-63,9	-227,1	-291,0	-63,8	-214,0	-277,8
Европейская часть РСФСР	-232,4	-68,1	-300,5	-230,8	-66,4	-297,2
РСФСР	-261,0	165,2	-5,8	-247,9	32,7	-215,2

* Разница в данных, приводимых в отчетах УНХУ и ЦУНХУ, обусловлена тем, что отчеты местных УНХУ охватывали не все население, а в ЦУНХУ высчитывались так называемые доисчисленные данные, т.е. распространяемые на всю территорию показатели в соответствии с недостающими процентами охвата.

Источник: *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 17–26.

Весной 1933 г. о голоде стало известно и за границей. В нашей же стране это было долгие годы закрытой темой. И. И. Алексеевко предполагает, что в станицах «особо неблагоприятных районов» число умерших от голода колебалось от 40 до 60%, а в отдельных местах и более [19, с. 49].

На основе косвенных данных английский историк Р. Конквест, предположил, что в 1932–1933 г. от голода в СССР погибли 7 млн чел., в том числе до 1 млн чел. на Северном Кавказе (из них около 80% смертей приходится на северо-западные районы Кубани) [22, с. 89]. По подсчетам ЦУНХУ, общее число смертей, попадавших в общегражданскую регистрацию, составило в 1933 г. около 5,7 млн чел. Но и эти данные неполные. Если учесть не отраженную в статистике убыль населения, то эта цифра составляла 6,7 млн чел., а число жертв голода среди этих умерших – примерно 50%, т.е. более 3 млн чел. [26, с. 21, 23].

Несмотря на мощную систему карательных органов, преследовавших инакомыслящих и сомневающихся в правильности государственного курса, молчали не все. Были честные люди, не боявшиеся сказать правду. История сохранила множество фактов, когда советские и партийные руководители выступали в защиту крестьян-колхозников, выдавали голодающим хлеб, обращались с критикой в руководящие органы, хотя могли поплатиться за это свободой и жизнью. В их числе известный советский писатель М. А. Шолохов, отправивший 4 апреля 1933 г. письмо И. В. Сталину, в котором рассказывал о чудовищных злоупотреблениях, допущенных при изъятии хлеба у колхозников*. Характеризуя методы, применявшиеся при сборе хлеба, Михаил Александрович отмечал, что, выдвигая заведомо невыполнимые планы, лица, ответственные за сбор хлеба, ставили земледельца сразу в безвыходное положение. Колхозник не мог их выполнить, и маховик репрессивных мер начинал раскручиваться: исключение из колхоза, продажа движимого и недвижимого имущества для выплаты задолженностей, определяемых составляемых произвольно, выселение. Но это было еще не всё.

«...Было официально и строжайше воспрещено остальным колхозникам пускать в свои дома ночевать или греться выселенных. Им надлежало жить в сараях, в погребках, на улицах, в садах. Население было предупреждено: кто пустит выселенную семью – будет сам выселен с семьей. И выселяли только за то, что какой-нибудь колхозник, тронутый ревом замерзающих детишек, пускал своего выселенного соседа погреться. 1090 семей при 20-градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице. Днем, как тени, слонялись около своих замкнутых домов, а по ночам искали убежища от холода в сараях, в мякинниках. Но по закону, установленному крайкомом, им и там нельзя было ночевать! Председатели сельских советов и секретари ячеек посылали по улицам патрули, которые шарили по сараям и выгоняли семьи выкинутых из домов колхозников на улицы.

* Несмотря на то, что М. А. Шолохов, проживавший в станице Вешенской, приводит факты по донским районам, примеры показательны. Донские земли вместе с кубанскими входили с 1934 г. в состав Азово-Черноморского края, разделенного в 1937 г. на Ростовскую область и Краснодарский край, а методы борьбы с «саботажем» всюду были одинаковы.

Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти: в хут. Волоховском Лебяженского колхоза ночью, на лютном ветру, на морозе, когда даже собаки прячутся от холода, семьи выкинутых из домов жгли на проулках костры и сидели возле огня. Детей заворачивали в лохмотья и клали на оттаявшую от огня землю. Сплошной детский крик стоял над проулками. Да разве же можно так издеваться над людьми?» [18, с. 14].

«Число замерзших не установлено, т. к. этой статистикой никто не интересовался и не интересуется; точно так же, как никто не интересуется количеством умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и “цветов жизни” после двухмесячной зимовки на улице, после ночевки на снегу уйдут из этой жизни вместе с последним снегом. А те, которые останутся в живых, будут полукалеки».

«Но выселение – это еще не самое главное. Вот перечисление способов, при помощи которых добыто 593 т хлеба: 1) Массовые избиения колхозников и единоличников; 2) Сажание “в холодную”. “Есть яма?” – “Нет”. – “Ступай, садись в амбар!” Колхозника раздевают до белья и босого сажают в амбар или сарай. Время действия – январь, февраль, часто в амбары сажали целыми бригадами; 3) В Ващавском колхозе колхозницам обливали ноги и подола юбок керосином, зажигали, а потом тушили: “Скажешь, где яма? Опять подожгу!” В этом же колхозе допрашиваемую клали в яму, до половины зарывали и продолжали допрос; 4) В Варваринском колхозе секретарь ячейки Аникеев на бригадном собрании заставил всю бригаду (мужчин и женщин, курящих и некурящих) курить махорку, а потом бросил на горячую плиту стручок красного перца (горчицы) и приказал не выходить из помещения. Этот же Аникеев и ряд работников агитколонны, командиром коей был кандидат в члены бюро РК Пашинский при допросах в штабе колонны принуждали колхозников пить в огромном количестве воду, смешанную с салом, с пшеницей и с керосином; 5) В Лебяженском колхозе ставили к стенке и стреляли мимо головы допрашиваемого из дробовиков» [18, с. 15].

М. А. Шолохов приводит 16 таких примеров, отмечая, что «их можно бесконечно умножить, но это не отдельные случаи персгибов – “узаконенный в районном масштабе метод проведения хлебозаготовок”. ...Обойти молчанием то, что в течение трех месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах, нельзя. Только на Вас надежда. Простите за многословность письма. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу “Поднятой целины”». Показателен в этом отношении и ответ И. В. Сталина от 6 мая 1933 г.

«Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите не плохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили “итальянку” (саботажи) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию – без хлеба. Тот факт, что

саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели “тихую” войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов.

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безобразиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали. Ну, всего хорошего и жму Вашу руку. Ваш И. Сталин» [18, с. 22].

Ситуация в городе была не намного лучше. Так, очевидец этих событий писатель Василь Барка в своей статье «Кубанский холокост» писал: «Начиналось в Краснодаре с того, что закрыли отдельные столовые, например для научных работников, где мы с женой могли питаться... Доступными оставались всего два или три ресторана, в которых можно было получить кукурузный суп, совсем редкий, голубоватого цвета. Хлеб покупали по карточкам: 450 г, ничего больше. Знакомые, кто бывал в станицах, посещая родственников, рассказывали: что там все съедобное “выметают под метелку”...»

Люди начинали умирать. Кто был покрепче, уходил к городу. Каждый день мы с женой видели их длинные безнадежные очереди у продовольственных магазинов, где им ничего не давали, как и нам, – на полках было пусто. Настала зима, и они обессиленные ложились в смеси грязи и снега: на кирпич тротуаров, под витринами магазинов, или в подворотнях; а на площади возле вокзала – повсюду: на мостовую и на боковые травники в скверике. Там и умирали...

Умирали также под стенами Торгсина, полного хороших продуктов; там были всяческие деликатесы из мяса и молока, особые сорта сыра, в консервах рыба и овощи, зерно (например, я за серебряную родительскую ложку старого времени, показав ее в кассу и получив билет, получил пакетик пшена)» [14, с. 65–66].

Однако и в городах голодные крестьяне не находили спасения, да и возможность попасть туда была недолгой. Начинается наступление и на миграцию в города. 27 декабря 1932 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о введении в стране единой паспортной системы в целях «лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов». Крестьянам паспортов не полагалось, что сделало их самой бесправной категорией населения. Крестьянин, вынужденный жить там, где он родился, стал по сути тем же крепостным, только в новой социально-экономической системе.

В это же время начинается и заселение обезлюдевших станиц. 20 декабря 1932 г. Реввоенсоветом Союза за подписью заместителя наркома обороны М. Н. Тухачевского была принята секретная директива № 97299 о порядке вербовки, отбора и отправки красноармейцев в Полтавскую и другие станицы.

Особо указывалось, что отбор должен проводиться из числа «добросовестных колхозников, хозяйства которых находятся на неудобных

землях и в условиях малоземелья». Уроженцы Северного Кавказа и Украины вербовки не подлежали. В составе завербованных должно было быть не менее 40% «тщательно проверенных» членов и кандидатов партии и 20% комсомольцев. С ними проводилась соответствующая идеологическая работа: беседы об экономике Северо-Кавказского края, о роли казаков при царизме и Советской власти, о политике партии в вопросах колхозного строительства.

Завербованные красноармейцы получали и материальные преимущества – снабжались обмундированием, дополнительным окладом, 100 р. подъемных и питанием на время следования. Это преследовало одну цель – красноармейцы не должны были усомниться в правильности проведения политики коллективизации.

Большое внимание уделялось и переселению семей красноармейцев, поскольку только с приездом семьи можно было надеяться на закрепление переселенцев. По семьям можно проследить и территории выхода мигрантов, так как они дают характеристику проживания красноармейцев до призыва в армию. В итоговой сводке Главного управления РККА от 9 февраля 1933 г. приводились следующие данные численности семей переселенцев: намечалось к перевозке 1 016 семей, из них по округам: МВО – 377, ЛВО – 150, ПриВО – 225, БВО – 236, УВО – 28 [29, с. 39].

Многие переселенцы были искренне рады тому, что попали на Кубань. Их восторженные письма сохранились в архивах.

«Я попал туда, куда мечтал давно. Вот тут и есть, как мне кажется, и настоящая жизнь... Если пожелаете работать и пить виноградное вино, то просим, пожалуйста» [29, с. 40].

«Квартира хорошая, огород большой, очень хорошие сады. В избе у нас есть русская печь, топим дубовыми дровами... В нашем доме было оставлено 3 стола, койка деревянная, комод для белья, шкафчик для посуды... хорошая собака, кошка, скамеек 4 штуки – не такие, как у нас, а лучше много раз, а богов и икон так много, что печки топим» [29, с. 40].

«Наша задача не только постронть образцовые колхозы на Кавказе, а доказать всем трудящимся, как мы красноармейцы умеем работать. В условиях Кавказа всего можно добиться. Нужно иметь только старание и желание работать» [3, л. 27].

Отчеты и докладные записки политотдела МТС за 1933 г., сохранившиеся в ЦДНИКК, содержат сведения организационного и хозяйственного характера о красноармейских переселенцах. Так, в политдонесении № 6 от 26 декабря 1933 г. начальника политотдела Новопластуновской МТС Гатина говорится, что при колхозах «Молот» и «Заря революции», расположенных в станице Старолеушковской, организованы 3 полеводческие бригады из переселенцев-красноармейцев. В колхозе «Молот» укомплектованы красноармейцами-переселенцами 2-я и 3-я бригады. Во 2-й бригаде 28 красноармейских семей и 17 семей родственников, в 3-й бригаде того же колхоза 24 семьи красноармейцев и 18 семей родственников, в 3-й бригаде колхоза «Заря Революции» 29 семей красноармейцев и 15 семей родственников. Соответственно трудоспособных 89, 79 и 96 чел. [12, л. 280].

Переселенческие семьи обеспечивались квартирами, частично продуктами питания. Недостатки в устройстве и снабжении зачастую вызывали у

переселенцев отрицательные настроения. Имелись случаи бегства. Почти все красноармейцы-одиночки ушли обратно. Среди переселенцев, отмечает источник, шли и такие разговоры: «Если на Кубани будет плохо, то сбежим, а там что будет» [3, л. 36].

Эти настроения были следствием не только хозяйственных и бытовых проблем, но и психологического климата, который складывался вокруг переселенцев. Имели место случаи запугивания женщин-переселенцев разговорами о голоде, о малярии и т.д.

«Мы тут подышаем с голода и от малярии, и с вами то будет» [12, л. 280].

«... Вы приехали на голодную смерть, с казаками не уживетесь, уезжайте обратно и т.п.» [3, л. 20].

«В ст. Васюринской переселенцу Коновалову была подброшена анонимка следующего содержания: "... Если будешь жить тут, то приду и убью". В ст. Крыловской 31.10. возле дома переселенца Артеменко был произведен выстрел сыном кулака, высланного на Север, пытавшегося затем ворваться в дом переселенца...» [3, л. 28].

«Хорошей жизни Вам на Кубани не будет, придется умирать от голода и малярии, выезжайте обратно (ст. Тимашевская, ст. Поповическая)» [3, л. 37].

Вместе с тем переселенческая политика к концу 1933–1934 г. принимает более масштабные формы. 11 ноября 1933 г. ЦК ВКП(б) издал постановление о заселении Северного Кавказа семьями демобилизованных красноармейцев. В начале декабря 1933 г. пришли первые эшелоны с переселенцами, их численность составила 31 458 чел., в том числе 16 997 мужчин [27, с. 79]. Из них в станицу Медведовскую прибыло 500 семей, в станицы Троицкую и Голубицкую – примерно 200 семей, 136 семей поселилось в Старомышастовской. Переселенцы приезжали с Урала, центральных областей России, из южнорусских и украинских областей. К середине декабря 1933 г. на Кубань «прибыло 105 эшелонов с общим числом переселенцев 38 504 чел., из них мужчин – 19 499 чел., женщин – 11 388 чел., детей – 7 617 чел. В числе прибывших: коммунистов – 4 201 чел., комсомольцев – 3 527 чел.» [3, л. 26]. Вместе с тем ответственные за переселение отмечают, что за октябрь–декабрь 1933 г. сбежало из мест вселения 1084 чел., из них 981 чел. – одиночки [3, л. 28]. На 1934 г. планировалось вселение еще приблизительно 50 тыс. семей. Однако добровольно-принудительный характер этих мероприятий имел соответствующие последствия: с июля 1934 г. началось массовое бегство красноармейцев-переселенцев из Азово-Черноморского края, достигшее к осени уровня 30% и получившее название «обратничества» [27, с. 80]. Одновременно осуществлялось переселение на Кубань целых колхозов из Ростовской области и Ставропольского края [24, с. 27].

По воспоминаниям И. Л. Полежаева, жителя станицы Уманской, только приезд переселенцев спас полное уничтожение станицы. *«Станица немного оживла. Правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы – белорусы, народ крепкий, надежный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд равносителен вливанию крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете. Своими собственными глазами увидел я эту агонию. Боль и ужас в сердце»* [16, с. 57].

Во второй половине 1930-х гг. помимо административных мер,

стимулировавших переселение на Кубань, важную роль играл такой фактор, как экономически более благоприятная обстановка. На Кубань прибывали переселенцы из Ростовской, Воронежской, Орловской, Курской и других южнорусских областей [16, с. 127]. В результате добровольно-вынужденной и добровольной миграции перемещений доля русского населения в регионе значительно увеличилась.

Несмотря на компенсационные переселения, численность населения края, как, впрочем, и всей страны, существенно уменьшилась. Смерть людей репродуктивного возраста, высокая детская смертность существенным образом повлияли на численность населения Кубани, которая не смогла восстановиться и к концу 1930-х гг. Не подлежит сомнению, что это сказывалось на общем состоянии страны, подрывало ее потенциал, не говоря уже о психологическом состоянии населения районов, охваченных голодом, бессилием, подавленности, страхе и т.п. Речь идет не о сотнях и тысячах погибших от голода и репрессий, а о гораздо большем числе человеческих жизней.

Деревня была окончательно сломлена, но количество мнимых врагов не уменьшалось. Репрессивная машина набирала обороты. Впереди был 1934 г. – гибель С. М. Кирова и последовавшие за ней массовые политические репрессии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. О ходе хлебозаготовок: Постановление бюро Северокавказского крайкома ВКП(б) от 16.12.1932 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2277. Л. 115–116 // <http://www.pseudology.org/>

2. Из краткой записи дневника о поездке Л. М. Кагановича на Северный Кавказ (ноябрь 1932 г. – февраль 1933 г.) // РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 215. Л. 74 // <http://www.pseudology.org/>.

3. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32.

4. Спецсводка № 7 Секретно-политического отдела ОГПУ о выполнении плана хлебозаготовок в Северо-Кавказском крае от 15 декабря 1932 г. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 324–327 // <http://www.pseudology.org/>.

5. Спецсводка № 9 Секретно-политического отдела ОГПУ о репрессиях в связи с хлебозаготовками в Северо-Кавказском крае на 20 декабря 1932 г. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 380–383 // <http://www.pseudology.org/>.

6. О ходе выселения из станицы Полтавской Северо-Кавказского края: Спецсообщение № 1 секретно-политического отдела ОГПУ от 29.12.1932 // ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 402 // <http://www.pseudology.org/>.

7. Об итогах выселения из районов Кубани: Спецсообщение № 7 Секретно-политического отдела ОГПУ от 31.12.1932 // ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 514. Л. 403–406 // <http://www.pseudology.org/>.

8. Записка по прямому проводу ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Г. Г. Ягоде о репрессивных действиях в отношении населения станицы Полтавская от 8 ноября 1932 г. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 896. Л. 77–78 // <http://www.fstaniitsa.ru/>.

9. Записка по прямому проводу ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю заместителю председателя ОГПУ Г. Г. Ягоде об оперативных мероприятиях ОГПУ

- на Кубани // ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 896. Л. 84 // <http://www.fstanitsa.ru/>.
10. Информация Секретно-политического отдела ОГПУ о голоде в районах Северо-Кавказского края от 7 марта 1933 г. // ЦА ФСБ РФ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 42. Л. 62–64 // <http://www.pseudology.org/>.
11. Отчётное политдонесение Политотдела Ново-Пластуновского МТС за период с начала работы, т.е. с 16 января по 16 ноября 1933 г. // ЦДНИКК. Ф. 80691. Оп. 1. Д. 4.
12. Политдонесение № 6. // ЦДНИКК. Ф. 80691. Оп. 1. Д. 4. Л. 280.
13. Отклики и воспоминания на статью И.И. Алексеенко // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 34–39.
14. *Барка В.* Кубанский холокост // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3.
15. Воспоминания Сергея Васильевича Никифорова // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3.
16. Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы, ст-ца Уманская) // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3.
17. О ходе хлебозаготовок и сева по районам Кубани: Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 04.11.1932 // Молот. 1932. 5 нояб.
18. Шолохов и Сталин. Переписка начала 30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 3.
19. *Алексеенко И.И.* Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX века. Краснодар, 1993.
20. *Белозёров В.С.* Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005.
21. *Данилов В.П.* Сталинизм и советское общество // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Матер. II регион. науч. конф. Краснодар, 2004.
22. *Конквест Р.* Жатва скорби: Советская коллективизация и террор голодом. Лондон, 1988.
23. *Кропачев С.* Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории края 30–40-х годов. Краснодар, 1993.
24. Население России в XX в.: В 3 т. - Т. 1. М., 2000.
25. *Осколков Е.Н.* Голод 1932/1933 года. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов н/Д, 1991.
26. *Осокина Е.А.* Жертвы голода 1933 г.: сколько их? (Анализ демографической статистики ЦГАНХ СССР) // История СССР. 1991. № 5. С. 17–26.
27. *Полян П.М.* Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М.: О.Г.И. – Мемориал, 2001.
28. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1989.
29. *Тархова Н.С.* Участие Красной Армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932/1933 г. (по материалам РГВА) // Голос минувшего: Кубанский исторический журнал. 1997. № 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН – Библиотека Академии наук.
ГАКК, Государственный архив Краснодарского края.
ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека Российской Федерации.
ДАКК – Державний архів Краснодарського краю.
ІР НБУВ – Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського.
КГИАМЗ – Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына.
КГУКИ – Краснодарский государственный университет культуры и искусств.
ККВ – Кубанское казачье войско.
КК-РКИ – Контрольная комиссия – Рабоче-крестьянская инспекция.
КубГУ – Кубанский государственный университет.
ЛНВ – Літературно-науковий вісник.
МГУ – Московский государственный университет.
МТС – Машинно-тракторная станция.
НАНУ – Национальная академия наук Украины.
ОГПУ – Объединённое государственное политическое управление.
ОНО – Отдел народного образования.
пгт – посёлок городского типа.
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
РГАЭ – Российский государственный архив экономики.
РГБ – Российская государственная библиотека.
РДК – Районный дом культуры.
РНБ – Российская национальная библиотека.
СКНИИЖ – Северо-Кавказский научно-исследовательский институт животноводства, пос. Знаменский Краснодарского края.
СМОМИПК – Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа.
СНК СССР – Совет народных комиссаров СССР
УСБУ – Управління Служби безпеки України.
ЦАУ – Центральне архівне управління.
ЦА ФСБ РФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации.
ЦГАНХ СССР – Центральный государственный архив народного хозяйства СССР.
ЦДАВО – Центральный державний архів вищих органів влади та управління України.
ЦДАГО України – Центральный державний архів громадських об'єднань України.
ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края.
ЦК ВКП(б) – Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ШКМ – школа молодёжи.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

О. В. Духнович.....	42
Свято-Троицкий собор в Новомосковске (Самаре) Екатеринославской губернии.....	92
Старый войсковой собор в Екатеринодаре	92
Типы хат Кубанской области	108
Образцы народной архитектуры в Музее народной архитектуры, искусства и быта в Пирогово, к юго-западу от Киева.....	109–110
Малороссийская шляхетная девица	119
Малороссийская сельская девица в свитке.....	119
Украинская девушка. Художник С. Васильковский	120
Гербы муниципальных образований Краснодарского края.....	157–159
П. Реутов (Киев) и Ю. Работин (Одесса). Краснодар, 16 марта 2008 г.	160
Посадка вербы у памятника Т. Шевченко. Слева направо: П. Реутов, В. Захарченко, С. Осецкий. Краснодар, 16 марта 2008 г.	160
Председатель Одесской региональной организации журналистов Ю.А. Работин вручает В. Г. Захарченко памятную медаль лауреата конкурса «Українська мова – мова єднання козацької держави». 16 марта 2008 г.	161
Концерт Кубанского казачьего хора, посвященный 70-летию В.Г.Захарченко... 162	162
Обложка архивного дела и фрагмент переписи Черноморского казачьего войска. 1793 – 1794 гг.	255–256
Удостоверение об окончании школы II ступени, станица Славянская, 1930 г. ...	309
Урок в лаборатории Тимашевской опорной школы. Агрокомбинат. 1928 г.	310
Красный обоз муки в станице Екатерининской. 03.11.1929 г.	310
Курсы военной подготовки учителей Ильского куста 3–5 мая 1932 г.	311
Постановление Армавирского райкома ВКП(б) о мерах в связи с занесением станции Урупской на черную доску. 26 декабря 1932 г.	323
Постановление Тихорецкого райкома ВКП(б) о выселении из станиц района кулацко-зажиточных хозяйств. 28 ноября 1932 г.	324
Постановление Каневского райкома ВКП(б) о ходе хлебозаготовок в районе и применении репрессивных мер в станице Стародеревянковской, занесенной на черную доску. 27 декабря 1932 г.	324
На обложке воспроизведена репродукция картины К. А. Трутовского «Кобзарь над Днепром».	
На обороте обложки: «Кобзарь с мальчиком-поводырем». Фрагмент памятника Екатерине II в Краснодаре. Автор академик М. О. Микешин. Фото С. В. Самовтора.	

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авраменко Анатолий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент КубГУ, член Научного общества имени Шевченко (Украина), г. *Краснодар*, avramenkoam@ Rambler.ru

Билый Дмитрий Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент Донецкого юридического института МВД Украины при Донецком национальном университете, г. *Донецк, Украина*.

Бондарь Виталий Вячеславович – кандидат исторических наук, директор Западно-Кавказского НИИ культурного и природного наследия ИТЦ «Кубань - Юг», г. *Краснодар*, bonvita@yandex.ru

Гангур Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории культуры КГУКИ, г. *Краснодар*, gansko@mail.ru

Грибовский Владислав Владимирович – кандидат исторических наук, исполнительный директор Института общественных исследований, г. *Днепропетровск, Украина*, puradyn@ukr.net

Грушевский Дмитрий Владимирович – ведущий документовед Научно-издательского центра КГУКИ г. *Краснодар*.

Дудко Виктор Иванович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАНУ г. *Киев, Украина*.

Иванцов Игорь Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент Филиала Майкопского государственного технологического университета в пос. Яблоновский (Адыгея).

Кириянова Оксана Васильевна – заведующая отделом редкой книги Краснодарской краевой научной библиотеки им. А. С. Пушкина, г. *Краснодар*.

Климчук Фёдор Данилович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела диалектологии и лингвогеографии Института языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, председатель Западнополесского научно-краеведческого общества «Загородье», г. *Минск, Беларусь*, fdk@tut.by

Кольчева Людмила Наумовна – советник 2-го ранга Международной комиссии в Украине по урегулированию неправительственных споров (Международный арбитраж), член «Громадської ради» при Администрации Одесской области, директор благотворительного фонда «Рождество милосердия», автор и руководитель проекта создания музейно-выставочного комплекса «Козацька спадщина», г. *Одесса, Украина*, kolcheva06@mail.ru

Кульчицкий Станислав Владиславович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории Украины НАН Украины по научной работе, заслуженный деятель науки и техники Украины, лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники, г. *Киев, Украина*.

Мионов Владимир Леонидович – кандидат филологических наук, представитель Международного фонда «Армия милосердия» в России, издатель, директор ООО «Пересвет», г. *Краснодар*.

Муртузова Зинаида Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент Южного института менеджмента, г. *Краснодар*.

Нагаевский Владимир Викторович – член Геральдической комиссии при главе Администрации Краснодарского края, действительный член Геральдического

общества Российской Федерации. г. *Тихорецк Краснодарского края*, pagaevskiy@mail.ru

Осецкий Святослав Иванович – кандидат биологических наук, заведующий Центром повышения квалификации и консультационной деятельности СКНИИЖ, ведущий научный сотрудник отдела кормоводства и луговодства СКНИИЖ, член Научного общества имени Шевченко. г. *Краснодар*.

Полторац Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, г. *Одесса, Украина*. li5k@ukr.net

Пукиш Владимир Степанович – исследователь украинской культуры, соискатель кафедры русского языка Адыгейского государственного университета. г. *Анапа Краснодарского края*. fanagoria@fanagoria.ru

Ракачѳ Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории и социологии КубГУ, директор Центра этносоциальных и демографических исследований. soccenter@kubannet.ru, midav.sf@gambler.ru

Самовтор Сергей Владимирович – главный специалист ГАКК. г. *Краснодар*. sergej-samovtor@yandex.ru

Саложников Игорь Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины. г. *Плѳчѳвск Одесской области, Украина*.

Скибницкая Ирина Михайловна – соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории КубГУ, председатель Краснодарской краевой общественной организации «Содружество Кубань-Украина». г. *Краснодар*. kroje@mail.ru

Слуцкий Аркадий Иосифович, кандидат педагогических наук, профессор КГУКИ, член Научного общества имени Шевченко, заслуженный работник культуры Адыгеи. г. *Краснодар*. aiskiev@yandex.ru

Тернавский Николай Александрович – кандидат исторических наук, ст. *Елизаветинская Краснодарского края*.

Фролов Борис Ефимович, заведующий отделом истории КГУИМЗ. г. *Краснодар*.

Хлынина Татьяна Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. г. *Майкоп*. tatiana_xl@mail.ru

Чумаченко Виктор Кириллович, кандидат филологических наук, профессор КГУКИ, член Научного общества имени Шевченко, заслуженный работник культуры Кубани в Украины. г. *Краснодар*. vchum@gambler.ru

Чурсина Валентина Ивановна, доктор исторических наук, профессор КГУКИ, член Научного общества имени Шевченко. г. *Краснодар*.

Чухлий Светлана Александровна, аспирантка исторического факультета Харьковского национального университета им. В. П. Каразина. г. *Харьков, Украина*.

Шаповалова Алла Витальевна, генеральный директор ООО Академия сценического костюма «Златошвейя», старший научный сотрудник отдела фондов КГУИМЗ им. Е. Д. Фелицына, аспирантка кафедры теории и истории культуры КГУКИ, заслуженный работник культуры Кубани, член Союза дизайнеров России. г. *Краснодар*.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

КУБАНЬ-УКРАИНА: ВОПРОСЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Выпуск 3

Редактор *Е. А. Давиденко*
Художник *Н. Н. Дорофеев*
Технический редактор *О. Н. Мишина*
Корректор *Н. А. Мазена*
Компьютерная вёрстка *Р. А. Селезнёв*

Подписано к печати 20.12.2008 Формат 60×84 1/16

Гарнитура Таймс.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п.л. 20,34 Уч.-изд. л. 29,92

Тираж 500 экземпляров. Заказ № 470

Отпечатано с оригинал-макета в типографии ООО «Картика»:

350059, Краснодар, ул. Морская, 29

E-mail: info@kartika.ru

